

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2022

Том 21. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2022

Volume 21. No. 1

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2022. Vol. 21. No. 1

Academic Periodical

First published in 1998

2 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included into the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index**, **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);

M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);

V.I. Moiseev – Executive Secretary (Volgograd);

K.S. Kovaleva – Assistant Editor (Volgograd);

N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);

V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);

E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);

A.N. Dyachenko (Volgograd)

N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);

V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in the Editorial Board by the decision of the Academic Council of the Volgograd State University due to his outstanding contribution to the Journal’s development

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetzkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc. *M.G. Moshkova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc. *A.M. Oblomskiy* (Moscow); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*, *N.M. Vishnyakova*

Making up *O.N. Yadykina*

Technical editing *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Mar. 15, 2022.

Date of publication: June, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 28.7. Published pages 30.9.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–29).

Order . «C» 12.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2022. Т. 21. № 1

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/ReMeO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – ответственный секретарь (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);
д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);
канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушкино); д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист. наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук *Э.Д. Зиливинская* (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор. РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казанский* (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козинцев* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф. *Л.Н. Корякова* (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц. *В. Кульчар* (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Малашев* (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Моначов* (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргунова* (г. Оренбург); д-р ист. наук *М.Г. Мошкова* (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский* (г. Казань); д-р ист. наук *А.М. Обломский* (г. Москва); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН *Н.В. Полосьмак* (г. Новосибирск); канд. ист. наук *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук *М.Ю. Трейстер* (г. Бонн, Германия); д-р ист. наук, проф. *А.М. Хазанов* (г. Мэди-сон, США); д-р ист. наук, проф. *И.Н. Храпунов* (г. Симферополь)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова*,

Н.М. Вишнякова

Верстка *О.Н. Ядыкиной*

Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 15.03. 2022 г.

Дата выхода в свет: . 2022 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 28,7.

Уч.-изд. л. 30,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).

Заказ . «С» 12.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Шашенов Д.Т.* Керамика из новых курганов тасмолинской культуры 6
- Сиротин С.В.* Курган 5 некрополя «Ивановские I курганы» на Южном Урале: хронология комплексов 21
- Савельев Н.С.* Погребенный курган 23а могильника Филипповка 1 и хронологическое соотношение савроматских и раннесарматских древностей Южного Урала 52
- Окороков К.С.* Предметы одежды в курганах ранних кочевников Южного Приуралья: иконография и погребальная практика (по материалам курганных могильников Филипповка 1 и Филипповка 2) 66
- Блинов И.А., Таиров А.Д.* Химический состав металла медных и бронзовых наконечников стрел могильника Кичигино I 91
- Фёдоров В.К.* Лепные сосудики для воскурений из погребений кочевников Южного Приуралья IV–II вв. до н.э. 119
- Тимофеев А.А., Трейстер М.Ю.* Бронзовый таз из погребения кургана № 1 группы «Богомольные пески Ъ» в Нижнем Поволжье 135
- Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С.* Костяные (роговые) наконечники стрел населения Северного Алтая сяньбийского времени (по материалам комплекса Карбан-I) 155
- Шарапова С.В., Малашев В.Ю.* Хроноиндикаторы I–III вв. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Иртышья 171
- Ярыгин С.А., Илдеряков Н.Н.* Петроглифы «восточного» облика в горах Кайракколь и долине реки Аксу 193
- Перерва Е.В.* Кочевое население Нижнего Поволжья второй половины XIII – XIV в. по результатам палеопатологического исследования 208
- Зубов С.Э., Бужина О.В., Рафикова К.В.* Модели виртуального экспонирования археологического наследия в сети Интернет 244

ПУБЛИКАЦИИ

- Дьяченко А.Н.* Нестандартные погребения ранней бронзы Есауловского Аксая. Некоторые вопросы культурогенеза 255
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Комплекс конской узда из меотского погребения на правом берегу Кубани 267

CONTENTS

ARTICLES

- Beisenov A.Z., Loman V.G., Shashenov D.T.* Ceramics from New Kurgans of the Tasmola Culture 6
- Sirotnin S.V.* Kurgan 5 of the Necropolis “Ivanovskie I Kurgany” in the Southern Urals: Chronology of Complexes 21
- Savelev N.S.* The Buried Kurgan 23a of the Filippovka 1 Necropolis and the Chronological Relationship of the Sauromatian and Early Sarmatian Antiquities of the Southern Urals 52
- Okorokov K.S.* Items of Clothing from the Early Nomadic Kurgans in the Southern Urals: Iconography and Burial Practice (Based on the Materials of Cemeteries Filippovka 1 and Filippovka 2) 66
- Blinov I.A., Tairov A.D.* Chemical Composition of Metal in Copper and Bronze Arrowheads from the Kichigino I Burial Ground 91
- Fedorov V.K.* Small Molded Vessels for Incense from Burials of Southern Subaral Nomads in the 4th – 2nd Centuries BC 119
- Timofeev A.A., Treister M.Yu.* Bronze Basin from the Kurgan No. 1 of the Group “Bogomol’nye Peski I” in the Lower Volga Region 135
- Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S.* Bone (Horn) Arrowheads of the Population of Northern Altai in Xianbei Time (Based on Materials of Karban-I Complex) 155
- Sharapova S.V., Malashev V.Yu.* The 1st – 3rd AD Estimating Finds in the Forest-Steppe Sites of the Tobol and Irtysh Rivers Basin 171
- Yarygin S.A., Ilderyakov N.N.* Petroglyphs of “Eastern” Appearance in the Kairakkol Mountains and the Aksu River Valley 193
- Pererva E.V.* Nomadic Population of the Lower Volga Region Second Half of the 13th–14th Centuries According to the Results of Paleopathological Research 208
- Zubov S.E., Bukina O.V., Rafikova K.V.* Models of Archaeological Heritage Virtual Exhibiting on the Internet 244

PUBLICATIONS

- Dyachenko A.N.* Non-Standard Early Bronze Burials Near the Yesaulovsky Aksay River. Some Issues of Cultural Genesis 255
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I.* Horse Bridle Assemblage from the Maotian Burial on the Right Bank of the Kuban River 267

Юдин Н.И., Соловьев Д.С. Находка кирпича
с надписью на арабском языке
с территории городища Хаджи-Тархан 276

Лапшин А.С., Лапшина И.Ю. Керамика XVIII в.
из материалов археологических разведок
на Царицынской сторожевой линии 286

ПЕРСОНАЛИИ

Гриб В.К. «Я познание сделал своим ремеслом...»
(памяти Михаила Львовича Швецова) 299

Iudin N.I., Soloviov D.S. New Finds
of a Brick with Arabic Inscription
from Hajji Tarkhan Hillfort 276

Lapshin A.S., Lapshina I.Yu. The Eighteenth-Century
Ceramics from Archaeological Explorations
of Tsaritsyn Guard Line 286

PERSONALIA

Grib V.K. “I Made Knowledge Development My Mission...”
(In Memory of Shvetsov Mikhail Lvovich) 299

www.volsu.ru

СТАТЬИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1>

UDC 902(574):903.5
LBC 63.48(5Kaz)-415

Submitted: 09.02.2022
Accepted: 15.04.2022

CERAMICS FROM NEW KURGAN OF THE TASMOLA CULTURE ¹

Arman Z. Beisenov

Begazy-Tasmola Research Center of History and Archeology, Almaty, Kazakhstan

Valeriy G. Loman

Saryarka Archaeological Institute, Karaganda State University named after E. A. Buketov,
Karaganda, Kazakhstan

Darkhan T. Shashenov

Karaganda Regional History Museum, Karaganda, Kazakhstan

Abstract. According to available archaeological materials, there is no earthenware pottery in the Tasmola graves. This feature of the funeral rite was specifically noted in early publications of materials belonging to this culture discovered in 1966. In the 21st century, the available sources of the material significantly expanded, new categories of monuments, including the kurgans of the elite and settlements were discovered. The increased interest in Tasmola ceramics can be explained by the fact that some ceramics were found in the new mounds, and the possibility of comparing them with pottery from earlier settlements arose. New studies have confirmed the absence of earthenware pottery in the graves. At the same time, available data on “kurgan ceramics” are currently increasing. Occasionally whole vessels but more often their fragments were found in the course of excavations in the upper part of the kurgan. This situation is typical for the burial sites of the early Saka time of the Sayano-Altai. period, where fragments of earthenware pottery were also found in the upper part of the structure. The report presents the results of a technical and technological analysis of ceramics from the two kurgans of the Tasmola culture. Sixteen fragments belonging to 8 vessels were found in kurgan 1 of the Kyzylzhartas burial ground. There were 40 fragments from 7 vessels in kurgan 1 of the burial ground Karazhartas-2. Both burial grounds are located at a distance of 2.6 km from each other on the territory of the Shet district of the Karaganda region. The studied burial mounds date back to the 7th–5th centuries BC. According to external features, the ceramics from the two burial mounds are very close to each other. The results of technical and technological analysis showed that, in terms of manufacturing methods, this ceramics is similar to pottery from the settlements of Central Kazakhstan.

Key words: Central Kazakhstan, Tasmola culture, Saka period, burial ground, kurgan, ceramics, technical and technological analysis, pottery traditions.

Citation. Beisenov A.Z., Loman V.G., Shashenov D.T., 2022. Keramika iz novyh kurganov Tasmolinskoy kul'tury [Ceramics from New Kurgans of the Tasmola Culture]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 6-20. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1>

КЕРАМИКА ИЗ НОВЫХ КУРГАНОВ ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Арман Зияденович Бейсенов

Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, г. Алматы, Казахстан

Валерий Григорьевич Ломан

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан

Дархан Тастемирович Шашенов

Карагандинский областной историко-краеведческий музей, г. Караганды, Казахстан

Аннотация. Судя по имеющимся археологическим материалам, в тасмолинских могилах глиняная посуда отсутствует. В ранних публикациях материалов этой культуры специально отмечалась такая особенность погребального обряда. В исследованиях XXI в. значительно расширился объем источников, были открыты новые категории памятников, в том числе курганы элиты, поселения. Возросший интерес к тасмолинской керамике был продиктован фактами нахождения обломков глиняной посуды в новых курганах, возможностями сравнения их с керамикой из поселений. Новые исследования подтвердили факт отсутствия глиняной посуды в могилах. При этом в настоящее время увеличиваются данные о «курганной» керамике. Согласно данным раскопок изредка целые сосуды, чаще их обломки, составляли в насыпи курганов. Такая ситуация характерна для погребальных памятников раннесакского времени Саяно-Алтая, где фрагменты глиняной посуды находят в наземной части сооружения. В сообщении приводятся результаты технико-технологического анализа керамики из двух курганов тасмолинской культуры. В кургане 1 могильника Кызылжартас найдены 16 фрагментов, принадлежавших 8 сосудам. В кургане 1 могильника Каражартас-2 обнаружено 40 фрагментов от 7 сосудов. Оба могильника находятся на территории Шетского района Карагандинской области, на расстоянии 2,6 км друг от друга. Дата исследованных курганов не выходит за пределы VII–V вв. до н.э. По внешним особенностям керамика из двух курганов очень близка между собой. Результаты технико-технологического анализа показали, что по способам изготовления эта керамика имеет сходство и с глиняной посудой из поселений Центрального Казахстана.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, тасмолинская культура, сакская эпоха, могильник, курган, керамика, технико-технологический анализ, гончарные традиции.

Цитирование. Бейсенов А. З., Ломан В. Г., Шашенов Д. Т., 2022. Керамика из новых курганов тасмолинской культуры // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1>

Керамика в курганах тасмолинской культуры

Исследование керамики из погребений тасмолинской культуры представляет собой один из важных, но неразработанных аспектов. Объективная сторона этого обстоятельства в том, что керамики в тасмолинских курганах действительно очень мало, целых сосудов нет, за исключением единичных фактов. Наряду с этим следует отметить, что в ранние периоды раскопок тасмолинских курганов на немногочисленные и невыразительные фрагменты, находящиеся в насыпи среди камней над могилой, по-видимому, просто не об-

ращалось внимания. В могилах же глиняные сосуды отсутствовали.

В настоящей статье приводятся результаты технико-технологического изучения керамики из двух курганов тасмолинской культуры. Это курган 1 могильника Кызылжартас и курган 1 могильника Каражартас-2, исследованные на территории Шетского района Карагандинской области (рис. 1, 1). В насыпи первого найдены всего 16, второго – 40 фрагментов керамики. Еще при первом осмотре керамических материалов А.З. Бейсеновым было подсчитано примерное количество сосудов. Предполагалось, что на Кызылжартасе фрагменты принадлежат 8 сосудам, а на

Каражартасе присутствуют обломки от 7 или 8 единиц глиняной посуды. Последующие технико-технологические анализы подтвердили это предположение.

Керамика из двух курганов не представляет значительную серию, тем не менее, эти материалы и введение их в научный оборот имеют важное значение для исследования тасмолинской культуры. По внешним особенностям керамика из курганов (рис. 2, 3) не отличается от глиняной посуды из памятников сакского времени Центрального Казахстана. Слабопрофилированные горшки, открытые и закрытые банки, имеющие уплощенные, округлые, заостренные венчики, с карнизом, скошенные вовнутрь или наружу, имеются в погребальных и поселенческих памятниках региона.

Все материалы обоих изученных курганов в настоящее время сданы в фонды Карагандинского областного историко-краеведческого музея. Исследования курганов велись совместными усилиями НИЦИА «Бегазы-Тасмола» и областного музея, заказчик – Управление культуры Карагандинской области. Раскопки шли под руководством А.З. Бейсенова и Д.Т. Шашенова в 2019–2020 годах. Технико-технологические исследования керамики проведены кандидатом исторических наук В.Г. Ломаном (САИ при КарГУ им. Е.А. Букетова).

М.К. Кадырбаев в отношении памятников северной (шидертинской) группы тасмолинской культуры свыше полувека тому назад отмечал отсутствие керамики в курганах [Кадырбаев, 1966, с. 392]. Взгляд на ситуацию начал меняться последние 20 лет, когда стали раскапываться памятники, в том числе и более крупные насыпи, находящиеся в основных районах Казахского мелкосопочника. Здесь фрагменты глиняной посуды встречаются уже чаще, особенно это касается крупных курганов. Дополнительным и важным аргументом для сбора данных по керамике из насыпей послужило открытие поселенческих объектов в восточных районах Центрального Казахстана, в которых фрагменты глиняной посуды представляют собой основную категорию находок, наряду с каменными орудиями [Бейсенов, 2002; Бейсенов, Ломан, 2007; 2009].

В предыдущих публикациях уже поднимался вопрос о находках керамики в курга-

нах тасмолинской культуры [Бейсенов, 2018], а также приводились данные изучения фрагментов глиняной посуды, найденных в погребальных и культовых сооружениях раннего железного века [Бейсенов, Ломан, 2008] Центрального Казахстана.

Согласно современным данным в могилу тасмолинцы глиняные сосуды не ставили, о каких-либо других разновидностях посуды пока никаких данных как-будто тоже нет. В отношении находок керамики в насыпи можно отметить следующее. Есть данные о том, что сосуд помещался над могилой или на краю могилы, а также в верхних слоях насыпи [Бейсенов, 2018, с. 146–147]. В большинстве случаев в насыпи оставляли только обломки сосудов.

Центральный сектор исследованного А.З. Бейсеновым кургана 11 могильника Серекты-1 оказался сильно разрушенным при ограблении [Бейсенов, 2015, с. 22]. В этом секторе были найдены фрагменты от трех сосудов, но были ли это целые емкости, или же оставляли их обломки, судить трудно. В исследованном в 1979 г. М.К. Кадырбаевым кургане 8 этого же могильника [Бейсенов, 2018, с. 146–147] развал сосуда находился над могилой, в верхней части каменного заполнения не ограбленного захоронения. В восточной половине этого же кургана, в насыпи, а также за крепидой находились фрагменты уже от другого сосуда. Эти фрагменты, наряду с аналогичными фактами из других памятников (могильники Нуркен-2, Сати, Акбеит, Кызыл, Карашоки и др.), говорят о том, что в насыпи оставляли обломки от глиняной посуды. Это же положение зафиксировано в курганах могильников Кызылжартас и Каражартас-2.

Курган 1 могильника Кызылжартас – памятник тасмолинской элиты (подробнее см.: [Бейсенов, 2021]). Этот курган примечателен тем, что здесь находились четыре каменных изваяния, в том числе три под насыпью и одно в дромосе (рис. 1,2), ориентированном на восток от могилы. Захоронение сильно ограблено, среди уцелевших находок, помимо мелких золотых украшений, имеется железный топор (рис. 1,3). Курган датирован VII–V вв. до н.э. В восточном секторе кургана, в насыпи, найдено 16 фрагментов глиняной посуды. 14 из

них находились в северо-восточном секторе, на 0,1–0,7 м выше уровня древнего горизонта. Остальные два найдены в юго-восточном секторе, на 0,2–0,3 м выше древнего горизонта [Бейсенов, 2021, с. 267]. Все фрагменты разрознены, находились на разных уровнях. Это были обломки от сосудов, по-видимому, использованных в ритуальной трапезе, которая происходила в стороне от кургана.

Могильник Каражартас-2 состоит из двух курганов. Исследованный курган 1 имеет каменную насыпь, сложенную из обломков гранита красноватого, серого оттенков. Диаметр 19 м, высота 1,4 м. Курган ограблен, возможно, неоднократно. В центре насыпи фиксируется грабительская воронка подпрямоугольной формы, размерами 2,5 × 2,7 м, глубиной 0,6–1 м. После расчистки насыпи открылась крепида, проходящая по ее основанию, диаметром 16 м, шириной 1–1,3 м и высотой 0,3–0,5 м. Внутри крепиды расчищена округлая ограда диаметром 11,5 м, где использованы вертикально поставленные крупные камни. В северо-восточном секторе ограды установлен менгир, подпертый внизу камнями. Длина менгира 1,1 м, сечение прямоугольное, размеры сторон 0,2 × 0,25 м, верхний срез камня имеет характерную скошенность. Второй менгир с аналогичным скошенным верхом лежал с внутренней стороны ограды, длина камня 1 м, размеры сторон 0,2 × 0,13 м. Пространство между оградой и самой насыпью заполнено плотно уложенными мелкими камнями.

У западного края насыпи, на расстоянии 0,5 м от крепиды, находились две упавшие плиты продолговатой формы длиной 0,85 и 0,7 м. Первая лежала по линии С–Ю и была задернована. Вторая плита найдена к северу от первой, ориентирована по линии З–В, при этом восточный, обращенный к насыпи, край камня находился полностью в дерне. Расстояние между плитами – более 1 м. Между ними найдена горизонтально лежащая на древнем горизонте крупная плита в форме равнобедренной трапеции, размерами 0,6–1,1 × 0,85–0,85 м, толщиной 0,12 м. Прямо в центре плиты имеется сквозное отверстие диаметром 12 см сверху и 8 см внизу.

Возле восточного края северной плиты, с северной стороны на древнем горизонте ле-

жало каменное орудие продолговатой формы длиной 26,5 см (рис. 1,4), типа мотыги или кайла, использовавшейся, вероятно, для рыхления земли при устройстве кургана. Это не первый случай находки землекопных орудий на курганах тасмолинской культуры. В качестве примера отметим курган 3 могильника Едирей-3: при исследовании этого памятника были найдены три каменные мотыги, лежавшие возле могильной ямы, на древнем горизонте [Бейсенов, Исмагулова, 2007]. Такие же случаи, когда мотыги, использованные для рыхления земли, в ритуальных действиях, оставались вблизи погребений или на территории могильников, неоднократно отмечены в Центральном Казахстане при исследовании памятников эпохи бронзы [Ломан, Кукушкин, 2011, с. 279; 2012, с. 81; Варфоломеев и др., 2019, с. 58, 60, 69].

В центре кургана вскрыта большая яма, имеющая форму, близкую к округлой. Размеры по основным осям следующие: по линии З–В – 4 м, С–Ю – 3,5 м. Глубина могилы 2,1 м, заполнение – каменно-земляное. На дне яма имеет подквадратно-округлую форму размерами 2 × 2,1 м. С восточной стороны могильной ямы, на уровне древнего горизонта, находились один бронзовый черешковый трехперый наконечник стрелы раннесакского типа (рис. 1,5) и восемь фрагментов глиняной посуды. В заполнении могилы найдены еще 32 фрагмента керамики, причем более половины их обнаружены в верхнем слое. Внутри могилы кости погребенного, предметы инвентаря не сохранились из-за ограбления кургана.

Результаты анализа

Технико-технологический анализ керамики из могильников Кызылжартас и Каражартас-2 проводился по методике А.А. Бобринского [Бобринский, 1978] с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10 и муфельной лабораторной печи СНОЛ/ЭКПС-10. Программа исследований включала анализ исходного сырья (глин), состава формовочных масс и, по возможности, способов конструирования сосудов. Следует отметить, что технико-технологическому изучению подвергаются обычно лишь те обломки, которые имеют до-

статочную площадь, так как анализ проводится по свежим изломам, причем часть фрагмента дополнительно нагревается в муфельной печи до температуры 850–900 °С.

Помимо особенностей исходного сырья (ожелезненность, естественные примеси) определялись качественный состав искусственных добавок к глине (песок, дресва, шамот) и размерность их включений, в соответствии с принятой шкалой: мелкие – 0,5–0,9 мм; средние – 1–1,9 мм; крупные – более 2 мм, в том числе так называемая гравелитовая фракция, с размером частиц 3–10 мм.

Могильник Кызылжартаc, курган 1. Всего было обнаружено 16 фрагментов керамики, из которых для проведения технико-технологического анализа было отобрано 10 экземпляров (рис. 2, 1–10).

В ходе анализа установлено, что фрагменты № 3 и 5 принадлежали одному и тому же сосуду, фрагменты № 8 и 10 – другому. Таким образом, общее количество сосудов, найденных в кургане, было не менее 8 (табл. 1).

В качестве исходного сырья при изготовлении сосудов применялись слабозапесоченные среднежелезистые глины, разделяющиеся по особенностям естественных примесей на три вида:

- 1) глина с естественной примесью мелкого кварцевого песка (фрагменты № 4, 6, 8 + 10);
- 2) глина с естественной примесью среднего кварцевого песка (фрагменты № 3 + 5, 7, 9);
- 3) глина с естественной примесью крупного кварцевого песка (фрагмент № 1);
- 4) глина с естественной примесью среднего кварцевого песка и крупного обломочно-бурого железняка (фрагмент № 2).

Глины могли происходить из различных участков одного и того же источника исходного сырья, поскольку по степени запесоченности и ожелезненности различий нет.

Отмечено 2 рецепта формовочных масс (табл. 3):

- 1) глина + дресва + навоз – фрагменты № 1, 2, 3 + 5, 4, 6, 7, 9.
- 2) глина + песок + органика (навоз) – фрагменты № 8, 10, принадлежавшие одному сосуду.

Дресва (табл. 4) в основном использовалась в концентрации 1 : 5 и только в одном случае в концентрации 1 : 4 (№ 1), размерность

крупная, лишь в двух случаях (№ 4, 9) средняя. Везде при ее изготовлении использовался кварц, за исключением фрагмента № 7, в котором была обнаружена дресва из гранита.

Песок кварцевый, слабокатанный, средней размерности, применялся в концентрации 1 : 3.

Могильник Каражартаc-2, курган 1. Всего было найдено 40 фрагментов, из них только 10 штук имели размеры, достаточные для проведения технико-технологического анализа (рис. 3, 1–10).

Технологические характеристики фрагментов № 1–3 полностью аналогичны, то есть фрагменты принадлежали одному и тому же сосуду. Фрагменты № 8 и 7 также были от одного сосуда. Общее количество сосудов, найденных в кургане, было не менее 7 (табл. 2).

При изготовлении сосудов, найденных в кургане, применялись слабозапесоченные среднежелезистые глины, разделяющиеся по особенностям естественных примесей на два вида:

- 1) глина с естественной примесью среднего кварцевого песка и слюды (фрагменты № 1–4, 7–10);
- 2) глина с естественной примесью мелкого кварцевого песка (фрагменты № 5, 6).

Отмечено два рецепта формовочных масс (табл. 3):

- 1) глина + дресва + навоз – фрагменты № 1 + 2 + 3, 4, 6, 7 + 8, 9, 10.
- 2) глина + песок + шамот + навоз – фрагмент № 5.

Дресва (табл. 4) в основном использовалась в концентрации 1 : 5, в трех фрагментах отмечена концентрация 1 : 4 (№ 6, 9, 10), размерность крупная, и только в одном случае (№ 4) средняя. Везде при ее изготовлении использовался кварц. Размерность песка в смешанном рецепте – средняя, концентрация 1 : 5, шамота – мелкая, концентрация 1 : 5.

В целом керамика обоих могильников оказалась весьма сходной по большинству технологических показателей и, следовательно, была изготовлена гончарами с близкими культурными традициями.

Проведенный ранее технико-технологический анализ глиняных сосудов из курганов [Бейсенов, Ломан, 2008] привел к выводу о существовании на территории Центрального

Казахстана в эпоху раннего железа двух основных этнокультурных групп, каждая из которых обладала собственным набором гончарных традиций. Между их представителями проходили процессы смешения, что нашло свое отражение в традициях изготовления керамики.

По результатам последующего исследования технологии изготовления керамики, происходящей из раскопок центрально-казахстанских поселений раннего железного века [Бейсенов, Ломан, 2009, с. 242–243], было выявлено, что на них обитали представители первой из выделенных этнокультурных групп, делавших сосуды с донно-емкостным началом и спирально-жгутовым полым телом.

В то же время сосудов второй этнокультурной группы (с емкостным началом и спирально-лоскутным полым телом), выделенной по материалам могильников, в поселениях не выявлено. При этом остальная часть керамики поселений была изготовлена с применением емкостных началов, сочетавшихся с различными способами конструирования полого тела. Из них сосуды с полым телом, изготовленным спирально-жгутовым способом (28,6 %), появились вследствие смешения второй этнокультурной группы с первой, что было отмечено и по керамике из курганов [Бейсенов, Ломан, 2008, с. 41]. Возможно, в результате процессов смешения вторая этнокультурная группа была ассимилирована другими группами, о чем говорит отсутствие ее сосудов на поселениях.

Другие найденные на поселениях сосуды – с емкостным началом из жгутов по кольцевой траектории (12,2 %), из лоскутов, накладывавшихся по бессистемной траектории (12,2 %), а также из лент (4,1 %) относятся к вновь выделенным, соответственно, третьей, четвертой и пятой этнокультурным группам населения сакского времени (подробнее см.: [Бейсенов, Ломан, 2009, с. 243, 248, табл. 44]).

Первая группа населения была, скорее всего, более многочисленной, так как сосуды, произведенные по ее субстратным традициям (донно-емкостный начин и спирально-жгутовое полое тело), составляли 42,9 % от керамики с поселений.

В контексте данной статьи к шестой группе населения раннего железного века, по-

явившейся в результате процессов культурного смешения, отнесем сосуды с емкостным началом и спирально-жгутовым полым телом.

Отметим, что один из изученных сосудов кургана 1 могильника Кызылжартас (сосуд № 6) относится к третьей этнокультурной группе.

Большинство сосудов из курганов могильников Кызылжартас и Каражартас-2, по всей видимости, принадлежало четвертой группе, зафиксированной по материалам поселений (емкостные начинки с лоскутно-комковатым полым телом).

Следует учесть, что изученная керамика из двух могильников тасмолинской культуры имеет явное морфологическое сходство с поселенческой керамикой. Аналогичные формы имеются почти на всех поселениях, особенно на поселении Сарыбуйрат, что, возможно, объясняется более представительным объемом керамической коллекции последнего.

Заключение

В кургане 1 могильника Кызылжартас все фрагменты керамики найдены в насыпи в восточном секторе и на значительном расстоянии от могилы, на тех участках, которые не были нарушены грабителями. Это говорит о преднамеренном оставлении обломков, принесенных извне. Во втором кургане на Каражартасе находки связаны с центральным сектором, с территорией вокруг могилы. Фрагменты в количестве 40 штук принадлежат 7 сосудам. Работа с фрагментами показала, что ни один сосуд не восстанавливается хотя бы частично. Это важное обстоятельство и оно не позволяет сделать вывод о целых сосудах, оставленных создателями кургана. Таким образом, здесь также налицо факт оставления фрагментов от разных емкостей. По-видимому, черепки от разбитых сосудов преднамеренно оставляли в районе места захоронения: вокруг могилы, над заполнением.

Тасмолинский обычай оставления в насыпи кургана сосудов или же их фрагментов имеет аналогии в памятниках раннесакского времени горных и предгорных районов Алтая [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 86; Марсадалов, 1999, с. 105; 2004; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 120; Шульга, 1999, с. 246]. В могилах ал-

дыбельских курганов Тувы глиняная посуда отсутствует [Грач, 1980, с. 74], вместе с тем в наземной части многих сооружений раннесакского времени фрагменты керамики находили [Марсадолов, 2004, с. 39].

Курган 1 могильника Кызылжаргас имеет широкую дату VII–V вв. до н.э. В ближайшем будущем планируется получить радиоуглеродную дату из этого памятника, что, возможно, позволит сузить предложенные хронологические рамки. На основании бронзового черешкового трехперого наконечника стрелы, имеющего многочисленные аналогии как в памятниках Казахстана, так и далеко за его пределами, курган 1 могильника Каражартас-2 датируется VII–VI вв. до н.э., чему не противоречат такие детали в конструкции кургана, как наличие крепиды, ограды, двух менгиров. Возможно, дата обоих памятников не выходит за рамки VII–VI вв. до н.э. Могильники расположены близко друг от друга, на проти-

воположных побережьях реки Талдынура. Расстояние между ними – 2,6 км.

Проведенный анализ показал, что керамика из курганов принадлежит одной культурной традиции. Она близка по морфологии и в основных приемах изготовления как между собой, так и в отношении глиняной посуды из других памятников сакского времени Центрального Казахстана. В том числе отмечается сходство с поселенческой керамикой Центрального Казахстана. Необходимо дальнейшее накопление данных для расширения источниковедческой базы темы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РК, проект AP08857177.

The work was supported by a grant from the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, project AP08857177.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Технологическая информация о керамике кургана 1 могильника Кызылжаргас
 Table 1. Technological information about the ceramics of kurgan 1 of the Kuzylzhartas burial ground

№ фрагмента	Исходное сырье (среднежелезистая слабоазпесоченная глина)				Искусственные примеси в глине						Полосе тело		Толщина, мм			
	естественные примеси				древеса			минеральные			органические (навоз)	из жгутов по кольцевой траектории		лоскутно-комковатое	Емкостный начин	
	песок кварцевый		бурый железняк, обломочный, крупной размерности		размерность	концентрация	песок кварцевый слабый, средний, крупной размерности, в концентрации 1 : 3	1 : 4	1 : 5	+						+
	мелкая	средняя	крупная	средняя							крупная	размерность				
1			+													10
2		+		+												12,5
3 + 5		+														13-14
4	+															7
6	+															5-6
7		+														14
8 + 10	+															10 (стенка), 17 (днище)
9		+														10
Всего	3	4	1	1	2	5	1	6	1	1	8	1	3	1		

Таблица 2. Технологическая информация о керамике кургана 2 могильника Каражаргас-2
 Table 2. Technological information about the ceramics of kurgan 2 of the Karalzhartas-2 burial ground

№ фраг-мента	Исходное сырье (средне-ожеженная слабозапеченная глина)			Искусственные примеси к глине											Полое тело	Емкост-ный на чин	Толщина, мм	
	естественные примеси			Минеральные														
	песок кварцевый		слода	древя кварцевая			песок кварцевый слабоокатанный, средней размерности, в концентрации 1 : 5			шамот средний мелкозернистый, в концентрации 1 : 5	органические (навоз)	лоскутно-комковатое						
	размерность мелкая	средняя		крупная	размерность средняя	крупная	концентрация 1 : 4	концентрация 1 : 5										
1 + 2 + 3		+	+															11
4		+	+															11
5	+												+					8
6	+																	7
7 + 8		+	+															8-9
9		+	+															10
10		+	+															10 (стенка), 9 (днище)
Всего	2	5	5	1	5	3	3	1	1	1	7	3	3	1	7	3	1	

Таблица 3. Качественный состав формовочных масс

Table 3. Qualitative composition of pastes

Рецепт формовочной массы	Могильник				Всего фраг- ментов	Всего сосудов
	Кызылжаргас, курган 1		Каражаргас-2, курган 2			
	фрагменты №	количество сосудов	фрагменты №	количество сосудов		
Глина + песок + навоз	8 + 10	1	–	–	2	1
Глина + дресва + навоз	1; 2; 3 + 5; 4; 6; 7; 9	7	1 + 2 + 3; 4; 6; 7 + 8; 9; 10	6	17	13
Глина + песок + шамот + навоз	–	–	5	1	1	1
<i>Всего</i>	10	8	10	7	20	15

Таблица 4. Сводные данные о размерности дресвы

Table 4. Summary of dress dimensions

Размерность	Могильник				Всего фрагментов	Всего сосудов
	Кызылжаргас, курган 1		Каражаргас-2, курган 2			
	фрагменты №	количество сосудов	фрагменты №	количество сосудов		
Средняя	4; 9	2	4	1	3	3
Крупная	1; 2; 3 + 5; 6; 7	5	1 + 2 + 3; 6; 7 + 8; 9; 10	5	14	10
<i>Всего</i>	8	7	9	6	17	13

Рис. 1. Материалы курганов из могильников Кызылжартас и Каражартас-2:

1 – карта расположения могильников; 2 – Кызылжартас, курган 1, каменное изваяние в дромосе. Стрелкой указано место первоначальной установки изваяния; 3 – Кызылжартас, курган 1, железный топор; 4 – Каражартас-2, курган 1, каменное орудие; 5 – Каражартас-2, курган 1, бронзовый наконечник стрелы

Fig. 1. Materials of kurgans from the burial grounds of Kyzylzhartas and Karazhartas-2:

1 – map of burial grounds location; 2 – Kyzylzhartas, kurgan 1, stone statue in dromos. The arrow indicates the place of the initial installation of the statue; 3 – Kyzylzhartas, kurgan 1, iron axe; 4 – Karazhartas-2, kurgan 1, stone tool; 5 – Karazhartas-2, kurgan 1, bronze arrowhead

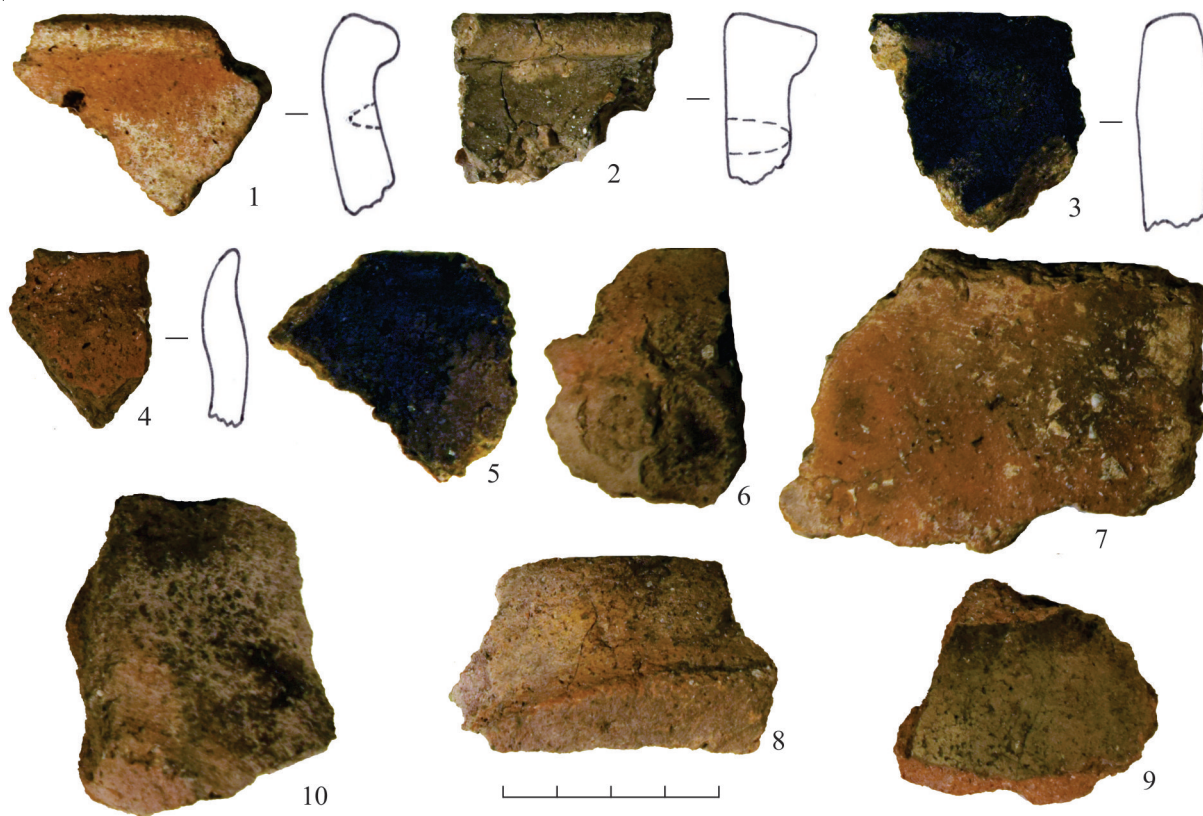

Рис. 2. Кызылжартас, курган 1. Керамика
Fig. 2. Kyzylhartas, kurgan 1. Ceramics

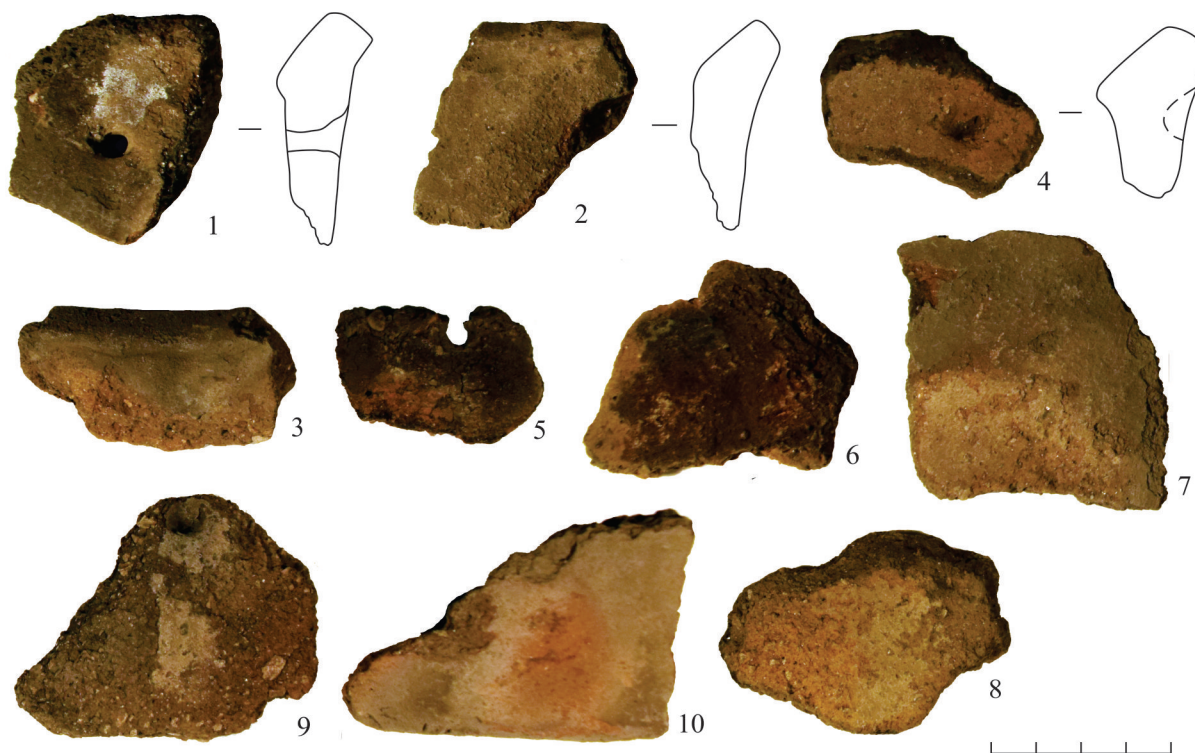

Рис. 3. Каражартас-2, курган 1. Керамика
Fig. 3. Karazhartas-2, kurgan 1. Ceramics

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейсенов А. З., 2002. К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Исторична наука: проблеми розвитку. Луганск : Восточно-Украинский университет им. В. Даля. С. 9–12.
- Бейсенов А. З., 2015. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы : НИЦИА «Бегазы-Тасмола». С. 11–38.
- Бейсенов А. З., 2018. Тасмолинские погребения могильника Кызыл // Современные решения актуальных проблем Евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул : АлтГУ. С. 139–149.
- Бейсенов А. З., 2021. Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартаc // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб. : ИИМК РАН. С. 261–277.
- Бейсенов А. З., Исмагулова А. О., 2007. Археолого-антропологические данные из могильника Едирей-3 // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда : КарГУ. С. 163–172.
- Бейсенов А. З., Ломан В. Г., 2007. О керамике поселений раннего железного века Керегетас-2, Едирей-1, Едирей-3 (Центральный Казахстан) // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда : КарГУ. С. 156–163.
- Бейсенов А. З., Ломан В. Г., 2008. Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 1. С. 35–41.
- Бейсенов А. З., Ломан В. Г., 2009. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы : «Инжу-Маржан» полиграфия. 264 с.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука. 272 с.
- Варфоломеев В. В., Дмитриев Е. А., Ломан В. Г., 2019. Могильник Коржар – новый памятник эпохи бронзы Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. Вып. 6. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК. С. 50–75.
- Грач А. Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука. 256 с.
- Кадырбаев М. К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана / А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Алматы : Наука. С. 303–433.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1 : Культура населения в раннескифское время. Барнаул : АлтГУ. 232 с.
- Ломан В. Г., Кукушкин И. А., 2011. К вопросу о культе плодородия у андроновцев (федоровцев) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. I. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. С. 278–280.
- Ломан В. Г., Кукушкин И. А., 2012. Могильник Дарьинский // Археология и история Сарыарки. Караганда : КарГУ. С. 81–106.
- Марсадалов Л. С., 1999. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : АлтГУ. С. 104–108.
- Марсадалов Л. С., 2004. Глиняные сосуды Горного Алтая VIII–III вв. до н.э. // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. Горно-Алтайск : Институт алтаистики им. С.С. Суразакова. С. 37–51.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2005. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : АлтГУ. 200 с.
- Шульга П. И., 1999. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : АлтГУ. С. 245–250.

REFERENCES

- Beisenov A.Z., 2002. K probleme poiska i izucheniya poseleniy rannego zheleznogo veka Tsentral'nogo Kazakhstana [To the Problem of Searching and Studying the Settlements of the Early Iron Age of Central Kazakhstan]. *Istorichna nauka: problemy rozvytku* [Historical Science: Problems of Development]. Lugansk, V. Dal' East Ukrainian University, pp. 9-12.

- Beysenov A.Z., 2015. Poseleniya i mogil'niki sakskey epokhi Tsentral'nogo Kazakhstana [Settlements and Cemeteries of the Saka Era in Central Kazakhstan]. *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov Stepnoy Evrazii* [Saka Culture of Saryarka in the Context of Studying Ethno-Socio-Cultural Processes of Steppe Eurasia]. Almaty, Begazy-Tasmola, pp. 11-38.
- Beisenov A.Z., 2018. Tasmolinskiye pogrebeniya mogil'nika Kyzyl [Tasmola Burials of the Kyzyl Burial Ground]. *Sovremennyye resheniya aktual'nykh problem Yevraziyskoy arkheologii* [Modern Solutions to Actual Problems of Eurasian Archaeology], iss. 2. Barnaul, ASU, pp. 139-149.
- Beisenov A.Z., 2021. Tasmolinskiy kurgan s kamennymi izvayaniyami v mogil'nike Kyzylzhartas [Tasmola Kurgan with Stone Statues in the Kyzylzhartas Burial Ground]. *Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoye prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii* [Creator of Culture. Material Culture and Spiritual Space of Man in the Light of Archaeology, History and Ethnography]. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 261-277.
- Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., 2007. Arkheologo-antropologicheskiye dannyye iz mogil'nika Yedirey-3 [Archaeological and Anthropological Data from the Edirey-3 Burial Ground]. *Istoriko-kul'turnoye naslediyе Saryarki* [Historical and Cultural Heritage of Saryarka]. Karaganda, KarSU, pp. 163-172.
- Beisenov A.Z., Loman V.G., 2007. O keramike poseleniy rannego zheleznogo veka Keregetas-2, Yedirey-1, Yedirey-3 (Tsentral'nyy Kazakhstan) [On the Ceramics of the Settlements of the Early Iron Age Keregetas-2, Edirey-1, Edirey-3 (Central Kazakhstan)]. *Istoriko-kul'turnoye naslediyе Saryarki* [Historical and Cultural Heritage of Saryarka]. Karaganda, KarSU, pp. 156-163.
- Beisenov A.Z., Loman V.G., 2008. Keramika iz kurganov rannego zheleznogo veka Tsentral'nogo Kazakhstana [Ceramics from Burial Mounds of the Early Iron Age of Central Kazakhstan]. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk* [Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social Sciences], no. 1, pp. 35-41.
- Beisenov A.Z., Loman V.G., 2009. *Drevniye poseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient Settlements of Central Kazakhstan]. Almaty, «Inzhu-Marzhan» poligrafiya Publ. 264 p.
- Bobrinskiy A.A., 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Yevropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. Moscow, Nauka Publ. 272 p.
- Varfolomeyev V.V., Dmitriyev Ye.A., Loman V.G., 2019. Mogil'nik Korzhar – novyy pamyatnik epokhi bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana [Korzhar Burial Ground – a New Site of the Bronze Age of Central Kazakhstan]. *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya* [History and Archaeology of Semirechye], iss. 6. Almaty, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, pp. 50-75.
- Grach A.D., 1980. *Drevniye kochevniki v tsentre Azii* [Ancient Tomads in the Center of Asia]. Moscow, Nauka Publ. 256 p.
- Kadyrbayev M.K., 1966. Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury [Monuments of the Tasmola Culture]. Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbayev M.K., Orazbayev A.M. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Almaty, Nauka Publ., pp. 303-433.
- Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., 1997. *Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Ch. 1: Kul'tura naseleniya v ranneskifskoye vremya* [Scythian Era of Gorniy Altai. Part 1: Culture of the Population in the Early Scythian Time]. Barnaul, ASU. 232 p.
- Loman V.G., Kukushkin I.A., 2011. K voprosu o kul'te plodorodiya u andronovtsev (fedorovtsev) [On the Issue of Fertility Cult Among Andronovites (Fedorovites)]. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy* [Archeology of Kazakhstan in the Era of Independence: Results, Prospects], vol. I. Almaty, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, pp. 278-280.
- Loman V.G., Kukushkin I.A., 2012. Mogil'nik Dar'inskiy [Darya Burial Ground]. *Arkheologiya i istoriya Saryarki* [Archaeology and History of Saryarka]. Karaganda, KarSU, pp. 81-106.
- Marsadolov L.S., 1999. Pazyrykskiy fenomen i popytki yego ob'yasneniya [The Pazyryk Phenomenon and Attempts to Explain It]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Results of the Study of the Scythian Era of Altai and Adjacent Territories.]. Barnaul, ASU, pp. 104-108.
- Marsadolov L.S., 2004. Glinyanye sosudy Gornogo Altaya VIII–III vv. do n.e. [Clay Vessels of the Altai Mountains of the 8th–3rd Centuries BC]. *Arkheologiya i etnografiya Altaya* [Archeology and Ethnography of Altai], iss. 2. Gorno-Altaysk, S.S. Surazakov Institute of Altai Studies, pp. 37-51.
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V., 2005. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Biyke (Gornyy Altay)* [Complex of Archaeological Sites in the Valley of the River Biyke (Gorny Altai)]. Barnaul, ASU. 200 p.

Shul'ga P.I., 1999. Etnokul'turnaya situatsiya v Gornom Altaye i severo-zapadnykh predgor'yakh v VII–III vv. do n.e. [Ethnocultural Situation in the Altai Mountains and the Northwestern Foothills in the 7th – 3rd Centuries BC.]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Results of the Study of the Scythian Era of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul, ASU, pp. 245-250.

Information About the Authors

Arman Z. Beisenov, Director of Begazy-Tasmola Research Center of History and Archeology, Zhambul St, 175, of. 61, 050008 Almaty, Kazakhstan, azbeisenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2524-264X>

Valeriy G. Loman, Director of the Saryarka Archaeological Institute, Karaganda State University named after E.A. Buketov, Universitetskaya St, 28, 128000 Karaganda, Kazakhstan, lvg7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6951-0509>

Darkhan T. Shashenov, Senior Researcher of the Department of General History, Archeology and Ethnography, Karaganda Regional History Museum, Erubaev St, 38, 100012 Karaganda, Kazakhstan, darkhan_57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4791-4673>

Информация об авторах

Арман Зияденович Бейсенов, директор, Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, ул. Жамбула, 175, офис 61, 050008 г. Алматы, Казахстан, azbeisenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2524-264X>

Валерий Григорьевич Ломан, директор Сарыаркинского археологического института, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, ул. Университетская, 28, 128000 г. Караганды, Казахстан, lvg7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6951-0509>

Дархан Тастемирович Шашенов, старший научный сотрудник отдела общей истории, археологии и этнографии, Карагандинский областной историко-краеведческий музей, ул. Ерубеева, 38, 100012 г. Караганды, Казахстан, darkhan_57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4791-4673>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>

UDC 902.1
LBC 63.4(2)

Submitted: 22.02.2022
Accepted: 15.04.2022

KURGAN 5 OF THE NECROPOLIS “IVANOVSKIE I KURGANY” IN THE SOUTHERN URALS: CHRONOLOGY OF COMPLEXES

Sergey V. Sirotin

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper studies burial complexes of the kurgan 5 of the burial ground “Ivanovskie I kurgany” (“The Ivanovskiy 1st Kurgans”) located in the Southern Urals. The burial ground is located in the Trans-Ural regions of Bashkiria and is a part of the early nomads’ famous monuments in the Southern Urals. The kurgan necropolises located in steppe and forest-steppe zones of the Trans-Urals differ from those described in certain features of the funeral rite and clothing complexes. Researchers have repeatedly paid attention to the specifics of the monuments range in this region. A combination of various funeral rite features, diversity of funerary structures both in burial ground as a whole and in individual kurgans is the particular characteristic of the kurgan mounds of the 5th–4th centuries BC in the Trans-Ural regions. The trait is considered a sign of a transitional period. The necropolis “Ivanovskie I kurgany” can be included in the scope of such transitional period monuments. In total, 11 kurgans were recorded in the burial ground. Some of them were built in the Bronze Age (2nd millennium BC), but most were constructed by early nomads in the late Sauromatic and early Sarmatian stage. Kurgan 5, which can be attributed to the category of large ones, contained burial 4 at the heart of its structure. A wooden structure was erected over the central burial but it completely burned down when performing ritual actions in ancient times. Three more burials were identified on the kurgan periphery: a rich and varied inventory was found in the burials, moulded and pottery ceramic vessels, weapons elements (bronze arrowheads, iron dagger, iron spearhead), elements of horse equipment. Bronze mirrors, beads, and jewelry were found in women’s burials. The inventory has analogies both in the South Ural complexes and in the burials of the Middle Don. A certain part of the items dates back to a large period of 5th–3rd centuries BC, however, a separate category of items that allow to specify the dating of the kurgan within the second half of the 4th – the turn of the 4th–3rd centuries BC. In this regard, the burials from kurgan 5 can be interpreted as supporting complexes of the early nomads of the Southern Urals of the Early Prokhorov period. Association of the studied data with the nomads groups, carriers of cultural traditions of the Filippovska’s circle monuments, is an important aspect of the published materials.

Key words: Southern Urals, early nomads, Early Sarmatian culture, burial mounds, funeral rite.

Citation. Sirotin S.V., 2022. Kurgan 5 nekropolya «Ivanovskie I kurgany» na Yuzhnom Urale: hronologiya kompleksov [Kurgan 5 of the Necropolis “Ivanovskie I Kurgany” in the Southern Urals: Chronology of Complexes]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskoy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 21–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>

УДК 902.1
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 22.02.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

КУРГАН 5 НЕКРОПОЛЯ «ИВАНОВСКИЕ I КУРГАНЫ» НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ХРОНОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ

Сергей Викторович Сиротин

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье публикуются комплексы из кургана 5 могильника «Ивановские I курганы», расположенного на Южном Урале. Могильник локализуется в Зауральских районах Башкирии и относится к известным памятникам ранних кочевников Южного Урала. Курганные некрополи, расположенные в степных и лесостепных локациях Зауралья, отличаются определенными особенностями погребального обряда и веще-

вых комплексов. Исследователями неоднократно обращалось внимание на специфику круга памятников данного региона. Особенностью курганных могильников V–IV вв. до н.э. в Зауральских районах является сочетание различных черт погребальной обрядности, разнообразие погребальных конструкций как в могильнике в целом, так и отдельных курганов, что считается признаком переходного времени. К кругу таких памятников переходного времени относится некрополь «Ивановские I курганы». Всего в могильнике зафиксировано 11 курганов. Часть из них сооружены в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.), однако большинство было построено ранними кочевниками в позднесавроматскую и раннесарматскую эпоху. Курган 5 относился к категории больших курганов. В основе курганного сооружения находилось погребение 4. Над центральным погребением возводилась деревянная конструкция, полностью сгоревшая в древности при совершении ритуальных действий. На периферии в кургане выявлены еще три погребения. В погребениях найден богатый и разнообразный инвентарь: лепные и гончарный керамические сосуды, элементы вооружения (бронзовые наконечники стрел, железный кинжал, железный наконечник копья), элементы конского снаряжения. В женских погребениях найдены бронзовые зеркала, бусы, украшения. Инвентарь имеет аналогии как в южноуральских комплексах, так и в погребениях Среднего Дона. Определенная часть вещей имеет широкую датировку V–III вв. до н.э. Вместе с тем отдельные категории вещей позволяют уточнить датировку кургана в пределах второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н.э. В этой связи погребения из кургана 5 интерпретируются как опорные комплексы ранних кочевников Южного Урала раннепрохоровского времени. Важным аспектом публикуемых материалов представляется их соотношение с группами кочевников, которые являются носителями культурных традиций памятников филипповского круга.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, раннесарматская культура, курганы, погребальный обряд.

Цитирование. Сиротин С. В., 2022. Курган 5 некрополя «Ивановские I курганы» на Южном Урале: хронология комплексов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 21–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>

Введение

Во второй половине V – IV в. до н.э. в степях Южного Урала идут процессы, связанные с изменениями погребальной обрядности и состава инвентаря, которые привели в конечном итоге к формированию новых культурных традиций у ранних кочевников. Среди общего массива комплексов Южного Урала обращают на себя внимание памятники Зауральской Башкирии. Данная группа расположена узкой полосой по предгорьям восточных склонов Южного Урала, ограниченной с востока верхним (меридиональным) течением р. Урал. На своеобразии этих памятников, сочетающих в себе черты савроматской и прохоровской культур, обращал внимание А.Х. Пшеничнюк, не исключая их возможного выделения в особый локальный вариант кочевой культуры [Пшеничнюк, 1983, с. 84; Сиротин, 2017; Сиротин, 2017а]. Детальный анализ имеющегося материала показывает, что во многих относительно крупных могильниках данного района фиксируется наличие комплексов V в. до н.э. и IV в. до н.э., отличающихся по погребальному обряду и вещевым наборам. Также фиксируется своеобразное механическое смешение в могильниках комплексов савро-

матского и раннепрохоровского облика. Особенно ярко эти процессы иллюстрируются материалами могильника Переволочан I, Альмухаметово, Сибай I и II, Яковлевские, Биш-Уба и др. [Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2010; 2016; 2017; 2017а]. В числе таких переходных памятников Зауральских районов – курганный некрополь «Ивановские I курганы» [Пшеничнюк, 1983; Сиротин, 2017].

Могильник расположен в юго-восточной Зауральской Башкирии, в 3 км западнее с. Ивановка (Хайбуллинский район, Республика Башкортостан) (рис. 1, 1,2), на вершине ровного распаханного плато левобережья р. Сакмары. В физико-географическом отношении могильник находится в Сакмарско-Таналыкском районе, Бузавлыкско-Таналыкском южностепном мелкосопочно-равнинном округе степной провинции области Зауральского пенеplена. Данная часть пенеplена является степной, отличается засушливым климатом, обедненными ковыльно-разнотравными степными пространствами, однако по мере приближения к руслу Сакмары рельеф становится более увалистым с высотами 350–500 м [Физико-географическое районирование ... , 1964, с. 177–178, 184; Сиротин, 2017]. Некрополь располагается на площадке высокого сырta, за которым начи-

наются резкие, обрывистые спуски к р. Сакмара, русло которой находится в 4–6 км западнее (рис. 2,1).

В окрестностях с. Ивановка в 1974 г. экспедицией Башкирского филиала АН СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка было выявлено пять курганных групп. Четыре кургана группы «Ивановские I курганы» А.Х. Пшеничнюк исследовал в том же 1974 году. В исследованных курганах были выявлены погребения срубно-алакульской культуры (курганы 1, 4) и савроматской культуры (курганы 1–3) [Пшеничнюк, 1983, с. 35–37]. В 2013–2016 гг. могильник исследовался С.В. Сиротиным (курганы 5–11) [Сиротин, 2014; 2015а; Сиротин, 2017].

Всего могильник насчитывал 11 курганов, расположенных двумя группами на курганном поле. Насыпи курганов округлые в плане, диаметром от 10 до 40 м, высотой от 0,25 до 2,03 м. Одна группа курганов (1–4, 7, 8) сконцентрирована в юго-восточном участке курганного поля, другая группа курганов (5, 9–11) располагалась в 500–700 м к северу и представляла собой неправильную цепочку, вытянутую в направлении ВСВ–ЗЮЗ (рис. 1,2). Некрополь полностью исследован. Материалы могильника позволяют проследить культурно-хронологические этапы его сооружения. Это отражается в планиграфической системе расположения курганов, размещении впускных погребений, а также в хронологии инвентаря [Сиротин, 2017].

Комплексы срубно-алакульской культуры были выявлены в курганах 1, 4, 6, 7. В курганах 1, 6, 7 были найдены впускные погребения ранних кочевников. Курганы 1, 2, 5, 8–11 содержали только раннекочевнические комплексы. Погребения из курганов 1–3 А.Х. Пшеничнюк относил к савроматскому времени [Пшеничнюк, 1983, с. 88]. Западная ориентировка костяков (погр. 1 кург. 1, погр. 1 кург. 2, погр. 1 кург. 3), характерный инвентарь, представленный железным кинжалом с бабочковидным перекрестьем, плоскодонной и круглодонной лепной керамической посудой савроматского облика, позволяет датировать эти погребения широко в пределах V в. до н.э. [Пшеничнюк, 1983, табл. XXVII, с. 160; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 8–11; Гуцалов, 2004, табл. 20, с. 61]. Эти комплексы являются наиболее ранними из раннекочевнических погребений в данном могильнике. Верхнюю хроно-

логическую границу некрополя определяют курганы 5, 9–11, датирующиеся в пределах второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н.э. [Сиротин, 2017, с. 138].

Археологический контекст

Курган 5 являлся самым северным в группе (рис. 1,2). Насыпь кургана полусферическая, округлая в плане, задернована. На поверхности фиксировались норы диаметром до 0,5 м. В большей степени норы и выброшенный из нор грунт (чернозем с густой примесью прокаленной почвы и примесью материковой глины) отмечены в северной поле.

Высота насыпи от современной поверхности южной подошвы кургана в самой высокой точке (нулевой отметки), находящейся в 4 м к северу от условного центра современной насыпи кургана, составила 1,65 м.

Исходя из анализа стратиграфии бровок (рис. 3,1,2) было выяснено, что в основе курганной насыпи находился курган, возведенный над центральным погребением с предполагаемыми размерами 20,5 × 19,4 м, с вероятной высотой до 1,3–1,4 м, центр которого находился ориентировочно в 1,8–2 м северо-западнее условного центра современной насыпи. В центральной части первоначальной насыпи зафиксированы следы мощного горения (деревянной конструкции?) в виде сильно прокаленного грунта. Вероятнее всего, в связи с сооружением впускных погребений 1, 2, 3 курган был достроен до современных размеров.

В процессе снятия насыпи в южной поле (рис. 2,2), на уровне погребенной почвы были найдены: два фрагмента соединенных между собой железных удил (длина до 6 см, сечение 0,4–0,5 см) (рис. 4,1) и звено с загнутыми в петли окончаниями из подквадратного в сечении железного прута (длина 15,3 см, сечение 0,5 см) (рис. 4,2).

При исследовании юго-западного сектора кургана, в 14,5 м к ЗЮЗ от условного центра кургана, на погребенной почве был найден уздечный набор (рис. 2,2), в состав которого входили железные двусоставные удила (длина 12,3 и 9,4 см, сечение 0,5–0,6 см) (рис. 4,3), железный налобник (наносник) в виде лопасти, имеющий загнутое навершие с шишечкой на окончании (длина до 8,5 см, се-

чение 0,5 см) (рис. 4,4), железные двудырчатые стержневидные псалии (длина 13,2 и 13,5 см, сечение 0,5–0,9 см) (рис. 4,5). Помимо этого, в насыпи кургана было найдено пряслице, изготовленное из стенки керамического сосуда (рис. 4,6).

Погребение 1 (впускное) (рис. 5,1) было обнаружено в восточной поле кургана в 8,5 м юго-западнее условного центра кургана (рис. 2,2). Входная яма неправильной, подпрямоугольной формы с закругленными углами была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Яма имела длину до 2,3 м. Реконструируемая ширина входной ямы в центральной части могла составлять до 1,35 м. Глубина входной ямы (по северо-западной стенке) составила до 0,75 м. В северном углу, на дне входной ямы, был найден лепной керамический сосуд (рис. 5,1, позиция на плане 1). Лепной горшок (рис. 5,2) с резко отогнутым венчиком (высота сосуда 21 см, диаметр венчика 10,5 см, диаметр шейки 9,3 см, диаметр тулова 18,5 см, диаметр дна 10,5 см). Поверхность серого цвета с черными пятнами, слегка заглажена. В глине примесь талька. По верхней части тулова орнаментирован тремя каннелюрами, ниже которых расположены заштрихованные гирлянды из вдавлений гладкого штампа. На тулове имеются сквозные отверстия.

Подбой был устроен в длинной (северо-восточной) стенке могилы. Уровень дна входной ямы находился выше уровня дна погребальной камеры (на 0,35 м), образуя предвходовую ступень неправильной подтрапецевидной формы (длиной до 2,35 м, шириной 0,9–1,2 м) с закругленной стенкой. Погребальная камера имела удлиненно-овальную форму с закругленными стенками. Ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Длина погребальной камеры по линии дна 2,4 м, ширина до кромки предвходовой ступени по линии дна 1,1 м. Дно ровное, имеет незначительное понижение к югу. Камера имела сводчатый потолок. Высота потолка на входе в камеру могла составить до 0,7–0,75 м.

На дне погребальной камеры был найден скелет женщины 25–30 лет¹. Погребенная располагалась в центральной части погребальной камеры, ближе к стенке подбоя, в вытянутом на спине положении, головой на ЮВ.

В 0,25 м от левой плечевой кости, на дне погребальной камеры, около предвходовой ступени были найдены компактно уложенный набор (рис. 5,1, позиция на плане 2), в который входили сломанная костяная ложечка (длина 8,1 см, ширина ручки 0,7 см) (рис. 5,3), ископаемая раковина (3,8 × 1,5 × 0,7 см) (рис. 6,1), обломок белемнитового стержня с заостренным концом (длина 4,9 см, ширина 1,3 см, толщина 0,6 см) (рис. 6,2), костяная трубка (длина 5,6 см, ширина 1,2 × 1,4 см, диаметр отверстия 0,8–0,9 см) (рис. 6,3).

В 0,17 м от левого плеча были найдены сильно коррозированные фрагменты железного предмета (нож?) (общая длина фиксируемых фрагментов 20 см) (рис. 5,1, позиция на плане 3). Здесь же была найдена железная игла-проколка (длина 4,5 см, сечение 0,3 см) (рис. 5,1, позиция на плане 4, рис. 6,4) и усеченно-полусферическая бронзовая ворворка с отверстием в центре (диаметр 1,8–1,9 см, толщина 0,2 см, диаметр отверстия 0,8 см) (рис. 5,1, позиция на плане 5, рис. 6,5).

В 0,18–0,2 м к югу от черепа было найдено бронзовое зеркало в виде диска с валиком по краю, отлитого вместе с ручкой (рис. 5,1, позиция на плане 6, рис. 6,7). Центральная часть диска орнаментирована шестилепестковой розеткой, вписанной в окружности. Зеркало было уложено в сломанном виде (диск из двух фрагментов и ручка). Длина ручки 9,2 см, ширина у основания 2,9 см, ширина у диска 1,3 см, диаметр диска 14 см.

Рядом с зеркалом была найдена крупная дисковидная бусина (подвеска?) из белого мрамора (диаметр диска 2,2 см, толщина 0,7 см, диаметр отверстия 0,7 см) (рис. 5,1, позиция на плане 7; рис. 6,6) и бронзовая литая крупная игла-проколка с характерным рифлением на конце (длина проколки 5,1 см, толщина до 0,6 см) (рис. 5,1, позиция на плане 8, рис. 6,8).

Около юго-восточной стенки в 0,08 м от зеркала было найдено бронзовое колесико-амулет (подвеска?) (диаметр 2,5 см, толщина 0,4 см) (рис. 5,1, позиция на плане 9, рис. 7,1).

При расчистке костяка в области шейных позвонков и грудной клетки были найдены бусы²: одна круглая уплощенная глазчатая бусина из стеклянной пасты (диаметр 0,85 см, высота 0,55 см, диаметр отверстия 0,45 см), одна плоская глазчатая бусина из стек-

лянной пасты (1,3 × 1 см, высота 0,65 см, диаметр отверстия 0,45 см), четыре распределителя треугольной формы (один сломан) из мягкого белого камня (три 0,85 × 0,7 × 0,5 см – 0,1 × 1 см, один сломанный 0,6 × 0,3 × 0,3 см; толщиной 0,25–0,37 см), бисер (диаметр 0,3–0,35 см, 2 экз.), одна квадратная бусина из пирита (0,4 × 0,29 × 0,49 см) (рис. 5,1, позиция на плане 11, рис. 7,2).

На груди были найдены одна бронзовая плоская бляшка из двух кружков с прямоугольной петлей на обороте (длина 2,6 см) и три бронзовые нашивные полусферические бляшки (диаметр 1,4–1,5 см) (рис. 5,1, позиция на плане 2, рис. 7,3,4).

На руках погребенной были найдены проволочные браслеты (рис. 5,1, позиция на плане 12; рис. 7,5а,б). Браслет с левого предплечья 6,1 × 3,7 см, сечение 0,2–0,3 см (рис. 7,5а). Браслет с правого предплечья 6,5 × 3,8 см, сечение 0,2–0,3 см (рис. 7,5б). Около правого запястья фиксировался пучок истлевших (тростниковых?) прутиков. Фиксируемая длина 10–15 см. На правом крыле костей таза была найдена бронзовая игла длиной 4,4 см, сечение 0,1 см (рис. 5,1, позиция на плане 13, рис. 8,2). Около костей кисти правой руки был найден железный колчаный крючок (длина 5 см) (рис. 5,1, позиция на плане 14, рис. 8,1). Около правого бедра был найден набор бронзовых наконечников стрел с остатками древков (рис. 5,1, позиция на плане 15). Набор включал 67 наконечников с выступающей втулкой и 7 наконечников со скрытой втулкой (рис. 8,3). Около костей правой стопы были найдены две обработанные кости зайца, длиной 12,4–14,4 см, диаметром 0,6–0,8 см (рис. 5,1, позиция на плане 16, рис. 8,4), выполняющие функции ритуальных предметов.

Погребение 2 (впускное) (рис. 9,1) выявлено в 5,5 м к востоку от условного центра кургана (рис. 2,2). Конструктивно яма относится к подбойным могилам. Входная яма была ориентирована по линии С–Ю. Длина входной ямы могла составлять до 2,65 м, ориентировочная ширина входной ямы – до 1,2 м. Яма углублена в материк до 1 м. Северо-западный угол и северная стенка входной ямы были разрушены входной ямой катакомбы погребения 3.

Заполнение входной ямы состояло из рыхлой смеси желтого материкового песка, светло-коричневой материковой глины с незначительной концентрацией гумуса. Подбой был устроен в длинной восточной стенке могилы. Погребальная камера неправильной подпрямоугольной формы с закругленной и неровной восточной стенкой, была ориентирована длинной осью, также как и входная яма, – по линии С–Ю. Длина погребальной камеры 2,35 м, ширина – до 1,4 м. Глубина камеры от уровня материка – до 1,2 м. Фиксируемая высота сводчатого потолка составила около 0,7–0,75 м. Высота потолка на входе в камеру могла составить до 0,9–0,95 м.

На дне погребальной камеры был расчищен скелет мужчины 30–40 лет. Погребенный лежал в вытянутом на спине положении, головой на юг. Кости удовлетворительной сохранности, лежали в анатомическом порядке. Линия позвоночного столба находилась под небольшим углом и была несколько смещена по отношению к линии ног. Кости правой руки слегка согнуты в локтевом суставе. Кости стоп вытянуты вдоль линии костяка и сходятся под углом.

Около южной стенки, в 0,2 м юго-восточнее черепа, был найден лепной керамический сосуд (высота 22,5 см, диаметр венчика 10,8 см, диаметр шейки 9,8 см, диаметр горла 21 см) (рис. 9,1, позиция на плане 1). Круглодонный лепной горшок (рис. 9,2) с округлым туловом и резко отогнутым высоким венчиком. Поверхность оранжевого цвета с черно-серыми пятнами в нижней части тулова слегка заглажена. В глине примесь песка. Внутренняя поверхность венчика декорирована тремя каннелюрами. По верхней части тулова сосуд орнаментирован тремя горизонтальными узкими каннелюрами. Ниже каннелюр нанесен зигзаг из двух параллельных линий. Рядом с сосудом были расчищены ребра животного (лошади?).

В 0,08–0,1 м от правого плеча были найдены сильно коррозированные фрагменты железного (ножа?) и 8 кусочков горного хрусталя (3 × 1,3–9,3 × 5,2 см). Около правой кисти был найден железный кинжал с дуговидным перекрестьем и слабоизогнутым навершием, уложенный острием к голове погребенного (рис. 9,1, позиция на плане 2, рис. 9,3). Длина кинжала 48,7 см, ширина лезвия 4 см,

толщина – до 0,7 см, длина рукояти 7,5 см, сечение рукояти 3 × 1 см.

Около перекрестья кинжала была найдена бронзовая ворворка (диаметр 1,9 см, диаметр отверстия 0,5–0,7 см) (рис. 9,1, позиция на плане 3, рис. 9,4); в 0,2 м восточнее коленного сустава был найден железный колчанный крючок с утолщением на конце и круглым отверстием (длина 6,1 см) (рис. 9,1, позиция на плане 4, рис. 9,5); рядом лежала литая бронзовая застежка бочонковидной формы с отверстием в центре и плоскими шляпками на окончаниях (длина 2,5 см, диаметр 0,6–1 см) (рис. 9,1, позиция на плане 5, рис. 9,6). Около костей правой стопы были расчищены бронзовые наконечники стрел (22 экз.) с остатками древков (рис. 9,1, позиция на плане 6): 18 наконечников с выступающей втулкой, 4 наконечника со скрытой втулкой (рис. 9,7). Около северной стенки, в углу предвходовой ступени, лежали ребра животного (лошади?).

Погребение 3 (впускное) (рис. 10,1,1a) выявлено в восточной поле кургана в 3 м к ВСВ от условного центра (рис. 2,2). Входная яма представляла собой вертикальную шахту (диаметр около 1 м) глубиной от 1,07 до 1,25 м от материковой поверхности. При сооружении данного погребения был разрушен северо-западный угол и часть северной стенки входной ямы погребения 2.

Конструктивно погребение 3 относится к катакомбам. В погребальную камеру вел широкий пологий дромос, точные размеры которого установить достаточно сложно ввиду обвалившегося свода. Вероятнее всего, дромос был длиной около 0,8–1 м и ориентирован по линии СЗ–ЮВ. Перепад высот в дромосе от реконструируемой границы входной ямы до условных границ погребальной камеры составил до 0,06 м. Дно дромоса перед входом в погребальную камеру образовывало ступень высотой до 0,08 м.

Погребальная камера была устроена в северо-западной части катакомбы, имела вытянутую неправильную овальную форму с неровной задней (северо-западной) стенкой. Длинной осью погребальная камера находилась перпендикулярно к оси дромоса и была ориентирована по линии СВ–ЮЗ.

Вдоль северо-западной стенки камеры была устроена своеобразная ступень непра-

вильной формы длиной до 1,9 м, шириной до 0,4 м, высотой от уровня дна погребальной камеры до 0,4 м.

Погребальная камера имела размеры 3,2 × 1,4 м, с учетом ступени в северо-западной стенке ширина могла составлять до 1,7 м. Высота сводчатого потолка могла составлять до 0,92–0,94 м. Дно камеры углублено в материк до 1,4–1,42 м.

Общая длина катакомбы по линии СЗ–ЮВ с учетом условно реконструируемой границы входной ямы составила 3,7 м. На дне погребальной камеры был обнаружен костяк женщины 35–50 лет, который лежал в вытянутом на спине положении, головой на ЮЗ. У него прослеживались остатки прямоугольной рамы (погребальное ложе?) из деревянных жердей очень плохой сохранности. Судя по фрагментам и древесному тлену, рама имела длину до 2,2 м, ширину – до 0,55 м.

Кости плохой сохранности, лежали в анатомическом порядке. Кости правой ноги были слегка подогнуты.

При исследовании ямы погребения был найден лепной керамический сосуд (рис. 10,1, позиция на плане 1, рис. 10,2), лежащий на боку (высота 21,5 см; диаметр венчика 10,2 см; диаметр шейки 9,3 см; диаметр тулова 20 см). Фрагментированный круглодонный лепной горшок с округлым туловом и резко отогнутым высоким венчиком. Поверхность серого цвета, с черными пятнами в нижней части тулова, слегка заглажена. В глине примесь талька. По верхней части тулова орнаментирован тремя слабо выраженными каннелюрами, ниже которых нанесен зигзаг из трех параллельных линий. Ниже прочерчены линии разнонаправленного зигзага, образующие сетку.

В 0,2 м к югу от черепа было найдено бронзовое зеркало (рис. 10,1, позиция на плане 2, рис. 10,3), отлитое вместе с ручкой. Тыльная сторона диска орнаментирована плохо читаемым (не завершенным?) орнаментом, в виде заточкованных треугольников. Окончание ручки оформлено в виде овала. Длина зеркала 27,4 см, диаметр диска 17 × 16 см, ширина ручки 3,4 см, овал на конце ручки 5,3 × 3,3 см.

Под зеркалом были найдены: бронзовое колесико-амулет (диаметр 3,1 см, толщина 0,3 см) (рис. 10,1, позиция на плане 3, рис. 10,4);

железная игла-проколка (?) (длина 5,3 см, сечение 0,3 см) (рис. 10,1, позиция на плане 4, рис. 10,5); четырехгранный камень (длина 11,5 см, сечение 2,3 × 2,6 см) (рис. 10,1, позиция на плане 5, рис. 10,6); фрагмент косточки (человека?) (рис. 10,1, позиция на плане 6); фрагменты железного ножа (длина 13,9 см, сечение 1–1,6 × 0,4–0,65 см) (рис. 10,1, позиция на плане 6, рис. 10,7).

Около черепа (с правой и левой стороны) были найдены две серьги-подвески (рис. 10,1, позиция на плане 8, рис. 11,1,2), изготовленные из серебряной проволоки, загнутой в 1,5 оборота. Диаметр 3,5 × 1,3 см, 3,2 × 3, сечение 0,15–0,2 см.

На шее погребенной женщины была найдена гривна (18,8 × 16,4 см, сечение 0,5–0,6 см) из железного обруча в 1,5 оборота, обернутого золотым листом (рис. 10,1, позиция на плане 9, рис. 11,1,3).

В области правого запястья были найдены бусы (рис. 10,1, позиция на плане 10, рис. 11,4): бусина в форме линзы из сердолика (1,4 × 1,8 см, толщина 0,5 см); бусина в форме линзы из агата (1 × 1,4 см, толщина 0,4 см); золотая бусина-пронизь 0,6 × 0,65 см; круглая бусина (стеклянная паста?) 0,65 × 0,55 см; глазчатая бусина (стеклянная паста), диаметр 0,95, высота 0,7 см; прямоугольные и квадратные бусы (длина 0,3–0,7 см, сечение 0,2 × 0,2–0,4 × 0,2 см, пирит, 6 экз.), пронизь (диаметр 0,45, высота 0,5 см, пирит); пронизь (0,9 см, диаметр 0,15–0,2 см, серебро?).

В области левого запястья (рис. 10,1, позиция на плане 11, рис. 11,5): плоская бусина (0,9 × 1,1 см, толщина 0,4 см, стеклянная паста?); бисер (0,3 × 0,2 см, стеклянная паста, 5 экз.); квадратная бусина (0,5 × 0,45 см, пирит).

Около северной стенки в нише, в 0,2 м от костей стоп, был найден круговой керамический сосуд (рис. 10,1, позиция на плане 12, рис. 11,6) хорезмийского производства (высота 32 см; диаметр венчика 11,5 см; диаметр тулова 25,7 см; диаметр дна 19,3 см). Плоскодонный гончарный сосуд хорошего обжига, с плавным округленным туловом и резко отогнутым раздутым венчиком. Поверхность покрыта красно-оранжевым ангобом.

Погребение 4 (центральное) (рис. 12,1) выявлено в центральной части кургана

(рис. 2,2). Конструктивно погребение относится к катакомбам. Вследствие неоднократных ограблений размеры входной ямы могут быть реконструированы условно.

Входная яма представляла собой вертикальную шахту округло-овальной формы с закругленными стенками, которые сужались ко дну. Входная яма имела усредненные размеры 1,9 × 2,03 м и была углублена в материк по северной стенке на 1,52 м. Дно входной ямы имело плавное понижение к югу (перепад высот 0,02–0,09 м), образуя короткий ход-дромос (1,2–1,4 м) в погребальную камеру. Южный край хода был скошен и выступал в качестве предвходовой ступени высотой от уровня дна погребальной камеры 0,73 м.

Погребальная камера была устроена в южной части катакомбы, имела неправильную широкую прямоугольную форму, со скругленными углами и неровными стенками. По дну камера имела размеры 3,6 × 2,9 м. Длинной осью погребальная камера была ориентирована по линии С–Ю. Реконструируемая высота свода могла составлять до 1,7–1,8 м.

Дно погребальной камеры ровное, углублено в материк до 2,34–2,44 м. С учетом повреждений в северной части общая длина катакомбы по материковой поверхности составила до 5,75 м, по дну – 6,18 м. Ширина – до 3,9 м.

В заполнении ямы на разной глубине были найдены: каменное пряслице (пронизь?) усеченно-конической формы (диаметр 3 см, высота 1,25 см, диаметр отверстия 0,65 см) (рис. 12,1, позиция на плане 1, рис. 12,2); бронзовое колесико-амулет (диаметр 2,55 см, толщина 0,5 см) (рис. 12,1, позиция на плане 2; рис. 12,3); ворворка удлиненно-конической (грушевидной) формы, изготовленная из горной породы (высота 1,6 см, диаметр 1,25–1,9 см, диаметр отверстия 0,7 см) (рис. 12,1, позиция на плане 3, рис. 12,4); бусина из сердолика (длина 2,1 см, диаметр до 0,7 см) (рис. 12,1, позиция на плане 4, рис. 12,5); железный колчаный крючок (длина 5,4 см) (рис. 12,1, позиция на плане 5, рис. 12,6).

На дне погребальной камеры в 0,25–0,3 м к западу от восточной стенки был обнаружен фрагментированный череп женщины 35–50 лет. Кроме того, в юго-западной части погребальной камеры на дне были найдены от-

дельные кости (обломки ребер и трубчатых костей) человеческого скелета.

В юго-восточном углу погребальной камеры был обнаружен сломанный наконечник копья (рис. 12, 1, позиция на плане 6, рис. 12, 7). Длина сохранившейся части пера 26,3 см, ширина – до 4,5 см, толщина – до 0,7 см. Длина сохранившейся части втулки 14,9 см, диаметр – 2,4–3,4 см.

Погребальный обряд и конструктивные особенности кургана 5

В основе погребального сооружения кургана находилось погребение 4 (центральное). В центральной части подкурганной площадки была сооружена катакомба, оказавшаяся на момент исследования разрушенной в результате неоднократных ограблений. Над центральной могилой возводилась первоначальная насыпь, имеющая, судя по стратиграфической картине контрольных бровок, на момент досыпки кургана в связи с сооружением впускных погребений полусферическую и округло-овальную (практически округлую) в плане форму. Реконструируемые размеры первоначальной насыпи могли составлять 20,5 × 19,4 м, с вероятной (условно реконструируемой) высотой до 1,3–1,4 м. Насыпь возводилась из гумуса (дерновых блоков?) с примесью материковой глины. Стратиграфической и, соответственно, конструктивной особенностью первоначальной насыпи является наличие прокаленного грунта в центральной части, мощностью до 1,4 м. Реконструируемая по контрольным бровкам площадка с прокаленным грунтом имела неправильную форму с условным диаметром до 14 м.

Каких-либо остатков деревянной конструкции при исследовании кургана не выявлено. В насыпи встречались отдельные включения угля. Большой концентрации прокаленный грунт фиксируется ближе к центру и к уровню погребенной почвы, причем в центральной части прокал погребенной почвы достигает материка.

Впускные погребения были совершены на периферии первоначальной насыпи. Входная яма погребения 1 была устроена на условно реконструируемой границе, у подножия первоначальной насыпи, юго-западнее цент-

рального погребения, вероятнее всего, до времени досыпки курганной насыпи. Входная яма погребения 2 была устроена к востоку от центрального погребения в пределах первоначальной насыпи практически на границе площадки прокаленного грунта. Примечательно, что подбой был устроен в направлении от центра, но в пределах реконструируемых границ первоначальной насыпи. Погребение 3 было сооружено позже погребения 2, по всей видимости, спустя очень непродолжительное время. Как уже отмечалось, входная яма достаточно точно вписывается в северо-западный угол входной ямы погребения 2, не нарушая целостности самого погребения. Объяснить такую точность правильного попадания можно лишь тем, что при строительстве катакомбы входная яма погребения 2 визуально хорошо прослеживалась. Причем входная яма была закрыта, поскольку на материковой поверхности фиксировались четкие контуры входной ямы погребения 3. Стратиграфия контрольных бровок III и IV показала, что выделявшиеся цветом заполнения входных ям погребений 2 и 3 фиксировались не по всему вертикальному контуру профиля, а чуть выше уровня погребенной почвы.

В этой связи можно предположить, что достройка курганного сооружения производилась после совершения захоронения в погребении 3. Причем достройка насыпи осуществлялась в восточном и южном направлении, полностью перекрывая впускные погребения.

Погребения 1 и 2 относятся к категории подбойных могильных сооружений. Могильные ямы такой конструкции появляются еще в V в. до н.э. Вместе с тем массовое распространение подбойных могил с ориентировкой погребенных в южный сектор является отличительной чертой погребальной обрядности южноуральских номадов IV в. до н.э. [Мошкова, 1974, с. 17; Гуцалов, 2004, с. 105].

Погребение 3, совершенное в катакомбе, по устоявшейся типологии относится к I типу [Мошкова, Малашев, 1999, с. 173–174]. В этих сооружениях ось погребальной камеры (либо ось погребенного) перпендикулярна оси входной ямы. Основная часть таких могильных сооружений на Южном Урале имеет датировку IV – начало III в. до н.э. [Мошкова и др., 2011, с. 166]. Сложнее определить тип

могильной ямы погребения 4, вследствие многочисленных разрушений при ограблениях. Вместе с тем исходя из планиграфической ситуации есть все основания отнести данное погребение к категории катакомб I типа [Мошкова, Малашев, 1999, с. 173].

Особого внимания заслуживает сгоревшая деревянная конструкция в курганном сооружении. Следы горения деревянных конструкций достаточно часто фиксируются в раннекочевнических комплексах Южного Урала конца VI – IV в. до н.э. Применительно к раннепрохоровским комплексам особо следует выделить курганы таких некрополей, как Филипповка 1, Переволочан I и др. [Пшеничнюк, 1983; 1995; 2012; Сиротин, 2010; Яблонский, 2013; Сиротин и др., 2019]. Однако необходимо отметить, что в курганах некрополей, где выявлены следы огня, деревянная конструкция горела без доступа воздуха, благодаря чему бревна лишь обуглились, что позволило проследить характер надмогильного перекрытия.

Применительно к рассматриваемому кургану следует обратить внимание на то обстоятельство, что деревянная конструкция выгорела полностью. Дерево не сохранилось, и характер надмогильного сооружения определить не удалось. Судя по округлому в плане и полусферическому в разрезе контуру прокаленного грунта, в центральной части кургана конструкция, вероятнее всего, имела радиальный характер. На Южном Урале подобная ситуация зафиксирована в кургане 2 этого же могильника и в курганах некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» [Пшеничнюк, 1983; Сиротин, 2017; Сиротин и др., 2020].

К настоящему времени однозначного ответа на вопросы, связанные с горением надмогильных сооружений в курганах ранних кочевников Южного Урала, нет. Одни исследователи связывают поджог деревянной конструкции с действиями грабителей [Пшеничнюк, 1995, с. 93–94; 2012, с. 66; Таиров, 2014], другие считают их принадлежностью погребального ритуала.

Следует отметить, что обе эти версии не вполне объясняют своеобразную избирательность в совершении огненного ритуала или же поджога в результате грабежа, поскольку не все деревянные конструкции в кур-

ганах некрополей имели признаки горения. Возможно, огненный ритуал при совершении обрядовых действий полагался определенной группе, но увязать это достоверно с социальным или культовым статусом умерших сложно. На наш взгляд, в данной ситуации можно предполагать наличие определенного этнографического элемента, связанного с применением огненных практик в системе погребальной обрядности могильников Филипповка 1, Переволочан I, «Ивановские I курганы», «Высокая Могила – Студеникин Мар» и ряда других [Сиротин, 2017; Сиротин и др., 2018; 2019]. Трудно объяснить и разницу в характере горения надмогильных сооружений. Как уже отмечалось выше, в некрополях отчетливо фиксируется группа курганов с обугленными конструкциями, когда горение осуществляется без доступа воздуха (Филипповка 1, Переволочан I) и группа курганов, где конструкция выгорела полностью, не испытывая недостатка кислорода (могильники «Высокая Могила – Студеникин Мар», «Ивановские I курганы»). Вероятно, такая ситуация могла быть связана с конструктивными особенностями надмогильного сооружения и курганной насыпи. В этом случае в условиях горения надмогильного перекрытия кислорода было достаточно, в отличие от курганов с обугленными конструкциями [Сиротин и др., 2020, с. 210]. Достоверно установить характер конструкции и время поджога в условиях тотального горения представляется маловероятным. Возможно, доступ воздуха обеспечивался специальными воздушными каналами, специфической архитектуры сооружения, поджогом конструкции до возведения основной земляной насыпи и т. д. Однако очевидно, что конструктивно курганы с тотально выгоревшими деревянными перекрытиями отличались от курганных сооружений с обугленными без доступа воздуха конструкциями.

Анализ инвентаря и хронология комплексов

Определенная часть вещевого материала исследованных комплексов датируется достаточно широко. Железные двусоставные удила (наборы из насыпи) (рис. 4, 1–3) бытуют в составе конского снаряжения кочевников на

протяжении длительного времени. Они известны как в составе погребальных комплексов, так и в качестве жертвенных комплексов, единичных находок на обширных пространствах евразийской степи скифо-сарматского времени [Смирнов, 1961, с. 82; Мошкова, 1963, с. 36; Савченко, 2009, с. 228, 230].

Бронзовые наконечники стрел из погребений 1 и 2 (рис. 8,3, 9,7) широко представлены в колчаных наборах ранних кочевников Южного Урала V–III вв. до н.э. Вместе с тем абсолютное преобладание в рассматриваемом наборе наконечников вытянутых пропорций, практическое отсутствие в нем массивных наконечников со сводчатой головкой ранних типов, датирующихся V – началом IV в. до н.э., его типологическая тождественность хорошо известным раннепрохоровским комплексам позволяет рассматривать данный колчаный набор в пределах второй половины IV – начала III в. до н.э.

Колчаные крючки, найденные в погребениях 1, 2, 4 (рис. 8,1, 9,5, 12,6), являются частой находкой в мужских раннекочевнических погребениях. Подобные крючки с характерным отверстием в спинке, по мнению В.Н. Васильева, могут выступать в качестве хроноиндикаторов [Васильев, 2004, с. 158].

Как принадлежность воинской амуниции колчаные крючки появляются в VII–VI вв. до н.э. и продолжают существовать до III–II вв. до н.э. Наибольшее распространение они получают в V–IV вв. до н.э. [Мышкин, 2010, с. 267] и хорошо маркируют раннепрохоровский комплекс инвентаря.

Бронзовые колесики хорошо известны в погребениях южноуральских кочевников VI–III вв. до н.э. К настоящему времени данная категория предметов известна на широкой территории от лесостепной и степной Скифии до Синьцзяня. В.К. Федоровым учтено более 70 находок, из которых около 40 происходит с территории Южного Урала [Федоров, 2018, с. 22]. Наиболее близкие аналогии колесикам, найденным в погребениях кургана 5 (рис. 7,1, 10,4, 12,3), имеются в южноуральских комплексах V–IV вв. до н.э. [Федоров, 2018, рис. 2,2,6–10,12,13, 3,3,4,7,8].

Костяные ложечки также являются достаточно распространенной категорией инвентаря в погребениях южноуральских номадов

VI–III вв. до н.э. Костяная ложечка из погребения 1 (рис. 5, 3) имеет наиболее близкие аналогии среди комплексов IV–III вв. до н.э. [Федоров, 2013, рис. 2,47,50,52,54,62].

В пределах IV – начала III в. до н.э. датируются серьги из погребения 3 (рис. 11,2) [Мошкова, 1963, с. 44, табл. 29; Лылова, 2020, с. 153, рис. 2, 3].

Вызывает интерес найденная в области грудных костей бронзовая плоская бляшка из двух кружков с петлей на обороте (рис. 7,3). Подобные бляшки известны в комплексах Среднего Дона IV в. до н.э. и трактуются как части поясного набора [Савченко, 2004, с. 228, рис. 25,3,5,6–8,15–17,20–23].

Некоторые категории инвентаря позволяют уточнить датировку погребений кургана 5 в рамках второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н.э.

Железные двудырчатые стержневидные псалии (рис. 4,5) в уздечном наборе из насыпи кургана с восьмеркообразным утолщением по центру и концами, оформленными утолщениями, относятся по типологии К.Ф. Смирнова к IV типу [Смирнов, 1961, с. 86] и имеют аналогии в южноуральских комплексах (см. обзор: [Сиротин, 2015, с. 252; Савельев, 2007; 2020]). Псалии данного типа получают распространение с IV в. до н.э., характерны для комплексов второй половины IV в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 86; Васильев, 2004, с. 157; Сиротин, 2015; 2017]. Подобные псалии найдены в комплексах второй половины IV в. до н.э. в Подонье [Савченко, 2009, рис. 4,3,7, 5,8].

Обращает на себя внимание железный налобник (рис. 4,4) с загнутым в петлю навершием с шишечкой на окончании. Находки таких налобников известны в раннепрохоровских и кара-абызских комплексах Южного Урала [Пшеничнюк, 1976, 46, 47, рис. 9,1,2; Смирнов, 1964, с. 332, рис. 38,6,7; Савельев, 2007, с. 339, рис. 1,8–10; 2020; Яблонский, 2008, с. 176, рис. 3,6,7; 2013, с. 226, № 3144; Сиротин, 2010, с. 332, 333, рис. 6,5; 2015, с. 249, 251, рис. 2,6, 3,7]. Более широко такие налобники (наносники?) представлены во второй половине IV в. до н.э. на Среднем Дону [Савченко, 2009, с. 258–260; Гуляев и др., 2020, рис. 4,5]. Для Южного Урала В.Н. Васильев датирует их второй половиной или концом IV в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 157].

При рассмотрении хронологии комплексов из кургана 5 следует обратить внимание на короткий меч или кинжал переходного типа, найденный в периферийном погребении 2 (рис. 9,3). Часть исследователей датируют данные образцы клинкового оружия применительно к Южному Уралу достаточно широко, время появления ранних образцов таких мечей определяется второй половиной V в. до н.э., а периодом их наибольшего распространения считается IV до н.э. [Смирнов, 1961, с. 30; 1981, с. 84; Мошкова, 1963, с. 33; Клепиков, 2002, с. 27; Таиров, 2020, с. 186–187].

Вместе с тем наиболее представительную серию комплексов, содержащих мечи переходного типа с характерным набором раннепрохоровского инвентаря, В.Н. Васильев относит к последней четверти IV в. до н.э. [Васильев, 2004, с. 153]. По мнению В.Н. Васильева, Г.Т. Обыденновой и В.К. Федорова, время бытования мечей переходного типа следует ограничить периодом в 40–50 лет, и хронологически они укладываются в диапазон второй / третьей четверти IV в. до н.э. – начала III в. до н.э. [Васильев и др., 2019, с. 102]. Данная позиция, на мой взгляд, выглядит наиболее предпочтительной. Следует отметить, что к настоящему времени верхняя граница бытования мечей переходного типа в пределах начала III в. до н.э. не вызывает возражений среди исследователей [Таиров, 2020, с. 187].

Обращают на себя внимание бронзовое зеркало из погребения 1 (рис. 6,7). По оформлению диска оно относится к серии типа «Темир» [Васильев, 2004, с. 159, 162, 167, рис. 3,8–11; Таиров, 2018, с. 354, рис. 1,7–8]. Морфологически эти зеркала очень близки к типу 5.3 по классификации А.С. Скрипкина [Скрипкин, 1990, с. 95]. Я разделяю позицию В.Н. Васильева относительно их сосуществования в финальной части IV в. до н.э. или на рубеже IV–III вв. до н.э. [Васильев, 2004, с. 167; Васильев и др. 2019, с. 103]. Достаточно близкой аналогией зеркалу из погребения 1 по оформлению диска лепестковой розеткой является зеркало из хорошо датированного комплекса третьей четверти IV в. до н.э. с территории Среднего Дона погребения 2 кургана 18 у с. Колбино [Гуляев, 2017, с. 76, рис. 3,11].

Ко второй половине IV – рубежу IV–III вв. до н.э. относятся лепные керамичес-

кие сосуды с примесью талька в тесте (погр. 1–3) (рис. 5,2, 9,2, 10,2) [Васильев, 2001, с. 170, 177, рис. 1; 2004, рис. 5–7; Мошкова, 1963, с. 28, табл. 9, 10; Сиротин, 2017].

Обращает на себя внимание гончарный кувшиновидный сосуд среднеазиатского производства из погребения 3 кургана 5 (рис. 11,б). Такие гончарные сосуды хорезмийского происхождения исследователи для азиатских территорий датируют достаточно широко IV–II вв. до н.э. [Болелов, 2012, с. 211]. Однако если рассматривать в хронологическом аспекте южноуральские комплексы, в которых найдены подобные сосуды, то все они относятся к концу IV – рубежу IV–III вв. до н.э. [Васильев, 2004, с. 163, 165, рис. 5,14, 7,9,11; Мошкова, 1972, с. 33, рис. 4,8; Федоров, 2008, рис. 12,1–3,5; Сиротин, Трейстер, 2014, с. 211, рис. 3,4].

Таким образом, определенная часть предметов, найденных в погребениях кургана 5, имеет датировки в пределах IV в. до н.э. Вместе с тем, с учетом ряда вещей, имеющих аналогии как в южноуральских, так и среднедонских комплексах (последние, как правило, датированные по образцам античной тары), есть определенные основания для уточнения датировки рассматриваемых погребений. Дата кургана, на мой взгляд, может быть установлена в пределах последней трети IV в. до н.э. – рубежа IV–III вв. до н.э.

Как в хронологическом, так и культурном отношении курган 5 хорошо синхронизируется с курганами 9–11 данного некрополя. Располагаясь в северной части могильника, данные курганы топографически образуют относительно компактную группу, вытянутую неправильной цепочкой, ориентированной по линии ЮЮЗ–ССВ. Данная группа курганов отличается от южной группы (курганы 1–8). Прежде всего обращает на себя внимание погребальный обряд – подбойные и катакомбные могильные сооружения. Инвентарь очень характерный и представляет собой компактный культурно-хронологический комплекс раннепрохоровского облика. Сооружение данной группы курганов было связано с притоком в Зауральскую Башкирию кочевых групп – носителей культурных традиций памятников филипповского круга. В этническом отношении эти группы были близки местно-

му населению. Этим, возможно, объясняется наличие разновременных комплексов в одном могильнике. Как уже говорилось, подобная ситуация отмечена и в других известных памятниках Зауралья, таких как Переволочан I, Яковлевские курганы, Альмухаметово, Биш-Уба и др.

Осваивая новые территории и вливаясь в состав местного населения в качестве элитарного компонента, данные группы в короткий срок существенным образом видоизменили в регионе культурные стереотипы. В археологическом отношении это выразилось в распространении новых форм погребального обряда и вещевых комплексов, стандартизации погребального обряда и инвентаря. В качестве причин прихода данной группы кочевников можно выделить общую демографическую ситуацию в регионе, связанную с увеличением народонаселения, а также стремлением поставить под контроль иткульский металлургический центр и рудные, прежде всего, медные и золотоносные месторождения восточных склонов Южного Урала. В этой связи

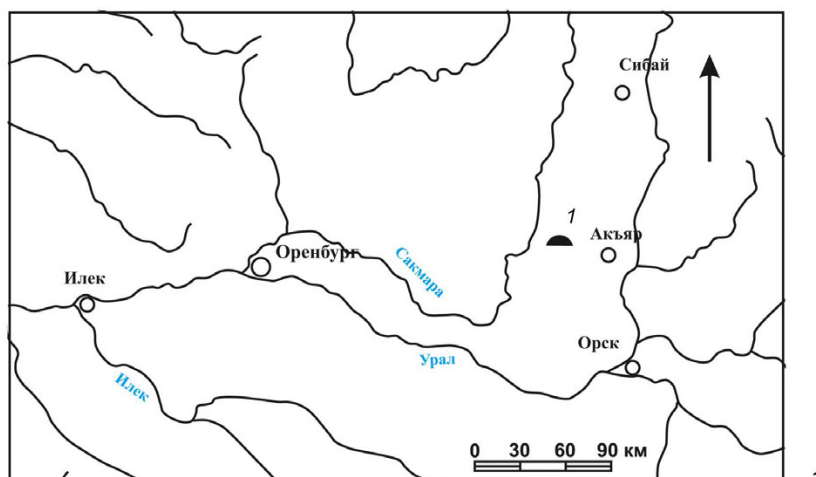
данный регион следует рассматривать наряду с бассейном р. Илек и Восточным Оренбуржьем в качестве еще одного (Присакмарского) родоплеменного центра кочевников раннего этапа прохоровской культуры [Сиротин, 2017a]. Неблагоприятные природно-климатические условия, перенаселенность степных пространств Урало-Илекского и Урало-Сакмарского междуречья, военно-политические события в западных областях вызвали отток кочевого населения, что в конечном итоге привело к распаду филипповского кочевого объединения и, соответственно, прекращению функционирования некрополей филипповского круга в конце IV – начале III в. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

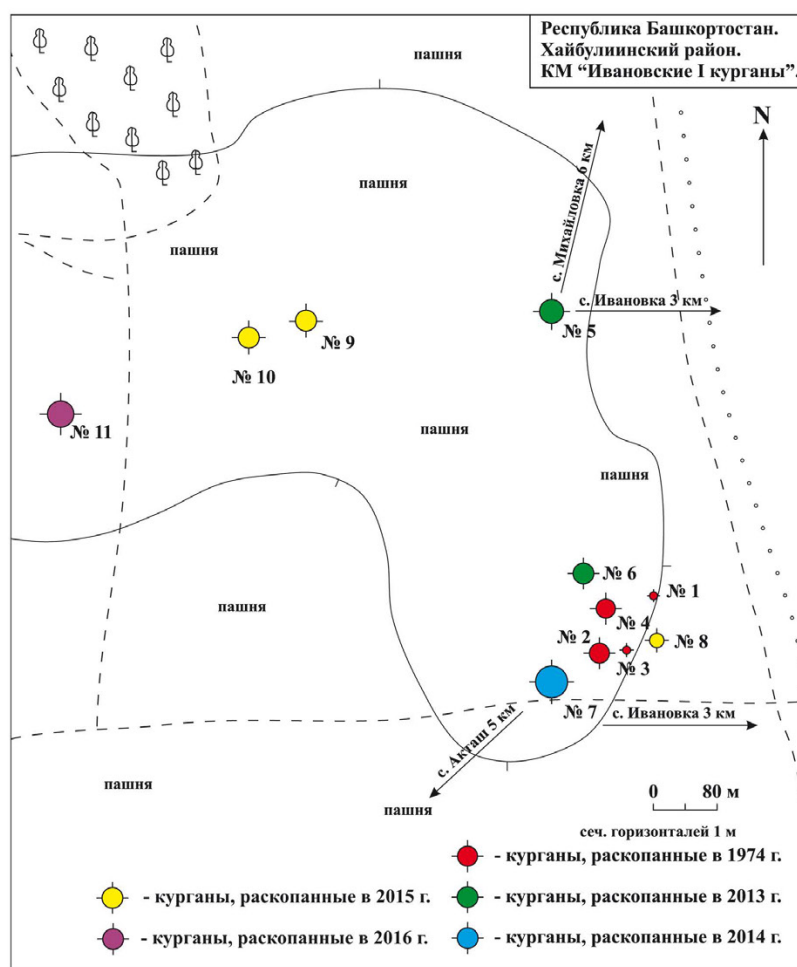
¹ Здесь и далее половозрастные определения произведены кандидатом биологических наук В.В. Куфтериним (ИЭА РАН, г. Москва).

² Здесь и далее определения материала бус сделаны кандидатом геолого-минералогических наук О.В. Анисеевой (ГосНИИР, г. Москва).

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

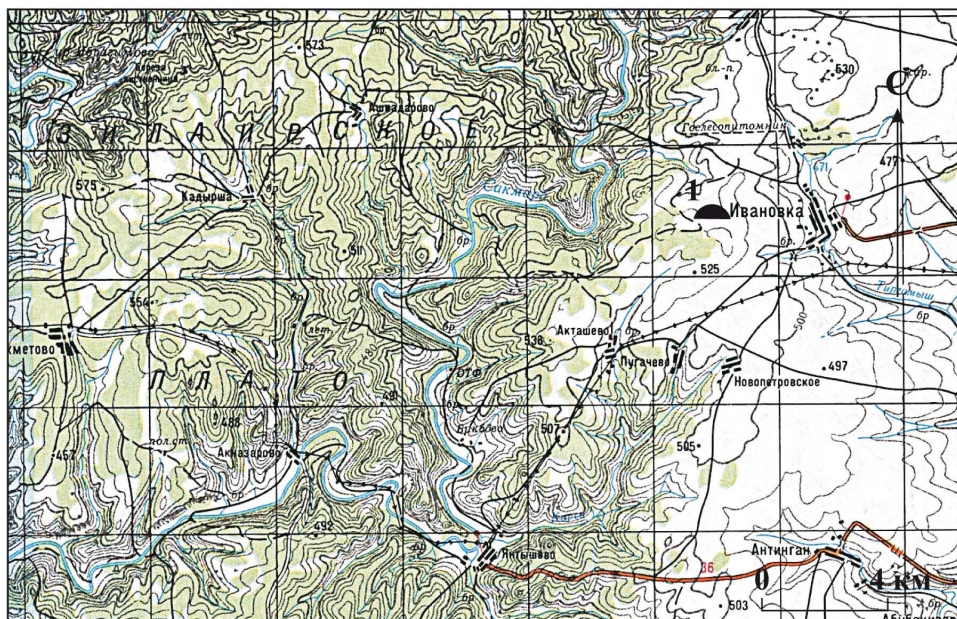
2

Рис. 1. Карта расположения могильника «Ивановские I курганы» на Южном Урале и план могильника:

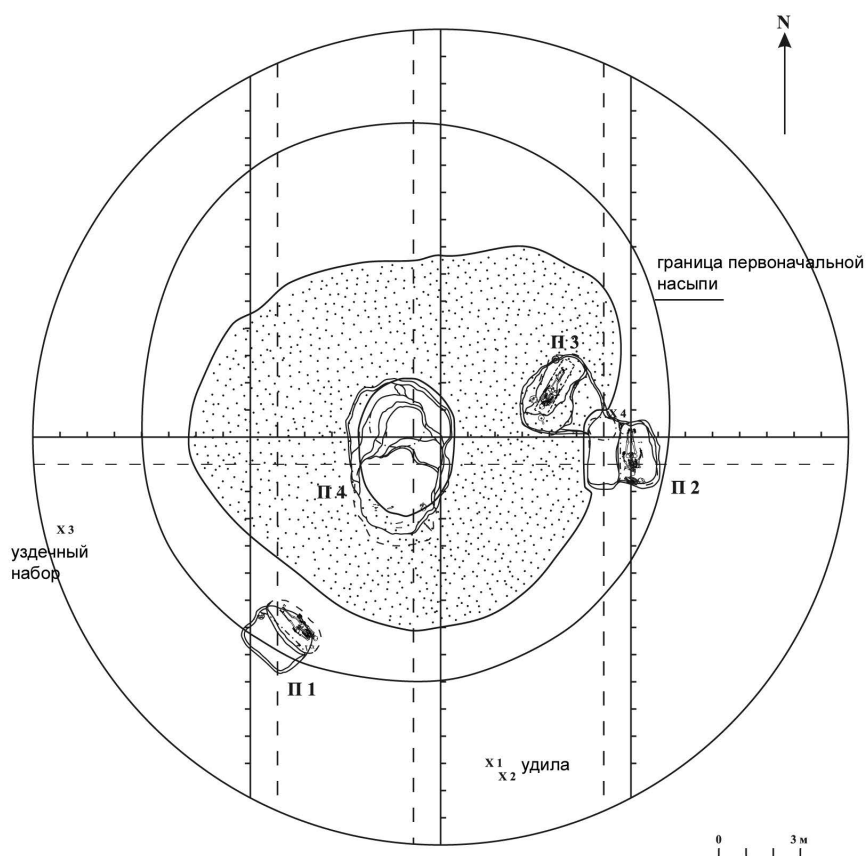
- 1 – расположение могильника «Ивановские I курганы» на Южном Урале;
- 2 – план могильника «Ивановские I курганы»

Fig. 1. A location map of the kurgan cemetery “Ivanovskie I kurgany” in the Southern Urals and a plan of the burial ground:

- 1 – location of the kurgan cemetery “Ivanovskie I kurgany” in the Southern Urals;
- 2 – plan of the kurgan cemetery “Ivanovskie I kurgany”

1

2

Рис. 2. Карта расположения могильника «Ивановские I курганы» в юго-восточной Башкирии и план кургана 5:

1 – расположение могильника «Ивановские I курганы» в юго-восточной Башкирии; 2 – план кургана 5
 Fig. 2. The location map of the kurgan cemetery “Ivanovskie I kurgany” in southeastern Bashkiria and the kurgan 5 plan:

1 – location of the kurgan cemetery “Ivanovskie I kurgany” in southeastern Bashkiria; 2 – kurgan 5 plan

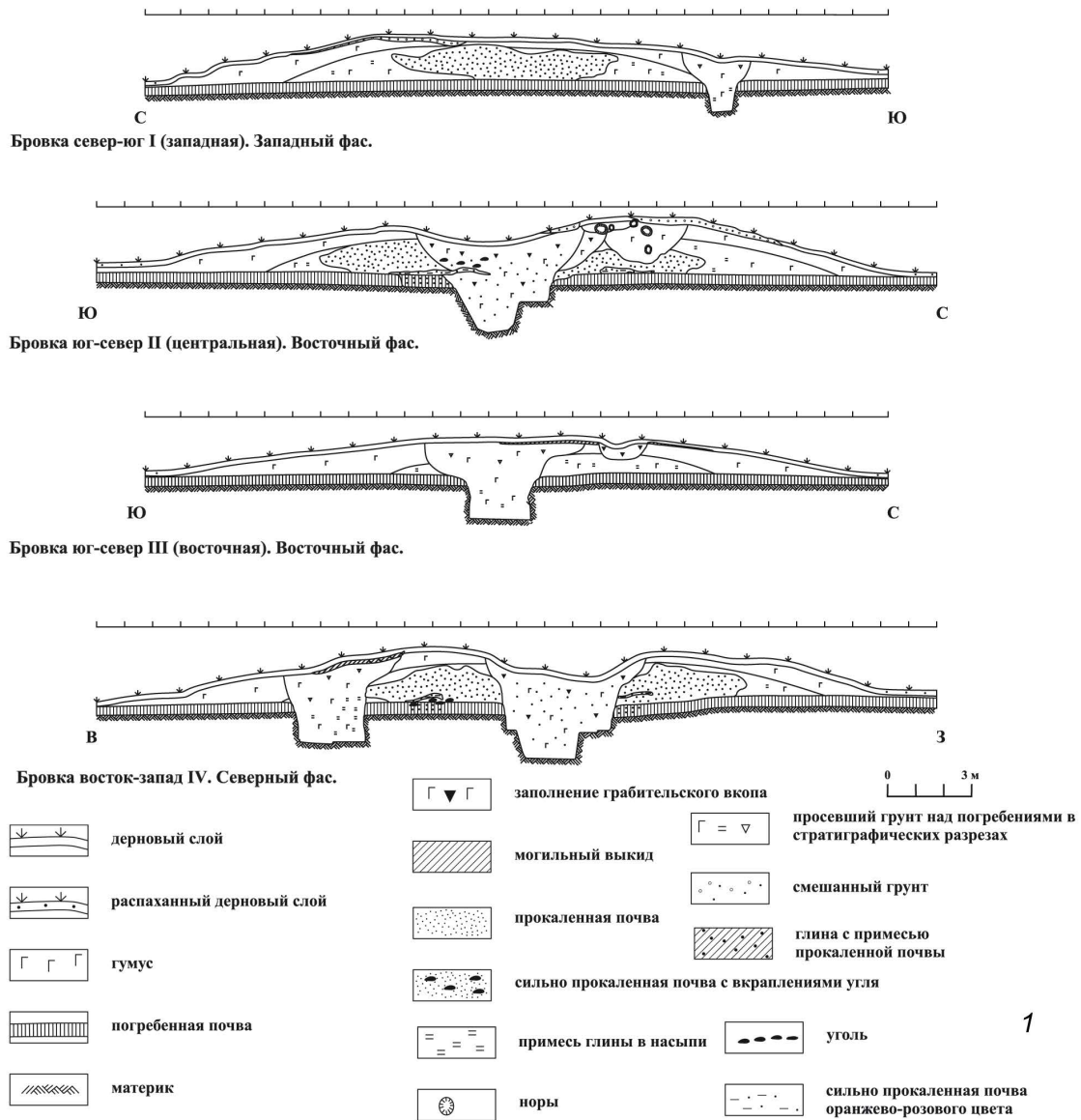

Рис. 3. Стратиграфические разрезы кургана 5:

1 – профили бровок; 2 – фото стратиграфического разреза центральной части кургана 5

Fig. 3. Stratigraphic sections of the kurgan 5:

1 – brow profiles; 2 – photo of the stratigraphic section of the kurgan 5 central part

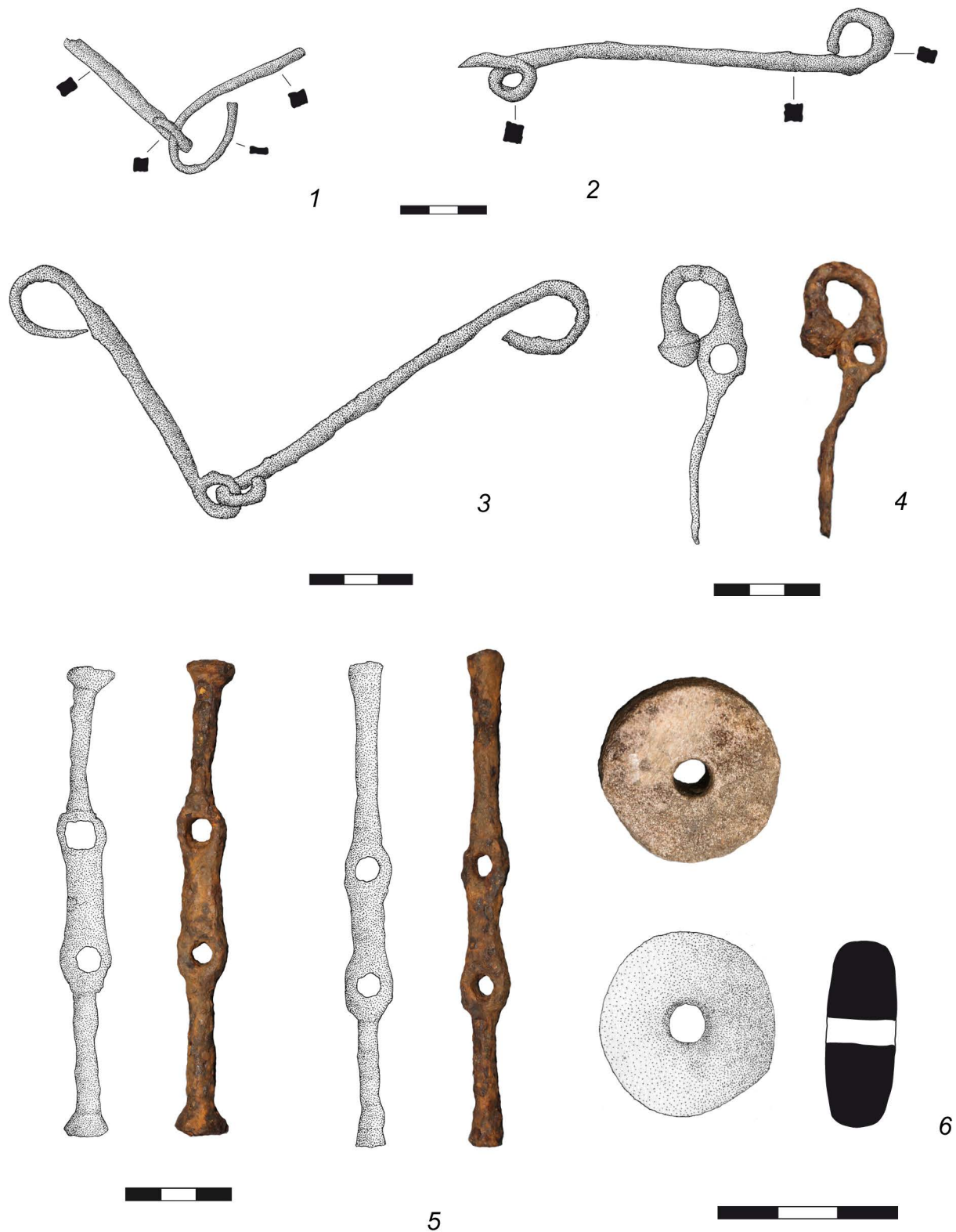

Рис. 4. Находки из насыпи кургана 5:

1, 2 – фрагменты удиц; 3 – удила; 4 – налобник; 5 – псаали; 6 – пряслице. 1–5 – железо; 6 – керамика. Фото автора.
1–5 – по: [Сиротин, 2015, рис. 3, 1,3–7]; 6 – по: [Сиротин, 2013, рис. 65]

Fig. 4. Finds from the kurgan 5 mound:

1, 2 – fragments of bits; 3 – bits; 4 – headpiece; 5 – psalms; 6 – spinning wheel. 1–5 – iron; 6 – ceramics. Photo by the author.
1–5 – after: [Sirotin, 2015, fig. 3, 1,3–7]; 6 – after: [Sirotin, 2013, fig. 65]

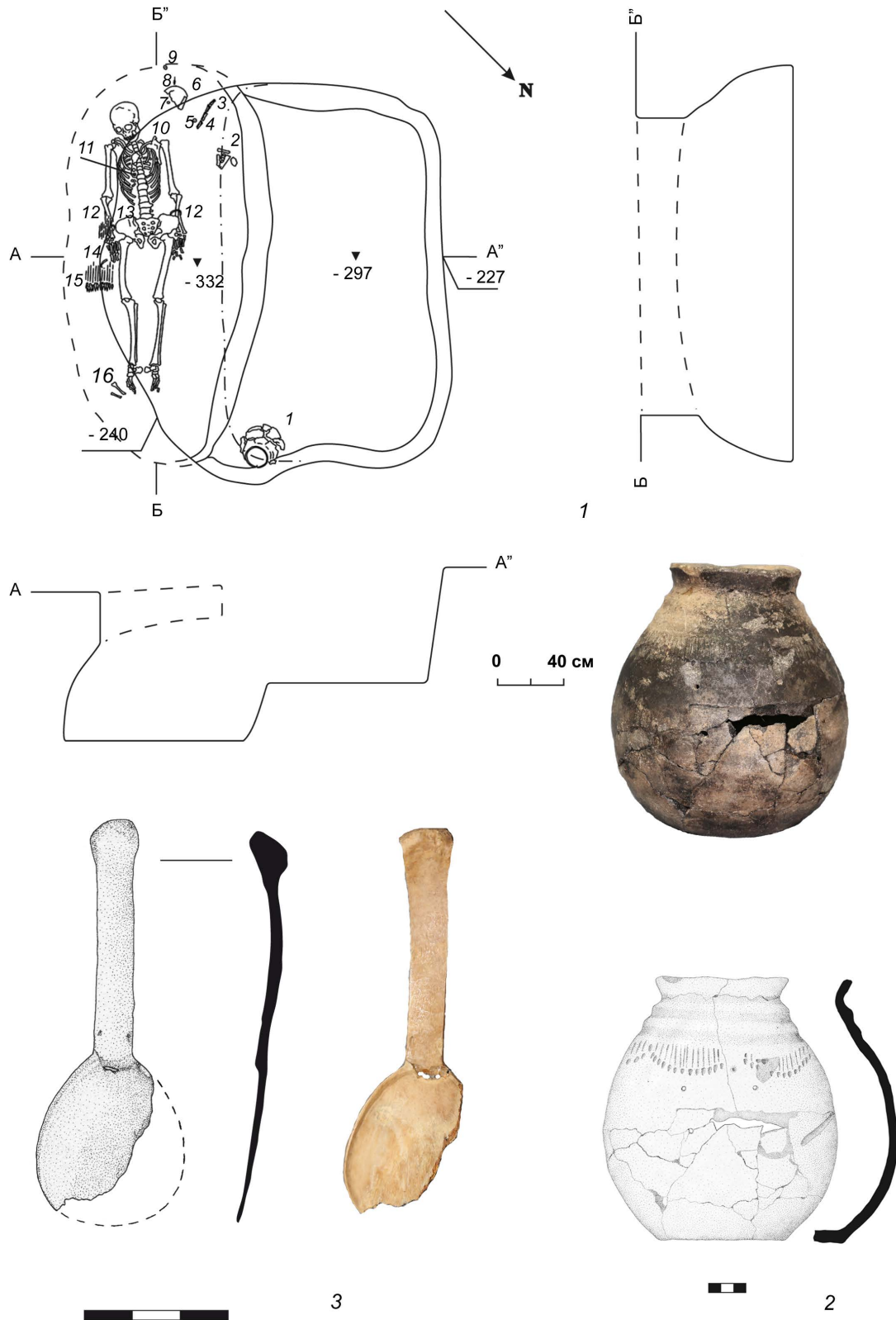

Рис. 5. План и инвентарь погребения 1:

1 – план погребения 1; 2 – сосуд; 3 – ложка. 1 – керамика; 2 – кость. Фото автора.
 1, 3 – по: [Сиротин, 2013, рис. 72, 86, 1]; 2 – по: [Сиротин, 2017, рис. 3, 7]

Fig. 5. Burial plan and inventory 1:

1 – burial plan 1; 2 – vessel; 3 – spoon. 1 – ceramics; 2 – bone. Photos by the author.
 1, 3 – after: [Sirotnin, 2013, fig. 72, 86, 1]; 2 – after: [Sirotnin, 2017, fig. 3, 7]

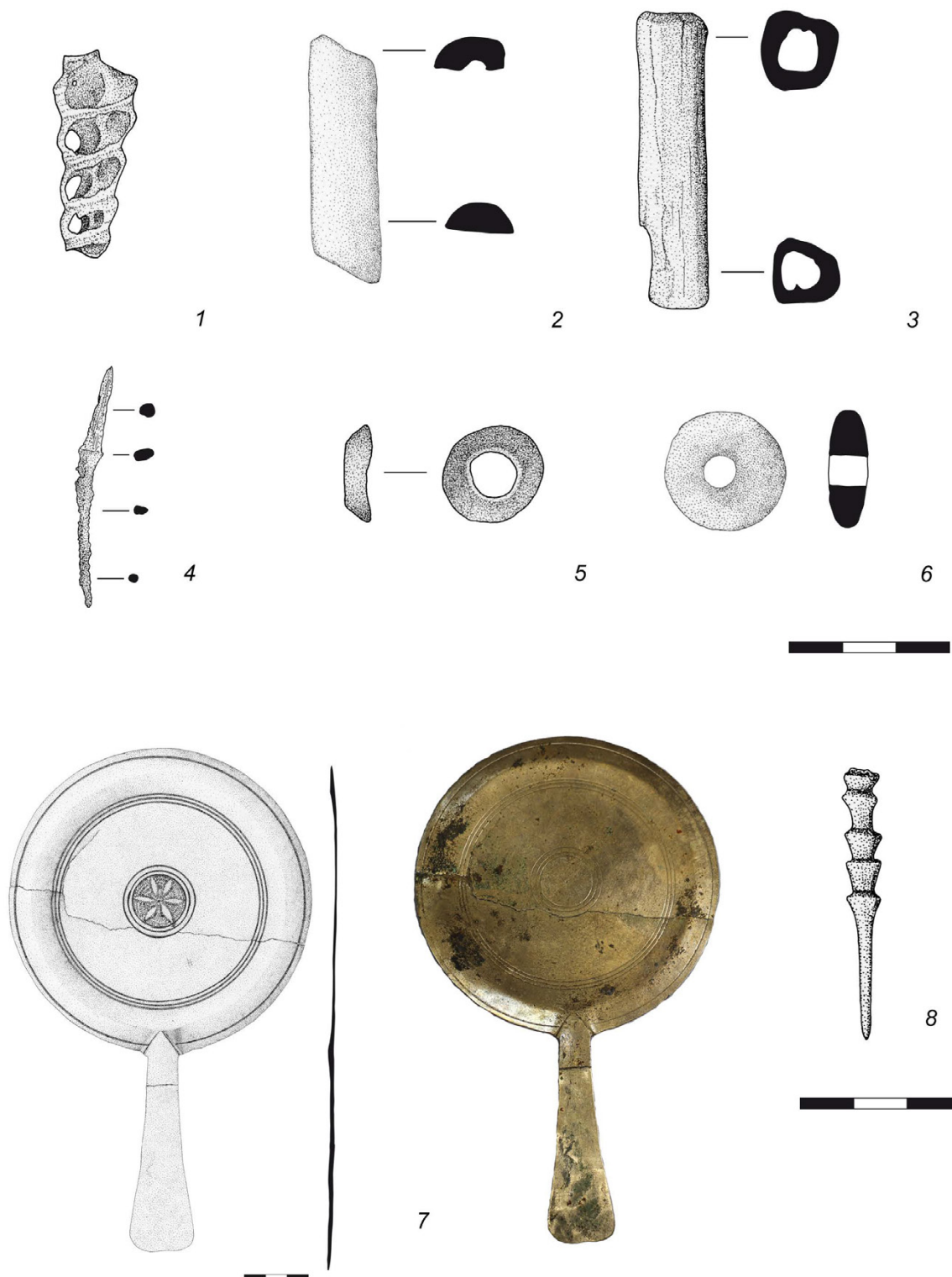

Рис. 6. Инвентарь погребения 1:

1 – ископаемая раковина; 2 – обломок белемнитового стержня; 3 – трубочка; 4 – игла-проколка; 5 – ворворка; 6 – дисковидная бусина (подвеска?); 7 – зеркало; 8 – игла-проколка. 3 – кость; 4 – железо; 6 – белый мрамор; 5–8 – бронза. Фото автора. 1–8 – по: [Сиротин, 2013, рис. 86,2–6, 91, 96,1,2]

Fig. 6. Burial inventory 1:

1 – fossil shell; 2 – fragment of a belemnite rod; 3 – tube; 4 – needle-piercing; 5 – warp; 6 – disc-shaped bead (pendant?); 7 – mirror; 8 – needle-piercing. 3 – bone; 4 – iron; 6 – white marble; 5–8 – bronze. Photos by the author. 1–8 – after: [Sirotin, 2013, fig. 86,2–6, 91, 96,1,2]

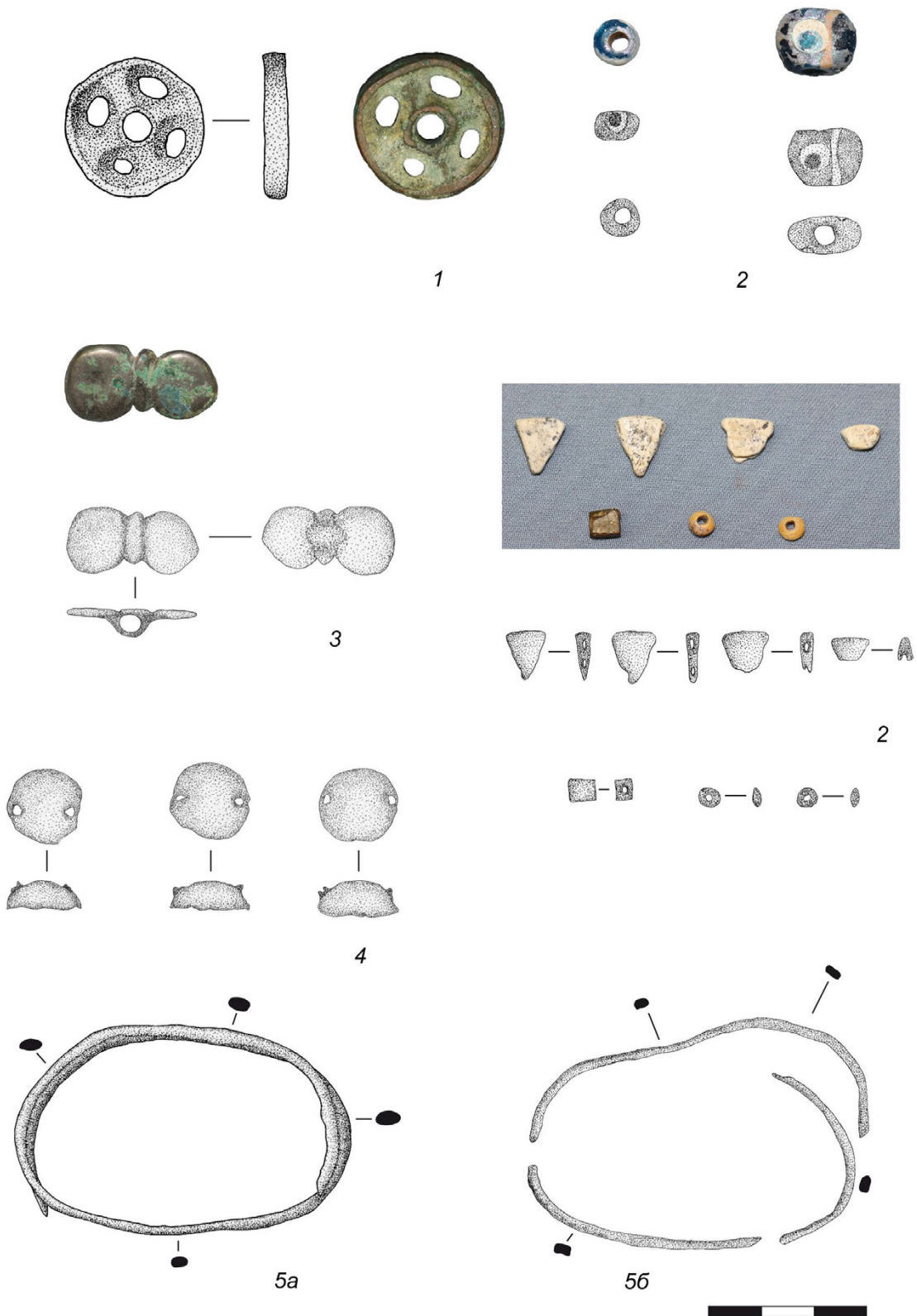

Рис. 7. Инвентарь погребения 1:

1 – колесико-амулет; 2 – бусы, бисер; 3, 4 – бляшки; 5а, б – браслеты. 1, 3–5а, б – бронза;
2 – стеклянная паста, белый камень, пирит. Фото автора. 1–5а, б – по: [Сиротин, 2013, рис. 96,3–6, 103,1.1,1.2]

Fig. 7. Burial inventory 1:

1 – wheel-amulet; 2 – beads, beads; 3, 4 – plaques; 5а, б – bracelets. 1, 3–5а, б – bronze;
2 – glass paste, white stone, pyrite. Photos by the author. 1–5а, б – after: [Sirotnin, 2013, fig. 96,3–6, 103,1.1,1.2]

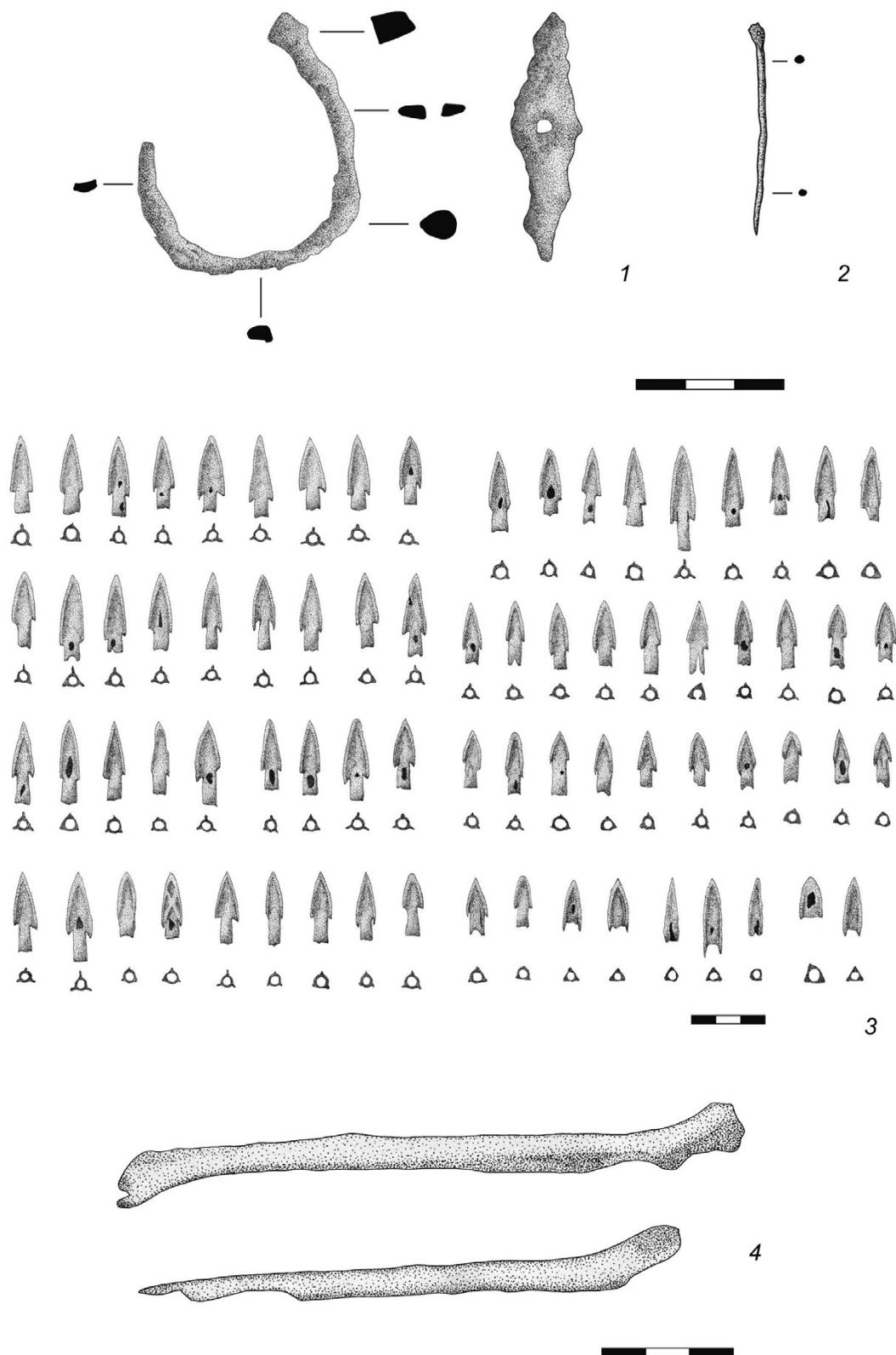

Рис. 8. Инвентарь погребения 1:

1 – колчаный крючок; 2 – игла-проколка; 3 – наконечники стрел; 4 – кости зайца. 1 – железо; 2, 3 – бронза. Фото автора.
2–4 – по: [Сиротин, 2013, рис. 103,3, 108, 109, 112]; 1 – по: [Сиротин, 2017, рис. 2,1]

Fig. 8. Burial inventory 1:

1 – quiver hook; 2 – needle-piercing; 3 – arrowheads; 4 – hare bones. 1 – iron; 2, 3 – bronze. Photos by the author.
2–4 – after: [Sirotin, 2013, fig. 103, 3, 108, 109, 112]; 1 – after: [Sirotin, 2017, fig. 2,1]

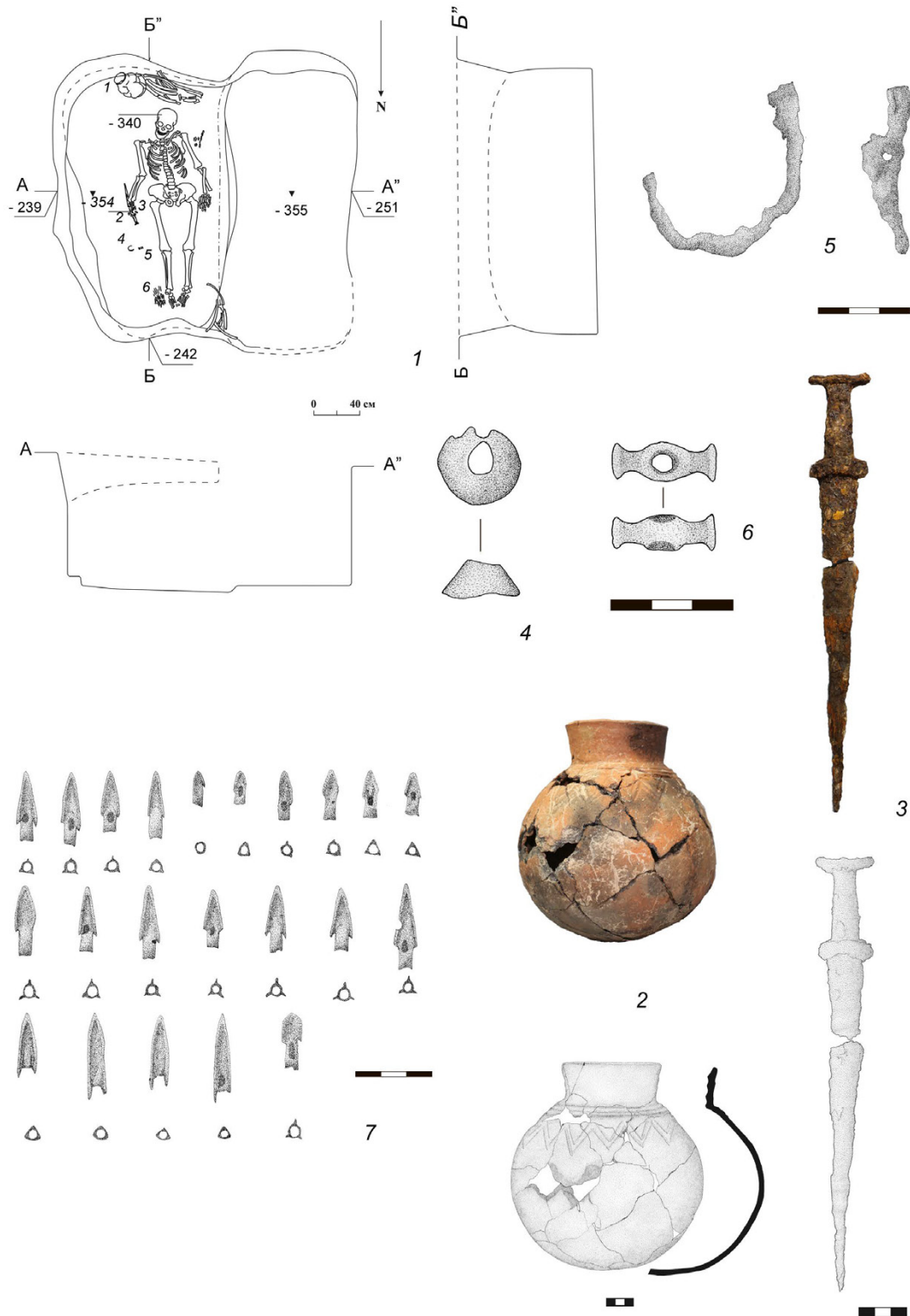

Рис. 9. План и инвентарь погребения 2:

1 – план погребения 2; 2 – сосуд; 3 – кинжал; 4 – ворворка; 5 – колчаный крючок; 6 – застежка;
7 – наконечники стрел. 2 – керамика; 3, 5 – железо; 4, 6 – бронза. Фото автора.
1, 4, 6, 7 – по: [Сиротин, 2013, рис. 120, 131,2,4, 134]; 2, 3, 5 – по: [Сиротин, 2017, рис. 2,2, 3,1,8]

Fig. 9. Burial plan and inventory 2:

1 – burial plan 2; 2 – vessel; 3 – dagger; 4 – warp; 5 – quiver hook; 6 – clasp;
7 – arrowheads. 2 – ceramics; 3, 5 – iron; 4, 6 – bronze. Photos by the author.
1, 4, 6, 7 – after: [Sirotnin, 2013, fig. 120, 131,2,4, 134]; 2, 3, 5 – after: [Sirotnin, 2017, fig. 2,2, 3,1,8]

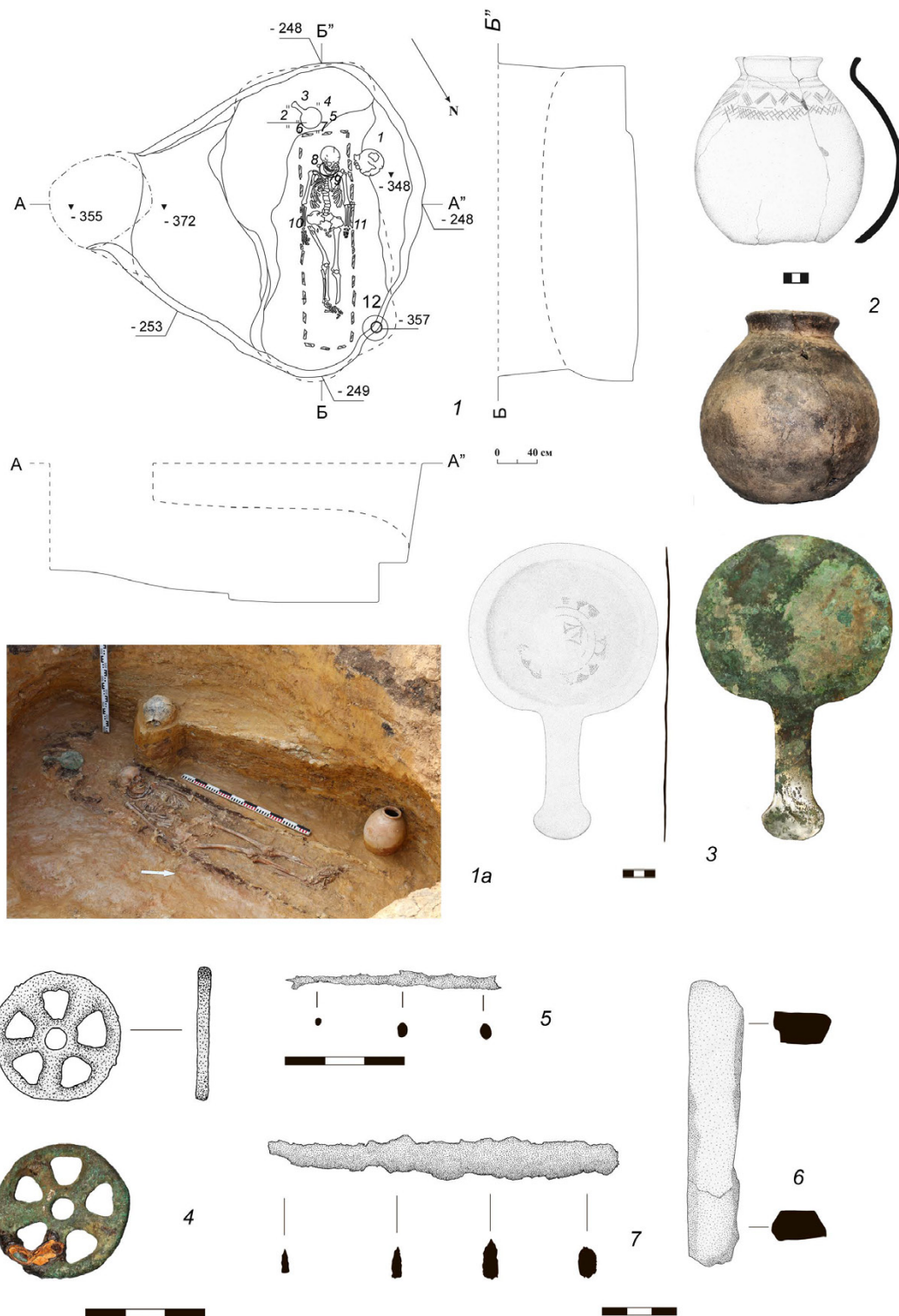

Рис. 10. План и инвентарь погребения 3:

1 – план погребения 3; 1а – фото погребения 3; 2 – сосуд; 3 – зеркало; 4 – колесико-амулет; 5 – игла-проколка; 6 – четырехгранный предмет; 7 – нож. 2 – керамика; 3, 4 – бронза; 5, 7 – железо; 6 – камень. Фото автора.
1, 1а, 3–7 – по: [Сиротин, 2013, рис. 141, 144, 155, 158, 1, 2, 3, 5]; 2 – по: [Сиротин, 2017, рис. 3, 9]

Fig. 10. Burial plan and inventory 3:

1 – burial plan 3; 1а – burial photo 3; 2 – vessel; 3 – mirror; 4 – wheel-amulet; 5 – needle-puncture; 6 – four-sided object; 7 – knife. 2 – ceramics; 3, 4 – bronze; 5, 7 – iron; 6 – stone. Photos by the author.
1, 1а, 3–7 – after: [Sirotin, 2013, fig. 141, 144, 155, 158, 1, 2, 3, 5]; 2 – after: [Sirotin, 2017, fig. 3, 9]

Рис. 11. Инвентарь погребения 3:

1 – деталь погребения 3; 2 – серьги-подвески; 3 – гривна; 4, 5 – бусы, бисер; 6 – сосуд.
 2 – серебро; 3 – железо, золото; 4, 5 – сердолик, агат, стеклянная паста, золото, серебро (?), пирит. Фото автора.
 1–5 – по: [Сиротин, 2013, рис. 147, 163, 1, 3]; 6 – по: [Сиротин, 2017, рис. 3, 14]

Fig. 11. Burial inventory 3:

1 – burial detail 3; 2 – pendant earrings; 3 – necklace; 4, 5 – beads; 6 – vessel.
 2 – silver; 3 – iron, gold; 4, 5 – carnelian, agate, glass paste, gold, silver (?), pyrite. Photos by the author.
 1–5 – after: [Sirotnin, 2013, fig. 147, 163, 1, 3]; 6 – after: [Sirotnin, 2017, fig. 3, 14]

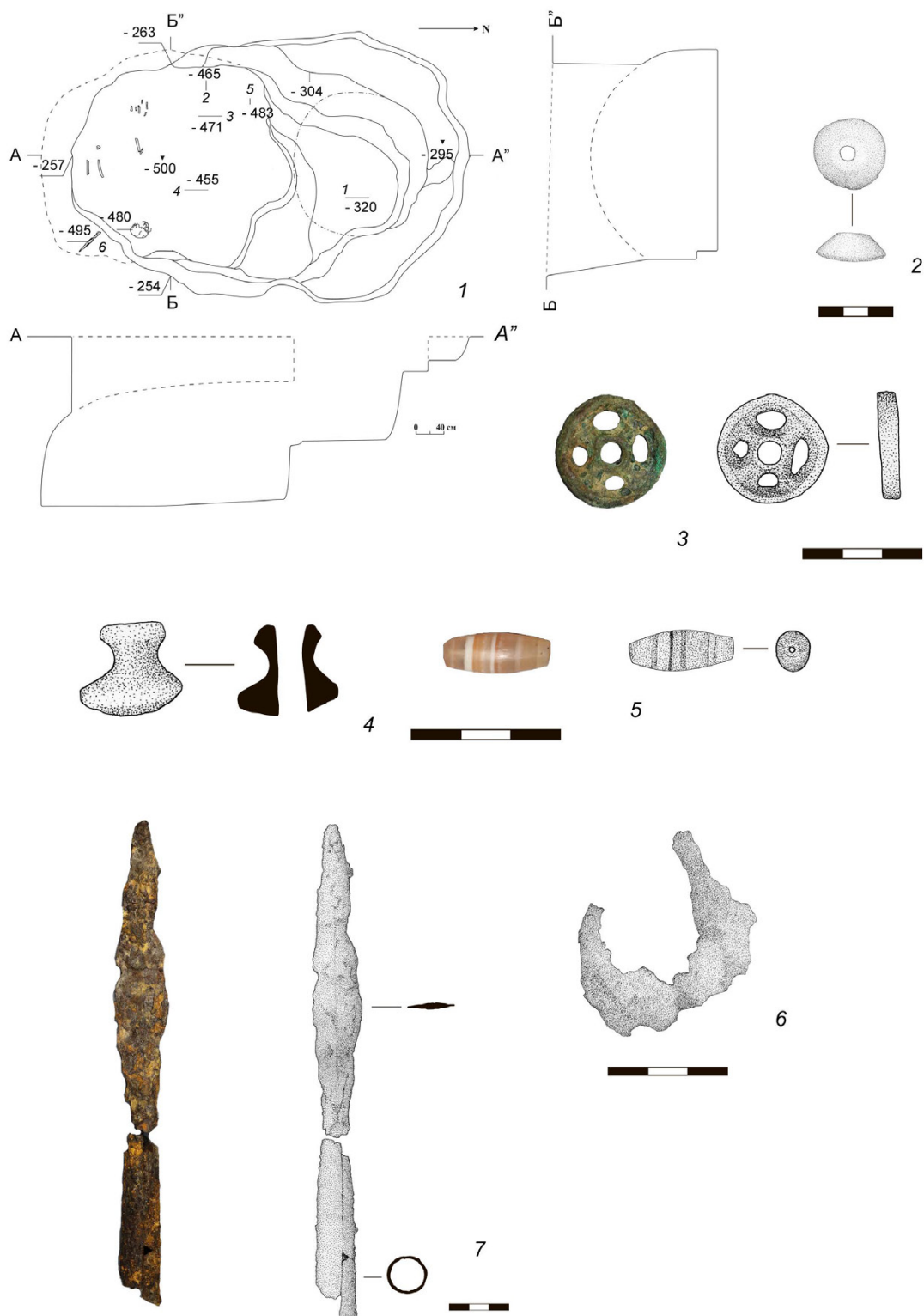

Рис. 12. План и инвентарь погребения 4:

1 – план погребения 4; 2 – каменное пряслице (пронизь?); 3 – колесико-амулет; 4 – ворворка; 5 – бусина; 6 – колчаный крючок; 7 – наконечник копья. 2 – камень; 3 – бронза; 4 – горная порода; 5 – сердолик; 6, 7 – железо. Фото автора. 1–7 – по: [Сиротин, 2013, рис. 175, 184, 189]

Fig. 12. Burial plan and inventory 4:

1 – burial plan 4; 2 – stone spinning wheel (pierced?); 3 – wheel-amulet; 4 – warp; 5 – bead; 6 – quiver hook; 7 – spear tip. 2 – stone; 3 – bronze; 4 – rock; 5 – carnelian; 6, 7 – iron. Photos by the author. 1–7 – after: [Sirotin, 2013, fig. 175, 184, 189]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болелов С. Б., 2012. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М. : Таус. С. 208–219.
- Васильев В. Н., 2001. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 169–179.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В. Н., Обыденнова Г. Т., Федоров В. К., 2019. Курганы в окрестностях села Верхняя Кардаилровка на р. Урал (по материалам раскопок 1993 года) и заметки к хронологии опорных комплексов второй половины IV в. до н.э. // Вестник Оренбургского государственного университета : электрон. науч. журн. (Online). № 4 (32). С. 90–111. URL : <http://www.vestospu.ru> (дата обращения: 23.01.2022).
- Гуляев В. И., 2017. Необычный курган скифского времени на Среднем Дону // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. № 8. С. 73–93.
- Гуляев В. И., Володин С. А., Шевченко А. А., 2020. Элитный курган скифского времени на Среднем Дону (по материалам раскопок могильника Девица V) // Российская археология. № 4. С. 21–39.
- Гудалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : Изд-во ЗКЦИА. 136 с.
- Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 216 с.
- Лылова Е. В., 2020. К вопросу о датировке спиралевидных височных подвесок из погребений ранних кочевников Южного Урала // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». К юбилею доктора исторических наук М.Г. Мошковой. М. : МАКС Пресс. С. 148–172.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. М. : Изд-во АН СССР. 55 с.
- Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука. С. 27–48.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука. 51 с.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 172–212.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В., 2011. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 162–167.
- Мышкин В. Н., 2010. Колчаные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н.э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 262–279.
- Пшеничнюк А. Х., 1976. Шиповский комплекс памятников (IV–III вв. до н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 35–131.
- Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 199 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем. С. 62–96.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Савельев Н. С., 2007. Конская узда IV–III вв. до н.э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966) : материалы Междунар. конф. (20–22 апреля 2007 г., г. Уфа). Уфа : Китап. С. 330–339.
- Савельев Н. С., 2020. Скифская узда в лесостепи Южного Приуралья: конечная точка западного импульса // *Stratum plus*. № 3. С. 31–52.
- Савченко Е. И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 151–277.

- Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : ИА РАН. С. 221–325.
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 323–337.
- Сиротин С. В., 2013. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2013 г. // Архив ИА РАН. 184 с.
- Сиротин С. В., 2014. Погребальные памятники Зауральской Башкирии // Научные экспедиции РГНФ. М. : РГНФ. С. 149–150.
- Сиротин С. В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск : Челябинский государственный краеведческий музей. С. 247–256.
- Сиротин С. В., 2015а. Охранные исследования на могильнике «Ивановские I курганы» в 2013–2014 годах // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Вып. 1 (2). Уфа : Центр «Наследие». С. 18–19.
- Сиротин С. В., 2016. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова : сб. ст. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 253–264.
- Сиротин С. В., 2017. Хронология и планиграфия курганного некрополя Ивановские I курганы в Зауральской Башкирии // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : Государственный исторический музей Южного Урала. С. 132–139.
- Сиротин С. В., 2017а. Памятники V–IV вв. до н.э. Зауральской Башкирии в контексте трансформации культуры ранних кочевников Южного Урала // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. 2. Барнаул : Изд-во АлтГУ. С. 56–60.
- Сиротин С. В., Трейстер М. Ю., 2014. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», г. Уфа, 12–15 мая 2014 г. Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН : Центр «Наследие». С. 207–217.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., О कोरोков К. С., 2018. Курганная группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М. : ИА РАН. С. 334–339.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Гильмитдинова А. Х., О कोरोков К. С., 2019. Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма “Салта” ЛТД». С. 234–243.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., О कोरोков К. С., 2020. Филипповские параллели в погребальном обряде больших курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». К юбилею д-ра ист. наук М.Г. Мошковой. М. : МАКС Пресс. С. 203–217.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 299 с.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. Материалы и исследования по археологии СССР. № 101. М. : Наука. 161 с.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука. 376 с.
- Смирнов К. Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа : ИИЯЛБФАН СССР. С. 68–90.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М. : Наука. 40 с., 30 табл.
- Таиров А. Д., 2014. Сожжение как результат ограбления (по материалам Южного Зауралья) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань : Отечество. С. 241–243.

- Таиров А. Д., 2018. Южноуральские зеркала с валиком по краю диска раннесарматского времени // «Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие» : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 апреля, 2018). Алматы ; Актобе : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. С. 349–354.
- Таиров А. Д., 2020. Мужские воинские погребения кургана 3 могильника Кичигино I // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 182–196.
- Федоров В. К., 2008. О датировке 1–4 прохоровских курганов // Уфимский археологический вестник. № 8. С. 69–90.
- Федоров В. К., 2013. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // Российская археология. № 2. С. 44–61.
- Федоров В. К., 2018. Бронзовые колесики в погребениях ранних кочевников // Археология ранних кочевников Евразии. Самара : ООО «Книжное издательство». С. 22–40.
- Физико-географическое районирование Башкирской АССР, 1964. Уфа : БашГУ. 210 с.
- Яблонский Л. Т., 2008. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», г. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 170–177.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М. : ИА РАН. 232 с.

REFERENCES

- Bolelov S.B., 2012. Sredneaziatskaya keramika v pamyatnikah kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Central Asian Ceramics in the Monuments of Nomads of the Southern Urals]. *Vliyaniya achemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [The Influence of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V–III Centuries BC)], vol. I. Moscow, Taus Publ., pp. 208–219.
- Vasilyev V.N., 2001. K khronologii ranneprokhovskogo klinkovogo oruzhiya i «probleme» III v. do n.e. [To the Chronology of the Early Prokhorovka Blade Weapon and the “Problem” of the 3rd century BC]. *Materialy po arheologii Volgo-Donskih stepey* [Materials on Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 1. Volgograd, VolSU, pp. 169–179.
- Vasilyev V.N., 2004. K khronologii ranneprokhovskogo kompleksa [To the Chronology of the Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 5, pp. 153–172.
- Vasilyev V.N., Obydenova G.T., Fedorov V.K., 2019. Kurgany v okrestnostyah sela Verkhnyaya Kardailovka na r. Ural (po materialam raskopok 1993 goda) i zametki k khronologii opornykh kompleksov vtoroy poloviny IV v. do n.e. [Mounds in the Vicinity of Verkhnyaya Kardailovka Village on the Ural River (Based on the Excavations of 1993) and Notes on the Chronology of Supporting Complexes of the Second Half of the 4th century BC]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta: elektron. nauch. zhurn. (Online)* [Bulletin of the Orenburg State University. Electronic Scientific Journal (Online)], no. 4 (32), pp. 90–111. URL: <http://www.vestospu.ru> (accessed 23 January 2022).
- Gulyaev V.I., 2017. Neobychnyy kurgan skifskogo vremeni na Srednem Donu [An Unusual Mound of Scythian Time on the Middle Don]. *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova* [History Studies. Journal of the History Faculty Lomonosov Moscow State University], no. 8, pp. 73–93.
- Gulyaev V.I., Volodin S.A., Shevchenko A.A., 2020. Elitnyy kurgan skifskogo vremeni na Srednem Donu (po materialam raskopok mogil'nika Devitsa V) [Elite Mound of the Scythian Period in the Middle Don (Materials from the Excavations in the Devitsa V Cemetery)]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 4, pp. 21–39.
- Gutsalov S.Yu., 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priuralya VII–I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals from VII–I Centuries BC]. Uralsk, WKCHA. 136 p.
- Klepikov V.M., 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n.e.* [Sarmatians of the Lower Volga Region in the IV–III Centuries BC]. Volgograd, VolSU. 216 p.
- Lylova E.V., 2020. K voprosu o datirovke spiralevidnykh visochnykh podvesok iz pogrebeniy rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [On the Dating of Spiral Temporal Pendants from the Burials of Early Nomads of the Southern

- Urals]. *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya: materialy kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya»*. K yubileyu doctora istoricheskikh nauk M.G. Moshkovoy [Early Nomads of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Materials of the Panel Discussion “Archaeology of the Early Nomads of the Eurasian Steppe: Current Problems and Prospects for Their Solution”. To the Anniversary of M.G. Moshkova. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 148-172.
- Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kul'tury* [Monuments of Prokhorovka Culture]. Moscow, USSR AS. 55 p.
- Moshkova M.G., 1972. Sarmatskie pogrebeniya Novo-Kumakskogo mogil'nika bliz g. Orska [Sarmatian Burials of the Novo-Kumak Burial Ground Near the City of Orsk]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 27-48.
- Moshkova M.G., 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prohorovskoy) kul'tury* [The Origin of the Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture]. Moscow, Nauka Publ. 51 p.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Hronologiya i tipologiya sarmatskih katakombnyh pogrebal'nyh sooruzheniy [Chronology and Typology of Sarmatian Catacomb Burial Structures]. *Arheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epohu rannego zheleznoogo veka i Srednevekov'ya* [Archeology of the Volga-Ural Region in the Era of the Early Iron Age and the Middle Ages]. Volgograd, VolSU, pp. 172-212.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., Meshcheryakov D.V., 2011. Dromosnyye i katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priuralia v savromatskoye i rannesarmatskoye vremya [Dromos and Catacomb Burials of the Southern Urals in the Sauromat and Early Sarmatian Times]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii* [The Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia. Materials and Research on the Archaeology of the South of Russia], iss. III. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 162-167.
- Myshkin V.N., 2010. Kolchannye kryuchki kochevnikov Samara-Ural'skogo regiona VII–I vv. do n.e. [Quiver Hooks of Nomads of the Samara-Ural Region of the VII–I Centuries BC]. *Arheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredelnykh territoriy* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 262-279.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1976. Shipovskiy kompleks pamyatnikov (IV–III vv. do n.e.) [Shipovsky Complex of Monuments (IV–III Centuries BC)]. *Drevnosti Yuzhnogo Urala* [Antiquities of the Southern Urals]. Ufa, BFAS USSR, pp. 35-131.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 199 p.
- Pshenichnyuk A.Kh., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolochanskiy Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Kurgans of Nomads of the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Nekropolis of the Nomad Nobility (4th BC in the South Urals)]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Savelyev N.S., 2007. Konskaya uzda IV–III vv. do n.e. iz Shipovskih kurganov v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya [Horse Bridle IV–III Centuries BC. from the Shipovsk Kurgans in the Forest-Steppe of the Southern Urals]. *Formirovanie i vzaimodeystvie ural'skih narodov v izmenyayushcheysya etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K.V. Sal'nikova (1900–1966): materialy Mezhdunar. konf. (20–22 aprelya 2007 g., g. Ufa)* [Formation and Interaction of the Ural Peoples in the Changing Ethno-Cultural Environment of Eurasia: Problems of Study and Historiography. Readings in Memory of K.V. Salnikov (1900–1966). Materials of the International Conference (April 20–22, 2007, Ufa)]. Ufa, Kitap Publ., pp. 330-339.
- Savelev N.S., 2020. Skifskaya uzda v lesostepi Yuzhnogo Priural'ya: konechnaya tochka zapadnogo impulsa [The Scythians Horse Harness in the Forest-Steppe of Southern Cis-Urals: The End Point of the Western Impulse]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 31-52.
- Savchenko E.I., 2004. Vooruzhenie i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu [Weapons and Equipment of the Population of the Scythian Time on the Middle Don]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu epohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Era]. Moscow, IA RAS, pp. 151-277.
- Savchenko E.I., 2009. Snaryazhenie konya skifskogo vremeni na Srednem Donu kak arheologicheskii istochnik [The Equipment of the Horse of the Scythian Period at the Middle Don as an Archeological Source]. *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu yepohu* [Archaeology of the Middle Don in the Scythian Age]. Moscow, IA RAS, pp. 221-325.

- Sirotnin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [Kurgan no. 11 of the Burial Mound of Perevolochan in the Trans-Ural Bashkiria]. *Arkheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 323-337.
- Sirotnin S.V., 2013. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh v Hajbullinskom rajone Respubliki Bashkortostan v 2013 g. [Report on Archaeological Research in the Khaibullinsky District of the Republic of Bashkortostan in 2013]. *Arhiv IA RAN*. 184 p.
- Sirotnin S.V., 2014. Pogrebal'nye pamyatniki Zaural'skoy Bashkirii [Funerary Monuments of Trans-Ural Bashkiria]. *Nauchnye ekspeditsii RGNF* [Scientific Expeditions of RGNF]. Moscow, RHSF, pp. 149-150.
- Sirotnin S.V., 2015. Predmety konskoy sbrui iz nasypye kurganov rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (po materialam raskopok 2008–2013 godov) [Items of Horse Harness from Mounds of Mounds of Early Nomads of the Southern Urals (Based on Excavations from 2008–2013)]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Materials of the VI All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 247-256.
- Sirotnin S.V., 2015a. Ohrannye issledovaniya na mogil'nike «Ivanovskie I kurgany» v 2013–2014 godah [Security Excavations at the Kurgan Cemetery “Ivanovskie I Kurgany” in 2013–2014]. *Izvestiya Arheologicheskogo obshchestva Respubliki Bashkortostan* [News of the Archaeological Society of the Republic of Bashkortostan], iss. 1 (2). Ufa, Center «Nasledie», pp. 18-19.
- Sirotnin S.V., 2016. Ob otnositelnoy khronologii i datirovke mogil'nika Perevolochan I [On a Conventional Chronology and Dating of the Perevolochan I Burial]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova: sb. st.* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of the IX International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the 100th Birthday of Konstantin Fedorovich Smirnov: Digest of Articles]. Orenburg, OSU, pp. 253-264.
- Sirotnin S.V., 2017. Khronologiya i planigrafiya kurgannogo nekropolya Ivanovskie I kurgany v Zaural'skoi Bashkirii [Chronology and Planigraphy of Ivanovskie I Barrows Barrow Necropolis in the Trans-Ural Bashkiria]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their Environment. Proceedings of VII All-Russia (with International Participation) Scientific Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 132-139.
- Sirotnin S.V., 2017a. Pamyatniki V–IV vv. do n.e. Zaural'skoy Bashkirii v kontekste transformatsii kul'tury rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Monuments of the V–IV centuries BC of Trans-Ural Bashkiria in the Context of the Transformation of the Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe* [Proceedings V (XXI) of the All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha], vol. 2. Barnaul, AltSU, pp. 56-60.
- Sirotnin S.V., Treister M.Yu., 2014. Pogrebenie s blizhevostochnymi (?) i central'no-aziatskimi importami iz kurgana Yakovlevka II [Burial with Near Eastern (?) And Central Asian Imports from the Barrow-Mound Yakovlevka II]. *Sarmaty i vneshniy mir: materialy VIII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatians and the Outside World: Proceedings of the VIII All-Russian (with International Participation) Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. The Ufa Archaeological Herald, iss. 14. Ufa, IHLL USC RAS, Center “Nasledie”, pp. 207-217.
- Sirotnin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2018. Kurgannaya gruppa «Bogatyrskiye mogilki» № 4 (Orenburgskaya oblast. Orenburgskiy rayon) [Kurgan Group “Bogatyrsky Mogilki” no. 4 (Orenburg Region, Orenburg District)]. *Goroda, selishcha, mogilniki. Raskopki 2017. Materialy spasatelnykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Cities, Villages, Cemeteries. Excavations 2017. Materials of Rescue Archaeological Research], vol. 25. Moscow, IA RAS, pp. 334-339.
- Sirotnin S.V., Bogachuk D.S., Gilmitdinova A.H., Okorokov K.S., 2019. Osobennosti pogrebal'nykh konstruksiy i planigraficheskaya organizatsiya nekropolya Filippovka 1 [The Particulars of Burial Structures and Planigraphic Organization of the Cemetery Filippovka 1]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – V v. n.e.). V. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). V. Proceedings of the 10th International Research Conference «The aspects of Sarmatian Archeology and History»]. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 234-243.

- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2020. Filippovskie paralleli v pogrebal'nom obryade bol'shikh kurganov nekropolya «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar» [Parallels from Filippovka in the Funeral Rite of Large Mounds of the “Vysokaya Mogila – Studenikin Mar” Necropolis]. *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya: materialy kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya». K yubileyu d-ra ist. nauk M.G. Moshkovoy* [Early Nomads of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Materials of the Panel Discussion “Archaeology of the Early Nomads of the Eurasian Steppe: Current Problems and Prospects for Their Solution”. To the Anniversary of M.G. Moshkova]. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 203-217.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov, Saratov University. 299 p.
- Smirnov K.F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Sauromatian Armament]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, no. 101. Moscow, AS USSR. 161 p.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty (rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov)* [Sauromats (Early History and Culture of the Sarmatians)]. Moscow, Nauka Publ. 376 p.
- Smirnov K.F., 1981. Bogatye zahoroneniya i nekotorye voprosy sotsialnoy zhizni kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v skifskoe vremya [Rich Burials and Some Issues of the Social Life of the Nomads of the Southern Urals in the Scythian Period]. *Materialy po hozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala* [Materials on the Economy and Social Structure of the Tribes of the Southern Urals]. Ufa, IHLL BBAS USSR, pp. 68-90.
- Smirnov K.F., Petrenko V.G., 1963. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [Savromats of the Volga Region and the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ., 40 p., 30 tabl.
- Tairov A.D., 2014. Sozhzhenie kak rezul'tat ogrableniya (po materialam Yuzhnogo Zaural'ya) [Burning as a Result of Robbery (Based on the Materials of the Southern Trans-Urals)]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan], vol. 2. Kazan, Otechestvo Publ., pp. 241-243.
- Tairov A.D., 2018. Yuzhnoural'skie zerkala s valikom po krayu diska rannesarmatskogo vremeni [South Ural Mirrors with a Roller on the Edge of the Disk of the Early Sarmatian Time]. *«Margulanovskie chteniya – 2018. Duhovnaya modernizatsiya i arheologicheskoe nasledie»: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (19–20 aprelya, 2018)* [“Margulanov Readings – 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage”. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference (April 19–20, 2018)]. Almaty, Aktobe, A.H. Margulan Institute of Archaeology, pp. 349-354.
- Tairov A.D., 2020. Muzhskie voinskie pogrebeniya kurgana 3 mogil'nika Kichigino I [Male Warriors' Burials from the Kurgan 3 of Necropolis Kichigino I]. *Arheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (3), pp. 182-196.
- Fedorov V.K., 2008. O datirovke 1–4 prokhorovskikh kurganov [On the Dating of 1–4 Prokhorov Kurgans]. *Ufimskiy arheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], no. 8, pp. 69-90.
- Fedorov V.K., 2013. Kostyanye lozhechki v kolchanah rannih kochevnikov [Bone Spoons from Early Nomad Quivers]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 4, pp. 44-61.
- Fedorov V.K., 2018. Bronzovye kolesiki v pogrebeniyah rannih kochevnikov [Bronze Wheels in the Burials of Early Nomads]. *Arheologiya rannih kochevnikov Evrazii* [Archaeology of Early Nomads of Eurasia]. Samara, “Knizhnoe izdatel'stvo” Publ., pp. 22-40.
- Fiziko-geograficheskoe rayonirovanie Bashkirskoy ASSR*, 1964 [Physical and Geographical Zoning of the Bashkir ASSR]. Ufa, BashSU. 210 p.
- Yablonsky L.T., 2008. Novye raskopki Filippovskogo mogil'nika i problema formirovaniya rannesarmatskoy kul'tury Yuzhnogo Priural'ya [New Excavations of the Filippovskiy Burial Ground and the Problem of the Formation of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Ranniye kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Ranniye kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveyshikh arkheologicheskikh otkrytiy», g. Orenburg, 21–25 aprelya 2008 g.* [Early Nomads of the Volga-Ural Region. Materials of the International Scientific Conference “Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries”, Orenburg. April 21–25, 2008]. Orenburg, OSU, pp. 170-177.
- Yablonskiy L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdov. Elitnyy nekropol' Filippovka I (po materialam raskopok 2004–2009 gg.). Katalog kolleksii* [Gold of Sarmatian Chiefs. Elite Necropolis Filippovka I (According to the Excavations of 2004–2009). Catalog of Collection], book 1. Moscow, IA RAS. 232 p.

Information About the Author

Sergey V. Sirotin, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

Информация об авторе

Сергей Викторович Сиротин, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.3>

UDC 903.59:393.05
LBC 63.442.7(235.55)

Submitted: 10.01.2022
Accepted: 15.04.2022

THE BURIED KURGAN 23a OF THE FILIPPOVKA 1 NECROPOLIS AND THE CHRONOLOGICAL RELATIONSHIP OF THE SAUROMATIAN AND EARLY SARMATIAN ANTIQUITIES OF THE SOUTHERN URALS¹

Nikita S. Savelev

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. The analysis of the lateral burial (No. 2) of the kurgan 23 of the Filippovka 1 necropolis (Russia, Orenburg region, the watershed of the Ural and Ilek rivers), investigated in 1990 by the expedition of the Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences under the leadership of A.H. Pshenichnyuk, is presented. Based on planigraphy and stratigraphy data analysis, as well as through the use of archival photographs, it is shown that a small earthen kurgan (No. 23a), built several years earlier, was blocked by this kurgan. Judging by the ritual characteristics and the presence of a flat-bottomed vessel with a grooved spout-drain, the only burial of this kurgan can be called “late-Sauromatian” or syncretic “Sauromatian-Early-Sarmatian”, more characteristic of the westernmost part of the Southern Urals. The individual buried in this grave was laid in the “horseman’s pose” and oriented with his head to the southeast. In the relatively late kurgan 23, traditions characteristic of the early stage of the Prokhorov culture are recorded (dromos and catacomb burials, burnt wooden tent-shaped structure). The data obtained show that the substrate (“Sauromatian”) and superstrate (“Early Prokhorovka”) traditions in the territory of the formation of a new culture coexisted with each other for a long time, including among the population who left the elite necropolis Filippovka 1. The buried kurgan 23a is a clear confirmation of this coexistence. The mechanical superimposition of “Early Prokhorovka” traditions on the necropolises of the previous, “Sauromatian” time and the genetic proximity of the bearers of new traditions indicate that their spread in the territory of the Southern Urals followed the line of gradual transformation of the ethnic complex of funeral rites into a prestigious supra-ethnic one.

Key words: Southern Urals, Scythian-Sarmatian time, elite necropolises, funeral rite, ethno-cultural diversity.

Citation. Savelev N.S., 2022. Pogrebennyy kurgan 23a mogil’nika Filippovka 1 i hronologicheskoe sootnoshenie savromatskih i rannesarmatskih drevnostey Yuzhnogo Urala [The Buried Kurgan 23a of the Filippovka 1 Necropolis and the Chronological Relationship of the Sauromatian and Early Sarmatian Antiquities of the Southern Urals]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 52-65. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.3>

УДК 903.59:393.05
ББК 63.442.7(235.55)

Дата поступления статьи: 10.01.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

ПОГРЕБЕННЫЙ КУРГАН 23a МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 1 И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ САВРОМАТСКИХ И РАННЕСАРМАТСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА¹

Никита Сергеевич Савельев

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Представлен анализ бокового погребения (№ 2) кургана 23 могильника Филипповка 1 (Россия, Оренбургская область, водораздел рек Урал и Илек), исследованного в 1990 г. экспедицией Башкирского

филиала Академии наук СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка. На основе анализа стратиграфической и планиграфической информации, а также благодаря привлечению архивных фотографий показано, что данным курганом был перекрыт небольшой земляной курган (№ 23а), сооруженный несколькими годами ранее. Судя по обрядовым характеристикам и наличию плоскодонного сосуда с желобчатым носиком-сливом, единственное погребение этого кургана может быть названо «позднесавроматским» или синкретичным «савромато-раннесарматским», более характерным для самой западной части Южного Урала. Погребенный в этой могильной яме человек был уложен в «позе всадника» и ориентирован головой на юго-восток. В более позднем кургане 23 фиксируются традиции, характерные для раннего этапа прохоровской культуры (дромосное и катакомбное погребения, сожженная деревянная конструкция шатровой формы). Полученные данные показывают, что субстратные («савроматские») и суперстратные (раннепрохоровские) традиции на территории формирования новой культуры достаточно длительно сосуществовали друг с другом, в том числе и среди населения, оставившего элитный некрополь Филипповка 1. Погребенный курган 23а является наглядным подтверждением данного сосуществования. Механическое наложение раннепрохоровских традиций на памятники предшествующего, «савроматского», времени и генетическая близость носителей новых традиций свидетельствуют о том, что их распространение на территории Южного Урала шло по линии постепенного превращения этнического комплекса погребальной обрядности в престижный на-дэтничный.

Ключевые слова: Южный Урал, скифо-сарматское время, элитные некрополи, погребальный обряд, этнокультурное разнообразие.

Цитирование. Савельев Н. С., 2022. Погребенный курган 23а могильника Филипповка 1 и хронологическое соотношение савроматских и раннесарматских древностей Южного Урала // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 52–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.3>

Введение

Благодаря работам экспедиции Башкирского филиала АН СССР (1986–1990 гг., руководитель А.Х. Пшеничнюк) и Приуральской экспедиции Института археологии РАН (2004–2014 гг., руководитель Л.Т. Яблонский) в Центральном Оренбуржье, на водоразделе рек Урал и Илек был полностью исследован курганный могильник, получивший наименование Филипповка 1. Общие размеры курганного поля 9 × 5 км, в его пределах расположено 29 курганных насыпей, из которых только несколько относятся к малым, а все остальные – к средним, большим и очень большим [Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013]. Также к этому большому некрополю могут быть отнесены расположенный в 12 км к юго-востоку курган 30 и курганы 1 и 2 могильника Филипповка 2, расположенного не более чем в 2–3 км юго-западнее крайних западных курганов могильника Филипповка 1 [Савельев, 2019а, с. 214]. Пространственная структура этого некрополя сочетает в себе отдельные микроскопления курганов с разнотипными погребениями с дромосами и на древнем горизонте, а также цепочки курганов, объединяющиеся какими-либо чертами (крупные курганы с центральными крестовидными погребениями;

малые одномогильные курганы без дромосных погребений; крупные одномогильные курганы с дромосными погребениями с овальными и прямоугольными ямами). Максимально удаленную периферию могильника образуют фактически одиночные курганы с прямоугольными дромосными погребениями [Савельев, 2019а, с. 222].

Еще А.Х. Пшеничнюком на основе близости погребального обряда и сопровождающего инвентаря был сделан вывод о функционировании некрополя в пределах не более 30–50 лет, то есть «археологической синхронности» всех курганов могильника [Пшеничнюк, 2012, с. 89]. Последующие работы позволили отнести время существования могильника к IV в. до н.э. с вероятным сужением датировки до второй половины этого столетия [Переводчикова, 2013, с. 334–335; Савельев, 2019а, с. 221; Сиротин и др., 2019, с. 241; Сиротин, 2021, с. 162]. Единственным более ранним комплексом, относящимся к предшествующему, «савроматскому», времени, по мнению автора раскопок, является погребение 2 кургана 23 [Пшеничнюк, 2012, с. 58, 89]. Учитывая особенности этого комплекса, являющегося погребенным курганом, его детальный анализ позволяет получить важные дополнительные данные по хронологическому соотношению

«савроматских» и раннесарматских древностей на территории Южного Урала.

Описание комплекса

Курган 23 расположен на южном фланге западной цепочки могильника, для которой в основном характерны овальные и прямоугольные дромосные погребения, в паре с курганом 24, в котором центральное погребение совершенно под шатровой конструкцией на древнем горизонте (рис. 1). Диаметр кургана 23 составляет 48–50 м, высота – 1,8 м, долгое время распахивался. Под насыпью выявлено три погребения – центральное дромосное (№ 1), окруженное валиком из могильного выкида, впускное подбойное (№ 3), расположенное у восточного края насыпи (рис. 5,4–9), и рассматриваемое погребение № 2, находящееся к северо-западу от центра и полностью перекрытое выкидом из центральной могильной ямы (рис. 2). Ширина валика составляет 3–4 м, высота до 0,5 м, диаметр обвалованной площадки 23–28 м. Погребение № 1 (рис. 5,1–3) широкое прямоугольное с дромосом, подходящим с юга к длинной стороне и рядным положением погребенных, ориентированных головой на юг, относится к типу 2.1.А.1 [Савельев, 2019а, с. 217]. Над погребением находилась сожженная бревенчатая конструкция шатровой формы, имевшая значительные размеры. Как основное дромосное (№ 1), так и впускное подбойное (№ 3) погребения относятся к типам, широко представленным в Филипповском могильнике.

Раскопки кургана велись с помощью бульдозера и скрепера траншеями шириной 6–7 м с оставлением трех вытянутых по линии С–Ю контрольных бровок. Валик из могильного выкида, окружающий центральную площадку, был зафиксирован в западной и восточной бровках, что позволило детально проследить его строение (рис. 3,1–3). Также было установлено, что в северной части западной бровки валик был уложен не на древнюю поверхность, а на пологую дерновую насыпь диаметром около 9 м и высотой 0,25–0,3 м (рис. 2). Под ней, также по линии прохождения бровки, находилось погребение, которому был присвоен порядковый № 2. Необходимо отметить, что А.Х. Пшеничнюк ак-

центрировал внимание именно на механическом перекрывании курганом 23 более раннего кургана с одним погребением, которое рассматривалось им и как самое раннее во всем могильнике [Пшеничнюк, 2012, с. 58, 89]. Для разделения двух разных комплексов погребенный курган в дальнейшем будет именоваться «курган 23а».

Могильная яма в кургане 23а имела размеры 2,15 × 1,0 м, форма прямоугольная с сильно скругленными углами, глубина от уровня погребенной почвы 1,0 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. На дне ямы головой на юго-восток лежал костяк взрослого человека (мужчины?) с отставленными в стороны руками и разведенными и немного согнутыми в коленях ногами (так называемая «поза всадника»). Около левого колена погребенного и немного ниже найдены шаровидная костяная пронизка и два небольших фрагмента какого-то железного изделия, около левой ступни находился трехлопастной втульчатый бронзовый наконечник стрелы (рис. 4,1,3,4). Рядом с правой стопой лежали кости половины грудной клетки мелкого рогатого скота (баран?), за которыми, в неглубокой нише, стоял грубый плоскостенный сосуд (рис. 4,2).

Обсуждение и выводы

Относительная хронология комплекса

Заполнение могильной ямы погребения № 2 представлено темным гумусом, при этом перекрывавший насыпь кургана 23а более поздний материковый выкид явно просел. Это было отмечено в отчете [Пшеничнюк, 1991, с. 12] и дословно повторено в появившейся значительно позже публикации [Пшеничнюк, 2012, с. 58]. Обращение к фотографиям из данного отчета позволяет значительно дополнить и детализировать эту картину. Судя по ним, насыпанный на более ранний курган валик из выкида не просто равномерно «просел», как это может быть воспринято из чертежа (рис. 2,2), а провалился в заполнение могильной ямы как минимум до уровня материкового слоя (рис. 3,3). Также важно, что на ширину провала насыпанный слой материковой глины оказался сильно фрагментированным и перемешанным с вышележащим гумусным

заполнением. Это свидетельствует о том, что проседание гумусного заполнения погребения № 2 произошло уже после перекрытия кургана 23а выкидом из могильной ямы № 1. Учитывая скорость разложения мягких тканей и уплотнения заполнения могильной ямы, можно уверенно говорить о том, что сооружение погребений № 1 (то есть кургана 23) и № 2 (то есть кургана 23а) разделяло всего несколько лет. Фактически это является свидетельством синхронности «раннего» и «позднего» комплексов, вне зависимости от того, в какую часть IV в. до н.э. их помещать.

Данные погребального обряда

Учитывая подчеркнутую «эгалитарность» рассматриваемого погребения, предметом анализа могут стать только поза погребенного и его ориентировка головой на юго-восток. «Поза всадника» (она же – «танцующая») и «атакующая поза», при которой подогнута одна нога, по приводимым К.Ф. Смирновым данным, характерны менее чем для 10 % погребенных, и к концу V – IV в. до н.э. их количество сокращается еще в 2 раза [Смирнов, 1964, с. 92, табл. 4]. Б.Ф. Железчиков отмечал, что положение рук и ног умерших более разнообразно в памятниках Южного Приуралья, и связано в первую очередь с мужскими захоронениями [Железчиков, 1994, с. 131]. Для всей использовавшейся выборки из 512 погребений савроматского времени (303 – Самаро-Уральская группа, 106 – Заволжье, 93 – Волго-Донское междуречье) поза всадника, то есть положение ног ромбом, характерно всего для 2,9 % [Железчиков, 1994, с. 127, табл. 1]. Для последующего, раннесарматского времени (IV–III вв. до н.э.), поза всадника в среднем для всей территории Южного Урала и Нижнего Поволжья встречается в 2,6 % случаев, что вполне сопоставимо с савроматским временем. Распределение по территориальным группам показывает отсутствие этого признака в Зауралье, Степной Башкирии и на севере Волгоградской области, максимально же (3,5–8,0 %) он представлен на Илеке, в Западном Оренбуржье, районе Лебедевки и в Заволжье [Железчиков, 1997, с. 78]. Эти данные могут свидетельствовать о том, что поза всадника явля-

ется не столько хронологическим, сколько территориальным признаком, и характерна более для запада Южного Приуралья и Заволжья. Возможно, эта поза также связана с высоким социальным статусом погребенного [Очир-Горяева, 2019, с. 814].

Анализ ориентировки погребенных савроматского времени (VI–IV вв. до н.э.), проведенный К.Ф. Смирновым уже почти 60 лет назад, показал, что юго-восточная ориентировка резко возрастает к концу V – IV в. до н.э., встречаясь до этого единично [Смирнов, 1964, с. 91, табл. 3]. Этим юго-восточная ориентировка сильно отличается от юго-западной, появившейся раньше и встречавшейся в савроматское время в два раза чаще [Смирнов, 1964, с. 92]. Эти выводы подтверждаются и на проанализированной А.Х. Гильмитдиновой значительно более обширной выборке мужских погребений. Сделанные ей выводы свидетельствуют о том, что к концу V – IV в. до н.э. юго-восточная ориентировка (по данным ориентировки могильных ям) вырастает более чем в 4 раза, с 4,2 до 17,2 %, а ориентировка на ЮЮВ, не встречавшаяся в раннее время, к концу V – IV в. до н.э. составляет уже 13,8 % [Гильмитдинова, 2021, рис. 5]. Эти выводы детализируются данными по ориентировке погребенных головой: по сравнению с VI–V вв. до н.э. к IV в. до н.э. юго-восточная ориентировка увеличивается в 5 раз, юго-западная падает в 2 раза, южная увеличивается в 7,5 раз (до 53,3 %), западная падает в 12 раз, восточная – более чем в 5 раз, а ранее отсутствующая ориентировка на ЮЮВ дает показатель 10 % [Гильмитдинова, 2021, с. 129, рис. 6]. Эти данные, в разрезе рассматриваемых вопросов, свидетельствуют о прямой связи роста южной, юго-восточной и юго-юго-восточной ориентировок и, возможно, смены восточных ориентировок на юго-восточные.

Данные погребального инвентаря

Из всего немногочисленного сопровождающего инвентаря в погребении кургана 23а какую-либо возможность анализа дает только лепной глиняный горшок (рис. 4,2). Сосуд имеет вытянуто-яйцевидную форму, массивное плоское дно, относительно высокую дуговидную отогнутую шейку и широкое устье, на

котором сформирован носик-слив. Высота сосуда 25 см, диаметр дна 12,5 см, диаметр устья 22 см, максимальный диаметр тулова – 22,5 см, находится в его верхней части. Для стягивания вертикальной трещины, идущей от устья до нижней трети сосуда, по сторонам от нее на шейке просверлено два отверстия. Поверхности грубые, серо-коричневого цвета, в тесте примесь шамота, фактура слоистая, внутренняя поверхность покрыта толстым слоем нагара.

Данный тип сосудов является крайне редким для памятников савроматского времени Южного Урала. В качестве относительно близких аналогий форме могут быть названы экземпляры из Покровки I, Кудуксая III [Гуцалов, 2004, табл. 19, 23, 24], Каскиново и Валитово-2 [Исмагил, Сунгатов, 2013, рис. 11, 10, 32, 27], но ни на одном из них нет желобчатых носиков-сливов. Среди южноуральских материалов желобчатые носики-сливы присутствуют только на банках раннескифского времени [Смирнов, 1964, с. 112; Гуцалов, 2004, с. 34], импортном (кавказском?) гончарном чернолощеном сосуде из кургана 12 могильника Филипповка 1 [Пшеничнюк, 1991, рис. 13; 2012, с. 50, рис. 118, 16] и, вероятно, таком же сосуде из кургана 1 погребения 2 могильника Тара-Бутак [Смирнов, 1964, рис. 19, 42, 67, 2].

Анализ всей приводимой К.Ф. Смирновым выборки плоскодонных сосудов показывает, что экземпляр из кургана 23а могильника Филипповка 1 по вытянутости, стройности формы, массивности дна, широкогорлости и высокой дуговидно отогнутой шейке имеет значительное сходство с более западными (Дон и Поволжье) сосудами савроматского времени [Смирнов, 1964, с. 116, рис. 61–66]. Также на Дону известны и единичные экземпляры близкой формы с желобчатыми носиками-сливами [Максименко, 1983, рис. 10, 3, 46, 2, 3; Копылов, Лукьяшко, 1995, рис. 8, 3, 9, 2].

По классификации савроматской керамики Нижнего Поволжья, рассматриваемый горшок может быть отнесен к немногочисленным типам 9 и 10, различающимся только массивностью дна [Очир-Горяева, 1990, с. 83, 84]. Тип 9 одинаково характерен для правого и левого берега р. Волга, а тип 10 распространен только в Заволжье. Также он представлен и в

Приуралье (3 экз.), в самой западной его части, но здесь все сосуды этого типа имеют трубчатые носики-сливы [Очир-Горяева, 1990, с. 86, 90]. Это позволяет рассматривать данный тип как узколокальный, распространенный на ограниченной, явно контактной территории Заволжья и западной части Южного Приуралья. Ни на одном из сосудов типов 9 и 10 желобчатые носики-сливы не представлены.

Заключение

Проведенный стратиграфический анализ позволяет синхронизировать погребенный курган 23а с курганом 23 и, соответственно, с небольшим временным допуском, со всеми остальными курганами могильника Филипповка 1. Судя по обрядовым характеристикам и самому факту наличия плоскодонного сосуда, единственное погребение этого кургана может быть названо «позднесавроматским» или синкретичным «савромато-раннесарматским», так как наряду с сохранением следов восточной ориентировки фиксируется главенство «идеи юга». Сохранение в раннепрохоровское время (IV–III вв. до н.э.) в западной части Южного Приуралья «позы всадника» свидетельствует об устойчивости у кочевников основной части традиций предшествующего времени, что уже неоднократно отмечалось [Скрипкин и др., 2019, с. 15–20; Савельев, 2019а, с. 222]. Сосуд из рассматриваемого погребения имеет явно савроматский облик и относится к очень редкому для Южного Урала типу, более распространенному на Нижней Волге (в том числе в Заволжье и самой западной части Приуралья). Об этом же, вероятно, свидетельствует и наличие на горшке желобчатого носика-слива – элемента, совершенно не характерного для савроматской керамики Южно-Уральского региона.

Невозможно установить, был ли курган 23а самым ранним в могильнике и впоследствии оказался ситуативно накрыт более крупным курганом, или же все это было сделано преднамеренно, с ритуальными целями. Первое допущение выглядит не вполне правдоподобным, так как западная цепочка Филипповского некрополя состоит в основном из погребений в овальных и прямоугольных дромосных ямах под крупными насыпями, малые

курганы в этой части могильника полностью отсутствуют. Для данного исследования важен сам факт практически прямой синхронизации четко выраженных «позднесавроматских» и раннепрохоровских традиций, то есть их сосуществования в рамках одного коллектива.

Сейчас достаточно хорошо известны факты как механического наложения раннепрохоровских традиций на памятники с традициями предшествующего, «савроматского» времени, так и постепенной смены широтных ориентировок на южную с сохранением большинства других черт погребальной обрядности. Первое хорошо прослежено в могильнике Переволочан I, второе – в мугоджарских памятниках Южного Урала [Савельев, 2019б, с. 43–44]. Учитывая генетическую близость носителей раннепрохоровского (филипповского) комплекса [Jarve et al., 2019, fig. S2], уже в настоящее время можно достаточно уверенно говорить о том, что его распространение шло по линии усиления доминирующего семейно-родового клана, инкорпорации его представителей в кочевые социумы других терри-

торий Южного Урала и превращения рассматриваемого комплекса погребальной обрядности (дромосно-шатрово-катакомбного) из этнического в престижный надэтнический. Описанный механизм проникновения инноваций предполагал достаточно длительное сосуществование субстратных («савроматских») и суперстратных (раннепрохоровских) традиций на территории формирования новой культуры. Погребенный курган 23а могильника Филипповка 1 является наглядным подтверждением данного сосуществования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)».

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00815 “Comprehensive reconstruction of the development of the mountain steppes of the Southern Urals from the Stone Age to Modern times (socio-cultural and natural transformations)”.

ПРИЛОЖЕНИЯ

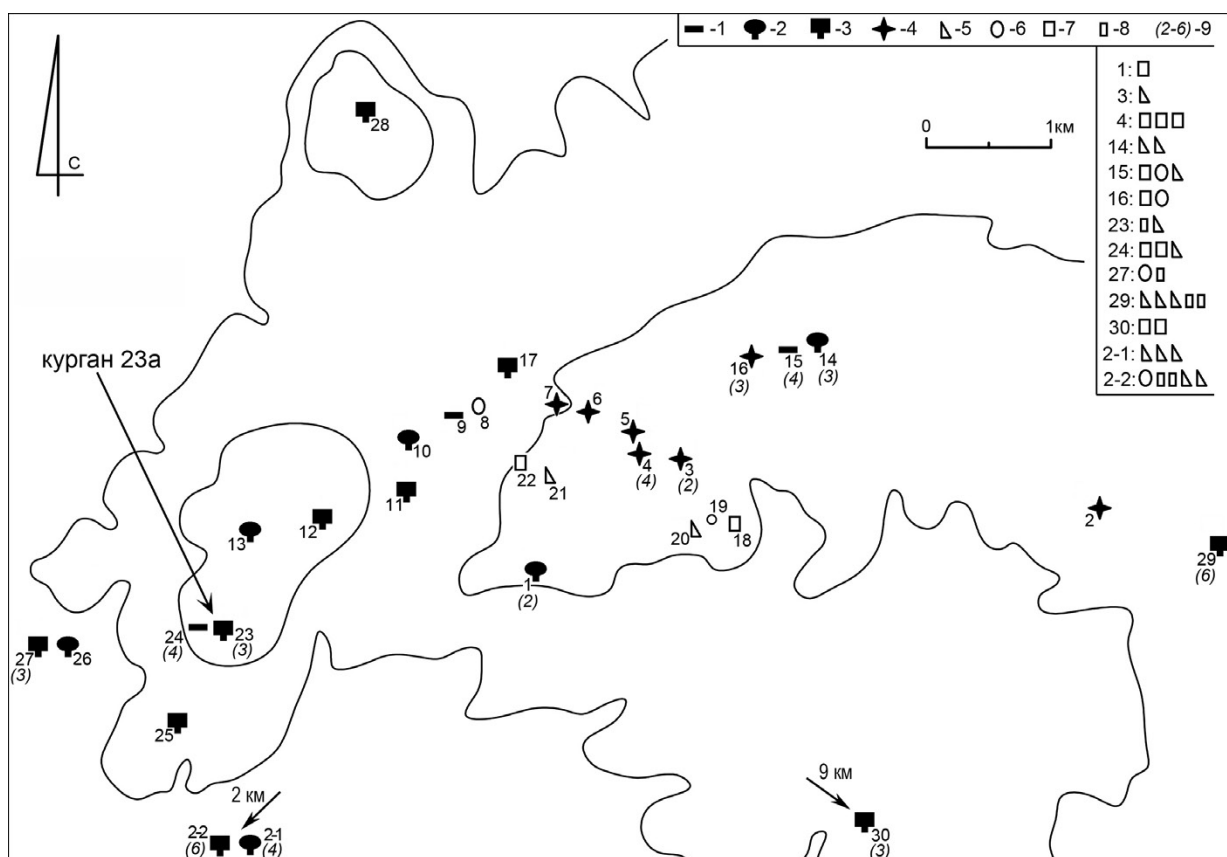

Рис. 1. Курганный могильник Филипповка 1. Распределение могильных сооружений:

1 – погребения на древнем горизонте; 2 – овалы с дромосом; 3 – прямоугольные ямы с дромосом; 4 – «крестовидные» ямы с дромосом; 5 – подбои / катакомбы; 6 – овалы; 7 – широкие прямоугольные ямы; 8 – узкие прямоугольные ямы; 9 – общее количество погребений (при наличии впускных).

Правая колонка: типы и количество впускных погребений в курганах

Fig. 1. Filippovka 1 kurgan cemetery. Distribution of grave structures:

1 – burials on the ancient horizon; 2 – oval pits with dromos; 3 – rectangular pits with dromos; 4 – “cross-shaped” pits with dromos; 5 – catacombs; 6 – oval pits; 7 – wide rectangular pits; 8 – narrow rectangular pits; 9 – total number of burials (if there are intake ones).

Right column: types and number of intake burials in kurgans

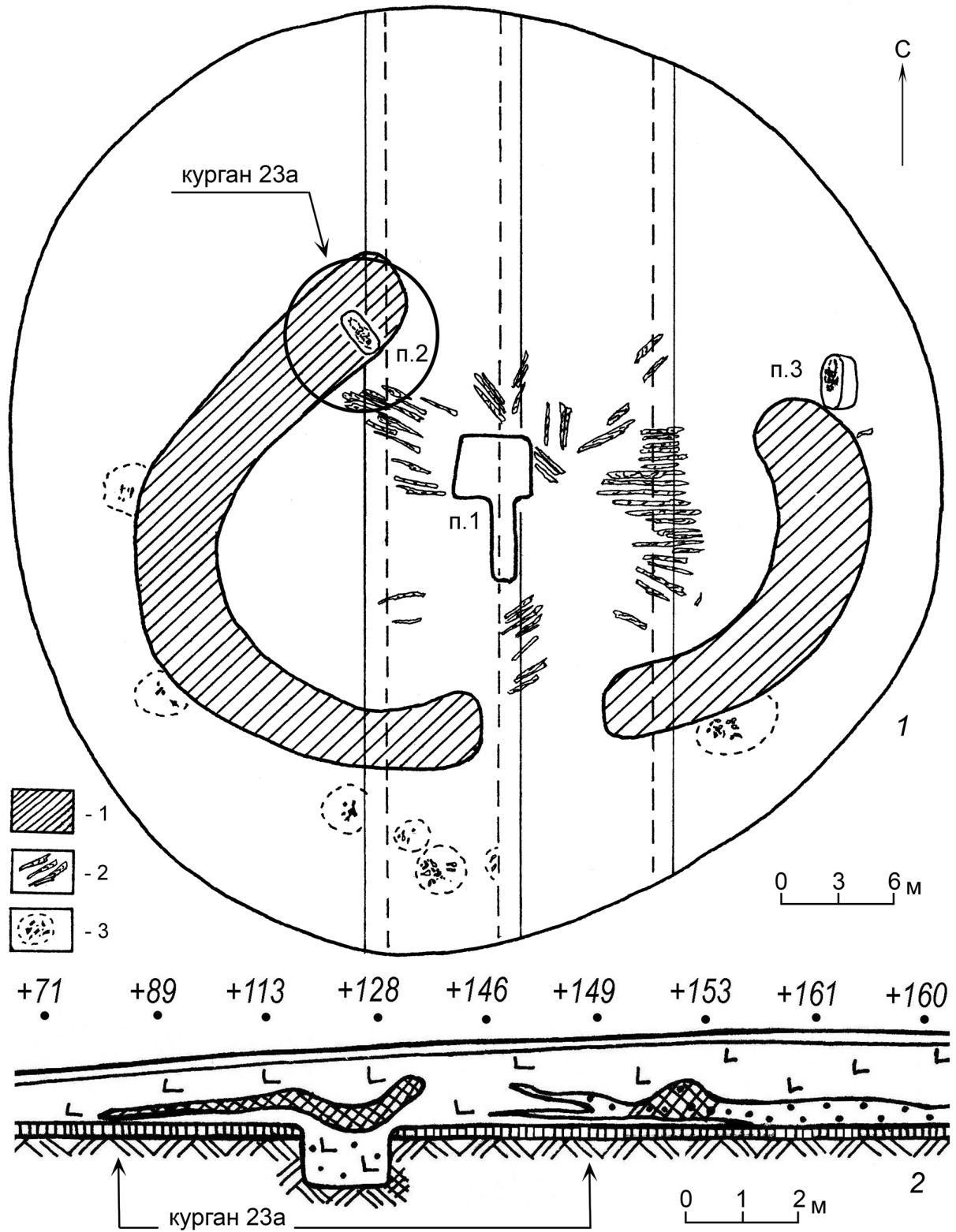

Рис. 2. Филипповка 1. Курганы 23 и 23а:

1 – планиграфия; 2 – стратиграфия, фрагмент западной бровки (по: [Пшеничнюк, 2012], с добавлениями автора)

Fig. 2. Filippovka 1 kurgan cemetery. Kurgans 23 and 23a:

1 – planigraphy; 2 – stratigraphy, fragment of the western baulk (after: [Pshenichnyuk, 2012], with additions by the author)

Рис. 3. Филипповка 1. Курганы 23 и 23а.

Положение валика – могильного выкида на стратиграфических разрезах:

- 1 – восточная бровка, южная часть; 2 – западная бровка, южная часть;
3 – западная бровка, северная часть (над курганом 23а) (по: [Пшеничнюк, 1991])

Fig. 3. Filippovka 1 kurgan cemetery. Kurgans 23 and 23a.

The position of the grave roll on stratigraphic sections:

- 1 – eastern baulk, southern part; 2 – western baulk, southern part;
3 – western baulk, northern part (above kurgan 23a) (after: [Pshenichnyuk, 1991])

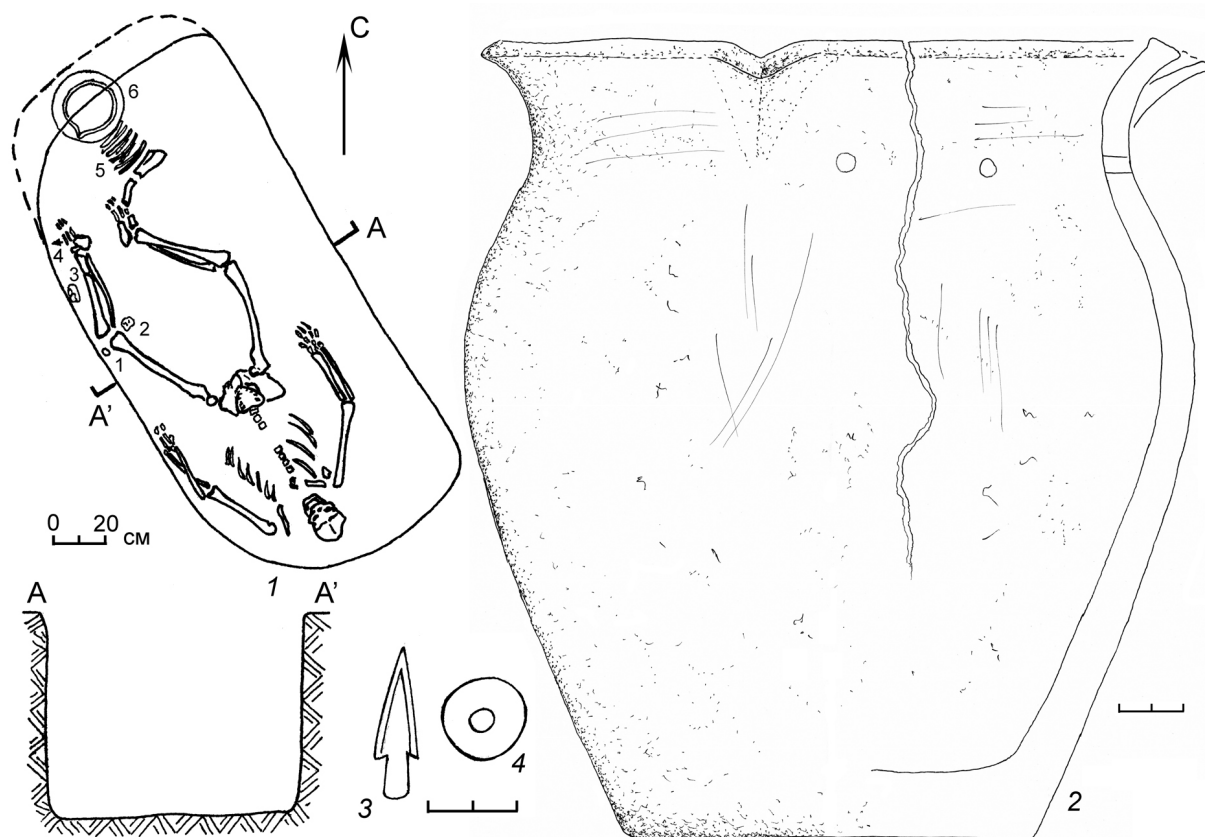

Рис. 4. Филипповка 1. Курган 23а:

1 – план погребения (1 – костяное изделие; 2, 3 – железные обломки; 4 – бронзовый наконечник стрелы; 5 – кости животного; 6 – глиняный сосуд); 2 – сосуд; 3 – наконечник стрелы; 4 – костяное изделие (1, 3, 4 – по: [Пшеничный, 2012]; 2 – рисунок автора)

Fig. 4. Filippovka 1 kurgan cemetery. Kurgan 23a:

1 – burial plan (1 – bone product; 2, 3 – iron fragments; 4 – bronze arrowhead; 5 – animal bones; 6 – clay vessel); 2 – vessel; 3 – arrowhead; 4 – bone product (1, 3, 4 – after: [Pshenichnyuk, 2012]; 2 – the author's drawing)

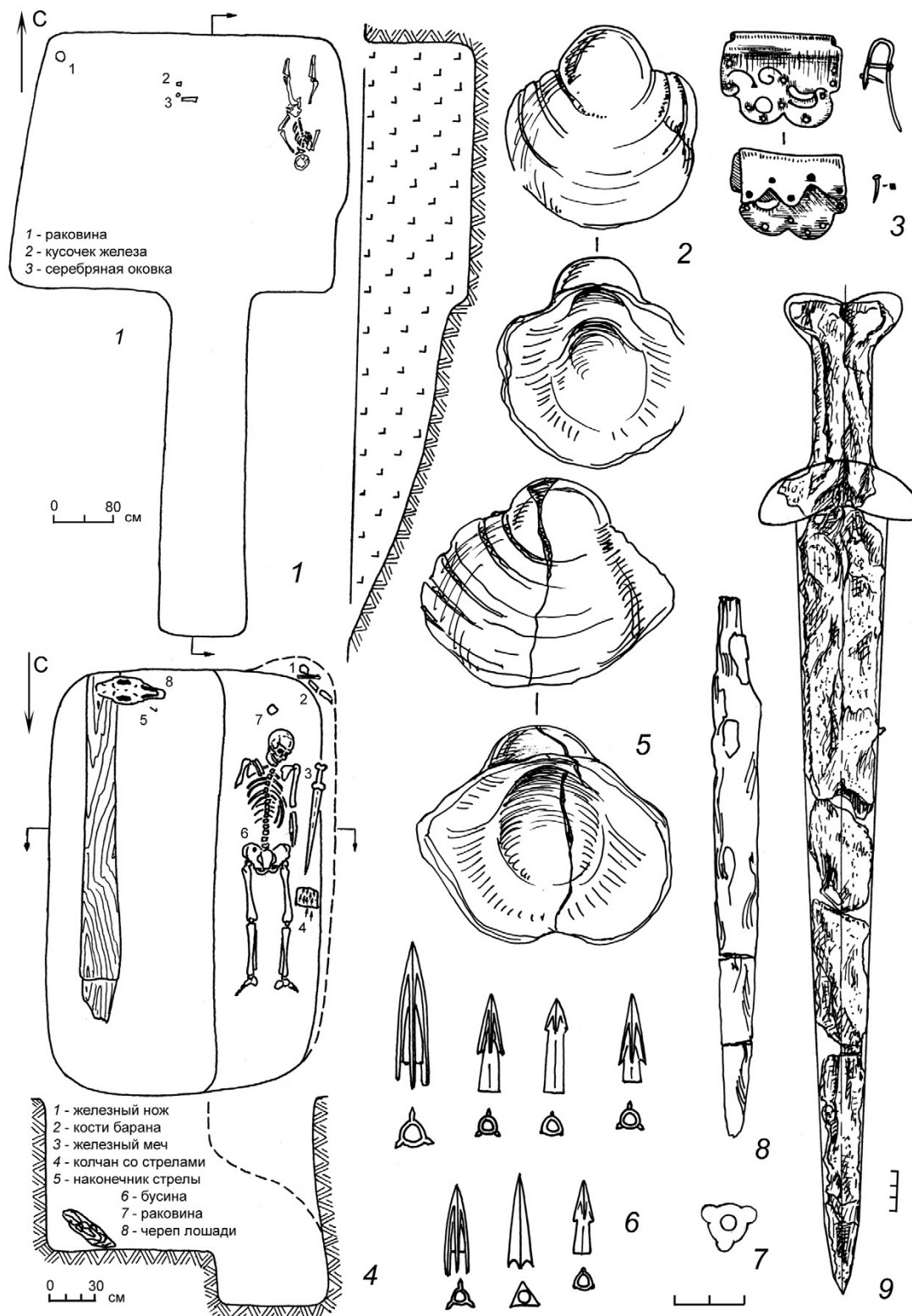

Рис. 5. Филипповка 1. Курган 23:

1-3 – погребение № 1 (основное); 4-9 – погребение № 3 (впускное). 2, 5 – створки ископаемых раковин; 3 – серебряная оковка деревянного сосуда; 6 – бронзовые наконечники стрел; 7 – стеклянная бусина; 8 – железный нож; 9 – железный меч (по: [Пшеничный, 2012])

Fig. 5. Filippovka 1 kurgan cemetery. Kurgan 23:

1-3 – burial No. 1 (main); 4-9 – burial No. 3 (intake). 2, 5 – flaps of fossil shells; 3 – silver shackle of a wooden vessel; 6 – bronze arrowheads; 7 – glass bead; 8 – iron knife; 9 – iron sword (by: [Pshenichnyuk, 2012])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гильмитдинова А. Х., 2021. Мужские погребения ранних кочевников Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15. Оренбург : ОГПУ. С. 124–136.
- Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : ЗКОЦИА. 136 с.
- Железчиков Б. Ф., 1994. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М. : ИА РАН. С. 127–152.
- Железчиков Б. Ф., 1997. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М. : ИА РАН. С. 46–130.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2013. Памятники Яицкой культуры последней четверти V – IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : Белая река. 223 с.
- Копылов В. П., Лукьяшко С. И., 1995. Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала // Донские древности. Вып. 4. Азов : Азов. краевед. музей. С. 117–148.
- Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та. 224 с.
- Очир-Горяева М. А., 1990. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста : КалмГУ. С. 81–92.
- Очир-Горяева М. А., 2019. Поза всадника по археологическим и этнографическим данным // Oriental Studies. Вып. 5 (45). С. 812–821. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-5-812-821>
- Переводчикова Е. В., 2013. Произведения скифского звериного стиля Прикубанья и дата филипповских курганов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция : материалы конф. / под ред. И. И. Марченко. Краснодар : Экоинвест. С. 334–336.
- Пшеничник А. Х., 1991. Отчет о раскопках Филипповского могильника в Илекском районе Оренбургской области в 1990 году // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН. 76 с.
- Пшеничник А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Савельев Н. С., 2019а. Дромосные погребения Филипповки: планиграфия, типология, контекст // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V. Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма “Салта” ЛТД». С. 214–223.
- Савельев Н. С., 2019б. Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. С. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>
- Сиротин С. В., 2021. Дромосные погребения ранних кочевников Южного Урала: вопросы хронологии // Уфимский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 160–168. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.014>
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Гильмитдинова А. Х., Окороков К. С., 2019. Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V. Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма “Салта” ЛТД». С. 234–243.
- Скрипкин А. С., Клепиков В. М., Балабанова М. А., 2019. Преемственность и новации в савроматской и раннесарматской культурах (по материалам Старицкого курганного могильника) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1. С. 14–31. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.2>
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 380 с.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М. : ИА РАН. 232 с.
- Jarve M., Saag L., Scheib C., Pathak A. et al., 2019. Shifts in the Genetic Landscape of the Western Eurasian Steppe Associated with the Beginning and End of the Scythian Dominance // Current Biology. Vol. 29, iss. 14. P. 2430–2441. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2019.06.019>

REFERENCES

- Gilmitdinova A.Kh., 2021. Muzhskie pogrebeniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala vtoroy poloviny VI – IV v. do n.e. [Men’s Burials of Early Nomads of the Southern Urals of the Second Half of the VI – IV Centuries BC].

- Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological Sites of Orenburg Region], iss. 15. Orenburg, OGPU, pp. 124-136.
- Gutsalov S.Yu., 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priuralya VII–I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals from VII–I Centuries BC]. Uralsk, WKCHA. 136 p.
- Zhelezchikov B.F., 1994. Obshchaya harakteristika iskhodnykh priznakov pogrebal'nogo obryada savromatskogo vremeni [General Characteristics of the Initial Signs of the Funeral Rite of the Sauromatian Time]. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Savromatskaya epoha (VI–IV vv. do n.e.)* [Statistical Processing of Funerary Monuments of Asian Sarmatia. Sauromat Era (VI–IV Centuries BC)], iss. 1. Moscow, IARAS, pp. 127-152.
- Zhelezchikov B.F., 1997. Analiz sarmatskiykh pogrebal'nykh pamyatnikov IV–III vv. do n.e. [Analysis of Sarmatian Funerary Monuments of the IV–III Centuries BC]. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Rannesarmatskaya kul'tura (IV–I vv. do n.e.)* [Statistical Processing of Funerary Monuments of Asian Sarmatia. Early Sarmatian Culture (IV–I Centuries BC)], iss. 2. Moscow, IARAS, pp. 46-130.
- Ismagil R., Sungatov F.A., 2013. *Pamyatniki Yaitskoy kultury posledney chetverti V–IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Monuments of the Yaitskaya Culture of the Last Quarter of the V–IV Centuries BC in the Southern Urals]. Ufa, Belaya reka Publ. 223 p.
- Kopylov V.P., Luk'yashko S.I., 1995. Pogrebeniya predskifskogo i skifskogo vremeni v mezhdurech'ye Dona i Sala [Burials of the Pre-Scythian and Scythian Times in the Interfluvium of the Don and Sal]. *Donskie drevnosti* [Don Antiquities], iss. 4. Azov, Azov Museum of Local Lore, pp. 117-148.
- Maksimov V. E., 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu* [Sauromatians and Sarmatians on the Lower Don]. Rostov-na-Donu, RGU. 224 p.
- Ochir-Goryaeva M.A., 1990. Klassifikatsiya keramiki iz pogrebeniy skifskoy epokhi Nizhnego Povolzh'ya [Classification of Ceramics from the Burials of the Scythian Epoch of the Lower Volga Region]. *Voprosy arheologii yuga Vostochnoy Evropy* [Issues of Archeology of the South of Eastern Europe]. Elista, KSU, pp. 81-92.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2019. Poza vsadnika po arheologicheskim i etnograficheskim dannym [Body Postures of Buried Horsemen: Archaeological and Ethnographic Evidence]. *Oriental Studies*, iss. 5 (45), pp. 812-821. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-45-5-812-821>
- Perevodchikova E. V., 2013. Proizvedeniya skifskogo zverinogo stilya Prikuban'ya i data filippovskikh kurganov [The Works of the Scythian Animal Style of Kuban Region and the Date of the Filippovka Kurgans]. *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya: materialy konf.* [The Sixth International Kuban Archaeological Conference: Materials of the Conference]. Krasnodar, Ekoinvest Publ., pp. 334-336.
- Pshenichnyuk A.H., 1991. Otchet o raskopkakh Filippovskogo mogil'nika v Ilekskom rayone Orenburgskoy oblasti v 1990 godu [Report on the Excavations of the Filippovka Cemetery in the Ilekskiy District of the Orenburg Region in 1990]. Ufa. *Arhiv IYAL UFRC RAS*. 76 p.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Necropolis of Nomadic Nobility of the IV Century BC in the Southern Urals]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Savelev N.S., 2019a. Dromosnye pogrebeniya Filippovki: planigrafiya, tipologiya, kontekst [The Passage Graves in Filippovka: Their Planigraphy, Typology, and Context]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – V v. n.e.). V. Materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400. V. Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archeology and History”]. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 214-223.
- Savelev N.S., 2019b. Yuzhnyy Ural v I tys. do n.e. – osobaya kontaktnaya zona na kraynem vostoke Evropy [The Southern Urals in the First Millennium BC as a Special Contact Zone in the Far East of Europe]. *Ufimskiy arheologicheskij vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 19, pp. 39-50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>
- Sirotnin S.V., 2021. Dromosnye pogrebeniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala: voprosy hronologii [Dromos Burials of the Early Nomads of the South Urals: The Problems of Chronology]. *Ufimskiy arheologicheskij vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], vol. 21, no. 1, pp. 160-168. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.014>

- Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Gil'mitdinova A.H., Okorokov K.S., 2019. Osobennosti pogrebal'nyh konstruksiy i planigraficheskaya organizatsiya nekropolya Filippovka 1 [The Particulars of Burial Structures and Planographic Organization of the Cemetery of Filippovka 1]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.). V. Materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400. V. Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archeology and History”]. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 234-243.
- Skripkin A.S., Klepikov V.M., Balabanova M.A., 2019. Preemstvennost' i novatsii v savromatskoy i rannesarmatskoy kul'turah (po materialam Staritskogo kurgannogo mogil'nika) [Continuity and Innovations in Sauromatian and Early Sarmatian Cultures (Based on the Materials of Staritsa Kurgan Cemetery)]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 1, pp. 14-31. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.2>
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.
- Yablonskiy L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdov. Elitnyi nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.). Katalog kolleksii* [The Gold of Sarmatian Chiefs. Elitary Necropolis Filippovka 1 (by Materials of Excavations in 2004–2009). Catalogue of Collection]. Book 1. Moscow, IA RAN. 232 p.
- Jarve M., Saag L., Scheib C., Pathak A. et al., 2019. Shifts in the Genetic Landscape of the Western Eurasian Steppe Associated with the Beginning and End of the Scythian Dominance. *Current Biology*, vol. 29, iss. 14, pp. 2430-2441. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2019.06.019>

Information About the Author

Nikita S. Savelev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Leading Research Scientist of the Department of Archaeological Research of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Oktyabrya, 71, 450054 Ufa, Russian Federation, sns_1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

Информация об авторе

Никита Сергеевич Савельев, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, просп. Октября, 71, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, sns_1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.4>

UDC 902
LBC 63.4(2)

Submitted: 26.12.2021
Accepted: 15.04.2022

**ITEMS OF CLOTHING FROM THE EARLY NOMADIC KURGANS
IN THE SOUTHERN URALS: ICONOGRAPHY AND BURIAL PRACTICE
(BASED ON THE MATERIALS OF CEMETERIES
FILIPPOVKA 1 AND FILIPPOVKA 2)**

Konstantin S. Okorokov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to publication and analyses of objects found during the excavation of the cemeteries Filippovka 1 and Filippovka 2 which are of value for reconstruction of clothing of the early nomads from the Filippovka Southern Urals. The objects under study are divided into two blocks – those carrying images of the nomads themselves for instance depictions of exclusively male riders with weapons or of various decorative elements made of precious metals, stripes, pendants and embroideries, according to the location of which in the burial relative to the backbone, one can get an idea of the costume as a whole. All burials where decorative patch elements were found in situ belong to females. The absolute majority of the sew-on decorations are made in the version of animal style art traditionally associated with Filippovka 1 cemetery, represented to a large extent by plates made from precious metals ornamenting wooden vessels. Obviously, this series of objects expresses the worldviews of the early nomads who left these funerary monuments on the territory of the Southern Urals, reflecting their religious and mythological ideas on the world around them and the vision of themselves. It is unlikely that these items were produced in a nomadic environment; they were rather produced in workshops the location of which has yet to be determined. In any case, they should be separated from Achaemenid style treasures which are referred to as “the antique” and were redesigned by nomads to suit their own needs.

Key words: Southern Urals, early nomads, early sarmatians, horsemen, Filippovka 1 kurgan cemetery, Filippovka 2 kurgan cemetery, clothing reconstruction, animal style, gold stripes, iconography.

Citation. Okorokov K.S., 2022. Predmety odezhdy v kurganah rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya: ikonografiya i pogrebal'naya praktika (po materialam kurgannyh mogil'nikov Filippovka 1 i Filippovka 2) [Items of Clothing from the Early Nomadic Kurgans in the Southern Urals: Iconography and Burial Practice (Based on the Materials of Cemeteries Filippovka 1 and Filippovka 2)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 66-90. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.4>

УДК 902
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 26.12.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

**ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ В КУРГАНАХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ
ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ: ИКОНОГРАФИЯ И ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ
ФИЛИППОВКА 1 И ФИЛИППОВКА 2)**

Константин Сергеевич Окорок

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу предметов, обнаруженных при исследовании курганных могильников Филипповка 1 и Филипповка 2 и имеющих важное значение для реконструкции одежды ранних кочевников Южного Приуралья. Исследуемые предметы разделены на два блока – одни несут на себе изображения самих кочевников, это исключительно образы мужчины-всадника с оружием; другие являются

разнообразными декоративными элементами из драгоценных металлов, нашивками, подвесками и вышивками, по расположению которых в погребении относительно костяка можно получить представление о костюме в целом. Все погребения, где декоративные нашивные элементы обнаружены *in situ*, – женские. Абсолютное большинство нашивных украшений выполнено в том варианте звериного стиля, который традиционно ассоциируется со звериным стилем могильника Филипповка 1 и представлен в значительной мере обкладками из драгоценных металлов на деревянные сосуды. Очевидно, именно этот корпус предметов выражает мировоззрения ранних кочевников, оставивших указанные погребальные памятники на территории Южного Урала, отражая религиозно-мифологические представления, взгляды на окружающий мир и видение самих себя. Вероятнее всего, эти предметы производились не в кочевой среде, а в мастерских, местоположение которых еще предстоит выяснить. В любом случае их следует отделять от ахеменидских сокровищ, являющихся «антиквариатом», и переделанных кочевниками под собственные нужды.

Ключевые слова: Южное Приуралье, ранние кочевники, ранние сарматы, всадники, курганный могильник Филипповка 1, курганный могильник Филипповка 2, реконструкция костюма, звериный стиль, золотые нашивки, иконография.

Цитирование. Окорочков К. С., 2022. Предметы одежды в курганах ранних кочевников Южного Приуралья: иконография и погребальная практика (по материалам курганных могильников Филипповка 1 и Филипповка 2) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 66–90. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.4>

В результате исследования крупных курганов и курганных групп на территории Южного Урала в научный оборот введено огромное количество археологических комплексов, что позволило решить ряд проблем, связанных с культурно-экономическими связями ранних кочевников, уточнением хронологических позиций, и многих других. Результаты многолетних работ экспедиций ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка и Приуральской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского позволяют пролить свет на такой малоизученный вопрос, как одежда ранних кочевников, оставивших курганные могильники Филипповка 1 и Филипповка 2.

В силу недолговечности материалов, из которых изготавливается одежда, а также неблагоприятных условий для ее сохранения в погребальных комплексах раннего железного века на территории Южного Урала, вплоть до недавнего времени было известно сравнительно немного о типах, деталях и составе костюма. Исследователями констатировалась скудность иконографической информации [Яценко, 2006, с. 135]. В настоящее время известна целая серия предметов, которые можно с уверенностью отнести к декоративным и функциональным деталям женской одежды, поскольку они были обнаружены *in situ* рядом с женскими погребениями. Представление о мужской одежде можно получить по нескольким изображениям всадников-воинов, которые находятся на предметах разного назначения.

Таким образом, мужской костюм в исследуемых памятниках представлен исключительно иконографически, а женский – археологически.

Мужской костюм

Курганный могильник Филипповка 1.

Курган 1. Тайник 1

За годы исследований Филипповского 1 курганного могильника обнаружено значительное количество золотых и серебряных накладок (оковок, обкладок) на деревянные сосуды разных форм и размеров. Ряд особенностей этих предметов позволил исследователям сделать предположение о разных мастерских, в которых они изготавливались [Переводчикова, 2012, с. 96–110; 2016а, с. 221; 2016б, с. 32]. Антропоморфные изображения встречены на подобных предметах только однажды – на накладках одной из деревянных чаш в тайнике 1 кургана 1. Помимо сцены терзания на горизонтально расположенных ручках этого сосуда, на двух парах оковок изображена повторяющаяся сцена охоты конного лучника на сайгаков [Мещеряков, 2010, с. 248; Федоров, 2006, с. 49]. Долгое время описание данных предметов производилось по рисунку одной оковки (рис. 1,4) с изображением всадника [Пшеничнюк, 1989, рис. 6], до выхода в 2018 г. каталога, в котором опубликована фотография второй (рис. 1,3) [Коллекции Филипповских курганов ... , 2018, с. 136]. Изображения очень

близки друг другу, почти наверняка они выполнены одним мастером. Оба всадника изображены в профиль, обращенными вправо, без головного убора, с короткими волосами, изображенными коротким штрихом, и завитками на щеках, которые обозначают небольшую бороду. Облегающая одежда обоих украшена очерченными вертикальными рядами каплевидных и вогнуто-треугольных элементов, причем их расположение относительно друг друга несколько различается. Пояс изображен только у одного лучника, рисунок на одежде второго ничем не прерывается. Обувь представлена мягкими сапогами, или чулками, но граница между штаниной и голенищем не выделена – у всадника с поясом треугольные элементы на стопе изображены перпендикулярно линейному движению этих элементов на всем костюме, у всадника без пояса декоративные элементы продолжают от воротника до носка без изменений.

*Курганный могильник Филипповка 1.
Курган 3. Центральное погребение*

В скоплении человеческих костей в юго-восточном секторе могилы была найдена роговая статуэтка всадника (рис. 1,1) [Мещеряков, 2010, с. 248; Пшеничнюк, 2012, с. 35, рис. 69]. Назначение предмета не ясно, возможно, оно является навершием штандарта, посоха или жезла, как и втульчатое навершие в зверином стиле близких размеров из кургана 29 могильника Филипповка 1, выполненное из аналогичной роговой заготовки (рис. 8,9).

У фигурки из центрального погребения кургана 3 подробно переданы детали костюма и экипировка. Головной убор отсутствует. Волосы короткие. Всадник одет в облегающий костюм типа комбинезона [Пшеничнюк, 2012, с. 35]. С левой стороны к поясу подвешен горит со скошенным нижним концом и оформлением верхней части в виде волнистой линии [Васильев, 2001, рис. 1,2; Краева, Купцов, 2007, с. 30]. Эта линия может схематично обозначать оперения трех стрел, возвышающихся над верхней кромкой горита, обозначенной прямой двойной линией. К правому бедру ремнем прикреплен меч в ножнах. Из-под левого локтя выступает продолговатый предмет, возможно, оселок. Вокруг

шеи валиком изображена гривна или воротник. Двойным валиком показана опушка штанов и обуви [Мещеряков, 2010, с. 249] или их абстрактная граница. Сапоги короткие, без твердой подошвы.

*Курганный могильник Филипповка 1.
Курган 4. Погребение 2*

В состав погребального комплекса входит железный меч с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Общая длина предмета – 39,2 см, ширина лезвия у перекрестия – 8 см [Яблонский, 2011, с. 208]. Меч полностью декорирован [Минасян, 2014] изображениями в зверином стиле, находящем множество аналогий среди декорированных предметов из курганов Филипповского курганного могильника [Рукавишников, 2011а, с. 176]. На мече присутствует пять антропоморфных образов, которые во всех случаях сопровождаются изображениями лошадей и оружия:

– всадник, охотящийся с копьем на кабана (рис. 1,8). Одет в облегающий костюм, обозначенный вертикальными линиями, выделен пояс;

– павший воин, пронзенный мечом (рис. 1,9). Обтягивающие «штаны» декорированы полосой, повторяющей контуры ног, на бедре изображены два завитка, закрученные в разные стороны, один завиток изображен у щиколотки, возможно, обозначая границу мягкой обуви;

– жертвоприношение оленя (либо сражение за него) двумя воинами [Федоров, 2020, с. 106; Котов, Исмагил, 2013, с. 80]. Обе фигуры (рис. 1,6) облачены в обтягивающую одежду, декорированную полосой, повторяющей контуры тела, на бедре и плече обеих фигур изображено по завитку, смотрящему в разные стороны. У левой фигуры обувь обозначена завитком возле щиколотки и треугольником внутри стопы;

– воин в доспехе с клеветом (рис. 1,7). Персонаж облачен в чешуйчатый доспех, показанный полукруглыми штрихами [Мещеряков, 2010, с. 250]. В районе шеи изображено несколько прямых полос, вероятно, обозначающих ворот виднеющейся из-под доспеха одежды. Обтягивающие «штаны» декорированы полосой, повторяющей контуры

ног, на бедре изображены два завитка, закрученные в одну сторону. И.В. Рукавишникова допускает наличие у воина шлема [Рукавишникова, 2011б, с. 374; 2016, с. 238] или другого головного убора (также и в сцене жертвоприношения), но скорее всего, короткими вертикальными штрихами между двух горизонтальных линий обозначена прическа.

Курганный могильник Филипповка 1.

Курган 28. Погребение в подземном ходе

Вблизи мужского черепа были найдены костяные нашивки, оформленные в традициях звериного стиля (рис. 9,2). Две из них – зеркально отраженное стилизованное изображение птичьей головы (5,8 × 3,5 см, 4 × 3,8 см). Бляшка 2 – стилизованное изображение животного (5 × 3,5 см). На обратной стороне ушко для продевания ремня [Яблонский, 2008, с. 269; 2013, с. 197].

Предположение о принадлежности этих предметов головному убору было сделано из-за их расположения относительно костяка [Яблонский, Мещеряков, 2008, с. 58]. Подобных примеров среди комплексов Филипповского некрополя не встречено, однако похожие костяные предметы (рис. 9,1) в виде стилизованного изображения птичьей головы (когтя?) находились среди элементов конской упряжи в жертвенном комплексе из кургана 4 этого могильника [Рукавишникова, Яблонский, 2008, с. 210]. Схожие абрис, размеры и пропорции, наличие петли для перекрещивающихся ремней, наличие декоративного элемента – запятой-магатамы позволяют предположить тождество этих предметов и в функциональном плане. Таким образом, более вероятным представляется, что у головы погребенного в подземном ходе кургана 28 был помещен уздечный набор.

Курганный могильник Филипповка 1.

Курган 30. Центральное погребение

Среди предметов уздечного набора в северо-восточном углу северного выступа крестообразной погребальной камеры обнаружена бронзовая бляшка в виде всадника [Яблонский, 2014б]. Ширина – 5,2 см, высота – 4,42 см, толщина – 0,38 см, высота петли на обороте – 0,91 см.

Обращенный вправо всадник (рис. 1,2) изображен в облегающей одежде без заметных конструктивных и декоративных элементов, штрихом показан край рукава у кисти руки, держащей клок гривы. За спиной изображен горит, или колчан. Непропорционально крупная нога имеет заостренный носок. На шее валиком изображена гривна, или ворот. Голова защищена куполообразным гладким шлемом с довольно широкой каймой. По своему типу шлем отличается от единственного металлического шлема в могильнике, найденного в центральном погребении кургана 11 [Фризен и др., 2013; Яблонский, Рукавишникова, 2007, с. 16; Трейстер, Яблонский, 2012, с. 13].

Одиночный курган Филипповка 2.

Случайная находка¹

Уздечная бронзовая бляшка, изображающая всадника на коне в профиль вправо (рис. 1,5), была обнаружена на пашне возле насыпи кургана в числе предметов уздечного набора [Мещеряков, 2010, с. 250–251]. В целом композиционно предмет напоминает бляшку из кургана 30 могильника Филипповка 1. Наездник в облегающей одежде, в руке держит клок гривы, за спиной находится лук. Обувь с острым носком ничем не ограничена от штанины.

Женский костюм

Изображения на некоторых металлических и костяных предметах выступают в роли изобразительного источника для реконструкции мужского костюма, однако сами они не являются деталями мужского костюма. Для реконструкции женского костюма, наоборот, источником являются различные нашивные детали и украшения, женские изображения в раннесарматских памятниках IV в. до н.э. на территории Южного Урала неизвестны.

Курганный могильник Филипповка 1.

Курган 1. Тайник 2

В придонной части бессистемно находились:

– двадцать золотых нашивок (8 × 6 см) в виде фигур архаров с объемной головой (рис. 6,1). На оборотной стороне – четыре пет-

ли для пришивания. Десять фигурок обращены влево, десять – вправо;

– двадцать девять золотых нашивок (5 × 4 см) с изображением сцены борьбы двух верблюдов (рис. 6,2). На каждом предмете шесть отверстий для пришивания;

– пятьдесят четыре золотые нашивки (рис. 6,5) с изображением фигуры лежащего оленя, прямоугольной формы (2,8 × 2 см). На оборотной стороне четыре петли для пришивания. На двадцати предметах олень ориентирован влево, на тридцати четырех – вправо;

– шестьдесят три золотые нашивки (2 × 3 см) с изображением протомы кошачьего хищника (рис. 6,5). На оборотной стороне две петли для пришивания [Пшеничнюк, 2012, с. 16; Окорок, 2020б, с. 127].

Представленные нашивки делятся на две группы – большие и малые, их параметры и стилистические решения близки нашивкам из погребения 2 кургана 1 и погребения 4 кургана 4. Исходя из количества нашивок, их типов и конфигурации можно сделать вывод, что в тайнике II находилось два костюма, с малыми нашивками вдоль узкого рукава нижнего платья и широким рукавом верхней плечевой одежды, украшенной каймой из крупных нашивок [Окорок, Трегубов, 2021, рис. 7,2]. Необходимо отметить, что объемные фигуры архаров выполнены в такой же технике, что и объемные фигуры пантер из погребения 4 кургана 4 (но без пастовых вставок).

Курганный могильник Филипповка 1.

Курган 1. Погребение 1

В 2–3 м к центру от устьев подземных ходов в восточной стенке могилы фиксировались следы костей, среди которых находилось множество мелких золотых украшений [Пшеничнюк, 2012, с. 25–26] и бусин, в том числе:

– четыре идентичные подвески в виде лошадиных голов, подвешенных на цепочках и прикрепленных к полым бусинам-пронизкам (рис. 9,4);

– три бляшки-нашивки круглой формы диаметром 2,5 см с тисненым изображением лица человека (рис. 9,3), с отверстиями для пришивания [Пшеничнюк, 2012, рис. 47,1; Коллекция Филипповских курганов ... , 2018, с. 275]. Эти предметы находят аналогии в памятниках

скифской знати Северного Причерноморья [Гуцалов, 2011; Кузнецова и др., 2020, с. 227];

– двадцать мелких (диаметр 0,3–0,5 см) полусферических бляшек с ушком на обороте;

– двести сорок восемь мелких (диаметр 0,2–0,3 см) полусферических бляшек-нашивок с двумя отверстиями по краям;

– триста двадцать мелких (диаметр 0,1–0,2 см) бусинок-пронизок.

Поскольку комплекс потревожен, невозможно достоверно реконструировать костюм. Можно предположить, что подвески в виде лошадиных голов украшали обшлага узких рукавов платья, аналогично подвескам в виде головы барана, украшавшим золотые звенья с сердоликовыми вставками на левом рукаве женского костюма в погребении 2 кургана 1. Бляшки круглой формы с изображением лица человека могли крепиться к нагрудной части платья, подобно круглым нашивкам в виде свернувшегося сайгака в погребении 2 кургана 1.

Курганный могильник Филипповка 1.

Курган 1. Погребение 2

При женском скелете было обнаружено большое количество нашивных золотых украшений, что позволило исследователям сделать попытку реконструировать костюм погребенной [Яблонский, 2014а, с. 6; Анисеева, Яблонский, 2019а; 2019б; Окорок, Трегубов, 2021, рис. 7, 1]. Цветы-розетты (рис. 6,10) украшали шаль, или накидку; нашивки со сценами терзания сайгака пантерой (рис. 3,9) и со скрученной фигурой сайгака украшали платье с узкими рукавами. Судя по положению бахромы шали, расшитой небольшими золотыми подвесками и нашивками (рис. 3,4), а также нашивок-розетт, при совершении погребального ритуала лицо покойной было закрыто (рис. 3,1). Аналогии подвесным элементам на бахrome (золотые столбики с полыми шариками в центре, с зернью снизу и петелькой сверху) известны в кургане 2 у с. Бамут и кургане 4 у с. Гойты на территории Чеченской Республики, которые по комплексу предметов датированы авторами раскопок второй половиной V – IV в. до н.э. [Бурков, Маслов, 2016, с. 61, рис. 5,5; Марковин, 1965, с. 167, рис. 8]. Сцена терзания копытного животного кошачьим хищником на подпрямоугольных нашивках известна в материи-

лах из Чмыревой Могилы, находящейся на юго-востоке Украины, в Запорожской области [Бабенко, 2015, с. 67–78, рис. 2, 3,9].

К краям узких рукавов платья были пришиты сложносоставные звенья из золота и сердолика с каплевидными подвесками, полыми подвесками-бусинами с зернью и подвесками в виде голов баранов (рис. 3,5) [Аникеева, Яблонский, 2019а, с. 17–18]. Похожие подвески с головкой животного, только без декоративного каста посередине цепочки, происходят из центрального погребения этого кургана [Пшеничнюк, 2012, с. 256].

Под локтевыми суставами были обнаружены два скопления бисера и мелких бусин из различных материалов. В ходе камеральной работы выявлены вышитые бисером на рукавах изображения протом оленей (рис. 3,6) [Окорочков, 2020а; Окорочков, Переводчикова, 2020; Окорочков, Трегубов, 2021].

Золотые ажурные наконечники шнуров-завязок (рис. 3,2), ошибочно соотнесенные с горитом в одной из первых публикаций погребения [Трегубов, Яблонский, 2014, с. 68, рис. 1,7; Окорочков, 2020б, с. 127, рис. 2], следует относить к фурнитуре для одежды.

Курганный могильник Филипповка 1.

Курган 3. Центральное погребение

В северо-восточном секторе погребения были обнаружены без какой-либо системы относительно друг друга золотая нашивка подпрямоугольной формы с рельефным изображением лежащего оленя (рис. 6,16), три украшенных зернью золотых наконечника шнуров-завязок, золотая накладка-пуговица, украшенная зернью и несколько бусинок. С обратной стороны зооморфной нашивки припаяна полоска металла. Над головой оленя проделаны два сквозных отверстия. Множество мелких бусинок лазурного цвета обнаружены восточнее костей ног погребенных (остатки накидки?) [Пшеничнюк, 2012, с. 33–35; Коллекция Филипповских курганов ... , 2018, с. 99].

Курганный могильник Филипповка 1.

Курган 4. Погребение 4

В западной части курганной насыпи было обнаружено парное захоронение мужчины и

женщины (рис. 4,1–2) [Яблонский, Мещеряков, 2007; Федоров, 2018, с. 188–202].

Вдоль костей обеих рук женского скелета, маркируя узкие рукава истлевшего платья, находились двадцать две золотые нашивки в виде изогнутого кошачьего хищника, ориентированного влево (рис. 4,6). Аналогичным образом близкие по размеру нашивки со сценой терзания копытного животного кошачьим хищником располагались в погребении 2 кургана 1. У черепа и плечевых костей находилось четырнадцать крупных золотых нашивок с эмалевыми вставками в виде лежащих пантер. Пантеры у левого плеча были ориентированы влево (рис. 4,5), у правого плеча – вправо (рис. 4,4). Линию плеч обозначали две золотые накладки, аналогичные предыдущим, но изображающие не целую фигуру пантеры, а протому (рис. 4,3). Эти массивные нашивки являлись декоративными элементами, украшающими широкие рукава второго (верхнего) предмета одежды [Окорочков, Трегубов, 2021, с. 53, рис. 2]. По расположению декоративных элементов костюм аналогичен женской одежде из погребения 2 кургана 1.

Курганный могильник Филипповка 1.

Курган 4. Погребение 5

В 60 см к юго-западу от угла очага обнаружена золотая нашивная бляшка в виде розетты с четырьмя стилизованными цветками, напоминающими головы баранов, соединенными дугами. На обороте каждого цветка припаяна петля для пришивания. Похожая бляшка, но с одной массивной петлей в центре на обороте происходит из могильника Покровка из комплекса находок у головы погребенного в центре кургана 2 [Смирнов, 1964, рис. 16,2и; Трейстер, Яблонский, 2012, с. 121].

Выше костей лошади № 3 была обнаружена золотая бляшка в виде крылатого льва, идущего вправо (2,33 × 1,49 см). На оборотной стороне шесть петель для пришивания [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 128].

Курганный могильник Филипповка 1.

Курган 7. Костяк 2

Пять золотых наконечников шнуров ($h = 1,6–1,9$ см. Втулка: $\varnothing = 0,4–0,5$ см. Навершие:

Ø – 0,8–0,9 см) с ребристой головкой, украшенные зернью, располагались возле черепа и на груди погребенной (рис. 6,20) [Коллекции Филипповских курганов ... , 2018, с. 132].

*Курганный могильник Филипповка 1.
Курган 12. Центральное погребение*

Два золотых наконечника шнура, украшенных зернью, находились у западной стенки на дне могильной ямы (рис. 6,22) [Пшеничнюк, 2012, с. 51].

*Курганный могильник Филипповка 1.
Курган 15. Погребение 2*

Шестнадцать золотых нашивок с зеркально изображенными головами оленей находились у западного борта погребальной камеры, без какой-либо системы, перемещенные землеройными животными (рис. 5,3). Две золотые нашивки (рис. 5,5) с иначе изображенными головами оленей располагались у правой бедренной кости и в комплексе с зеркалом [Трейстер, Яблонский, 2012, с. 140–141].

Среди нашивок обнаружено десять золотых наконечников шнура (рис. 5,4, 6,21) [Окороков, 2020б, с. 128].

*Курганный могильник Филипповка 1.
Курган 16. Центральное погребение*

Три золотых наконечника шнура в виде булавы были обнаружены в разных частях погребения, один из них – в северной нише (рис. 6,23).

Один наконечник состоит из поперечно-гофрированной втулки и округлой головки с зернью (h – 2,3 см. Втулка: Ø – 0,5 см. Навершие: Ø – 0,7 см). Два других наконечника аналогичны друг другу, с цилиндрической втулкой и округло-биконической головкой с зернью (h – 2,6 см. Втулка: Ø – 0,3 см. Навершие: h – 1,2 см; Ø – 0,8 см) [Яблонский, 2013, с. 163–165].

*Курганный могильник Филипповка 1.
Курган 17. Центральное погребение*

При разборе заполнения погребальной камеры у западной стенки и в юго-восточном

углу были обнаружены три золотые нашивки. Аналогичные нашивки с изображением оленьих морд нос к носу происходят из кургана 15.

В юго-восточном углу в заполнении у дна была найдена золотая прямоугольная нашивка (3,4 × 2,2 см) (рис. 6,13) с изображением двух голов оленей, аналогичная одной из нашивок у западной стенки [Пшеничнюк, 1990, с. 8].

В центре погребения находился золотой наконечник шнура высотой 0,8 см (рис. 6,24) [Пшеничнюк, 2012, с. 55].

*Курганный могильник Филипповка 1.
Курган 29. Погребение 2*

Возле скелета 6 была найдена золотая нашивка подпрямоугольной формы с изображением стилизованных протом оленей. На оборотной стороне нашивки припаяны четыре петельки для пришивания (рис. 6,12).

У правого крыла таза женского скелета 7 была обнаружена перемещенная в древности серебряная нашивка (рис. 6,8) подпрямоугольной формы с рельефным изображением протомы кошачьего хищника. На оборотной стороне нашивки припаяны четыре петельки для пришивания [Яблонский, 2013, с. 208–209].

*Курганный могильник Филипповка 2.
Курган 1. Погребение 2*

При разборе заполнения дромоса центрального погребения были обнаружены две золотые нашивки (рис. 8,3) подпрямоугольной формы с изображением протомы кошачьего хищника [Яблонский, 2012, рис. 149, 7–9, 150].

Также в заполнении дромоса, в юго-западном секторе погребальной ямы, возле скелетов 9 и 10 было собрано одиннадцать золотых зооморфных нашивок подпрямоугольной формы [Яблонский, 2012, рис. 149, 150, 153, 159, 161]. По углам находились четыре отверстия для пришивания. Нашивка представляет собой попытку изобразить фронтально голову безрогого копытного путем механического отражения профильной проекции (рис. 8,1). Фрагмент близкой по типу нашивки происходит из кургана 1 Филипповского 1 курганного могильника (рис. 8,2), но за исключением фотографии информация о ней отсутствует [Пшеничнюк, 2012, с. 256, рис. 14,5].

Вокруг левой голени костяка 10, у стопы, обнаружены пятнадцать стеклянных бисеринок в два ряда. У правой стопы скелета находился один ряд бисера (не сохранился). Бисер украшал либо низ одежды, либо обувь (рис. 6,12).

Заключение

Образ всадника хорошо известен в искусстве кочевников раннего железного века. Он встречается и в искусстве последующих эпох [Смагулов, 2014, с. 216]. Почти всегда всадник изображается с оружием, в характерной одежде, часто подчеркнуты детали конского снаряжения. До сих пор нельзя сказать с уверенностью, кто перед нами – божество, персонаж героического эпоса, простой соплеменник или сам владелец этих вещей. Тем не менее подобные предметы являются важным источником для реконструкции одежды людей, создавших их, так как отражают привычные кочевнику образы людей в их обычных занятиях.

В материалах курганного могильника Филипповка 1 образ вооруженного всадника, либо спешившегося воина возле коня, своего обязательного спутника, встречен десять раз на совершенно разных предметах. На мече из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1 образ воина встречен пять раз. Два раза всадник (возможно, один и тот же) в процессе охоты на сайгаков изображен на золотых обкладках деревянной чаши из тайника 1 кургана 1. Единственная объемная роговая скульптура, изображающая всадника, происходит из центрального погребения кургана 3. Дважды изображение всадника встречено на предметах конской узда. Уздечные бляшки с изображением коня и наездника, близкие по размерам, но отличающиеся по стилистике изображения, происходят из кургана 10 Переволочанского курганного могильника [Пшеничнюк, 1995, рис. 11,13; Мещеряков, 2010, рис. 3,1; Очир-Горяева, 2012, рис. 316,1]. Металлические нашивные украшения и детали фурнитуры неизвестны в мужских погребениях, поэтому немногочисленные изображения конных воинов на предметах вооружения и конской узда являются важным источником для реконструкции мужского костюма ранних кочевников Южного Урала.

Изображения женщин, известные среди скифских древностей (например, на нашивных бляшках), неизвестны в Филипповских курганах. Однако здесь было обнаружено несколько комплексов с большим количеством нашивных и подвесных украшений, позволивших получить представление о женской одежде, во всяком случае, использовавшейся в погребальных обрядах. Нашивки на женскую одежду из Филипповского могильника отличаются от нашивок погребальных костюмов Южного Урала савроматского периода. В погребениях савроматского времени крупная золотая нашивка (или несколько, как в могильнике Покровка 2, курган 3, погребения 1 и 2) в виде припавшего к земле хищника, как правило, находится между черепом и плечевыми костями [Очир-Горяева, 1993].

Материалы, полученные при раскопках погребения 4 кургана 4, погребения 2 кургана 1, тайника 1 кургана 1, позволяют реконструировать одежду погребенных. Близко к телу носилось длинное платье или рубаха с узкими рукавами, расшитыми с внешней стороны небольшими зооморфными нашивками². На грудной части платья располагались круглые зооморфные нашивки. Обшлага рукавов украшались подвесками на золотых цепочках. У второго предмета одежды были широкие и, по всей видимости, несомкнутые снизу рукава, украшенные бисерной вышивкой или крупными нашивками в зверином стиле. Вещные завязки, шнуры, скреплявшие борта одежды, оканчивались золотыми наконечниками, украшенными зернью. Самым верхним предметом одежды была богато украшенная шаль, которой могли закрывать лицо покойной при совершении погребения. На лбу черепа в погребении 2 кургана 1 зафиксированы следы минерального красителя в виде тонких линий, которые были интерпретированы как очелье, к которому крепились височные украшения – серьги. Возможно, что находящаяся на переносице и соединяющая брови изогнутая полоса охры имеет косметическое назначение (рис. 2,3).

Среди предметов с петлями для пришивания на обороте выделяются два сложных ювелирных изделия с дисковидным медальоном в центре и цепочками с привесами по окружности. В одном случае предмет (рис. 8,7)

был обнаружен в северо-восточном углу на дне погребения 1 кургана 17 [Пшеничнюк, 2012, с. 55]. Во втором случае похожий предмет (рис. 8,б) находился возле короба (рис. 7,1–2) в изголовье погребенной³ в погребении 2 кургана 1 могильника Филипповка 1 [Аникеева, 2020]. Поскольку оба изделия не находились непосредственно на костяке, нельзя достаточно уверенно отнести их к деталям костюма на основании существования пришитых петель, однако в обоих случаях в погребении находились золотые нашивки в зверином стиле и золотые наконечники шнуrow-завязок, иными словами, находились женские одежды. Они могли быть деталями головного убора, или нагрудным украшением, нашиваясь вертикально. При этом короткие верхние цепочки должны были прикрывать часть изображения на медальоне, для чего они специально крепились оборотной стороной. Не следует придавать большого значения изначальному ритуальному смыслу, который, возможно, вкладывался в эти предметы их создателями, поскольку большое количество изделий иранского происхождения переделывалось кочевниками под собственные нужды и вкусы. Тем не менее эти украшения в хорошей сохранности, с ними обращались бережно.

Вполне возможно, что часть золотых нашивок украшала не костюмы, а другие предметы из кожи или ткани, например, пологи, сумки и тому подобные вещи.

Материал из погребальных памятников Южного Приуралья демонстрирует самые широкие культурные связи населения, оставивших их. В целом материальная культура ранних кочевников периода функционирования курганного могильника Филипповка 1 обладает рядом выразительных особенностей, демонстрируя одну из вершин своего развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В публикации Д.В. Мещерякова использовалось название памятника «Курганый могильник Филипповка III». В настоящее время памятник имеет название «Одиночный курган Филипповка 2» в связи с постановкой на учет [Сиротин, 2021, с. 23–24, 31].

² Пять серебряных нашивок прямоугольной формы с изображением протомы кошачьего хищника были обнаружены у костей правой руки женского скелета в погребении 3 в одиночном кургане Яковлевка II, находящемся в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан [Окорок, 2020б, с. 129, рис. 1,19]. Памятник имеет множество аналогий с курганым могильником Филипповка 1.

³ Нельзя сказать определенно, был ли этот предмет изначально уложен в короб вместе с прочими предметами и выпал из него в процессе истлевания его деревянных стенок, или был уложен вплотную к нему, можно лишь констатировать, что при обнаружении он находился у юго-восточного угла прямоугольного в плане комплекса предметов, за его пределами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

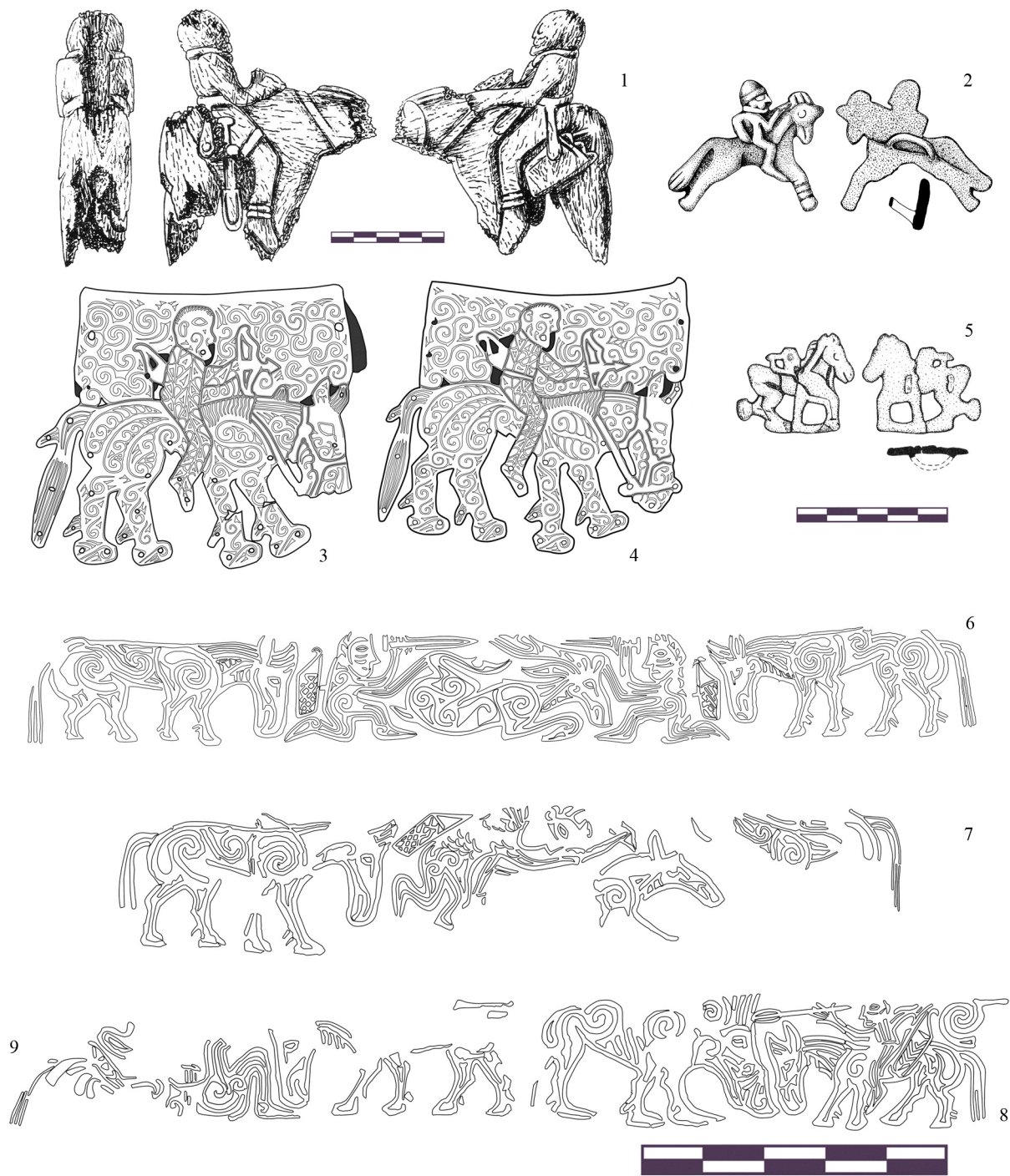

Рис. 1. Антропоморфные образы из погребальных комплексов у села Филипповка:

- 1 – Филипповка 1, курган 3, центральное погребение (по: [Пшеничнюк, 2012, рис. 69]);
- 2 – Филипповка 1, курган 30, центральное погребение; 3, 4 – Филипповка 1, курган 1, тайник 1;
- 5 – одиночный курган Филипповка 2, случайная находка (по: [Мещеряков, 2010, с. 251]);
- 6–9 – Филипповка 1, курган 4, погребение 2, сцены на клинке меча (2–4, 6–9 – прорисовка К.С. Окорочкова)

Fig.1. Anthropomorphic images on objects discovered in burial complexes at the village of Filippovka:

- 1 – Filippovka 1, kurgan 3, central burial (after: [Pshenichnyuk, 2012, fig. 69]);
- 2 – Filippovka 1, kurgan 30, central burial; 3, 4 – Filippovka 1, kurgan 1, cache no. 1;
- 5 – single kurgan Filippovka 2, accidental discovery (after: [Mescheryakov, 2010, p. 251]);
- 6–9 – Filippovka 1, kurgan 4, burial 2, scene depicted on the sword blade (2–4, 6–9 – drawing by K.S. Okorokov)

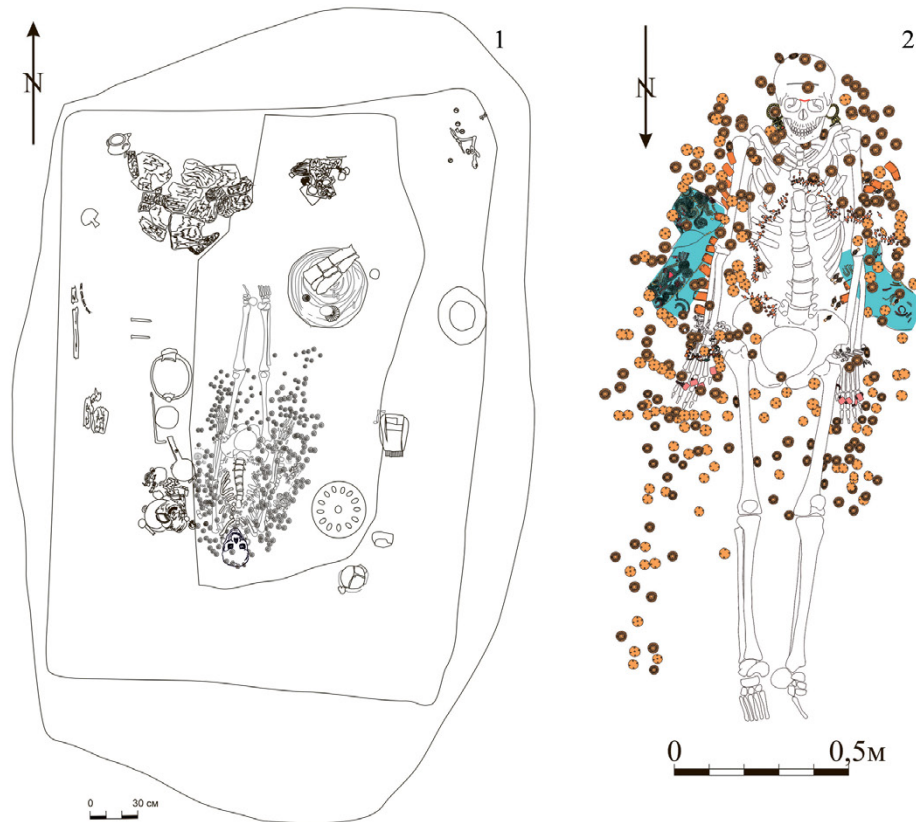

Рис. 2. Филипповка 1, курган 1, погребение 2:

1 – план погребения (по: [Яблонский, 2014в, с. 55]); 2 – расположение нашивных и подвесных элементов костюма на костяке (по: [Окорок, 2020а, с. 202, рис. 2,3]); 3 – череп погребенной в процессе расчистки, на лбу и переносице видны черная и красная полосы минеральных красителей (полевая фотография)

Fig. 2. Filippovka 1, kurgan 1, burial 2:

1 – burial layout (after: [Yablonsky, 2014в, p. 55]); 2 – location ensued and suspension elements of the costume on the backbone (after: [Okorokov, 2020a, p. 202, fig. 2,3]); 3 – skull buried in the process of clearing, on the forehead and the bridge of the nose visible black and red stripes and mineral dyes (field photography)

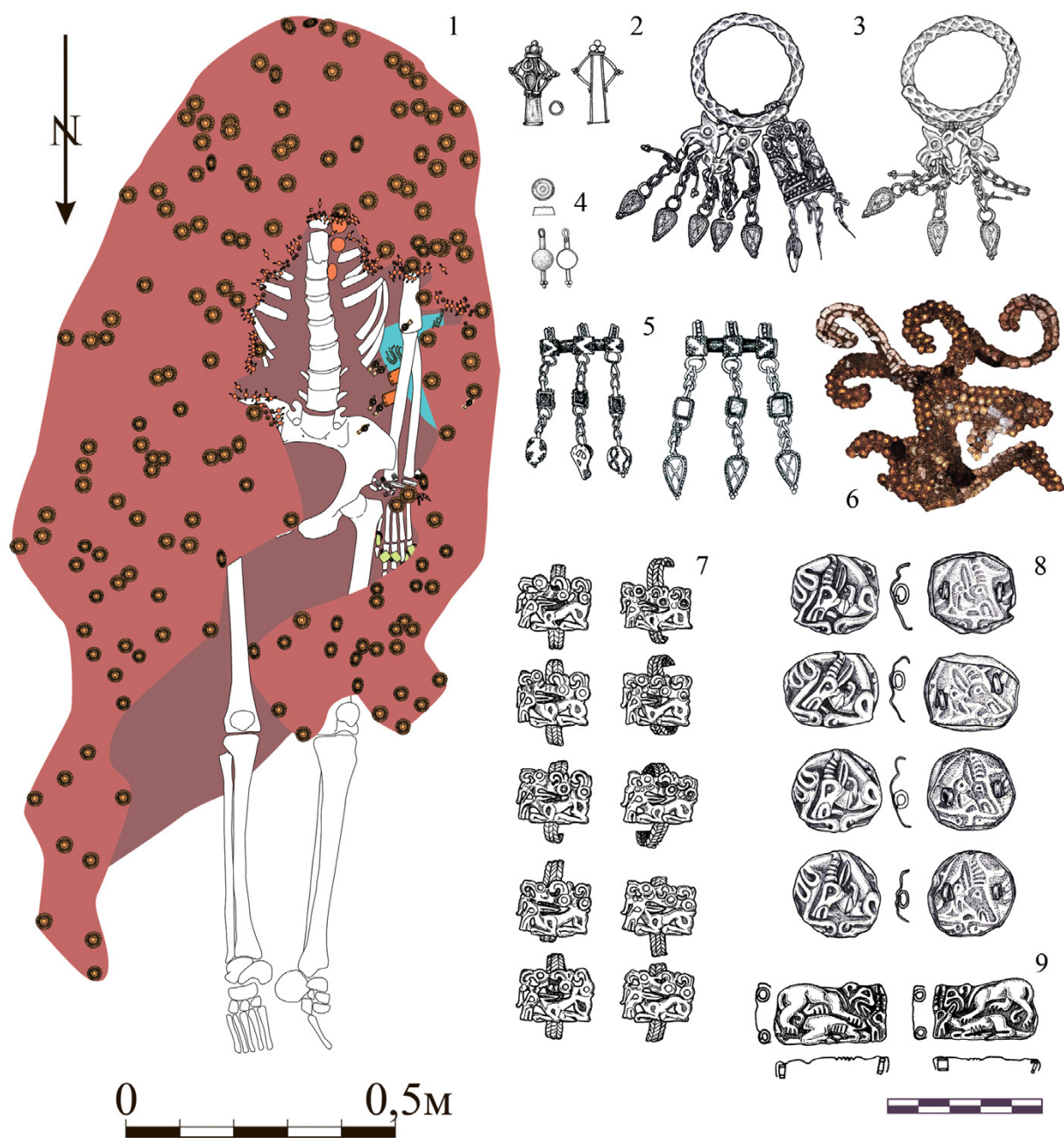

Рис. 3. Филипповка 1, курган 1, погребение 2, украшения и нашивные детали костюма:

- 1 – графическая реконструкция положения шали в погребении, по положению нашивок-розетт (графическая реконструкция К.С. Окороква); 2 – золотые наконечники для завязок; 3 – золотые серьги-подвески с привесом; 4 – нашивные элементы бахромы шали; 5 – звенья-украшения рукавов платья; 6 – одна из фигур оленя с предмета одежды между платьем и шалью, бисерная вышивка (по: [Окорок, Трегубов, 2021, с. 64]); 7 – золотые перстни с зооморфным изображением на щитке; 8 – зооморфные нашивки на груди платья; 9 – нашивки со сценой терзания с узких рукавов платья

Fig. 3. Filippovka 1, kurgan 1, burial 2, jewelry and sew-on of the costume:

- 1 – graphic reconstruction of the position of the shawl in the burial, according to the position of the stripes-rosettes (graphic reconstruction of K.S. Okorokov); 2 – gold tips for ties; 3 – heavy-weight gold pendant earrings; 4 – sewn elements of the fringe of the shawl; 5 – links– decorations of the sleeves of the dress; 6 – one of the figures of a deer from a garment between the dress and the shawl, beaded embroidery (after: [Okorokov, Tregubov, 2021, p. 64]); 7 – gold rings with zoomorphic image on the shield; 8 – zoomorphic sewn-on stripes on the chest of the dress; 9 – sewn-on stripes with a scene of torment from the narrow sleeves of the dress

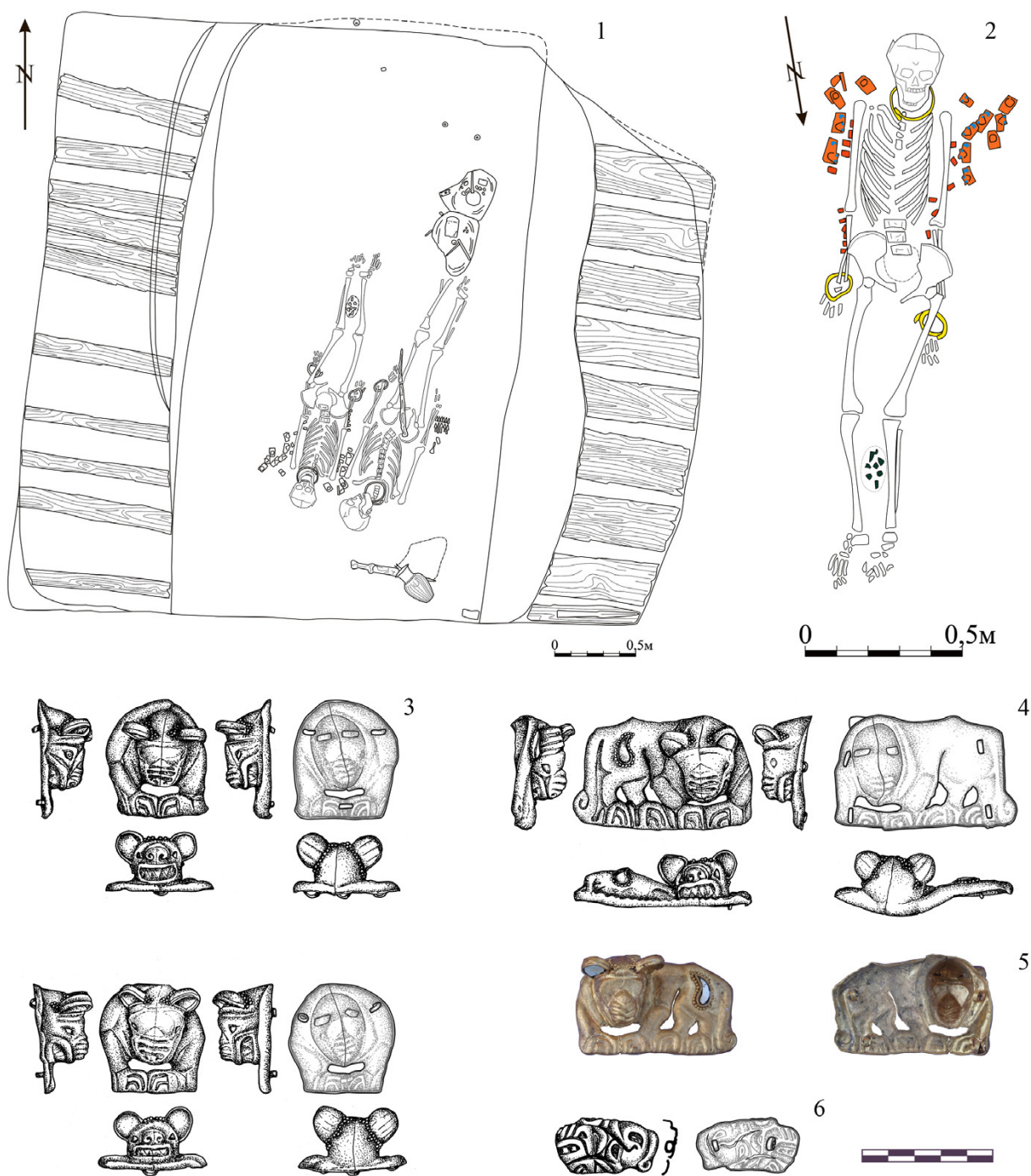

Рис. 4. Филипповка 1, курган 4, погребение 4:

1 – план погребения (по: [Яблонский, 2008, рис. 366]); 2 – расположение нашивных и подвесных элементов костюма на костяке (по: [Окорок, 2020а, с. 202, рис. 2,1]); 3 – плечевые нашивки в виде протом кошачьего хищника; 4 – нашивки в виде лежащего кошачьего хищника, с правой руки; 5 – нашивки в виде лежащего кошачьего хищника, с левой руки (фотография Л.Т. Яблонского); 6 – нашивки со скрученной фигурой кошачьего хищника с узких рукавов платья (3, 4, 6 – по: [Окорок, Трегубов, 2021, с. 60, рис. 2])

Fig. 4. Filipovka 1, kurgan 4, burial 4:

1 – burial layout (after: [Yablonsky, 2008, fig. 366]); 2 – location of the sewn and suspended elements of the costume on the backbone (after: [Okorokov, 2020a, p. 202, fig. 2,1]); 3 – shoulder patches in the form of a protom feline predator; 4 – sewn-on stripes in the form of a reclining feline predator, from the right hand; 5 – sewn-on stripes in the form of a reclining feline predator, from the left hand (photo of L.T. Yablonsky); 6 – stripes with a twisted figure of a feline predator from the narrow sleeves of the dress (3, 4, 6 – after: [Okorokov, Tregubov, 2021, p. 60, fig. 2])

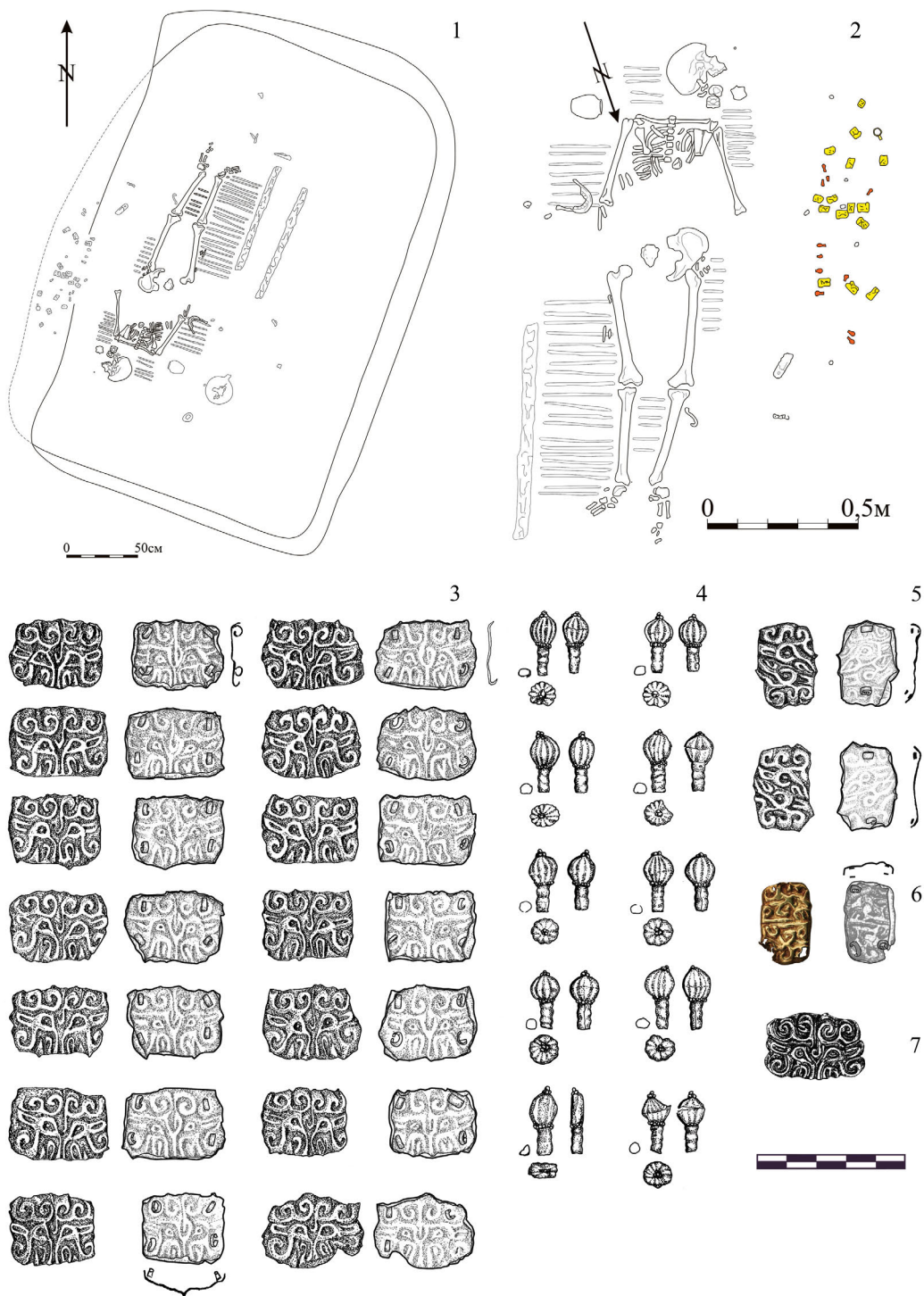

Рис. 5. Филипповка 1, курган 15, погребение 2:

- 1 – план погребения; 2 – расположение нашивных и подвесных элементов костюма на костяке (по: [Окорочков, 2020а, с. 202, рис. 2,2]); 3 – золотые нашивки с изображением голов оленя; 4 – золотые наконечники для завязок; 5 – золотые нашивки с обратно-симметричным изображением голов оленя (прорисовка И.В. Рукавишниковой); 6 – Филипповка 1, курган 29, погребение 2, золотая нашивка; 7 – Филипповка 1, курган 17, золотая нашивка (по: [Пшеничный, 2012, с. 196])

Fig. 5. Filippovka 1, kurgan 15, burial 2:

- 1 – burial layout; 2 – location of sewn-on and suspension elements of the costume on the backbone (after: [Okorokov, 2020a, p. 202, Fig. 2,2]); 3 – golden stripe depicting deer heads; 4 – golden tips for strings; 5 – gold stripe with back-symmetric image of deer heads (drawing by I.V. Rukavishnikova); 6 – Filippovka 1, kurgan 29, burial 2, gold sewn-on stripe; 7 – Filippovka 1, kurgan 17, gold sewn-on stripe (after: [Pshenichnyuk, 2012, p. 196])

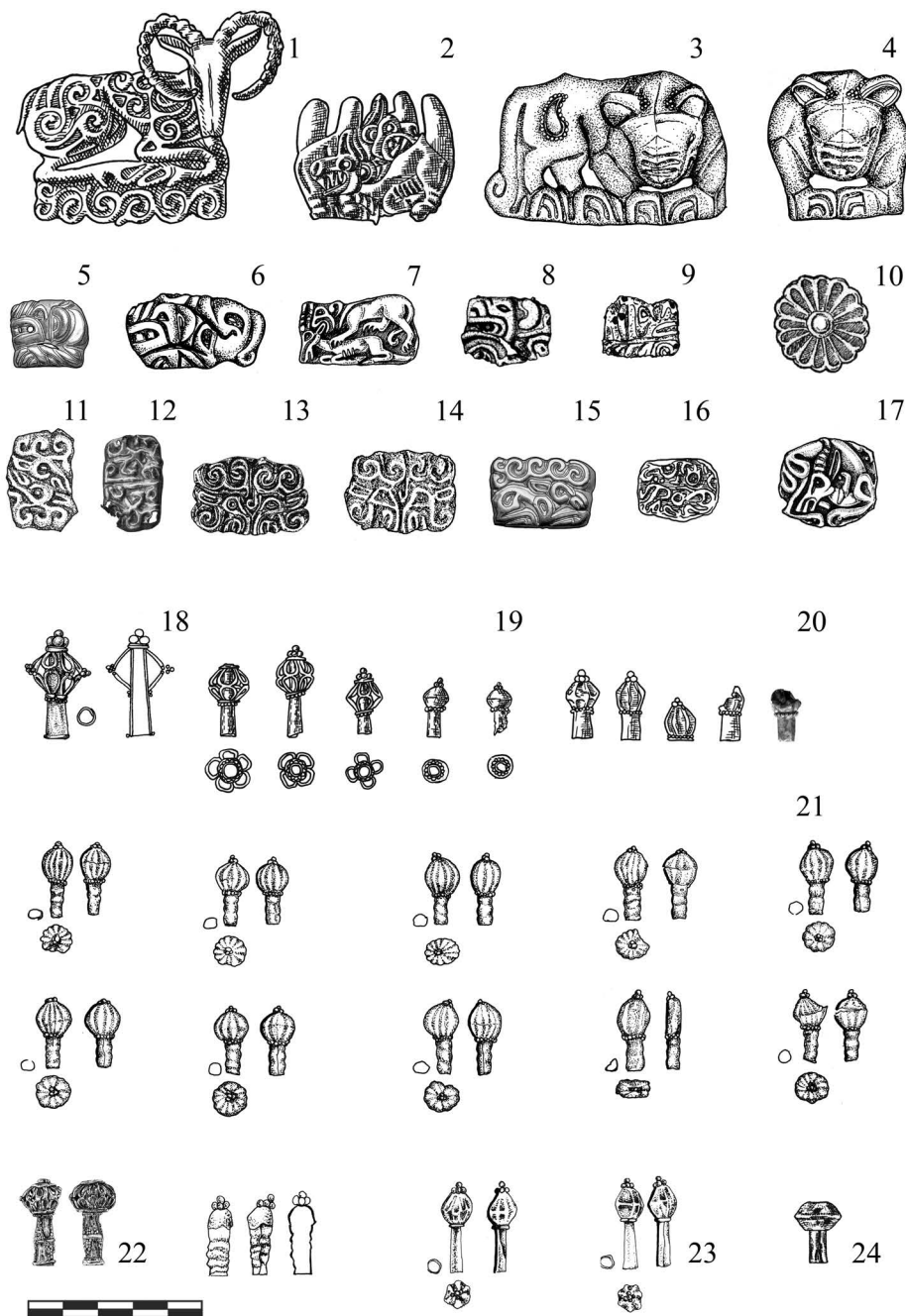

Рис. 6. Золотые нашивки и наконечники шнуров-завязок:

1, 2, 5, 15 – Филипповка 1, курган 1, тайник; 3, 4, 6 – Филипповка 1, курган 4, погребение 4;
 7, 10, 17, 18 – Филипповка 1, курган 1, погребение 2; 8, 12 – Филипповка 1, курган 29, погребение 2;
 9 – Филипповка 2, курган 1, погребение 2; 11, 14, 21 – Филипповка 1, курган 15, погребение 2;
 13, 24 – Филипповка 1, курган 17 (по: [Пшеничниук, 2012, с. 196]); 16, 19 – Филипповка 1, курган 3;
 20 – Филипповка 1, курган 7, костяк 2; 22 – Филипповка 1, курган 12; 23 – Филипповка 1, курган 16, погребение 1
 (1, 2, 5, 8, 9, 11, 12, 14–16, 19–23 – по: [Окорок, 2020б, с. 130, рис. 1–2];
 3, 4, 6, 7, 10, 17 – по: [Окорок, Трегулов, 2021, с. 60–62])

Fig. 6. Gold sewn-on stripes and tips cords-strings:

1, 2, 5, 15 – Filippovka 1, kurgan 1, cache; 3, 4, 6 – Filippovka 1, kurgan 4, burial 4 (after: [Okorokov, Tregubov, 2021, p. 60]);
 7, 10, 17, 18 – Filippovka 1, kurgan 1, burial 2 (after: [Okorokov, Tregubov, 2021, pp. 61–62]);
 8, 12 – Filippovka 1, kurgan 29, burial 2; 9 – Filippovka 2, kurgan 1, burial 2; 11, 14, 21 – Filippovka 1, kurgan 15,
 burial 2; 13, 24 – Filippovka 1, kurgan 17 (after: [Pshenichnyuk, 2012, p. 196]); 16, 19 – Filippovka 1, kurgan 3;
 20 – Filippovka 1, kurgan 7, backbone 2; 22 – Filippovka 1, kurgan 12; 23 – Filippovka 1, kurgan 16, burial 1
 (1, 2, 5, 8, 9, 11, 12, 14–16, 19–23 – after: [Okorokov, 2020b, p. 130, fig. 2];
 3, 4, 6, 7, 10, 17 – after: [Okorokov, Tregubov, 2021, p. 61–62])

Рис. 7. Филипповка 1, курган 1, погребение 2. Комплекс предметов в деревянном коробе:
1 – положение сложносоставного украшения относительно короба, вид сверху (полевая фотография);
2 – положение сложносоставного украшения относительно короба, вид с юга (полевая фотография)

Fig. 7. Filippovka 1, kurgan 1, burial 2. A complex of objects in the wooden box:

1 – position of the composite jewelry relative to the box, top view (field photo);
2 – position of the composite jewelry relative to the box, view from the south (field photo)

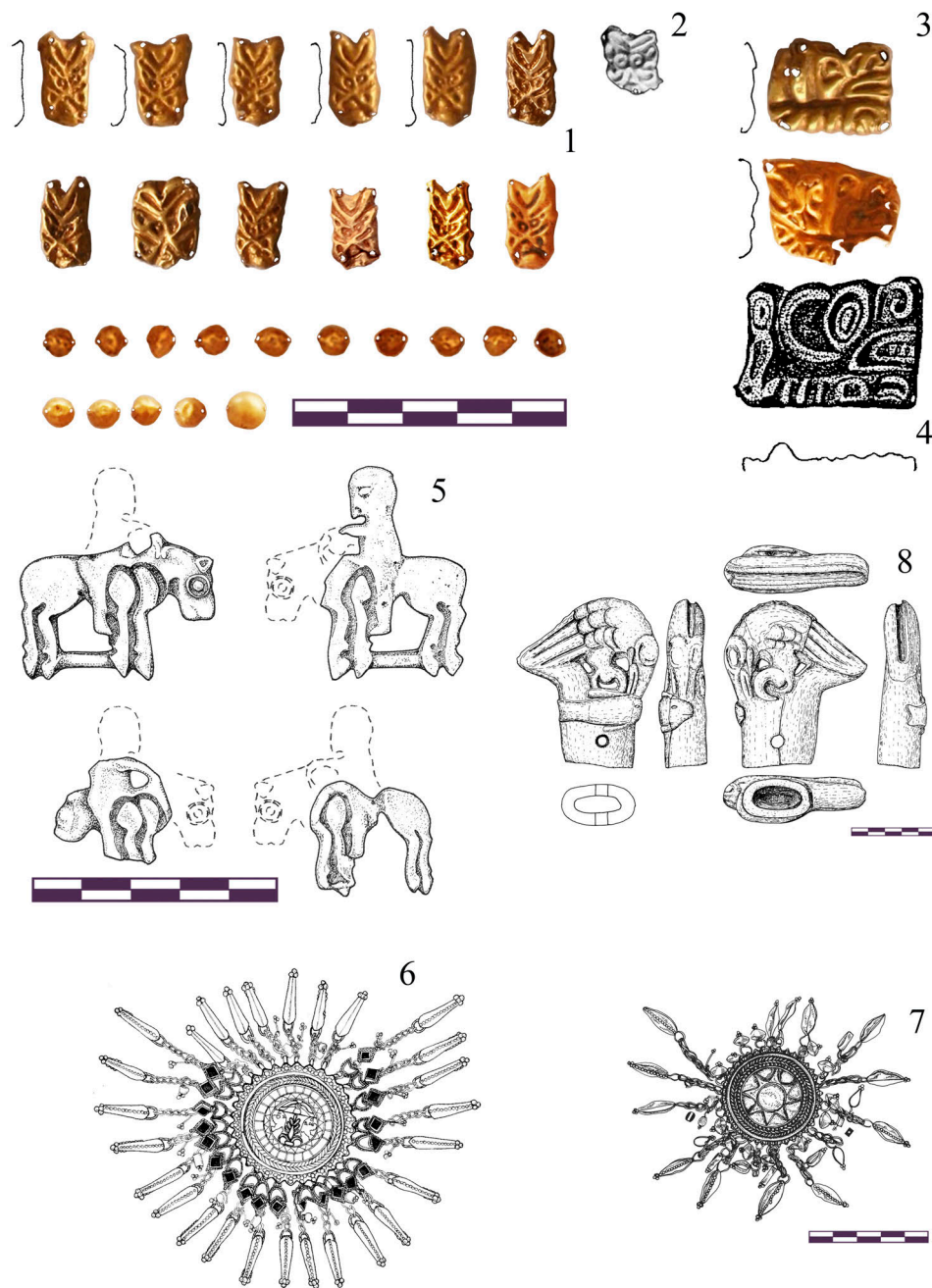

Рис. 8. Филипповка 2, курган 1, погребение 2:

- 1, 3 – зооморфные золотые нашивки из погребения 2; 2 – фрагмент зооморфной золотой нашивки из кургана 1 курганного могильника Филипповка 1 (по: [Пшеничнюк, 2012, с. 256]);
 4 – одиночный курган Яковлевка II, погребение 3 (по: [Окорок, 2020б, с. 129, рис. 1,19]);
 5 – Переволочанский курганный могильник, курган 10 (прорисовка К.С. Окорокова);
 6 – сложносоставное украшение из погребения 2 кургана 1 (по: [Аникеева, Яблонский, 2019в, с. 26]);
 7 – сложносоставное украшение из погребения 1 кургана 17 (по: [Пшеничнюк, 2012, с. 195]);
 8 – зооморфное роговое навершие из центрального погребения кургана 29 (по: [Трейстер, Яблонский, 2012, рис. 112,1])

Fig. 8. Filippovka 2, kurgan 1, burial 2:

- 1, 3 – zoomorphic gold sewn-on stripes from burial 2; 2 – a fragment of a zoomorphic gold sewn-on stripe from burial mound 1 of the Filippovka 1 cemetery (after: [Pshenichnyuk, 2012, p. 256]);
 4 – a single Yakovlevka II burial mound, burial 3 (after: [Okorokov, 2020b, p. 129, fig. 1,19]);
 5 – Perevolochansky cemetery, kurgan 10 (drawing by K.S. Okorokov);
 6 – composite jewelry from burial 2 kurgan 1 (after: [Anikeeva, Yablonsky, 2019c, p. 26]);
 7 – composite jewelry from burial 1 of kurgan 17 (after: [Pshenichnyuk, 2012, p. 195]);
 8 – zoomorphic horn pommel from the central burial of kurgan 29 (after: [Treister, Yablonsky, 2012, fig. 112,1])

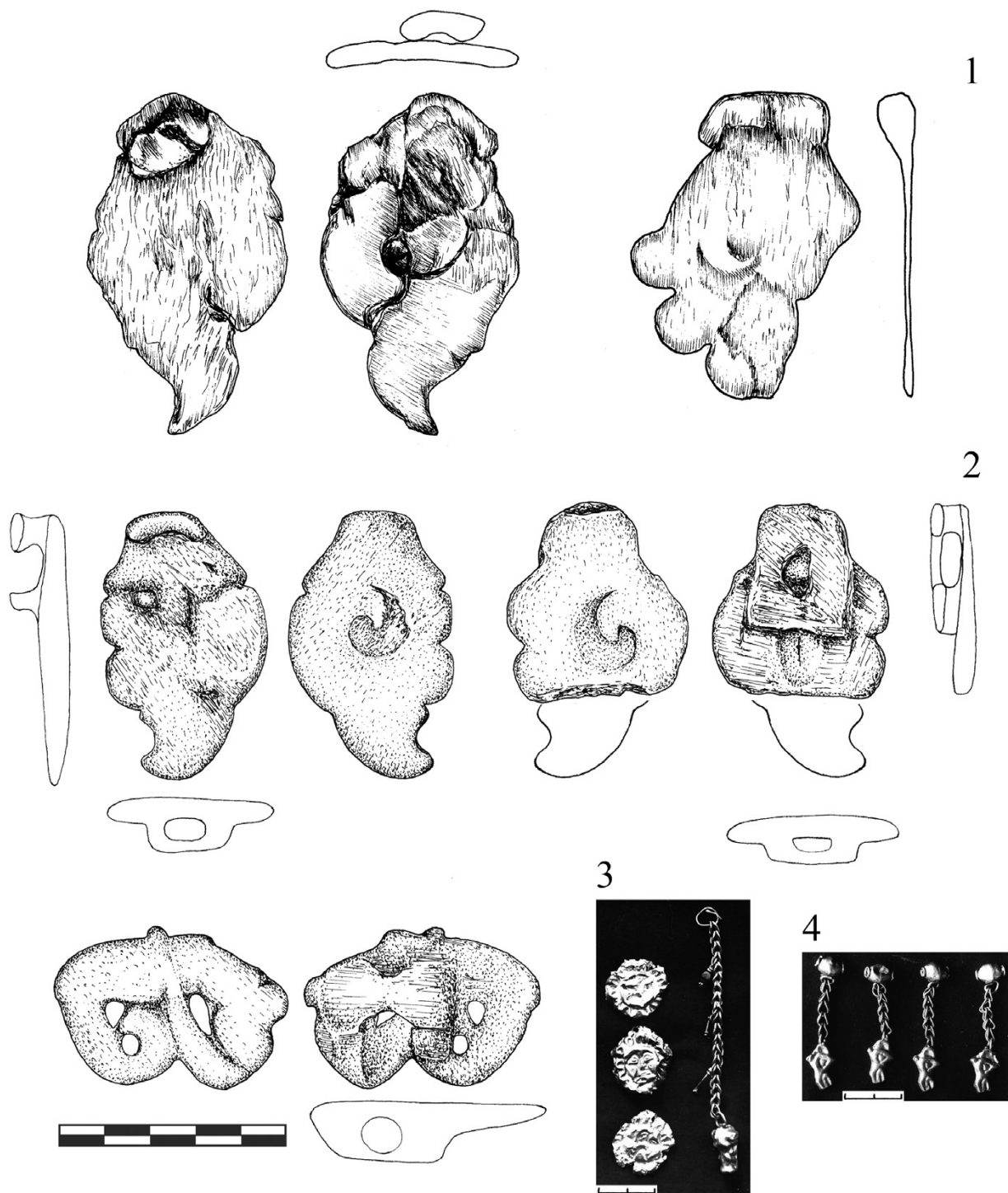

Рис. 9. Зооморфные костяные предметы:

- 1 – Филипповка 1, курган 4, жертвенный комплекс 1 (прорисовка И.В. Рукавишниковой);
- 2 – Филипповка 1, курган 28, подземный ход (прорисовка И.В. Рукавишниковой);
- 3 – Филипповка 1, курган 1, погребение 1, бляшки-личины (по: [Пшеничный, 2012, с. 256]);
- 4 – Филипповка 1, курган 1, погребение 1, зооморфные подвески на цепочках (по: [Пшеничный, 2012, с. 256])

Fig. 9. Zoomorphic bone objects:

- 1 – Filippovka 1, kurgan 4, sacrificial complex 1 (the drawing is by I.V. Rukavishnikova);
- 2 – Filippovka 1, kurgan 28, underground passage (the drawing is by I.V. Rukavishnikova);
- 3 – Filippovka 1, kurgan 1, burial 1, plaque-disguises (after: [Pshenichnyuk, 2012, p. 256]);
- 4 – Filippovka 1, kurgan 1, burial 1, zoomorphic pendants on chains (after: [Pshenichnyuk, 2012, p. 256])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеева О. В., Яблонский Л. Т., 2019а. Элементы погребального костюма жрицы из филипповских курганов: материалы к реконструкции // *Археология евразийских степей*. № 1. С. 12–32.
- Аникеева О. В., Яблонский Л. Т., 2019б. Материалы к реконструкции женского погребального костюма из элитного захоронения ранних кочевников Южного Приуралья // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Симферополь : Салта ЛТД. С. 14–24.
- Аникеева О. В., Яблонский Л. Т., 2019в. Техника изготовления ювелирных украшений из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка-1 и вероятные центры изготовления // *Уфимский археологический вестник*. Вып. 19. С. 25–38. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.003>
- Аникеева О. В., 2020. Сакральная символика ювелирного изделия из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка 1 // *Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения»*. К юбилею д-ра ист. наук М. Г. Мошковой. М. : МАКС Пресс. С. 12–31. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-317-06506-5>
- Бабенко Л. И., 2015. Золотые нашивные бляшки из кургана Верхний Рогачик: критика источника // *Российская археология*. № 3. С. 67–78.
- Бурков С. Б., Маслов В. Е., 2016. Погребения скифского времени у села Бамут // *Археологическая наука: практика, теория, история : сб. ст. памяти И. С. Каменецкого*. М. : ИА РАН. С. 51–65.
- Васильев В. Н., 2001. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. Уфа : Гилем. 153 с.
- Гуцалов С. Ю., 2011. О греческом влиянии на искусство кочевников Восточной Европы в конце V – IV в. до н.э. (на примере золотых бляшек-личин) // *Древность: историческое знание и специфика источника*. Вып. V. М. : ИВ РАН. С. 78–81.
- Краева Л. А., Купцов Е. А., 2007. Новые данные о конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья // *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : доклады к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Челябинск : ЮУрГУ. С. 30–37.
- Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН : каталог, 2018. Уфа : Китап. 400 с.
- Котов В. Г., Исмагил Р. Б., 2013. Семантика декорированного оружия ранних кочевников Евразии // *Уфимский археологический вестник*. Вып. 13. С. 68–90.
- Кузнецова Т. М., Елагина Н. Г., Кузнецов С. В., 2020. Курганы у порогов Борисфена. М. : ИА РАН. 308 с.
- Марковин В. И., 1965. Скифские курганы у с. Гойты // *Советская археология*. № 2. С. 160–173.
- Мещеряков Д. В., 2010. Образ всадника в искусстве ранних кочевников Южного Приуралья // *Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий*. М. : ТАУС. С. 247–253.
- Минасян Р. С., 2014. Золотой декор на железных мечах из Филипповских курганов // *Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 141–145.
- Окороков К. С., Переводчикова Е. В., 2020. Находки 2013 г. в контексте звериного стиля кургана 1 курганного могильника Филипповка 1 // *Нижневолжский археологический вестник*. Т. 19, № 1. С. 28–45. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.2>
- Окороков К. С., 2020а. Расшитые бисером рукава женского костюма из погребения 2 кургана 1 некрополя Филипповка I // *Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения»*. К юбилею д-ра ист. наук М. Г. Мошковой. М. : МАКС Пресс. С. 189–202. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-317-06506-5>
- Окороков К. С., 2020б. Элементы костюма в погребальных комплексах Южного Урала // *Волго-Уральский регион от древности до средневековья : материалы VI Нижневолж. Междунар. археол. науч. конф.* Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 126–132.
- Окороков К. С., Трегубов И. Е., 2021. О предметах женской одежды с декорированными рукавами из могильника Филипповка I // *Нижневолжский археологический вестник*. Т. 20, № 1. С. 51–68. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.4>

- Очир-Горяева М. А., 1993. Нашивные бляшки древних кочевников Поволжья // Петербургский археологический вестник. № 6. С. 35–37.
- Очир-Горяева М. А., 2012. Древние всадники степей Евразии. М. : Таус. 472 с.
- Переводчикова Е. В., 2012. К вопросу о месте производства золотых оковок деревянных сосудов из Филипповки // Музейні читання : матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». Київ : Музей історичних коштовностей України. С. 93–104.
- Переводчикова Е. В., 2016а. О стилистическом единстве произведений звериного стиля из 1-го Филипповского кургана // Урал – Алтай: через века в будущее : материалы VII Всерос. тюркол. конф. (с междунар. участием), посвящ. 95-летию видного ученого-тюрколога Э. Р. Тенишева. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 220–222.
- Переводчикова Е. В., 2016б. Золотые оковки деревянных сосудов из 1-го Филипповского кургана // Российская археология. № 2. С. 19–35.
- Пшеничнюк А. Х., 1989. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале : препринт доклада. Уфа : БНЦ УрО АН СССР. 32 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1990. Отчет о раскопках Филипповского могильника в Илекском районе Оренбургской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15770. 192 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем. С. 62–96.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛИ УНЦ РАН. 280 с.
- Рукавишникова И. В., Яблонский Л. Т., 2008. Костяные изделия в зверином стиле из могильника Филипповка I // Проблемы современной археологии. М. : ТАУС. С. 199–238.
- Рукавишникова И. В., 2011а. Декор меча из кургана 4 могильника Филипповка I // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. V. М. : ИВ РАН. С. 176–181.
- Рукавишникова И. В., 2011б. Многофигурные композиции с антропоморфными сценами в контексте звериного стиля // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; М. ; В. Новгород : ИИМКРАН. С. 373–376.
- Рукавишникова И. В., 2016. Звериный стиль и мифологические сюжеты декора парадных мечей Евразии скифского времени (по материалам парадного меча из могильника Филипповка I и мечей из собрания ГИМ и ГЭ) // Проблемы сарматской археологии и истории : материалы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург : ОГПУ. С. 233–240.
- Смагулов Е. А., 2014. Бронзовый амулет из Сидака // Поволжская археология. № 1 (7). С. 206–222. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2014.1.7.206.222>
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука. 380 с.
- Сиротин С. В., 2021. Отчет о проведении археологических работ (разведки) в Оренбургской области (Илекский и Соль-Илецкий районы) по Открытому листу № 1112-2019 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 68529. 96 с.
- Трегубов В. Е., Яблонский Л. Т., 2014. Горит из Филипповки // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 233. С. 64–71.
- Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т., 2012. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) : в 2 т. Т. II. М. : ТАУС. 468 с.
- Федоров В. К., 2006. О предназначении деревянных сосудов ранних кочевников Южного Урала, украшенных драгоценными обкладками // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 46–57.
- Федоров В. К., 2018. Парные погребения у ранних кочевников Южного Урала V–IV вв. до н.э. // Мужской и женский мир в отражении археологии : материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф., г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН. С. 184–198.
- Федоров В. К., 2020. Филипповские трикветры (Южный Урал) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 48, № 1. С. 101–109. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2020.48.1.101-109>
- Фризен (Куринских) О. И., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т., 2013. Шлем из могильника Филипповка I // Вестник древней истории. № 4. С. 156–173.

- Яблонский Л. Т., Рукавишников И. В., 2007. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника) // Проблемы сарматской археологии и истории : докл. к VI Междунар. конф. Челябинск : ЮУрГУ. С. 16–23.
- Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В., 2007. Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 55–62.
- Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В., 2008. Новые открытия в Филипповке // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 222. С. 55–62.
- Яблонский Л. Т., 2008. Отчет о раскопках кургана 4 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской области РФ в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44153. 470 с.
- Яблонский Л. Т., 2011. Морфология, типология и хронология «золотого меча» из Филипповки // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. V. М. : ИВ РАН. С. 207–210.
- Яблонский Л. Т., 2012. Отчет о раскопках кургана 1 могильника Филипповка 2 в 2012 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 54822. 304 с.
- Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : каталог коллекции. Кн. 1. М. : ИА РАН. 232 с.
- Яблонский Л. Т., 2014а. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка I (предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232. С. 3–7.
- Яблонский Л. Т., 2014б. Тридцатый курган могильника Филипповка I // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 236. С. 87–90.
- Яблонский Л. Т., 2014в. Отчет о доследовании кургана 1 могильника Филипповка 1 в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 41779. 168 с.
- Яценко С. А., 2006. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М. : Восточная литература. 664 с.

REFERENCES

- Anikeeva O.V., Yablonsky L.T., 2019a. Elementy pogrebal'nogo kostyuma zhricy iz filippovskih kurganov: materialy k rekonstruktsii [Elements of Priestess Funeral Dress from Filippovka I Burial Ground: Materials to Reconstruction]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 1, pp. 12-32.
- Anikeeva O.V., Yablonsky L.T., 2019b. Materialy k rekonstruktsii zhenskogo pogrebal'nogo kostyuma iz elitnogo zahoroneniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Materials for the Reconstruction of the Female Funeral Costume from the Elite Burial of Southern Ural Early Nomads]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.): materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archaeology and History”]. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 14-24.
- Anikeeva O. V., Yablonsky L. T., 2019c. Tekhnika izgotovleniya yuvelirnykh ukrasheniy iz pogrebeniya 2 kurgana 1 mogil'nika Filippovka-1 i veroyatnye centry izgotovleniya [Technique of Manufacturing Jewelry from the Burial 2 Barrow 1 from Philippovka 1 and Probable Centers of Manufacturing]. *Ufimskiy arheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], iss. 19, pp. 25-38. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.003>
- Anikeeva O.V., 2020. Sakral'naya simbolika yuvelirnogo izdeliya iz pogrebeniya 2 kurgana 1 mogil'nika Filippovka 1 [Sacral Symbolism of Jewelry from Grave Pit 2 Burial Mound 1 in Filippovka 1 Cemetery.]. *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya: materialy kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evrazijskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya». K yubileyu d-ra ist. nauk M.G. Moshkovej* [Early Nomads of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Materials of the Panel Discussion “Archeology of the Early Nomads of the Eurasian Steppe: Current Problems and Prospects for Their Solution”. To the Anniversary of M.G. Moshkova]. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 12-31. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-317-06506-5>
- Babenko L.I., 2015. Zolotyeh nashivnyeh blyashki iz kurgana Verkhniy Rogachik: kritika istochnika [Golden Stamped Plaques from the Barrow Verkhny Rogachik: Source's Criticis]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 67-78.
- Burkov S.B., Maslov V.E., 2016. Pogrebeniya skifskogo vremeni u sela Bamut [Burials of the Scythian Time near the Village of Bamut]. *Arheologicheskaya nauka: praktika, teoriya, istoriya: sb. st. pamyati I.S. Kameneckogo*

- [Archaeological Science: Practice, Theory, History. Collection of Articles in Memory of I.S. Kamenetsky]. Moscow, IA RAS, pp. 51-65.
- Vasil'ev V.N., 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do n.e.* [Armament and Military Affairs of the Nomads of the Southern Urals in the VI–II Centuries BC]. Ufa, Gilem Publ. 153 p.
- Gutsalov S.Yu., 2011. O grecheskom vliyaniy na iskusstvo kochevnikov Vostochnoy Evropy v kontse V – IV v. do n.e. (na primere zolotykh blyashek-lichin) [On the Greek Influence on the Art of the Nomads of Eastern Europe at the End of the V–IV Centuries BC (on the Example of Gold Plaques-Masks)]. *Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika* [Antiquity: Historical Knowledge and Specifics Nature of Source], iss. V. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, pp. 78-81.
- Kraeva L.A., Kuptsov E.A., 2007. Novye dannye o konstruktsii goritov rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [New Data on the Construction of the Gorites of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya: doklady k VI Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [The Sarmatians Arming: Regional Typology and Chronology: Reports to the VI International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Chelyabinsk, SUSU, pp. 30-37.
- Kollektsii Filippovskikh kurganov iz fondov Muzeya arheologii i etnografii IEI UFIC RAN: catalog, 2018* [The Filippovka Barrows Collections in the Museum of Archaeology and Ethnology of Institute of Ethnological Studies UFC RAS: Catalog]. Ufa, Kitap Publ. 400 p.
- Kotov V.G., Ismagil R.B., 2013. Semantika dekorirovannogo oruzhiya rannikh kochevnikov Evrazii [Semantics of Decorated Weapons of the Early Nomads of Eurasia]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 13, pp. 68-90.
- Kuznetsova T.M., Elagina N.G., Kuznetsov S.V., 2020. *Kurgany u porogov Borisfena* [Burial Mounds Near the Borysthenes' Rapids]. Moscow, IA RAS. 308 p.
- Markovin V.I., 1965. Skifskie kurgany u s. Goyty [Scythian Burial Mounds Near the Village of Goity]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 160-173.
- Meshcheryakov D.V., 2010. Obraz vsadnika v iskusstve rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [The Image of a Horseman in the Art of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Arheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 247-253.
- Minasyan R.S., 2014. Zolotoy dekor na zheleznykh mekhakh iz Filippovskikh kurganov [Gold Decor on Iron Swords from Filippovka Barrows]. *Sarmaty i vneshniy mir: materialy VIII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Sarmatians and the Outside World: Materials of the VIII All-Russian (with International Participation) Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Ufa, IHLL USC RAS, pp. 141-145.
- Okorokov K.S., Perevodchikova E.V., 2020. Nahodki 2013 g. v kontekste zverinogo stilya kurgana 1 kurgannogo mogil'nika Filippovka 1 [The 2013 Finds in the Context of the Animal Style of the Kurgan 1 of the Necropolis Filippovka 1]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 28-45. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.2>
- Okorokov K.S., 2020a. Rasshitye biserom rukava zhenskogo kostyuma iz pogrebeniya 2 kurgana 1 nekropolya Filippovka I [Beaded Sleeves of a Female Costume from Burial 2 of Mound 1 of the Necropolis Filippovka I]. *Rannie kochevniki Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya: materialy kruglogo stola «Arheologiya rannikh kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ih resheniya». K yubileyu d-ra ist. nauk M.G. Moshkovej* [Early Nomads of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Materials of the Panel Discussion “Archeology of the Early Nomads of the Eurasian Steppe: Current Problems and Prospects for Their Solution”. To the Anniversary of M.G. Moshkova]. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 189-202. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-317-06506-5>
- Okorokov K.S. 2020b. Elementy kostuma v pogrebal'nykh kompleksakh Yuzhnogo Urala [Costume Elements in the Burial Complexes of the Southern Urals]. *Volgo-Ural'skiy region ot drevnosti do srednevekov'ya: materialy VI Nizhnevolzh. Mezhdunar. arheol. nauch. konf.* [Volga-Ural Region from Antiquity to the Middle Ages: Materials of the VI Lower Volga International Archaeological Scientific Conference]. Volgograd, VolSU, pp. 126-132.
- Okorokov K.S., Tregubov I.E., 2021. O predmetakh zhenskoy odezhdy s dekorirovannymi rukavami iz mogil'nika Filippovka I [About Women's Clothing with Decorated Sleeves from the Filippovka I Kurgan Cemetery]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no 1, pp. 51-68. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.4>

- Ochir-Goryaeva M.A., 1993. Nashivnye blyashki drevnih kochevnikov Povolzh'ya [Sewn Plaques of the Ancient Nomads of the Volga Region]. *Peterburgskiy arheologicheskiy vestnik* [St. Petersburg Archaeological Bulletin], no. 6, pp. 35-37.
- Ochir-Goryaeva M. A., 2012. *Drevnie vsadniki stepej Evrazii* [Ancient Horsemen of the Eurasian Steppes]. Moscow, Taus Publ. 472 p.
- Perevodchikova E.V., 2012. K voprosu o meste proizvodstva zolotykh okovok derevyannykh sosudov iz Filippovki [On the Issue of the Place of Production of Gold Shackles of Wooden Vessels from Filippovka]. *Muzeyni chitannya: materialy nauchoy konferencii «Yuvelirne mistectvo – poglyad kriz' viki»* [Museum Readings: Proceedings of the Scientific Conference “Jewelry Art – a Look through the Ages”]. Kiev, Museum of Historical Jewels of Ukraine, pp. 93-104.
- Perevodchikova E.V., 2016a. O stilisticheskom edinstve proizvedeniy zverinogo stilya iz 1-go Filippovskogo kurgana [On the Stylistic Unity of the Animal Style from the 1 Filippovka Kurgan]. *Ural – Altay: cherez veka v budushchee: materialy VII Vseros. tyurk. konf. (s mezhdunar. uchastiem), posvyashch. 95-letiyu vidnogo uchenogo-tyurkologa E.R. Tenisheva* [Ural – Altay: Cross the Ages to the Future. Proceedings of the All-Russian Turcological Conference (with International Members) to the 95th Anniversary of the Outstanding Turcologist E.R. Tenishev]. Ufa, IHLL USC RAS, pp. 220-222.
- Perevodchikova E.V., 2016b. Zolotykh okovki derevyannykh sosudov iz 1-go Filippovskogo kurgana [Golden Plaques of Wooden Vessels from Filippovska 1st Barrow]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 19-35.
- Pshenichnyuk A.H., 1989. *Raskopki «tsarskogo» kurgana na Yuzhnom Urale: preprint doklada* [Excavations of the “Royal” Burial Mound in the Southern Urals: Preprint of the Report]. Ufa, BNC UB USSR AS. 32 p.
- Pshenichnyuk A.H., 1990. Otchet o raskopkakh Filippovskogo mogil'nika v Ilekskom rayone Orenburgskoy oblasti v 1990 g. [Report on the Excavations of the Filippovskiy Burial Ground in the Ilekskiy District of the Orenburg Region in 1990]. *Arkhiv IA RAN, Ф-1, P-1*, no. 15770. 192 p.
- Pshenichnyuk A.H., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolochany Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Mounds of Nomads of the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Nekropolis of the Nomad Nobility (4th BC in the South Urals)]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Rukavishnikova I.V., Yablonskiy L.T., 2008. Kostyanye izdeliya v zverinom stile iz mogil'nika Filippovka I [Animal-Style Bone Products from the Filippovka I Burial Ground]. *Problemy sovremennoy arheologii* [Problems of Modern Archaeology]. Moscow, Taus Publ., pp. 199-238.
- Rukavishnikova I.V., 2011a. Dekor mecha iz kurgana 4 mogil'nika Filippovka 1 [Decor of the Sword from the Burial Mound 4 Filippovka 1]. *Drevnost': istoricheskoe znanie i specifika istochnika* [Antiquity: Historical Knowledge and Specific Nature of Source], vol. V. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, pp. 176-181.
- Rukavishnikova I.V., 2011b. Mnogofigurnye kompozitsii s antropomorfnyimi stsenami v kontekste zverinogo stilya [Multi-Figure Compositions with Anthropomorphic Scenes in the Context of Animal Style]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda* [Proceedings III (XIX) All-Russian Archaeological Congress], vol. I. Saint Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod, IIMK RAS, pp. 373-376.
- Rukavishnikova I.V., 2016. Zverinyy stil' i mifologicheskie syuzhety dekora paradnykh mechey Evrazii skifskogo vremeni (po materialam paradnogo mecha iz mogil'nika Filippovka 1 i mechey iz sobraniya GIM i GE) [Animal Style and Mythological Subjects of the Decor of Ceremonial Swords of Eurasia of the Scythian Period (Based on the Materials of the Ceremonial Sword from the Filippovka 1 Burial Ground and Swords from the Collection of the State Historical Museum and the State Hermitage)]. *Problemy sarmatskoj arheologii i istorii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova* [Proceedings of the IX International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”, Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Konstantin Fedorovich Smirnov]. Orenburg, OSPU, pp. 233-240.
- Smagulov E.A., 2014. Bronzovyy amulet iz Sidaka [Bronze Amulet from Sidak]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga Region Archaeology], no. 1 (7), pp. 206-222. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2014.1.7.206.222>
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty (rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov)* [Sauromats (Early History and Culture of the Sarmatians)]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.

- Sirotnin S.V., 2021. Otchet o provedenii arheologicheskikh rabot (razvedki) v Orenburgskoy oblasti (Ilekskiy Sol'-Ileckiy rayony) po Otkrytomu listu № 1112-2019 [Report on the Conduct of Archaeological Research (Exploration) in the Orenburg Region (Ileksky and Sol-Iletsky Districts) According to the Open List No. 1112-2019]. *Arkhiv IA RAN*, Ф-1, Р-1, no. 68529. 96 p.
- Tregubov V.E., Yablonskiy L.T., 2014. Gorit iz Filippovki [Gorytos from Filippovka]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 233, pp. 64-71.
- Treister M.Yu., Yablonskiy L.T., 2012. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V-III vv. do n.e.)* [The Influence of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V-III Centuries BC)]: in 2 vols. Vol. II. Moscow, Taus Publ. 468 p.
- Fedorov V.K., 2006. O prednaznachenii derevyannykh sosudov rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala, ukrashennykh dragotsennymi obkladkami [About the Purpose of Wooden Vessels of the Early Nomads of the Southern Urals, Decorated with Precious Plates]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* [Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of A.K. Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 46-57.
- Fedorov V.K., 2018. Parnye pogrebeniya u rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala V-IV vv. do n.e. [Paired Burials of Early Nomads of the Southern Urals of the V-IV Centuries BC]. *Muzhskoy i zhenskiy mir v otrazhenii arheologii: materialy Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf., g. Ufa, 19-22 noyabrya 2018 g.* [Male and Female World in the Reflection of Archaeology: Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Ufa, November 19-22, 2018]. Ufa, IHLL USC RAS, pp. 184-198.
- Fedorov V.K., 2020. Filippovskie trikvetry (Yuzhnyy Ural) [The Triquetras from the Filippovka Kurgans, Southern Urals]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], vol. 48, no. 1, pp. 101-109. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2020.48.1.101-109>
- Frizen (Kurinskikh) O.I., Shemakhanskaya M.S., Yablonskiy L.T., 2013. Shlem iz mogil'nika Filippovka 1 [A Helmet from the Barrow-Ground Filippovka 1]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 4, pp. 156-173.
- Yablonskiy L.T., Rukavishnikova I.V., 2007. Vooruzhenie rannesarmatskogo voina (po materialam Filippovskogo-1 mogil'nika) [Armament of the Early Sarmatian Warrior (Based on Filippovskiy-1 Burial Ground)]. *Problemy sarmatskoy arheologii i istorii: dokl. k VI Mezhdunar. konf.* [Reports to the VI International Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History"]. Chelyabinsk, SUSU, pp. 16-23.
- Yablonskiy L.T., Meshcheryakov D.V., 2007. Raskopki «tsarskogo» kurgana v Filippovke (predvaritel'noe soobshchenie) [Excavations of a "Royal" Mound at Filippovka (Preliminary Publication)]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 55-62.
- Yablonskiy L.T., Meshcheryakov D.V., 2008. Novye otkrytiya v Filippovke [New Discoveries in Filippovka]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 222, pp. 55-62.
- Yablonskiy L.T., 2008. Otchet o raskopkah kurgana 4 mogil'nika Filippovka 1 na territorii Ilekskogo rayona Orenburgskoy oblasti RF v 2006 g. [Report on the Excavation Kurgan 4 of the Filippovka 1 Necropolis on the Territory of the Ilekskiy District of the Orenburg Region of the Russian Federation in 2006]. *Arkhiv IA RAN*, Ф-1, Р-1, no. 44153. 470 p.
- Yablonskiy L.T., 2011. Morfologiya, tipologiya i hronologiya «zolotogo mecha» iz Filippovki [Morphology, Typology and Chronology of the "Golden Sword" from Filippovka]. *Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika* [Antiquity: Historical Knowledge and Specific Nature of Source], iss. V. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, pp. 207-210.
- Yablonskiy L.T., 2012. Otchet o raskopkah kurgana 1 mogil'nika Filippovka 2 v 2012 g. [Report on the Excavation Kurgan 1 of the Filippovka 2 Necropolis in 2012]. *Arkhiv IA RAN*, Ф-1, Р-1, no. 54822. 304 p.
- Yablonskiy L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdov. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004-2009 gg.): katalog kolleksii* [Gold of the Sarmatian Leaders. The Elite Necropolis Filippovka 1 (Based on the 2004-2009 Excavations). Collection Catalogue]. Book 1. Moscow, IA RAS. 232 p.
- Yablonskiy L.T., 2014a. Novye nahodki v «tsarskom» kurgane 1 mogil'nika Filippovka I (predvaritel'noe soobshchenie) [New Finds in the "Royal" Burial-Mound 1 in the Filippovka I Cemetery (Preliminary Report)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 232, pp. 3-7.

- Yablonsky L.T., 2014b. Tridtsatyy kurgan mogil'nika Filippovka I [Kurgan No. 30 of Cemetery Filippovka 1]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 236, pp. 87-90.
- Yablonsky L. T., 2014v. Otchet o dosledovanii kurgana 1 mogil'nika Filippovka 1 v 2013 g. [Report on the Completion of the Kurgan 1 of the Filippovka 1 Cemetery in 2013]. *Arkhiv IA RAN*, Ф-1, Р-1, no. 41779. 168 p.
- Yatsenko S.A., 2006. *Kostyum drevney Evrazii: iranoyazychnye narody* [The Costume of Ancient Eurasia: Iranian-Speaking Peoples]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 664 p.

Information About the Author

Konstantin S. Okorokov, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, okorokov.arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-6313>

Информация об авторе

Константин Сергеевич О कोरोков, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, okorokov.arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-6313>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.5>

UDC 903.222
LBC T442.7(2P36)

Submitted: 11.10.2021
Accepted: 15.04.2022

CHEMICAL COMPOSITION OF METAL IN COPPER AND BRONZE ARROWHEADS FROM THE KICHIGINO I BURIAL GROUND¹

Ivan A. Blinov

South Urals Federal Research Center of Mineralogy and Geoecology of the Urals Branch
of the Russian Academy of Sciences, Miass, Russian Federation

Aleksandr D. Tairov

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. This study concerns 580 bronze arrowheads from five burials of the Kichigino I cemetery (southern Trans-Urals), dated from the second half of the sixth to the second half of the fourth centuries BC. The main component in all arrowheads was copper with admixtures of arsenic, antimony, lead, tin and nickel. The research revealed that the Early nomads' non-ferrous metal sources changed approximately in the middle of the fourth century BC. Initially, almost all metal came from Itkul metallurgy and metalworking center located in the southern Trans-Urals forest-steppe area. Pure copper without addition as well as alloys with additive of arsenic, occasionally with arsenic and antimony were overwhelmingly applied. In the next period, there are plenty of arrowheads made of copper alloys containing lead as a component; its sources are located to the southwest and west of the Trans-Urals. The transition to new metal sources was caused on the one hand by massive migrations of the Trans-Ural steppe nomadic population to the southern Cis-Urals, on the other, by gradual decline of the Itkul center of metallurgy during the fourth century BC and by the complete reserve depletion in the third century BC. Reuse of tin-alloyed bronze items from earlier times was caused by lack of the non-ferrous metal supplied by the Itkul metallurgists. Furthermore, results of metals analysis indicate that there is no relationship between the shape of the arrowheads and the composition of the metal in them. Arrowheads of the same shape could be made of different metal composition, and, by contrast, arrowheads of different shapes were made from the same metal.

Key words: Southern Trans-Urals, Early Iron Age, X-ray fluorescence, arrowheads, sources of non-ferrous metal.

Citation. Blinov I.A., Tairov A.D., 2022. Himicheskiy sostav metalla mednyh i bronzovyh nakonechnikov strel mogil'nika Kichigino I [Chemical Composition of Metal in Copper and Bronze Arrowheads from the Kichigino I Burial Ground]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 91-118. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.5>

УДК 903.222
ББК Т442.7(2P36)

Дата поступления статьи: 11.10.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА МЕДНЫХ И БРОНЗОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ МОГИЛЬНИКА КИЧИГИНО I¹

Иван Александрович Блинов

Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии
Уральского отделения РАН, г. Миасс, Российская Федерация

Александр Дмитриевич Таиров

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. Методом рентгенофлуоресцентного анализа исследовано 580 бронзовых наконечников стрел из погребений второй половины VI – IV в. до н.э. могильника Кичигино I в Южном Зауралье. Основу металла всех наконечников стрел составляла медь, кроме нее могут присутствовать мышьяк, сурьма, свинец, олово. Исследование показало, что около середины IV в. до н.э. происходит смена источников поступления цветного металла кочевникам степной зоны Южного Зауралья. В V – первой половине IV в. до н.э. почти весь металл поступал из иткульского очага металлургии и металлообработки, который находился в предгорной лесостепной части Зауралья. Этот металл представлен в абсолютном большинстве «чистой» медью без примесей или медью с добавками мышьяка, иногда – мышьяка и сурьмы. Во второй половине IV в. до н.э. появляется большое количество наконечников стрел, изготовленных из медных сплавов, содержащих свинец в качестве одного из компонентов. Источники части этого металла расположены к юго-западу и западу от Зауралья. Переход к новым источникам обусловлен массовыми переселениями кочевого населения зауральской степи в Южное Приуралье и установлением тесных связей с населением Арало-Каспийского региона и Волго-Донских степей, а также постепенным затуханием в течение IV в. до н.э. иткульского очага металлургии, который в III в. до н.э. прекращает свое существование. Нехватка цветного металла, поставляемого иткульскими металлургами, привела также к вторичному использованию легированных оловом бронзовых изделий более раннего времени. Результаты анализов свидетельствуют о том, что между формой наконечников стрел и составом металла в них нет никакой зависимости. Наконечники одной формы могли изготавливаться из металла разного состава и, наоборот, из одного и того же металла изготавливались наконечники разных форм.

Ключевые слова: Южное Зауралье, ранний железный век, рентгенофлуоресцентный анализ, наконечники стрел, источники цветного металла.

Цитирование. Блинов И. А., Таиров А. Д., 2022. Химический состав металла медных и бронзовых наконечников стрел могильника Кичигино I // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 91–118. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.5>

Введение

Бронзовые наконечники стрел – достаточно частая находка в погребениях раннесарматского времени Южного Урала. На наш взгляд, они являются «расходным» материалом – из-за частых потерь при стрельбе срок их функционирования, скорее всего, был достаточно коротким. Для изготовления большого количества наконечников стрел использовался наиболее доступный металл, поэтому наконечники могут выступать в качестве индикаторов источников его поступления. Важным ключом в понимании как источников поступления сырья, так и знаний древних металлургов о свойствах металлов выступают легирующие компоненты, такие как олово (Sn), мышьяк (As), свинец (Pb), цинк (Zn), реже – сурьма (Sb), висмут (Bi), серебро (Ag), никель (Ni).

Цель данного исследования – анализ химического состава металла наконечников стрел могильника Кичигино I и определение на этой основе основных источников его поступления. Помимо этого, решалась задача выявления корреляционной зависимости между формой наконечников и составом их металла.

Методика

В настоящее время наконечники стрел из курганов могильника Кичигино I хранятся в Государственном историческом музее Южного Урала (г. Челябинск) и музее «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). Условием работы с коллекциями было требование использования методов, не причиняющих каких-либо повреждений анализируемым предметам, среди которых наиболее доступным является рентгенофлуоресцентный анализ (РФА).

Для исследования применялся портативный анализатор Innov X alpha 400, анализ проводился в режиме Process analytical, время набора спектра 30 с. Перед началом работ проводилась калибровка прибора стандартным для него эталоном. Для анализа необходимо, чтобы анализируемый предмет был относительно плоским и перекрывал окно детектора площадью около 0,5–1 кв. см. Чувствительность метода около 0,1 мас. %. Данный прибор дает возможность определения широкого спектра элементов тяжелее титана (Ti). Исходя из требований сохранности предметов, предъявляе-

мых музеями, использование методов отбора проб, предложенных Е.Н. Черным и В.Ю. Луньковым, а также А.А. Тишкиным с соавторами [Черных, Луньков, 2009, с. 81; 2016, с. 247; Тишкин и др., 2014, с. 102–108], предполагающих нарушение их целостности, было не приемлемо. Поэтому предметы анализировались без предварительной подготовки (без высверливания для получения стружки или механического удаления окислов с части поверхности), целиком, перекрывая окно прибора полностью. Особенностью такого метода является то, что анализируется лишь поверхность предметов, из-за чего технологическое покрытие (лужение), оксидная пленка или же патина мешают проведению анализа и/или оказывают влияние на его результат, искажая данные о составе металла.

Все исследованные в настоящей работе предметы покрыты тонким слоем патины. Более ранними работами было показано, что покрытые патиной бронзовые изделия имеют тот же самый качественный состав. Однако патинирование может завышать определяемое количество примесей в 1,5–2 раза [Блинов и др., 2017; Блинов, Таиров, 2018], а в случае толстого слоя патины – в 3–5 раз [Черных, Луньков, 2009, с. 82]. «Проведенные исследования показали, что практически всегда в окисленной зоне изделия происходит увеличение содержания олова (Sn), сурьмы (Sb), мышьяка (As), железа (Fe) и, в меньшей степени, цинка (Zn). Содержание свинца (Pb) изменяется слабо, а серебро (Ag) проявляет себя неустойчиво» [Черных, Луньков, 2016, с. 250].

Интересные данные о составе металла наконечников стрел и покрывавшей их патины приведены в статье А.А. Тишкина с соавторами [Тишкин и др., 2014]. Так, в процентном отношении в патине всех наконечников отмечено уменьшение, по сравнению с металлом, количества меди в 1,1–1,4 раза, изредка до 1,9 раза. Одновременно в патине увеличивается, по сравнению с металлом, количество олова – в 1,2–2,9 раза, редко в 4,2 раза, мышьяка – в 1,0–2,0 раза, редко до 2,8 раза, свинца – в 1,0–2,0 раза, редко в 3,9 раза, сурьмы – в 1,3–1,8 раза, редко в 2,3 раза. Таким образом, наличие патины приводит к завышению количества примесей в разы, но не на порядок. Такие результаты можно называть «по-

луколичественными», их воспроизводимость сопоставима со спектральным анализом, который активно использовали в археологии 1960–1980-х годов. В литературе тех времен в таблицах приводились результаты анализов с интервалом значений до 3 раз (см., например: [Кузнецова, 1980, табл. 1]). При этом, безусловно, РФА обладает худшей по сравнению со спектральным анализом чувствительностью к компонентам примесей. Но его бесспорным преимуществом является то, что для анализа не требуется какое-либо повреждение анализируемого предмета, что важно при работе с предметами, хранящимися в музеях.

Нами анализировались колчаные наборы из погребения в могильной яме 3 кургана 2, погребений в могильных ямах 1, 2 и 3 кургана 3, центральной погребальной конструкции кургана 4 могильника Кичигино I. В общей сложности проанализировано 580 бронзовых наконечников стрел.

Для выявления зависимости между формой наконечников стрел и составом их металла использовались материалы погребений из могильных ям 1 и 2 кургана 3, всего 370 наконечников стрел. Все наконечники этих двух погребений были разделены по форме на группы и подгруппы, определено место каждого наконечника в группе и состав его металла.

Материалы

Могильник Кичигино I занимает уплощенную вершину господствующей возвышенности (гора Тушканская) левого берега Южно-Уральского водохранилища на реке Увелька, в 1,5 км к западу от села Кичигино Увельского района Челябинской области [Таиров и др., 2008].

Некрополь состоял из 10 курганов, вытянутых нерегулярной цепочкой с ЗСЗ на ВЮВ вдоль общей направленности склона возвышенности. Диаметр их грунтовых насыпей колеблется от 14 до 35 м при высоте 0,1–1,5 м. В 2006–2011 гг. в ходе охранных работ, проводимых Южно-Уральским государственным университетом совместно с Институтом истории и археологии УрО РАН и Государственным историческим музеем Южного Урала, могильник был полностью исследован.

Впускные мужские воинские захоронения ранне-сарматского времени (конец V – вторая половина IV в. до н.э.), содержащие предметы вооружения и колчаны с большим количеством стрел, исследованы в нескольких курганах: погребение в могильной яме 3 кургана 2, погребения в могильных ямах 1 и 2 кургана 3, погребение 2 в могильной яме 1 кургана 6. Кроме того, в кургане 3 выявлены два женских захоронения (в могильных ямах 3 и 4), погребальный инвентарь которых включал колчан со стрелами [Таиров, 2020а; 2020б]. Небольшое количество наконечников стрел обнаружено среди остатков колчана в центральной погребальной конструкции кургана 4 (вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.).

По морфологии все проанализированные наконечники стрел разделены на две группы: первая включает наконечники с выступающей втулкой, вторая – со скрытой. Все наконечники стрел с выступающей втулкой имеют трехлопастную головку (группа ВТ). Среди наконечников стрел со скрытой втулкой выделено три подгруппы: с трехгранной головкой (подгруппа СТГ), с трехлопастной головкой (подгруппа СТ), с трехлопастной головкой, имеющей подтреугольное основание, которое является результатом заточки наконечника (подгруппа СО). Среди последних выделен вариант с сильно развитым подтреугольным основанием (вариант СТ-О). Часть наконечников обеих групп орнаментирована рельефными валиками, образующими фигуры в виде буквы «V», косоугольного креста, двух параллельных горизонтальных линий, двух или трех параллельных наклонных линий, двух вертикальных дуг и т. п. Следует отметить, что орнаментированные наконечники также встречаются в виде изделий серийного производства.

Среди примесей в металле наконечников стрел отмечаются никель, мышьяк, сурьма, свинец, висмут. В целом содержание примесей не высоко и редко превышает 1–2 %. Однако содержание мышьяка может быть достаточно высоким и в отдельных случаях достигать 34,2 %, хотя в подавляющем большинстве случаев не превышает 0,2 %. Практически во всех анализах отмечается примесь железа (Fe), но этот элемент нами не учитывался в связи с возможностью поступления его в патину из грунтовых вод.

Курган 2, могильная яма 3. Колчан сохранил 66 бронзовых наконечников стрел (21 с выступающей и 45 со скрытой втулкой), количественные анализы удалось получить с 52 экземпляров (рис. 1,А). В металле всех проанализированных наконечников отмечается примесь свинца. Его концентрация сильно варьирует в пределах от 0,1 до 59,5 %, среднее значение достаточно высокое – 5,0 %, стандартное отклонение – 9,5 (табл. 1). Вторым по распространенности легирующим компонентом является мышьяк (в 42 наконечниках). Концентрация его варьирует в пределах от менее 0,1 до 10,5 %. В среднем концентрация мышьяка не высока – 0,7 %, стандартное отклонение 1,8. Коэффициент корреляции между мышьяком и свинцом равен нулю. У свинца и мышьяка наиболее распространены концентрации в интервале 0,1–1 % (рис. 2,а), намного реже в интервале 1–10 % и еще реже – более 10 %. Добавки олова (5 наконечников) и сурьмы (4 наконечника) редки. Концентрация олова варьирует в пределах 0,4–3,2 %, среднее значение 1,9 %, стандартное отклонение 1,4. Концентрация сурьмы варьирует в пределах 0,8–5,1 %, среднее значение 2,6 %, стандартное отклонение 1,8. Сурьма и олово являются компонентами-«антагонистами». Они не встречаются вместе (рис. 2,б), при этом сурьма всегда встречается вместе с относительно высоким содержанием мышьяка (более 1 %) (рис. 2,в) и низким содержанием свинца (0,1–1 %) (рис. 2,г). Олово выявлено вместе с мышьяком в трех анализах из пяти. Высокие концентрации олова (3,2 %) часто встречаются там же, где высокие концентрации свинца (39 и 59 %) (рис. 2,д), однако для статистического анализа соотношения свинца и олова выборка мала. Примесь никеля в концентрации 0,1 % встречена в одном изделии. Соотношения между наиболее распространенными компонентами мышьяка и свинца не равномерны. Металл большей части наконечников стрел содержит низкие концентрации (менее 1 %) обоих компонентов (рис. 2,е,ж). Среди этого можно выделить несколько групп. С высоким содержанием мышьяка (1–10 %) и низким содержанием свинца (до 1 %). Часто металл этих наконечников содержит примесь сурьмы. И наоборот, с высоким содержанием свинца (1–10 %) и

низким содержанием мышьяка (менее 1 %), вплоть до его полного отсутствия. Наконечники стрел с высоким содержанием свинца в металле могут содержать также примесь олова.

В целом наконечники стрел по составу металла можно разбить на несколько групп:

- наибольшее распространение имеют наконечники, металл которых содержит примесь свинца и мышьяка в концентрациях до 1 %. В отдельных случаях содержание свинца может достигать 15,6 %, а мышьяка – 5,2 % (35 наконечников). Корреляционная связь между этими компонентами не значима (0,11). Разбивка выборки на три подгруппы: а) меньше 1 % обоих компонентов (27 наконечников); б) мышьяка меньше 1 %, но свинца больше 1 % (5 наконечников); в) мышьяка больше 1 %, свинца – до 15,6 % (3 наконечника) дает соответствующие коэффициенты корреляции 0,11, 0,98 и -0,53. Это, вероятно, связано с тем, что металл данной группы может иметь разное происхождение, что и дает разные абсолютные содержания, однако из-за малой статистики подгрупп сложно делать однозначные суждения;

- наконечники, металл которых содержит только свинец в концентрации 0,8–11,3 %, при отсутствии других примесей (8 шт.);

- наконечники, металл которых содержит олово и высокую концентрацию свинца. Содержание свинца может достигать в отдельных случаях 59 %. Также возможна незначительная примесь мышьяка (до 0,2 %) (5 шт.);

- наконечники, металл которых содержит одновременно сурьму и высокую концентрацию мышьяка (1,6–10,5 %). В нем также возможна примесь свинца и никеля (4 шт.).

Курган 3, могильная яма 1. Из 248 бронзовых втульчатых наконечников стрел (71 с выступающей и 177 со скрытой втулкой) количественные анализы удалось получить с 240 наконечников (рис. 3,А), которые по составу металла можно разбить на пять групп (табл. 2). Преобладают наконечники стрел, изготовленные из «чистой» меди (144 шт.). Вторая по распространенности группа – с содержанием в металле мышьяка до 0,7–0,8 %, но преимущественно – до 0,3 % (91 шт.) (рис. 4,а). Остальные три группы малочисленные. К третьей группе можно отнести наконечники, ме-

талл которых содержит сурьму, никель и высокую концентрацию мышьяка (более 1 %), возможны примеси свинца и висмута (3 шт.) (рис. 4,б). В четвертую группу входит один наконечник стрелы с невысоким содержанием в металле мышьяка и свинца (до 0,3 и 0,2 % соответственно), в пятую – один наконечник с содержанием мышьяка более 10 %.

Курган 3, могильная яма 2. Основу колчана составляют наконечники стрел с выступающей втулкой – 106 экз., наконечники со скрытой втулкой (базисные) представлены 24 экземплярами (рис. 2,Б). Количественные анализы удалось получить со всех 130 наконечников стрел. Среди примесей в металле выявлены никель, мышьяк, олово, сурьма, свинец и висмут (табл. 3). Наиболее распространенной примесью является мышьяк, но его концентрация обычно не превышает 0,2 % (рис. 5,а). В металле шести наконечников стрел концентрация мышьяка варьирует в пределах 0,7–10 % (рис. 5,б). В металле этих же наконечников содержится примесь сурьмы (0,9–4,6 %). В трех случаях там же встречен висмут, в двух – никель.

Редкой примесью является свинец, который выявлен в металле трех наконечников стрел. Его концентрация не превышает 0,5 %, в металле одного из этих наконечников также выявлена примесь олова (0,3 %). Мышьяк и свинец в металле наконечников вместе не встречаются.

По составу металла наконечники стрел можно разделить на пять групп. Здесь также преобладают наконечники из «чистой» меди (82 шт.). Вторая по распространенности группа – с содержанием в металле мышьяка до 0,1 % (39 шт.). Третья группа включает наконечники, металл которых содержит сурьму и высокую концентрацию мышьяка (более 2 %), возможны также примеси никеля и висмута (6 шт.). В четвертую группу входят два наконечника стрел, металл которых имеет примесь свинца (до 0,5 %). Пятую группу образует наконечник, в металле которого содержатся примеси олова (до 0,3 %) и свинца (до 0,1 %).

Курган 3, могильная яма 3. Колчан сохранил 151 наконечник стрел, из которых 86 с выступающей втулкой и 65 со скрытой втулкой (рис. 1,Б). Количественные анализы уда-

лось получить со всех наконечников. Значительная их часть в металле имеет примесь других элементов, часто не одного, а сразу нескольких легирующих компонентов. Наиболее распространенной примесью является мышьяк (в 100 наконечниках), содержание которого сильно варьирует в пределах от менее 0,1 до 22,1 %. Чаще всего содержание мышьяка не превышает 0,1–1 % (рис. 6,а). Реже встречается сурьма (36 наконечников), ее концентрация варьирует меньше, в пределах 0,4–7,3 %, чаще концентрация сурьмы превышает 1 %. При этом высокой концентрации мышьяка обычно соответствует высокая концентрация сурьмы (рис. 6,б). Примесь висмута, выявленная в металле 13 наконечников, имеет невысокое содержание – 0,2–0,7 %. Встречается он вместе с мышьяком, когда концентрация последнего варьирует в пределах 1–10 % (рис. 6,в). Также висмут постоянно встречается с сурьмой (рис. 6,г). Содержание никеля, обнаруженного в металле 10 наконечников, незначительно и колеблется в пределах 0,1–0,2 %. Встречается он вместе с высоким содержанием мышьяка. Свинец выявлен в металле трех наконечников стрел, его концентрация не превышает 0,1 %, в двух случаях свинец встречен вместе с мышьяком в концентрациях до 0,1 %.

По составу металла наконечники стрел можно разбить на несколько групп (табл. 4). Чаще всего (59 шт.) встречаются наконечники, металл которых содержит небольшую примесь мышьяка (обычно до 0,2 %, в отдельных случаях до 0,7 %). Вторая по распространенности группа – это наконечники стрел из «чистой» меди (50 шт.). Менее распространены наконечники (36 шт.), в металле которых одновременно присутствует высокая концентрация сурьмы и мышьяка с возможными примесями свинца, никеля и висмута. Коэффициент корреляции между сурьмой и мышьяком является незначимым (-0,20). Четвертая группа включает два наконечника, в металле которых концентрация мышьяка превышает 2 % при возможной примеси никеля в концентрации до 0,1 %. В пятую группу входят два наконечника, в металле которых отмечены незначительные примеси свинца и мышьяка в концентрациях до 0,1 % каждого компонента. Металл одного наконечника содержит ни-

кель и мышьяк в концентрациях до 0,1 % (группа шесть), а другого – никель и свинец в концентрациях до 0,1 % (группа семь).

Курган 4, центральная погребальная конструкция. Среди остатков колчана найдено 13 металлических втульчатых наконечников стрел и один костяной черешковый наконечник стрелы. Из металлических наконечников первоначально было проанализировано семь. Шесть из них изготовлены из «чистой» меди, в одном выявлена примесь олова (0,4 %). Затем вся выборка металлических наконечников стрел была зачищена от патины шлифовальной машинкой. Наконечники были вновь проанализированы. Основная их масса изготовлена из «чистой» меди (11 шт.), в одном выявлена примесь олова (0,5 %), еще в одном – примесь свинца (0,1 %).

Обсуждение результатов

В работах предшественников содержание примесей менее 1 % [Кузнецова, 1980, с. 153; Кузьминых, 1983, с. 10] или менее 0,5 % [Барцева, 1981, с. 17] считалось природным. Эта граница, на взгляд авторов данного исследования, не является обоснованной, особенно в условиях отсутствия надежных данных о металлургических технологиях и минерально-сырьевой базе населения Степной Евразии² раннего железного века. Из руд, содержащих станнин ($\text{Cu}_2\text{FeSnS}_4$), можно выплавить металл с содержанием меди и олова с массовым соотношением, близким 1 : 1. Руды, содержащие энаргит (Cu_3AsS_4) или оливенит ($\text{Cu}_2(\text{AsO}_4)(\text{OH})$), могут давать металл с высокой концентрацией мышьяка. Блеклые руды ряда теннантит-тетраэдрит ($\text{Cu}(\text{Cu}_4\text{Fe}, \text{Zn}_2)\text{Sb}_4\text{S}_{12}\text{S}-\text{Cu}_6(\text{Cu}_4\text{Fe}, \text{Zn}_2)\text{As}_4\text{S}_{12}\text{S}$) могут давать металл с высокой концентрацией мышьяка и сурьмы, превышающей 1–2 %. Также в рудах могут быть естественные комбинации нескольких минералов. Например, в руде малахит ($\text{Cu}_2\text{CO}_3(\text{OH})_2$) может быть в разных пропорциях с церусситом (PbCO_3) или англезитом (PbSO_4), смитсонитом (ZnCO_3) и другими минералами. И наоборот, несовершенные технологии переработки руд, вторичный передел металла могли снижать концентрации ранее целенаправленно добавленных легирующих компонентов. Так, переплавка или

горячаяковка мышьяковой бронзы существенно снижает концентрацию мышьяка [Виноградов и др., 2013, с. 15–16].

Исследователи, основываясь на результатах спектрального анализа, металл на медной основе делили на металлургические и химические группы. В изделиях раннего железного века Восточной Европы, Казахстана и Урала выделяется «чистая» медь с содержанием примесей ниже отбрасываемого предела (Cu), оловянные (Cu + Sn), оловянно-мышьяковые (Cu + Sn + As), мышьяковые (Cu + As), мышьяково-сурьмяные (Cu + As + Sb), оловянно-свинцовые (Cu + Sn + Pb), свинцовые (Cu + Pb), оловянно-свинцово-мышьяковые (Cu + Sn + Pb + As), свинцово-мышьяковые (Cu + Pb + As) и другие бронзы. Химические группы металла обычно соотносят с каким-либо регионом или формационным типом месторождений. Так, выделяются волго-камская (сурьяно-мышьяковые сплавы), восточно-уральская («чистая» медь с низким количеством примесей) и т. д. (см., например: [Кузнецова, 1980, с. 153; Кузьминых, 1983, с. 10–11; Барцева, 1981, с. 9, 17–29]).

При работе с РФА эти подходы не всегда можно соблюдать, так как метод имеет меньшую чувствительность к примесям, а невысокое разрешение детектора затрудняет надежное определение некоторых элементов, что существенно сокращает список возможных анализируемых компонентов в сплавах на медной основе.

По своему химическому составу металл наконечников стрел из курганов могильника Кичигино I можно разделить на пять основных групп. Наконечники стрел с металлом этих составов хотя бы в одном наборе имеют распространенность более 10 % и их количество более 5 экземпляров (табл. 5):

I – чистая медь без примесей, металлургическая группа «чистая» медь – Cu;

II – медь с достаточно высоким содержанием (более 1 %) сурьмы и мышьяка, с возможными примесями свинца, никеля и висмута, металлургическая группа сурьяно-мышьяковая бронза – Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi);

III – медь с низким содержанием мышьяка, обычно не превышающим 0,2 %, в отдельных случаях содержание мышьяка может достигать 1 %, металлургическая группа «чистая» медь – Cu (As);

IV – медь с одновременным содержанием свинца и мышьяка. Их концентрации, как правило, не высоки и обычно не превышают 1 %, металлургическая группа «чистая» медь – Cu (Pb, As). В отдельных случаях содержание свинца может достигать 15,6 %, а мышьяка – 5,2 % – свинцово-мышьяковая бронза – Cu + Pb + As;

V – медь с содержанием свинца в пределах 1–10 %. По факту измерений границы группы несколько расширены до 0,8–11,3 %, металлургическая группа свинцовая бронза – Cu + Pb;

Выделенные нами по химическому составу группы металла I, III и большая часть группы IV соответствуют металлургической группе «чистой» меди. Сам характер примесей указывает на различное происхождение металла среди одной группы «чистой» меди. Группа металла II соответствует сурьяно-мышьяковым сплавам, волго-камской химико-металлургической группе. Свинцовые (V группа) и свинцово-мышьяковые сплавы (меньшая часть IV группы) не имеют ранее описанных аналогов.

Остальные составы металла редки и часто представлены единичными наконечниками стрел. Для единичных «групп» С.В. Кузьминых ввел общее обозначение «неопределимые» (н/о) [Кузьминых, 1983, с. 11; Кузьминых, Орловская, 2017, табл. 1Б, 1-1Б]. В настоящей работе сделана попытка разбивки единичных находок по химическому составу металла на отдельные группы, выделение которых, впрочем, весьма условно. Однако это может иметь значение при сопоставлении с металлом из других регионов и предметов другого функционального назначения:

VI – медь с одновременной примесью свинца и мышьяка в концентрациях до 1 %, металлургическая группа «чистая» медь – Cu (Pb, As);

VII – медь с примесью олова и возможной примесью свинца в концентрациях до 0,2 %, металлургическая группа «чистая» медь – Cu (Sn, Pb);

VIII – медь с примесью олова в концентрации до 0,5 %, металлургическая группа «чистая» медь – Cu (Sn);

IX – медь с одновременным содержанием олова (до 1 %), мышьяка (до 0,2 %) и

свинца (до 1,5 %), металлургическая группа «чистая» медь – Cu (Sn, As, Pb);

X – медь с высоким содержанием мышьяка (более 10 %) и без других примесей, металлургическая группа мышьяковая бронза – Cu + As;

XI – медь с примесью свинца (до 0,5 %), металлургическая группа «чистая» медь – Cu (Pb);

XII – медь с высоким содержанием свинца (более 10 %) и олова (более 1 %), металлургическая группа свинцово-оловянная бронза – Cu + Pb + Sn;

XIII – медь с содержанием мышьяка более 2 % и возможной примесью никеля (до 0,1 %), металлургическая группа мышьяковая бронза Cu + As (Ni);

XIV – медь с одновременным содержанием никеля (до 0,1 %) и мышьяка (не более 0,1 %), металлургическая группа «чистая» медь Cu (Ni, As).

Таким образом, значительную часть групп, выделенных нами по химическому составу металла, можно отнести к металлургической группе «чистой» меди (VI, VII, VIII, XI, XIII, XIV). Обособленно находятся свинцовые и мышьяковые сплавы (группы X, XII).

В колчане из могильной ямы 1 кургана 3 большинство составляют трехлопастные наконечники стрел со скрытой втулкой (СТ) (табл. 6), около $\frac{2}{3}$ из которых имеют орнамент (рис. 3,А). Трехлопастные наконечники стрел со скрытой втулкой и подтреугольным основанием (СО), а также трехлопастные с выступающей втулкой (ВТ) имеют меньшее распространение. Их соотношение варьирует в зависимости от группы металла. Из металла группы I [Cu] отлито больше наконечников со скрытой втулкой и подтреугольным основанием (СО), а из металла группы III [Cu (As)] изготовлено больше наконечников стрел с выступающей втулкой (ВТ). Причем большое количество наконечников стрел подгруппы СО имеет орнамент: в 50 % случаев для группы металла I [Cu] и в 17 % случаев для группы металла III [Cu (As)]. Среди трехлопастных наконечников стрел с выступающей втулкой (подгруппа ВТ) орнаментирован лишь один.

Трехлопастные наконечники стрел со скрытой втулкой и сильно развитым подтреу-

гольным основанием (вариант СТ-О) очень редки. Из металла группы I [Cu] отлито всего 4 наконечника (3 % от общего количества наконечников стрел), из металла группы III [Cu (As)] – 5 (5 %). Однако все они имеют орнамент.

Наконечники стрел, отлитые из металла группы II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)] (3 шт.) и группы X [Cu + As] (1 шт.), по своей морфологии относятся к подгруппе ВТ. Единственный наконечник из металла группы VI [Cu (Pb, As)] морфологически принадлежит подгруппе СТ и имеет орнамент в виде буквы «V».

В колчане из могильной ямы 2 кургана 3 (рис. 3,Б) абсолютно преобладают наконечники с выступающей втулкой (ВТ). Вторых по распространенности наконечников стрел со скрытой втулкой и подтреугольным основанием (СО) в группе металла I [Cu] всего 8,8 %, а в группе металла III [Cu (As)] – 16,7 % (табл. 7). Наконечников стрел со скрытой втулкой (СТ) из металла группы I [Cu] – 6,3 %, а из металла группы III [Cu (As)] – 4,8 %. При этом значительная часть наконечников подгрупп СО и СТ имеет орнамент. Трехгранные наконечники стрел со скрытой втулкой (СТГ) редки и изготовлены из металла группы I [Cu] и группы III [Cu (As)] (по 1 шт.). Орнамент на них отсутствует. Наконечники стрел из металла группы II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)], группы X [Cu + As] и группы XI [Cu (Pb)] редки (6, 1 и 2 шт. соответственно). Все они трехлопастные с выступающей втулкой (подгруппа ВТ).

Группы металла распространены неравномерно. В могильных ямах 1 и 2 кургана 3 наконечники стрел в целом имеют схожий состав. Преобладают наконечники стрел из «чистой» меди (группа I [Cu]) (60–63 %), гораздо меньше наконечников, отлитых из металла с невысокой примесью мышьяка (группа III [Cu (As)]) (30–38 %). Достаточно редки наконечники стрел из металла группы II ([Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)]) (1,3–4,6 %). Остальные составы крайне редки – встречаются либо в одной, либо в другой могильной яме.

Металл одной группы использовался для отливки разных по морфологии наконечников стрел. В то же время неоднократно встречаются наконечники стрел, одинаковые по морфологии, но разные по химическому составу металла. Так, в самой большой серии из 12 оди-

наковых по форме наконечников из могильной ямы 1 кургана 3 десять отлиты из металла группы I [Cu], а два – из металла группы III [Cu (As)] (рис. 3,А). Одинаковую форму имеют наконечники стрел, изготовленные из металла групп I [Cu] и II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)]; I [Cu] и III [Cu (As)]; I [Cu] и VI [Cu (Pb, As)]; II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)] и III [Cu (As)]; I [Cu], II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)] и III [Cu (As)]; I [Cu], III [Cu (As)] и XI [Cu (Pb)] (рис. 3,А,Б), но в этих случаях количество наконечников в серии не превышает 8 штук.

Среди разнообразия наконечников стрел из могильных ям 1 и 2 кургана 3 выделяются экземпляры, одинаковые по форме и размерам, что указывает на изготовление их в одной литейной форме или по одному шаблону. Причем форма или шаблон служили значительное время и использовались несколько раз. Об этом свидетельствуют наконечники стрел, одинаковые по форме, но разные по составу металла.

В целом проведенный анализ колчаных наборов из могильных ям 1 и 2 кургана 3 могильника Кичигино I показал отсутствие корреляционной зависимости между формой наконечников стрел и составом их металла.

От колчаных наборов из могильных ям 1 и 2 кургана 3 несколько отличается набор из могильной ямы 3 этого же кургана (табл. 5). Здесь преобладают наконечники стрел из металла группы III [Cu (As)] – с невысокой примесью мышьяка, составляющие 39,1 % от общего количества наконечников в колчане. Чуть меньше (33,1 %) наконечников из «чистой» меди (группа I [Cu]), на третьем месте (23,8 %) наконечники из металла группы II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)], единично встреченные в колчанах из могильных ям 1 (1,3 %) и 2 (4,6 %). В колчане из могильной ямы 3 единично представлены наконечники стрел из металла группы XI [Cu (Pb)] – с примесью Pb до 0,5 % – 1 шт., группы VI [Cu (Pb, As)] – с добавкой Pb и As до 0,7 % – 2 шт. Только в этом колчане встречены наконечники из металла группы XIII [Cu + As (Ni)] (2 шт.) и группы XIV [Cu (Ni, As)] (1 шт.).

Одиннадцать наконечников стрел из центральной погребальной камеры кургана 4 изготовлены из «чистой» меди, металла группы I [Cu]. В металле одного наконечника

стрелы выявлена примесь олова в концентрации 0,4–0,5 % (группа металла VIII [Cu (Sn)]). Металл еще одного наконечника содержит невысокую концентрацию свинца (группа металла XI [Cu (Pb)]).

Таким образом, люди, совершавшие захоронения в кургане 3 могильника Кичигино I, имели стабильный доступ к двум основным источникам металла или группам таковых, производящим «чистую» медь и медь с невысокой примесью мышьяка. Дополнительным источником, по-видимому, был металл, легированный блеклыми рудами, содержащий одновременно высокие концентрации мышьяка и сурьмы. Также могли случайно попадать наконечники стрел из металла других групп.

Скорее всего, металл групп I [Cu] и III [Cu (As)] имеет местное происхождение. В целом он соответствует составу металла изделий, встречающихся на памятниках иткульской культуры [Кузьминых, Дегтярева, 2015; Кузьминых и др., 2017]. На Южном Урале находится достаточно большое количество медных рудников, которые эксплуатировались в древности, в том числе и в раннем железном веке [Бельтикова, 2002; Черных, 1970]. Металл группы II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)] также может иметь местное происхождение.

Большим своеобразием отличается колчаный набор из могильной ямы 3 кургана 2 (рис. 1,А, табл. 5), где абсолютно преобладают (64,3 % от общего количества наконечников стрел в колчане) наконечники из металла группы IV [Cu + Pb + As] – с высоким содержанием свинца и мышьяка. Наконечников стрел из такого металла нет ни в одном из других проанализированных нами колчаных наборов. Нет в других колчанах и наконечников из металла групп V [Cu + Pb] (15,4 %), IX [Cu (Sn, As, Pb)] (5,8 %) и X [Cu + As] (3,8 %). И лишь 4 наконечника из металла группы II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)] (7,7 %) сближают этот колчаный набор с колчанами из кургана 3.

Отметим, что колчан из погребения в могильной яме 3 кургана 2 является наиболее поздним из представленных в настоящем исследовании. Об этом свидетельствует преобладание в нем небольших по размеру наконечников стрел с узкой сводчатой или подтреугольной головкой и значительное количество

маленьких сильно сточенных экземпляров. Датировку погребения в рамках второй половины IV в. до н.э. определяет железный кинжал [Таиров, 2019, с. 238]. У него прямое брусковидное навершие, широкая подпрямоугольная в сечении рукоять, сломанное под тупым углом или дуговидное перекрестие. В деревянных ножнах вместе с кинжалом находился длинный железный нож³.

Кичигино не единственный памятник Степной Евразии раннего железного века, в котором проанализирован состав металла найденных там наконечников стрел. В настоящее время имеются опубликованные данные о бронзовых наконечниках из памятников Северного, Центрального и Южного Казахстана [Барцева, 1987; Кузнецова, 1980], ряда памятников на территории современного Западного Казахстана и комплекса Филипповка I в Оренбургской области, географически входящих в Южное Приуралье [Кузнецова, 1980; Блинов и др., 2014], двух сарматских курганов (Березовский, Смолино) лесостепной зоны [Барцева, 1987] и ряда памятников иткульской культуры горнолесной зоны [Таиров, Блинов, 2019; Кузьминых, Дегтярева, 2017] Южного Зауралья. Из более отдаленных регионов Степной Евразии в качестве примера использования метода рентгенофлуоресцентного анализа можно привести исследование состава металла наконечников стрел аржано-майэмирского времени с территории Верхнего Приобья и Алтая [Тишкин и др., 2014; Tishkin, 2017]. Методом спектрального и рентгенофлуоресцентного анализа исследованы памятники Волго-Камского региона [Кузьминых, 1983; Кузьминых, Орловская, 2017], лесостепного Поднепровья и низовьев Дона [Барцева, 1981; 1984].

Иткульское I (Даутовское I) городище находится в горнолесной зоне Челябинской области, на берегу озера Иткуль. Исследования Г.В. Бельтиковой датируют городище концом VII – началом IV в. до н.э. [Бельтикова, 1986, с. 77]. Ранее нами был исследован состав семи бронзовых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел с выступающей и скрытой втулкой из раскопок К.В. Сальникова этого памятника в 1954 году. Три из них отлиты из «чистой» меди. В металле двух наконечников содержится примесь мышьяка

(около 0,1 %). Металл одного наконечника имеет примесь свинца (около 0,1 %), а еще одного – олова (около 9,9 %) [Таиров, Блинов, 2019]. По составу они близки к группам металла I [Cu], III [Cu (As)] и V [Cu + Pb]. Наконечник стрелы, в металле которого содержится 9,9 % олова, не имеет аналогов по составу металла среди наконечников стрел из могильника Кичигино I.

В работе С.В. Кузьминых с соавторами имеются данные о составе металла 14 наконечников стрел с памятников иткульской культуры – Дальнего Багарякского городища (3 шт.), Горы Думной (1 шт.), Малого Вишневого (2 шт.) и Иткульского I городища (раскопки Г.В. Бельтиковой) (8 шт.). Все они отлиты из «чистой» меди. Металл одного наконечника с Малого Вишневого имеет повышенное содержание цинка (0,38 %) и включен в химико-металлургическую группу Cu (Zn). Повышенное содержание железа (0,47 %) в металле второго наконечника с Малого Вишневого и наконечника с Иткульского I городища (0,69 %) позволило включить их в химико-металлургическую группу Cu (Fe). Металл одного из наконечников с Иткульского I городища имеет повышенное содержание цинка (0,4 %) и железа (0,37) и включен в химико-металлургическую группу Cu (Zn, Fe) [Кузьминых и др., 2021, табл. Б, В]. Наконечники стрел с низким содержанием примесей в металле, из «чистой» меди, наиболее распространены в колчанах из погребений кургана 3 могильника Кичигино I. Однако в их металле не отмечена примесь цинка. В целом металл наконечников стрел с иткульских памятников соответствует металлу выделенной нами группы I [Cu].

Наконечники стрел из сарматских курганов Березовский и Смолино в лесостепной зоне Южного Зауралья в абсолютном своем большинстве (93,1 % от общего количества проанализированных) изготовлены из «чистой» меди, содержание примесей в которой ниже 0,1 %. В металле трех наконечников стрел (из 52 проанализированных) Березовского кургана отмечены высокие, от 1 до 7,5 %, концентрации мышьяка, сурьмы и висмута, что соответствует выделенной нами группе металла II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)]. Эти наконечники, как и четыре других предмета из данного кур-

гана, «были изготовлены мастерами иных центров, снабжавшихся рудой, по химическим характеристикам близкой группе ВК с неясным рудным источником к востоку от Урала» [Барцева, 1987, с. 76]. В кургане Смолино лишь металл одного наконечника из шести имеет высокое содержание мышьяка (7 %) [Барцева, 1987, с. 76, 79–81]. С учетом анализа по патинированной поверхности, его металл схож с выделенной нами группой металла X [Cu + As]. В целом металл наконечников стрел курганов Березовский и Смолино соответствует металлу наконечников из кургана 3 могильника Кичигино I. Наиболее распространены наконечники из «чистой» меди с низким содержанием примесей. Второстепенный, но постоянно присутствующий тип сплавов – с высоким содержанием мышьяка, сурьмы и примесью висмута.

В памятниках Западного Казахстана (Южное Приуралье), таких как Бесоба, Жалгыз-Оба, Хлебодаровка, Кумис-Сай, Сынтас, Челкар, датированных VI–V вв. до н.э., исследовано 278 наконечников стрел. По составу металла резко преобладает «чистая» медь. В зависимости от памятника количество стрел из такого металла варьирует от 50 до 100 %. Сплавы меди с оловом, оловом и мышьяком, мышьяком, свинцом, оловом и свинцом относительно редки. В четырех памятниках встречены изделия из сплава меди с мышьяком и сурьмой, количество которых может достигать 20 % [Кузнецова, 1980]. По данным Э.Ф. Кузнецовой и Ж.К. Курманкулова, «наконечники из “чистого” медного сырья составляют 62 %, оловянистой бронзы – 17 %, мышьяково-сурьмянистой бронзы – 11 %, оловянно-свинцовой бронзы – 18 %, мышьяковистой бронзы – 2 %» [Кузнецова, Курманкулов, 1993, с. 51]⁴. Металл наконечников стрел из Южного Приуралья имеет как сходство, так и отличие от металла наконечников из Кичигино I и других комплексов Южного Зауралья. Отличается он большим количеством оловянных сплавов, а сходство проявляется в преобладании «чистой» меди и мышьяково-сурьмяных сплавов.

В погребении 2 кургана 1 могильника Филипповка I (Оренбургская область, Южное Приуралье, бассейн реки Илек), которое датируется в пределах IV в. до н.э., обнаружен

колчан с большим количеством бронзовых наконечников стрел [Яблонский, 2014]. Однако проанализировать удалось лишь два. В металле одного имеется высокое содержание мышьяка (16,9 %) и сурьмы (4,8 %), металл второго содержал достаточно высокие концентрации мышьяка и свинца (качественное определение) [Блинов и др., 2014]. Металл первого наконечника стрелы похож по составу на металл группы II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)], выделенной для металла наконечников Кичигино I, второго – на металл группы IV [Cu + Pb + As].

Для характеристики состава металла наконечников стрел Волго-Камья использованы данные по могильникам Тетюшинский, Котловский, Ананьинский, Релка, Пьяноборский, Зуевский, Таш-Елга и поселения Шихан в устье Белой [Кузьминых, Орловская, 2017, табл. 8А–14А, 8Б–14Б]. Из 160 металлических наконечников стрел, проанализированных рентгенофлуоресцентным методом, 96 экземпляров (60 %) отлиты из «чистой» меди, причем в 30 из них отмечено повышенное содержание олова – Cu (Sn) – 9 экз., мышьяка – Cu (As) – 9 экз., олова и мышьяка – Cu (Sn, As) – 7 экз., железа Cu (Fe) – 4 шт., свинца и сурьмы – Cu (Pb, Sb) – 1 экз. Из оловянной бронзы [Cu + Sn] изготовлено 26 наконечников (16,3 %), причем в металле большинства из них отмечено повышенное содержание мышьяка – Cu + Sn (As) – 11 экз., свинца – Cu + Sn (Pb) – 4 экз., свинца и мышьяка – Cu + Sn (Pb, As) – 2 экз. Из мышьяковой бронзы [Cu + As] отлито 7 наконечников (4,4 %), при этом в металле трех из них отмечено повышенное содержание олова – Cu + As (Sn). Восемь наконечников (5 %) сделаны из оловянно-мышьяковой бронзы [Cu + Sn + As], также в металле двух из них отмечено повышенное содержание свинца – Cu + Sn + As (Pb). Восемь наконечников (5 %) отлиты из оловянно-свинцовой бронзы [Cu + Sn + Pb], в металле одного из них повышенное содержание сурьмы – Cu + Sn + Pb (Sb), другого – мышьяка – Cu + Sn + Pb (As). В целом здесь, как и в памятниках Южного Зауралья, преобладает «чистая» медь, но более широкое распространение получили сплавы с оловом.

Наконечники стрел (53 экз.) из карабызских могильников изготовлены из металлур-

гически «чистой» меди – 47 экз. (88,7 %), мышьяковой бронзы – 2 экз., мышьяково-сурьмяной бронзы – 2 экз. и мышьяково-железистой бронзы – 2 экз. [Кузьминых, Орловская, 2017, табл. 15А, 15Б]. Здесь, как и в Южном Зауралье, отмечаются высокая распространенность «чистой» меди и наличие сурьяно-мышьяковой и мышьяковой бронз.

Данные о составе металла наконечников стрел из могильников Алыпкаш в Северном Казахстане, Тасмола, Карамурун, Нурманбет в Центральном Казахстане и Бесшатыр в Семиречье (Южный Казахстан) приведены в работе Кузнецовой [Кузнецова, 1980]. В могильнике Алыпкаш все 26 наконечников стрел сделаны из оловянно-мышьяковой (52 %) или оловянной (48 %) бронзы. В Центральном Казахстане проанализировано 24 наконечника, из которых 56 % изготовлено из оловянно-мышьяковой бронзы, 10 % – оловянной бронзы, 18 % – мышьяковой бронзы, 5 % – свинцовой бронзы и 11 % – из «чистой» меди. В Семиречье (могильник Бесшатыр) из 48 проанализированных наконечников стрел 63 % отлиты из оловянно-мышьяковой бронзы, 16 % – оловянной бронзы, 8 % – мышьяковой бронзы, 3 % – свинцовой бронзы и 10 % – «чистой» меди. Согласно Э.Ф. Кузнецовой, основным металлом для наконечников стрел у саков Северного и Центрального Казахстана, а также Семиречья были оловянно-мышьяковые и оловянные бронзы [Кузнецова, 1980, с. 163–164]. Однако, по мнению Т.Б. Барцевой, заключения автора противоречат аналитическим данным, согласно которым в Центральном Казахстане из оловянно-мышьяковой бронзы изготовлено лишь 25 % наконечников стрел, а остальные из оловянной (42 %), мышьяковой (13 %), оловянно-свинцово-мышьяковой (8 %) бронз и «чистой» меди (8 %). В Семиречье (Бесшатыр) также преобладают наконечники, отлитые из оловянной бронзы (51 %), остальные изготовлены из оловянно-мышьяковой (29 %), мышьяковой (8 %), свинцовой (2 %), свинцово-мышьяковой (2 %) бронз или «чистой» меди (8 %). Следовательно, основным металлом у саков Северного, Центрального Казахстана и Семиречья для производства наконечников стрел были оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы [Барцева, 1987, с. 70]. В целом металл наконечников стрел из

памятников этих регионов резко отличается от металла наконечников из Южного Зауралья. Здесь преобладают оловянные сплавы, а доля «чистой» меди не высока. Вместе с этим в Центральном Казахстане и Семиречье отмечается небольшая группа свинцовых сплавов, что дает основания предполагать наличие связей населения этих регионов с кочевниками Южного Зауралья, совершившими захоронение в могильной яме 3 кургана 2 Кичигино I.

По Северному Казахстану есть данные в работе Т.Б. Барцевой [Барцева, 1987], разделившей памятники этого региона на две хронологические группы: VII–VI вв. до н.э. и V–III вв. до н.э. К ранней группе (первый этап тасмолинской культуры) относятся наконечники стрел из могильника Алыпкаш, Бектелиз, Берлик II, Куропаткино, Покровка I, отлитые из оловянной или оловянно-мышьяковой бронзы, при абсолютном преобладании наконечников из оловянных бронз [Барцева, 1987, с. 69–70].

Во вторую группу входят наконечники стрел из саргатского городища и могильника Ак-Тау, могильников Амангельды, Улубай и Якши-Янгизтау второго этапа тасмолинской культуры. Из 20 проанализированных наконечников лишь один (Якши-Янгизтау, курган 10) изготовлен из оловянной бронзы (2 % Sn, 0,6 % Pb). Еще один наконечник из этого кургана изготовлен из «чистой» меди с примесью 0,15 % мышьяка. Для производства остальных наконечников стрел использована «чистая» медь, причем в курганах 13 и 14 могильника Амангельды из 10 проанализированных в 7 отмечено повышенное, 0,1–0,6 %, содержание цинка [Барцева, 1987, с. 82].

Металл североказахстанских наконечников стрел первой хронологической группы отличается от металла наконечников из Кичигино I широким распространением оловянных сплавов. Наконечники второй хронологической группы отлиты в абсолютном большинстве из «чистой» меди, что сближает их с наконечниками из Южного Зауралья раннесарматского времени.

Данные о наконечниках стрел из ряда памятников VIII–V вв. до н.э. Центрального Казахстана приводятся также в работе Джанг-Сик Парка с соавторами [Park et al.,

2020]. Из 11 проанализированных наконечников четыре изготовлены из оловянной бронзы (Мыржик, Акбеит, Бакыбулак), пять – из оловянно-мышьяковой бронзы (Кособа, Акбеит, Бакыбулак). В кургане 2 могильника Назар 2 один наконечник стрелы выполнен из сложного оловянно-сурьмяно-мышьякового [Sn + Sb + As] сплава с медью. В кургане 7 могильника Бидаик один наконечник отлит из оловянно-свинцовой [Cu + Sn + Pb], второй – из оловянно-мышьяковой [Cu + Sn + As] бронзы [Park et al., 2020, p. 5]. Металл этих наконечников стрел сильно отличается от металла наконечников из Южного Зауралья постоянным присутствием в нем олова.

Могильник Тегизжол расположен в 10 км западнее города Темиртау Карагандинской области (Центральный Казахстан). В кургане 27, который отнесен к тасмолинской археологической культуре и датирован VII–VI вв. до н.э., бронзовые наконечники стрел обнаружены в погребениях 1 и 2 [Варфоломеев, 2011]. В более раннем погребении 1 выявлено пять трехлопастных и трехгранно-трехлопастных черешковых наконечников стрел. В металле тегизжолских наконечников вместе присутствуют сильно варьирующие содержания свинца (0,2–2,3 %), мышьяка (1,1–10,2 %), олова (0,3–26,0 %) и в трех наконечниках выявлен висмут (до 0,7 %). В погребении 2 (вторая половина VI в. до н.э.) найден всего один наконечник стрелы – трехлопастной с выступающей втулкой. Его металл имеет некоторое отличие от металла наконечников из погребения 1 – в нем также есть свинец, мышьяк и висмут, но нет олова, однако есть примесь сурьмы [Блинов, Варфоломеев, 2015]. По составу наконечники стрел из погребения 1 могильника Тегизжол близки к металлу группы IX [Cu (Sn, As, Pb)] из Кичигино. Однако концентрации мышьяка и олова в металле наконечников стрел из Тегизжола намного превышают таковые из Кичигино. Впрочем, небольшая выборка не дает надежных результатов для сравнения. Кроме того, здесь необходимо учитывать три основных параметра – разное время, разное географическое положение и разные направления культурно-экономических связей.

Поселение Боровое-III находится в нижнем течении реки Бии (Верхнее Приобье) и

датируется VIII – последней четвертью VII в. до н.э. На этом поселении проанализировано 18 наконечников стрел. Все стрелы двулопастные, наиболее распространены ромбического сечения, реже – листовидные. Все наконечники стрел легированы. Более распространены рецептуры Sn + As + Pb ± Bi, Sb, Ni, реже – Sb + As + Bi ± Ni, Sn [Тишкин и др., 2014]. Главная по распространенности рецептура качественно схожа с группой металла IX [Cu (Sn, As, Pb)] из Кичигино I, но имеет меньшие концентрации примесей. Второстепенная по распространенности в Боровом-III рецептура схожа с металлом группы II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)] из могильника Кичигино I.

Комплексы Элекмонар-II и Тыткескен-VI, датируемые началом VII – началом V в. до н.э., находятся на Алтае (Республика Алтай). Из них происходят трехгранный черешковый, трехлопастной втульчатый, и два двухлопастных втульчатых наконечника стрел. Все они имеют оловянную лигатуру, а также постоянные примеси Pb ± As, Zn. В одном трехлопастном наконечнике отмечены только примеси мышьяка и свинца (2,5 и 0,2 % в патинированной поверхности соответственно) [Tishkin, 2017, p. 128–129]. По составу они имеют некоторое сходство с металлом групп VII [Cu (Sn, Pb)] и IX [Cu (Sn, As, Pb)] из могильника Кичигино I.

Наконечники стрел лесостепного Днепро-Восточного Левобережья имеют преимущественно оловянную и оловянно-свинцовую лигатуру. Причем со второй половины VI в. до н.э. к III в. до н.э. намечается тенденция перехода от «чистой» оловянной бронзы к оловянно-свинцовой. Если в конце VII – первой половине VI в. до н.э. 87 % наконечников стрел были отлиты из оловянной бронзы, а 13 % из «чистой» меди (с содержанием примесей до 0,5 %), то в IV–III вв. до н.э. 94–98 % наконечников отлито из оловянно-свинцовой бронзы, а доля оловянных бронз понижается до 2–6 %. Наконечники стрел из «чистой» меди, составляющие 5 % выборки наконечников рубежа VI–V – V в. до н.э., в выборке IV в. до н.э. уже не присутствуют. Уменьшение доли «чистой» меди Т.Б. Барцева связывает с прекращением связей с Южным Зауральем как источником данного типа металла [Барцева, 1981, с. 32–37].

Основная масса наконечников стрел Кибани рубежа VI–V вв. до н.э. отлита из оловянной бронзы. Абсолютное большинство (96 %) наконечников стрел IV–III вв. до н.э. Днепровской левобережной степи сделано из оловянно-свинцовых бронз и лишь 4 % – из оловянных бронз [Барцева, 1981, с. 35, 36]. Здесь ситуация схожа с ситуацией на Днепровском Левобережье, описанной выше, связи с Южным Зауральем прекращаются, поэтому изделий из «чистой» меди не выявлено.

Из 10 наконечников стрел кургана у хутора Сладковский в низовьях Дона восемь изготовлены из «чистой» меди, в металле одного 2 % свинца (свинцовая бронза), а другого 2 % мышьяка (мышьяковая бронза). Особенностью наконечников из «чистой» меди является довольно высокое содержание висмута (до десятых долей процента), сурьмы и мышьяка (десятые доли процента) [Барцева, 1984, с. 146, 147]. По преобладанию «чистой» меди можно предположить связь с Южным Зауральем. Однако примеси висмута и сурьмы до 0,1 % ставят под сомнение правильность такого вывода.

Как уже отмечалось, большим своеобразием отличается колчаный набор из могильной ямы 3 кургана 2 (рис. 1, А, табл. 5), который является наиболее поздним из представленных в настоящем исследовании, датированный второй половиной IV в. до н.э. В нем абсолютно преобладают наконечники из металла группы IV [Cu + Pb + As] – с высоким содержанием свинца и мышьяка, не представленные ни в одном другом колчанном наборе. Нет в других колчанах и наконечников из металла групп V [Cu + Pb], IX [Cu (Sn, As, Pb)] и XII [Cu + Pb + Sn].

На Южном Урале IV в. до н.э. – это время массового передвижения южнозауральских номадов в приуральские степи и их активного участия в этнокультурных процессах, протекавших в Арало-Каспийском регионе [Таиров, 2006]. В лесостепном Зауралье IV–III вв. до н.э. – время постепенного затухания иткульского очага металлургии и металлообработки. В IV в. до н.э. прекращают свою деятельность его основные производственные центры, а в III в. до н.э. иткульский очаг, как единая система, перестает существовать [Бельтикова, 1993, с. 106]. Очевидно, что со-

став металла наконечников стрел из погребений в курганах 2 и 3 могильника Кичигино I является отражением этих процессов. Если в колчанах из погребений кургана 3, датируемых концом V – первой половиной IV в. до н.э., абсолютно доминирует металл, производимый иткульскими металлургами (группы I–III) (табл. 5), то в колчане из могильной ямы 3 кургана 2 (вторая половина IV в. до н.э.) нет наконечников из металла «иткульских» групп I [Cu] и III [Cu (As)] и лишь 4 наконечника (7,7 %) группы II [Cu + Sb + As (Pb, Ni, Bi)]. Наличие наконечников из металла групп IV [Cu + Pb + As], V [Cu + Pb], IX [Cu (Sn, As, Pb)] и XII [Cu + Pb + Sn], не встречающихся в более ранних погребениях, указывает, вероятно, на смену источников сырья и появление доступа к источникам металла, расположенным, возможно, к югу и юго-западу от Зауралья. В предшествующую савроматскую эпоху VI–V вв. до н.э. в Южном Приуралье 18 % всех проанализированных наконечников стрел составляли наконечники из оловянно-свинцовой бронзы [Кузнецова, Курманкулов, 1993, с. 51]. В небольшом (2–8 %) количестве наконечники стрел из свинцовой, оловянно-свинцово-мышьяковой, свинцово-мышьяковой бронз известны в памятниках раннесакского и сакского времени Центрального Казахстана и Семиречья [Кузнецова, 1980, с. 163–164; Барцева, 1987, с. 70; Блинов, Варфоломеев, 2015]. Однако регионом, в котором в IV–III вв. до н.э. абсолютно (94–98 %) преобладали оловянно-свинцовые бронзы, являются лесостепное и степное Днепровское Левобережье [Барцева, 1981, с. 32–37].

Отметим также, что большее распространение в этот период оловосодержащих бронз может свидетельствовать как о более тесных связях с восточными регионами Степной Евразии, так и о дефиците металла, приведшим к вторичному использованию легированных оловом бронзовых изделий предшествующего времени в производстве наконечников стрел. На недостаток металла также указывают небольшие размеры наконечников и длительное использование отдельных экземпляров, выражающееся в их неоднократной заточке.

В наконечниках стрел второй половины VI – первой половины IV в. до н.э. металл с

не характерным для Южного Урала оловом крайне редок. В это время его распространение находится на уровне статистической погрешности, в отличие от эпохи бронзы, когда оловянные бронзы были широко распространены [Древнее Устье, 2013]. Это может быть вызвано как нарушением в савромато-сарматское время связей с регионами, добывающими олово, так и с экономической нецелесообразностью использования дорогостоящего олова для производства такого массового продукта, как наконечники стрел [Кузнецова, 1980, с. 161–162; Кузнецова, Курманкулов, 1993, с. 51].

Выводы

Исследование 580 бронзовых наконечников стрел из пяти погребений второй половины VI – второй половины IV в. до н.э. курганного могильника Кичигино I в Южном Зауралье, проведенное с использованием рентгенофлуоресцентного анализа, позволяет прийти к ряду выводов, имеющих предварительный характер.

Основу состава всех наконечников стрел составляла медь, кроме нее в металле присутствуют мышьяк, сурьма, свинец, олово, никель и висмут в разных пропорциях. Весь металл проанализированных наконечников стрел был разделен на 14 групп в зависимости от примесей и их количества. Исследование показало, что около середины IV в. до н.э. происходит смена источников поступления цветного металла ранним кочевникам степной зоны Южного Зауралья. В V – первой половине IV в. до н.э. почти весь металл шел из иткульского очага металлургии и металлообработки, который находился в горнолесной части Южного Зауралья. Металл, который поставляли «иткульцы», был представлен в абсолютном большинстве «чистой» медью: металлом без примесей или медью с незначительными добавками мышьяка. Небольшое количество металла в это время поступало, вероятно, с территории Южного Приуралья.

Стабильное и небольшое количество мышьяково-сурьмяных сплавов, скорее всего, связано с переработкой рудного сырья, содержащего высокие концентрации блеклых руд с примесями минералов висмута и нике-

ля. Судя по распространению такого типа сплавов, источник сырья находился в регионе Мугоджары – Южный Урал – Зауралье.

Постоянное присутствие сурьмяно-мышьяковых сплавов в наконечниках стрел курганов комплекса Кичигино I, а также в расположенных в этом же регионе Березовском кургане и кургане Смолино, указывает на постоянные связи Южного Зауралья с Волго-Камьем. Однако в памятниках ананьинской культуры Волго-Камского бассейна 83 % всех бронзовых изделий дополнительно легированы оловом [Кузьминых, 1983, с. 11], что указывает на большую доступность олова для населения волго-камского региона и их связи с более западными регионами-поставщиками сырья.

Во второй половине IV в. до н.э. появляется большое количество наконечников стрел, которые изготовлены из сплавов с примесью свинца и мышьяка, свинца, оловянно-мышьяково-свинцовой и оловянно-свинцовой бронзы. Источники части этого металла расположены, вероятно, к югу и юго-западу от Зауралья. Переход к новым источникам металла обусловлен двумя основными причинами. Во-первых, массовыми переселениями в IV в. до н.э. кочевого населения зауральской степи в Южное Приуралье и установлением тесных связей с населением Арало-Каспийского региона и Волго-Донских степей. Во-вторых, с постепенным затуханием в течение IV в. до н.э. иткульского очага металлургии и металлообработки, который в III в. до н.э. прекращает свое существование. Нехватка во второй половине IV в. до н.э. цветного металла, поставляемого иткульскими металлургами, возможно, привела также к вторичному использованию легированных оловом бронзовых изделий более раннего времени.

Результаты анализов свидетельствуют о том, что между формой наконечников стрел и составом их металла нет никакой зависимости. Наконечники одной формы могли изготавливаться из металла разного состава, и наоборот, из одного и того же металла изготавливались наконечники разных форм.

Судя по составу металла наконечников стрел, Южное Зауралье, Прикамье и Западный Казахстан были единым регионом в плане источников металла. Для них характерны высокие доли «чистой» меди и небольшое

количество сурьяно-мышьяковых сплавов. И напротив, оловянные лигатуры в них редки. Металл наконечников стрел других регионов – Алтая, Центрального, Южного Казахстана и Левобережного Поднепровья отличается высоким распространением оловянных лигатур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-00205 «Культура и общество ранних кочевников Южного Зауралья (по материалам могильника Кичигино I)».

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00205 “Culture and society of the Early nomads of the Southern Trans-Urals region (on the materials of the cemetery Kichigino I)”.

² Под Степной Евразией мы, вслед за А.А. Чибилевым с соавторами, «рассматриваем трансконтинентальное географическое пространство – мегарегион, охватывающий не только степную ландшафтную зону Европы и Азии, но и примыкающие к ней с севера и юга (по сути переходные) лесостепную и полупустынную (пустынно-степную) зоны» [Чибилев и др., 2019, с. 3].

³ Данный комплекс пополняет серию совместных находок клинкового оружия и ножей на Южном Урале, представленную в недавней работе Е.В. Вильдановой [Вильданова, 2021].

⁴ В более ранней статье Э.Ф. Кузнецовой приводятся несколько иные данные – из «чистой» меди изготовлено 70 % всех наконечников, из оловянной бронзы – 10 %, мышьяковой – 10 %, бронзы с комбинированным приплавом – 10 % [Кузнецова, 1980, с. 153].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Сводный состав наконечников стрел из могильной ямы 3 кургана 2

Table 1. Consolidated composition of the arrowheads. Grave 3, kurgan 2

Элемент	Концентрация	Среднее	Стандартное отклонение	N
Ni	0,1			1
As	<0,1–10,5	0,7	1,8	42
Sn	0,4–3,2	1,9	1,4	5
Sb	0,8–5,1	2,6	1,8	4
Pb	0,1–59,5	5,0	9,5	52
Сu без примесей				Не выявлен

Примечание. В таблицах 1–4 приведены разбросы содержаний элементов-примесей, которых в одном изделии может быть несколько, из-за чего сумма N выше, чем количество проанализированных изделий.

Таблица 2. Сводный состав наконечников стрел из могильной ямы 1 кургана 3

Table 2. Consolidated composition of the arrowheads. Grave 1, kurgan 3

Элемент	Концентрация	Среднее	Стандартное отклонение	N
Ni	0,1–0,4	0,2		3
As	<0,1–34,2	0,9	4,4	96
Sb	0,4–2,2	1,2		3
Pb	0,1–0,5	0,2		3
Bi	0,3			1
Сu без примесей				144

Таблица 3. Сводный состав наконечников стрел из могильной ямы 2 кургана 3

Table 3. Consolidated composition of the arrowheads. Grave 2, kurgan 3

Элемент	Концентрация	Среднее	Стандартное отклонение	N
Ni	0,1	0,1		2
As	<0,1–9,3	0,5	1,6	45
Sn	0,3			1
Sb	0,9–4,6	2,2		6
Pb	0,1–0,5	0,2		3
Bi	0,2–0,4	0,3		3
Сu без примесей				82

Таблица 4. Сводный состав наконечников стрел из могильной ямы 3 кургана 3

Table 4. Consolidated composition of the arrowheads. Grave 3, kurgan 3

Элемент	Концентрация	Среднее	Стандартное отклонение	N
Ni	0,1–0,2	0,1	0,05	10
As	<0,1–22,1	2,7	4,6	100
Sb	0,4–7,3	2,7	1,5	36
Pb	0,1	0,1	0,01	3
Bi	0,2–0,7	0,4	0,1	13
Сu без примесей				50

Таблица 5. Группы металла наконечников стрел могильника Кичигино I

Table 5. Metal groups of arrowheads from the Kichigino I burial ground

Группа металла	Характеристика	Количество (% от общего количества проанализированных наконечников в колчане)				
		Курган 2, могильная яма 3	Курган 3, могильная яма 1	Курган 3, могильная яма 2	Курган 3, могильная яма 3	Курган 4, центральное сооружение
I	Чистая медь без примесей		144 (60,0 %)	82 (63,1 %)	50 (33,1 %)	11 (84,6 %)
II	Sb + As (обычно >1 %) ± Pb, Ni, Bi (до 1 %)	4 (7,7 %)	3 (1,3 %)	6 (4,6 %)	36 (23,8 %)	
III	As обычно до 0,2 %, в отдельных случаях до 1 %		91 (37,9 %)	39 (30,0 %)	59 (39,1 %)	
IV	Pb + As до 1 %, в отдельных случаях выше	35 (64,3 %)				
V	Pb 1–10 %	8 (15,4 %)				
VI	Pb + As до 1 %		1 (0,4 %)		2 (1,3 %)	
VII	Sn ± Pb (до 0,2 %)			1 (0,8 %)		
VIII	Sn до 0,5 %					1 (7,7 %)
IX	Sn (до первых %) + As (до 0,2 %) + Pb (до 1,5 %)	3 (5,8 %)				
X	As > 10 %		1 (0,4 %)			
XI	Pb до 0,5 %			2 (1,5 %)	1 (0,6 %)	1 (7,7 %)
XII	Sn (>1 %) + Pb (>10 %)	2 (3,8 %)				
XIII	As > 2 % ± Ni до 0,1 %				2 (1,3 %)	
XIV	Ni до 0,1, As < 0,1				1 (0,6 %)	
<i>Итого</i>		52 (100 %)	240 (100 %)	130 (100 %)	151 (100 %)	13 (100 %)

Таблица 6. Морфология наконечников стрел из могильной ямы 1 кургана 3

Table 6. Morphology of the arrowheads. Grave 1, kurgan 3

Группа металла	BT, %	Орнаментированные от BT, %	CO, %	Орнаментированные от CO, %	CT, %	Орнаментированные от CT, %	CT-O, %	Орнаментированные от CT-O, %	Количество наконечников в группе металла
I	20,6	3,4	25,5	50,0	51,1	63,9	2,8	100	141
II	100								3
III	34,8		19,6	16,7	40,2	59,5	5,4	100	92
X	100								1
VI					100	100			1

Примечание. BT – с выступающей втулкой, трехлопастной; CO – со скрытой втулкой, трехлопастной с подтреугольным основанием; CT – со скрытой втулкой, трехлопастной; CT-O – со скрытой втулкой, трехлопастные с сильно развитым подтреугольным основанием; CTГ – со скрытой втулкой, трехгранные.

Таблица 7. Морфология наконечников стрел из могильной ямы 2 кургана 3

Table 7. Morphology of the arrowheads. Grave 2, kurgan 3

Группа металла	BT, %	CO, %	Орнаментированные от CO, %	CT, %	Орнаментированные от CT, %	CTГ, %	Количество наконечников в группе металла
I	83,8	8,8	28,6	6,3	40,0	1,3	80
II	100						6
III	76,2	16,7	28,6	4,8		2,4	42
X	100						1
XI	100						2

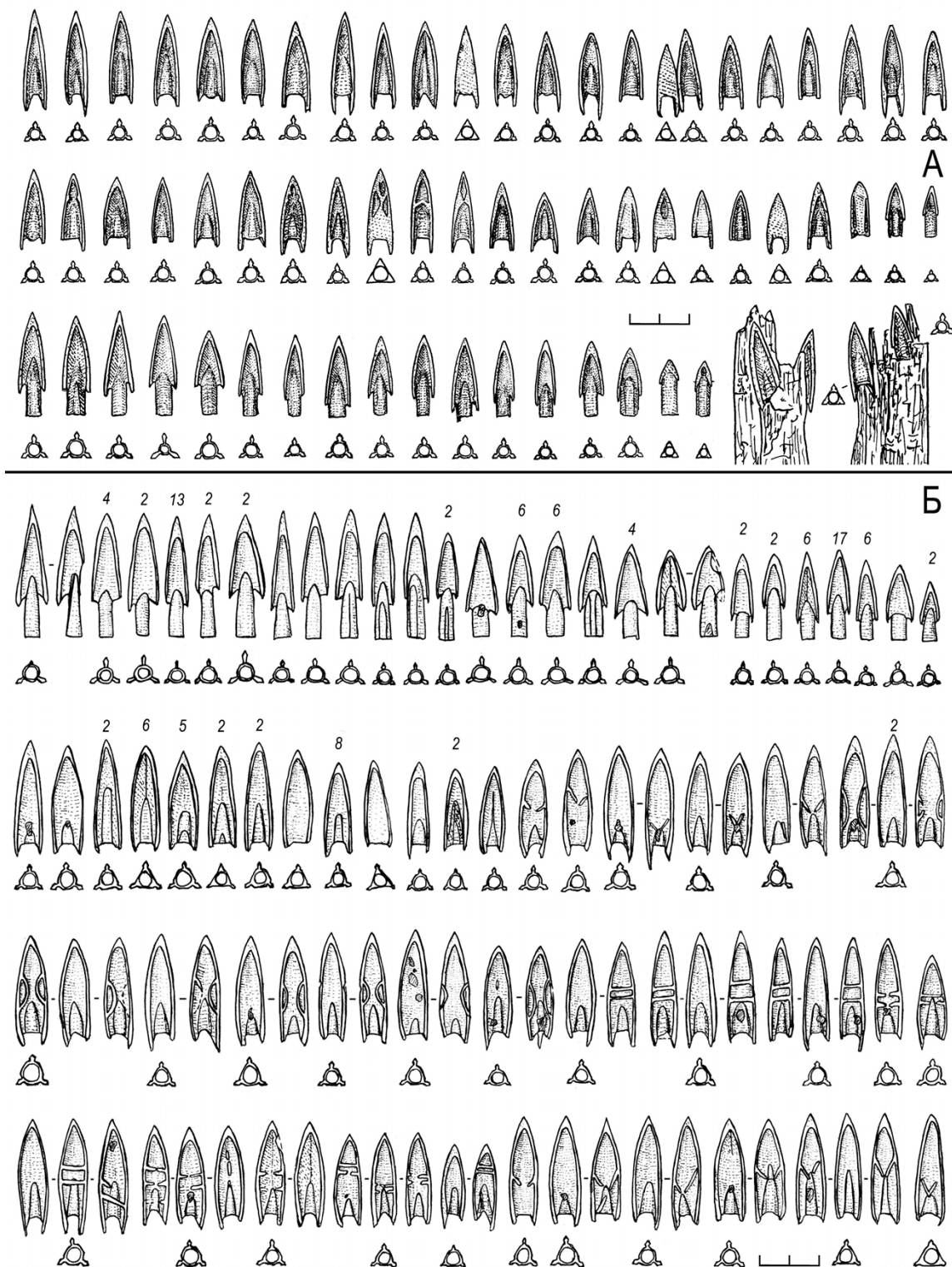

Рис. 1. Наконечники стрел из погребений кургана 2 и 3 могильника Кичигино I:

А – погребение в могильной яме 3 кургана 2; Б – погребение в могильной яме 3 кургана 3

Примечание. Число над наконечником стрелы указывает на количество идентичных экземпляров.

Fig. 1. Arrowheads from the graves of the kurgans 2 and 3 of the Kichigino I cemetery:

А – burial in a grave 3 of kurgan 2; Б – burial in a grave 3 of kurgan 3

Note. The digit above the arrowhead indicates the number of identical specimens.

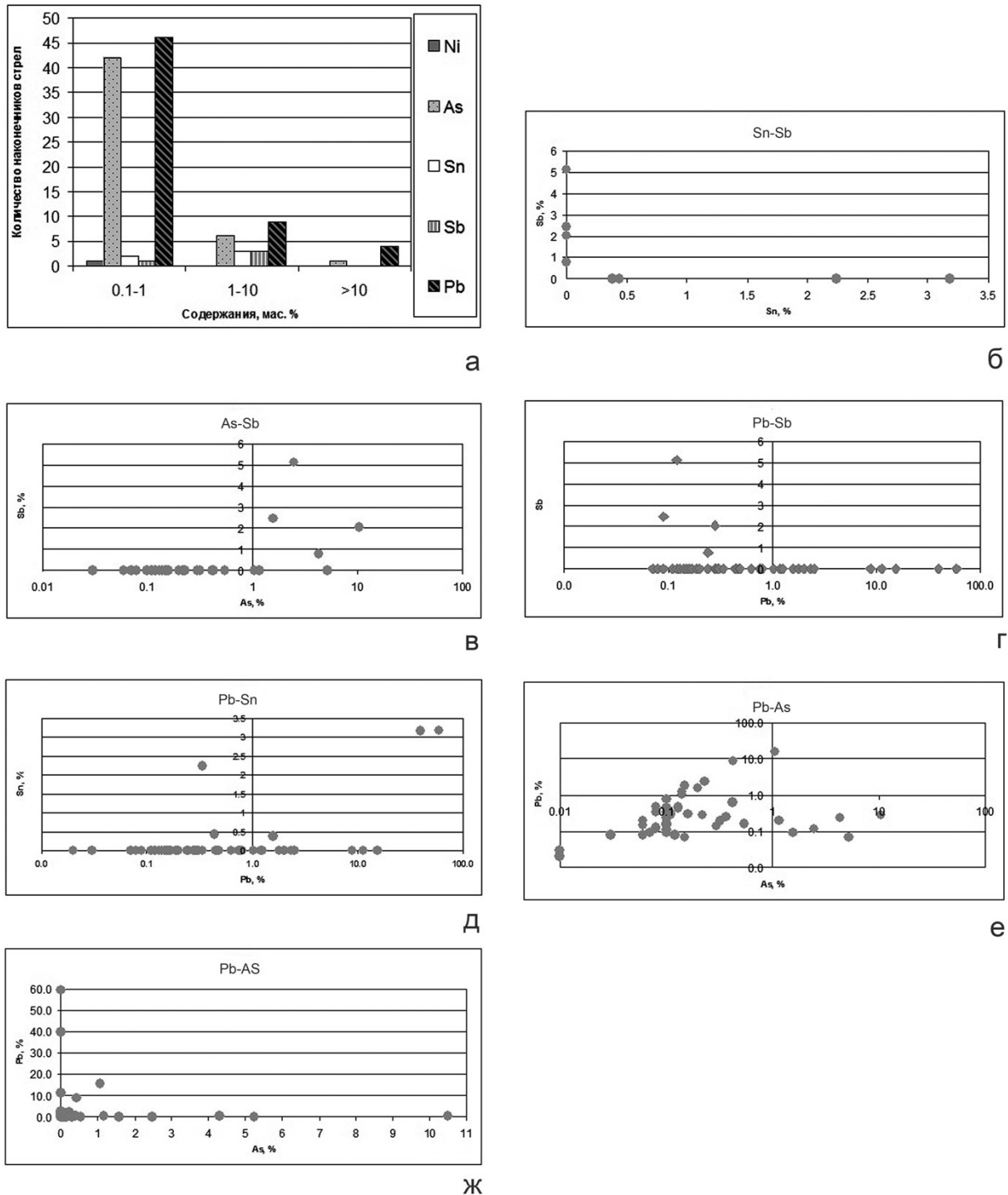

Рис. 2. Металл наконечников стрел из могильной ямы 2 кургана 3 могильника Кичигино I:

a – гистограмма распределения концентраций элементов в металле наконечников стрел; *б* – соотношения Sn и Sb в металле наконечников стрел; *в* – соотношения As и Sb в металле наконечников стрел, шкала абсцисс (As) логарифмическая; *г* – соотношения Pb и Sb в металле наконечников стрел, шкала абсцисс (Pb) логарифмическая; *д* – соотношения Pb и Sn в металле наконечников стрел, шкала абсцисс (Pb) логарифмическая; *е* – соотношения Pb и As в металле наконечников стрел, обе шкалы логарифмические; *ж* – соотношения Pb и As в металле наконечников стрел

Fig. 2. Metal of the arrowheads from the Kichigino I burial ground, mound 2, kurgan 3:

a – histogram of the distribution of the elements concentrations in the metal of the arrowheads; *b* – ratio of Sn and Sb in the metal of arrowheads; *c* – ratios of As and Sb in the metal of arrowheads, the abscissa scale (As) is logarithmic; *d* – ratio of Pb and Sb in the metal of arrowheads, the abscissa scale (Pb) is logarithmic; *e* – ratio of Pb and Sn in the metal of arrowheads, the abscissa scale (Pb) is logarithmic; *f* – the ratio of Pb and As in metal of arrowheads, both scales are logarithmic; *g* – ratio of Pb and As in the metal of arrowheads

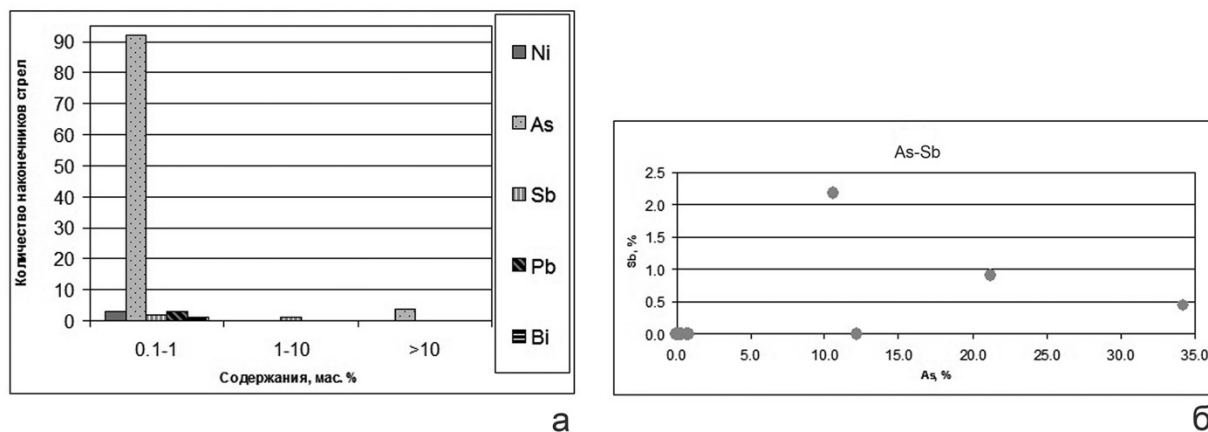

Рис. 4. Металл наконечников стрел из могильной ямы 1 кургана 3 могильника Кичигино I:

a – гистограмма распределения концентраций элементов в металле наконечников стрел;
b – соотношения As и Sb в металле наконечников стрел

Fig. 4. Metal of arrowheads from the Kichigino I burial ground, kurgan 3, grave 1:

a – histogram of the distribution of the elements concentrations in the metal of the arrowheads;
b – the ratio of As and Sb in the metal of arrowheads

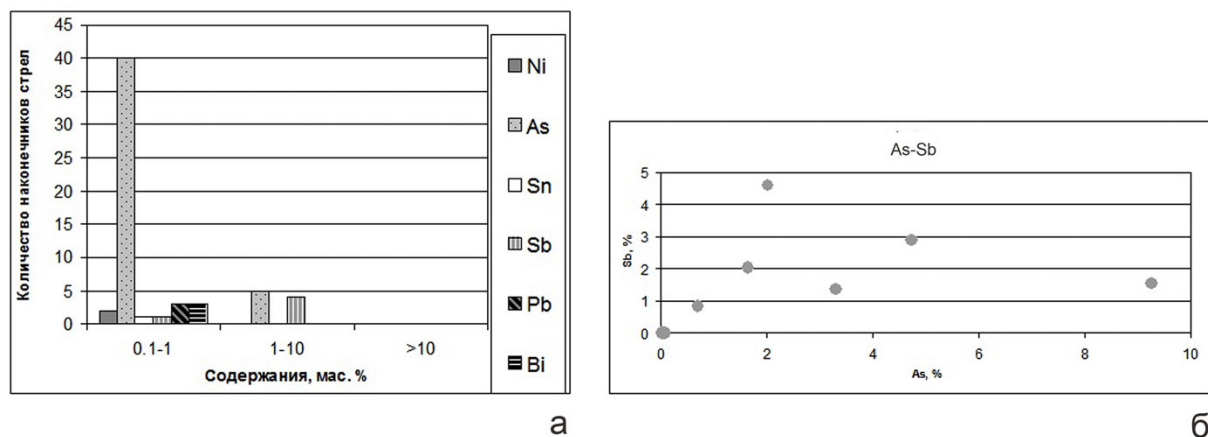

Рис. 5. Металл наконечников стрел из могильной ямы 2 кургана 3 могильника Кичигино I:

a – гистограмма распределения концентраций элементов в металле наконечников стрел;
b – соотношения As и Sb в металле наконечниках стрел

Fig. 5. Metal of arrowheads from the Kichigino I burial ground, kurgan 3, grave 2:

a – histogram of the concentrations of elements in the metal of the arrowheads;
b – the ratio of As and Sb in metal arrowheads

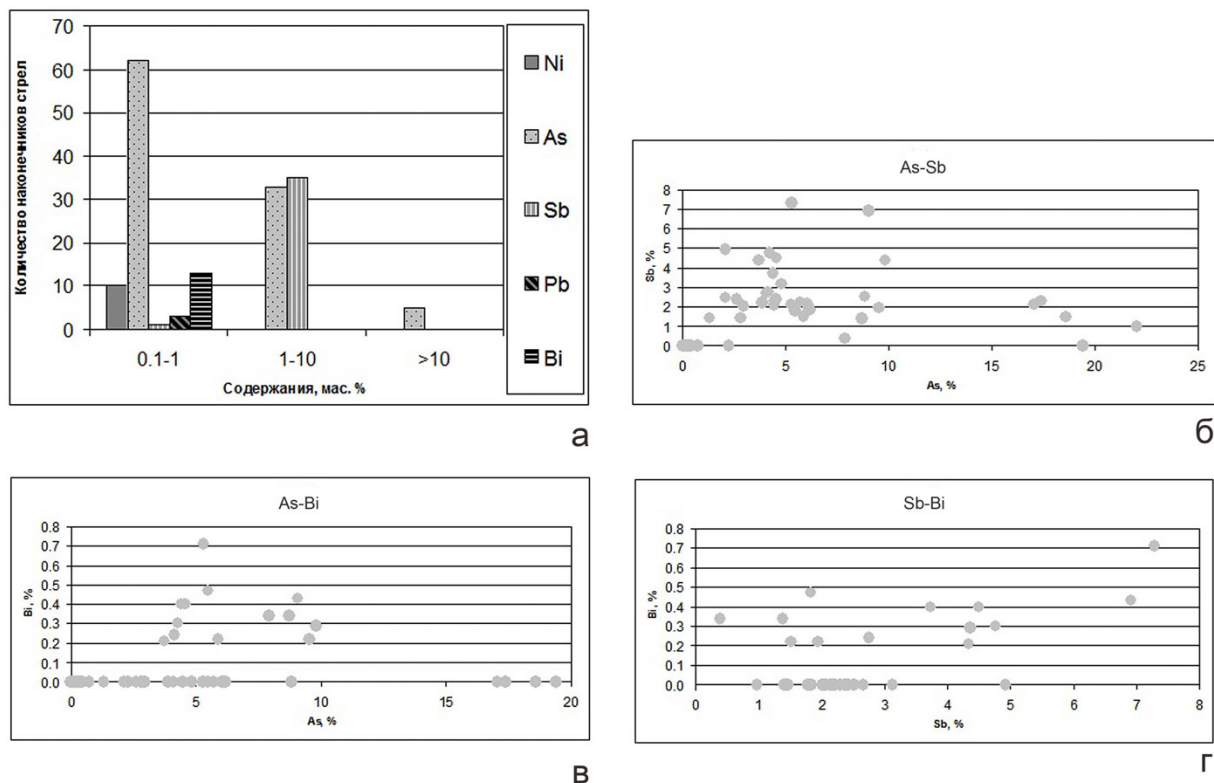

Рис. 6. Металл наконечников стрел из могильной ямы 3 кургана 3 могильника Кичигино I:
 а – гистограмма распределения концентраций элементов в металле наконечников стрел;
 б – соотношения As и Sb в металле наконечников стрел; в – соотношения As и Bi в металле наконечников стрел;
 г – соотношения Sb и Bi в металле наконечников стрел

Fig. 6. Metal of arrowheads from the Kichigino I burial ground, kurgan 3, grave 3:
 а – histogram of the distribution of the concentrations of elements in the metal of the arrowheads;
 б – the ratio of As and Sb in the metal of arrowheads; в – the ratio of As and Bi in the metal of arrowheads;
 г – the ratio of Sb and Bi in the metal of arrowheads

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барцева Т. Б., 1981. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. М. : Наука. 128 с.
- Барцева Т. Б., 1984. Результаты спектроаналитического изучения металлических вещей из кургана 4 у хут. Сладковский // Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. : Наука. С. 141–148.
- Барцева Т. Б., 1987. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : БашГУ. С. 65–83.
- Бельтикова Г. В., 1986. Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск : УрГУ. С. 63–78.
- Бельтикова Г. В., 1993. Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. С. 93–106.
- Бельтикова Г. В., 2002. Иткульский очаг металлургии: ориентация, связи // Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве. Уральский исторический вестник. № 8. Екатеринбург : Академкнига. С. 142–163.
- Блинов И. А., Анкушев М. Н., Яблонский Л. Т., Халяпина О. А., 2014. Состав золотых, серебряных и бронзовых изделий из могильника Филипповка I (курган 1, погребение 2) // Геоархеология и археологическая минералогия – 2014. Миасс : Ин-т минералогии УрО РАН. С. 84–92.
- Блинов И. А., Варфоломеев В. В., 2015. Состав бронзовых изделий из кургана 27 могильника Тегисжол (Каргандинская область, Казахстан) // Геоархеология и археологическая минералогия – 2015. Миасс : Ин-т минералогии УрО РАН. С. 136–142.
- Блинов И. А., Таиров А. Д., 2018. Состав бронз поселения Шибаво из подъемных сборов сезона 2017 г. // Геоархеология и археологическая минералогия – 2018. Миасс : Ин-т минералогии УрО РАН. С. 152–155.
- Блинов И. А., Таиров А. Д., Юминов А. М., 2017. Влияние способа чистки бронзовых изделий на результаты анализа РФА (на примере поясных обоев из кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье) // Геоархеология и археологическая минералогия – 2017. Миасс : Ин-т минералогии УрО РАН. С. 181–184.
- Варфоломеев В. В., 2011. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы. С. 315–324.
- Вильданова Е. В., 2021. Совместные находки ножей и мечей в погребальных комплексах ранних кочевников Южного Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (52). С. 33–41. DOI: <http://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-3>
- Виноградов Н. Б., Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В., 2013. Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье I // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (22). С. 4–30.
- Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье, 2013. Челябинск : Абрис. 482 с.
- Кузнецова Э. Ф., 1980. Состав металла наконечников стрел Казахстана сакско-савроматского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата : Наука КазССР. С. 152–165.
- Кузнецова Э. Ф., Курманкулов Ж. К., 1993. Бронзовые изделия из памятников савроматской культуры Западного Казахстана (данные спектрального анализа) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург : УИФ «Наука». С. 44–52.
- Кузьминых С. В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М. : Наука. 257 с.
- Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., 2015. Цветная металлообработка иткульской культуры : (Предварительные результаты аналитических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (31). С. 57–66.
- Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., 2017. Металлопроизводство иткульской культуры Среднего Урала (по аналитическим данным) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М. : ИА РАН. С. 18–35.
- Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., Тигеева Е. В., 2017. Металлопроизводство красноозерской и иткульской культур Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (39). С. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-037-050>

- Кузьминых С. В., Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., 2021. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа: серия 2017–2019 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 5. М. : ИА РАН. С. 104–128.
- Кузьминых С. В., Орловская Л. Б., 2017. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза): аналитические данные // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М. : ИА РАН. С. 63–166.
- Таиров А. Д., 2006. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V – IV в. до н.э. // Российская археология. № 1. С. 71–78.
- Таиров А. Д., 2019. Южный Урал в эпоху ранних кочевников // История Южного Урала : в 8 т. Т. 3. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ. 400 с.
- Таиров А. Д., 2020а. Мужские воинские погребения кургана 3 могильника Кичигино I // Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. № 1 (3) С. 182–196.
- Таиров А. Д., 2020б. Женские погребения кургана 3 могильника Кичигино I (Южное Зауралье) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре : в 3 т. Самара : СГСПУ. Т. II. С. 117–119.
- Таиров А. Д., Блинов И. А., 2019. Металл Первого Дауговского (Иткульского I) городища из коллекции Государственного исторического музея Южного Урала // Геоархеология и археологическая минералогия – 2019. Миасс ; Екатеринбург : ООО «ФортДиалог-Исеть». С. 125–128.
- Таиров А. Д., Богалов С. Г., Плешанов М. Л., 2008. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 139–145.
- Тишкин А. А., Кунгуров А. Л., Лихачева О. С., 2014. Рентгенофлуоресцентный анализ металлических наконечников стрел аржано-майэмирского времени с поселения Боровое-III (Верхнее Приобье) // Теория и практика археологических исследований. Т. 10, №2. С. 96–111.
- Черных Е. Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М. : Наука. 180 с.
- Черных Е. Н., Луньков В. Ю., 2009. Методика рентгено-флуоресцентного анализа меди и бронз в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 1. М. : ИА РАН. С. 78–83.
- Черных Е. Н., Луньков В. Ю., 2016. Рентгено-флуоресцентный метод анализа химического состава древних изделий из цветных металлов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М. : ИА РАН. С. 244–251.
- Чибилев А. А., Левыкин С. В., Щербакова Б. А., 2019. Степная Евразия: экологические риски природопользования от древних времен до наших дней // Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. № 4. С. 1–15. DOI: <http://doi.org/10.24411/2304-9081-2019-15010>
- Яблонский Л. Т., 2014. Золото ранних кочевников Южного Приуралья как исторический источник (по материалам могильника Филипповка 1) // Геоархеология и археологическая минералогия – 2014. Миасс : Ин-т минералогии УрО РАН. С. 81–84.
- Park J. S., Beisenov A., Voyakin D., 2020. The technological and social implication of the discriminated use of tin and arsenic noted in EIA copper-based objects of Central Kazakhstan // Archaeological and Anthropological Sciences. 12, 81. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-020-01036-y>
- Tishkin A. A., 2017. Metallic artifacts of Arjan-Mayemir period from the Altai territory: X-ray fluorescence analysis, cultural and chronological attribution // Теория и практика археологических исследований. Т. 17, № 1. С. 123–144.

REFERENCES

- Bartseva T.B., 1981. *Tsvetnaya metalloobrabotka skifskogo vremeni. Lesostepnoe dneprovskoe levoberezh'ye* [Non-Ferrous Metalworking of the Scythian Time. Forest-Steppe Dnieper Left Bank]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Bartseva T.B., 1984. Rezul'taty spektroanaliticheskogo izucheniya metallicheskih veshchey iz kurgana 4 u hut. Sladkovskiy [Results of a Spectroanalytical Study of Metal Objects from Kurgan 4 at the Khut. Sladkovsky]. *Smirnov K.F. Sarmaty i utverzhdenie ih politicheskogo gospodstva v Skifii* [Sarmatians and the Approval of their Political Dominance in Scythia]. Moscow, Nauka Publ., pp. 141-148.

- Bartseva T.B., 1987. Tsvetnoy metall iz Srednego Priishim'ya (po materialam Severo-Kazahstanskoy ekspeditsii) [Non-Ferrous Metal from the Middle Ishim Region (Based on Materials from the North Kazakhstan Expedition)]. *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Early Iron Age and the Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk, Bashkir University Publishing House, pp. 65-83.
- Beltikova G.V., 1986. Itkul'skoe I gorodishche – mesto drevnego metallurgicheskogo proizvodstva [Itkul I Settlement – a Place of Ancient Metallurgical Production]. *Problemy Uralo-Sibirskoy arheologii* [Problems of the Ural-Siberian Archeology]. Sverdlovsk, USU, pp. 63-78.
- Beltikova G.V., 1993. Razvitiye itkul'skogo ochaga metallurgii [Development of the Itkul Center of Metallurgy]. *Voprosy arheologii Urala* [Issues of Archeology of the Urals], iss. 21, pp. 93-106.
- Beltikova G.V., 2002. Itkul'skiy ochag metallurgii: orientatsiya, svyazi [Itkul Metallurgy Center: Orientation, Connections]. *Drevnie i srednevekovye kul'tury Urala v evraziyskom kul'turnom prostranstve. Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ancient and Medieval Cultures of the Urals in the Eurasian Cultural Space. Ural Historical Bulletin], no. 8. Yekaterinburg, Academkniga Publ., pp. 142-163.
- Blinov I.A., Ankushev M.N., Yablonskiy L.T., Khalyapina O.A., 2014. Sostav zolotykh, serebryanykh i bronzovykh izdeliy iz mogil'nika Filippovka I (kurgan 1, pogrebenie 2) [Composition of Gold, Silver and Bronze Items from the Filippovka I Burial Ground (Mound 1, Burial 2)]. *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya – 2014* [Geoarcheology and Archaeological Mineralogy – 2014]. Miass, Institute of Mineralogy UrB RAS, pp. 84-92.
- Blinov I.A., Varfolomeev V.V., 2015. Sostav bronzovykh izdeliy iz kurgana 27 mogil'nika Tegiszhol (Karagandinskaya oblast', Kazahstan) [Composition of Bronze Items from Burial Mound 27 of Tegiszhol Burial Ground (Karaganda Region, Kazakhstan)]. *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya – 2015* [Geoarcheology and Archaeological Mineralogy – 2015]. Miass, Institute of Mineralogy, UrB RAS, pp. 136-142.
- Blinov I.A., Tairov A.D., 2018. Sostav bronz poseleniya Shibaevo iz pod'emnykh sborov sezona 2017 g. [The Composition of the Bronzes of the Shibaevo Settlement from Survey Samples Season 2017]. *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya – 2018* [Geoarcheology and Archaeological Mineralogy – 2018]. Miass, Institute of Mineralogy, UrB RAS, pp. 152-155.
- Blinov I.A., Tairov A.D., Yuminov A.M., 2017. Vliyaniye sposoba chistki bronzovykh izdeliy na rezul'taty analiza RFA (na primere poyasnykh oboym iz kurgana 5 mogil'nika Kichigino I v Yuzhnom Zaural'e) [Influence of the Method of Cleaning Bronze Items on the Results of XRF Analysis (on the Example of Belt Clips from Mound 5 of the Kichigino I Burial Ground in the Southern Trans-Urals)]. *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya – 2017* [Geoarcheology and Archaeological Mineralogy – 2017]. Miass, Institute of Mineralogy, UrB RAS, pp. 181-184.
- Varfolomeev V.V., 2011. Tasmolinskoe pogrebenie s nabornym poyasom iz mogil'nika Tegiszhol [Tasmola Burial with a Type-Setting Belt from the Tegiszhol Burial Ground]. *Voprosy arheologii Kazakhstana* [Issues of Kazakhstan Archeology], iss. 3. Almaty, pp. 315-324.
- Vil'danova E.V., 2021. Sovmestnye nahodki nozhey i mechey v pogrebal'nykh kompleksakh rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Joint Finds of Knives and Swords in Burial Complexes of Early Nomads in the Southern Urals]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 1 (52), pp. 33-41. DOI: <http://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-3>
- Vinogradov N.B., Degtyareva A.D., Kuzminykh S.V., 2013. Metallurgiya i metalloobrabotka v zhizni obitateley ukreplennogo poseleniya Ust'e 1 [Metallurgy and Metalworking in the Life of the Inhabitants of the Fortified Settlement Ust'ye 1]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 3 (22), pp. 4-30.
- Drevnee Ust'ye: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e*, 2013 [Ancient Ustye: The Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk, Abris Publ. 482 p.
- Kuznetsova E.F., 1980. Sostav metalla nakonechnikov strel Kazakhstana saksko-savromatskogo vremeni [Composition of the Metal of Arrowheads of Kazakhstan in the Saka-Sauromat Time]. *Arheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazakhstana* [Archaeological Research of Ancient and Medieval Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Kazakh SSR Publ., pp. 152-165.
- Kuznetsova E.F., Kurmankulov Zh.K., 1993. Bronzovye izdeliya iz pamyatnikov savromatskoy kul'tury Zapadnogo Kazakhstana (dannye spektral'nogo analiza) [Bronze Items from the Monuments of the Sauromat Culture of Western Kazakhstan (Spectral Analysis Data)]. *Kochevniki uralo-kazahstanskih stepey* [Nomads of the Ural-Kazakh Steppes]. Yekaterinburg, UIF "Nauka" Publ., pp. 44-52.

- Kuzminykh S.V., 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke (med' i bronza)* [Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze)]. Moscow, Nauka Publ. 257 p.
- Kuzminykh S.V., Degtyareva A.D., 2015. Tsvetnaya metalloobrabotka itkul'skoy kul'tury: (Predvaritel'nye rezul'taty analiticheskikh issledovaniy) [Non-Ferrous Metalworking of the Itkul Culture: (Preliminary Results of Analytical Research)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 4 (31), pp. 57-66.
- Kuzminykh S.V., Degtyareva A.D., 2017. Metalloprodukcija itkul'skoy kul'tury Srednego Urala (po analiticheskim dannym) [Metal Production of the Itkul Culture of the Middle Urals (According to Analytical Data)]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical Research of the Laboratory of Natural Science Methods], iss. 4. Moscow, IA RAS, pp. 18-35.
- Kuzminykh S.V., Degtyareva A.D., Tigeeva E.V., 2017. Metalloprodukcija krasnoozerskoy i itkul'skoy kul'tur Tobolo-Ishim'ya [Metal Production of the Krasnozero and Itkul Cultures of the Tobolo-Ishimya]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 4 (39), pp. 37-50. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-037-050>
- Kuzminykh S.V., Lunkov V.Yu., Orlovskaya L.B., 2021. Rezul'taty rentgenofluorescentnogo analiza: seriya 2017–2019 gg. [Results of X-Ray Fluorescence Analysis: Series 2017–2019]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical Research of the Laboratory of Natural Science Methods], iss. 5. Moscow, IA RAS, pp. 104-128.
- Kuzminykh S.V., Orlovskaya L.B., 2017. Metallurgiya Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke (med' i bronza): analiticheskie dannye [Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze): Analytical Data]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Analytical Research of the Laboratory of Natural Science Methods], iss. 4. Moscow, IA RAS, pp. 63-166.
- Tairov A.D., 2006. Etnokul'turnye processy v stepyakh Yuzhnogo Urala vo vtoroy polovine V – IV v. do n. e. [Ethno-Cultural Processes in the Steppes of the Southern Urals in the Second Half of the 5th – 4th Centuries BC]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 71-78.
- Tairov A.D., 2019. Yuzhnyy Ural v epohu rannih kochevnikov [South Ural in the Era of the Early Nomads]. *Istoriya Yuzhnogo Urala: v 8 t.* [History of the South Ural. In 8 vols.], vol. 3. Chelyabinsk, SUSU. 400 p.
- Tairov A.D., 2020a. Muzhskie voinskie pogrebeniya kurgana 3 mogil'nika Kichigino I [Male Military Burials of Mound 3 of the Kichigino I Burial Ground]. *Arheologicheskoe nasledie. Antichnost'. Skify. Sarmaty* [Archaeological Heritage. Antiquity. Scythians. Sarmatians], no. 1 (3), pp. 182-196.
- Tairov A.D., 2020b. Zhenskie pogrebeniya kurgana 3 mogil'nika Kichigino I (Yuzhnoe Zaural'e) [Female Burials in Mound 3 of the Kichigino I Burial Ground (South Trans-Urals)]. *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Samare: v 3 t.* [Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara. In 3 vols.], vol. 2. Samara, SGSPU, pp. 117-119.
- Tairov A.D., Blinov I.A., 2019. Metall Pervogo Dautovskogo (Itkul'skogo I) gorodishcha iz kolleksii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya Yuzhnogo Urala [Metal of the First Dautovsky (Itkul'sky I) Settlement from the Collection of the State Historical Museum of the Southern Urals]. *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya – 2019* [Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2019]. Miass, Yekaterinburg, Fort Dialog-Iset LLC Publ., pp. 125-128.
- Tairov A.D., Botalov S.G., Pleshanov M.L., 2008. Issledovaniya kurgannogo mogil'nika Kichigino v 2007 godu (predvaritel'nye rezul'taty) [Research of the Kichigino Burial Mound in 2007 (Preliminary Results)]. *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete novejsih arheologicheskikh otkrytij»* [Early Nomads of the Volga-Ural Region. Proceedings of the International Scientific Conference “Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries”]. Orenburg, OSPU, pp. 139-145.
- Tishkin A.A., Kungurov A.L., Likhacheva O.S., 2014. Rentgenofluorescentnyy analiz metallicheskih nakonechnikov strel arzhano-mayemirskogo vremeni s poseleniya Borovoe-III (Verhnee Priob'e) [X-Ray Fluorescence Analysis of Metal Arrowheads of the Arzhan-Mayemir Period from the Borovoe-III Settlement (Upper Ob Region)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], vol. 10, no. 2, pp. 96-111.
- Chernykh E.N., 1970. *Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya* [The Most Ancient Metallurgy of the Urals and the Volga Region]. Moscow, Nauka Publ. 180 p.
- Chernykh E.N., Lun'kov V.Yu., 2009. Metodika rentgeno-fluorescentnogo analiza medi i bronz v laboratorii Instituta arheologii [Method of X-Ray Fluorescence Analysis of Copper and Bronze in the Laboratory of the Institute

- of Archeology]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvenno-nauchnykh metodov* [Analytical Research of the Laboratory of Natural Science Methods], iss. 1. Moscow, IA RAS, pp. 78-83.
- Chernykh E.N., Lun'kov V.Yu., 2016. Rentgeno-fluorescentnyy metod analiza himicheskogo sostava drevnih izdeliy iz tsvetnykh metallov [X-Ray Fluorescence Method for Analyzing the Chemical Composition of Ancient Non-Ferrous Metal Products]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodyh sotrudnikov)* [Interdisciplinary Integration in Archaeology (Based on Lectures for Graduate Students and Young Scientists)]. Moscow, IA RAS, pp. 244-251.
- Chibilev A.A., Levykin S.V., Shcherbakova B.A., 2019. Stepnaya Evraziya: ekologicheskie riski prirodopol'zovaniya ot drevnih vremen do nashih dney [Steppe Eurasia: Environmental Risks of Nature Management from Ancient Times to the Present Day]. *Byulleten' Orenburgskogo nauchnogo centra UrO RAN* [Bulletin of the Orenburg Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], no. 4, pp. 1-15. DOI: <http://doi.org/10.24411/2304-9081-2019-15010>
- Yablonskiy L.T., 2014. Zoloto rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya kak istoricheskiy istochnik (po materialam mogil'nika Filippovka 1) [Gold of the Early Nomads of the Southern Urals as a Historical Source (Based on Materials from the Filippovka 1 Burial Ground)]. *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya – 2014* [Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2014]. Miass, Institute of Mineralogy UrB RAS, pp. 81-84.
- Park J.S., Beisenov A., Voyakin D., 2020. The Technological and Social Implication of the Discriminated Use of Tin and Arsenic Noted in EIA Copper-Based Objects of Central Kazakhstan. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 12, 81. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-020-01036-y>
- Tishkin A.A., 2017. Metallic Artifacts of Arjan-Mayemir Period from the Altai Territory: X-ray Fluorescence Analysis, Cultural and Chronological Attribution. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], vol. 17, no. 1, pp. 123-144.

Information About the Authors

Ivan A. Blinov, Candidate of Sciences (Geology-Mineralogy), Researcher, South Urals Federal Research Center of Mineralogy and Geocology of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Ilmen Reserve Territory, Build 1, 456317 Miass, Russian Federation, ivan_a_blinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7397-4760>

Aleksandr D. Tairov, Doctor of Sciences (History), Director of the Scientific and Educational Center Eurasian Studies, South Ural State University (National Research University), Prosp. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation, tairov55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8575-0430>

Информация об авторах

Иван Александрович Блинов, кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник, Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии Уральского отделения РАН, Ильменский заповедник, корп. 1, 456317 г. Миасс, Российская Федерация, ivan_a_blinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7397-4760>

Александр Дмитриевич Таиров, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), просп. им. В.И. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация, tairov55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8575-0430>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.6>UDC 902“638”(470/5):903.023
LDC 63.442.7(2)Submitted: 01.12.2021
Accepted: 15.04.2022**SMALL MOLDED VESSELS FOR INCENSE FROM BURIALS
OF SOUTHERN SUBURAL NOMADS IN THE 4th – 2nd CENTURIES BC ¹****Vitaliy K. Fedorov**Institute R.G. Kuzeev for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to one of the categories of ceramic ware of the early nomads of the Southern Suburals. These are the small vessels with a slightly swollen body and high neck ornamented with vertical or oblique flutes or having no ornament. Finds of charred plant remains inside them, including *Datura*, indicate that such vessels were used for incense including aromatic smoke, obviously, with narcotic effect. A thick layer of carbon is found on the inner surface of the vessels. The burning of plants in vessels was carried out by placing “heating elements” into them – hot stones, fragments of ceramics and so-called “hammers”, often made of talc. Many of them show signs of having been on fire. Small vessels for incense appear in the Southern Urals in the 4th century B.C. and spread widely in the 3rd – 2nd century B.C. The tradition of burning plants, including narcotic ones (hemp), in special molded vessels – incense burners – was earlier revealed in the Middle Dniester region (Glinoye burial). The closest analogies of ornamentation and shape of the Southern Ural vessels for incense are found in the materials of the Prikuban and the Lower Don. We can assume that it was from these regions that the tradition of burning plants in vessels came to the Southern Urals, as well as the form and ornamentation of such small vessels. From the Southern Urals this tradition penetrated to the south, to Central Asia (Chirikrabort culture) and the north-east (“Ai-type” of the Sargat cultural community). It can be assumed that these vessels were used in purification rituals during the funeral rite.

Key words: Early Sarmatian Time, Southern Suburals, small ritual vessels, Incense Cups, talc “hammers”, burning plants for incense, *Datura*, purification ritual.

Citation. Fedorov V.K., 2022. Lepnye sosudiki dlya voskureniy iz pogrebeniy kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya IV–II vv. do n.e. [Small Molded Vessels for Incense from Burials of Southern Subural Nomads in the 4th – 2nd Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 119-134. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.6>

УДК 902“638”(470/5):903.023
ББК 63.442.7(2)Дата поступления статьи: 01.12.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022**ЛЕПНЫЕ СОСУДИКИ ДЛЯ ВОСКУРЕНИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ
ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ IV–II вв. до н.э.¹****Виталий Кимович Фёдоров**Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева,
Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена одной из категорий керамической посуды ранних кочевников Южного Приуралья. Это небольшие сосуды со слегка раздутым туловом и высоким горлом, украшенные вертикальными или наклонными каннелюрами, либо не имеющие орнамента. Находки внутри них обугленных остатков растений, в том числе дурмана, указывают на то, что эти сосудики применялись для воскурения, получения ароматного дыма, в том числе, очевидно, дыма с наркотическим эффектом. На внутренней поверхности сосудиков бывает обнаружен толстый слой нагара. Сожжение растений в сосудиках осуществлялось путем помещения в них «нагревательных элементов» – раскаленных камней, фрагментов керамики и так называемых «молоточков», часто изготовленных из талька. На многих из них зафиксированы следы пребывания в огне. Сосудики для воскурений появляются на Южном Урале в IV в. до н.э. и достаточно широко

распространяются в III–II вв. до н.э. Традиция сожжения в специальных лепных сосудах-курильницах растений, в том числе наркотических (конопли), была зафиксирована в Среднем Поднестровье (могильник Глиное). Ближайшие аналогии орнаментации и форме южноуральских сосудов для воскурений находятся в материалах Прикубанья и Нижнего Дона. Можно предполагать, что именно из этих регионов пришла на Южный Урал традиция сожжения растений в сосудах, равно как и форма, и орнаментация таких сосудов. С Южного Урала эта традиция проникла на юг, в Среднюю Азию (чирикратская культура) и северо-восток («айский тип» саргатской культурной общности). Можно предполагать, что такие сосуды применялись в ритуалах очищения в процессе погребального обряда.

Ключевые слова: раннесарматское время, Южное Приуралье, ритуальные сосуды, курильницы, тальковые «молоточки», воскуривание растений, дурман, очистительные ритуалы.

Цитирование. Фёдоров В. К., 2022. Лепные сосуды для воскурений из погребений кочевников Южного Приуралья IV–II вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 119–134. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.6>

Введение

Артефакты, о которых пойдет речь в статье, никогда ранее не объединялись в одну группу. Рассмотреть их в совокупности нас побудили опубликованные в 2010-е гг. работы, посвященные изучению лепных курильниц Северного Причерноморья [Меньшикова, 2012; Синика и др., 2014; Тельнов и др., 2016, с. 902–918]. В последних двух было обращено внимание на наличие в южноуральских древностях курильниц, которые вместе с северопричерноморскими могут генетически восходить к одному источнику.

Исследователи пришли к выводу, что в Северном Причерноморье курильницы появляются в IV в. до н.э. и получают наибольшее распространение в III–II вв. до н.э. Для большинства из них характерны вертикальные каннелюры по тулову – рельефные и прочерченные. Также отмечается наличие во многих случаях внутри курильниц камней, а в могильнике у с. Глиное в Среднем Поднестровье, где найдено большинство курильниц Северного Причерноморья, наряду с гальками были и иные материалы – комки обожженной глины, фрагменты керамики. Они применялись для сожжения органического содержимого курильниц, помещаясь в них в раскаленном виде, причем наиболее широкое использование в качестве растительного содержимого курильниц получила конопля [Тельнов и др., 2016, с. 912–913]. Исследователи пришли к выводу, что регионом, где курильницы с каннелированным туловом появились впервые, является Прикубанье, откуда они распространились на

запад – в Северное Причерноморье, и на восток – на Кавказ и далее до Южного Приуралья [Синика и др., 2014, с. 93; Тельнов и др., 2016, с. 915]. Последнее наблюдение для нас особенно интересно. Сколько-нибудь подробного рассмотрения южноуральских курильниц в названных исследованиях нет, имеется лишь отсылка к нескольким аналогиям. Необходимо более внимательно исследовать этот вопрос.

Приступая к совместному рассмотрению курильниц восточного и западного регионов их распространения, мы оказываемся в «терминологической вилке». Вслед за коллегами из западных регионов мы должны именовать эти сосуды курильницами, но не можем этого сделать. Исследователи ранних кочевников Южного Приуралья курильницами называют сосуды, совсем не схожие с курильницами из западных регионов [Мошкова, 1963, табл. 11; Смирнов, 1973; Гуцалов, 2004, табл. 24; Краева, 2017, с. 256–266]. Сосуды же, обнаруживающие такое сходство, к курильницам, как правило, не относят, даже если использование их в качестве курильниц не вызывает сомнений. Парадоксальность данной ситуации отметила известный специалист по керамике Южного Урала Л.А. Краева: «Описание такой керамики должно производиться по алгоритму описания обычного сосуда и только при достаточно веской аргументации высказываться мнение об использовании его в качестве курильницы, чтобы не вносить путаницу в терминологию» [Краева, 2015, с. 92; 2017, с. 250]. Во избежание терминологической путаницы мы будем называть их со-

судиками для воскурений, хотя это синоним «курильницы».

Сосудики с каннелюрами

Из южноуральского региона авторы работ о курильницах Северного Причерноморья привели сосудики из погребений 4 и 5 кургана 9 могильника Лебедевка V и погребения 10 кургана 8 могильника Покровка-2 [Синика и др., 2014, с. 93, рис. 17,10,11; Тельнов и др., 2016, с. 913, 915]. Основанием для отнесения этих сосудиков к курильницам стали, прежде всего, каннелюры на тулове. Для уникального «трехногого» сосуда из погребения 5 кургана 9 Лебедевки V (рис. 1,2) авторы отметили находку рядом с ним нескольких камешков, что, по их мнению, позволяет считать этот сосуд курильницей, хотя о размере пяти галек округлой формы, найденных рядом с ним в числе прочих предметов (бус и т. д.), в публикации ничего не сказано [Железчиков и др., 2006, с. 14, рис. 28,1]. Гальки, которые находят в сарматских погребениях Южного Урала, обычно просто лежат в кучках вдалеке от сосудов, изредка рядом с ними, но практически никогда внутри них, к тому же они бывают достаточно крупными для того, чтоб могли быть помещены в небольшой сосуд. Поэтому находка камней рядом с сосудиком не может однозначно свидетельствовать в пользу того, что это курильница. Впрочем, этот сосудик считает курильницей и С.Ю. Гуцалов [Гуцалов, 2004, табл. 24,9], видимо, из-за его необычной формы. Маленький горшочек из погребения 4 кургана 9 Лебедевки V (рис. 1,1) орнаментирован «полотенчиками», которые являются типично сарматским декором керамики, наносившимся на сосуды разных типов и размеров [Железчиков и др., 2006, с. 14, рис. 25,1]. Для отнесения его к курильницам, на наш взгляд, оснований недостаточно. Лебедевские погребения разновременные, более ранним является погребение 5 – IV в. до н.э., а впущенное в него погребение 4 – не ранее III в. до н.э. [Железчиков и др., 2006, с. 41].

Что же касается сосуда из погребения 10 кургана 8 могильника Покровка II, аргументы для этого более чем основательны – он имел внутри толстый слой нагара и три фрагмента обточенных донцов от лепных сосудов

[Яблонский и др., 1995, с. 38–39, рис. 61,2–5]. Отметим, что в отличие от сосудиков из Лебедевки он действительно обнаруживает большое морфологическое сходство с курильницами Северного Причерноморья (особенно с сосудами из могильника у с. Глиное), его вообще можно рассматривать как грубоватую реплику такой курильницы. Погребение датировано «раннесарматским временем» [Яблонский и др., 1995, с. 39].

Рассмотрим еще несколько сосудиков, которые могут быть сопоставлены с курильницами Северного Причерноморья. Отбор этих сосудиков среди множества других осуществлен нами по нескольким параметрам – сравнительно небольшой размер, вертикальные каннелюры на тулове, нанесенные разными способами, но главное, на что обращалось внимание, – нагар на внутренней поверхности, находки внутри камней, кусков глины и изделий из нее, наличие в заполнении обугленных остатков растений. Ни в одном случае нет соединения всех этих пяти признаков в одном сосудике, они присутствуют в них в количестве от четырех до двух, причем только последние три являются действительно значимыми.

Начнем обзор с сосудиков, в которых обнаруживается морфологическое сходство с причерноморскими курильницами. Форма, пропорции и каннелированная поверхность тулова позволяют ввести в их число сосудики из погребения 3 кургана 5 могильника Бердянка V (рис. 1,3) и погребения 1 кургана 1 могильника Покровка 7 (рис. 1,4) [Моргунова, Мещеряков, 1999, рис. 9,7; Яблонский и др., 1996, рис. 26,7]. У первого из этих сосудиков каннелюры рельефные, у второго – прочерченные. Функционирование могильника Бердянка V авторы относят к III–II вв. до н.э. [Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 133]. Датировка погребения из Покровки 7 у авторов публикации неопределенная – «прохоровским (раннесарматским) временем» [Яблонский и др., 1996, с. 23]. Находка в этом погребении костяного зооморфного навершия гребня [Яблонский и др., 1996, рис. 26,6] позволяет уточнить датировку, они характерны для погребений III–II вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 101]. Таким образом, погребения с сосудиками из Бердянки V и Покровки 7 относятся к тому же хро-

нологическому горизонту, что и большинство курильниц с каннелюрами из западных регионов, причем наибольшее сходство находим среди курильниц Нижнего Дона – Елизаветовского городища и грунтового некрополя Танаиса с рельефными и прочерченными каннелюрами (рис. 1,5–10) [Меньшикова, 2012, рис. 1; Синика и др., 2014, рис. 16].

Сосудики с нагаром, сгоревшими растительными остатками и «нагревательными элементами»

Морфологическое сходство сосудиков из Лебедевки V, Бердянки V и Покровки 7 с курильницами западных регионов очевидно, но считать их функциональное назначение тем же, то есть именно для воскурения разного рода растительных агентов, оснований все же недостаточно. Строго говоря, с наибольшей вероятностью к предназначенным для воскурений можно отнести только сосудики, в заполнении которых найдены остатки сожженных растений, внутренняя поверхность имеет слой нагара, а также те, в которых найдены камни и керамические предметы. Причем безотносительно того, имеют они на тулове каннелюры или нет.

Самый большой слой нагара, достигающий толщины 3–4 мм, Л.А. Краева отметила у трех сосудиков, которые и по другим параметрам попадают в группу предназначенных для воскурений – из погребения 10 кургана 8 могильника Покровка-2, погребения 4 кургана 9 Шумаевского II могильника и погребения 2 кургана 4 могильника Прохоровка [Краева, 2015, с. 92, рис. 1,4–6].

Сосудик из погребения 10 кургана 8 могильника Покровка-2, с косыми бороздами на тулове и тремя фрагментами донцев лепных сероглиняных сосудов, края которых были обточены (рис. 2,1,а–с), внутри [Яблонский и др., 1995, с. 38–39, рис. 61,2–5], как мы уже отметили, привлек внимание авторов работ о курильницах Северного Причерноморья, они упоминали его неоднократно [Синика и др., 2014, с. 93; Тельнов и др., 2016, с. 913, 915]. Содержимое сосудика было в свое время исследовано Я.Г. Рысковым и В.А. Демкиным, которые по содержанию в нем фосфатов установили, что в сосудик была налита вода. Об-

работанные же фрагменты керамики, которые находились в нем, «по-видимому, использованы как охлаждающий элемент» [Рысков, Демкин, 1995, с. 62–63]. Едва ли это так. Позже Л.А. Краевой было констатировано наличие на внутренней поверхности сосудика толстого слоя нагара [Краева, 2015, с. 92], который указывал на сожжение чего-то в сосудике. Вероятнее всего, это были растительные агенты, что подтверждается содержимым другого сосудика, имеющего такой же толстый слой нагара на внутренней поверхности.

Сосудик из погребения 4 кургана 9 Шумаевского II могильника, которое датировано авторами концом IV – первой половиной II в. до н.э., с высоким каннелированным горлом, четырьмя шишечками-налепами в верхней части тулова и вертикально прочерченными линиями по тулову, имел внутри тальковый «молоточек» (рис. 2,2,а) [Моргунова и др., 2003, с. 129, 131, 173, рис. 83,2,3]. В заполнении же А.А. Гольевой было обнаружено обилие обугленных стеблей трав или тонких годичных веточек кустарников, которые сжигались внутри сосудика, но это не конопля [Моргунова и др., 2003, с. 218]. Вообще же, ранние кочевники южноуральских степей коноплю использовали, ее остатки встречены в погребении 3 кургана 7 Шумаевского I могильника, но не в сосуде, а в колчане [Моргунова и др., 2003, с. 217]. Несомненно, что традиция воскурения наркотических растений путем помещения их в сосуды вместе с раскаленными камнями у ранних кочевников Южного Приуралья имела, но не всегда следы ее были надежно зафиксированы. Собственно говоря, это было сделано лишь единожды.

В неорнаментированном сосудике из погребения 5 кургана 8 могильника Покровка-2 вместе с тремя сверленными камнями («молоточками») и «куском глиняной обмазки» (рис. 2,3,а–б) [Яблонский и др., 1995, с. 35, рис. 57,4,8,10] найдены обугленные семена (коробочки) дурмана (определение сделано кандидатом биологических наук А.М. Ермолдаевым) [Рысков, Демкин, 1995, с. 62–63]. «Не вызывает сомнения, что их обугленность носит не естественный характер, а явилась результатом воздействия кратковременного огня, затем погашенного... Дурман обладает лекарственными, слабо наркотическими свой-

ствами, при вдыхании летучей фракции (при горении) расширяет сосуды и облегчает дыхание. Можно полагать, что именно для этих целей он и был использован в погребении, вероятно в сочетании с другими травами, которые в сосуде не сохранились» [Рысков, Демкин, 1995, с. 62–63]. У Феофраста о дурмане сказано: «От одной его драхмы человек придет в прекрасное настроение и покажется себе первым человеком в мире; от двух обезумит и ему станут чудиться видения; от трех, с прибавкой, говорят, еще василькового сока, он обезумит неизлечимо; от четырех умрет» (Исследование о растениях, IX, 11, 6) [1951, с. 293, 510]. Захоронение датируется «раннесарматским временем» [Яблонский и др., 1995, с. 36]. Неорнаментированных курильниц в Северном Причерноморье найдено немного. Так, в могильнике у с. Глиное из 80 курильниц не орнаментировано всего две [Тельнов и др., 2016, с. 915–916, рис. 148,6, 335,1]. Они есть также в Крыму [Синика и др., 2014, рис. 11,1–8], где недавно в кургане Холодная Гора I найден еще один экземпляр с камнями внутри [Шульга и др., 2018, с. 429, рис. 22,9].

В погребении 2 кургана 4 могильника Прохоровка два каменных «молоточка» найдены внутри неорнаментированного сосудика, внутренняя поверхность которого покрыта толстым слоем нагара (рис. 2,4,а–б) [Яблонский, 2010, с. 27–28, рис. 25,2,5; Краева, 2010, с. 241]. Четыре молоточка² найдены внутри сосудика из погребения 4 кургана 1 могильника Бараково-1, внешняя поверхность которого была покрыта наклонными каннелюрами (рис. 2,5,а–д). Авторы датируют курган IV–III вв. до н.э. [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 38–39, рис. 12,4–8].

«Молоточки»

В южноуральских сосудиках не найдено галек, а только фрагменты керамики и «молоточки» – керамические и каменные. Могли ли «молоточки» служить для сжигания растительных агентов внутри сосудиков? Керамические в раскаленном виде – определено, каменные, вероятно, тоже. Во всяком случае, в сосудике из Покровки-2 с обугленными коробочками дурмана находилось

три «молоточка», один «молоточек» найден в сосудике с обилием сгоревших стеблей из Шумаево.

Порода камня, из которой сделаны «молоточки» Покровки-2 и Прохоровки – мусковит-серицитовый сланец, тальк-хлорит-слюдистый сланец и песчаник граувакковый [Аникеева, 1995, с. 72; 2010, с. 325–326]. Археологи чаще всего называют их тальковыми. Тальк очень мягок (около 1 по шкале Мооса), отличается огнеупорностью, и, будучи прокален, приобретает значительную твердость (до 6) [Бетехтин, 2007, с. 581]. С древних времен он применялся в процессах, связанных с высокими температурами – начиная с эпохи энеолита из него делали литейные формы [Сериков, 2011, с. 126], а в новейшее время – для футеровки металлургических печей, топков паровозов и др. [Бетехтин, 2007, с. 583]. Может быть, у ранних кочевников «молоточки» использовались для поддержания высокой температуры – будучи раскалены, они обеспечивали продолжительное воскурение растительных агентов в сосудиках. А.Х. Пшеничнюк, описывая находки «молоточков», отметил, что «на некоторых экземплярах заметны следы сажи» [Пшеничнюк, 1983, с. 115]. Просмотр материалов в фондах МАЭ показал, что это действительно так. У «молоточка» из погребения 8 кургана 11 могильника Бишунгарово [Пшеничнюк, 1983, табл. XX,6], сделанного из светло-серого талькового камня, поверхность стала угольно-черной (рис. 3,5). В погребении 3 кургана 3 того же могильника четыре «молоточка» находились внутри сосудика (рис. 2,6,а–д) [Пшеничнюк, 1983, табл. XIII,12–15,20], в неровностях их поверхности сохранилась черная и жирная сажа (рис. 3,1–4). Внутренняя поверхность дна сосудика покрыта слоем нагара. Может быть, в сосудике с дурманом из Покровки-2 неполная обугленность его коробочек объясняется не тем, что огонь был погашен, как предполагают авторы, а естественным остыванием «молоточков» и куски глиняной обмазки.

Половинка молоточка из талькового сланца была найдена в погребении 1 кургана 20 могильника Новый Кумак, датирующемся IV – началом III в. до н.э., в кучке так называемых «ритуальных камней» [Мошкова, 1972, с. 32, 44, рис. 1,1а]. Эти камни в погре-

бениях всегда находят обгорелыми, закопченными, их назначение неизвестно, но нельзя исключать их использование в тех же целях. В кургане 18 могильника Кырык-Оба II 100 черных галек «лежали среди рыхлых мелких фрагментов лепного сосуда и потому можно предположить, что все они находились в горшке» [Гуцалов, 2010, с. 58]. Случай этот не очень ясный – ни керамика, ни камни не опубликованы.

В Кадыровском IV кургане на северо-востоке Башкирии найден сосудик с шестью округлыми камнями (два из них были тальковые), со следами копоти и какого-то жирного органического вещества черного цвета (рис. 4,5,а–f). Курган относится к памятникам так называемого «айского типа» лесостепной саргатской общности и датируется концом IV в. до н.э. Г.Н. Гарустович видел в материалах этого кургана проявления савромато-сарматского влияния на лесостепные культуры [Гарустович, 2009]. Но в савромато-сарматских древностях Южного Приуралья находка галек в сосуде – явление практически неизвестное. Мы можем назвать только один достоверный случай такого рода, который заслуживает специального рассмотрения.

Сосуд с камнями из могильника Челкар III в Западном Казахстане

В погребении 2 кургана 5, внутри массивного плоскодонного, овального в плане горшка с круглым устьем без горловины и двумя крыловидными ручками-уступами (рис. 4,1,1,а), находилось 6 окатанных галек неправильной формы [Мошкова, Кушаев, 1973, с. 266, рис. 1,б]. Это единственный сосуд подобной формы, известный нам в Южном Приуралье. К сожалению, в публикации ничего не сообщается о наличии нагара на стенках сосуда и следов огня на камнях (не говоря уже о растительных остатках в заполнении сосуда), но отнесение этой находки к той же традиции весьма вероятно.

Уникальная для Южного Урала форма сосуда вызвала затруднения с его культурной атрибуцией и датировкой у авторов публикации. Никаких близких аналогий ему им подобрать не удалось. Тем не менее некоторые

параллели ему были приведены. Особенно интересен горшочек, найденный в могиле, впущенной в квадратное погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат. Он имеет выраженную горшочную форму с раздутым туловом и высоким горлом. Посередине тулова его опоясывает орнаментированный косыми насечками валик, с двух сторон он оттянут, с образованием горизонтальных ручек треугольной формы, в центре каждой ручки имеется отверстие. Как видим, морфология сосуда достаточно сильно отличается от челкарского. Интересно, однако, что внутри его найдено три сверленных каменных «грузила» и одно костяное (?), на рисунке изображены три предмета, более всего напоминающие «молоточки» (рис. 3,б). Датировано погребальное сооружение III–II вв. до н.э. [Лоховиц, 1963, с. 217–220, рис. 3]. Кроме того, в статье, где рассматривается челкарский комплекс, приведены сведения о неопубликованных небольших горшочках с ручками-уступами, найденных в погребальных сооружениях Жаны-Дарьи III–II вв. до н.э., о которых нам сказать нечего, а также круглодонные чаши с ручкой-выступом из усуньских погребений долины р. Или, совершенно не похожие на челкарский сосуд [Акишев, Кушаев, 1963, табл. VII,5,10,11]. Приаральско-илийские параллели, приведенные публикаторами, по их собственному признанию, имели лишь «некоторую схожесть», «весьма отдаленную степень близости», и, тем не менее, они по этим аналогиям отнесли челкарский комплекс к III–II вв. до н.э. [Мошкова, Кушаев, 1973, с. 266], хотя другие факты указывали на более раннюю дату. Всего в могиле было найдено 5 сосудов, из них три «довольно стандартны по формам, невыразительны хронологически». Еще один, самый большой, со следами неглубоких ямок под горлом и посередине тулова «отличается архаичностью облика» [Мошкова, Кушаев, 1973, с. 266].

С.Ю. Гуцалов обратил внимание на так называемые «рогатые» сосуды (или сосуды с роговидными ручками) красноярского варианта тагарской культуры [Николаев, 1980, с. 242, рис. 2,1,2] и такие же сосуды в выделенной А.И. Мартыновым лесостепной тагарской культуре [Мартынов, 1979, с. 61, табл. 26], сопоставил их с челкарским сосудом и дати-

ровал погребение с ним концом VI – V в. до н.э. [Гуцалов, 2004, с. 34–35]. Эти сосуды действительно очень похожи, но предложенная С.Ю. Гуцаловым датировка погребения не может быть обоснована тагарскими аналогиями. Красноярский вариант был отнесен Р.В. Николаевым к II стадии тагарской культуры по С.В. Киселеву или сарагашенскому этапу по М.П. Грязнову [Николаев, 1980, с. 240], которые, как известно, датированы ими V–III вв. до н.э. [Членова, 1992, с. 207]. Ко второй половине тагарской эпохи (IV–III вв. до н.э.) отнесла красноярский вариант Н.Л. Членова [Членова, 1992, с. 209]. Утверждение С.Ю. Гуцалова, что «такие сосуды есть в погребениях большепичугинского этапа» лесостепной тагарской культуры, безосновательно – А.И. Мартынов ничего не пишет о том, к какому этапу относятся сосуды с роговидными ручками, при характеристике этого этапа (VI–V вв. до н.э.) он также не упоминает о таких сосудах. Об их датировке из книги А.И. Мартынова можно судить лишь по косвенным данным. Так, он приводит устное сообщение М.Г. Мошковой о том, что «один такой сосуд... известен из сарматских погребений по р. Урал» [Мартынов, 1979, с. 61]. Конечно, речь идет о челкарском сосуде, датированном ею, как мы знаем, III–II вв. до н.э. Интересно наблюдение А.М. Мартынова, что сосудам с роговидными ручками очень близка по форме керамика скифских поселений IV–III вв. до н.э. [Мартынов, 1979, с. 61].

Обращение к западным аналогиям небезосновательно, такие сосуды есть в Северном Причерноморье и на Кубани, и, по меньшей мере, в одном из них также найдены камни. В погребении № 287з могильника Старокорсунского городища № 2 на Кубани найден черноглиняный сосуд с ручками-выступами и пятью гальками внутри (рис. 4,2). По гераклейской амфоре оно датируется второй-третьей четвертью IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 1997, с. 81–82, рис. 1,5]. В погребении 60 грунтового могильника IV Новолабинского городища, относящегося к IV–III вв. до н.э., найдена сферическая курильница, на противоположных сторонах которой в верхней трети сосуда два налепа треугольной формы (рис. 4,4) [Раев, Беспалый, 2006, с. 37, табл. 35,6]. Она весьма схожа по форме с чел-

карским сосудом, комплекс с которым следует датировать, по всей вероятности, тем же временем.

Из Прикубанья сосуды этого типа проникли и на запад. С поселения ольвийской хоры Козырка 2 второй половины IV – первой трети III в. до н.э. происходит сосуд с загнутым внутрь краем и двумя ручками в виде горизонтальных уплощенных налепов (рис. 4,3) [Доманский, Марченко, 1980, рис. 10,2].

Эти сосуды сопоставимы с челкарским по форме и размерам, а находка в одном из них галек делает предположение об их генетической связи еще более убедительным. Таким образом, с Кубани в западном и восточном направлении распространились сосуды с роговидными ручками. Очевидно, что с Южного Урала они попали на юг – в Среднюю Азию. Сосуд с «молоточками» из Чирик-Рабата – такое же свидетельство связей чирикратской культуры с прохоровской, как и костяные гребни, ложечки и бронзовые зеркала [Вайнберг, Левина, 1992, с. 60, табл. 13,13,15].

Остальные южноуральские сосудики для воскурений не обнаруживают морфологического сходства с курильницами Прикубанья. Гораздо ближе они курильницам Нижнего Подонья с рельефными и прочерченными каннелюрами, а также неорнаментированным. В целом западное их происхождение более чем вероятно.

Заключение

В результате проведенного исследования выяснено следующее:

1. В южноуральских раннекочевнических древностях имеется особый класс сосудиков, предназначенных для воскурений растительных агентов. Они появляются в IV в. до н.э. как инокультурное явление и получают достаточно широкое распространение в III–II вв. до н.э. Это вытянутые сосудики со слегка раздутым туловом, суженным горлом и уплощенным дном. Орнаментированы по большей части вертикальными каннелюрами рельефными и прочерченными, некоторые без орнамента.

2. Воскурение осуществлялось путем помещения в сосудик растительных агентов вместе с раскаленными «нагревательными элементами», в качестве которых первоначаль-

чально выступали гальки, а затем каменные и керамические «молоточки», а также фрагменты керамических изделий.

3. Воскурение оставляло нагар на дне и стенках сосудов, в двух случаях удалось зафиксировать остатки сгоревших растений, в одном не идентифицированные, в другом – плоды (коробочки) дурмана. Целью воскурений были, вероятно, обряды очищения, возможно – получение наркотического опьянения.

4. Явление не имеет корней в предшествующее время и привнесено извне. Ближайшая и самая полная аналогия самой сути явления – курильницы могильника у с. Глиное в Среднем Поднестровье с обожженными гальками и фрагментами керамики внутри, а также с остатками горевшей конопли и других растений. Ближайшие аналогии форме и орнамента южноуральских сосудиков для воскурений находятся среди курильниц Нижнего Подонья и Прикубанья, с данными регионами, по всей вероятности, следует связывать и их появление на Южном Урале.

5. Зафиксированы следы проникновения этой традиции из Южного Приуралья в другие регионы – на юг (чирикратская культура) и северо-восток (так называемый «айский тип»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания № 122031400062-7 ИЭИ УФИЦ РАН на 2022–2024 гг. «Историко-культурное наследие Южного Урала и Приуралья: изучение, сохранение и музеефикация».

The project is funded on the topic №122031400062-7 “Historico-cultural heritage of Southern Ural and Pre-Ural: study, preservation, museumification” Institute R.G. Kuzeev for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

² В публикации комплекса сказано, что «молоточки» керамические. Обращение к коллекции находок из Бараково, хранящейся в фондах МАЭ, показало, что только один «молоточек» керамический (рис. 2,5,d), остальные каменные, по всей видимости, тальковые.

ПРИЛОЖЕНИЯ

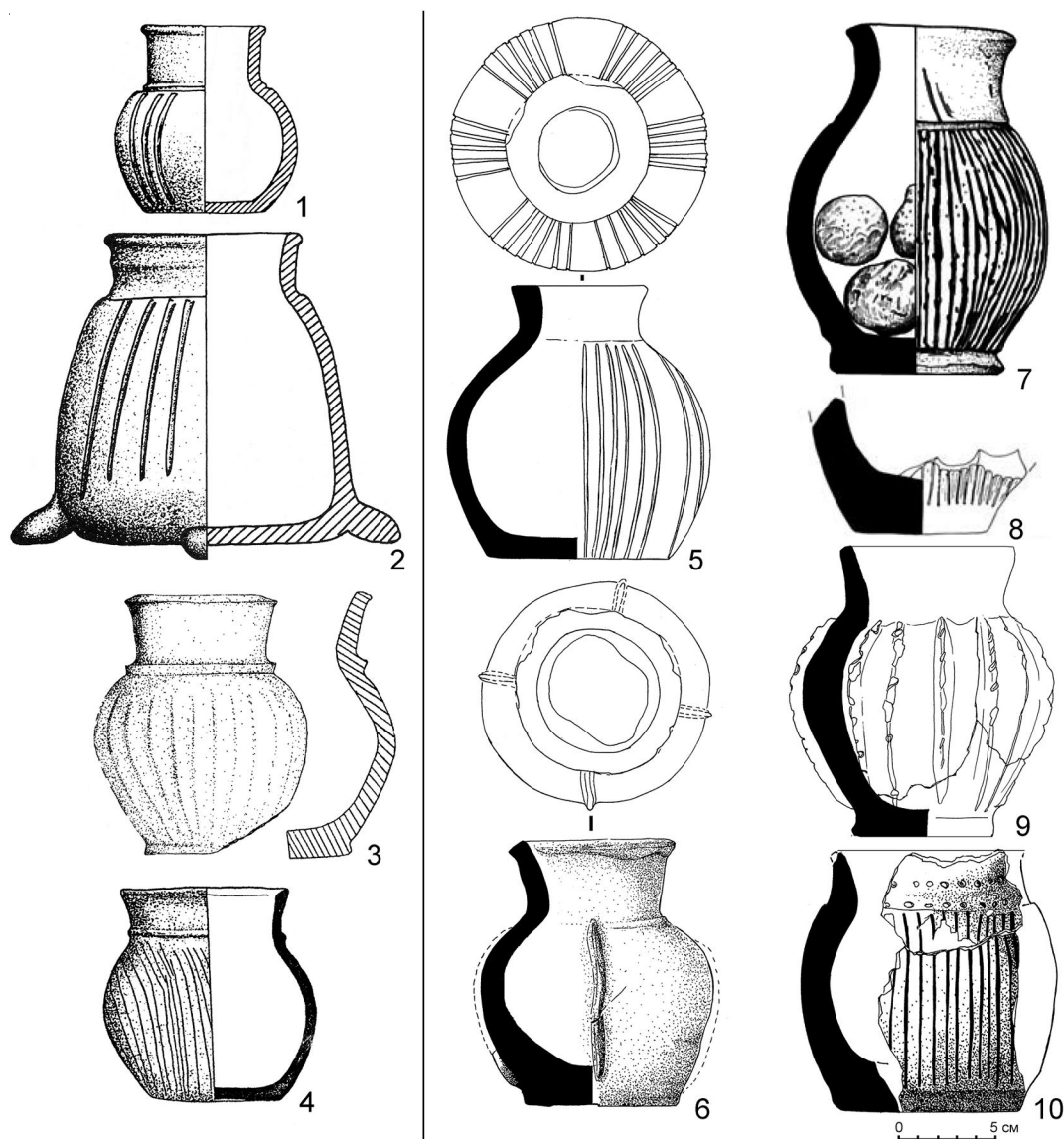

Рис. 1. Сосудики с каннелюрами на тулове из раннекочевнических погребений Южного Приуралья (1–4) и аналогии им среди курильниц из погребений Нижнего Подонья (5–10):

1 – сосудик из погребения 4 кургана 9 могильника Лебедевка V (по: [Железчиков и др., 2006, рис. 25,1]); 2 – сосудик из погребения 5 кургана 9 могильника Лебедевка V (по: [Железчиков и др., 2006, рис. 28,1]); 3 – сосудик из погребения 3 кургана 5 могильника Бердянка V (по: [Моргунова, Мещеряков, 1999, рис. 9,7]); 4 – сосудик из погребения 1 кургана 1 могильника Покровка 7 (по: [Яблонский и др., 1996, рис. 26,7]); 5, 9, 10 – из материалов Елизаветовского городища (по: [Меньшикова, 2012, рис. 1,5,8,11]); 6 – из погребения Нижнегниловского городища (по: [Меньшикова, 2012, рис. 1,12]); 7, 8 – Елизаветовское городище (по: [Синика и др., 2014, рис. 16,14,20])

Fig. 1. Vessels with flutes on the body from early nomadic burials of the Southern Urals (1–4) and their analogy among incense burners from burials of the Lower Don region (5–10):

1 – vessel from burial 4 kurgan 9 of Lebedevka V (after: [Zhelezchikov et al., 2006, fig. 25,1]); 2 – vessel from burial 5 kurgan 9 of Lebedevka V (after: [Zhelezchikov et al., fig. 28,1]); 3 – vessel from burial 3 kurgan 5 of Berdyanka V Cemetery (after: [Morgunova, Meshcheryakov, 1999, fig. 9,7]); 4 – vessel from burial 1 kurgan 1 of Pokrovka 7 Cemetery (after: [Yablonskiy et al., 1996, fig. 26,7]); 5, 9, 10 – from materials of the Elizavetovskoe hillfort (after: [Men'shikova, 2012, fig. 1,5,8,11]); 6 – from burials of the Nizhnegnilovskoe hillfort (after: [Men'shikova, 2012, fig. 1,12]); 7, 8 – the Elizavetovskoe hillfort (after: [Sinika et al., 2014, fig. 16,14,20])

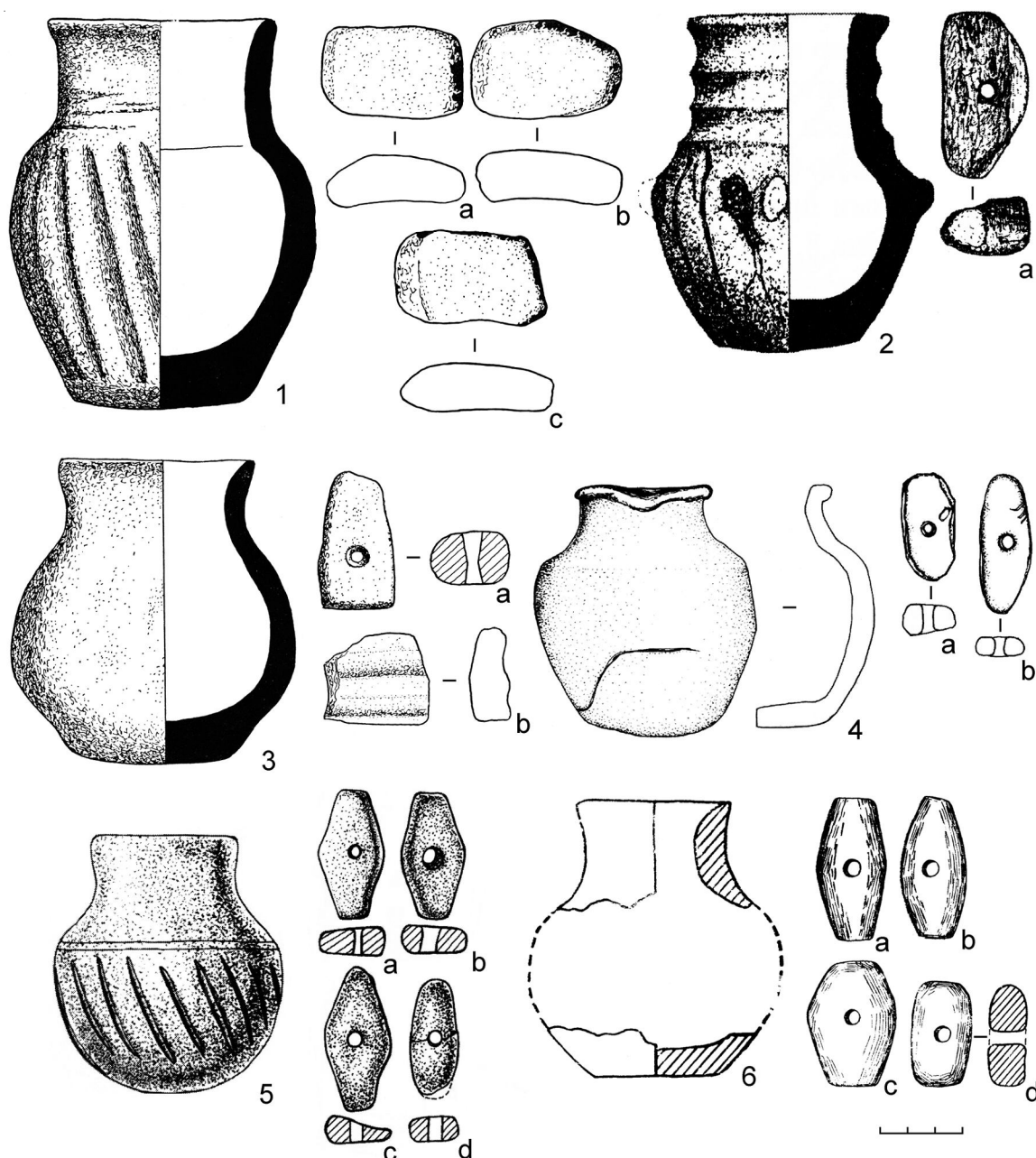

Рис. 2. Сосудики с нагаром на внутренней поверхности, сгоревшими остатками растений и «нагревательными элементами» из погребений ранних кочевников Южного Приуралья:

- 1 – погребение 10 кургана 8 могильника Покровка-2 (по: [Яблонский и др., 1995, рис. 61,2–5]);
- 2 – погребение 4 кургана 9 Шумаевского II могильника (по: [Моргунова и др., 2003, рис. 83,2,3]);
- 3 – погребение 5 кургана 8 могильника Покровка-2 (по: [Яблонский и др., 1995, рис. 57,4,8,10]);
- 4 – погребение 2 кургана 4 могильника Прохоровка (по: [Яблонский, 2010, рис. 25,2,5]);
- 5 – погребение 4 кургана 1 могильника Бараково-1 (по: [Исмагил, Сунгатов, 2013, рис. 12,4–8]);
- 6 – погребение 3 кургана 3 могильника Бишунгарово (по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XIII,12–15,20])

Fig. 2. Vessels with carbon deposits on the inner surface, burnt plant residues and “heating elements” from burials of early nomads of the Southern Suburals:

- 1 – burial 10 kurgan 8 of the Pokrovka-2 cemetery (after: [Yablonskiy et al., 1995, fig. 61,2–5]);
- 2 – burial 4 kurgan 9 of the Shumaevskiy II cemetery (after: [Morgunova et al., 2003, fig. 83,2,3]);
- 3 – burial 5 kurgan 8 of the Pokrovka-2 cemetery (after: [Yablonskiy et al., 1995, fig. 57,4,8,10]);
- 4 – burial 2 kurgan 4 of the Prokhorovka cemetery (after: [Yablonskiy, 2010, fig. 25,2,5]);
- 5 – burial 1 kurgan 4 of the Barakovo-1 cemetery (after: [Ismagil, Sungatov, 2013, fig. 12,4–8]);
- 6 – burial 3 kurgan 3 of the Bishungarovo cemetery (after: [Pshenichnyuk, 1983, tab. XIII,12–15,20])

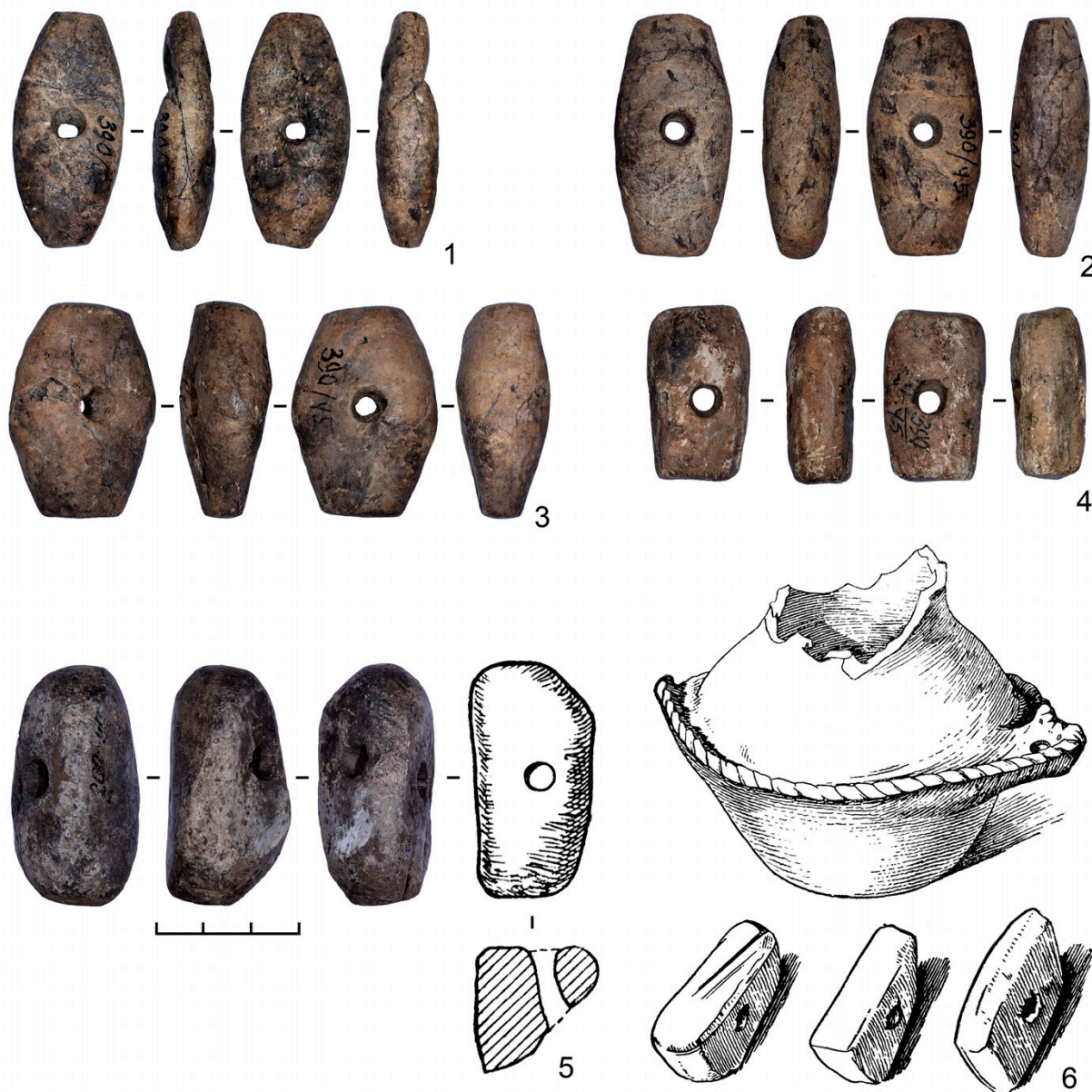

Рис. 3. Каменные «молоточки» из погребений ранних кочевников Южного Приуралья (1–5) и Средней Азии (6):

1–4 – погребение 3 кургана 3 могильника Бишунгарово (фото В.К. Федорова);
 5 – погребение 8 кургана 11 могильника Бишунгарово (фото В.К. Федорова, рис. по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XX,6]); 6 – сосуд с молоточками из могилы, впущенной в квадратное погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат (по: [Лоховиц, 1963, рис. 3])

Fig. 3. Stone “hammers” from burials of early nomads of the Southern Suburals (1–5) and Central Asia (6):

1–4 – burial 3 kurgan 3 of the Bishungarovo cemetery (photo by V. K. Fedorov); 5 – burial 8 kurgan 11 of the Bishungarovo cemetery (photo by V.K. Fedorov, fig. after: [Pshenichnyuk, 1983, tab. XX,6]); 6 – vessel with hammers from a grave admitted into a square burial structure of the Chirik-Rabat hillfort (after: [Lohovic, 1963, fig. 3])

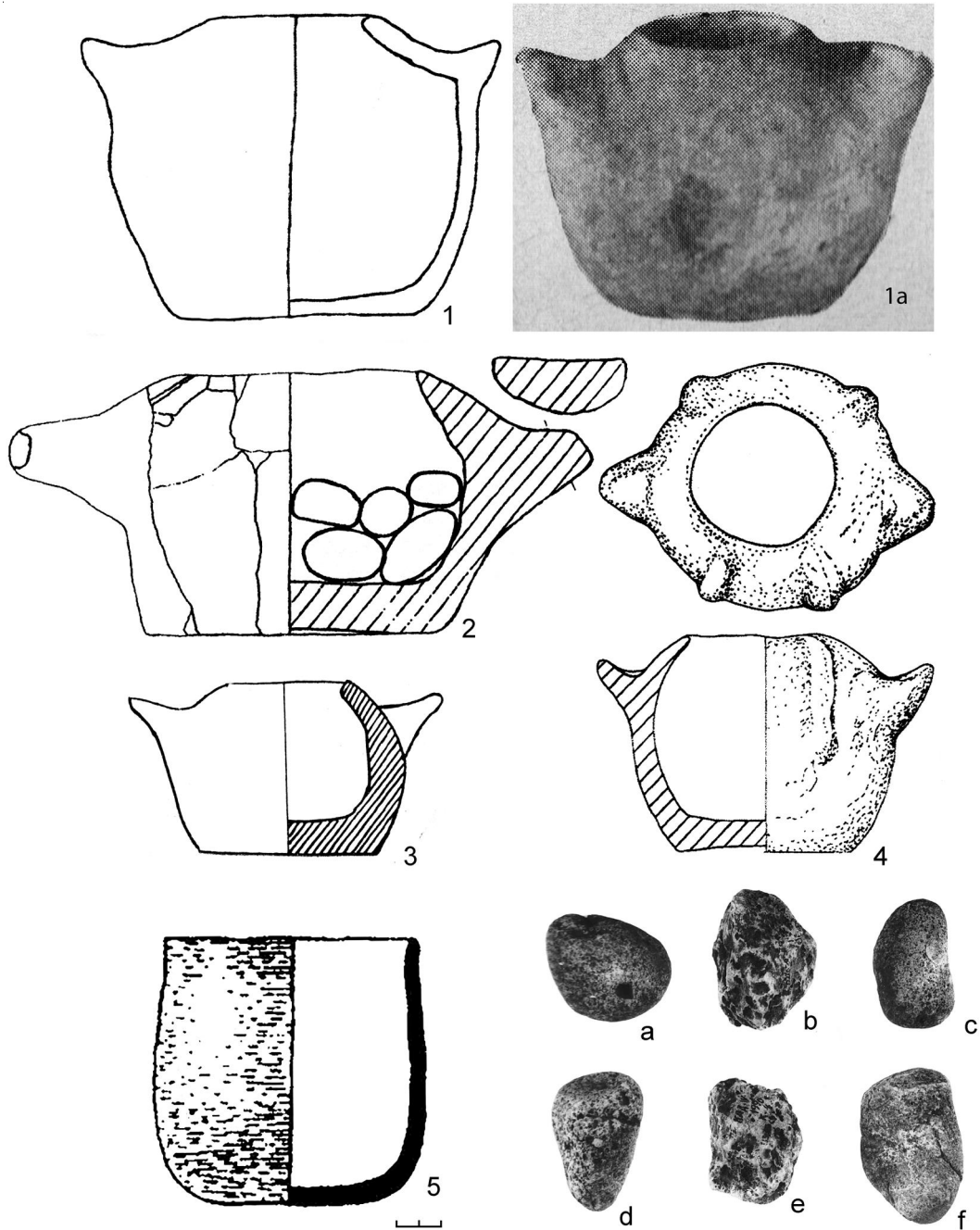

Рис. 4. Сосуд с камнями из погребения 2 кургана 5 могильника Челкар III в Западном Казахстане (1–1а) и аналогии ему (2–5):

1 – по: [Гуцалов, 2004, рис. 19,46]; 1а – по: [Мошкова, Кушаев, 1973, рис. 1,6]; 2 – погребение № 287з могильника Старокорсунского городища № 2 (по: [Лимберис, Марченко, 1997, рис. 1,5]); 3 – с поселения ольвийской хоры Козырка 2 (по: [Доманский, Марченко, 1980, рис. 10,2]); 4 – погребение 60 грунтового могильника IV Новолабинского городища (по: [Раев, Беспалый, 2006, табл. 35,6]); 5 – Кадыровский IV курган (по: [Гарустович, 2009, рис. 1,4, 2]); а, b, c, d, e, f – гальки из сосуда под № 5

Fig. 4. Vessel with stones from burial 2 kurgan 5 of the Chelkar III Cemetery in western Kazakhstan (1–1a) and analogies to it (2–5):

1 – after: [Gutsalov, 2004, fig. 19,46]; 1а – after: [Moshkova, Kushaev, 1973, fig. 1,6]; 2 – burial № 287z from cemetery of the Starokorsunskoe hillfort № 2 (after: [Limberis, Marchenko, 1997, fig. 1,5]); 3 – from the settlement of the Olvia Chora Kozyrka 2 (after: [Domanskiy, Marchenko, 1980, fig. 10,2]); 4 – burial 60 from the Cemetery IV of the Novolabinskoe hillfort (after: [Raev, Bepalyy, 2006, tab. 35,6]); 5 – Kadyrovskiy IV cemetery (after: [Garustovich, 2009, fig. 1,4, 2]); a, b, c, d, e, f – pebbles from vessel no. 5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР. 300 с.
- Аникеева О. В., 1995. Минералого-петрографическое исследование каменного материала из могильников у с. Покровка // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 69–78.
- Аникеева О. В., 2010. Каменный материал из могильника Прохоровка // Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. С. 324–334.
- Бетехтин А. Г., 2007. Курс минералогии. М. : КДУ. 720 с.
- Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1992. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 47–61.
- Гарустович Г. Н., 2009. Культурные комплексы раннего железного века в Башкирском Приуралье // Вестник Челябинского государственного университета. № 28 (166). История. Вып. 4. С. 5–12.
- Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : Западно-Казахстанский центр истории и археологии. 136 с.
- Гуцалов С. Ю., 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // Российская археология. № 2. С. 51–66.
- Доманский Я. В., Марченко К. К., 1980. Поселение ольвийской хоры Козырка 2 // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 21. Л. : Искусство. С. 20–38.
- Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В., 2006. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М. : Восточная литература. 160 с.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2013. Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа : Белая река. 224 с.
- Краева Л. А., 2010. Технология изготовления лепной керамики из могильника Прохоровка // Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. С. 231–251.
- Краева Л. А., 2015. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. № 3 (12). С. 90–100.
- Краева Л. А., 2017. Гончарство сарматских племен Западного Казахстана. Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана. 352 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 1997. Погребения с гераклейскими амфорами из раскопок могильника Старокорсунского городища № 2 // STRATUM + Петербургский археологический вестник. СПб. ; Кислиев : Бизнес-элит. С. 81–93.
- Лоховиц В. А., 1963. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. М. : Изд-во АН СССР. С. 214–220.
- Мартынов А. И., 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние. 208 с.
- Меньшикова В. А., 2012. Лепные курительницы с каннелюрами Северо-Восточного Приазовья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь : Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. С. 106–110.
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург : Печатный Дом «ДИМУР». С. 124–146.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург : ОГПУ. 390 с.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Д1-10. М. : Изд-во АН СССР. 56 с.
- Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука. С. 27–48.
- Мошкова М. Г., Кушаев Г. А., 1973. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука. С. 258–268.
- Николаев Р. В., 1980. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство : материалы I Всесоюз. археол. конф. Кемерово : Кемер. гос. ун-т. С. 239–247.
- Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 200 с.

- Раев Б. А., Беспалый Г. Е., 2006. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. 110 с.
- Рысков Я. Г., Демкин В. А., 1995. Результаты естественнонаучного изучения курганов левобережного Илека (палеоэкологические, педологические и археологические аспекты) // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 48–68.
- Сериков Ю. Б., 2011. К вопросу о сакральных свойствах талька // Челябинский гуманитарий. № 4 (17). С. 117–130.
- Синика В. С., Меньшикова В. А., Тельнов Н. П., 2014. Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э. // *Stratum plus*. № 3. С. 65–100.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. 300 с.
- Смирнов К. Ф., 1973. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. : Наука. С. 166–179.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2016. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь : *Stratum plus*. 1096 с.
- Феофраст, 1951. Исследование о растениях. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 592 с.
- Членова Н. Л., 1992. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 206–224.
- Шульга П. И., Колтухов С. Г., Рукавишникова И. В., Ермолин С. А., Выборнов А. В., 2018. Погребальные комплексы в предгорном Крыму (Республика Крым) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М. : Ин-т археологии РАН. С. 422–430.
- Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В., 1995. Раскопки курганов у с. Покровка в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 9–47.
- Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В., Малашев В. Ю., 1996. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М. : ИА РАН. С. 7–48.
- Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. 384 с.

REFERENCES

- Akishev K.A., Kushaev G.A., 1963. *Drevnyaya kul'tura sakov i usuney doliny reki Ili* [Ancient Culture of the Sacks and the Usuns in the Il River Valley]. Alma-Ata, Kazah SSR AS. 300 p.
- Anikeeva O.V., 1995. Mineralogo-petrograficheskoe issledovanie kamennogo materiala iz mogil'nikov u s. Pokrovka [Mineral and Petrographic Study of the Stone Material from Burials Near the Village of Pokrovka]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans on the Left Bank of the Ilek], iss. 3. Moscow, IA RAS, pp. 69-78.
- Anikeeva O.V., 2010. Kamenny material iz mogil'nika Prokhorovka [Stone Material from Prokhorovka Cemetery]. *Yablonskiy L.T. Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arheologii* [Prokhorovka: At the Source of Sarmatian Archaeology]. Moscow, TAUS Publ., pp. 324-334.
- Betekhtin A.G., 2007. *Kurs mineralogii* [Mineralogy Course]. Moscow, KDU Publ. 720 p.
- Vaynberg B.I., Levina L.M., 1992. Chirikrabskaya kul'tura v nizov'yah Syrdar'i [Chirikrabort Culture in the Lower Flow of the Syr Darya River]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppe Belt of the Asian Part of the Soviet Union in Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 47-61.
- Garustovich G.N., 2009. Kul'tovye komplekсы rannego zheleznoogo veka v Bashkirskom Priural'e [Cult Complexes of the Early Iron Age in Bashkir Suburals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 28 (166). Historical Sciences, iss. 4, pp. 5-12.
- Gutsalov S.Yu., 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals from VII–I Centuries BC]. Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Centre of History and Archaeology. 136 p.
- Gutsalov S.Yu., 2010. Pogrebal'nye sooruzheniya mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazahstane [Burial Structures of Kyryk-Oba II Cemetery in Western Kazakhstan]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 51-66.

- Domanskiy Ya. V., Marchenko K. K., 1980. Poselenie ol'viyskoy hory Kozyrka 2 [Kozyrka 2 – Settlement of the Olbia Chora]. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 21. Leningrad, Iskusstvo Publ., pp. 20-38.
- Zhelezchikov B. F., Klepikov V. M., Sergatskov I. V., 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (VI–II Centuries BC)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 160 p.
- Ismagil R., Sungatov F. A., 2013. *Pamyatniki yaitskoy kul'tury posledney chetverti V–IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Monuments of the Yaik Culture of the Last Quarter of the V-IV Centuries BC in the Southern Urals]. Ufa, Belaya Reka Publ. 224 p.
- Kraeva L. A., 2010. Tekhnologiya izgotovleniya lepnoy keramiki iz mogil'nika Prohorovka [Manufacturing Technology of Molded Ceramics from Prokhorovka Burial Mound]. *Yablonskiy L. T. Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka: At the Source of Sarmatian Archaeology]. Moscow, TAUS Publ., pp. 231-251.
- Kraeva L. A., 2015. Bytovoe i sakral'noe ispol'zovanie keramiki u sarmatov Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana [Everyday and Sacred Use of the Pottery by the Sarmatian Tribes of the Southern Urals and Western Kazakhstan]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], no. 3 (12), pp. 90-100.
- Kraeva L. A., 2017. *Goncharstvo sarmatskih plemen Zapadnogo Kazakhstana* [Pottery of Sarmatian Tribes of Western Kazakhstan]. Almaty, IAA.Kh. Margulan. 352 p.
- Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 1997. Pogrebeniya s gerakleyskimi amforami iz raskopok mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [Burials with the Heraklean Amphorae from the Excavations of the Necropolis of Settlement Starokorsunskoe no. 2]. *STRATUM + Peterburgskiy arheologicheskii vestnik* [Stratum + St.-Petersburg Archaeological Bulletin]. Saint Petersburg; Kishinev, Biznes-Elita Publ., pp. 81-93.
- Lohovits V. A., 1963. Raskopki kvadratnogo pogrebal'nogo sooruzheniya na gorodishche Chirik-Rabat [Excavation of a Square Burial Structure at the Hillfort of Chirik-Rabat]. *Polevye issledovaniya Horezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg.* [Field Research of the Khorezm Expedition in 1958–1961]. Moscow, AS SSSR, pp. 214-220.
- Martynov A. I., 1979. *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [Forest-Steppe Tagar Culture]. Novosibirsk, Nauka Siberian Branch Publ. 208 p.
- Men'shikova V. A. 2012. Lepnye kuril'nitsy s kannelyurami Severo-Vostochnogo Priazov'ya [Handmade Incense-Burners Decorated with Flutes from North-Eastern Azov Sea Area]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III–II vv. do n.e.* [Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd–2nd Centuries BC]. Tiraspol, Transnistrian State University named after T. G. Shevchenko, pp. 106-110.
- Morgunova N. L., Meshcheryakov D. V., 1999. «Prohorovskie» pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika [“Prokhorovka” Burials of the Berdyan Cemetery]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 3. Orenburg, Pechatnyj Dom “DIMUR” Publ., pp. 124-146.
- Morgunova N. L., Gol'eva A. A., Kraeva L. A., Meshcheryakov D. V., Turetskiy M. A., Khalyapin M. V., Khokhlova O. S., 2003. *Shumaevskie kurgany* [Shumaevo Kurgans]. Orenburg, OSPU. 390 p.
- Moshkova M. G., 1963. *Pamyatniki prokhorovskoy kultury* [Monuments of the Prokhorov Culture]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-10. Moscow, AS SSSR. 56 p.
- Moshkova M. G., 1972. Sarmatskie pogrebeniya Novo-Kumakskogo mogil'nika bliz g. Orska [Sarmatian Burials of the Novo-Kumaksky Kurgan Cemetery Near Orsk]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of Sarmatian Times]. Moscow, Nauka Publ., pp. 27-48.
- Moshkova M. G., Kushaev G. A., 1973. Sarmatskie pamyatniki Zapadnogo Kazakhstana [Sarmatian Sites of Western Kazakhstan]. *Problemy arheologii Urala i Sibiri* [Problems of Archaeology of the Urals and Siberia]. Moscow, Nauka Publ., pp. 258-268.
- Nikolaev R. V., 1980. Krasnoyarskiy variant tagarskoy kul'tury [Krasnoyarsk Version of the Tagar Culture]. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo: materialy I Vsesoyuz. arheol. konf.* [Scythian-Siberian Cultural and Historic Union. Materials of the 1st All-Union Archaeological Conference]. Kemerovo, KemSU, pp. 239-247.
- Pshenichnyuk A. H., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of Early Southern Ural Nomads]. Moscow, Nauka Publ. 200 p.
- Raev B. A., Bepalyy G. E., 2006. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha* [A Scythian Kurgan at Necropolis of the 4th Novolabinsk Fortified Settlement]. Rostov-na-Donu, SSC RAS. 110 p.

- Ryskov Ya.G., Demkin V.A., 1995. Rezul'taty estestvennonauchnogo izucheniya kurganov levoberezhnogo Ileka (paleoekologicheskie, pedologicheskie i arheologicheskie aspekty) [The Results of the Natural Science Study of the Kurgans on the Left Bank of the Ilek (Paleoecological, Pedological and Archaeological Aspects)]. *Kurgany levoberezhnogo Ileka* [Kurgans on the Left Bank of the Ilek], iss. 3. Moscow, IA RAS, pp. 48-68.
- Serikov Yu.B., 2011. K voprosu o sakral'nyh svoystvah tal'ka [On the Problem of Sacred Properties of Talc]. *Chelyabinskiy gumanitarniy* [The Chelyabinsk Humanitarian Journal], no. 4 (17), pp. 117-130.
- Sinika V.S., Men'shikova V.A., Tel'nov N.P., 2014. Lepnye kuril'nitsy iz pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya IV–I vv. do n.e. [Hand-Molded Incense Cups from the Northern Black Sea Coast Sites of 4th–1st Centuries BC]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 65-100.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii i eyo istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov, SSU. 300 p.
- Smirnov K.F., 1973. Kuril'nitsy i tualetnye sosudiki Aziatskoy Sarmatii [Incense Cups and Toilet Vessels of Asian Sarmatia]. *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti* [The Caucasus and Eastern Europe in Antiquity]. Moscow, Nauka Publ., pp. 166-179.
- Tel'nov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S., 2016. *Skifskii mogilnik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe* [Scythian Cemetery of the 3rd–2nd Centuries BC Near the Glinoe Village]. Tiraspol, Stratum plus. 1096 p.
- Feofrast, 1951. *Issledovanie o rasteniyah* [Research About the Plants]. Moscow; Leningrad, AS SSSR. 592 p.
- Chlenova N.L., 1992. Tagarskaya kul'tura [Tagar Culture]. *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppe Belt of the Asian Part of the Soviet Union in Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 206-224.
- Shul'ga P.I., Koltuhov S.G., Rukavishnikova I.V., Ermolin S.A., Vybornov A.V., 2018. Pogrebal'nye komplekсы v predgornom Krymu (Respublika Krym) [Burial Complexes in the Foothill Crimea (Republic of Crimea)]. *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovaniy* [Cities, Settlements, Burials. Excavation of 2017. Rescue Archaeological Research Materials], vol. 25. Moscow, IA RAS, pp. 422-430.
- Yablonskiy L.T., Davis-Kimball J., Demidenko Yu.V., 1995. Raskopki kurganov u s. Pokrovka v 1994 godu [Excavation of the Kurgans Near Pokrovka Village in 1994]. *Kurgany levoberezhnogo Ileka* [Kurgans on the Left Bank of the Ilek], iss. 3. Moscow, IA RAS, pp. 9-47.
- Yablonskiy L.T., Davis-Kimball J., Demidenko Yu.V., Malashev V.Yu., 1996. Raskopki mogil'nikov Pokrovka 1, 2, 7 i 10 v 1995 godu [Excavation of the Kurgans Pokrovka 1, 2, 7 and 10 in 1995]. *Kurgany levoberezhnogo Ileka* [Kurgans on the Left Bank of the Ilek], iss. 4. Moscow, IA RAS, pp. 7-48.
- Yablonskiy L.T., 2010. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka: At the Source of Sarmatian Archaeology]. Moscow, TAUS Publ. 384 p.

Information About the Author

Vitaliy K. Fedorov, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher of the Scientific and Auxiliary Department of Accounting and Storage of Scientific Funds, Institute R.G. Kuzeev for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Karla Marksa St, 6, 450077 Ufa, Russian Federation, syyri@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8268>

Информация об авторе

Виталий Кимович Фёдоров, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-вспомогательного отдела учета и хранения научных фондов, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, ул. Карла Маркса, 6, 450077 г. Уфа, Российская Федерация, syyri@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8268>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.7>

UDC 930.26(470+571):542.233
LBC 63.48(2)-41

Submitted: 07.07.2021
Accepted: 15.04.2022

BRONZE BASIN FROM THE KURGAN No. 1 OF THE GROUP “BOGOMOL’NYE PESKI I” IN THE LOWER VOLGA REGION ¹

Alexey A. Timofeev

Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russian Federation

Mikhail Yu. Treister

Independent Researcher, Bonn, Germany

Abstract. The article dwells on the find of the bronze basin in the burial no. 5 of the kurgan no. 1 of the group “Bogomol’nye peski I” near the village of Nikolskoye, Enotaevsky District, Astrakhan Region. A belt-set of gold with turquoise inlays found in the region of the pelvic bones of a 40–45-year-old warrior, an iron dagger in a wooden scabbard with round-shaped iron overlays covered with gold foil and with turquoise inlays, and other finds allowed the author of the excavations to attribute the burial to the 1st–2nd centuries AD. It is obvious that the buried warrior belonged to the nomadic elite. A bronze basin, standing almost vertically, was leaning against the northern side of the grave-pit at its bottom. The analysis has shown that the basin belongs to a rare variant, till now unknown in Sarmatia. The closest parallel of its edge with a rim bent outwards and decorated with a band of Ionian kymation is a basin from the prince’s burial in Hoby on the island of Lolland in Denmark, usually dated in the first half of the 1st century AD. The peculiarities of the rosette design at the bottom of the basin associate it with a Tassinari S2300 type basin from Pompeii and some bronze paterae of the Eggers 154 / Nuber D type (Hagenow), which also indicates a probable dating no later than the first half or the middle of the 1st century AD. The basin demonstrates clear signs of deliberate damage. Not only the foot-ring and handles were lost, but the body itself was punched in several places in the form of wedge-shaped holes from the blows of a knife or dagger (?), which are very close in shape to the holes on the silver phalerae and the bowl of the Parthian circle of the second half of the 2nd–first half of the 1st century BC from the Trans-Volga region.

Key words: Lower Volga region, Trans-Volga region, Roman bronze basins, rosettes, Ionian kymation, Parthian silver, deliberate damage of imported metal objects.

Citation. Timofeev A.A., Treister M.Yu., 2022. Bronzovyy taz iz pogrebeniya kurgana № 1 gruppy «Bogomol’nye peski I» v Nizhnem Povolzh’e [Bronze Basin from the Kurgan no. 1 of the Group “Bogomol’nye Peski I” in the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 135-154. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.7>

УДК 930.26(470+571):542.233
ББК 63.48(2)-41

Дата поступления статьи: 07.07.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

БРОНЗОВЫЙ ТАЗ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА № 1 ГРУППЫ «БОГОМОЛЬНЫЕ ПЕСКИ I» В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ¹

Алексей Анатольевич Тимофеев

Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Российская Федерация

Михаил Юрьевич Трейстер

Независимый исследователь, г. Бонн, Германия

Аннотация. В статье рассматривается бронзовый таз, найденный в погребении № 5 кургана № 1 группы «Богомольные пески I» около села Никольское Еnotaевского района Астраханской области. Найденный в районе тазовых костей воина 40–45 лет поясной набор из золота со вставками бирюзы,

железный кинжал в деревянных ножнах с железными накладками округлой формы, обтянутыми золотой фольгой и с бирюзовыми вставками, и другие находки позволили автору раскопок отнести погребение к I–II вв. н.э. Очевидно, что погребенный воин принадлежал к кочевой элите. К северному борту могильной ямы, на ее дне, был прислонен стоящий почти вертикально бронзовый таз. Анализ показал, что таз относится к редкому варианту, до сих пор не известному в Сарматии. Наиболее близкой параллелью его края с выпуклым наружу венчиком, оформленным декором в виде полосы ионийского киматия, является таз из княжеского погребения в Хоби на о. Лолланд в Дании, датируемый, как правило, в рамках первой половины I в. н.э. Особенности оформления розетты на дне таза связывают его с тазом типа Tassinari S2300 из Помпей и некоторыми бронзовыми патерами типа Eggers 154 / Nuber D (Хагенау), что также свидетельствует о вероятной близкой датировке не позднее первой половины – середины I в. н.э. Таз носит явные следы преднамеренной порчи. У него не только утрачены поддон и ручки, но само тулово пробито в нескольких местах, в виде клиновидных пробоин от ударов ножа или кинжала (?), очень близких пробоинам на серебряных фаларах и чаше парфянской работы второй половины II – первой половины I в. до н.э. из Заволжья.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Заволжье, римские бронзовые тазы, розетты, ионийский киматий, парфянское серебро, преднамеренная порча импортных изделий из металла.

Цитирование. Тимофеев А. А., Трейстер М. Ю., 2022. Бронзовый таз из погребения кургана № 1 группы «Богомольные пески I» в Нижнем Поволжье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 135–154. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.7>

Введение

В мае 2019 г. во время спасательных раскопок кургана № 1 курганной группы «Богомольные пески I» близ села Никольское, Енотаевского района Астраханской области была выявлена могильная яма неправильной овальной формы, ориентированная продольной осью по линии С–Ю, – погребение № 5. В могиле был расчищен скелет мужчины 40–45 лет. Погребенный был уложен на спину, головой ориентирован на юг. Найденный в районе тазовых костей и бедренной кости правой ноги поясной набор (пряжка, наконечники и накладка пояса) из золота со вставками бирюзы, железный однолезвийный кинжал в истлевших деревянных ножнах с железными накладками округлой формы, обтянутыми золотой фольгой и с бирюзовыми вставками, лежащий справа от правой бедренной кости, погребальное покрывало, расшитое золотыми нитями, алебастровый сосудик и другие находки позволили автору раскопок отнести погребение к среднесарматскому периоду, вероятно, I–II вв. н.э. Очевидно, что погребенный воин принадлежал к кочевой элите. К северному борту могильной ямы, на ее дне, был прислонен стоящий почти вертикально бронзовый таз (рис. 1) [Тимофеев и др., 2020, с. 282–283, рис. 6–9], которому посвящена данная работа.

1. Описание таза

Таз был найден сильно деформированным и восстановлен из фрагментов, утраты дополнены мастикой (реставратор ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник» М.В. Головачев).

Сосуд имеет округлую в плане форму с низкими стенками. Переход ко дну не фиксируется. Дно имело, скорее всего, округлую форму. Венчик, образованный краем стенки, отогнут наружу, в поперечном сечении имеет каплевидное утолщение. По внешней стороне края сосуда проходит фриз чеканного декора в форме ионийского киматия (рис. 2, 2, 3, 1, 5, 2). Под венчиком на расстоянии 0,5 см друг от друга проходят две концентрические канавки. В центре внутри таз украшен чеканной розеттой, образованной кружком в центре с валиком по краю и 20 отходящими от него лепестками с закругленными концами – окончания лепестков выделены прочеканенными округлыми углублениями. Розетта обрамлена по краю узким концентрическим пояском с прочеканенными кружками внутри (рис. 2, 1, 3, 3, 2, 5, 1). На внутренней и внешней стороне таза были выявлены остатки позолоты. Тулово таза в нескольких местах пробито с внутренней стороны ударами ножа или кинжала – пробоины имеют клиновидную форму (рис. 2, 3, 3, 2, 4, 1, 2).

Размеры. Диаметр по внешнему краю – 35,0 см. Реконструируемая высота макс.

8,7 см. Венчик: толщина 0,4 см. Фриз киматия: высота 0,7 см, размеры элементов: 0,6 × 0,3 см, длина насечек 0,6 см. Розетка: диаметр 3,3 см, диаметр центральной части – 0,5 см. На дне таза фиксируются четыре пробоины: 2,5 × 0,5 см; 3,5 × 0,1 см; 3,5 × 0,2 см; 2,5 × 1,0 см (рис. 4,2).

Хранение. Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/3. А-22668.

2. Анализ

Отсутствие поддона и ручек таза, найденного в погребении № 5 кургана № 1 курганной группы «Богомольные пески I», сильно затрудняют его атрибуцию. Фактически остается два признака, на основании которых можно попытаться определить, к какому типу бронзовых тазов относится публикуемая находка.

Во-первых, это форма края и его декор – прямой изнутри и отогнутый наружу, по внешней стороне украшенный чеканным фризом ионийского киматия, с двумя концентрическими валиками и канавками под ним (рис. 2,2, 3,1, 4,1, 5,2).

Во-вторых, декор на внутренней стороне в центре, представляющей собой 20-лепестковую розетку с выделенным кружком центром (рис. 2,1,3, 3,2, 5,1).

2.1. Форма таза и декор края

Из рассмотрения сразу же можно исключить наиболее распространенные в Северном Причерноморье тазы типов Eggers 99–106. У этих тазов и край оформлен иначе, он, как правило, горизонтально загнут внутрь, на внешней стороне нет декора, как нет и в центре на внутренней стороне [Трейстер, 2020г, с. 5–48, с лит.].

Хотя край большинства тазов типов Eggers 91–92 и оформлен полосой ионийского киматия, форма самого края достаточно стандартная – это горизонтально вытянутый широкий край, у которого фризом оформлена отогнутая вниз торцевая часть.

Известно несколько экземпляров тазов типа Eggers 91 – из Рзадца в Польше [Wielowiejski, 1985, S. 281, Nr. 163; Kurzyńska, 2006, S. 11–22 с лит.; Łuczkiwicz, 2009, S. 101, Nr. 9] и Лилла Сойвиде на о. Готланд [Nylén,

1955, figs. 173–175; Lindeberg, 1973, S. 8–9, Abb. 2, 61, Nr. 41; Lund Hansen, 1987, S. 45; Cat. Milan, 1997, p. 92, 93, no. 71]. Атташи этих тазов массивные, прямоугольной формы с горизонтальными валиками, образующими ступеньки (*getreppter Attasche*). Верхняя часть таких атташей отогнута под углом и загнута, образуя паз для подвижной ручки под краем таза.

У тазов типа Eggers 92 ниже такого атташа находилась припаянная к тулову ажурная пальметта [Eggers, 1951, S. 168, Beilage 35, Taf. 9,92; Werner, 1954, S. 57–64, 70–71, Liste H]. Скорее всего, к этой группе относится фрагментированный бронзовый таз с реконструируемым диаметром 37,2 см из погребения № 1 кургана № 4 могильника Вербовский II, от которого сохранились поддон, части тулова [Мамонтов, 2008, с. 171, № 1, рис. 5,3] и ажурная пальметта атташа [Мамонтов, 2008, с. 171, № 1, рис. 6,15]. Такой же атташ сохранился и на бронзовом тазе типа Eggers 92 из Андреевского кургана в Мордовии [Кропоткин, 1969, с. 32, 33, рис. 15; 1970, с. 24, № 36, 93–94, № 807, рис. 66,3; Степанов, 1980, с. 42, рис. 11] и у таза из княжеского погребения № 4/1948 в Бубенеч (Прага) [Motyková-Šneidrová, 1963, S. 45, Abb. 20,9; Novotný, 1955, s. 232–233, figs. 2–3; Drobejar, 2014, S. 402, 403, Abb. 5, S. 405, Nr. A1]. Горизонтальные края всех этих тазов, отогнутые вниз, на вертикальной части украшены фризами ионийского киматия.

Таким образом, у нас нет оснований рассматривать таз из кургана № 1 группы «Богомольные Пески I» как образец типов Eggers 91–92.

Сопоставимо и оформление отогнутого горизонтально края одного из тазов с плоским дном, найденного в погребении 1 кургана № 1 могильника Октябрьский V [Мыськов и др., 1999, с. 151, № 16, рис. 2,1; Археологическое наследие ... , 2013, с. 111 (илл. сверху), с. 264, № 223; Трейстер, 2019, с. 382, рис. 2], у которого были катушковидные ножки, атташи ручек оформлены в виде масок Силена.

Это не низкий плоскодонный таз типа Eggers 69, у которых обычно под венчиком с внешней стороны проходят канавки. Край может быть загнут внутрь. Как правило, это довольно низкие тазы высотой 3–5 см. Единственная находка таза, который приписывается этому типу [Eggers, 1951, S. 166–167,

Beil. 27, Taf. 8,69; Kunow, 1983, S. 20, 60; Karasová, 1998, S. 22–23, Karte IX, Taf. 3,69] ², в Сарматии происходит из Садового кургана [Raev, 1986, p. 22–23, pl. 17; Клейн, 2016, с. 102, № 3, с. 104, рис. 65–66], при этом таз из Садового кургана является самым крупным из них – при высоте 10,0 см его диаметр по краю составляет около 48 см. Оформление венчика с внешней стороны декоративными фризами на тазах этого типа неизвестно.

Иначе оформлялся и широкий отогнутый горизонтально край глубоких тазов типа Eggers 94 и Eggers 96.

Тазы на высоких конических поддонах с туловом, закругленным в нижней части, переходящим через ребро в низкое, слегка сужающееся, а потом расширяющееся к отогнутому краю, относятся к типу Eggers 94. У этих тазов – ручки с атташами в виде листьев винограда. Параллели сосуду и ручкам с такими атташами из погребения № 8 кургана № 55 могильника Калиновский в Нижнем Поволжье [Шилов, 1959, с. 486, рис. 57,6–7; 1975, с. 142–143, рис. 53,6; Кропоткин, 1970, с. 91, № 779, рис. 60,3–4; Moser, 1975, S. 133–135, Taf. 43,1 (с ошибочной реконструкцией); Bolla, 1991, p. 114, fig. 2, p. 117, 119, no. 15; Сергацков, 2004, с. 115, рис. 2,12; Трейстер, 2020а, с. 167–168, рис. 3,3; 2020б, с. 70, рис. 10,3; 16] происходят из Северной Италии, Галлии, Германии и Британии [Willers, 1907, S. 19, Abb. 13; Werner, 1954, S. 55–56, 70, Liste G; Шилов, 1975, с. 142–143; Moser, 1975, S. 133–135; Kunow, 1983, S. 21–22, 60; Fitzpatrick, 1989, p. 318–319; Bolla, 1991; Sedlmayer, 1999, S. 57; Erice Lacabe, 2007, p. 200, 203, fig. 2]. К началу 1990-х гг. было учтено 20 таких находок, наибольшая концентрация которых приходится на Северную Италию и Галлию; отдельные находки происходят также из Фессалии, с Делоса (*terminus ante quem* 69 г. до н.э.) и из Египта ³. Учитывая в том числе тот факт, что наиболее ранняя находка происходит с Делоса, есть все основания предполагать происхождение сосудов этой формы в Восточном Средиземноморье [Bolla, 1991, p. 118; Sedlmayer, 1999, S. 57] или в Греции [Bolla, Castoldi, 2016, p. 134]. Атташи в форме листьев винограда имеют и ручки других форм из Галлии, также датирующиеся второй половиной I в. до н.э. [Cavalier, 1988, p. 77–78, no. 28; Boucher, Ogggiano-Bittar, 1993, p. 130, no. 207].

Для близких по форме поддона и тулова тазов типа Eggers 96 [Eggers, 1951, S. 168–169, Beil. 37; Taf. 10,96], названных по находке в Голубице, Богемия [Sakař, 1970, p. 29, fig. 20,4. 6; Karasová, 1998, S. 26, Karte X, Taf. III,96; Drobejar, 2006, S. 657, Abb. 39,4], характерны ручки с атташами в форме ладоней руки, генезис которых был подробно рассмотрен Б.А. Раевым [Раев, 1974, с. 184–188, рис. 4; Raev, 1986, p. 19–21, pl. 15]. Находки таких тазов очень редки – они известны также в Помпеях [Tassinari, 1993, p. 204, S2121, no. 5025, p. 205, S2121, nos. 3641, 1728], в Мевес (Ньевр) в Бургони (Франция) [Boucher, Tassinari, 1976, p. 113, no. 127], а отдельная ручка происходит из Виндониссы [Holliger, Holliger, 1985, S. 7–8, Nr. 68, Taf. 9].

Ближайшей параллелью оформления края таза является таз типа Eggers 97 (Нобу), происходящий из княжеского погребения в Хоби на о. Лолланд (Дания). Край этого таза также загнут под углом вниз и оформлен полосой ионийского киматия [Friis Johansen, 1923, S. 144–145, figs. 22–23; Lund Hansen, 1987, S. 403; Lund Hansen, Bollingberg, 1995, p. 166, fig. 1; Cat. Milan, 1997, p. 92–93, no. 76, 97 (ills); Grane, 2007а, p. 86–87; 2007б, p. 33, fig. 13, 155; 2013, p. 359, 360, ill. 22.1; Ekengren, 2009, p. 72–73, fig. 3.16, p. 238, no. 47; Klingenberg et al., 2017, p. 123, fig. 2, 124].

Вместе с тем у других тазов типа Eggers 97 [Radnóti, 1938, S. 131; Eggers, 1951, S. 168–169, Beil. 37, Taf. 10,97; Graue, 1975; Raev, 1977, S. 625; Kunow, 1983, S. 22, 72; Holliger, Holliger, 1985, S. 8; Wielowiejski, 1985, S. 198–199; Tassinari, 1993, p. 212, S3100], наиболее ранние образцы которых датируются еще второй четвертью I в. н.э. (см. подробно [Трейстер, 2020в, с. 570]), нет такого оформления края, который может быть загнут горизонтально внутрь, как у тазов из Педемонте [Graue, 1975, S. 205–206, Abb. 1, Taf. 62,1], Глеша [Willers 1907, S. 55, 56, Abb. 33], а центральная часть оформлена концентрическими валиками и канавками, как у таза из погребения кургана № 14 у хут. Кудинов [Кропоткин, 1970, с. 92, № 788, рис. 55,1; Raev, 1986, p. 21–22, pl. 16; Глухов, 2005, с. 17, рис. 13,1], тазов из Фракии [Bozhkova, Delev, 1999, figs. 1–3], из Педемонте [Graue, 1975, S. 205–206, Abb. 1, Taf. 62,2] и Глеша [Willers, 1907, S. 55, 56, Abb. 33]. Лишь у таза этого типа из Хоби в

центре – рельефный медальон с изображением Венеры и двух амуров [Lund Hansen, Bollingberg, 1995, p. 166, fig. 1; Cat. Milan, 1997, p. 92–93, no. 76, 97 (ills); Grane 2007a, p. 86–87; 2007b, p. 33, fig. 13, 155; 2013, p. 359, 360, ill. 22.1; Ekengren, 2009, p. 72–73, fig. 3.16; 238, no. 47; Klingenberg et al., 2017, p. 123, fig. 2, p. 124].

2.2. Декор дна

Чеканная розетка оформляет дно с внутренней стороны низкой широкой чаши ахеменидского времени из Малой Азии, датирующейся не позднее первой половины IV в. до н.э. по комплексу находок [Bastürk, Bastürk, 2021, figs. 2–4]. Значительно более близкая по форме к публикуемой (рис. 2, 1, 3, 3, 2, 5, 1) – чеканная розетка, также с выделенными округлыми углублениями окончаниями лепестков, но 16-лепестковая, имеется на донце бронзового таза из Помпей типа S2300 по Тассинари [Tassinari, 1993, vol. 1, p. 94, 186, no. 70; 1993, vol. 2, p. 211, no. 14005]. Этот таз является единственным экземпляром указанного типа. Отметим также близкие по форме розетки в центре чеканных композиций на бронзовых патерах типа Eggers 154 / Nuber D (Хагенау) [Nuber, 1972, S. 40, 44, 190–191 (Liste D); Wielowiejski, 1985, S. 228–231; Karasová, 1998, S. 38–39, Karte XV, Taf. V, 154; Sarnataro, 2002, p. 393–394, fig. 1; Drobejar, 2007, S. 45–46, 64–65, Nr. 2, 19, 25, 28; 2014, S. 414], из княжеского погребения № 4/1948 в Бубенеч (Прага) (см. декор: [Novotný, 1955, s. 237, fig. 5, s. 238; Drobejar, 2014, S. 406, Abb. 8, S. 418, Abb. 15, 1, 29]), из погребения в Зливе [Motyková-Šneidrová, 1963, S. 69–70; Sakař, 1970, p. 53, pl. 5, 4; Drobejar, 2006, S. 658, Abb. 40, 2; 2014, S. 418, Abb. 15, 2] и могилы № 6635 в Толлгейт в Англии [Allen et al., 2012, p. 365, fig. 4.27; Lundock, 2014, p. 148, fig. 4.32; 2015, p. 58].

Розетка, окруженная двумя рядами «веревочки», украшает дно фрагментированного таза полусферической формы, верхняя часть стенок которого – вогнутая, отделена от тулова резкой гранью, который был найден в тризне кургана № 5 могильника Антонов I в Волго-Донском междуречье. Край венчика украшен пояском ов, обрамленным двумя рядами «веревочки». Верхняя часть стенок украшена пояском из вертикальных лепестков

[Мамонтов, 1994, с. 36, рис. 11, 7; Сергацков, 1994, с. 23; Sergackov, 1994, p. 268]. Сохранился ли этот таз, неизвестно – в отчете имеется довольно схематичный рисунок, воспроизведенный впоследствии и в публикациях. А.А. Глухов предположительно относит таз к типу Eggers 92 [Глухов, 2005, с. 17, рис. 12, 4]. Ножка таза в форме кольца (со сплюсненной стороной), припаянного к основанию прямоугольной формы с вогнутыми сторонами [Tassinari, 1993, vol. 1, p. 93; vol. 2, p. 206, тип S1110, nos. 3483, 7274, 18736, тип S1120, no. 8184; Vožič, 2002, p. 420, fig. 2, 6, p. 421], была найдена рядом с кусками смятого тулова таза. Подобные ножки (как в форме колец, так и сплошные) известны также по находкам в Словении, Подунавье и в Коринфе, некоторые из которых могут быть датированы I в. до н.э. [Vožič, 2002, p. 420–422, figs. 1, 2, 1–4, 3; Mustățã, 2012, p. 70, 72, no. 23, pls. VII, XI]. Подобная же ножка, опубликованная с ошибочной атрибуцией, как весовая гирька [Merker, 2012, p. 244, no. M122, pl. 23], была найдена в Израиле на поселении Тель-Анафа в слое раннеимператорского времени. Особое внимание в этой связи привлекает таз № 8184 из Помпей с отогнутым краем, под которым припаян атташ с подвижной ручкой [Tassinari, 1993, vol. 2, p. 206, тип S1120, no. 8184, p. 383 (I, 9, 2), tav. CLXXXIII]. Тазы этой формы Tassinari S1110/1120 датируют поздне-республиканским временем [Mustățã, 2012, p. 70], в некоторых случаях – более определенно серединой I в. до н.э. [De Decker, 2007–2008, p. 84]. Вместе с тем профилировка верхней части таза из кургана № 5 могильника Антонов I отличается от профилировки тазов типов Tassinari S1110/1120, и, скорее, близка к тазам типа Eggers 96 / Tassinari S2121, то есть тазам с поддонами, с отогнутым краем тулова и ручками с атташами в форме кисти руки. Поскольку никаких ручек в тризне найдено не было, можно предполагать, что таз типа Eggers 96 / Tassinari S2121 подвергся переделке и к нему были припаяны ножки от другого таза. Другой возможный вариант – в тризне были найдены остатки двух тазов – тулово таза типа Tassinari S2121 и ножка таза Tassinari типа S1110/1120.

Чеканный декор на внутренней стороне бронзовых римских тазов – редкое явление. Таким декором украшен таз из Садового кургана типа Eggers 69 / Tassinari M1220 [Raev,

1986, p. 22–23, pl. 17; Клейн, 2016, с. 102, № 3, с. 104, рис. 65–66] и относимый к типу Eggers 97 (Hoby) таз из кургана № 6 у ст-цы Казанская в Прикубанье (венок из чередующихся пальметт и цветков лотоса, в центре – растительный декор) [Гущина, Засецкая, 1994, с. 29–30, № 33, табл. 3; Mačenko, Limberis, 2008, S. 279, 346–347, Nr. 35.1, Taf. 64, 1]. Относящийся к типу Eggers 96 таз из кургана № 13 у хут. Куудинов [Капошина, 1967а, с. 210–211; 1967б, с. 147; Raev, 1974, p. 141, fig. 3; 1986, p. 18–21, pls. 13–14; Kat. Frankfurt, 2003, S. 107, Nr. 70] в центре оформлен наибольшим медальоном, по краю которого проходит пояс ионийского киматия, примыкающий к канавке, а пространство между выделенным центром медальона украшает выполненный в низком рельефе венок с парными листьями лавра, ориентированными концами по часовой стрелке.

2.3. Преднамеренная порча

Тулово таза было в нескольких местах пробито с внутренней стороны ударами ножа или кинжала (рис. 2,3, 3,2, 4,2). Форма пробоин чрезвычайно близка пробоинам на серебряной парфянской чаше из погребения № 3 кургана № 4 могильника Майеровский III в Заволжье [Skvorcov, Skripkin, 2006, S. 258, Nr. 14, S. 259, Abb. 14,2, S. 261, Abb. 18; Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 101, № 14, рис. 11,2, 15,5; Трейстер, 2018, с. 122, рис. 4,1–3; Treister, 2020, p. 380–381, fig. 1,1–2]. Многочисленные отверстия клиновидной или ромбовидной формы, пробитые с лицевой стороны фаларов, присутствуют на трех парах фаларов (Новоузенск, Новочеркасский музей, Сибирская коллекция) – практически нет сомнения, что это следы преднамеренной порчи – фалары, судя по форме отверстий, были пробиты ударами ножей. Сходство следов преднамеренной порчи на трех парах фаларах и на серебряной чаше настолько велико, что нельзя исключать, что эти предметы были испорчены в ходе одной и той же акции [Трейстер, 2018, с. 121, рис. 1–2; Treister, 2018, p. 53–54; 2020, p. 380–381, fig. 1,3–5].

Выводы

При всей редкости чеканных декоров на донце римских бронзовых тазов, они пред-

ставлены на тазах различных типов: Eggers 69, 96, 97 и Tassinari S2300. Наличие или отсутствие такого декора не является характерным признаком, связанным с тем или иным типом тазов. Очевидно, что таз из кургана № 1 группы «Богомольные пески I» относится к редкому варианту, до сих пор не известному в Сарматии. Наиболее близкой параллелью его края с выпуклым наружу венчиком, оформленным декором в виде полосы ионийского киматия (рис. 2,2, 3,1, 5,2), является таз из княжеского погребения в Хоби на о. Лолланд, датируемый, как правило, в рамках первой половины I в. н.э. Особенности оформления розетки на дне таза (рис. 2,1,3, 3,2, 5,1) связывают его с тазом типа Tassinari S2300 из Помпей и оформлением дна некоторых бронзовых патер типа Eggers 154 / Nuber D (Хагенау), что также свидетельствует о вероятной близкой датировке не позднее первой половины I в. н.э.

Таз носит явные следы преднамеренной порчи. У него не только утрачены поддон и ручки, но само тулово пробито в нескольких местах клиновидными пробоинами от ударов ножа (?) (рис. 2,3, 3,2), очень близкими пробоинам на фаларах парфянского круга второй половины II – начала I в. до н.э., в том числе из Новоузенска, а также на датируемой не позднее первой половины I в. до н.э. серебряной парфянской чаше из погребения № 3 кургана № 4 могильника Майеровский III в Заволжье.

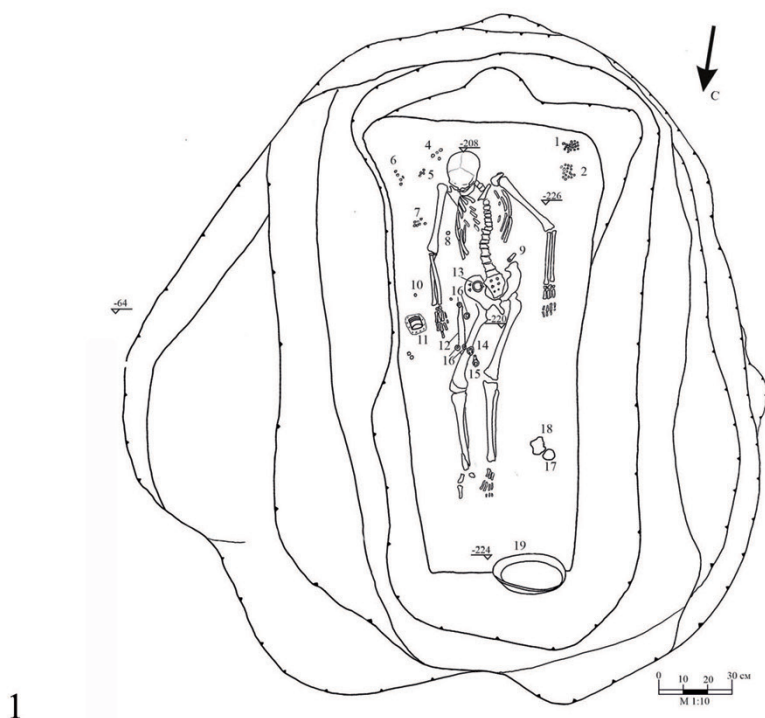
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Введение и раздел 1 этой статьи подготовлены А.А. Тимофеевым, раздел 2 и выводы – М.Ю. Трейстером.

² Ниймеген: [den Boesterd, 1956, p. 33, nos. 89–90, pl. IV] (диаметр 24 и 28 см). – Страки, Богемия: [Motyková-Šneidrová, 1963, S. 59, Abb. 20,8] (диаметр 25,5 см). – Виндонисса: [Holliger, Holliger, 1985, S. 5, Nr. 64, Taf.] (диаметр по краю ок. 38 см, по рисунку с масштабом). – Мартебомир, Готланд: [Lindenberg, 1973, S. 10–11, Abb. 3] (диаметр по краю около 38 см, по рисунку с масштабом). – Квале: [Lindenberg, 1973, S. 10] (диаметр 27,5 см). – Без канавок: Мартебомир и Ниймеген [den Boesterd, 1956, p. 33, no. 89].

³ См. о новых находках: [Bolla, Castoldi, 2016, p. 134]. Кратер из Калиновки датируют не ранее середины I в. до н.э., возможно, второй половиной столетия. См.: [Sedlmayer, 1999, S. 57].

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

2

3

Рис. 1. Курганная группа «Богомольные пески I». Курган № 1. Погребение № 5:

- 1 – план погребения: 1–8 – золотые нашивки; 9 – наконечник ремня золотой подпрямоугольной формы; 10 – накладка золотая полусферической формы; 11 – лепная глиняная курильница; 12 – железный кинжал; 13 – пряжка округлая золотая со вставкой бирюзы на шпеньке; 14 – наконечник ремня трапециевидной формы железный, обтянутый золотым листом со вставками бирюзы; 15 – наконечник ремня в форме головы верблюда золотой со вставками бирюзы; 16 – накладки на ножны кинжала из железа и золота с бирюзовыми вставками; 17 – сосуд из алебастра; 18 – оселок; 19 – таз бронзовый; 2 – погребение после расчистки, общий вид; 3 – бронзовый таз, после расчистки в погребении. Рисунки и фото А.А. Тимофеева, 2019

Fig. 1. “Bogomol’nye peski I” kurgan group. Kurgan no. 1. Burial no. 5:

- 1 – the plan of the burial: 1–8 – gold appliques; 9 – gold belt-tip of the sub-rectangular shape; 10 – gold overlay of the hemispherical shape; 11 – hand-made clay incense-burner; 12 – iron dagger; 13 – gold circular buckle with inlay of turquoise on the side hook; 14 – gold-plated iron belt-tip of trapezoidal shape with inlays of turquoise; 15 – belt-tip in the form of camel’s head made of gold with inlays of turquoise; 16 – overlays of the dagger-scabbard made of iron and gold with inlays of turquoise; 17 – alabaster vessel; 18 – touchstone; 19 – bronze basin; 2 – burial after clearing, general view; 3 – bronze basin, after clearing in the burial. Drawing and photographs by A.A. Timofeev, 2019

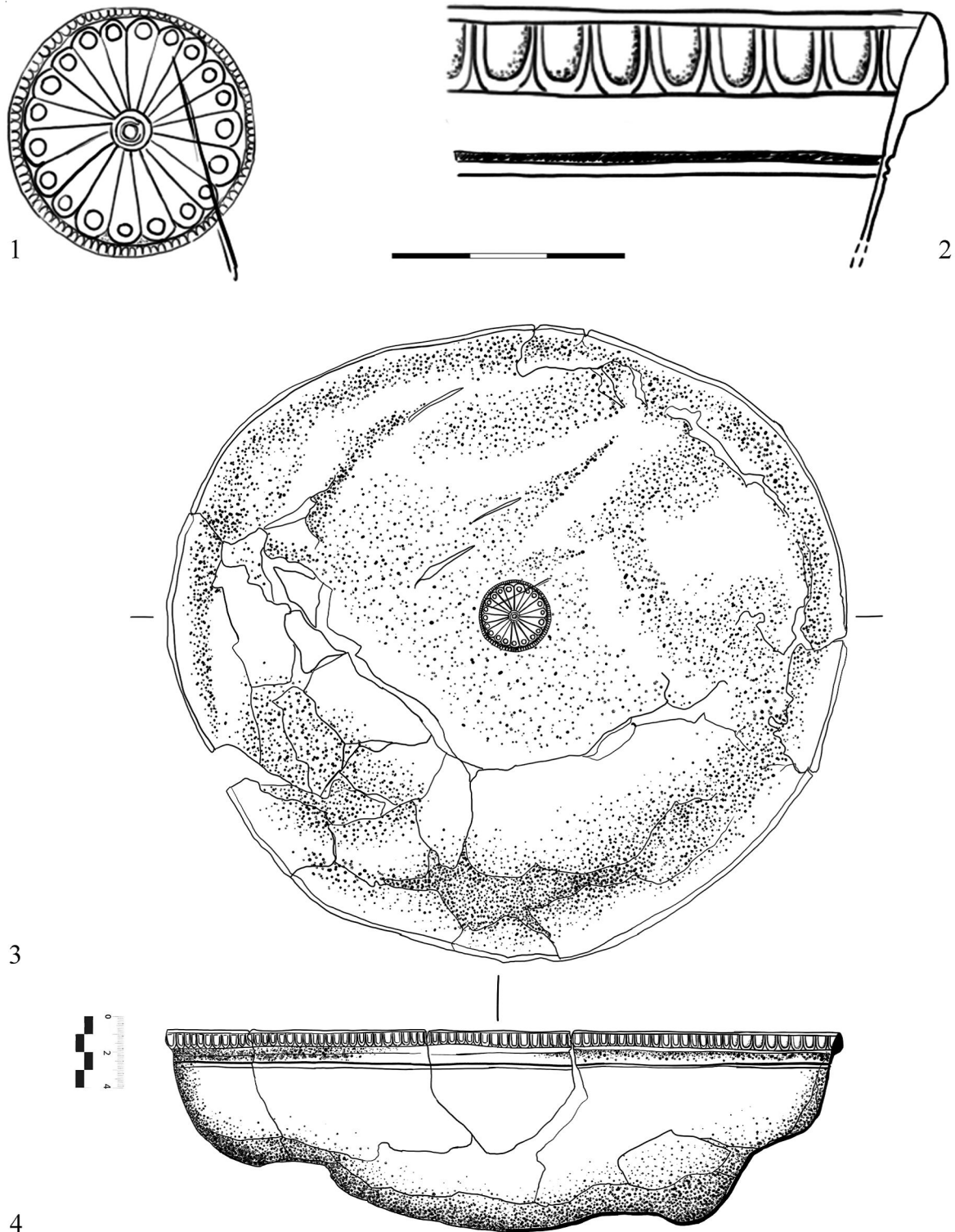

Рис. 2. Курганная группа «Богомольные пески I». Курган № 1. Погребение № 5. Бронзовый таз. Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/3. А-22668:

1 – розетка на дне; 2 – край сосуда; 3 – вид сверху; 4 – вид сбоку. Рисунки А.Г. Жировой, 2021

Fig. 2. "Bogomol'nye peski I" kurgan group. Kurgan no. 1. Burial no. 5. Bronze basin. Astrakhan, Astrakhan Museum-Reserve, КП 48947/3. А-22668:

1 – rosette in the bottom; 2 – the edge of the basin; 3 – the view from above; 4 – the side view. Drawings by A.G. Zhirova, 2021

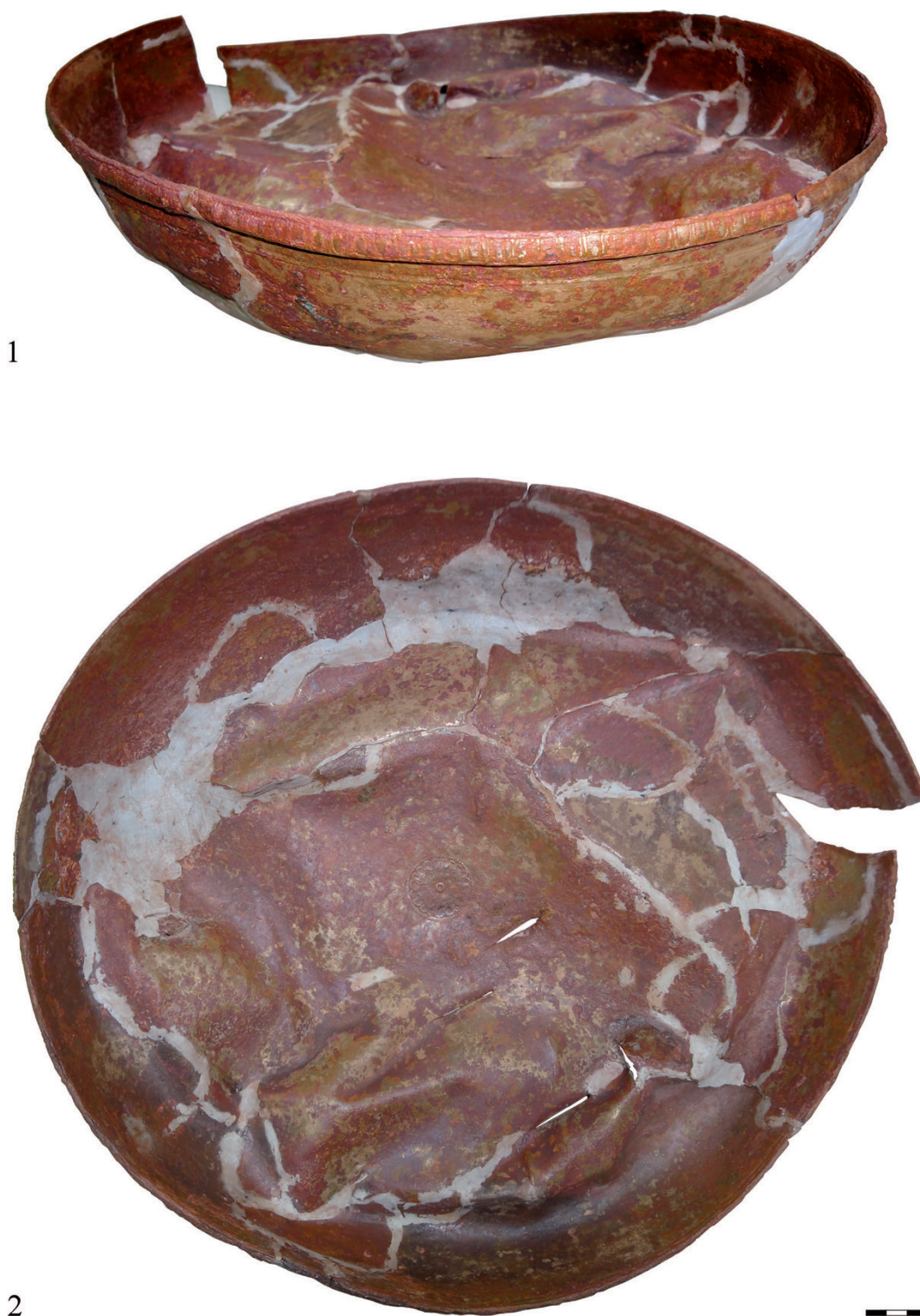

Рис. 3. Курганная группа «Богомольные пески I». Курган № 1. Погребение № 5. Бронзовый таз. Общие виды. Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/3. А-22668:

1 – вид сбоку; 2 – вид сверху. Фото В.Э. Тамбаевой, 2021

Fig. 3. “Bogomol’nye peski I” kurgan group. Kurgan no. 1. Burial no. 5. Bronze basin. General views. Astrakhan, Astrakhan Museum-Reserve, КП 48947/3. A-22668:

1 – the side view; 2 – the view from above. Photographs by V.E. Tambaeva, 2021

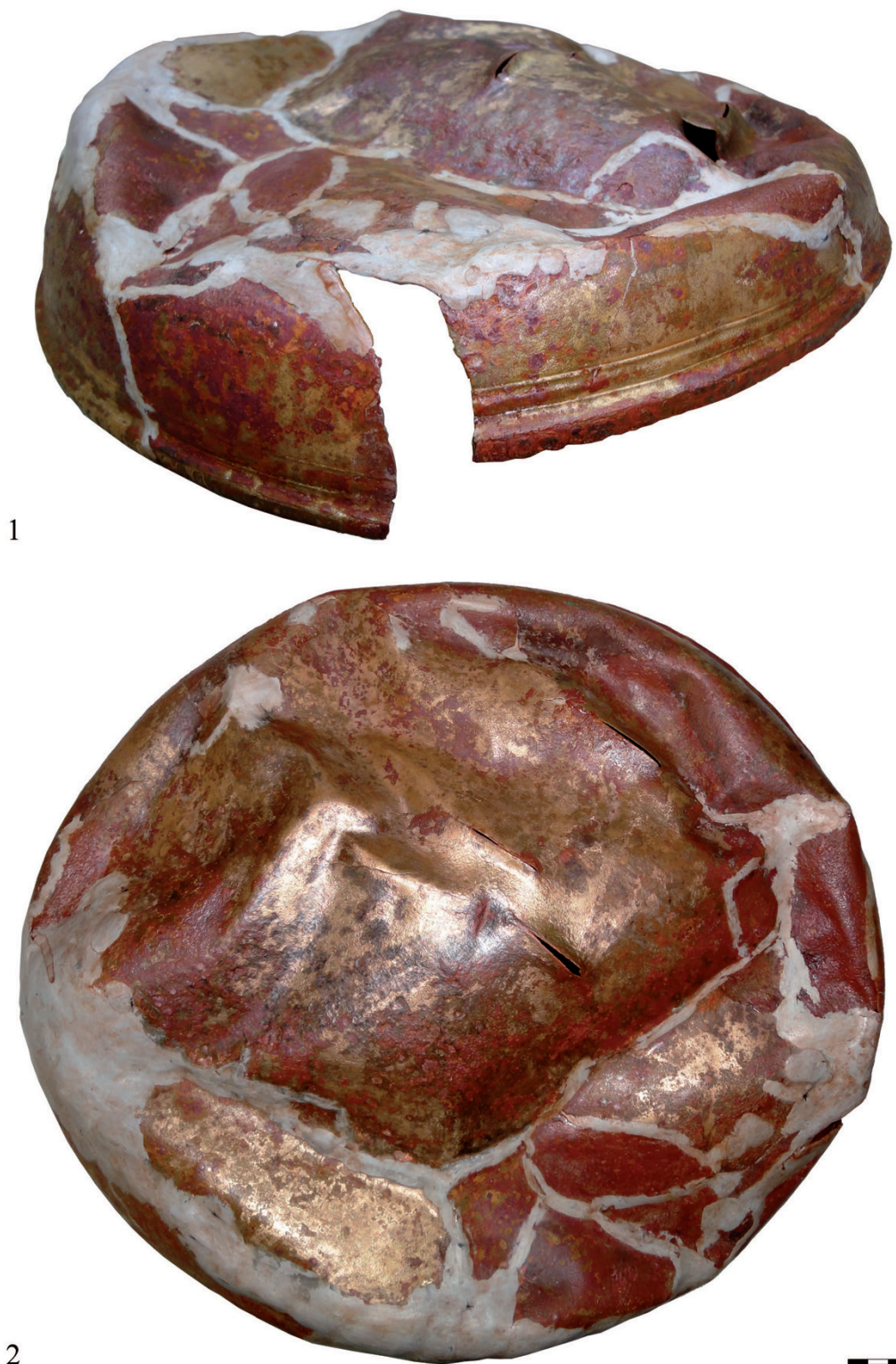

Рис. 4. Курганная группа «Богомольные пески I». Курган № 1. Погребение № 5. Бронзовый таз. Общие виды. Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/3. А-22668:

1 – вид сбоку; *2* – вид снизу. Фото В.Э. Тамбаевой, 2021

Fig. 4. “Bogomol’nye peski I” kurgan group. Kurgan no. 1. Burial no. 5. Bronze basin. General views. Astrakhan, Astrakhan Museum-Reserve, КП 48947/3. А-22668:

1 – the side view; *2* – the view from below. Photographs by V.E. Tambaeva, 2021

Рис. 5. Курганная группа «Богомольные пески I». Курган № 1. Погребение № 5. Бронзовый таз. Детали. Астрахань, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», КП 48947/3. А-22668:

1 – розетка на дне; 2 – край таза. Фото В.Э. Тамбаевой, 2021

Fig. 5. “Bogomol’nye peski I” kurgan group. Kurgan no. 1. Burial no. 5. Bronze basin. Details. Astrakhan, Astrakhan Museum-Reserve, КП 48947/3. А-22668:

1 – rosette in the bottom; 2 – the edge of the basin. Photographs by V.E. Tambaeva, 2021

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея, 2013. Волгоград : Издатель. 288 с.
- Глухов А. А., 2005. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 238 с.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб. : Фарн. 172 с.
- Капошина С. И., 1967а. Итальянский импорт на Нижнем Дону // Записки Одесского Археологического Общества. Т. II (35). С. 208–213.
- Капошина С. И., 1967б. Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н.э. и в первые века нашей эры // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М. : Наука. С. 145–150.
- Клейн Л. С., 2016. Первый век: сокровища сарматских курганов. СПб. : Евразия. 224 с.
- Кропоткин В. В., 1969. Римские импорты Андреевского кургана в Мордовской АССР // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 119. С. 32–36.
- Кропоткин В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). Свод археологических источников. Вып. Д1-27. М. : Наука. 280 с.
- Мамонтов В. И., 1994. Курганный могильник Антонов I // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. Волгоград : Перемена. С. 15–46.
- Мамонтов В. И., 2008. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. С. 170–197.
- Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С., 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 149–167.
- Раев Б. А., 1974. Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана // Советская археология. № 3. С. 181–189.
- Сергацков И. В., 1994. Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры // Проблемы всеобщей истории : материалы науч. конф. Волгоград, сентябрь 1993. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та. С. 19–29.
- Сергацков И. В., 2004. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар. С. 107–116.
- Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С., 2008. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. С. 98–116.
- Степанов П. Д., 1980. Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск : Мордов. кн. изд-во. 108 с.
- Тимофеев А. А., Соловьев Д. С., Стукалов Г. В., Васильев Д. В., Бочкарев В. Ю., 2020. Захоронения эпохи раннего железного века курганного могильника «Богомольные пески-I» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 279–305. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.14>
- Трейстер М. Ю., 2018. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 10. С. 118–210. DOI: <https://doi.org/10.24411/2219-8857-2018-00004>
- Трейстер М. Ю., 2019. Таз(-ы) из кургана № 1 могильника Октябрьский-V (о центре погребальных памятников кочевой элиты в междуречье Дона и Волги) // Вестник древней истории. № 2. С. 379–415. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032103910006756-4>
- Трейстер М. Ю., 2020а. Богатое сарматское погребение Калиновского могильника в Нижнем Поволжье и возможности его интерпретации // Stratum plus. № 4. С. 163–178.
- Трейстер М. Ю., 2020б. Бронзовые сосуды позднеереспубликанского времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. С. 41–109. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-4-70-41-109>
- Трейстер М. Ю., 2020в. Римские бронзовые сосуды с медальонами с фигурными изображениями из Сарматии // *Noto omnium horarum* : сб. ст. в честь 70-летия А.В. Подосинова. М. : Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского. С. 565–610.

- Трейстер М. Ю., 2020г. Римские бронзовые тазы Eggers 99–106 в Восточной Европе // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 5–48. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-3-69-5-48>
- Шилов В. П., 1959. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 60. М. : Изд-во АН СССР. С. 323–523.
- Шилов В. П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. : Наука. 208 с.
- Allen T., Donnelly M., Hardy A., Hayden C., Powell K., 2012. A Road Through the Past : Archaeological Discoveries on the A2 Pepperhill to Cobham road-scheme in Kent. Oxford Archaeology Monograph. Vol. 16. Oxford : Oxford Archaeological Unit. 620 p.
- Bastürk M. B., Bastürk E., 2021. A Bronze Bowl with Swivelling Handle from Şarhöyük – Dorylaion // Olba. Vol. XXIX. P. 25–46.
- Bolla M., 1991. Les bassins // La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Actes de la table-ronde C.N.R.S., Lattes, avril 1990. Dijon : Presses de l'Université de Bourgogne. P. 113–120.
- Bolla M., Castoldi M., 2016. I recipienti di bronzo in Italia settentrionale tra IV e I secolo a.C. e il caso del territorio Veronese // Archeološki vestnik. T. 67. P. 121–175.
- Boucher S., Oggiano-Bitar H., 1993. Le trésor des bronzes de Bavay. Revue du Nord, Hors Série, Coll. Archéologique. T. 3. Lille : Université Charles de Gaulle, Lille III. 147 p.
- Boucher S., Tassinari S., 1976. Musée de la Civilisation Gallo-Romaine à Lyon. Bronzes Antiques. Vol. I. Lyon : Musée de la civilisation gallo-romaine; Paris : Diffusion de Boccard. 155 p.
- Bozhkova A., Delev P., 1999. Two Bronze Vessels from Roman Thrace with Producer Stamps // Archaeologia bulgarica. T. III, № 2. P. 43–48.
- Božič D., 2002. Il vasellame bronzeo romano: grandi bacili e piccoli mestoli-colini // I Bronzi antichi : Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi. Instrumentum Monographies 21. Montagnac : Mergoïl. P. 419–428.
- Cat. Milan, 1997. Riflessi di Roma. Imperio Romano e barbari del Baltico. Roma : L'Erma di Bretschneider. 224 p.
- Cavalier O., 1988. Le trésor d'Apt. Un ensemble de vaisselle métallique gallo-romaine. Musée Calvet. Avignon : Fondation du Muséum Calvet. 119 p.
- De Decker K., 2007–2008. Une olpe au Musée Hongrois des Beaux-Arts // Boreas. Bd. 30–31. P. 73–103.
- den Boesterd M.P.H., 1956. The Bronze Vessels. Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen. Vol. V. Nijmegen : Uitgegeven in Opdracht van het Departement van Onderwijs, Kunsten en Wetenschappen. 90 p.
- Drobejar E., 2006. Hornolabští Svěbové – Markomani. K problematice dalšího vývoje großromstedtské kultury ve stupni Eggers B1 (“Zeitgruppe 3”) v Čechách (dobřichovská skupina) // Archeologie ve středních Čechách. T. 10. S. 599–712.
- Drobejar E., 2007. “Veteres illic Sueborum praedae et nostris e provinciis lixae ac negotiators reperti...” (Tacitus, Ann. II, 62, 3). K interpretaci římských importů u českých Svěbů v době Marobudově // Archeologie barbarů 2006. Sborník příspěvků z II. protohistorické konference (České Budějovice, 21.–24. 11. 2005). Sv. 1. České Budějovice : Jihočeské muzeum v Českých Budějovicích. S. 43–93.
- Drobejar E., 2014. Bohatý labsko-germanský kostrový hrob lübsowského typu z Prahy-Bubenče (Hrob III1). Nové poznatky k interpretaci nálezu z roku 1948 // Archaeologica Pragensia. T. 22. S. 397–443.
- Eggers H. J., 1951. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. 1. Hamburg : Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. 212 S.
- Ekengren F., 2009. Ritualization – Hybridization – Fragmentation. The Mutability of Roman Vessels in Germania Magna AD 1–400. Acta archaeologica Lundensia, Series prima in 4o, 28. Lund : Lund University. 314 p.
- Erice Lacabe R., 2007. La vajilla de bronce en Hispania // Sautuola. Vol. XIII. P. 197–215.
- Fitzpatrick A.P., 1989. Cross Channel relations in the British later Iron Age. Durham theses, Durham University. 332 p. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/949> (date of access: 07.07.2021).
- Friis Johansen K., 1923. Hoby-Fundet // Nordiske Fortidsminder. Bd. 2. H. 3. Copenhagen : Gyldendalske Boghandel. S. 119–164.
- Grane T., 2007a. Southern Scandinavian Foederati and Auxiliarii // Beyond the Roman Frontier. Roman Influences on the Northern Barbaricum. Analecta Romana Instituti Danici, Supplementum 39. Rome : Quasar. P. 83–104.

- Grane T., 2007b. The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern Connection. A Re-evaluation of Military-political Relations Between the Roman Empire and the Barbaricum in the First Three Centuries AD with a Special Emphasis on Southern Scandinavia. PhD dissertation, University of Copenhagen. Copenhagen : Det Humanistiske Fakultet, Københavns Universitet. 317 p.
- Grane T., 2013. Roman Relations to Southern Scandinavia in the Late Antiquity // Late Roman Silver. The Traprain Treasure in Context. Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Edinburgh : Society of Antiquaries of Scotland. P. 359–371.
- Graue J., 1975. Ein bronzenes Fussbecken vom Typ “Hoby” aus Pedemonte bei Gravelona (Toce) // Archäologisches Korrespondenzblatt. Jg. 5. S. 205–207.
- Holliger Ch., Holliger C., 1985. Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 2 // Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa. Brugg : Vindonissa Museum. S. 5–44.
- Karasová Z., 1998. Die römischen Bronzegefäße in Böhmen. Fontes Archaeologici Pragenses. Vol. 22. Praha : Národní Muzeum. 118 S.
- Kat. Frankfurt, 2003. Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don. Frankfurt : Archäologisches Museum. 175 S.
- Klingenberg S., Blankenfeldt R., Søsted K. H., Jensen A.-E., 2017. Hoby – an exceptional Early Roman Iron Age Site in the Western Baltic Region // Acta Archaeologica. Vol. 88, № 1. P. 121–137.
- Kunow J., 1983. Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen. Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 21. Neumünster : Karl Wachholtz. 208 S.
- Kurzyńska M., 2006. Zachowana misa E 91 z cmentarzyska w Grudziądzu-Rządu, pow: grudziądzki // Korpus znalezisk rzymskich z europejskiego Barbaricum. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polska, Suplement, Tom 3, Nowe znaleziska importów rzymskich z ziem Polski III. Warszawa : Instytut Archeologii Uniwersytetu. S. 11–22.
- Lindeberg I., 1973. Die Einfuhr römischer Bronzegefäße nach Gotland // Saalburg Jahrbuch. Bd. 30. S. 5–69.
- Łuczkiwicz P., 2009. Ostgermanische Eliten der jüngeren vorrömischen Eisenzeit im Spiegel des archäologischen Fundgutes // Aufstieg und Untergang: Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes “Studien zu Genese und Struktur von Eliten in vor- und frühgeschichtlichen Gesellschaften”. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz. Bd. 82. Mainz : Römisch-Germanisches Zentralmuseum. S. 79–105.
- Lund Hansen U., 1987. Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien. Nordiske Fortidsminder, Bd. B/10. København : Det Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 487 S.
- Lund Hansen U., Bollingberg H., 1995. Analyses of Roman Bronze Vessels from Denmark // Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992. Nederlandse archeologische Rapporten. Vol. 18. Nijmegen : Amersfoort : Provinciaal Museum G.M. Kam ; Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. P. 165–168.
- Lundock J. R., 2014. A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain. Thesis by Jason Lundock for King’s College London in completion of degree Doctor of Philosophy in Classics Research. London : King’s College. 333 p.
- Lundock J. R., 2015. A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain. Archaeopress Roman Archaeology 9. Oxford : Archaeopress. 250 p.
- Marčenko I. I., Limberis N. J., 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien. Bd. 25. Mainz : von Zabern. S. 267–400.
- Merker G. S., 2012. The Objects of Metal // Tel Anafa. Vol. II, No. 2: Glass Vessels, Lamps, Objects of Metal, and Groundstone and Other Stone Tools and Vessels. Ann Arbor : Kelsey Museum of Archaeology, University of Michigan. P. 213–280.
- Moser E., 1975. Italische Bronzegefäße in Kalinovka, Wolgograd // Archäologisches Korrespondenzblatt. Jg. 5. S. 133–138.
- Motyková-Šneidrová K., 1963. Die Anfänge der römischen Kaiserzeit in Böhmen. Fontes archaeologici Pragenses. Bd. 6. Prag : Museum Nationale Pragae, Sectio Praehistorica. 81 S.
- Mustață S., 2012. Vasele de bronz romane de la Ilișua/Arcobadara // Revista Bistriței. T. XXVI. P. 57–88.

- Novotný B., 1955. Hrob velmože z počátků doby římské v Praze-Bubenci // Památky archeologické. T. 46. S. 227–264.
- Nuber H.-U., 1972. Kanne und Griffschale // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 53. S. 1–232.
- Nylén E., 1955. Die Jüngere Vorrömische Eisenzeit Gotlands. Stockholm : Almqvist & Wiksell. 560 S.
- Radnóti A., 1938. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Dissertationes Pannonicae. Bd. II/6. Budapest : Institut für Münzkunde und Archäologie der P. Pázmány-Universität. 220 S.
- Raev B. A., 1974. Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don // Actes des IIIes journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains. Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire. Vol. 46. Bruxelles : Parc du Cinquanteaire. P. 139–149.
- Raev B. A., 1977. Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 58. Teil II. S. 605–643.
- Raev B.A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. British Archaeological Reports. International Series 278. Oxford : British Archaeological Reports. 135 p.
- Sakař V., 1970. Roman Imports in Bohemia. Fontes Archaeologici Pragenses. Vol. 14. Pragae : Museum Nationale Pragae, Sectio Praehistorica. 72 p.
- Sarnataro T., 2002. Le patere con manico dall'area vesuviana e la loro funzione domestica. Case-study; la Casa di L. Volusius Faustus (I 2, 10) // I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi. Monographies Instrumentum. Vol. 21. Montagnac : Mergoil. P. 393–406.
- Sedlmayer H., 1999. Die römischen Bronzegefäße in Noricum. Monographies Instrumentum, 10. Montagnac : Mergoil. 247 S.
- Sergackov I. V., 1994. The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992. Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di studi asiatici, series Minor, Vol. XLIV. Napoli : Istituto Universitario Orientale. P. 263–277.
- Skvorcov N., Skripkin A., 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet // Eurasia Antiqua. Bd. 12. S. 251–267.
- Tassinari S., 1993. Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma : L'Erma di Bretschneider. Vol. 1 – 274 p. Vol. 2 – 210 p.
- Treister M., 2018. Hellenistic Phalerae from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia // The Art of the Orient. Vol. 7. Art and Religions in Pre-Islamic Central Asia, Krakow, October 24–26, 2016. Torun : Adam Marszałek. P. 46–62.
- Treister M., 2020. Parthian Imports in the Asian Sarmatia (2nd–1st Centuries BC) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 26, № 2. P. 379–390.
- Werner J., 1954. Die Bronzekanne von Kelheim // Bayerische Vorgeschichtsblätter. Jg. 20. S. 43–73.
- Wielowiejski J., 1985. Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 66. S. 123–320.
- Willers H., 1907. Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien. Hannover, Leipzig : Hahnsche Buchhandlung. 111 S.

REFERENCES

- Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*, 2013 [The Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Local Lore Museum]. Volgograd, Izdatel' Publ. 288 p.
- Glukhov A.A., 2005. *Sarmaty mezhdurech'ya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.e.* [The Sarmatians of the Volga and Don Rivers Interfluvium in the 1st – First Half of the 2nd Century AD]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ. 238 p.
- Gushchina I.I., Zasetkaya I.P., 1994. «Zolotoe kladbishche» rimskoy epokhi v Prikuban'ye [“Golden Cemetery” of the Roman Period in the Kuban Area]. Saint Petersburg, Farn Publ. 172 p.
- Kaposhina S.I., 1967a. Italiyskiy import na Nizhnem Donu [The Italic Import in the Lower Don Region]. *Zapiski Odesskogo Arkheologicheskogo Obshchestva* [The Notes of the Odessa Archaeological Society], vol. II (35), pp. 208–213.
- Kaposhina S.I., 1967b. Svyazi sarmatskikh plemen Nizhnego Podon'ya so Sredizemnomor'em v I v. do n.e. i v pervye veka nashey ery [The Connections of the Sarmatian Tribes of the Lower Don Region with the

- Mediterranean in the 1st Century BC and in the First Centuries of Common Era]. *Antichnoe obshchestvo. Trudy konferentsii po izucheniyu problem antichnosti* [Ancient Society. Proceedings of the Conference on the Study of the Problems of Antiquity]. Moscow, Nauka Publ., pp. 145-150.
- Klejn L.S., 2016. *Pervyy vek: sokrovishcha sarmatskikh kurganov* [First Century: Treasures of the Sarmatian Kurgans]. Saint Petersburg, Eurasia Publ. 224 p.
- Kropotkin V.V., 1969. Rimskie importy Andreevskogo kurgana v Mordovskoy ASSR [The Roman Imports of the Andreevka Kurgan in Mordovian Autonomic Soviet Socialist Republic]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology], iss. 119, pp. 32-36.
- Kropotkin V.V., 1970. *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Roman Imported Objects in Eastern Europe (2nd Century BC – 5th Century AD)]. Svod arkheologicheskikh istochnikov, iss. Д1-27. Moscow, Nauka Publ. 280 p.
- Mamontov V.I., 1994. Kurgannyi mogil’nik Antonov I [Kurgan Cemetery Antonov I]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey* [The Antiquities of the Volga-Don Steppes], iss. 4. Volgograd, Peremena Publ., pp. 15-46.
- Mamontov V.I., 2008. Sarmatskie pogrebeniya iz kurgannogo mogil’nika Verbovskiy II [Sarmatian Burials from the Kurgan Burial Ground Verbovsky II]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 9, pp. 170-197.
- Mys’kov E.P., Kiyashko A.V., Skripkin A.S., 1999. Pogrebenie sarmatskoy znati s Esaulovskogo Aksaya [The Burial of Sarmatian from the Yesaulovsky Aksaj River]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 149-167.
- Raev B.A., 1974. Bronzovyy taz iz 3-go Sokolovskogo kurgana [A Bronze Basin from the 3rd Sokolovskiy Kurgan]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 181-189.
- Sergatskov I.V., 1994. Sarmaty Volgo-Donskikh stepey i Rim v pervykh vekakh nashey ery [Sarmatians of the Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD]. *Problemy vseobshchey istorii: materialy nauch. konf., Volgograd, sentyabr’ 1993* [Problems of World History. Materials of the Scientific Conference. Volgograd, September 1993]. Volgograd, VolSU, pp. 19-29.
- Sergatskov I.V., 2004. K khronologii srednesarmatskoy kul’tury Nizhnego Povolzh’ya [On the Chronology of the Middle Sarmatian Culture of the Lower Volga Region]. *Sarmatskie kul’tury Evrazii: Problemy regional’noy khronologii: dokl. k 5-y Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Krasnodar, pp. 107-116.
- Skvortsov N.B., Skripkin A.S., 2008. Pogrebenie sarmatskoy znati iz Volgogradskogo Zavolzh’ya [Burial of the Sarmatian Nobility from Volgograd Zavolzh’ye]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 9, pp. 98-116.
- Stepanov P.D., 1980. *Andreevskiy kurgan. K istorii mordovskikh plemen na rubezhe nashey ery* [Andreevka Kurgan. To the History of the Mordovian Tribes at the Turn of Common Era]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ. 108 p.
- Timofeev A.A., Soloviov D.S., Stukalov G.V., Vasiliev D.V., Bochkarev V.Yu., 2020. Zahoroneniya epohi rannego zheleznoogo veka kurgannogo mogil’nika «Bogomol’nye peski-I» [Burials of the Early Iron Age of the Kurgans Cemetery “Bogomolnye Peski-I”]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 279-305. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolso.2020.2.14>
- Treister M.Yu., 2018. Parfyanskii i rannesasanidskii «importy» v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Parthian and Early Sassanian “Imports” in the Burials of the Nomads of Eastern Europe (2nd Century BCE – 3rd Century CE)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea], iss. 10, pp. 118-210. DOI: <https://doi.org/10.24411/2219-8857-2018-00004>
- Treister M.Yu., 2019. Taz(-y) iz kurgana № 1 mogil’nika Oktyabr’skiy-V (o tsentre pogrebal’nykh pamyatnikov kochevoy elity v mezhdurech’e Dona i Volgi) [Basin(s) from the Burial-Mound No. 1 of the Oktyabr’skiy Necropolis (On the Center of Nomadic Elite Burials in the Don-Volga Interfluvium)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], no. 2, pp. 379-415. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032103910006756-4>
- Treister M.Yu., 2020a. Bogatoye sarmatskoye pogrebenie Kalinovskogo mogil’nika v Nizhnem Povolzh’e i vozmozhnosti ego interpretatsii [A Rich Sarmatian Burial of the Kalinovka Necropolis in the Lower Volga Area and the Possibilities of its Interpretation]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 163-178.

- Treister M. Yu., 2020b. Bronzovye sosudy pozdnerespublikanskogo vremeni iz pogrebeniy kochevnikov Aziatskoy Sarmatii [Bronze Vessels of the Late Republican Period from the Burials of Nomads of Asian Sarmatia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], no. 4, pp. 41-109. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-4-70-41-109>
- Treister M. Yu., 2020c. Rimskie bronzovye sosudy s medal'onami s figurnymi izobrazheniyami iz Sarmatii [Roman Bronze Vessels with Medallions bearing Figural Images from Sarmatia]. *Homo omnium horarum: sb. st. v chest 70-letiya A. V. Podosinova* [Homo Omnium Horarum: Collection of Articles in Honour of 70th Birthday of A. V. Podosinov]. Moscow, Dmitriy Pozharskiy University Publ. House, pp. 565-610.
- Treister M. Yu., 2020d. Rimskie bronzovye tazy Eggers 99–106 v Vostochnoy Evrope [Eggers 99–106 Roman Bronze Basins in Eastern Europe]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], no. 3, pp. 5-48. DOI: <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-3-69-5-48>
- Shilov V.P., 1959. Kalinovskiy kurgannyi mogil'nik [Kalinovka Kurgan Cemetery]. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya* [Antiquities of the Lower Volga Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, vol. 60. Moscow, AS USSR, pp. 323-523.
- Shilov V.P., 1975. *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya* [Essays on the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Basin]. Leningrad, Nauka Publ. 208 p.
- Allen T., Donnelly M., Hardy A., Hayden C., Powell K., 2012. *A Road Through the Past: Archaeological Discoveries on the A2 Pepperhill to Cobham Road-Scheme in Kent*. Oxford Archaeology Monograph, vol. 16. Oxford, Oxford Archaeological Unit. 620 p.
- Bastürk M.B., Bastürk E., 2021. A Bronze Bowl with Swivelling Handle from Şarhöyük – Dorylaion. *Olba*, vol. XXIX, pp. 25-46.
- Bolla M., 1991. Les bassins. *La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Actes de la table-ronde C.N.R.S., Lattes, avril 1990*. Dijon, Presses de l'Université de Bourgogne, pp. 113-120.
- Bolla M., Castoldi M., 2016. I recipienti di bronzo in Italia settentrionale tra IV e I secolo a.C. e il caso del territorio Veronese. *Arheološki vestnik*, t. 67, pp. 121-175.
- Boucher S., Oggiano-Bitar H., 1993. *Le trésor des bronzes de Bavay*. Revue du Nord, Hors Série, Coll. Archéologique. T. 3. Lille, Université Charles de Gaulle, Lille III. 147 p.
- Boucher S., Tassinari S., 1976. *Musée de la Civilisation Gallo-Romaine à Lyon. Bronzes Antiques*, vol. I. Lyon, Musée de la civilisation gallo-romaine. Paris, Diffusion de Boccard. 155 p.
- Bozhkova A., Delev P., 1999. Two Bronze Vessels from Roman Thrace with Producer Stamps. *Archaeologia bulgarica*, t. III, no. 2, pp. 43-48.
- Božič D., 2002. Il vasellame bronzeo romano: grandi bacili e piccoli mestoli-colini. *I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi*. Instrumentum Monographies, vol. 21. Montagnac, Mergoïl, pp. 419-428.
- Cat. Milan, 1997. *Riflessi di Roma. Imperio Romano e barbari del Baltico*. Roma, L'Erma di Bretschneider. 224 p.
- Cavalier O., 1988. *Le trésor d'Apt. Un ensemble de vaisselle métallique gallo-romaine. Musée Calvet*. Avignon, Fondation du Muséum Calvet. 119 p.
- De Decker K., 2007–2008. Une olpe au Musée Hongrois des Beaux-Arts. *Boreas*, Bd. 30–31, pp. 73-103.
- den Boesterd M.P.H., 1956. *The Bronze Vessels. Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen*, vol. V. Nijmegen, Uitgegeven in Opdracht van het Departement van Onderwijs, Kunsten en Wetenschappen. 90 p.
- Drobejar E., 2006. Hornolabští Svěbové – Markomani. K problematice dalšího vývoje großmstedtské kultury ve stupni Eggers B1 (“Zeitgruppe 3”) v Čechách (dobřichovská skupina). *Archeologie ve středních Čechách*, t. 10, s. 599-712.
- Drobejar E., 2007. “Veteres illic Sueborum praedae et nostris e provinciis lixae ac negotiators reperti...” (Tacitus, Ann. II, 62, 3). K interpretaci římských importů u českých Swebů v době Marobudově. *Archeologie barbarů 2006. Sborník příspěvků z II. protohistorické konference (České Budějovice, 21.–24. 11. 2005)*. Sv. 1. České Budějovice, Jihočeské muzeum v Českých Budějovicích, s. 43-93.
- Drobejar E., 2014. Bohatý labsko-germanský kostrový hrob lübsowského typu z Prahy-Bubenče (Hrob III1). Nové poznatky k interpretaci nálezu z roku 1948. *Archaeologica Pragensia*, t. 22, s. 397-443.

- Eggers H.J., 1951. *Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte*. Bd. 1. Hamburg, Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. 212 S.
- Ekengren F., 2009. *Ritualization – Hybridization – Fragmentation. The Mutability of Roman Vessels in Germania Magna AD 1–400. Acta archaeologica Lundensia*, Series prima in 4o, 28. Lund, Lund University. 314 p.
- Erice Lacabe R., 2007. La vajilla de bronce en Hispania. *Sautuola*, vol. XIII, pp. 197-215.
- Fitzpatrick A.P., 1989. *Cross Channel Relations in the British Later Iron Age*. Durham theses, Durham University. 332 p. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/949> (accessed 7 July 2021).
- Friis Johansen K., 1923. Hoby-Fundet. *Nordiske Fortidsminder*, Bd. 2, H. 3. Copenhagen, Gyldendalske Boghandel, S. 119-164.
- Grane T., 2007a. Southern Scandinavian Foederati and Auxiliarii. *Beyond the Roman Frontier. Roman Influences on the Northern Barbaricum*. Analecta Romana Instituti Danici, Supplementum, vol. 39. Rome, Quasar, pp. 83-104.
- Grane T., 2007b. *The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern Connection. A Re-Evaluation of Military-Political Relations Between the Roman Empire and the Barbaricum in the First Three Centuries AD with a Special Emphasis on Southern Scandinavia. PhD dissertation, University of Copenhagen*. Copenhagen, Det Humanistiske Fakultet, Københavns Universitet. 317 p.
- Grane T., 2013. Roman Relations to Southern Scandinavia in the Late Antiquity. *Late Roman Silver. The Traprain Treasure in Context. Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. Edinburgh, Society of Antiquaries of Scotland, pp. 359-371.
- Graue J., 1975. Ein bronzenes Fussbecken vom Typ “Hoby” aus Pedemonte bei Gravelona (Toce). *Archäologisches Korrespondenzblatt*, Jg. 5, S. 205-207.
- Holliger Ch., Holliger C., 1985. Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 2. *Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa*. Brugg, Vindonissa Museum, S. 5-44.
- Karasová Z., 1998. *Die römischen Bronzegefäße in Böhmen*. Fontes Archaeologici Pragenses, Bd. 22. Praha, Národní Muzeum. 118 S.
- Kat. Frankfurt, 2003. *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt, Archäologisches Museum. 175 S.
- Klingenberg S., Blankenfeldt R., Søsted K.H., Jensen A.-E., 2017. Hoby – an exceptional Early Roman Iron Age Site in the Western Baltic Region. *Acta Archaeologica*, vol. 88, no. 1, pp. 121-137.
- Kunow J., 1983. *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen*. Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Bd. 21. Neumünster, Karl Wachholtz. 208 S.
- Kurzyńska M., 2006. Zachowana misa E 91 z cmentarzyska w Grudziądzu-Rządzu, pow. grudziądzki. *Korpus znalezisk rzymskich z europejskiego Barbaricum. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polska, Suplement, Tom 3, Nowe znaleziska importów rzymskich z ziem Polski III*. Warszawa, Instytut Archeologii Uniwersytetu, S. 11-22.
- Lindeberg I., 1973. Die Einfuhr römischer Bronzegefäße nach Gotland. *Saalburg Jahrbuch*, Bd. 30, S. 5-69.
- Łuczkiwicz P., 2009. Ostgermanische Eliten der jüngeren vorrömischen Eisenzeit im Spiegel des archäologischen Fundgutes. *Aufstieg und Untergang: Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes “Studien zu Genese und Struktur von Eliten in vor- und frühgeschichtlichen Gesellschaften”*. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz, Bd. 82. Mainz, Römisch-Germanisches Zentralmuseum, S. 79-105.
- Lund Hansen U., 1987. *Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien*. Nordiske Fortidsminder, Bd. B/10. København, Det Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 487 S.
- Lund Hansen U., Bollingberg H., 1995. Analyses of Roman Bronze Vessels from Denmark. *Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992*. Nederlandse archeologische Rapporten, vol. 18. Nijmegen, Amersfoort, Provinciaal Museum G.M. Kam, Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek, pp. 165-168.
- Lundock J.R., 2014. *A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain. Thesis by Jason Lundock for King’s College London in completion of degree Doctor of Philosophy in Classics Research*. London, King’s College. 333 p.
- Lundock J.R., 2015. *A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain*. Archaeopress Roman Archaeology 9. Oxford, Archaeopress. 250 p.

- Marčenko I.I., Limberis N.J., 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Archäologie in Eurasien, Bd. 25. Mainz, von Zabern, S. 267-400.
- Merker G. S., 2012. The Objects of Metal. *Tel Anafa II, 2: Glass Vessels, Lamps, Objects of Metal, and Groundstone and Other Stone Tools and Vessels*. Ann Arbor, Kelsey Museum of Archaeology, University of Michigan, pp. 213-280.
- Moser E., 1975. Italische Bronzegefäße in Kalinovka, Wolgograd. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, Jg. 5, S. 133-138.
- Motyková-Šneidrová K., 1963. *Die Anfänge der römischen Kaiserzeit in Böhmen*. Fontes archaeologici Pragenses, Bd. 6. Prag, Museum Nationale Pragae, Sectio Praehistorica. 81 S.
- Mustață S., 2012. Vasele de bronz romane de la Ilișua/Arcobadara. *Revista Bistriței*, t. XXVI, pp. 57-88.
- Novotný B., 1955. Hrob velmože z počátků doby římské v Praze Bubenci. *Památky archeologické*, t. 46, s. 227-264.
- Nuber H.-U., 1972. Kanne und Griffschale. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, Bd. 53, S. 1-232.
- Nylén E., 1955. *Die Jüngere Vorrömische Eisenzeit Gotlands*. Stockholm, Almqvist & Wiksell. 560 S.
- Radnóti A., 1938. *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien*. Dissertationes Pannonicae, Bd. II/6. Budapest, Institut für Münzkunde und Archäologie der P. Pázmány-Universität. 220 S.
- Raev B.A., 1974. Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don. *Actes des IIIes journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains*. Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire, vol. 46. Bruxelles, Parc du Cinquantenaire, pp. 139-149.
- Raev B.A., 1977. Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, Bd. 58, Teil. II, S. 605-643.
- Raev B.A., 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. British Archaeological Reports. International Series 278. Oxford, British Archaeological Reports. 135 p.
- Sakař V., 1970. *Roman Imports in Bohemia*. Fontes Archaeologici Pragenses, vol. 14. Prague, Museum Nationale Pragae, Sectio Praehistorica. 72 p.
- Sarnataro T., 2002. Le patere con manico dall'area vesuviana e la loro funzione domestica. Case-study; la Casa di L. Volusius Faustus (I 2, 10). *I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi*. Monographies Instrumentum, vol. 21. Montagnac, Mergoïl, pp. 393-406.
- Sedlmayer H., 1999. *Die römischen Bronzegefäße in Noricum*. Monographies Instrumentum, vol. 10. Montagnac, Mergoïl. 247 S.
- Sergackov I.V., 1994. The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD. *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992*. Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di studi asiatici, series Minor, vol. XLIV. Napoli, Istituto Universitario Orientale, pp. 263-277.
- Skvorcov N., Skripkin A., 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *Eurasia Antiqua*, Bd. 12, S. 251-267.
- Tassinari S., 1993. *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma, L'Erma di Bretschneider. Vol. 1 – 274 p. Vol. 2 – 210 p.
- Treister M., 2018. Hellenistic Phalerae from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia. *The Art of the Orient*, vol. 7. Art and Religions in Pre-Islamic Central Asia, Krakow, October 24–26, 2016. Torun, Adam Marszałek, pp. 46-62.
- Treister M., 2020. Parthian Imports in the Asian Sarmatia (2nd–1st Centuries BC). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 26, no. 2, pp. 379-390.
- Werner J., 1954. Die Bronzekanne von Kelheim. *Bayerische Vorgeschichtsblätter*, Jg. 20, S. 43-73.
- Wielowiejski J., 1985. Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, Bd. 66, S. 123-320.
- Willers H., 1907. *Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien*. Hannover, Leipzig, Hahnsche Buchhandlung. 111 S.

Information About the Authors

Alexey A. Timofeev, Senior Researcher of the Depots Department, Astrakhan Museum-Reserve, Sovetskaya St, 15, 414000 Astrakhan, Russian Federation, al-mahrusa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-2911>

Mikhail Yu. Treister, Doctor of Sciences (History), Independent Researcher, Bonn, Germany, mikhailtreister@yahoo.de, <https://orcid.org/0000-0001-7451-3325>

Информация об авторах

Алексей Анатольевич Тимофеев, старший научный сотрудник отдела «Фонды», Астраханский музей-заповедник, ул. Советская, 15, 414000 г. Астрахань, Российская Федерация, al-mahrusa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-2911>

Михаил Юрьевич Трейстер, доктор исторических наук, независимый исследователь, г. Бонн, Германия, mikhailtreister@yahoo.de, <https://orcid.org/0000-0001-7451-3325>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.8>

UDC 903.222
LBC 63.44

Submitted: 21.08.2021
Accepted: 15.04.2022

BONE (HORN) ARROWHEADS OF THE POPULATION OF NORTHERN ALTAI IN XIANBEI TIME (BASED ON MATERIALS OF KARBAN-I COMPLEX)¹

Nikolai N. Seregin

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Mikhail A. Demin

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Sergey S. Matrenin

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of the systematization and chronological interpretation of bone (horn) arrowheads found during excavations of the Xianbei time burials of the Karban-I necropolis. This complex is located in the Chermal region of the Altai Republic. The published collection includes 26 bone (horn) arrowheads from seven burial kurgans. As a result of morphological analysis and classification of 23 items of good and satisfactory preservation, nine types were identified. There are both already known and specific modifications that have no analogies in the materials of the Bulan-Koby culture. Comparative study of general, special and individual morphological features made it possible to determine the relative chronology of the items. It was found that the arrowheads from Karban-I necropolis are not genetically related to the bone-cutting traditions of the Pazyryk culture population and represent the local development of specimens that appeared in the Xiongnu (2nd century BC – 1st century AD) and Xianbei (2nd – 1st half of the 4th century AD) time. A series of “experimental” specimens with a separately made bone whistle (types 1b, 4b), which represent a simplified technology for making tips with a one-piece bushing whistle (type 7a), have been identified. It is noted that arrowheads with a sleeve (type 8a) and clamping attachments (type 9a) have rather rare structural elements. Additional evidence was obtained that the population of Altai in the Xianbei time could use arrows with bone tips not only for hunting purposes, but also as a weapon to defeat a weakly defended enemy.

Key words: Altai, Xianbei time, Bulan-Koby culture, bone (horn) arrowheads, necropolis, classification, typology, chronology.

Citation. Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., 2022. Kostyanye (rogovye) nakonechniki strel naseleniya Severnogo Altaya syan’biyskogo vremeni (po materialam kompleksa Karban-I) [Bone (Horn) Arrowheads of the Population of Northern Altai in Xianbei Time (Based on Materials of Karban-I Complex)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 155-170. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.8>

УДК 903.222
ББК 63.44

Дата поступления статьи: 21.08.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

КОСТЯНЫЕ (РОГОВЫЕ) НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА КАРБАН-I)¹

Николай Николаевич Серегин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Михаил Александрович Демин

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул Российская Федерация

Сергей Сергеевич Матренин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот результатов систематизации и хронологической интерпретации костяных (роговых) наконечников стрел, найденных в ходе раскопок погребений сяньбийского времени некрополя Карбан-I. Данный комплекс расположен в Чемальском районе Республики Алтай. Публикуемая коллекция включает 26 костяных (роговых) наконечников стрел из семи курганов (№ 9, 11, 14, 25, 27, 33, 39). В результате морфологического анализа и классификации 23 экземпляров хорошей и удовлетворительной сохранности выделено девять типов изделий. Среди них имеются как уже известные, так и специфические модификации, которые не имеют аналогий в материалах булан-кобинской культуры Алтая. Сравнительное изучение общих, особенных и единичных морфологических признаков позволило определить относительную хронологию изделий. Установлено, что карбанские наконечники стрел генетически не связаны с костерезными традициями населения пазырыкской культуры Алтая скифо-сакского периода и представляют собой местное развитие образцов, появившихся в хуннское (II в. до н.э. – I в. н.э.) и сяньбийское (II – 1-я половина IV в. н.э.) время. Выделена серия «экспериментальных» черешковых экземпляров с отдельно изготовленной костяной свистункой (типы 1б, 4б), которые представляют собой упрощенную технологию изготовления наконечников с цельной свистункой-втулкой (тип 7а). Отмечено, что наконечники с втульчатой (тип 8а) и зажимным насадом (тип 9а) имеют достаточно редкие элементы конструкции. Получены дополнительные свидетельства того, что в сяньбийское время население Алтая могло использовать стрелы с костяными наконечниками не только в охотничьих целях, но и в качестве оружия для поражения слабо защищенного противника.

Ключевые слова: Алтай, сяньбийское время, булан-кобинская культура, костяные (роговые) наконечники стрел, некрополь, классификация, типология, хронология.

Цитирование. Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С., 2022. Костяные (роговые) наконечники стрел населения Северного Алтая сяньбийского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 155–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.8>

Введение

Лук и стрелы с наконечниками из кости и рога на протяжении длительного периода являлись эффективным средством ведения дальнего боя у многих народов мира. После широкого распространения в Центральной Азии в хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.) железа как основного материала для изготовления наступательного и оборонительного вооружения стрелы с костяными (роговыми)² проникающими использовались главным образом как охотничий инвентарь. Правда, в отдельных случаях они могли применяться в качестве дополнительных средств поражения живой силы слабо защищенного противника [Соенов и др., 2018, с. 210; Тишкин и др., 2018, с. 119].

К настоящему времени в результате раскопок археологических памятников булан-кобинской культуры Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) сформирована обширная коллекция костяных (роговых) наконечников стрел, насчитывающая около 300 экземпляров

[Матренин, Серегин, 2019, с. 108]. Очевидно, количество таких находок демонстрирует большое значение данных предметов в системе жизнеобеспечения населения региона. Кроме того, костяные (роговые) наконечники стрел довольно информативны для определения датировки отдельных закрытых комплексов, а также при проведении различных историко-археологических реконструкций.

Опыт исследования костяных (роговых) наконечников населения булан-кобинской культуры Алтая отражен во многих работах преимущественно в рамках изучения оружия дальнего боя. Первая попытка характеристики немногочисленных опубликованных изделий предпринята Ю.С. Худяковым [1986]. В дальнейшем этот специалист неоднократно анализировал находки из раскопанных им комплексов хуннского (Усть-Эдиган) и сяньбийского (Улуг-Чолтух-I) времени в Северном Алтае [Худяков, 1997; 2002; 2014а; 2014б; 2016]. В диссертации Ю.С. Мамадакова [1990, с. 79–85] разработана развернутая классификация нескольких десятков костяных

(роговых) наконечников стрел из могильников Центрального Алтая сяньбийского периода (Белый-Бом-II, Бош-Туу-I, Булан-Кобы-IV). Изучение многочисленных подобных изделий отражено в публикациях горно-алтайских археологов в рамках издания разновременных комплексов Верхней Катуни (Верх-Уймон, Чендек) [Соенов, Эбель, 1992; Соенов, 2005]. Наиболее обширное собрание костяных (роговых) наконечников стрел булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э. исследовал А.В. Эбель [1998, с. 11–12] в кандидатской диссертации. Представительная по составу серия образцов из полностью раскопанного некрополя жужанского времени Дялян (Северный Алтай) обобщена Ю.В. Тетериним [2004]. Отдельно стоит отметить предложенные А.П. Бородовским [1997, рис. 11, табл. 47, 1–11] реконструкции технологий производства некоторых показательных модификаций костяных и роговых проникающих из памятников региона 1-й половины I тыс. н.э. Некоторые вопросы происхождения и датировки костяных (роговых) стрел представлены в публикациях авторов настоящей статьи, посвященных введению в научный оборот результатов раскопок погребальных комплексов сяньбийско-жужанского времени (Степушка, Тыткескень-VI, Чобурак-I) [Кирюшин и др., 2014; Тишкин и др., 2018, с. 119–126; Серегин и др., 2020]. В обозначенных работах отмечены специфические черты отдельных типов наконечников булан-кобинской культуры, а также обозначен круг актуальных для их датировки вещественных аналогий из других регионов.

Полноценное изучение эволюции наконечников стрел из кости (рога) у населения булан-кобинской культуры Алтая осложняет тот факт, что значительная часть подобных изделий не опубликована. Так, большинство находок из памятников рассматриваемого региона сяньбийского времени, в ходе раскопок которых обнаружено около 80 % известных предметов, до сих пор не введены в научный оборот. Это обстоятельство определяет актуальность данной статьи, посвященной систематизации, анализу и хронологической интерпретации костяных (роговых) наконечников стрел из погребений некрополя Карбан-I в Северном Алтае.

Материалы и методы исследования

Погребально-поминальный комплекс Карбан-I расположен на левом берегу р. Катунь, в 0,4 км к северу от устья р. Карбан, в 1,7 км к юго-востоку от с. Кунос Чемальского района Республики Алтай. В 1989–1990 гг. на данном памятнике в рамках аварийных археологических работ экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина была вскрыта серия погребений сяньбийского времени. Несмотря на то что материалы раскопок опубликованы лишь частично [Контев, 1991; Серегин и др., 2021], очевидно, что некрополь весьма информативен для изучения специфики историко-культурных процессов в регионе в данный период.

Роговые (костяные) наконечники стрел найдены в семи непо потревоженных мужских захоронениях, совершенных по обряду одиночной ингумации. Всего обнаружено 26 изделий разной степени сохранности. Количество наконечников в погребениях варьировало от одного до восьми. Документированы следующие варианты размещения данных предметов *in situ*: курган № 9 – компактно у правого локтя умершего человека (5 экз.) рядом с единственным железным наконечником, и порознь в ногах (3 экз.); курган № 11 – под срединной накладкой лука (1 экз.) и справа от черепа (1 экз.); курган № 14 – в виде скопления над правым крылом таза (4 экз.), под правой плечевой костью (1 экз.), среди ребер внутри грудной клетки (1 экз.), между грудными позвонками острием вверх (1 экз.); курган № 25 – около правого локтя (3 экз.); курган № 27 – возле правого крыла таза (2 экз.); курган № 33 – справа от черепа (3 экз.) вместе с одним железным наконечником и в заполнении внутримогильной конструкции над ребрами человека (1 экз.); курган № 39 – между ног, в нижней части голени (1 экз.). Материалы раскопок кургана № 14 свидетельствуют о том, что мужчина был убит несколькими стрелами в спину. Данный факт подтверждает сделанное ранее наблюдение о том, что в отдельных случаях население булан-кобинской культуры Алтая использовало костяные (роговые) наконечники не только в охотничьих

целях, но и в качестве оружия [Тур и др., 2018]. Следует отметить, что в двух объектах (курганы № 9 и 33) наконечники стрел из кости (рога) размещены рядом (в колчане?) с боевыми железными проникателями.

Зафиксированная коллекция характеризуется морфологическим разнообразием целых и фрагментированных образцов, что позволяет провести их классификацию. Таксономическая систематизация изделий из некрополя Карбан-I основывалась на имеющемся опыте изучения костяных (роговых) наконечников стрел населения булан-кобинской культуры Алтая [Тишкин и др., 2018, с. 119–126; Матренин, Серегин, 2019; Серегин и др., 2020]. Подробный морфологический анализ предметов позволил обозначить специфические черты некоторых типов наконечников и определить круг аналогий из комплексов булан-кобинской культуры Алтая, а также памятников, раскопанных на сопредельных территориях. Сделанные наблюдения стали основой для заключений, связанных с хронологией изучаемых изделий, а также особенностями их использования населением Северного Алтая сянбийского времени.

Анализ материалов

Классификация костяных (роговых) наконечников стрел из погребально-поминального комплекса Карбан-I осуществлялась по таким параметрам, как материал изготовления (группа), способ насада на древко (разряд), поперечное сечение пера (раздел), общий силуэт пера в продольной плоскости и наличие острия (отдел), форма пера (тип), особенности перехода пера в насад, наличие / отсутствие свистунки, форма и (или) пропорции насада (вариант). В классификации учтены 23 изделия, характеризующиеся полным набором обозначенных морфологических показателей. В результате выделена одна группа, три разряда, три раздела, два отдела, девять типов костяных (роговых) наконечников стрел, дополненных одиннадцатью вариантами.

Группа I. Костяные (роговые).

Разряд I. Черешковые.

Раздел I. Ромбовидные.

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 1. Треугольные.

Вариант а – вогнутые плечики (шипы), без свистунки, четырехугольный черешок укороченных пропорций (длина меньше, либо равна поражающей части). Включает два экземпляра из кургана № 25. Размеры пера 3,4–4,2 × 1,5–1,7 см, длина насада 1,5–2,7 см (рис. 1,2–3).

Вариант б – вогнутые плечики (шипы), отдельно изготовленная свистунка бочонковидной формы, четырехугольный черешок укороченных пропорций. Включает один экземпляр из кургана № 33. Размеры пера 5,1 × 1,3 см, длина насада не менее 3 см (черешок обломан) (рис. 1,4).

Тип 2. Пятиугольные.

Вариант а – вогнутые плечики (шипы), без свистунки, четырехугольный черешок укороченных пропорций. Включает четыре экземпляра из курганов № 9 (2), № 11, № 25. Размеры пера 4,1–4,5 × 1,1–1,7 см, длина насада 1,6–3,4 см (рис. 1,1,5–7, 3,1–3).

Отдел II. Негеометрические, заостренные.

Тип 3. Листовидные.

Вариант а – покатые плечики, без свистунки, четырехугольный черешок укороченных пропорций. Включает два экземпляра из кургана № 9. Отметим, что у одного наконечника на боковых гранях пера зафиксированы насечки в виде коротких прямых линий. Размеры пера 4,1–4,2 × 1,1 см, длина насада у полностью сохранившегося изделия 3 см (рис. 1,8–9, 3,4–5).

Раздел II. Многогранные.

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 4. Треугольные.

Вариант а – вогнутые плечики, без свистунки, четырехугольный черешок укороченных пропорций. Включает четыре экземпляра из курганов № 9 (2) и № 27 (2). Размеры пера 4,8–6,8 × 1,2–2,3 см, длина насада 1,3–3 см (рис. 1,10–13, 3,6–7).

Вариант б – вогнутые плечики, отдельно изготовленная свистунка бочонковидной формы, четырехугольный черешок укороченных пропорций. Включает четыре экземпляра из курганов № 14 (2) и № 33 (2). Длина пера не менее 4 см, ширина – 1,6–2 см, длина насада – 2,6–2,9 см (рис. 1,14–15, 2,1–2, 3,8–11).

Раздел III. Линзовидные / дуговидные.

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 5. Треугольные.

Вариант а – вогнутые плечики, без свистунки, четырехугольный черешок укороченных пропорций. Включает два экземпляра из курганов № 9 и 11. Размеры пера 4,7–5 × 2 см, длина насада у одного изделия не менее 2,5 см (рис. 2,3,5, 3,11–12).

Тип 6. Пятиугольные.

Вариант а – вогнутые плечики, без свистунки, четырехугольный черешок укороченных пропорций. Включает один экземпляр из кургана № 39. Размеры пера 3,4 × 1,8 см, длина сохранившегося насада 0,8 см (рис. 2,6, 3,14).

Разряд II. Втульчатые.

Раздел I. Ромбовидные.

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 7. Треугольные.

Вариант а – вогнутые плечики, цельная свистунка, выступающая втулка бочонковидной формы. Включает один экземпляр из кургана № 14. Размеры пера 4 × 1,3 см, длина насада – 2,3 см (рис. 2,7, 3,15).

Раздел III. Линзовидные, дуговидные.

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 8. Треугольные.

Вариант а – вогнутые плечики, без свистунки, выступающая втулка цилиндрической формы. Включает один экземпляр из кургана № 14. Длина обломка пера – 2,7 см, ширина – 1,2 см, длина выступающей втулки – около 0,6 см (рис. 2,8, 3,16).

Разряд III. Зажимные.

Раздел II. Многогранные.

Отдел I. Геометрические, заостренные.

Тип 9. Пятиугольные.

Вариант а – покатые плечики, без свистунки, насад с приостренными концами укороченных пропорций. Включает один экземпляр из кургана № 14. Размеры пера 3,8 × 1,1 см, длина насада 1,9 см (рис. 2,9, 3,17).

Обсуждение результатов

В рамках хронологической атрибуции классифицированных изделий принимались во внимание только информативные для сравнения аналогии из памятников Центральной, Средней и Северной Азии хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.), а также начала раннего средневековья. При типологии также учитывалось, что вариативность некоторых морфологических признаков

наконечников зависела от особенностей исходного сырья, профильного назначения прокателей, а также определялась участием в их производстве широкого круга мастеров-косторезов. В отдельных случаях имела значение количественная встречаемость сочетаний конкретных показателей конструкции и формы предметов.

В анализируемом собрании количественно преобладают образцы с черешковым насадом (разряд I). Данный способ крепления костяных (роговых) наконечников на древке стрелы являлся основным на всех этапах существования булан-кобинской культуры Алтая. Среди них черешковые ромбовидные (раздел I) наконечники были самой популярной модификацией изделий данной категории, впервые появившейся на Алтае во II в. до н.э. – I в. н.э. [Худяков, 1997, рис. 2,1–3,5,6]. При этом в их изготовлении у «булан-кобинцев» не прослеживается влияния пазырыкской и хуннуской культурных традиций [Матренин, Серегин, 2019, с. 108]. Распространение ромбовидного сечения у костяных (роговых) наконечников стрел было своего рода эпохальным явлением, представленным у многих народов Восточной Евразии во II в. до н.э. – V в. н.э.

Классифицированные экземпляры раздела I из некрополя Карбан-I снабжены острым геометрическим (отдел I), реже негеометрическим (отдел II) пером треугольной (тип 1а), пятиугольной (тип 2а), листовидной (тип 3а) форм с разными вариантами перехода в короткий черешок. За пределами Алтая актуальные для их датировки аналогии зафиксированы в тесинской (I в. до н.э. – II в. н.э.) (тип 3а) и таштыкской (IV–VI вв. н.э.) (тип 3а) культурах Хакасии, в бурхотуйской культуре Забайкалья (IV–VI вв. н.э.) (тип 1а), в верхнеобской (V – начало VIII в. н.э.) культуре Западной Сибири (тип 3а), в джетыясарской культуре Восточного Приаралья (III–V вв. н.э.) (тип 3а) [Худяков, 1986, с. 54, рис. 16,8, с. 95, рис. 37,15–16, с. 115, рис. 50,10; 1991, с. 59, рис. 28,18–19,26; Левина, 1996, рис. 93,12–13,25,27,31–32,38; Троицкая, Новиков, 1998, с. 40].

Черешковые ромбовидные наконечники треугольной формы с вогнутыми плечиками-шипами типа 1а обнаружены в погребальных комплексах булан-кобинской культуры сянь-

бийского (Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Степушка, Тыткескень, Пазырык, Улита) и жузжанского времени (Кок-Паш) [Гаврилова, 1965, рис. 3,1; Мамадаков, 1990, рис. 15,6, 25,6; Бобров и др., 2003, рис. 18,3-5; Кирюшин и др., 2014, рис. 6,10,13; Тишкин и др., 2018, с. 120, табл. 35,9,15; Матренин, Серегин, 2019, с. 109]. С учетом представленных сравнений можно сделать вывод, что подобные изделия являются одной из массовых модификаций костяных (роговых) проникателей населения Алтая во II – 1-й половине IV в. н.э., удельный вес которых заметно сократился во 2-й половине IV – V в. н.э. [Матренин, Серегин, 2019, с. 105, 109]. Особого внимания заслуживает экземпляр с отдельно изготовленной костяной свистункой (тип 1б). Данный элемент был, по-видимому, заимствован из конструкции боевых железных наконечников. Кроме того, можно предположить, что рассматриваемое изделие представляет собой попытку упростить более трудоемкую технологию изготовления костяных (роговых) наконечников с цельной свистункой-втулкой.

Черешковые ромбовидные пятиугольные наконечники с вогнутыми плечиками (тип 2а) известны уже в ранних (II в. до н.э. – I в. н.э.) материалах булан-кобинской культуры из могильника Усть-Эдиган, а в дальнейшем встречаются в погребальных памятниках сяньбийского времени (Бош-Туу-I, Булан-Кобы-IV, Улита) [Худяков, 1997, рис. 2,5-6; Мамадаков, 1990, рис. 15,4, 26,5-6, 66,6]. Опираясь на имеющиеся вещественные источники, период бытования таких наконечников у населения Алтая предварительно можно определить в рамках II в. до н.э. – 1-й половины IV в. н.э. Достаточно необычно выглядит наконечник типа 2а из кургана № 11, имеющий черешок с кольцевым упором как у железных проникателей. Следует отметить, что костяные (роговые) наконечники разных форм с упором встречаются в материальной культуре разных групп сяньби (конец I – IV в. н.э.) Восточного Забайкалья, Северо-Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии, а также получили распространение у племен бурхотуйской культуры в IV–VI вв. н.э. [Худяков, Юй Су-Хуа, 2005, с. 12, рис. 1,25,33; Ковычев, 2006, рис. 5,2-3,5-7,20-21, 6,5-6; Кириллов и др., 2000, рис. 79,15-18].

Черешковые наконечники с листовидным пером и покатыми плечиками (тип 3а) обнаружены в погребениях Алтая, относящихся к бело-бомскому (Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Степушка, Тыткескень-VI) и верх-уймонскому (Верх-Уймон, Кок-Паш) этапам булан-кобинской культуры [Мамадаков, 1990, рис. 25,7; Бобров и др., 2003, рис. 6,4; Кирюшин и др., 2014, рис. 6,13; Соенов, 2017, рис. 14,6; Тишкин и др., 2018, с. 120]. Общая датировка наконечников типа 3а укладывается в хронологический интервал II–V вв. н.э.

Черешковые наконечники с многогранным в сечении (раздел II) геометрическим пером (отдел I) треугольной формы (тип 4а-б) являются производными от ранее рассмотренных ромбовидных наконечников типа 1а-б. Многогранное сечение боевой части получалось в одних случаях в результате выреза кровотоков, а в других, вероятно, было связано с особенностями исходной костяной заготовки. Аналогия экземпляру типа 4а зафиксирована на Алтае в могильнике Улуг-Чолтух-I, который датируется III–IV вв. н.э. [Худяков, 2014а]. Показательно, что четыре наконечника имели отдельно изготовленную костяную свистунку бочонковидной формы (тип 4б).

Костяные (роговые) наконечники с линзовидным (дуговидным) пером (раздел III) в виде геометрической заостренной фигуры (отдел I) треугольной (тип 5а) и пятиугольной форм (тип 6а) с вогнутыми плечиками-шипами могли быть выполнены из трубчатых костей [Соенов, Константинова, 2015, с. 34]. В булан-кобинской культуре похожие наконечники происходят из погребальных комплексов сяньбийского времени Тыткескень-VI (типы 5а, 6а) и Степушка (тип 5а) [Кирюшин и др., 2014; Тишкин и др., 2018, с. 120, 122, 124].

Наконечники стрел с втульчатый насадом (разряд II) и ромбовидным в сечении пером (раздел I) в материалах некрополя Карбан-I представлены экземпляром, имеющим геометрическое заостренное перо (отдел I) треугольной формы с вогнутыми плечиками и выступающей цельной бочонковидной втулкой-свистункой (тип 7а). Технология их производства была наиболее сложной. Данные изделия с различным сечением пера (трехгран-

ным, ромбовидным) имеют ограниченный ареал распространения. В Восточном Забайкалье они известны в дуройской (III–IV вв. н.э.) и бурхотуйской (IV–VI вв. н.э.) культурах [Худяков, 1991, рис. 28,1–3; Литвинцев, 2006, рис. 39,10; Ковычев, 2006, рис. 6,10]. Пара похожих предметов обнаружена на территории Монголии в погребении 2-й половины III – начала VI в. н.э. [Цэвэндорж и др., 2008, рис. 79]. У населения Алтая период активного применения таких втульчатых наконечников приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э., что, очевидно, отражает влияние костерезных традиций одной из групп сяньби [Матренин, Серегин, 2019, с. 109]. Судя по материалам комплекса Карбан-I, «булан-кобинцы» могли познакомиться с костяными (роговыми) проникателями данной конструкции в 1-й половине III в. н.э. Основанием для подобного предположения выступает обнаружение в данном комплексе серии из шести «экспериментальных» образцов черешковых наконечников с отдельно изготовленной свистункой (типы 1б, 4б), не встречающихся в других погребальных комплексах региона сяньбийского времени.

Втульчатый (разряд II) наконечник с линзовидным / дуговидным (раздел III) пером треугольной формы, имеющий вогнутые плечики и цельную выступающую втулку цилиндрической формы без свистунки (тип 8а), не имеет точных аналогий. Близкие по оформлению изделия представлены в сяньбийских могильниках Восточного Забайкалья [Яремчук, 2005, рис. 76,7–8; Ковычев, 2006, рис. 6,10; Литвинцев, 2006, рис. 39,9]. В качестве наиболее похожих сопоставлений в известных археологических материалах булан-кобинской культуры можно указать на ромбовидные и многогранные наконечники с треугольным и пятиугольным пером, найденные в могильниках III–IV вв. н.э. (Булан-Кобы-IV, Степушка) [Мамадаков, 1990, рис. 16,6; Тишкин и др., 2018, с. 121, табл. 34,2]. Конструктивно похожие экземпляры с трехгранным пером зафиксированы в памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. (Усть-Эдиган) и 2-й половины IV – начала V в. н.э. (Чобурак-I) [Худяков, 1997, рис. 1,6; Серегин и др., 2020, с. 92, рис. 2,7]. Вопрос о датировке наконечников типа 8а остается пока открытым.

Костяные (роговые) наконечники с зажимным насадом (разряд III) представлены единственным многогранным (раздел IV) экземпляром с пятиугольным пером (тип 9а)³. Распространение стрел с таким способом крепления на древке у народов Северной Азии исследователи традиционно связывают с влиянием предметного комплекса культуры хунну (сюнну) [Худяков, 1986, с. 39–41, 59; Ковалев, 2002, с. 122, рис. 2,2,18]. Однако на Алтае проникатели с «расщепленным» насадом появились не ранее II в. н.э. При этом они значительно отличаются по своим морфологическим признакам от хуннских наконечников, что свидетельствует об их местном генезисе, возможно, на основе черешковых модификаций [Тишкин и др., 2018, с. 125; Матренин, Серегин, 2019, с. 110–111; Серегин и др., 2020, с. 95]. Данные изделия являются показательным «этнографическим» элементом охотничьего инвентаря скотоводов Алтая в III–V вв. н.э. Очевидно, от «булан-кобинцев» зажимные наконечники проникли к населению майминской культуры Северного Алтая и одинцовской культуры Верхнего Приобья, а также достались в «наследство» алтайским тюркам 2-й половины V – 1-й половины VII в. [Грязнов, 1956, табл. XXXIII,7; Гаврилова, 1965, табл. XXI,5; Худяков и др., 1990, рис. 5; Мамадаков, 1994, рис. 2,12; Абдулганеев, 1996, рис. 1,4–5; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. IX,11–12; Кубарев, 2005, табл. 4,8; Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 71,10,12,17].

Наконечник типа 9а из некрополя Карбан-I отличается достаточно редким многогранным пером и слабо выраженными покатыми плечиками, что, вероятно, обусловлено его изготовлением из трубчатой кости. В типологическом отношении он совпадает с часто встречающимися в булан-кобинской культуре ромбовидными экземплярами, которые имеют обычно прямые плечики [Глоба, 1983; Мамадаков, 1990, рис. 33,9–10, 38,8, 45,6–7, 51,6; Соенов, Эбель, 1992, рис. 28,1; Тишкин и др., 2018, с. 122]. Датировка карбанского изделия может быть скорректирована после определения археологического возраста погребения, в котором он был найден. Показательно, что этот наконечник входил в один комплект с проникателями типов 4б и 7а, датирующимися не ранее III в. н.э.

Заключение

Вещественные материалы из комплекса Карбан-I показывают значительное разнообразие костяных (роговых) наконечников стрел населения Северного Алтая в сяньбийское время. В результате классификации 23 экземпляров хорошей и удовлетворительной сохранности выделено девять типов изделий, среди которых встречаются как уже известные, так и специфические модификации, не имеющие точных аналогий в памятниках булан-кобинской культуры. В изученном собрании количественно преобладают черешковые проникатели (типы 1–6). Генетически они не связаны с костерезными традициями населения пазырыкской культуры Алтая и отражают местное развитие образцов, появившихся в хуннское (II в. до н.э. – I в. н.э.) и сяньбийское (II – I-я половина IV в. н.э.) время. Большой процент изделий с многогранным и линзовидным (дуговидным) пером у «карбанцев» обусловлен, с одной стороны, практикой изготовления кровотоков, а с другой – использованием заготовок из трубчатой кости или грубо обработанных роговых пластин. Среди них зафиксированы пять своего рода «экспериментальных» экземпляров (типы 1б, 4б) с отдельно изготовленной костяной свистункой. Имеются основания для предположения о том, что данные предметы представляют собой упрощенную технологию производства наконечников с цельной свистункой-втулкой (тип 7а), популярных на Алтае и в Восточном Забайкалье во 2-й четверти I тыс. н.э. Наконечники с втульчатой (тип 8а) и зажимным насадом (тип 9а) из погребений некрополя Карбан-I имеют достаточно редкие элементы конструкции, поэтому их датировка может быть установлена с учетом археологического возраста объектов, в которых они были обнаружены. Хронология остальных изделий достаточно уверенно определяется в рамках сяньбийского времени, отражая вариабель-

ность традиций изготовления таких предметов населением Северного Алтая во II – I-й половине IV в. н.э.

В целом по соотношению изделий с разным способом насада, а также по другим характеристикам коллекцию из комплекса Карбан-I можно сопоставить с материалами таких булан-кобинских некрополей Алтая, как Тыткескень-VI и Верх-Уймон. Вопрос о зависимости морфологии наконечников от их профильной специализации остается пока открытым.

Документированное свидетельство размещения костяных (роговых) проникателей *in situ* в посткраниальном скелете мужчины из кургана № 14 некрополя Карбан-I подтверждает тезис о том, что в отдельных случаях носители булан-кобинской культуры Алтая использовали наконечники из остеологического материала не только в охотничьих целях, но и в качестве оружия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-78-10037). Обработка материалов раскопок некрополя Карбан-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10037). Processing materials of the Karban-I necropolis was carried out in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

² Используемое здесь и далее в тексте обозначение «костяные (роговые)» объясняется тем, что в отношении данных изделий не проводилась технико-технологическая экспертиза, позволяющая четко разделить роговые и костяные экземпляры.

³ Отметим, что в кургане № 14 зажимной наконечник типа 9а обнаружен среди ребер умершего человека. Не исключено, что данное изделие не входило в состав погребального инвентаря. Это наблюдение дополняет свидетельства гибели мужчины из кургана № 14 от полученных смертельных стреляных ран черепа и позвоночника.

ПРИЛОЖЕНИЯ

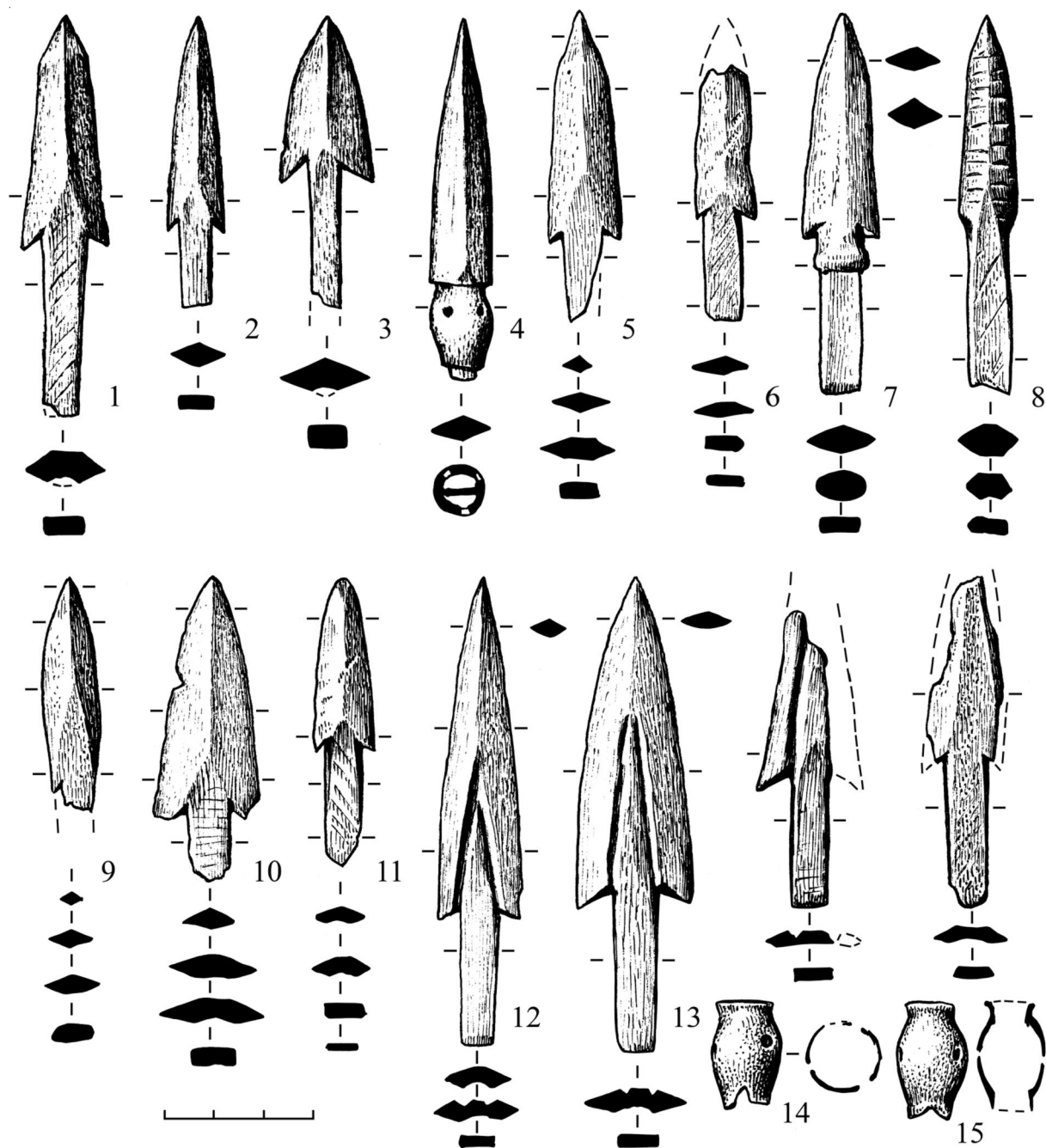

Рис. 1. Костяные (роговые) наконечники стрел из некрополя сяньбийского времени Карбан-I:

1-3 – курган № 25; 4 – курган № 33; 5-6, 8-11 – курган № 9; 7 – курган № 11; 12-13 – курган № 27;

14-15 – курган № 14. Рисунки выполнены И.А. Чудилиным

Fig. 1. Bone (horn) arrowheads from the Xianbei necropolis Karban-I:

1-3 – kurgan no. 25; 4 – kurgan no. 33; 5-6, 8-11 – kurgan no. 9; 7 – kurgan no. 11; 12-13 – kurgan no. 27;

14-15 – kurgan no. 14. The drawings were made by I.A. Chudilin

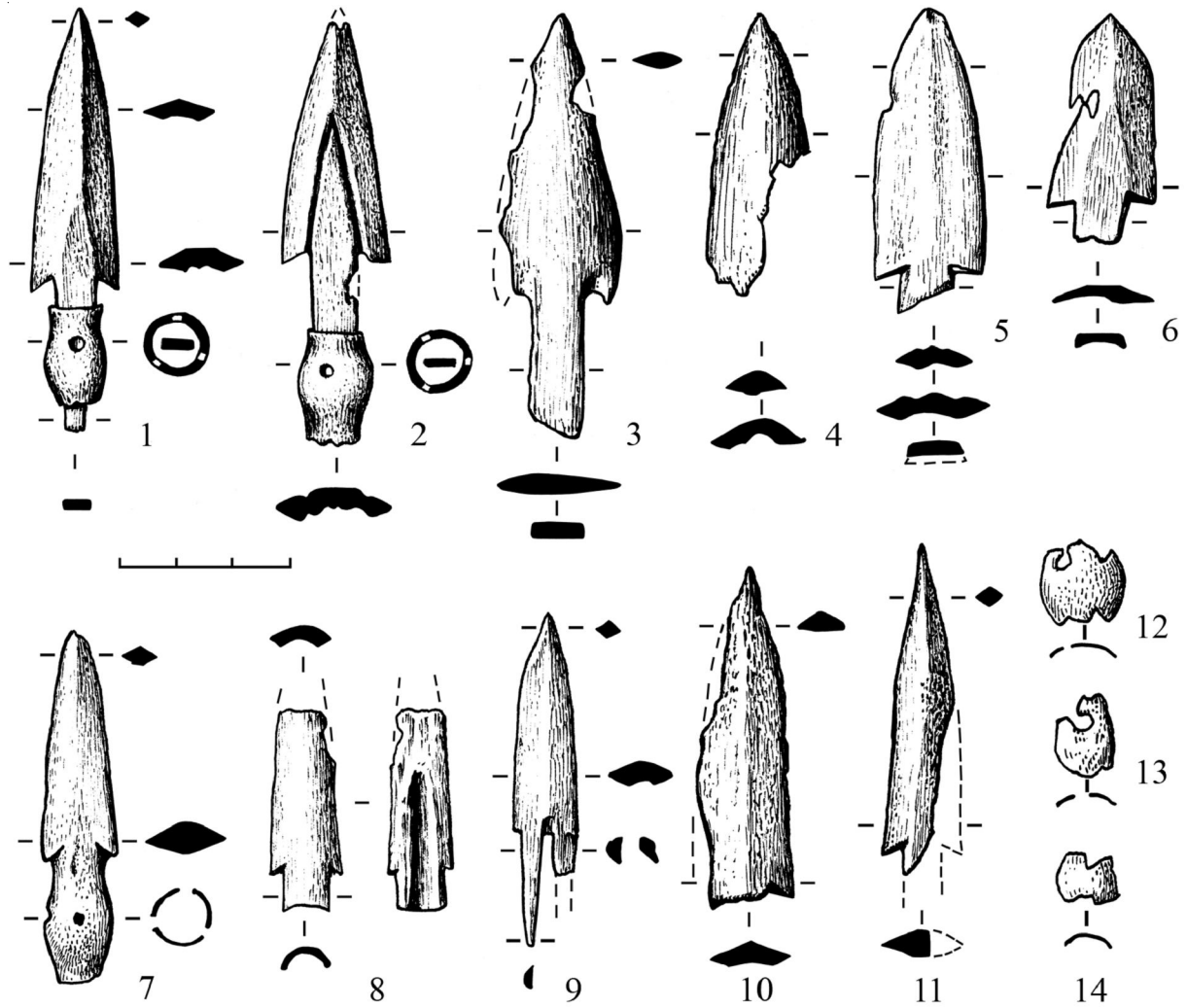

Рис. 2. Костяные (роговые) наконечники стрел из некрополя сяньбийского времени Карбан-I:
 1-2 – курган № 33; 3-4 – курган № 9; 5 – курган № 11; 6 – курган № 39; 7-10, 12-14 – курган № 14;
 11 – курган № 33. Рисунки выполнены И.А. Чудилиным

Fig. 2. Bone (horn) arrowheads from the Xianbei necropolis Karban-I:
 1-2 – kurgan no. 33; 3-4 – kurgan no. 9; 5 – kurgan no. 11; 6 – kurgan no. 39; 7-10, 12-14 – kurgan no. 14;
 11 – kurgan no. 33. The drawings were made by I.A. Chudilin

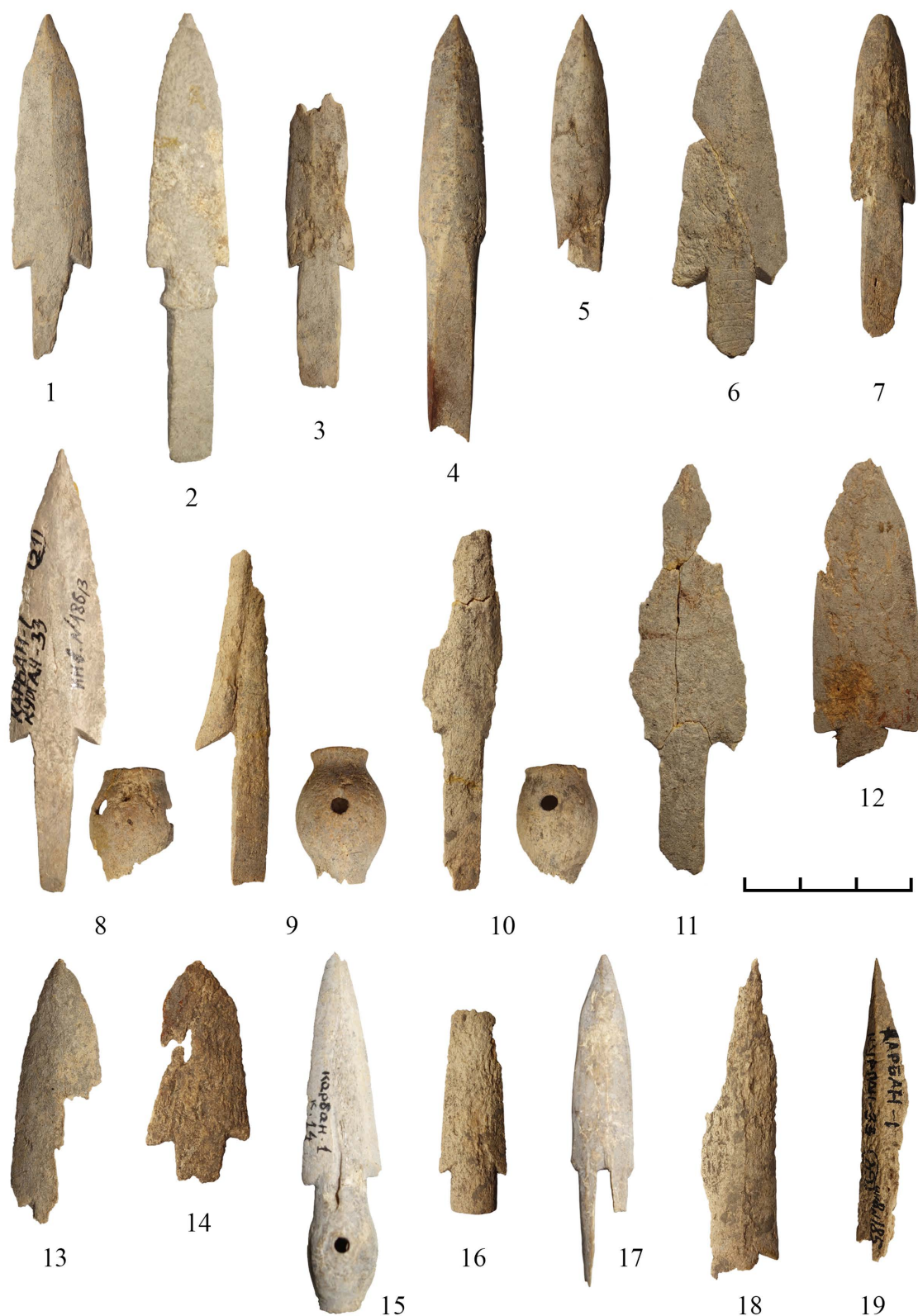

Рис. 3. Костяные (роговые) наконечники стрел из некрополя сяньбийского времени Карбан-I:
1, 3–7, 11, 13 – курган № 9; 2, 12 – курган № 11; 8, 19 – курган № 33; 9, 10, 15–18 – курган № 14; 14 – курган № 39.
Фото Н.Н. Серегина

Fig. 3. Bone (horn) arrowheads from the Xianbei necropolis Karban-I:
1, 3–7, 11, 13 – kurgan no. 9; 2, 12 – kurgan no. 11; 8, 19 – kurgan no. 33; 9, 10, 15–18 – kurgan no. 14; 14 – kurgan no. 39.
Photo by N.N. Seregin

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулганеев М. Т., 1996. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 165–171.
- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А., 2003. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 224 с.
- Бородовский А. П., 1997. Древнее костерезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 224 с.
- Гаврилова А. А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука. 146 с.
- Глоба Г. Д., 1983. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ. С. 116–126.
- Грязнов М. П., 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 162 с.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И., 2000. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 176 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Матренин С. С., 2014. Материалы сяньбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований. № 2 (10). С. 5–24.
- Ковалев А. А., 2002. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ ; Чита : Изд-во Бурят. ун-та. С. 103–131.
- Ковычев Е. В., 2006. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск : Изд-во ИрГТУ. С. 242–258.
- Контев А. В., 1991. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск. С. 54–55.
- Кубарев Г. В., 2005. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 400 с.
- Кунгурова Н. Ю., Абдулганеев М. Т., 2019. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 214 с.
- Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М. : Восточная литература РАН. 396 с.
- Литвинцев А. Ю., 2006. Погребения эпохи средневековья разновременного могильника в пади Кангил // Записки Нерчинского краеведческого музея. № 2. Нерчинск : Нерчин. краевед. музей им. М. Д. Бутина. С. 35–40.
- Мамадаков Ю. Т., 1990. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 317 с.
- Мамадаков Ю. Т., 1994. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 58–63.
- Мамадаков Ю. Т., Горбунов В. В., 1997. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск : ГАГУ. С. 115–129.
- Матренин С. С., Серегин Н. Н., 2019. Костяные (роговые) наконечники стрел кочевников Алтая рубежа древности и средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. № 3 (107). С. 104–113.
- Серегин Н. Н., Демин Д. А., Матренин С. С., 2021. Объекты сяньбийского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. № 2 (27). С. 81–91.
- Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С., 2020. Костяные (роговые) наконечники стрел населения Алтая жузанского времени (по материалам археологического комплекса Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. № 1. С. 88–99.
- Соенов В. И., 2005. Комплекс вооружения населения Верхней Катунь в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 52–55.
- Соенов В. И., 2017. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Вып. 8. Горно-Алтайск : ГАГУ. С. 117–142.

- Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В., 2018. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск : ГАГУ. 242 с.
- Соенов В. И., Константинова Е. А., 2015. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск : ГАГУ. 248 с.
- Соенов В. И., Эбель А. В., 1992. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск : ГАГПИ. 116 с.
- Тетерин Ю. В., 2004. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ. С. 37–82.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В., 2018. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 268 с.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 152 с.
- Тур С. С., Матренин С. С., Соенов В. И., 2018. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. С. 132–139.
- Худяков Ю. С., 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука. 268 с.
- Худяков Ю. С., 1991. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука. 190 с.
- Худяков Ю. С., 1997. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск : ГАГУ. С. 28–37.
- Худяков Ю. С., 2002. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 79–87.
- Худяков Ю. С., 2014а. Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух долины р. Эдиган в Горном Алтае (из раскопок Южно-Сибирского отряда 2008 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. С. 33–36.
- Худяков Ю. С., 2014б. Сравнительный анализ оружия дистанционного боя древних кочевников хунно-сяньбийской эпохи в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Сибири и Центральной Азии. Вып. 7. Горно-Алтайск : ГАГУ. С. 141–153.
- Худяков Ю. С., 2016. Опыт систематизации предметов вооружения дистанционного боя из памятников айрыдашского типа хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 15, № 5. С. 20–30.
- Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Мороз М. В., 1990. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск : Наука. С. 95–150.
- Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа, 2005. Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : НГУ. С. 7–18.
- Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц., 2008. Археология Монголии. Уланбаатар : Шинжлэх ухааны академи. 239 с.
- Эбель А. В., 1998. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 23 с.
- Яремчук О. А., 2005. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис. ... канд. ист. наук. Чита. 296 с.

REFERENCES

- Abdulganeev M.T., 1996. Poselenie Maıma-1 i kul'turno-hronologicheskaya atribuciya zemledel'cheskih poseleniy Gornogo Altaya [Settlement of Maima-1 and Cultural-Chronological Attribution of Agricultural Settlements in Gorny Altai]. *Drevnie poseleniya Altaya* [Ancient Settlements of Altai]. Barnaul, ASU, pp. 165-171.
- Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A., 2003. *Vostochnyy Altay v yepohu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka)* [Eastern Altai in the Era of the Great Nations Migration (III–VII Centuries)]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 224 p.
- Borodovskiy A.P., 1997. *Drevnee kostereznoe delo yuga Zapadnoy Sibiri* [Ancient Bone Carving in the South of Western Siberia]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 224 p.

- Gavrilova A.A., 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [Kudyrge Cemetery as a Source on the History of the Altai Tribes]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 146 p.
- Globa G.D., 1983. Raskopki kurgannogo mogil'nika Belyy Bom-II [Excavations of the Bely Bom-II Kurgan Cemetery]. *Arheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982 godah* [Archaeological Research in Gorny Altai in 1980–1982]. Gorno-Altaysk, GARIHLL, pp. 116-126.
- Gryaznov M.P., 1956. *Istoriya drevnih plemen Verhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob According to Excavations Near the Village Bolshaya Rechka]. Moscow, Leningrad, AS USSR. 162 p.
- Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I., 2000. *Darasunskiy kompleks arheologicheskikh pamyatnikov. Vostochnoe Zabaykal'e* [Darasun Complex of Archaeological Monuments. Eastern Transbaikalia]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 176 p.
- Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., Matrenin S.S., 2014. Materialy syan'biyskogo vremeni pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa Tytkesken'-VI na Altae [Materials of the Xianbei Time of the Tytkesken-VI Funeral and Memorial Complex in Altai]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], no. 2 (10), pp. 5-24.
- Kovalev A.A., 2002. O proishozhdenii hunnu [About the Origin of the Xiongnu]. *Central'naya Aziya i Pribaykal'e v drevnosti* [Central Asia and the Baikal Region in Antiquity]. Ulan-Ude, Chita, BSU, pp. 103-131.
- Kovychev E.V., 2006. Nekotorye voprosy etnicheskoy i kul'turnoy istorii Vostochnogo Zabaykal'ya v kontse I tys. do n.e. – I tys. n.e. [Some Issues of the Ethnic and Cultural History of Eastern Transbaikalia at the End of the I Millennium BC – I Millennium AD]. *Izvestiya laboratorii drevnih tehnologiy* [Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies], iss. 4. Irkutsk, ISTU, pp. 242-258.
- Kontev A.V., 1991. Raskopki pozdnegunnskikh pogrebeniy urochishha Karban (Gornyy Altay) [Excavation of Late Hunnic Burials in the Karban Tract (Gorny Altai)]. *Problemy arheologii i yetnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of Archeology and Ethnography of Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk, pp. 54-55.
- Kubarev G.V., 2005. *Kul'tura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov)* [The Culture of the Ancient Turks of Altai (Based on Materials from Burial Monuments)]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 400 p.
- Kungurova N.Yu., Abdulganeev M.T., 2019. *Mayminskaya kul'tura. Po materialam poseleniy Salaira i Predaltayskoy ravniny 1-y pol. I tys. n.ve.* [Mayma Culture. Based on Materials from the Settlements of Salair and the Pre-Altai Plain, 1st Half of I Millennium AD]. Barnaul, ASU. 214 p.
- Levina L.M., 1996. *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.ve. – I tysyacheletie n.ve.* [Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region. I Millennium BC – I Millennium AD]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ. 396 p.
- Litvintsev A. Yu., 2006. Pogrebeniya epohi srednevekov'ya raznovremennogo mogil'nika v padi Kangil [Burials of the Middle Ages of a Multi-Temporal Cemetery in the Kangil Fall]. *Zapiski Nerchinskogo kraevedcheskogo muzeya* [Notes of the Nerchinsk Museum of Local Lore], no. 2. Nerchinsk, Nerchinsk Museum of Local Lore named after M.D. Butin, pp. 35-40.
- Mamadakov Yu.T., 1990. *Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.ve.: dis. ... kand. ist. nauk* [Culture of the Population of Central Altai in the First Half of the 1st Millennium AD. Cand. hist. sci. diss.]. Novosibirsk. 317 p.
- Mamadakov Yu.T., 1994. Ritual'nye sooruzheniya bulan-kobinskoy kul'tury [Ritual Structures of the Bulan-Kobin Culture]. *Arheologiya Gornogo Altaya* [Archeology of Gorny Altai]. Barnaul, ASU, pp. 58-63.
- Mamadakov Yu.T., Gorbunov V.V., 1997. Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Katanda-3 [Ancient Turkic Kurgans of the Katanda-3 Cemetery]. *Izvestiya laboratorii arheologii* [News of the Laboratory of Archeology], iss. 2. Gorno-Altaysk, GASU, pp. 115-129.
- Matrenin S.S., Seregin N.N., 2019. Kostyanye (rogovye) nakonechniki strel kochevnikov Altaya rubezha drevnosti i srednevekov'ya [Bone (Horn) Arrowheads of Nomads of Altai at the Boundary of Antiquity and the Middle Ages]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arheologiya* [News of the Alai State University. Series: Historical Sciences and Archeology], no. 3 (107), pp. 104-113.
- Seregin N.N., Demin D.A., Matrenin S.S., 2021. Obyekty syan'biyskogo vremeni kompleksa Karban-I (Severnyy Altay) [Objects of Xianbei Period of the Karban-I Complex (Northern Altai)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia], no. 2 (27), pp. 81-91.

- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S., 2020. Kostyanye (rogovye) nakonechniki strel naseleniya Altaya zhuzhanskogo vremeni (po materialam arheologicheskogo kompleksa Choburak-I) [Bone (Horn) Arrowheads of the Population of Altai in Rouran Time (on the Materials of the Archaeological Complex Choburak-I)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], no. 1, pp. 88-99.
- Soenov V.I., 2005. Kompleks vooruzheniya naseleniya Verhney Katuni v gunno-sarmatskuyu epohu [Armament Complex for the Population of the Upper Katun in the Hunno-Sarmatian Era]. *Snaryazhenie kochevnikov Evrazii* [Equipment of Nomads of Eurasia]. Barnaul, ASU, pp. 52-55.
- Soenov V.I., 2017. Narushennoe voinskoe pogrebenie na mogil'nike Verh-Uymon [Disturbed Military Burial at the Verkh-Uimon Cemetery]. *Drevnosti Sibiri i Central'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia], iss. 8. Gorno-Altaysk, GASU, pp. 117-142.
- Soenov V.I., Konstantinov N.A., Trifanova S.V., 2018. *Mogil'nik Stepushka-2 v Tsentral'nom Altae* [Cemetery Stepushka-2 in Central Altai]. Gorno-Altaysk, GASU. 242 p.
- Soenov V.I., Konstantinova E.A., 2015. *Remeslennyye proizvodstva naseleniya Altaya (II v. do n.ve. – V v. n.ve.)* [Handicraft Industries of the Altai Population (II Century BC – V Century AD)]. Gorno-Altaysk, GASU. 248 p.
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy yepohi na Verhney Katuni* [Mounds of the Hunno-Sarmatian Era on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk, GASPI. 116 p.
- Teterin Yu.V., 2004. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya berel'skoy epohi [Armament of the Nomads of the Altai Mountains of the Berel Era]. *Voennoe delo narodov Sibiri i Central'noy Azii* [Military Affairs of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, NSU, pp. 37-82.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2018. *Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka)* [Altai in the Xianbei-Rouran Time (Based on Materials from the Stepushka Site)]. Barnaul, ASU. 268 p.
- Troitskaya T.N., Novikov A.V., 1998. *Verhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Verkhneob Culture in the Novosibirsk Ob Region]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 152 p.
- Tur S.S., Matrenin S.S., Soenov V.I., 2018. Vooruzhennoe nasilie u skotovodov Gornogo Altaya gunno-sarmatskogo vremeni [Armed Violence Among the Altai Mountains Pastoralists of the Xiongnu-Sarmatian Age]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], no. 4, pp. 132-139.
- Hudyakov Yu.S., 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Central'noy Azii* [Armament of Medieval Nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ. 268 p.
- Hudyakov Yu.S., 1991. *Vooruzhenie central'noaziatskikh kochevnikov v yepohu rannego i razvitogo srednevekov'ya* [Armament of Central Asian Nomads in the Era of the Early and Advanced Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ. 190 p.
- Hudyakov Yu.S., 1997. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya hunnskogo vremeni (po materialam raskopok mogil'nika Ust'-Edigan) [Armament of the Nomads of Gorny Altai of the Xiongnu Period (Based on Materials from the Excavations of the Ust-Edigan Cemetery)]. *Izvestiya laboratorii arheologii* [News of the Laboratory of Archeology], iss. 2. Gorno-Altaysk, GASU, pp. 28-37.
- Hudyakov Yu.S., 2002. Predmety vooruzheniya iz pamyatnika Ulug-Choltuh v Gornom Altae [Weapons from the Ulug-Choltukh Monument in Gorny Altai]. *Materialy po voennoy arheologii Altaya i sopredel'nyh territoriy* [Materials on the Military Archaeology of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul, ASU, pp. 79-87.
- Hudyakov Yu.S., 2014a. Kostyanye nakonechniki strel iz mogil'nika Ulug-Choltuh doliny r. Edigan v Gornom Altae (iz raskopok Yuzhno-Sibirskogo otryada 2008 g.) [Bone Arrowheads from the Ulug-Choltukh Cemetery in the Valley of Edigan River in Gorny Altai (from the Excavations of the South Siberian Detachment in 2008)]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], no. 2, pp. 33-36.
- Hudyakov Yu.S., 2014b. Sravnitel'nyy analiz oruzhiya distantsionnogo boya drevnih nomadov hunno-syan'biyskoy epohi v doline r. Yedigan v Gornom Altae [Comparative Analysis of the Weapons of Remote Combat of the Ancient Nomads of the Xiongnu-Xianbei Era in the Valley of the Edigan River in Gorny Altai]. *Drevnosti Sibiri i Central'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia], iss. 7. Gorno-Altaysk, GASU, pp. 141-153.
- Hudyakov Yu.S., 2016. Opyt sistematizatsii predmetov vooruzheniya distantsionnogo boya iz pamyatnikov ayrydashskogo tipa hunno-syan'biyskoy yepohi v Gornom Altae [On Systematizing Objects of Armament of Remote Combat from the Monuments of Airydash Type of the Xiongnu and Xianbei Times in the Altai

- Mountains]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 15, no. 5, pp. 20-30.
- Hudyakov Yu.S., Skobelev S.G., Moroz M.V., 1990. Arheologicheskie issledovaniya v dolinah rek Oroktoy i Edigan v 1988 godu [Archaeological Research in the Valleys of the Oroktoy and Edigan Rivers in 1988]. *Arheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological Research on the Katun]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 95-150.
- Hudyakov Yu.S., Yuy Su-Hua, 2005. Novye materialy po oruzhiyu distantsionnogo boya syan'bi [New Materials on Xianbi Ranged Weapons]. *Voennoe delo nomadov Central'noy Azii v syan'biyskuyu yepohu* [Military Affairs of the Nomads of Central Asia in the Xianbei Era]. Novosibirsk, NSU, pp. 7-18.
- Tsevendorzh D., Bayar D., Tserendagva Ya., Ochirhuyag C., 2008. *Arkheologiya Mongolii* [Archeology of Mongolia]. Ulanbaatar, Shinzhyeh uhaany akademi. 239 p.
- Ebel' A.V., 1998. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskuyu yepohu: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Armament and Military Affairs of the Population of Gorny Altai in the Hunno-Sarmatian Era. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Barnaul. 23 p.
- Yaremchuk O.A., 2005. *Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik hunno-syan'biyskoy yepohi stepnoy Daurii: dis. ... kand. ist. nauk* [Cemetery Zorgol-I – a Monument of the Xiongnu-Xianbei Era of Steppe Dauria. Cand. hist. sci. diss.]. Chita. 296 p.

Information About the Authors

Nikolai N. Seregin, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Altai State University, Lenina Ave., 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Mikhail A. Demin, Doctor of Sciences (History), Professor, Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya St, 55, 656031 Barnaul, Russian Federation, mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

Sergey S. Matrenin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Altai State University, Lenina Ave., 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Информация об авторах

Николай Николаевич Серегин, доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Михаил Александрович Демин, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, 55, 656031 г. Барнаул, Российская Федерация, mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

Сергей Сергеевич Матренин, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

UDC 930.26(470+571):685.228
LBC 63.48(2)-41

Submitted: 03.01.2022
Accepted: 15.04.2022

THE 1st – 3rd AD ESTIMATING FINDS IN THE FOREST-STEPPE SITES OF THE TOBOL AND IRTYSH RIVERS BASIN

Svetlana V. Sharapova

Institute of History and Archaeology Urals Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russian Federation;
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

Vladimir Yu. Malashev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with artifacts found in the Iron Age kurgans over the Trans-Uralian and West Siberian forest-steppe, which might be referencing for chronology of the Sargat culture and late complexes emerging within area under study. Our emphasis is placed on the analyses of some belt and strap fittings. Meanwhile the novelty of undertaken research might be viewed less in general discussion of chronological aspects but it brings to light quite rare examples of metal belt buckles among the well-known collections. Such finds broad our knowledge on material culture of the forest-steppe population during the first centuries AD and allow the authors' assume on origin and time of appearance of buckles with flexile tongue as items of Roman patterns. At the same time one may presume that emergence of belt fittings with such construction over the vast territory, i.e. on the south of Eastern Europe on the one side and Central Asia and Siberia on the other side could occur irrespectively in general. In chronological aspect the introduction of buckles with flexile tongue into Asiatic territory of the steppe belt could have been no earlier than during the second half of the first century AD. Based on archaeological finds from the latest complexes the highest chronological edge of the Sargat culture might be considered as not beyond the mid of the third century AD. The early third century BC marks decline and stagnation of the culture, and archaeological sites with main, blatant features dated back to the mid of the third century AD are not found in the forest-steppe eastward the Urals. All available data testify to the fact that a relatively short-term lacuna divides archaeological materials of the early Iron Age and Great Folk Movement.

Key words: Early Iron Age, Trans-Uralian and West Siberian forest-steppe, Sargat culture, belt and strap fittings, chronology.

Citation. Sharapova S.V., Malashev V.Yu., 2022. Hronoindikatory I–III vv. n.e. iz lesostepnykh pamyatnikov Tobolo-Irtysh'ya [The 1st – 3rd AD Estimating Finds in the Forest-Steppe Sites of the Tobol and Irtysh Rivers Basin]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 171-192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

УДК 930.26(470+571):685.228
ББК 63.48(2)-41

Дата поступления статьи: 03.01.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

ХРОНОИНДИКАТОРЫ I–III вв. н.э. ИЗ ЛЕСОСТЕПНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ

Светлана Владимировна Шаропова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация;
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Владимир Юрьевич Малашев

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются находки из курганов лесостепного Зауралья и Западной Сибири, показательные для оценки датировки древностей саргатской культуры и более поздних комплексов, формирующихся в ареале ее распространения и на ее основе. Акцент делается на анализ ременной гарнитуры. Новизну исследованию придает не столько обращение к вопросам хронологии, сколько выявление в известных коллекциях довольно редких экземпляров пряжек, позволяющих расширить наши представления о материальном мире лесостепного населения первых веков нашей эры и сформулировать гипотезу о времени и истоках появления пряжек с подвижным язычком на основе римских образцов. При этом предполагается, что процессы формирования данной конструкции ременных застежек на юге Восточной Европы с одной стороны и в Средней Азии и Сибири – с другой, происходили, в целом, независимо друг от друга. Появление пряжек с подвижным язычком в азиатском регионе можно отнести ко времени не ранее второй половины I в. до н.э. Рассмотрение находок из наиболее поздних комплексов позволяет говорить о верхней границе саргатской культуры, не выходящей за середину III в. н.э. Фиксирующееся в начале III в. н.э. угасание и размывание основных черт саргатской культуры приводит к тому, что после середины столетия в качестве целостного явления она отсутствует на большей части лесостепи к востоку от Урала. Допускаем, что от предшествующего времени лесостепные древности начала эпохи Великого переселения народов отделены небольшой временной лакуной.

Ключевые слова: ранний железный век, лесостепь Зауралья и Западной Сибири, саргатская культура, ременные гарнитуры, хронология.

Цитирование. Шаропова С. В., Малашев В. Ю., 2022. Хроноиндикаторы I–III вв. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Иртышья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

Несмотря на мозаичность археологической карты раннего железного века Тоболо-Иртышского междуречья, ведущую роль в формировании характерного облика материального мира в пределах обширного лесостепного пояса отводят носителям саргатской культуры. Период II в. до н.э. – II в. н.э. совпал с этапом расцвета в развитии культуры, в немалой степени вызванным расширением контактов обитателей лесостепи с оседлыми и кочевыми группами Евразии [Корякова, 1988, с. 165–167; Матвеева, 1993, с. 157–159; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 145–146; и т. д.]. Все исследователи древностей железного века единодушны, что этому времени соответствует самое большое число памятников. Тесное межкультурное взаимодействие – прямое и опосредованное – степняков с коллективами зауральско-западносибирского региона нашло отражение в археологическом материале, на что уже обращалось внимание [Корякова, Попова, 1987, с. 42–44; Ковригин и др., 2006, с. 200–202; Малашев, Мошкова, 2010, с. 49; Малашев, 2013, с. 156; и др.]. Антропологические и пока немногочисленные палеогенетические данные разных хронологических и локальных серий саргатской популяции лишь органично дополняют археологический контекст [Багашев, 2000; Ражев, 2009; Пилипенко и др., 2020; Шаропова и др., 2020; Слепцова, 2021; Bennett, Kaestle, 2010; и др.].

Между тем уже для начала III в. н.э. отмечается угасание и размывание основных черт этой культуры, во второй половине столетия в качестве целостного явления она отсутствует на большей части лесостепи к востоку от Урала [Шаропова, 2020, с. 229–230]. Небольшое количество известных памятников относительно предшествующего периода позволило говорить о депопуляции в основном ареале саргатских древностей на протяжении III–VIII/IX вв. н.э. [Matveeva, Zelenkov, 2021, p. 96]. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что предшествующий этим событиям период I–III вв. н.э. характеризуют и устойчивые признаки саргатской культуры, и ее распад и трансформацию. Верхнюю границу маркируют как поздние саргатские комплексы, так и те, в которых сохраняется (порой в пределах одного памятника) не столь выразительный как прежде саргатский компонент. Важность археологического проявления тех далеких процессов делает актуальным рассмотрение категорий погребального инвентаря, распространение которых приходится на время от рубежа эр. Более того, данные новейших исследований культур железного века степного пояса позволяют уточнить временные рамки некоторых предметов и провести ревизию существующих датировок лесостепных древностей. В этом ключе наиболее выразительны те находки, которые опре-

деляют «саргатское» и «постсаргатское» время. Основу предпринятого исследования составили преимущественно предметы ременной гарнитуры, известные как по публикациям [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; Матвеева, 1993; 1994; 2016; Культура зауральских скотоводов ... , 1997; и т. д.], так и привлеченные в ходе работы с неопубликованными материалами раскопок саргатских курганов [Могильников, 1968; 1977; Погодин, 1987; 1988; 1989; 1990]¹. В научной среде они традиционно рассматриваются в качестве хронологических индикаторов (например, [Малашев, 2000; 2007; 2013]).

Пряжки с подвижным язычком. Две ременные застёжки (рис. 1, 1, 2), имеющие дуговидной формы рамку, происходят из могильников Прииртышья [Погодин, 1988; 1990]. Подобных им предметов в памятниках Южной Сибири немного [Археология СССР ... , 1992, табл. 106, 3, 12, 70; Матренин, 2017, рис. 9, 12], но они имеют серию соответствий в европейских древностях. А.А. Труфановым отнесены к типу 1 («подковообразной» формы – [Труфанов, 2004, с. 160–162, рис. 1]). Данные пряжки восходят к римским образцам, о чем свидетельствует шарнирная конструкция оси язычка значительной части аналогий из некрополей Крыма [Труфанов, 2004, рис. 1; Пуздровский, 2007, рис. 25–IV, 2, 26–III, 3, 44, 12–14, 52, 11, 58, 13, 17]. Предложенная А.А. Труфановым датировка – вторая половина / конец I в. до н.э. – начало (до середины) I в. н.э.; при этом большая часть находок происходит из комплексов I в. до н.э. [Труфанов, 2004, с. 162, 168]. Хронологическая оценка, сделанная А.А. Труфановым, была несколько откорректирована В.В. Масякиным в сторону удреждения [Масякин, 2007, с. 130]. В типологии Р. Мадыды-Легутко подобные пряжки относятся к группе D: типы 13–26, близкие рассматриваемым примерам, в Центральной Европе характерны для времени не ранее ступени B₁ [Madyda-Legutko, 1986, s. 28–32, taf. 8, 9]. Исходя из атрибуции изделий с двухчастной рамкой (шарнирной конструкцией оси язычка), как связанных с римской традицией, морфологически близкие пряжки из Крыма и Волго-Донья, очевидно, являются их репликами². Таким образом, за пределами Крыма находки ранних образцов в европей-

ской степи представляют собой морфологические имитации, отличающиеся конструктивно. Учитывая, что преобладающая часть предметов, при этом почти исключительно с шарнирной конструкцией оси язычка, связана с Крымом, очевидно, что распространение данной разновидности пряжек у степного населения Восточной Европы происходит позднее и приходится на вторую половину I в. до н.э.; на Северном Кавказе подобная пряжка встречена в комплексе I в. н.э. Рассматриваемые образцы пряжек из памятников саргатской культуры могут иметь несколько более позднюю хронологическую оценку, связанную уже с I в. н.э.

Три пряжки из Прииртышья [Могильников, 1968; Погодин 1988; Археология СССР ... , 1992, табл. 124, 29] (рис. 1, 3–5) находят прямые соответствия в ременных застёжках, выделенных А.А. Труфановым в тип 2 («восьмерковидные»), датируемых от рубежа эр до середины I в. н.э. [Труфанов, 2004, с. 163–164, 168, рис. 2, 10–12] и восходящих к римским образцам. В центральноевропейских древностях им аналогичны застёжки типов 1, 2, 13, 14 группы А по Р. Мадыдо-Легутко, распространенные с финала предримского времени [Madyda-Legutko, 1986, s. 18–20, taf. 1, 2; Kostrzewski, 1955, gys. 653]. Известны имитации предметов данной формы на Северном Кавказе [Абрамова, 1993, рис. 58, 14] и в поволжской лесостепи [Гришаков, Зубов, 2009, рис. 25, 11–14; Зубов и др., 2011, рис. 9, 1, 3]. Им есть серия аналогий на территории Средней Азии [Мандельштам, 1966, табл. XLV, 1–6; 1975, табл. XV, 9, XXXIII, 4–6] и Южной Сибири; последние представляют отдаленные имитации рассматриваемой формы [Археология СССР ... , 1992, табл. 81, 41; Матренин, 2017, рис. 9, 32, 33, 68, 11, 24, 13, 1]. Акцентируем внимание на высокой степени сходства пряжек из Богдановки (рис. 1, 3, 4), с одной стороны, и Тулхарского, Аруктауского, Бабашовского могильников – с другой [Мандельштам, 1966, табл. XLV, 1–6; 1975, табл. XV, 9, XXXIII, 4–6; Археология СССР ... , 1992, табл. 124, 29]. Данное обстоятельство подразумевает появление подобных застёжек в саргатских комплексах непосредственно из Северной Бактрии, а именно наличие прямых контактов носителей саргатской культуры с древ-

ним населением южных районов Средней Азии.

Их отдаленными репликами можно считать пряжки из Сидоровки (кург. 1, погр. 2) (рис. 1,6,7) [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 7,1,2]. Обратим внимание на крепление язычка к задней части рамки одной из застежек при наличии перекладины (рис. 1,6), что, видимо, говорит о механическом переносе подвижного язычка на местную форму пряжки и характеризует их как морфологические реплики.

Несколько отличаются от приведенных выше пряжки из саргатских курганов на Иртыше, Тоболе (рис. 1,8–11)³ [Погодин, 1988; 1989; Матвеева, 1993, рис. 10,12] и схожие образцы из Приишимья [Матвеева, 1994, рис. 14,6]. Форма рамок с поперечной перекладиной имеет прямые соответствия в среднеазиатской и южносибирской культурной среде на более ранних ременных застежках с выступом в передней части рамки [Археология СССР ... , 1992, табл. 43,11,13, 70,4,25, 75,74, 77,55,56, 94,60, 106,53, 124,47], что позволяет считать рассматриваемые саргатские пряжки результатом синтеза, то есть «гибридными» (местная форма с установленным на ней подвижным язычком). В частности, результатом этого явилось необычное крепление язычка к задней части рамки при наличии перекладины (рис. 1,6,11), а именно использование подвижного язычка на привычной форме пряжки. Саргатским образцам (рис. 1,8,9) [Погодин, 1988; Матвеева, 1993, рис. 10,12] близки пряжки из кургана 2 Орлатского могильника [Никаноров, Худяков, 1999, рис. 1,21], датированного в рамках I–II вв. н.э., и могильников Лявандакского и Кызылтепе [Археология СССР ... , 1992, табл. 42,55,58]. В качестве аналогий добавим схожие по форме рамки (но без перекладины) экземпляры из Южной Сибири [Археология СССР ... , 1992, табл. 81,33,39, 94,59, 106,4,20; Матренин, 2017, рис. 9,13, 10,6].

Пряжки из саргатских комплексов на Иртыше (рис. 1,12–14) [Погодин, 1988; 1989] и на Ишиме [Матвеева, 1994, рис. 29,2] вызывают отдаленные ассоциации (небольшой прогиб боковых сторон с расширенной и скругленной передней частью рамки) с рассмотренными выше застежками. Несколько парал-

лелей им есть в памятниках Южной Сибири [Археология СССР ... , 1992, табл. 94,57; Матренин, 2017, рис. 11,17,18]. Близкие по форме находки из Восточной Европы [Ильюков, Власкин, 1992, рис. 7,11, 14,3, 18,17,18; Максименко, 1998, рис. 63,2,3; Беспалый и др., 2007, табл. 18,5; Труфанов, 2004, рис. 2,5–9] относятся к среднесарматскому времени (I – первая половина II в. н.э.).

По всей видимости, рассмотренные выше разновидности пряжек (кроме дуговидных) можно считать производными от «восьмеркообразных» застежек, в той или иной степени отдаленных от исходных образцов или осложненных региональными особенностями и созданными в местной культурной среде.

Крупная железная пряжка с трапециевидной рамкой и двумя выступами в задней части (рис. 1,16) из Сидоровки (кург. 1, погр. 2) [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 26,4] является результатом местного творчества, и, видимо, сочетает признаки двух разновидностей (рис. 1,12–14 и рис. 1,8,10,11).

Пряжки с округлой рамкой и подвижным язычком (рис. 2,1–9) [Погодин, 1987; 1988; 1989; Археология СССР ... , 1992, табл. 124,27], скорее всего, являются результатом изменения конструкции ременных застежек на местной основе под влиянием импортных образцов. Они известны в погребениях в пределах всего ареала саргатской культуры [Жорякова, 1988, рис. 20,10; Археология СССР ... , 1992, табл. 124,11; Матвеева, 1993, рис. 30,35; 1994, рис. 32,17; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, рис. 19,18; и др.] и хорошо представлены в памятниках Средней Азии и Южной Сибири [Мандельштам, 1966, табл. XLIII,2–5,7,9,10,16,18, LXIV,1,2; 1975, табл. XV,1, XXXI,3, XXXII,2; Археология СССР ... , 1992, табл. 46,2, 81,28, 94,58; Матренин, 2017, рис. 9,1,2,55, 10,1–3; и др.]. Подобные предметы распространены в Центральной Европе (где ременная гарнитура формировалась под сильным влиянием традиций Империи) с позднего предримского времени (группы С типов 13 и 14 – [Madyda-Legutko, 1986, s. 6–7, taf. 7]). В Восточной Европе пряжки с подвижным язычком, датированные ранее рубежа эр, есть на Северном Кавказе и в Крыму (например, [Керефов, 1985, рис. 8,4, 16,79, 17,1; Марченко, 1996, рис. 83,8; Пуздровский, 2007,

рис. 27–II, 8, 10, 51, 7]). Таким образом, появление данных застежек в памятниках европейских степей, Северного Кавказа, а также Средней Азии относится, видимо, ко второй половине I в. до н.э., а широкое распространение приходится на время позже рубежа эр. Прииртышская пряжка (рис. 2, 10) [Погодин, 1988] отличается рамкой, близкой к овальной, и уплощенностью задней части, что сближает ее с предметами второй половины II – первой половины III в. н.э.

Подводя итог, можно сказать, что для азиатских степей, Средней Азии и Южной Сибири конструкция ременных застежек с подвижным язычком является привнесенной и связана в конечном счете с римскими традициями. Широкое распространение подобных изделий приходится на первые века нашей эры. Касательно вопроса их нижней хронологической границы необходимо сказать, что хронология погребальных памятников азиатских степей, Средней Азии и Южной Сибири последних веков до н.э. – IV в. н.э. пока «оторвана» от соответствий в синхронных древностях юга Восточной Европы⁴, что приводит к неточным выводам в ее оценке.

Вопрос о пути попадания римских пряжек (или их реплик) к населению азиатских территорий и формирование на их основе серии местных подражаний, помимо контактов с носителями культур юга Восточной Европы, может иметь и другое решение. По информации А.И. Торгоева, в 2001 г. на обсуждении диссертации Н.Н. Николаева М.Б. Щукин высказал гипотезу, что генезис пряжек с удлинённой восьмерковидной рамкой и подвижным язычком, а также ряд других типов ременных застежек с подвижным язычком восходят к римским прототипам⁵. По его мнению, прототипы местных пряжек с подвижным язычком попали в Среднюю Азию после битвы при Карах (53 г. до н.э.). Разгром армии Красса (около 20 тыс. безвозвратных потерь и около 10 тыс. пленных) дал богатые трофеи [Щукин, 1994, с. 168–169], доставшиеся победителям. Это ставит вопрос о распространении в среднеазиатском регионе со второй половины I в. до н.э. как оригинальных образцов, так и их имитаций.

До этих событий и несколько позже в культурах Средней Азии и Южной Сибири

традиционно использовался другой по конструкции пояс – с двумя противостоящими бляхами, одна из которых имела выступ, другая – проем (например, курган 2 Орлатского могильника, пояса культуры хунну). Подобные пояса в европейские степи попадают в среднесарматское время (Косика, погр. 1; Первомайский VII, кург. 14, погр. 3; Пороги, кург. 2, погр. 1). Еще более массовыми до рубежа эр были пояса с использованием одной металлической пряжки (разных форм) с выступом.

Процитируем ряд наблюдений А.И. Торгоева по данному вопросу. Наиболее ранние пряжки с подвижным язычком (обычно с кольцевой рамкой) входят в состав комплексов могильников Бишкентской долины, где сосуществуют с поясами местной традиции [Мандельштам, 1966, табл. XLI, 15–17, XLII, 1–8]. Из данных некрополей также происходит серия латунных застежек «восьмерковидной» формы [Мандельштам, 1966, табл. XLV, 1–6; 1975, табл. XV, 9, XXXIII, 4–6]. Для курганных могильников Северной Бактрии (Тулхарский, Аруктауский, Бабашовский) внутренняя хронология не разработана, но комплексы, содержащие пряжки с подвижным язычком, выглядят более поздними, чем захоронения, где обнаружены пояса местной традиции. Та же ситуация фиксируется в курганах Бухарского Сога. В Южной Сибири образцы с подвижным язычком появляются из Средней Азии. Показательно, что химический состав пряжек «лировидной» формы из суннуских памятников свидетельствует об их изготовлении в бактрийских центрах [Миняев, 1976, с. 109–110].

Подкрепляя предположение о формировании облика ранних ременных гарнитур на основе римских образцов, отметим соответствия других морфологически близких застежек, встреченных в памятниках Центральной Европы [Madyda-Legutko, 1986, taf. 2, 8–10, 12, 3, 15–18; Труфанов, 2004, рис. 3, 1–3; Малашев, 2007, рис. 1, 13, 14, 16], Восточной Европы [Абрамова, 1993, рис. 58, 13, 15; Ильюков, Власкин, 1992, рис. 22, 29; Труфанов, 2004, рис. 3, 5–10, 4; Пуздровский, 2007, рис. 96, 3, 4, 6–14; Малашев, 2007, рис. 1, 15; Гришаков, Зубов, 2009, рис. 25, 24, 25], а также Средней Азии и Южной Сибири [Подушкин, 2015, рис. 1, 6; Матренин, 2017, рис. 9, 14, 15, 34, 36–40, 63, 11, 28, 29, 13, 2–4].

Таким образом, принимая гипотезу о генезисе пряжек с подвижным язычком на основании римских прототипов, можно сделать следующий вывод. Наиболее ранние образцы ремненных застежек на территории Средней Азии и Южной Сибири, включая ареал саргатской культуры, могли появиться не ранее второй половины I в. до н.э., а широкое распространение данной конструкции, вероятно, относится к первым векам н.э. Кроме того, также можно предположить независимое формирование пряжек с подвижным язычком на основе римских образцов на территории юга Восточной Европы с одной стороны и Средней Азии – с другой. Появление пряжек с подвижным язычком в Восточной Европе является в первую очередь результатом римских влияний, происходивших через Крым и Подунавье, и лишь часть изделий такой конструкции можно считать восточными по происхождению [Ильюков, Власкин, 1992, рис. 23,10, 42,13].

Ложечковидные наконечники-подвески (иногда называемые застежками) относятся к ремненной гарнитуре (рис. 2,16–18) [Археология СССР ... , 1992, табл. 124,23; Матвеева, 1993, рис. 10,15; 1994, рис. 58,21]. Прииртышская серия может быть дополнена находками в могильниках Исаковка 1 [Погодин, 1989] и Сидоровка (кург. 2, погр. 3 и кург. 3, погр. 3) [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 36,11, 53,6]. Бронзовая подвеска с рельефным декором обнаружена на востоке саргатского ареала (Марково 1, кург. 24, погр. 2 [Полосьмак, 1987, рис. 37,7]). Происхождением связаны с древностями сунну и культур, находившихся в зоне их влияния. Для Забайкалья и Монголии неизвестны комплексы, в которых эти предметы датируются ранее II в. до н.э. [Давыдова, 1985, с. 50; Археология СССР ... , 1992, табл. 106,72,73; Миняев, 2007, рис. 18,31–34]. Синхронно ложечковидные наконечники появляются в памятниках Тувы [Семенов, 2003, с. 76–78], Минусинской котловины [Савинов, 2009, с. 78] и Алтая [Матренин, 2017, рис. 19,5–7, 21–26], тогда же попадают в Среднюю Азию [Мандельштам, 1966, табл. XLV,12,13] и Восточную Европу.

У населения европейских степей данные предметы появляются во II в. до н.э. [Скрипкин, 2010, с. 205–206, рис. 5,12–16; Глебов, 2009, с. 102, рис. 49,12–21] и используются в сред-

несарматское время вплоть до середины II в. н.э. [Абрамова, 1987, рис. 8,20, 45,12,13; Ильюков, Власкин, 1992, рис. 30,20; Максименко, 1998, рис. 20,6; Пуздровский, 2007, рис. 91,1,2, 104,II]. Наконечники из погребения 8 кургана А могильника Богдановка 2 и погребения 3 кургана 5 Савиновского могильника (рис. 2,13,14,17), судя по пряжкам (рис. 1,8 и 2,9), относятся, скорее всего, к I в. н.э.

В саргатских могильниках находки ложечковидных наконечников-подвесок представлены как бронзовыми, так и железными экземплярами (иногда в одном комплексе, например, Исаковка 1, кург. 3, погр. 6) с рельефными зооморфными изображениями и без орнамента; при этом декорированы как бронзовый (Марково 1, кург. 24, погр. 2 [Полосьмак, 1987, рис. 37,7]), так и железный (Исаковка 1, кург. 3, погр. 6 [Погодин, 1989]) предметы. В памятниках западных районов саргатской культуры – на Ишиме и в Притоболье – известные образцы ложечковидных подвесок не имеют зооморфный орнамент. Впрочем, их небольшое количество позволяет только привести данное наблюдение, любые утверждения на имеющемся материале преждевременны.

Одночастные наконечники-подвески с прорезью в верхней части (рис. 2,11–15) происходят из разрушенных погребений могильников Савиновский (кург. 5, погр. 3) и Гаевский 1 (кург. 7, погр. 3) в Притоболье, Абатский 3 (кург. 1, погр. 5) на Ишиме [Матвеева, 1993, с. 24, рис. 10,3,14; 1994, с. 53, рис. 30,39; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 45, рис. 28,3,4]. В погребениях восточной части ареала саргатской культуры подобные предметы представлены парой золотых экземпляров в могильнике Исаковка 1 [Погодин, 1989]. Наконечники ремней без металлического зажима с прорезью в верхней части в европейских степях встречаются в комплексах среднесарматской культуры [Симоненко, Лобай, 1991, рис. 11,3,4, 27,1,3–6, с. 52 (там же содержится сводка находок); Ильюков, Власкин, 1992, рис. 13,5, 20,9, 23,11]. Допускаем, что наиболее ранним для европейских памятников является наконечник из кургана 1 середины – второй половины I в. до н.э. у Зубовского хутора [Гущина, Засецкая, 1989, с. 87, табл. XI,133], но есть основания

для омоложения даты до начала I в. н.э. Данные предметы известны в памятниках Средней Азии и Южной Сибири [Сарианиди, 1989, рис. 37,2; Никаноров, Худяков, 1999, рис. 1,10; Мандельштам, 1975, табл. XXXIII,7; Археология СССР ... , 1992, табл. 106,8; Коновалов, 1976, табл. XIV,1–14; Матренин, 2017, рис. 19,1,2]. Появившись у населения азиатской части степного пояса, они получают распространение в воинском снаряжении кочевников восточноевропейских степей начиная с I в. н.э., и в таком виде доживают до середины II в. н.э., когда начинается использование металлических зажимов [Малашев, Яблонский, 2008, с. 56–57; Малашев, 2000, с. 209]. Одними из наиболее ранних являются наконечники из Прииртышья. Их датировка определяется по найденным в том же погребальном комплексе (см. выше) пряжке (рис. 2,8) и северокавказскому керамическому импорту, находки которого имеют массовые аналогии как в памятниках III–I вв. до н.э. оседлого и кочевого населения Северного Кавказа, так и восточноевропейской степи, а после рубежа эр практически неизвестны [Малашев, Маслов, 2021] ⁶.

Бронзовый наконечник ремня из кургана 1 погребения 3 Ипкульского могильника [Корякова, 1988, с. 77, рис. 20,7] наряду с другими выразительными предметами сопроводительного инвентаря (железные пряжки с подвижным язычком и длинный меч с обоюдоострым лезвием без навершия и перекрестья, костяные наконечники стрел ромбического сечения [Корякова, 1993, с. 63, рис. 8,29–31]), как правило, привлекается для характеристики комплекса материальной культуры позднесаргатского этапа с датировкой IV–V вв. н.э. [Корякова, 1988, с. 86–88, рис. 20; 1993, с. 51–52, рис. 8; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 152–154, рис. 34]. Его атрибуция осложняется скупостью описания конструкции, а также качеством фотографии в отчете [Корякова, 1984, рис. 77, 79, 80] и рисунка в публикациях ⁷. Предположительно его можно соотнести с одночастными наконечниками-подвесками типа Н3а по В.Ю. Малашеву (но без фасетировки) с датировкой от второй половины II до второй половины (без финала столетия) III в. н.э. [Малашев, 2000, рис. 2, с. 197; 2013, с. 82].

В составе **сбруйных наборов** выделяются железные удила с крупными кольцами (рис. 3,1–3). Л.Н. Корякова считала, что в саргатских погребениях они сопровождалась предметами I в. до н.э. – IV в. н.э. [1988, с. 70]. На материалах Приишимья Н.П. Матвеева включила их в характерные признаки поздних саргатских памятников [1994, с. 111].

В саргатской культуре в целом были распространены удила простейшей конструкции без зажимов и диаметром колец до 4 см (например, Ипкульский, кург. 1, из насыпи; Абатский 1, кург. 3, погр. 10; Абатский 3, кург. 6, из бровки) [Корякова, 1988, рис. 20,4; Матвеева, 1994, рис. 10,1, 54,1,11]. В Прииртышье фрагмент железного кольца большого диаметра (от удил?) происходит из погребения 7 кургана 2 могильника Исаковка 3 [Погодин, Труфанов, 1991, рис. 12,21]. Датировка памятника концом III – началом I в. до н.э. авторами явно занижена [Погодин, Труфанов, 1991, с. 125], но и фрагментарность изделия не позволяет надежно атрибутировать находку.

В двух случаях удила отличаются кольцами большего диаметра (5–6 см), происходят из впускных захоронений в курганах Прииртышья (Богдановка 1, кург. 1, погр. 5 и Богдановка 2, кург. 2, погр. 2) [Могильников, 1968; 1977; Археология СССР ... , 1992, табл. 123,1,13]. Им аналогична находка в позднем погребении 8 кургана 6 Абатского 3 могильника на Ишиме (рис. 3,2) [Матвеева, 1994, рис. 57,2, с. 99–100].

Особый интерес представляют экземпляры, имеющие, кроме большего диаметра, дополнительные детали для крепления ремня поводом в виде зажимов или прямоугольной петли (рис. 3,1,3). Они обнаружены в поздних комплексах Гаевского 1 могильника (кург. 6, погр. 1 и 2) [Культура зауральских скотоводов ... , 1997, рис. 18,20, 19,21], в которых отмечены признаки позднесарматской культуры Южного Приуралья [Шарпова и др., 2020]. Обращает на себя внимание крепление зажима или прямоугольной петли не к кольцу, а к окончанию грызл. В синхронных памятниках европейской части степи и прилегающих территорий (Северный Кавказ, Крым, лесостепная и лесная зоны Волго-Уралья) конструкция удил с кольчатым трензелем выглядит иначе: зажимы, относящиеся к ремням оголо-

вья и повода, крепятся непосредственно к кольцу. Исключением являются удила с колесовидными псалиями серии 1 по И.Р. Ахмедову, где два металлических зажима крепятся к окончаниям грызл [Akhmedov, 2007, p. 68, pl. 56.8]. Скорее всего, на образцах саргатских удил Гаевского 1 могильника металлические зажимы или пеглы служили для крепления ремней оголовья, а ремень повода соединялся непосредственно с кольцами. Учитывая данную специфику конструкции удил с кольчатым трензелем, их можно считать самостоятельным вариантом, диагностирующим локальную традицию. В комплексах других саргатских памятников подобные образцы неизвестны.

Двусоставные удила с кольчатым трензелем появляются в среднесарматское время [Абрамова, 1987, рис. 8,28, 20,5; Гущина, Засецкая, 1994, табл. 40,367; Пуздровский, 2007, рис. 101, 102, III], когда доминируют другие разновидности узды [Глухов, 2005, рис. 27–31; Симоненко, 2010, с. 151–169]. При этом использование небольших дополнительных колец, крепящихся к окончанию грызл, на удилах со строгими насадками и другими типами псалиев начинается в более раннее время [Симоненко, 2010, рис. 122, 123, I, 124, I, 129, I, 130, 5, 132, 2, 134, I, 2, 163a]. Широкое распространение удила с кольчатым трензелем получают в позднесарматское время. Использовались как кольца с металлическими зажимами (для крепления ремней повода и оголовья), так и без них. Крупные кольца (диаметром от 8 см) часто встречаются начиная с III в. н.э. на территории к востоку от Волги [Малашев, Яблонский, 2008, с. 50], но при этом известны и более ранние экземпляры из Крыма [Пуздровский, 2007, рис. 101, VI; Симоненко, 2010, рис. 126].

Следующая группа вещей, преимущественно ременных гарнитур, маркирует постсаргатские древности и дает возможность оценить верхнюю хронологическую границу культуры Тобола-Иртышья. Рассмотрим их.

Едва ли не единственная пока находка **фибулы** (рис. 3,16) в лесостепном Зауралье происходит из могильника Устюг-1 (кург. 14, погр. 2) [Матвеева, 2016, рис. 16,18]. Одночленная пружинная застежка (7 см) с завитком на конце сплошного пластинчатого при-

емника и коленчато изогнутой спинкой с зигзагообразным орнаментом атрибутируется как группа 13, вариант 8 по А.К. Амброзу [1966, с. 46]. В настоящее время их датировка может рассматриваться в рамках III в. н.э. [Малашев, Яблонский, 2008, с. 62; Кропотов, 2010, с. 204; Малашев, 2013, с. 106]. Н.П. Матвеева датировала находку концом III – началом IV в. н.э., определив этот интервал и для существования всего некрополя среди древностей бакальской культуры [Матвеева, 2016, с. 177–185; Matveeva, Zelenkov, 2021, p. 103].

Полюе **серьги** калачевидной формы, декорированные вставками, аналогичные рассматриваемой (рис. 3,17) [Матвеева, 2016, рис. 53,3], появляются в волго-уральских степях в первой половине III в. н.э. Большая часть находок происходит из комплексов середины – второй половины III в. н.э. [Малашев, 2013, с. 111–112].

Показательными для оценки хронологии погребения 3 кургана 4 Ипкульского могильника являются **пряжки** и **наконечники ремней** [Чикунова, 2017, рис. 3, В, Л, Н]. Три пряжки (рис. 3,9,12,13) с овальной рамкой, слегка уплощенной в задней части и незначительно утолщенной в передней, округлым щитком с загнутыми краями, имитирующими фасетировку, и прогнутым в средней части язычком без уступа у основания, не достигающим в передней части до середины сечения рамки, соотносятся с ременными застежками П2б и датируются в основном первой половиной – серединой III в. н.э., но встречаются и во второй половине столетия [Малашев, 2000, с. 196, 209, рис. 1, 2; 2013, с. 61]. Двухчастные наконечники-подвески с округлым расширением в нижней части Н5 (рис. 3,18,19) появляются в середине III в. н.э., наиболее распространены во второй половине столетия (включая ранний IV в. н.э.) и характерны для памятников южноуральской степи и волго-уральской лесостепи [Малашев, 2000, с. 197, 210, рис. 1, 2; 2013, с. 81]. На данную региональную специфику также указывает трапециевидная форма зажима с округлым расширением на конце одного из предметов, встречающаяся как у пряжек, так и у наконечников ремней [Малашев, 2014, рис. 4,4–6,11, 5]. В целом ременные гарнитуры данного комплекса датируются в рамках середины – второй половины (без

финала) III в. н.э. и стилистически связаны с кругом древностей Южного Приуралья.

Две пряжки из грунтового погребения селища Дуванское 2 (рис. 3,10,11) [Корякова, 1980], которые можно отнести к типу П2а по В.Ю. Малашеву [Малашев, 2000, с. 195, рис. 1, 2], занимают, видимо, несколько более позднюю хронологическую позицию, чем разновидность П2б, отличаясь от них отсутствием фасетировки и загнутых краев щитка, и используются во второй половине III в. н.э., исключая его финал. Пряжки с овальной, утолщенной в передней части рамкой и прогнутым в средней части язычком без уступа у основания, не доходящим в передней части до середины сечения рамки (рис. 3,4,5) [Матвеева, 2016, рис. 26,6,10], характерны для комплексов большей части III в. н.э. (см. П2а).

Пряжка из погребения 1 кургана 25 Ипкульского могильника (рис. 3,8) по форме рамки и язычка близка рассмотренным выше застежкам. Ее хронологическая оценка может рассматриваться в пределах III в. н.э., но без финала столетия.

Пряжки с прямоугольным щитком и выраженным утолщением в передней части рамки (рис. 3,14) [Матвеева, 2016, рис. 29,3], а также с трапециевидным щитком с фасетированными или загнутыми краями, выраженным утолщением в передней части рамки и прогнутым в средней части язычком без уступа у основания, не доходящим в передней части до середины ее сечения (рис. 3,15) [Матвеева, 2016, рис. 44,7], датируются преимущественно первой половиной – серединой III в. н.э., заходя во вторую половину столетия [Малашев, 2013, с. 60, 62].

Две пряжки из Ипкульского могильника (кург. 5, погр. 1) (рис. 3,6,7) [Чикунова, 2017, рис. 4,Б] имеют рамки с выраженным утолщением в передней части и язычки с незначительным прогибом и рельефным выступом у основания. Язычок одной из пряжек доходит до середины сечения рамки (рис. 3,7). Сочетание перечисленных признаков, в первую очередь уступов у основания язычка, указывает на время не ранее середины III в. н.э. [Малашев, 2014, с. 136, 139], а большая длина язычка второй пряжки соотносит ее уже с пряжками типа П10 по В.Ю. Малашеву с датировкой от первой четверти / трети IV в. н.э.

[Малашев, 2000, с. 196, рис. 1, 2]. На востоке лесостепного ареала, в могильнике Старый Сад (кург. 27, погр. 2) [Полосьмак, 1987, рис. 22,5], встречена сильно деформированная пряжка, соотносящаяся с застежками, датированными не ранее III в. н.э. Исследованные в данном некрополе курганы 19, 27, 33 демонстрируют разнокультурные компоненты⁸.

Приведенные категории погребального инвентаря можно отнести к наиболее информативным, они позволяют сделать некоторые выводы относительно хронологии древностей саргатской культуры и вне ее пространственно-временного контекста. Прежде всего, в коллекциях саргатских могильников отсутствуют предметы, начало распространения которых приходится на III в. н.э. Между тем они обнаружены в некоторых памятниках региона (например, могильники Ипкульский [Чикунова, 2017], Устюг-1, Ревда 5 [Матвеева, 2016]), где наряду с саргатскими признаками присутствуют традиции «постсаргатского» времени. От предшествующей саргатской культуры лесостепные древности начала эпохи Великого переселения народов отделены небольшой временной лакуной⁹. С одной стороны, это может трактоваться как проблема переходных эпох, когда периоды становления и/или трансформации культур археологически фиксируются хуже. С другой – не исключает довольно резкого исчезновения выразительных признаков, определявших облик саргатской культуры. Ранее уже отмечалось, что в слоях и объектах изученных раскопками саргатских поселений нет материала этой культуры позже II в. н.э. [Корякова, 1988, с. 89; Археология СССР ... , 1992, с. 296–297; и др.]. На востоке северная кромка лесостепи Среднего Прииртышья и Барабы в конце II – III в. н.э. была занята таежными группами населения кулайской культуры [Зыков, 2012, с. 34–35]. Необходимо отметить, что Барабинская лесостепь ранее других районов саргатской культуры демонстрирует признаки угасания культуры. Здесь саргатские памятники, датированные позже I в. н.э., отсутствуют [Полосьмак, 1987, с. 91, 95].

Датировка ременной гарнитуры из саргатских погребений не выходит за середину III в. н.э. Немногочисленные саргатские комплексы II – середины III в. н.э. связаны с па-

мятниками, рассеянными по северной и южной границам основного ареала распространения культуры [Шарапова, 2020, с. 229]. Это не позволяет признать в качестве верхней хронологической границы диапазон III–IV вв. н.э. или IV–V вв. н.э., как предлагалось ранее (например, [Корякова, 1988, с. 169; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 152–154; Матвеева, 2000, с. 125–126; 2017, с. 16; и др.]). Распад культуры, пришедшийся на середину III в. н.э., вызванный различными факторами – среди которых по частоте высказываний выделяются политические и экологические (например, [Корякова, 1988, с. 168–169; Культура зауральских скотоводов ... , 1997, с. 154; Матвеева, 2017, с. 15–16; Матвеева и др., 2021, с. 152, 154]), – сопровождался перемещениями в степные и подтаежные районы групп населения разного происхождения. В новых условиях их развитие происходило под влиянием местных коллективов, в частности лесных, что нашло отражение в материалах Ипкульского могильника, содержащего как комплексы заключительного этапа саргатской культуры, так и те, что со временем сформировали материальный мир и традиции зауральско-западносибирского населения последующей эпохи. Как следствие, в регионе вплоть до конца VIII в. н.э. реконструируется высокая динамичность процессов культурогенеза и отсутствие единства в среде разнородных социумов [Матвеева и др., 2021, с. 157].

Важно подчеркнуть, что рассмотренные здесь металлические предметы численно уступают иным массовым находкам из лесостепных поселений и могильников, однако об их хронологической оторванности от евразийского контекста говорить не приходится.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы выражают благодарность А.Я. Труфанову за помощь в работе с неопубликованными материалами саргатских могильников Среднего Прииртышья из архива Л.И. Погодина (рисунки Я.В. Смертиной), И.О. Гавритухину, В.В. Кропотову, А.И. Торгоеву и И.Ю. Чикуновой за консультации.

² У бронзовой пряжки из погребения 12 кургана 20 могильника Политотдельское окончания

рамки были спирально загнуты на ее лицевую сторону, образуя петли для крепления оси язычка [Смирнов, 1959, рис. 32, 12]; железная пряжка из комплекса кургана 4 погребения 32 могильника Койсуг имела похожую конструкцию, но окончания рамки были загнуты на ее обратную сторону [Глебов, 2009, рис. 49, 2]. Особенности этих пряжек находят соответствия у центральноевропейских застежек группы D типа 24, появление которых там относится к ступени B1 [Madyda-Legutko, 1986, s. 31, taf. 11]. Язычок застежки из Тавельских курганов обернут вокруг задней части рамки, изготовленной из согнутого тонкого стержня, концы которого соединены внахлест [Пуздровский, 2007, рис. 44, 15]. Имитацией конструкции является и пряжка из комплекса I в. н.э. погребения 9 Подкумского могильника [Абрамова, 1987, рис. 17, 3].

³ Пряжка на рисунке 1, 15, судя по углублению на широкой перекладине, имела утраченный язычок.

⁴ Например, разброс мнений о датировке кургана 2 Орлатского могильника и могильников Бишкентской долины; распределение показательных находок в томе «Археология СССР», где, в частности, пряжка со щитком, характерным для времени не ранее финала III – начала IV в. н.э. [Археология СССР ... , 1992, табл. 106, 1], оказалась среди вещей II в. до н.э. – I в. н.э.; вопрос о хронологии ременных гарнитур см. также: [Малашев, 2007, с. 119].

⁵ По сообщению С.В. Воронятова, данная гипотеза неоднократно озвучивалась М.Б. Щукиным на лекциях.

⁶ С учетом предметов ременной гарнитуры и северокавказского кувшина хронологическая позиция погребения 6 кургана 3 могильника Исаковка 1 может рассматриваться около рубежа эр.

⁷ К сожалению, попытка обращения к коллекции Ипкульского могильника в фондах Археологического музея УрФУ не увенчалась успехом: часть полученных в ходе раскопок 1984 г. находок уже в марте 1985 г. была передана в Тюменский краеведческий музей, а оттуда в экспозицию музея-заповедника на Андреевском озере. Однако в актах передачи эта находка не значится, как нет ее и в фондах Археологического музея УрФУ. Пользуясь случаем, авторы выражают свою признательность хранителю фондов Археологического музея УрФУ Н.К. Стефановой за помощь в работе с материалами Ипкульского могильника.

⁸ Обряд (широкая, почти квадратной формы могильная яма, западная ориентировка погребенного) и инвентарь (среди которого сосуды позднего этапа кулайской культуры III – первой половины IV в. н.э. [Зыков, 2012, с. 34]) не позволяют согла-

ситься с включением этого комплекса (кург. 27, погр. 2) в состав древностей позднего этапа саргатской культуры и датировкой I в. н.э. [Полосьмак, 1987, с. 90]. Впрочем, представленные в публикации находки из курганов 19 и 33 [Полосьмак, 1987, рис. 67, 68] также несут в себе черты таежных и лесостепных традиций, но могут рассматриваться более ранними, нежели погребение 2 в кургане 27,

что было отмечено Н.В. Полосьмак [Полосьмак, 1987, с. 89–90].

⁹ Косвенное подтверждение гипотеза авторов данной статьи находит в предложенной характеристике культурной ситуации в зауральско-западно-сибирской лесостепи на рубеже III–IV вв. н.э. и определении финала саргатской культуры (ср.: [Матвеева, 2017, с. 16; Матвеева и др., 2021, с. 157]).

ПРИЛОЖЕНИЯ

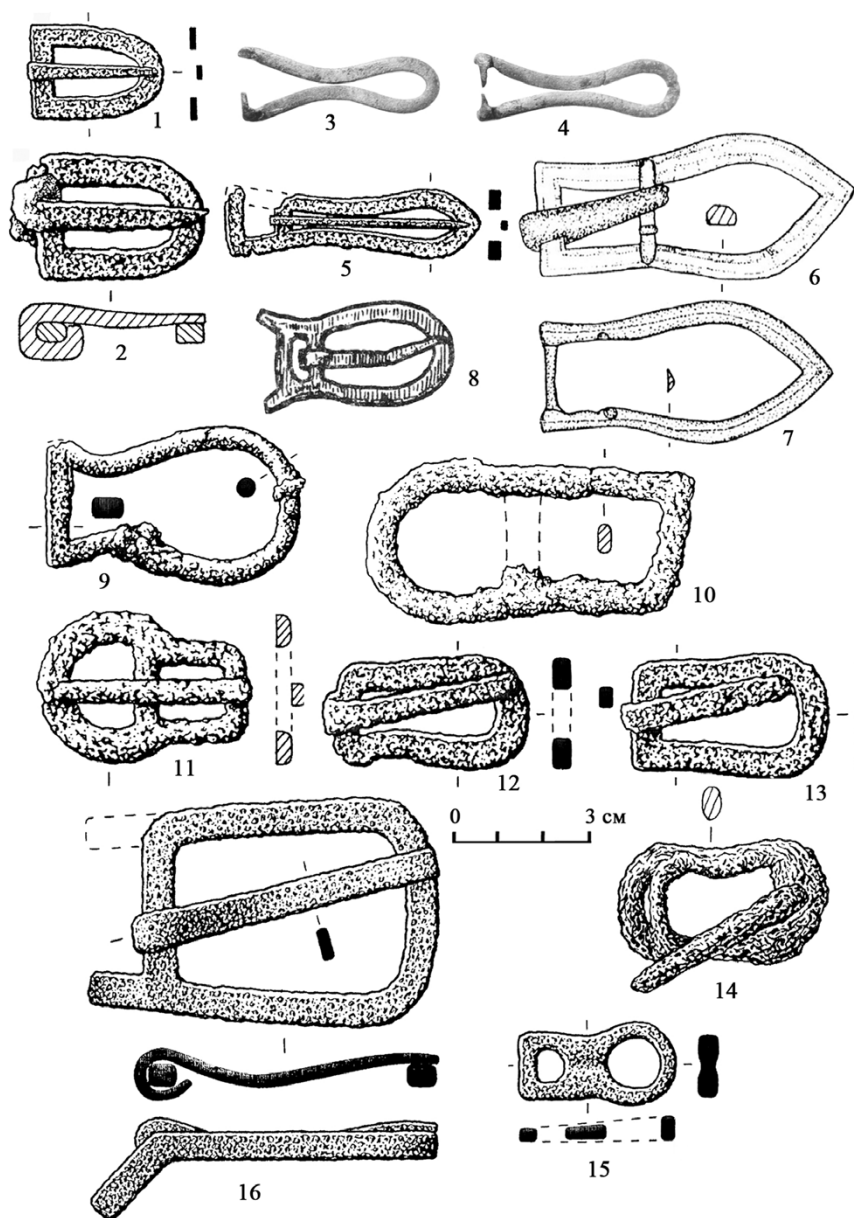

Рис. 1. Пряжки из саргатских погребений Тоболо-Иртышья (1 – по: [Погодин, 1990], 2, 5, 9, 12, 13 – по: [Погодин, 1988], 3, 4 – по: [Могильников, 1968], 10, 11, 14 – по: [Погодин, 1989], 6, 7, 16 – по: [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 7,1,2, 26,4], 8 – по: [Матвеева, 1993, рис. 10,12], 15 – по: [Погодин, 1987]):

1 – Исаковка 1, кург. 12, погр. 4; 2, 5 – Бешчаул 3, кург. 1, погр. 3; 3, 4 – Богдановка 1, кург. 1, погр. 5; 6, 7, 16 – Сидоровка, кург. 1, погр. 2; 8 – Савиновский, кург. 5, погр. 3; 9, 13 – Бешчаул 4, кург. 2, погр. 1А; 10, 11 – Исаковка 1, кург. 6, погр. 10; 12 – Бешчаул 4, кург. 1, погр. 2; 14 – Исаковка 1, кург. 5, погр. 2; 15 – Стрижево 2, кург. 2, погр. 8

Fig. 1. Buckles from the Sargat culture burials in Tobol and Irtysh rivers basin (1 – after: [Pogodin, 1990], 2, 5, 9, 12, 13 – after: [Pogodin, 1988], 3, 4 – after: [Mogil'nikov, 1968], 10, 11, 14 – after: [Pogodin, 1989], 6, 7, 16 – after: [Matyushchenko, Tataurova, 1997, fig. 7,1,2, 26,4], 8 – after: [Matveeva, 1993, fig. 10,12], 15 – after: [Pogodin, 1987]):

1 – Isakovka 1, kurgan 12, burial 4; 2, 5 – Beshchaul 3, kurgan 1, burial 3; 3, 4 – Bogdanovka 1, kurgan 1, burial 5; 6, 7, 16 – Sidorovka, kurgan 1, burial 2; 8 – Savinovsky, kurgan 5, burial 3; 9, 13 – Beshchaul 4, kurgan 2, burial 1A; 10, 11 – Isakovka 1, kurgan 6, burial 10; 12 – Beshchaul 4, kurgan 1, burial 2; 14 – Isakovka 1, kurgan 5, burial 2; 15 – Strizhevo 2, kurgan 2, burial 8

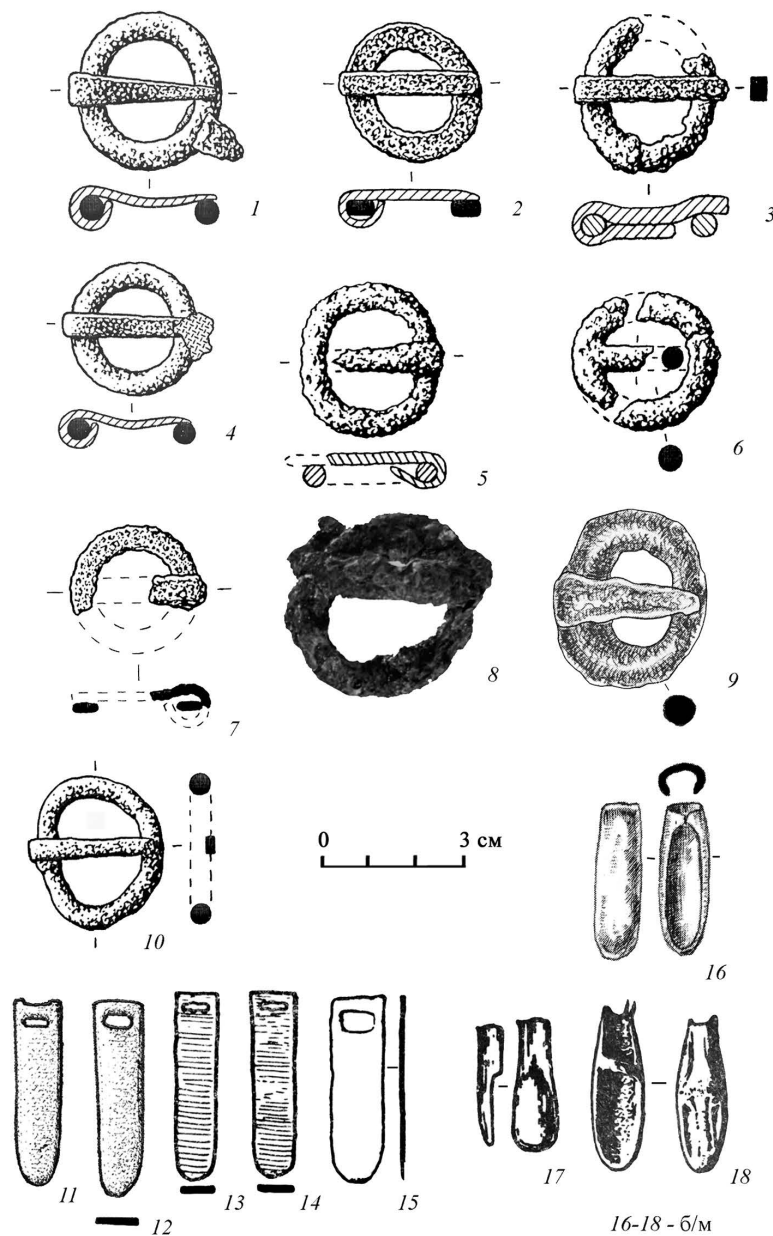

Рис. 2. Пряжки и наконечники ремней из саргатских погребений Тоболо-Иртышья (1, 4, 10 – по: [Погодин, 1988], 2 – по: [Погодин, 1990], 3, 5, 6, 8 – по: [Погодин, 1989], 7 – по: [Погодин, 1987], 9, 16 – по: [Археология СССР ... , 1992, табл. 124,23,27], 11, 12 – по: [Культура зауральских скотоводов ... , 1997, рис. 28,3,4], 13, 14, 17 – по: [Матвеева, 1993, рис. 10,13,14], 15 – по: [Матвеева, 1994, рис. 30,39], 18 – по: [Матвеева, 1994, рис. 58,21]):

1 – Бешчаул 2, кург. 2, выброс из погр. 2; 2 – Исаковка 1, кург. 12, погр. 4; 3, 6 – Исаковка 1, кург. 7, погр. 1; 4 – Бешчаул 2, кург. 2, погр. 3; 5 – Исаковка 1, кург. 10, погр. 6; 7 – Стрижево 2, кург. 7, погр. 3; 8 – Исаковка 1, кург. 3, погр. 6; 9, 16 – Богдановка 2, кург. А, погр. 8; 10 – Абатский 3, кург. 1, погр. 2; 11, 12 – Гаевский 1, кург. 7, погр. 3; 13, 14, 17 – Савиновский, кург. 5, погр. 3; 15 – Абатский 3, кург. 1, погр. 5; 18 – Абатский 3, кург. 6, погр. 9

Fig. 2. Buckles and belt fittings from the Sargat culture burials in Tobol and Irtysh rivers basin (1, 4, 10 – after: [Pogodin, 1988], 2 – after: [Pogodin, 1990], 3, 5, 6, 8 – after: [Pogodin, 1989], 7 – after: [Pogodin, 1987], 9, 16 – after: [Arkheologiya SSSR ... , 1992, tabl. 124,23,27], 11, 12 – after: [Kul'tura zaural'skikh skotovodov ... , 1997, fig. 28,3,4], 13, 14, 17 – after: [Matveeva, 1993, fig. 10,13,14], 15 – after: [Matveeva, 1994, fig. 30,39], 18 – after: [Matveeva, 1994, fig. 58,21]):

1 – Beshchaul 2, kurgan 2, displaced from burial 2; 2 – Isakovka 1, kurgan 12, burial 4; 3, 6 – Isakovka 1, kurgan 7, burial 1; 4 – Beshchaul 2, kurgan 2, burial 3; 5 – Isakovka 1, kurgan 10, burial 6; 7 – Strizhevo 2, kurgan 7, burial 3; 8 – Isakovka 1, kurgan 3, burial 6; 9, 16 – Bogdanovka 2, kurgan A, burial 8; 10 – Abatskiy 3, kurgan 1, burial 2; 11, 12 – Gaevskiy 1, kurgan 7, burial 3; 13, 14, 17 – Savinovskiy, kurgan 5, burial 3; 15 – Abatskiy 3, kurgan 1, burial 5; 18 – Abatskiy 3, kurgan 6, burial 9

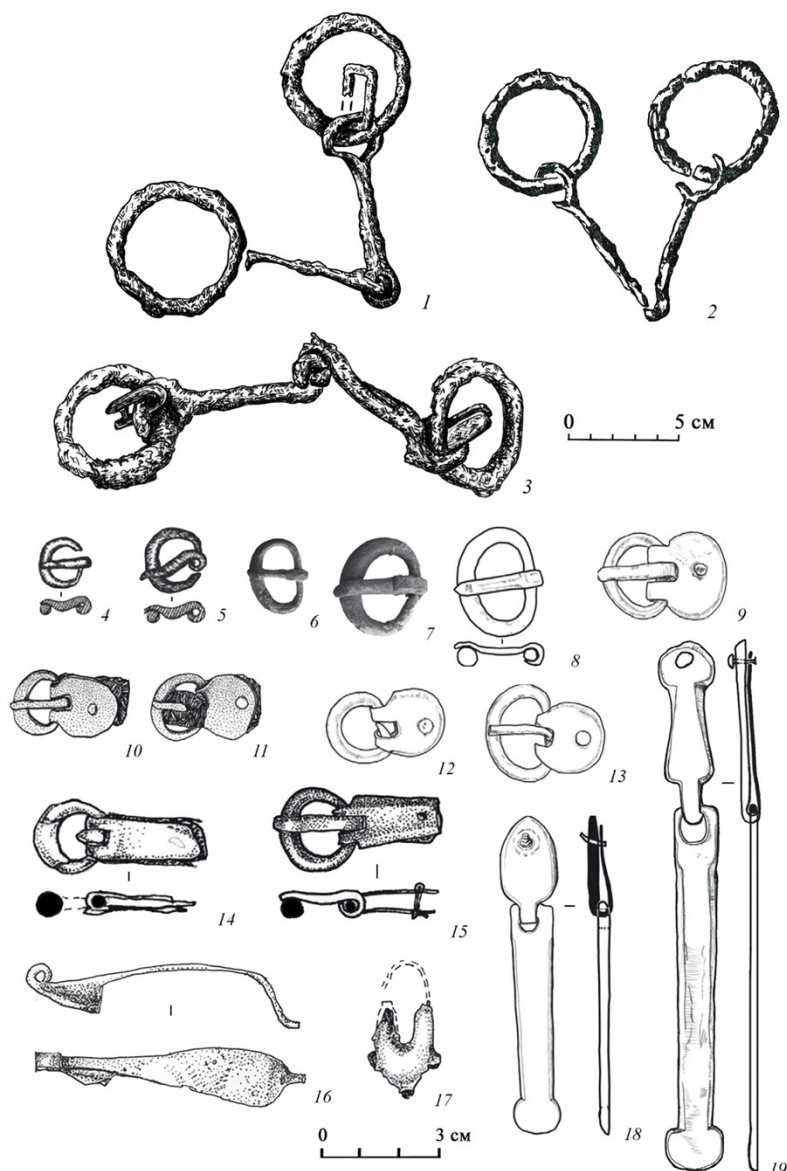

Рис. 3. Находки из саргатских и постсаргатских погребений Тоболо-Иртышья

(1, 3 – по: [Культура зауральских скотоводов ... , 1997, рис. 18,20, 19,21], 2 – по: [Матвеева, 1994, рис. 57,2], 4, 5 – по: [Матвеева, 2016, рис. 26,6,10], 6, 7 – по: [Чикунова, 2017, рис. 4,Б], 8 – по: [Чикунова, 2017, рис. 9,Д], 9, 12, 13, 18, 19 – по: [Чикунова, 2017, рис. 3,В,Л,Н], 10, 11 – по: [Матвеева, 2016, рис. 78,6,7], 14 – по: [Матвеева, 2016, рис. 29,3], 15 – по: [Матвеева, 2016, рис. 44,7], 16 – по: [Матвеева, 2016, рис. 16,18], 17 – по: [Матвеева, 2016, рис. 53,3]):

1 – Гаевский 1, кург. 6, погр. 1; 2 – Абатский 3, кург. 6, погр. 8; 3 – Гаевский 1, кург. 6, погр. 2; 4, 5 – Устюг-1, кург. 28, погр. 3; 6, 7 – Ипкульский, кург. 5, погр. 1; 8 – Ипкульский, кург. 25, погр. 1; 9, 12, 13, 18, 19 – Ипкульский, кург. 4, погр. 3; 10, 11 – селище Дуванское 2, грунтовое погр.; 14 – Устюг-1, кург. 35, погр. 4; 15 – Ревда 5, кург. 9, погр. 11; 16 – Устюг-1, кург. 14, погр. 2; 17 – Ревда 5, кург. 6, погр. 1

Fig. 3. Finds from the Sargat and post-Sargat cultures' periods in the Tobol and Irtysh rivers basin

(1, 3 – after: [Kul'tura zaural'skikh skotovodov ... , 1997, fig. 18,20, 19,21], 2 – after: [Matveeva, 1994, fig. 57,2], 4, 5 – after: [Matveeva, 2016, fig. 26,6,10], 6, 7 – after: [Chikunova, 2017, fig. 4,Б], 8 – after: [Chikunova, 2017, fig. 9,Д], 9, 12, 13, 18, 19 – after: [Chikunova, 2017, fig. 3,В,Л,Н], 10, 11 – after: [Matveeva, 2016, fig. 78,6,7], 14 – after: [Matveeva, 2016, fig. 29,3], 15 – after: [Matveeva, 2016, fig. 44,7], 16 – after: [Matveeva, 2016, fig. 16,18], 17 – after: [Matveeva, 2016, fig. 53,3]):

1 – Gaevskiy 1, kurgan 6, burial 1; 2 – Abatskiy 3, kurgan 6, burial 8; 3 – Gaevskiy 1, kurgan 6, burial 2; 4, 5 – Ustyug-1, kurgan 28, burial 3; 6, 7 – Ipkul'skiy, kurgan 5, burial 1; 8 – Ipkul'skiy, kurgan 25, burial 1; 9, 12, 13, 18, 19 – Ipkul'skiy, kurgan 4, burial 3; 10, 11 – settlement Duvanskoye 2, flat burial; 14 – Ustyug-1, kurgan 35, burial 4; 15 – Revda 5, kurgan 9, burial 11; 16 – Ustyug-1, kurgan 14, burial 2; 17 – Revda 5, kurgan 6, burial 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1987. Подкумский могильник. М. : Наука. 178 с.
- Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М. : ИА РАН. 240 с.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. Вып. Д1-30. 140 с.
- Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992. М. : Наука. 493 с.
- Багашев А. Н., 2000. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука. 374 с.
- Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А., 2007. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый I». Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. 186 с.
- Глебов В. П., 2009. Раннесарматская культура Нижнего Подонья : дис. ... канд. ист. наук. М. : ИА РАН. 248 с.
- Глухов А. А., 2005. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 240 с.
- Гришаков В. В., Зубов С. Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань : ИИ АН РТ. 173 с.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 70. М. : ГИМ. С. 71–141.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб. : Фарн. 172 с.
- Давыдова А. В., 1985. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л. : ЛГУ. 111 с.
- Зубов С. Э., Лифанов Н. А., Радюш О. А., 2011. Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек. № 1. С. 13–30.
- Зыков А. П., 2012. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековое и новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий. 232 с.
- Ильюков Л. С., Власкин М. В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маньча. Ростов н/Д : РГУ. 288 с.
- Керефов Б. М., 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик : Эльбрус. С. 136–259.
- Ковригин А. А., Корякова Л. Н., Курто П., Ражев Д. И., Шарипова С. В., 2006. Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 187–203.
- Коновалов П. Б., 1976. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во. 248 с.
- Корякова Л. Н., 1980. Отчет об археологических исследованиях в зоне газопровода Уренгой – Сургут – Челябинск в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7776.
- Корякова Л. Н., 1984. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства и эксплуатации газопровода Уренгой – Челябинск в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9689.
- Корякова Л. Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 240 с.
- Корякова Л. Н., 1993. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века) : дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. Новосибирск. 72 с.
- Корякова Л. Н., Попова С. М., 1987. К вопросу сравнения саргатской и савромато-сарматской культур // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Башкир. ун-т. С. 37–45.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование, 1997. Екатеринбург : Екатеринбург. 180 с.
- Максименко В. Е., 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Донские древности. Вып. 6. Азов : Азовский краеведческий музей. 304 с.

- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов н/Д : Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2007. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // Российская археология. № 3. С. 111–120.
- Малашев В. Ю., 2013. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. М. : ИА РАН. 301 с.
- Малашев В. Ю., 2014. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г.). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 130–140.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М. : Восточная литература. 365 с.
- Малашев В. Ю., Мошкова М. Г., 2010. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 37–56.
- Малашев В. Ю., Маслов В. Е., 2021. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 81–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>
- Мандельштам А. М., 1966. Кочевники на пути в Индию. МИА. № 136. М. ; Л. : Наука. 232 с.
- Мандельштам А. М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л. : Наука. 228 с.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : Изд-во КубГУ. 336 с.
- Масякин В. В., 2007. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика. Симферополь : Универсум. С. 125–138.
- Матвеева Н. П., 1993. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск : Наука. 175 с.
- Матвеева Н. П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука. 152 с.
- Матвеева Н. П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск : Наука. 400 с.
- Матвеева Н. П., 2016. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов : (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень : Изд-во ТюмГУ. 264 с.
- Матвеева Н. П., 2017. Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь) // Российская археология. № 4. С. 3–20.
- Матвеева Н. П., Дъёни Г., Зеленков А. С., 2021. Проблемы изучения происхождения мадьяр (по урало-сибирским материалам раннего средневековья) // Российская археология. № 2. С. 147–166. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630015374-0>
- Матренин С. С., 2017. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск : СО РАН. 142 с.
- Матющенко В. И., Татаурова Л. В., 1997. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск : Наука. 198 с.
- Миняев С. С., 1976. Бактрийские латуни в сюннских памятниках Забайкалья // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л. : Наука. С. 109–110.
- Миняев С. С., 2007. Дырестуйский могильник. СПб. : Фил. фак. СПбГУ. 233 с.
- Могильников В. А., 1968. Отчет о работах Иртышского отряда Западносибирской археологической экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 3716, 3716а.
- Могильников В. А., 1977. Отчет об археологических исследованиях в Среднем Прииртышье в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 6678.
- Никаноров В. П., Худяков Ю. С., 1999. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т. С. 141–154.
- Пилипенко А. С., Черданцев С. В., Трапезов Р. О., Томилин М. А., Балабанова М. А., Пристяжнюк М. С., Журавлев А. А., 2020. К вопросу о генетическом составе сарматского населения Нижнего Поволжья (данные палеогенетики) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История.

- Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4. С. 17–50. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.2>
- Погодин Л. И., Труфанов А. Я., 1991. Могильник саргатской культуры Исаковка-III // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск : Омский ун-т. С. 98–127.
- Погодин Л. И., 1987. Отчет об археологических раскопках курганов Стрижевского-II и Стрижевского-III могильников в Нижнеомском районе Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 12374а–в.
- Погодин Л. И., 1988. Отчет об археологических раскопках курганов у д. Бещаул Нижнеомского района Омской области, произведенных Омским государственным университетом в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 13209–13212.
- Погодин Л. И., 1989. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 13932–13935.
- Погодин Л. И., 1990. Отчет об археологических исследованиях в Горьковском и Нововаршавском районах Омской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 14928, 14928а.
- Подушкин А. Н., 2015. О назначении предметов дистанционного оружия из катакомб Южного Казахстана // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апр. 2014 г.). Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 150–152.
- Полосьмак Н. В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск : Наука. 144 с.
- Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь : Бизнес-Информ. 480 с.
- Ражев Д. И., 2009. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург : УрО РАН. 492 с.
- Савинов Д. Г., 2009. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ИИМК. 226 с.
- Сарианиди В. И., 1989. Храм и некрополь Тиллятепе. М. : Наука. 240 с.
- Семенов Вл. А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб. : Петербургское Востоковедение. 240 с.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-История. 328 с.
- Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев : Наукова думка. 112 с.
- Скрипкин А. С., 2010. Сарматы и Восток. Избранные труды. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 370 с.
- Слепцова А. В., 2021. Происхождение населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (54). С. 163–175. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-13>
- Смирнов К. Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // Древности Нижнего Поволжья. Т. I. МИА. № 60. М. : Изд-во АН СССР. С. 206–322.
- Труфанов А. А., 2004. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. № 3. С. 160–170.
- Чикунова И. Ю., 2017. Ипкульский курганный могильник (результаты раскопок 2010–2011 гг.) // АВ ORIGIN : археолого-этнографический сборник. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та. Вып. 9. С. 79–110.
- Шарипова С. В., 2020. Верхняя хронологическая граница саргатской культуры // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 218–246. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.12>
- Шарипова С. В., Пилипенко А. С., Ражев Д. И., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., 2020. Два мужских погребения из кургана саргатской культуры: биоархеологический и палеогенетический обзор // Stratum Plus. № 3. С. 353–378.
- Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. СПб : Фарн. 324 с.
- Akhmedov I., 2007. Le harnachement de Tsibilium. A propos de la formation du type “pontique” de harnachement de l’époque des Grandes Migrations // Kazanski M., Mastikova A. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium. L’étude du site. Vol. 2. BAR. International Series S1721. Oxford : Archaeopress. P. 67–72.
- Bennett C. C., Kaestle F. A., 2010. Investigation of Ancient DNA from Western Siberia and the Sargat Culture // Human Biology. Vol. 82 (2). P. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.3378/027.082.0202>

- Kostrzewski J., 1955. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa; Wrocław. 348 s.
- Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschnallen der römischen Keiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. BAR International Series 360. Oxford : British Archaeological Reports. 233 p.
- Matveeva N. P., Zelenkov A. S., 2021. The impact of nomadic culture on the population of Western Siberia in the era of the Huns and ancient Turks // Attila's Europe? Structural transformation and strategies of success in the European Hun period. Budapest : Hungarian National Museum, Eötvös Loránd University. P. 95–111.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1987. *Podkumskiy mogilnik* [Podkumsky Cemetery]. Moscow, Nauka Publ. 182 p.
- Abramova M.P., 1993. *Tsentralnoye Predkavkazye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia in the Sarmatian Time (III Century BC – IV Century AD)]. Moscow, IA RAS. 240 p.
- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the South European Part of the USSR of the II Century BC – IV Century AD]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 141 p.
- Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Archaeology of the USSR. Steppe Belt of Asiatic Part of USSR During Scythian-Sarmatian Age], 1992. Moscow, Nauka Publ. 493 p.
- Bagashev A.N., 2000. *Paleoantropologiya Zapadnoy Sibiri: lesostep' v epokhu rannego zheleza* [Paleoanthropology of the Western Siberia: Forest-Steppe During Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 374 p.
- Bespaly E.I., Bepalaya N.E., Raev B.A., 2007. *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurganny mogilnik «Valovy I»* [Ancient Population of the Low Don River Basin. Kurgan Cemetery Valovyy I]. Rostov-on-Don, SSC RAS. 186 p.
- Glebov V.P., 2009. *Rannesarmatskaya kultura Nizhnego Podonjya: dis. ... kand. ist. nauk* [Early Sarmatian Culture in Low Don River Basin. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 248 p.
- Glukhov A.A., 2005. *Sarmaty mezhdurechya Volgi i Dona v I – pervoj polovine II v. n.e.* [Sarmatians in Volga and Don Rivers Basin During I – First Half of the II Century BC]. Volgograd, VolSU. 240 p.
- Grishakov V.V., Zubov S.E., 2009. *Andreevskiy kurgan v sisteme arkheologicheskikh kultur rannego zheleznogo veka Vostochnoy Evropy* [Andreevskiy Kurgan in a System of Early Iron Age in Eastern Europe]. Kazan, Institute of History AS RT. 173 p.
- Guschina I.I., Zasetskaya I.P., 1989. Pogrebenia zubovsko-vozdvizhenskogo tipa iz raskopok N.I. Veselovskogo v Prikubanye (I v. do n.e. – II v. n.e.) [Burials of the Zubovskiy-Vozdvizhenskiy Types from Excavation of N.I. Veselovskiy in Kuban River Basin (I Century BC – II Century AD)]. *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Investigation in the South of Eastern Europe]. Trudy GIM, iss. 70. Moscow, SHM, pp. 71-141.
- Guschina I.I., Zasetskaya I.P., 1994. «Zolotoe kladbishche» rimskoy epokhi v Prikubanye [“Golden Cemetery” of the Roman Time in the Kuban Region]. Saint Petersburg, Farn Publ. 172 p.
- Davydova A.V., 1985. *Ivolginsky complex (gorodishche i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaykalye* [Ivolginsky Complex (Fortress and Cemetery) – the Hsiung-Nu Site in the Trans-Baikal]. Leningrad, Leningrad SU Publ. 111 p.
- Zubov S.E., Lifanov N.A., Radyush O.A., 2011. Novye pamyatniki piseralsko-andreevskogo tipa I–III vv. n.e. na territorii Nizhegorodskoy oblasti (predvaritelnoye soobschenie) [New Sites of the Piseralsko-Andreevskiy Type of the I–III c. AD on the Territory of Nizniy Novgorod Region (Preliminary Results)]. *Voyadzher: mir i chelovek* [Voyager: World and Man], vol. 1, pp. 13-30.
- Zykov A.P., 2012. *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekovoye i novoe vremya* [Barsova Gora: Essays on Archaeology of the Ob' River Basin Nearby Surgut. Middle Ages and Modern Times]. Ekaterinburg, Ural'sky rabochiy Publ. 232 p.
- Ilyukov L.S., Vlaskin M.V., 1992. *Sarmaty mezhdurechya Sala i Manycha* [Sarmatians of the Sal and Manych Rivers Basin]. Rostov-on-Don, RSU. 288 p.
- Kerefov B.M., 1985. Chegemskiy kurgan-kladbishche sarmatskogo vremeni [Chegem Kurgan-Cemetery of the Sarmatian Time]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological Research at Construction in Kabardino-Balkaria in 1972–1979], vol. 2. Nalchik, Elbrus Publ., pp. 136-259.

- Kovrigin A.A., Koryakova L.N., Courtaud P., Razhev D.I., Sharapova S.V., 2006. Aristokraticcheskie pogrebeniya iz mogil'nika Karasie 9 [Aristocratic Burials in Karasie 9 Cemetery]. *Yuzny Ural i sopredel'nye territorii v skifosarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu A.Kh. Pshenichnyuka* [Southern Urals and Outside Territories in Scythian-Sarmatian Ages: Articles to 70 Anniversary of A.Kh. Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 187-203.
- Konovalov P.B., 1976. *Khunnu v Zabaykalye* [Hsiung-Nu in the Trans-Baikal]. Ulan-Ude, Buryat Publ. 248 p.
- Koryakova L.N., 1980. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v zone gazoprovoda Urengoy – Surgut – Chelyabinsk v 1980 g. [Report on Excavation at Gas Pipeline Urengoy – Surgut – Chelyabinsk in 1980]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 7776.
- Koryakova L.N., 1984. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v zone stroitel'stva i ekspluatatsii gazoprovoda Urengoy – Chelyabinsk v 1984 g. [Report on Excavation at Zone of Constructing and Exploitation of Gas Pipeline Urengoy – Chelyabinsk in 1980]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 9689.
- Koryakova L.N., 1988. *Ranny zhelezny vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura)* [Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia (Sargat Culture)]. Sverdlovsk, UrSU. 240 p.
- Koryakova L.N., 1993. *Kul'turno-istoricheskie obshchnosti Urala i Zapadnoy Sibiri (Tobolo-Irtyshskaya provintsiya na ranney i sredney stadiyakh zheleznogo veka): dis. ... d-ra ist. nauk* [Cultural and Historical Entities of the Urals and Western Siberia (Tobol and Irtysh Province During Early and Middle Stages of the Iron Age) Doc. hist. sci. diss.]. Novosibirsk. 72 p.
- Koryakova L.N., Popova S.M., 1987. K voprosy sravneniya sargatskoy i savromato-sarmatskoy kultur [To the Comparison of Sargat and Sauromat-Sarmatians Cultures]. *Ranny zhelezny vek i srednevekoie Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya* [Early Iron and Middle Ages of the Ural and Irtysh Rivers Basin]. Chelyabinsk, BSU, pp. 37-45.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epouch]. Kiev, Adef-Ukraina Publ. 384 p.
- Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er. Gaevsky mogil'nik sargatskoy obschnosti : antropologicheskoye issledovanie* [The Culture of Trans-Uralian Cattle and Horse Breeders on the Turn of Erae. The Gayevo Burial Ground of the Sargat Community: Anthropological Research], 1997. Ekaterinburg, Ekaterinburg Publ. 180 p.
- Maksimenko V.E., 1998. *Sarmaty na Donu (arkheologiya i problemy etnicheskoy istorii)* [Sarmatians of Don River (Archaeology and Problems of Ethnic History)], iss. 6. Azov, Azov Museum of Local Lore. 304 p.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Belt Sets of the Late Sarmatian Time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their Neighbors on the Don], iss. 1. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 194-232.
- Malashev V.Yu., 2007. Arkheologicheskiye pamyatniki yuzhnouralskikh stepey vtoroy poloviny II – IV v.: pozdnesarmatskaya ili gunno-sarmatskaya kultura (veshchevoy kompleks) [South Ural Archaeological Sites of the Second Half of the 2nd–4th centuries AD: Late Sarmatian Culture or Hun-Sarmatian Culture (Analysis of Finds)]. *Rossiskaya archeologia* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 111-121.
- Malashev V.Yu., 2013. *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk* [Late Sarmatian Culture of the Southern Cis-Urals During II–III Centuries AD. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 301 p.
- Malashev V.Yu., 2014. Nekotorye aspekty kontaktov nositeley pozdnesarmatskoy kultury yuzhnouralskikh stepey s naseleniem lesnoy i lesostepnoy polosy Povolzhya i Priuralya [Some Aspects of Contacts Between Populations of the Late Sarmatian Culture of the Southern Cis-Urals and Inhabitants of Forest and Forest-Steppe Area of Volga River Basin and Cis-Urals]. *Sarmaty i vneshniy mir: materialy VIII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» (Ufa, IYAL UNTs RAN, 12–15 maya 2014 g.)* [Sarmatians and Outside World: Proceedings of the VIII Russian (with int. parts) Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History” (Ufa, IILL USC RAS, 12–15 May 2014)]. Ufa, IILL USC RAS, pp. 130-140.
- Malashev V.Yu., Yablonsky L.T., 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10* [The Steppe Population of the South Urals Area in the Late Sarmatian Time: On the Materials from Pokrovka 10 Cemetery]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 365 p.
- Malashev V.Yu., Moshkova M.G., 2010. Proiskhozhdenie pozdnesarmatskoy kul'tury (k postanovke problemy) [Origin of Late Sarmatian Culture (Formulation of a Problem)]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kultury* [The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture], iss. 3. Volgograd, VolSU, pp. 37-56.
- Malashev V.Yu., Maslov V.E., 2021. Kurgany-kladbishcha tsentralnykh i vostochnykh rayonov Severnogo Kavkaza III v. do n.e. – nachala (pervoy poloviny) II v. n.e. (pamyatniki tipa Chegem-Manaskent) [Kurgan-

- Cemeteries of Central and Eastern Regions of North Caucasus 3rd Century BC – Early 2nd Century AD (Monuments Chegem-Manaskent Type)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 81-132. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.5>
- Mandelstam A.M., 1966. *Kochevniki na puti v Indiyu* [Nomads on the Way to India]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 232 p.
- Mandelstam A.M., 1975. *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii* [Nomadic Sites of the Kushan Age in Northern Bactria]. Leningrad, Nauka Publ. 228 p.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Siraki of Kuban (On Materials of Kurgan Burials of Lower Kuban)]. Krasnodar, KubSU. 336 p.
- Masyakin V.V., 2007. Rimskie fibuly i detail remennoy garnitury iz nekropolya Zavetnoye [Roman Fibulae and Belt Gears from Necropolis Zavetnoye]. *Drevnyaya Tavrica* [Ancient Tauricum], Simferopol, Universum Publ., pp. 125-138.
- Matveeva N.P., 1993. *Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole* [Sargat Culture at Middle Tobol River Basin]. Novosibirsk, Nauka Publ. 175 p.
- Matveeva N.P., 1994. *Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya* [Early Iron Age of Ishim River Basin]. Novosibirsk, Nauka Publ. 152 p.
- Matveeva N.P., 2000. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke* [Social-Economic Structures of the West Siberian Population During Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 400 p.
- Matveeva N.P., 2016. *Zapadnaya Sibir v epokhu Velikogo pereseleniya narodov: (Problemy kulturogeneza po dannym pogrebalnykh pamyatnikov)* [Western Siberia During Great Folk Migration (Problems of Genesis of Culture Based on Burial Sites Data)]. Tumen, TumSU Publ. 264 p.
- Matveeva N.P., 2017. Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov sargatskoy kul'tury (Zapadnaya Sibir') [Radiocarbon Chronology of Sites of the Sargatka Culture of Western Siberia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 3-20.
- Matveeva N.P., Gyyni G., Zelenkov A.S., 2021. Problemy izucheniya proiskhozhdeniya madiar (po uralo-sibirskim materialam rannego srednevekovia) [The Issues of Studying Magyars Genesis (Based on the Ural-Siberian Materials of the Early Middle Ages)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 147-166. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630015374-0>
- Matrenin S.S., 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Horse Equipment of the Altai Nomads (II Century BC – V Century AD)]. Novosibirsk, SBRAS. 142 p.
- Matyushchenko V.I., Tataurova L.V., 1997. *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtyshye* [Sidorovka Cemetery at Irtysh River Basin near Omsk]. Novosibirsk, Nauka Publ. 198 p.
- Minyaev S.S., 1976. Bactriyskie latuni s syunnuskikh pamyatnikakh Zabaykalya [Bactrian Brass in Trans-Baikal Xiongnu Sites]. *Baktriyskie drevnosti. Predvaritelnyye soobscheniya ob arkheologicheskikh rabotakh na yuge Uzbekistana* [Bactrian Antiquities. Preliminary Announcement on Archaeological Sites of the Southern Uzbekistan]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 109-110.
- Minyaev S.S., 2007. *Dyrestuysky mogilnik* [Dyrestuy Burial Ground]. Saint Petersburg, SPbU, Faculty of Philology. 233 p.
- Mogil'nikov V.A., 1968. Otchet o rabotakh Irtyshskogo otryada Zapadnosibirskoy ekspeditsii v 1968 g. [Report on Archaeological Excavation of the Irtyshsky Squad of West Siberian Expedition in 1968]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 3716, 3716a.
- Mogil'nikov V.A., 1977. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Srednem Priirtysh'e v 1977 g. [Report on Archaeological Investigations in the Middle Irtysh River Basin in 1977]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 6678.
- Nikanorov V.P., Khudyakov Yu.S., 1999. Izobrazheniya voinov iz Orlatskogo mogilnika [Warrior Images from Orlatsky Cemetery]. *Evraziya: kulturnoye nasledie drevnikh tsivilizatsiy* [Eurasia: Cultural Heritage of the Past Civilizations], iss. 2. Novosibirsk, NSU, pp. 141-154.
- Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Tomilin M.A., Balabanova M.A., Pristyazhnyuk M.S., Zhuravlev A.A., 2020. K voprosu o geneticheskom sostave sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya (dannye paleogenetiki) [On the Issue of the Samatian Population Genetic Composition in the Lower Volga Region (Paleogenetic Data)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya*.

- Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 17-50. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.2>
- Pogodin L.I., Trufanov A. Ya., 1991. Mogilnik sargatskoy kultury Isakovka-III [Isakovka-III Cemetery of the Sargat Culture]. *Drevnie pogrebeniya Ob-Irtyshya* [Ancient Burials in Ob and Irtysh Rivers Basin]. Omsk, OSU, pp. 98-127.
- Pogodin L.I., 1987. Otchet ob arkhologicheskikh raskopkakh kurganov Strizhevskogo-II i Strizhevskogo-III mogilnikov v Nizhneomskom rayone Omskoy oblasti, provedennykh Omskim gosudarstvennym universitetom v 1987 g. [Report on Archaeological Excavation of the Strizhevsky-II and Strizhevsky-III Kurgan Mounds in Nizhneomsky District of Omsk Region, Undertaken by Omsk State University in 1987]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 12374a-b.
- Pogodin L.I., 1988. Otchet ob arkhologicheskikh raskopkakh kurganov u d. Beschaul Nizhneomskogo rayona Omskoy oblasti, provedennykh Omskim gosudarstvennym universitetom v 1988 g. [Report on Archaeological Excavation of the Kurgans Nearby Beschaul Village in Nizhneomskiy District of Omsk Region, Undertaken by Omsk State University in 1988]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 13209-13212.
- Pogodin L.I., 1989. Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh v Nizhneomskom i Gorkovskom rayonakh Omskoy oblasti v 1989 g. [Report on Archaeological Investigations in Nizhneomskiy and Gorkovskiy Districts of Omsk Region in 1989]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 13932-13935.
- Pogodin L.I., 1990. Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh v Gorkovskom i Novovarshavskom rayonakh Omskoy oblasti v 1990 g. [Report on Archaeological Investigations in Gorkovskiy and Novovarshavskiy Districts of Omsk Region in 1990]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 14928, 14928a.
- Podushkin A.N., 2015. O naznachenii predmetov distantsionnogo oruzhiya iz katakomb Yuzhnogo Kazakhstana [About Meaning of the Distant Weaponry from the Katakomb Burials in Southern Kazakhstan]. *Voyna i voennoye delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. pamyati A.I. Melyukovoy (Kagal'nik, 26–29 apr. 2014 g.)* [War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World. Proceedings of the International Scientific Conference, Devoted to the Memory of A.I. Melyukova (Kagal'nik, 26–29 April 2014)]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 150-152.
- Polosmak N.V., 1987. *Baraba v epokhy rannego zheleza* [Baraba During Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ. 144 p.
- Puzdrovskiy A.E., 2007. *Krymskaya Skifia II v. do n.e. – III v. n.e. Pograbalnyje pamyatniki* [Scythia in Crimea II C. BC – III C. AD]. Simferopol, Business-Inform Publ. 480 p.
- Razhev D.I., 2009. *Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obschnosti* [Bioanthropology of the Population of the Sargat Entity]. Ekaterinburg, Urals Branch of RAS. 492 p.
- Savinov D.G., 2009. *Minusinskaya provintsiya khunnu (po materialam arkhologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.)* [The Minusa Province of Hsiung-Nu (on Materials of Archaeological Investigations in 1984–1989)]. Saint Petersburg, IHMC. 226 p.
- Sarianidi V.I., 1989. *Khram i nekropol Tillyatepe* [Temple and Necropolis of Tillyatepe]. Moscow, Nauka Publ. 240 p.
- Semenov V.I.A., 2003. *Sunlug-Khem i Khayyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-tuvinskoy kotlovine* [Sunlug-Khem and Khajyrakan – Cemeteries of the Scythian Epoch in Central Tuva Depression]. Saint Petersburg, Petersburgskoe Vostokovedenie Publ. 240 p.
- Simonenko A.V., 2010. *Sarmatskiye vsadniki severnogo Prichernomorja* [Sarmatian Horsemen of the Northern Black Sea Region]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 328 p.
- Simonenko A.V., Lobay B.I., 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomorja v I v. n.e.* [Sarmatians of the North-Western Pontic in I Century AD]. Kiev, Naukova dumka Publ. 112 p.
- Skripkin A.S., 2010. *Sarmaty i Vostok. Izbrannyye trudy* [Sarmatians and the East. Selected Works]. Volgograd, VolSU. 370 p.
- Sleptsova A.V., 2021. Proiskhozhdenie naseleniya Zapadnoy Sibiri rannego zheleznogo veka po dannym odontologii [The Origins of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age According to Odontological Data]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (54), pp. 163-175. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-13>
- Smirnov K.F., 1959. Kurgany u sel Ilovatovka i Politotdelskoye [Kurgans Nearby Ilovatovka i Politotdelskoje Villages]. *Drevnosti Nizhnego Povolzhya* [Antiquities of the Lower Volga River Basin], vol. I. Materialy i issledovaniya po Arkheologii. Moscow, AS USSR Publ., no. 60, pp. 206-322.

- Trufanov A.A., 2004. Pryazhki rannikh provintsialno-rimskikh form v Severnom Prichernomorie [Plaques of the Early Roman Provinces Shapes in the Black Sea Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 160-170.
- Chikunova I. Yu., 2017. Ipkul'skiy kurganny mogil'nik (resul'taty raskopok 2010–2011 gg.) [Ipkul'sky Burial Ground (Results of the 2010–2011 Excavations)]. *AB ORIGIN: arkheologo-etnographicheskiy sbornik* [AB ORIGIN: Archaeological-Ethnographic Volume]. Tumen', Tumen' State University, iss. 9, pp. 79-110.
- Sharapova S.V., 2020. Verhnyaya hronologicheskaya granitsa sargatskoy kul'tury [Upper Chronological Boundary of Sargatha Culture]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 218-246. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.12>
- Sharapova S.V., Pilipenko A.S., Razhev D.I., Trapezov R.O., Cherdantsev C.S., 2020. Dva muzhskikh pogrebeniya iz kurgana sargatskoy kul'tury: bioarkheologicheskyy i paleogeneticheskyy obzor [Two Male Burials from the Sargat Culture's Burial: Bioarchaeological and Paleogenetic Review]. *Stratum Plus*, no. 3, pp. 353-378.
- Shchukin M.B., 1994. *Na rubezhe er* [On the Turn of Erae]. Saint Petersburg, Farn Publ. 324 p.
- Akhmedov I., 2007. Le harnachement de Tsibilium. A propos de la formation du type "pontique" de harnachement de l'époque des Grandes Migration. *Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium. L'étude du site*, vol. 2. BAR International Series S1721. Oxford, Archaeopress, pp. 67-72.
- Bennett C.C., Kaestle F.A., 2010. Investigation of Ancient DNA from Western Siberia and the Sargat Culture. *Human Biology*, vol. 82 (2), pp. 143-156. DOI: <https://doi.org/10.3378/027.082.0202>
- Kostrzewski J., 1955. *Wielkopolska w pradziejach*. Warszawa, Wrociaw. 348 s.
- Madyda-Legutko R., 1986. *Die Gürtelschnallen der römischen Keiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. BAR International Series 360. Oxford, British Archaeological Reports. 233 p.
- Matveeva N.P., Zelenkov A.S., 2021. The Impact of Nomadic Culture on the Population of Western Siberia in the Era of the Huns and Ancient Turks. *Attila's Europe? Structural Transformation and Strategies of Success in the European Hun Period*. Hungarian National Museum, Eötvös Loránd University, pp. 95-111.

Information About the Authors

Svetlana V. Sharapova, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskaya St, 16, 620990 Ekaterinburg, Russian Federation; Assistant Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Mira St, 19, 620002 Ekaterinburg, Russian Federation, svetlanasharapova01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

Vladimir Yu. Malashev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulianova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Информация об авторах

Светлана Владимировна Шарапова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, ул. С. Ковалевской, 16, 620990 г. Екатеринбург; доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, svetlanasharapova01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9227-3767>

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.10>

UDC 903.7+7.031.1
LBC 63.4

Submitted: 12.12.2021
Accepted: 15.04.2022

PETROGLYPHS OF “EASTERN” APPEARANCE IN THE KAIRAKKOL MOUNTAINS AND THE AKSU RIVER VALLEY ¹

Sergey A. Yarygin

Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan, Nur-Sultan, Kazakhstan

Nikolay N. Ilderyakov

Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract. The article is devoted to the publication of new monuments of rock art in the Kairakkol mountains and the Aksu river valley, located in the Aksu district of the Almaty region of the Republic of Kazakhstan. Geographically, the mountains are part of the Dzhungar Alatau system and are located in the eastern Semirechye. A description of three engravings and a group of three clusters of geometric signs is given. The drawings were discovered during exploration work in the vicinity of the Late Pazyryk burial ground of Tausamaly in 2020 and 2021 in the western spurs of the mountain Kairakkol, rocky outcrops of the Suuk plateau, and the mountain valley of the Aksu river. As a result of the area examination, it was possible to record a large number of petroglyphs dating back from the Bronze Age to the ethnographic time. Much of it definitely dates back to the early Iron Age and the Middle Ages. A large group of tamgas and tamga-like signs was found near the burial ground. Several petroglyphs stand out clearly among other petroglyphs, which have pictorial analogies in southern Siberia, eastern regions of Central Asia, and China. The list includes an anthropomorphic figure with a complex hairstyle or in a complex headdress, a rider about a two-horse, and a dragon. They are adjoined by three drawings, including geometric figures (simple lines, circular signs), knockouts of various types and shapes, holes, images of animals, and, in one case, a rider. They form complex compositions of ideogrammatic nature. A comparative historical analysis of the drawings shows the cultural ties of their creators with the nomads of Altai, the Minusinsk Basin, and, possibly, with the tribes of Northern China. The drawings are tentatively dated to the end of the 1st millennium BC or the border of two eras.

Key words: petroglyphs, Semirechye, horseman, anthropomorphic figure, dragon, labyrinths, signs.

Citation. Yarygin S.A., Ilderyakov N.N., 2022. Petroglify «vostochnogo» oblika v gorah Kayrakkol' i doline reki Aksu [Petroglyphs of “Eastern” Appearance in the Kairakkol Mountains and the Aksu River Valley]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 193-207. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.10>

УДК 903.7+7.031.1
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 12.12.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

ПЕТРОГЛИФЫ «ВОСТОЧНОГО» ОБЛИКА В ГОРАХ КАЙРАККОЛЬ И ДОЛИНЕ РЕКИ АКСУ ¹

Сергей Александрович Ярыгин

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан

Николай Николаевич Ильдеряков

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена публикации новых памятников наскальной живописи в горах Кайракколь и долине реки Аксу, находящихся в Аксуском районе Алматинской области Республики Казахстан. Географически горы входят в систему Джунгарского Алатау и расположены в восточном Семиречье. Дано описание трех гравюр и группы петроглифов, включающих три скопления геометрических знаков. Рисунки

обнаружены в ходе разведывательных работ в окрестностях позднепазырыкского могильника Таусамалы в 2020 и 2021 гг. в западных отрогах Кайраколь, скальных выходах плато Суук и горной долины реки Аксу. В результате проведенного обследования местности удалось зафиксировать большое количество петроглифов, которые датируются от эпохи бронзы до этнографического времени. Значительная часть изображений определенно относится к раннему железному веку и средневековью. Рядом с могильником выявлена большая группа тамг и тамгообразных знаков. Среди прочих отчетливо выделяется несколько петроглифов, которые имеют изобразительные аналоги в Южной Сибири, восточных областях Центральной Азии и Китае. В список включены: антропоморфная фигура со сложной прической или в сложном головном уборе, всадник о двуконь и дракон. К ним примыкают три рисунка включающие геометрические фигуры (простые линии, циркульные знаки), выбивки разного типа и формы, лунки, изображения животных и в одном случае всадника. Они образуют сложные композиции идеограмматического характера. Сравнительно-исторический анализ позволяет предположить культурные связи населения, оставившего их, с кочевниками Алтая, Минусинской котловины и, вероятно, племенами Северного Китая. Рисунки предварительно датируются концом I тыс. до н.э. или рубежом эр.

Ключевые слова: петроглифы, Семиречье, всадник, антропоморфная фигура, дракон, лабиринты, знаки.

Цитирование. Ярыгин С. А., Ильдеряков Н. Н., 2022. Петроглифы «восточного» облика в горах Кайраколь и долине реки Аксу // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 193–207. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.10>

Горы Кайраколь – это северные отроги Джунгарского Алатау. Максимальная высота над уровнем моря 2 201 м. На западе они упираются в русло реки Аксу, на юге ограничены ее правым притоком – рекой Теректы, на востоке отделены от гор Маркатау рекой Саркан. Административно расположены в Аксуском и Сарканском районах Алматинской области. Первое скопление петроглифов, тамг и знаков обнаружено на западных склонах Кайраколь в 2020 г. во время исследования курганного могильника Таусамалы, расположенного на правом берегу реки Аксу, у западного подножия гор Кайраколь, в 2 км юго-восточнее поселка Жансугурово. По ряду признаков обнаруженные рисунки соотнесены с населением, оставившим могильник, и датированы вслед за ним концом I тыс. до н.э. – рубежом эр. Археологические раскопки 2019 и 2020 гг. дали уникальный материал, который можно сопоставить с позднепазырыкскими памятниками Алтая и близкими к ним по времени и территории памятниками Монголии и Китая [Ярыгин, 2020; Ярыгин, Ильдеряков, 2021].

В 2021 г. исследования могильника были продолжены. Одновременно с этим возобновлены разведывательные работы по поиску петроглифов в его окрестностях. Проведено обследование территории примыкавшего с востока к могильнику небольшого горного плато, получившего у местного населения наименование – малое жайлау Суук. Помимо это-

го, совершен осмотр скальных поверхностей в районе излучины реки Аксу перед выходом на равнину.

Плато Суук высотой от 1 044 до 1 178 м над уровнем моря находится на северо-западной окраине гряды Кайраколь и расположено между рекой Аксу на западе и ключом Сайжал на востоке. Благодаря информации от местного жителя Маманова Рахата Айдархановича удалось обнаружить и зафиксировать несколько крупных скоплений петроглифов, включавших сцены с участием животных и людей, разнообразные знаки и тамги. По предварительной оценке, на южных и западных склонах плато имеются до ста скоплений петроглифов и более тысячи отдельных изображений. Осмотр западных склонов Кайраколь и горной долины реки Аксу позволил выявить еще несколько скоплений со сценами охоты, сражений и группу лабиринтообразных или планиграфических рисунков. Последние сосредоточены на скальных выходах небольшого мыса в излучине реки перед ее входом в водохранилище.

Ряд обнаруженных в 2020–2021 гг. отдельных знаков и рисунков, скомпонованных в панно, имеет сходство с изобразительной традицией Саяно-Алтая, Монголии и Китая. Среди прочих это антропоморфная фигура с дугообразными ответвлениями на голове, дракон или фантастический змей и всадник, а также группа идеограмматических рисунков (рис. 1, 1–4).

Первое изображение – это антропоморфная фигура с двумя дугообразными отростками на голове (рис. 2,1). Размеры изображения 9,1 × 9,1 см. Выбивка грубая, контуры рисунка неровные. Ширина отдельных линий рисунка от 0,3 до 1,5 см, глубина до 0,2 см. Туловище небольшое, бочковидное по форме. Шея не выделена. Голова или головной убор образованы двумя линиями, выходящими из плеч фигуры и сходящимися в верхней части изображения. Ширина «головы» 2 см, высота 3,3 см. Из нижней части головы по обе стороны отходят два дугообразных отростка. Ширина линий от 0,3 до 0,6 см. Расстояние от окончания дуг до головы правого ответвления 3,5 см, левого ответвления 3,6 см. Руки раскинуты в разные стороны, ладони не выделены. Длина правой руки 2,4 см, левой руки 1,5 см. Ноги слегка расставлены в стороны и немного согнуты в коленях. Левая ступня хорошо прорисована. Длина ног около 3,8 см, ширина линий от 0,5 до 1 см.

В нескольких сантиметрах ниже, на той же плоскости, имеется изображение оленя с прямоугольным туловищем и двумя длинными рогами с поперечно выбитыми небольшими отростками по всей длине рогов. Слева имеется невыразительная выбивка, расположенная на сколе плиты.

Два похожих на антропоморфную фигуру из Кайракколь изображения обнаружены в скоплениях петроглифов Цагаан-Салаа II и III в Монгольском Алтае. У фигур круглые головы. В первом случае два ответвления отходят от макушки и имеют S-образный изгиб. Во втором они выходят с боковых сторон головы и имеют сильный S-образный изгиб так, что край одного практически касается плеча фигуры. У обеих персонажей показана шея, переходящая в туловище в виде простой линии. Ноги расставлены в стороны. Руки согнуты в локтях и опущены вниз [Кубарев и др., 2005, с. 187, 207, 293, прил. 153, 250, 626] (рис. 2,2,3).

Ареал подобных рисунков распространяется на территорию Тувы и Хакасии. Изображение антропоморфной фигуры с двумя отростками на голове и выделенным фаллосом обнаружено на горе Сыын-Чюрек (Тува) (рис. 2,4). Оно входит в группу петроглифов гунно-сарматского времени, включающую ве-

ликана, сцены охоты, циркульный знак и всадника на олене [Вайнштейн, 1974, с. 49–53, рис. 33–39].

Другим примером выступает ряд петроглифов на Подкунинской писанице (Хакасия) (рис. 2,5). На ней близкие по типу фигуры сопровождаются идентичными по манере и технике выбивки антропоморфными персонажами, но с парными дугообразными ответвлениями на голове [Подкунинская писаница, 2021]. Фигуры с двумя и тремя противостоящими в разные стороны отростками известны по изображениям на втором ярусе (грань 6) скопления горы Хызыл-Хая (рис. 2,6). В большой композиции имеются разные изображения, в том числе людей у котлов, человека в сложном головном уборе с «жезлом». Выбивка неглубокая, мелкоточечная, плотная, патицирована. Изображения контурные и силуэтные. Контурно выбиты котлы и три человека около них. Остальные фигуры силуэтные. По технике выбивки и стилистическим особенностям эти изображения относятся к одному времени, но, возможно, контурные изображения людей сделаны несколько позже, так как отчасти перекрывают силуэтные. По мнению Н.А. Боковенко, многочисленные аналогии стилистического исполнения фигур людей и животных, характерные предметы, позволяют отнести изображения к кругу памятников тагарской культуры. Об этом говорит характерный стилистический прием показа людей с туловищем в фас, а ногами, слегка согнутыми в коленях, в профиль, либо профильное изображение с выдвинутыми вперед ногами. Подобные изображения, относящиеся к тагарской эпохе, встречаются в Тепсее, Туране и Оглахтах. К тагарской культуре автор относит и рисунки котлов. В Хызыл-Хая присутствуют два типа: котлов с вертикальными ручками и тремя отростками на них и гладкими ручками. Близкие изображения в Хакасии встречены на Боярской писанице, Аскизской плите, хребте Оглахты и в Кизик-тах [Боковенко, 2004, с. 389–395, рис. 2].

Анализируя изображения всадников на Лънищенской писанице, близких по манере к всадникам из Хызыл-Хая, Е.А. Миклашевич предлагает датировать их в пределах более широкого периода – тагарская культура – тесинская культура, не исключая и раннеташ-

тыкского времени [Миклашевич, 2012, с. 28–56]. К близким выводам приходит М. Байбердина, рассматривая изображение с парными ответвлениями на голове, обнаруженное в петроглифах Абакано-Перевоз-III (рис. 2, 7). Фигура показана сидящей в позе «по-турецки», голова подквадратной формы, руки с короткими растопыренными пальцами согнуты в локтях. Как считает автор, по манере изображения, в том числе по позе, находящей аналогии на гривне из Кобяковского кургана (I в. н.э. – начала II в. н.э.), на бактрийском зеркале из Соколовой могилы (I в. н.э.), в фигурках музыкантов из Тилля-тепе (середины I в. н.э.), может датироваться указанным временем и относиться к тесинской культуре [Байбердина, 2019, с. 20–34].

Минусинские и тувинские аналоги позволяют отнести антропоморфное изображение с двумя дугообразными ответвлениями на голове, выявленное в горах Кайраколь, к раннему железному веку, вероятнее всего, ближе к рубежу эр.

К блоку изображений с алтайско-минусинскими аналогами относятся три идеограмматических изображения (рис. 1, 2). Рисунки обнаружены на окатанных скалах и останце мыса, образованного изгибом реки Аксу перед ее выходом в водохранилище.

Первый рисунок, самый крупный, представляет собой сложное лабиринтоподобное изображение, состоящее из переплетенных линий, циркульных знаков, всадника, нескольких животных и неопределенных фигур (рис. 3, 1). Общие размеры 3 × 3,5 м. Ширина линий от 1 до 1,5 см, глубина выбивки от 0,1 до 0,5 см. Высота изображения 32 см. В нижней левой части расположено достаточно простое изображение всадника. Длина коня 31 см. Корпус лошади прямоугольный, от него вниз отходят четыре линии ног. Голова или головной убор всадника треугольной формы. От руки, которая удерживает лошадь за узду, вверх отходит линия с овальным завершением. От него выведена тонкая линия, уходящая в сложное лабиринтообразное переплетение линий и шести колец. Четыре кольца соединены прямыми линиями и образуют два стандартных гантелеподобных знака. Длина правого знака 21 см, левого знака 20,5 см. Средний диаметр кольцевых окончаний 0,4 см.

У одного знака имеется дополнительная выбивка в виде короткой вертикальной линии. Гантели ориентированы от нижнего левого края в правый верхний и соединены с отходящей от руки всадника линией и дополнительно между собой. Основная вертикальная линия имеет три изгиба и завершается крупным кольцом с тонкой линией на верхней части. Общая ее длина без учета изгибов 62 см. От головы лошади вверх отходит вертикальная линия, которая заканчивается на уровне второй гантелеподобной фигуры. Несколько ниже расположена пересекающая ее горизонтальная линия. Она смыкается в правой части изображения со второй группой фигур, состоящей из изображения животного длиной 27 см, высотой 20 см, фигуры типа перевернутой скобы и толстого горизонтального прочерчивания с дополнительными элементами. От места стыка горизонтальной линии со второй группой отходит вверх тонкая выбивка, соединяющаяся с треугольником. В свою очередь от него наверх идет длинная извивающаяся линия. Она завершается крупной треугольной фигурой. Ниже места стыка выбита горизонтальная линия. Расстояние между крайними точками горизонтального изображения над головой животного составляет 40 см. Левая часть более длинная, над ней помещен рисунок, состоящий из трех линий с утолщением в месте их соединения. Между двумя длинными линиями расположено изображение кольца с чертой, ориентированной от нижнего левого края в правый верхний. Выше и левее головы всадника выбит простой схематичный петроглиф козла.

Второй рисунок имеет планиграфический характер (рис. 3, 2). Состоит из нескольких прямых и изогнутых линий, лунок, точечных и линейных выбивок, циркульной фигуры и зооморфных изображений. Общие размеры занимаемой на камне площади рисунка 1,5 × 1,8 м. Ширина линий и глубина идентична предыдущему рисунку.

Линии складываются в две фигуры в виде неправильной F и перевернутой V. Длина основной линии первой фигуры 27 см до изгиба и 13 см от изгиба до лунки. Отходящий вправо и под углом около 45 градусов к основной линии отрезок длиной 13 см. Лунка на верхнем окончании длинной линии 3,5 × 4,5 см, глу-

бина 0,7 см. Длина правой линии второй фигуры 10 см, левой линии 20 см. Диаметр лунки на вершине 4,5 см, глубина 0,5 см.

Ниже данных фигур, в центре композиции помещен циркульный знак. Диаметр кольцевого основания 7 × 9 см. Направо от него отходят два ответвления. Верхнее в виде С-образной линии, нижняя горизонтальная. Средняя длина отрезков около 7 см. Под знаком имеется третья лунка с идентичными предыдущим размерами.

В состав композиции входят пять небольших точечных выбивок. Одна находится между двух линий V-образной фигуры, еще одна небольшая точка расположена над обратным изгибом верхнего отрезка F-образной фигуры по ее центру. Две маленькие точки помещены справа и слева от центрального циркульного знака. Маленькая точка выбита слева от нижней лунки. Средние размеры точечных выбивок от 1,5 до 3,5 см, глубина не более 0,3 см.

Слева от фигуры F изображено 7 козлов. Средняя высота фигур козлов 12 см, длина 9 см. По манере изображения рогов они разделяются на две неравномерные группы: с простыми изогнутыми (6), с выделенными отрезками на рогах (1). Еще один козлик изображен отдельно, справа от нижней лунки, он ориентирован мордой в сторону других животных.

Третий рисунок также имеет планиграфический характер (рис. 3,3). Он состоит из изогнутой линии с двумя выбивками на самой линии, четырех отдельных выбивок и примыкающего к ним справа циркульного знака. Общие размеры рисунка со всеми деталями 40 × 56 см. Средняя ширина линий от 0,8 до 1,5 см, на некоторых участках до 3,5 см. Глубина выбивки 0,2–0,3 см.

Линия состоит из двух частей. Первая выбита в виде двух волн и расположена горизонтально. Начинается с точечной выбивки диаметром 2,5 × 3,7 см. Ее длина без учета изгибов 38 см. Под «волнами» выбиты две точки размерами 1,4 × 2,4 см. Под точечной округлой выбивкой помещена небольшая С-образная фигура шириной 5,1 см. На вершине правой «волны» разрыв шириной 3 см, заполненный следами мелких ударов. Вторая часть линии длиной 27 см изображена вертикально. Она начинается прямоугольной выбивкой размера-

ми 3,5 × 7 см, с небольшой петлей на верхней части. Завершается горизонтальной Г-образной выбивкой длиной 14 см. Под ней изображена небольшая линия длиной 1,4 см.

Справа и несколько выше изображен циркульный знак высотой 15,5 см, который состоит из трех элементов: 1) центральное кольцо диаметром 6,4 см; 2) верхнее Y-образное навершие с более длинными боковыми элементами, которые загибаются и опускаются вниз; 3) две линии выведенные от кольца налево. Длина центральной линии навершия около 3 см, правого ответвления 7,4 см, левого 6,2 см. Длина верхнего бокового отрезка 5,5 см, нижнего 6,8 см. На боковых линиях просматриваются дополнительные детали в виде вертикальных черточек от 0,9 до 1,1 см.

Ближайшие аналоги лабиринтоподобным и планиграфическим рисункам и составляющим их элементам можно обнаружить в пазырыкском и тесинском искусстве.

Змееобразные, петлевидные, волнообразные фигуры, подобию лабиринтов и другие изображения известны на пазырыкских сосудах из курганов № 12, 13, 43 могильника Тыткескень-VI [Кирюшин и др., 2003, с. 179, 192, рис. 11,1,2, 24,8] (рис. 4,1,2). Планиграфический рисунок обнаружен в скоплении петроглифов Хар-Салаа III в Монгольском Алтае [Кубарев, 2009, с. 135, прил. 331] (рис. 4,3).

Более значимые аналоги наблюдаются в искусстве тесинской культуры. Геометрические рисунки на каменных плитках в художественном стиле «идеограмм» в большом количестве обнаружены при исследовании могильника Есино III (рис. 4,4,5). Плитки находились среди камней в наземной части могильных сооружений, в заполнении и на дне могильной ямы. Из 38 плиток с рисунками на 32 выявлены геометрические рисунки разной степени сложности. Схожие рисунки выбиты и на стенах каменных ящиков. В одной из могил найдена каменная стела, одна сторона которой была полностью заполнена сложными геометрическими композициями. Немногочисленные схематические зооморфные и антропоморфные изображения на плитках из могил характерны для позднего этапа тагарской культуры.

Выделяют шесть основных групп подобных рисунков. Описываемые изображения на

петроглифах с берегов реки Аксу можно отнести к группам 2 и 6.

Вторая группа представлена волнитообразными и различным образом трансформированными фигурами, с криволинейными отростками и другими дополнительными элементами. В одном случае такая фигура сочетается с выбитой более крупными точками группой неясных изображений [Савинов, 2009, с. 89–101, табл. L, 5–9, рис. 11, 2]. Шестая группа объединяет изображения планиграфического характера. В основе их лежат различным образом изогнутые линии, передающие плавные петлеобразные изгибы с длинными, направленными в разные стороны отростками [Савинов, 2009, с. 89–101, табл. LIII, рис. 11, 6]. Хотя, по мнению Д.Г. Савинова, четкая граница между группами отсутствует, одни и те же элементы могут перетекать из одной композиции в другую. То, что они существовали в один период, демонстрируют многофигурные композиции на плите из могилы 15 могильника Есино III. Как отмечает Д.Г. Савинов, их появление в Минусинской котловине может быть связано с влиянием пазырыкской и саглынской культур, где подобные изображения на глиняных сосудах появляются раньше, возможно в результате контактов с культурой субэяси в Синьцзяне. Автор не исключает определенного влияния хунну [Савинов, 2009, с. 89–101, 215–217, 220, 222, табл. XLIX, L–LI, LIV–LVI, рис. 11–15]. Появление идеограмматических рисунков в горной долине реки Аксу, вероятно, связано с дальнейшей миграцией на запад кочевников, участвовавших в сложных этнокультурных взаимодействиях в конце I тыс. до н.э. на территории Саяно-Алтая и Монголии.

К алтайской традиции можно отнести изображение всадника о двуконь (рис. 5, 1) со второй лошадей в окружении других рисунков. Общие размеры рисунка 12 × 16,5 см, глубина выбивки 0,2 см. Лошади изображены в узнаваемой манере в профиль. Нижнее животное несколько крупнее по пропорциям. Длина первой лошади 10 см, высота 7,5 см от копыта до уха и 9 см вместе со всадником. Длина второй лошади 11,5 см, высота 10,5 см. У лошадей по две ровные и длинные ноги, копыта показаны в виде круглых завершений. Ширина ног коней около 0,8 см. Самая крупная ниж-

няя 1,2 см. Головы лошадей крупные около 1,5 × 3 см, морды с расширением на конце, шеи толстые. У каждой лошади показано по одному хорошо выделенному подтреугольному уху, имеется челка. Под мордой показана деталь сбруи в виде двух отрезков. Первый узкий изогнут к морде, второй прямой. Тело заужено к крупу. Толщина хвостов обеих лошадей около 0,35 см. У нижней лошади хвост с округлым окончанием диаметром 1 см. На верхней лошади сидит всадник, высота которого 6 см. Голова круглая, диаметром 1,8 см, на макушке небольшим треугольным острием показана деталь прически или головного убора. Руки короткие, одна держит повод, вторая отставлена назад. Ноги слегка согнуты в коленях, прорисованы до уровня колен лошади.

Близкие аналоги всаднику обнаруживаются в петроглифическом искусстве Алтая. Рисунки подобных всадников датируются скифским временем по изображениям чеканов в руках воинов или колчанов, висящих на поясах. Аналоги отдельным петроглифам можно найти в предметах материальной культуры древних кочевников Алтая. Например, парные объемные фигурки лошадей из дерева (Катанда, Уландрык, Юстыд, Барбугазы), что нашло свое отражение и в наскальных изображениях Алтая, отнесенных к пазырыкской культуре. Ряд изображений лошади обладает своеобразным экстерьером – короткое туловище, большая голова и короткие ноги [Кубарев, 1999, с. 84–92, табл. 2, 8, 11] (рис. 5, 2–4).

Манера изображения лошади и некоторый абрис человеческих фигур (круглоголовые персонажи) позволяют обратить внимание на золотые пластины из Сибирской коллекции Петра I с рисунком сцены под деревом, поступивших во второй посылке князя Гагарина, отправленной 12 декабря 1716 года. Предположительно поясная застежка может датироваться V–III вв. до н.э. [Золото кочевников..., 2006] (рис. 5, 5). По имеющимся пазырыкским аналогам рисунок всадника со второй лошадей из скопления петроглифов Кайраккол можно датировать второй половиной I тыс. до н.э.

Последний петроглиф из данной коллекции представляет собой фигуру дракона (рис. 6, 1). Зверь изображен с длинным изог-

нутым волнообразным туловищем. Длина тела около 12 см, ширина от 0,5 до 1 см. Голова и хвост начинают и заканчивают меандр, находясь в верхней части рисунка, их разделяет центральный изгиб туловища. Голова хорошо проработана, длина 3,5 см. В ее верхней части видны уши, рога или грива. Длина центрального отростка около 1 см, ширина 0,3 см. Длина второго 0,6 см, он заужен и загибается тонким концом к морде. Пасть слегка приоткрыта, за ней двумя небольшими горбинками, вероятно, показаны нос и глазницы. На левом изгибе тела внизу прорисованы две короткие ноги длиной около 1,2 см. На одной из них выделена округлая лапа. Возможно, фигурка должна была быть четырехлапой, так как в нижней части первого изгиба обозначен небольшой отросток (недорисованная нога?).

Ближайшее сходство он демонстрирует с изображениями китайских драконов-лун, получивших широкое распространение во II–I вв. до н.э. Подобные звери в геральдической манере нарисованы на шелковом надгробном знамени, найденном в могиле госпожи Дай (династия Западная Хань), датирующимся около 168 г. до н.э. [Funeral Banner...] (рис. 6,2). Достаточно часто они изображались на поясных бляшках, отнесенных к концу I тыс. до н.э. – рубежу эр из находок в Северном Китае и Синьцзяне [Yan Liu, 2020, p. 177, fig. 1b] (рис. 6,3). В это же время близкий образ дракона распространяется у сюнну. Об этом говорят находки серебряных блях с изображением дракона в кургане № 20 пади Суцзуктэ [Полосьмак и др., 2011, с. 46–54, рис. 6] (рис. 6,4). Данные аналоги позволяют датировать изображение дракона в горах Кайраколь не ранее II–I вв. до н.э.

Пять рисунков из выявленных на плато Суук и в долине реки Аксу имеют устойчивые стилистические связи с традицией наскальной живописи и фигуративным искусством Саяно-Алтая. В эту группу входят антропоморфный персонаж, всадник и три идеограмматических рисунка. Обнаруживаются связи с пазырыкской и тесинской культурами. Изображение дракона находит аналоги в культуре сюнну и Китая во II в. до н.э.

Такая культурная атрибуция не противоречит материалам археологических исследований на расположенном рядом могильнике Таусамалы. В 2019–2021 гг. на памятнике исследовано 5 курганов, в одном из которых удалось выявить погребальный обряд, характерный для пазырыкской культуры. Три погребения демонстрируют как пазырыкские, так и улуг-хемские черты. Обнаруженные предметы материальной культуры – украшения, детали одежды, удила, зеркало, керамические сосуды встречаются в пазырыкской, тесинской и улуг-хемской культурах. Погребения датированы в рамках IV–II вв. до н.э. В могильнике фиксируется около 100 насыпей. Судя по всему в регионе достаточно продолжительное время обитала группа кочевников, мигрантов с востока, которая оставила в горах Кайраколь и долине реки Аксу петроглифы с «восточными» чертами.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование финансировалось Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ПЦФ № BR 11765630.

The study was funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Kazakhstan, TFP № BR 11765630.

ПРИЛОЖЕНИЯ

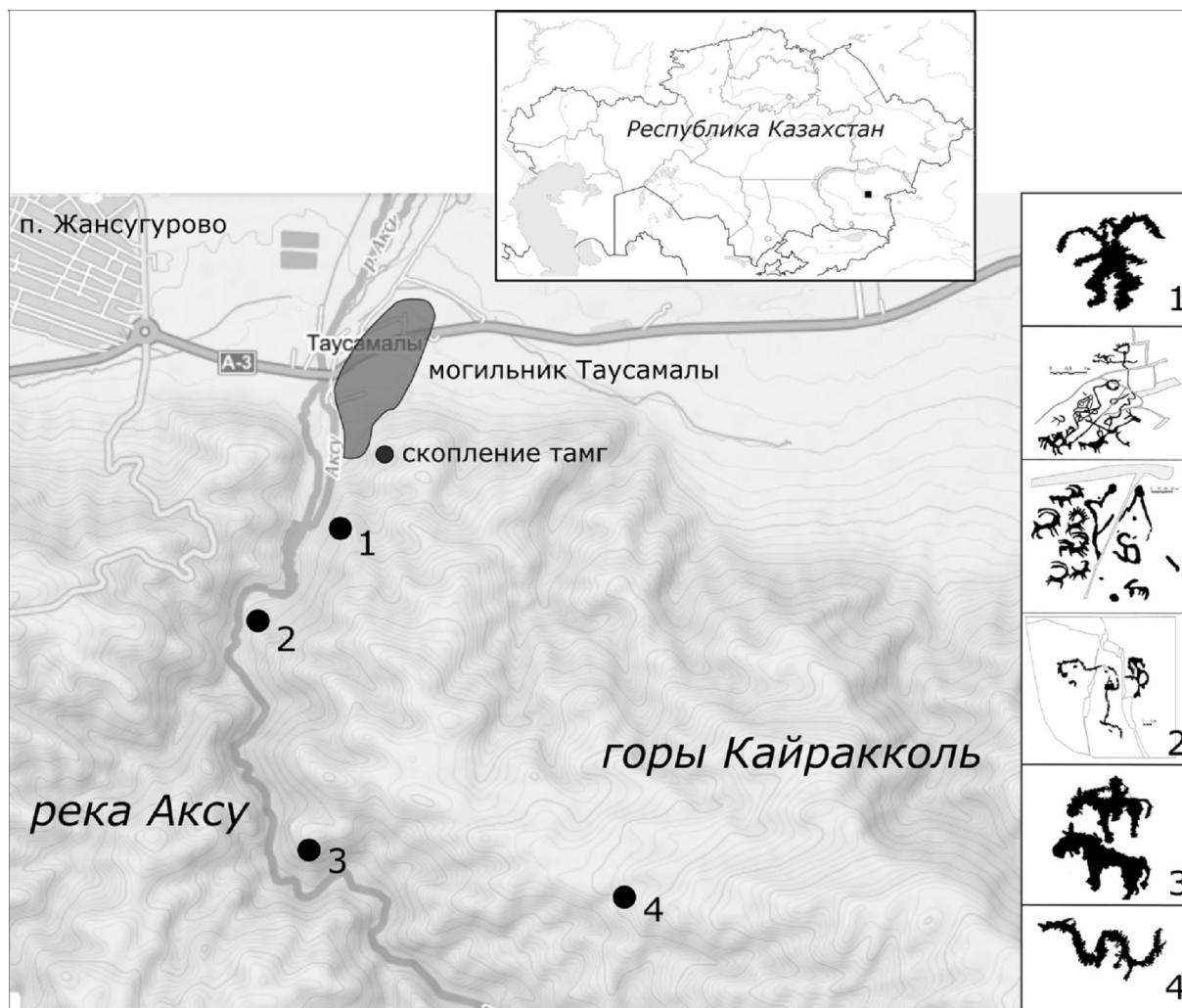

Рис. 1. Карта мест обнаружения петроглифов в горах Кайракколь и долине реки Аксу:
1 – антропоморфное изображение; 2 – лабиринтоподобные и планиграфические рисунки; 3 – всадник; 4 – дракон
Fig. 1. Map of discovery sites of petroglyphs in the Kairakkol mountains and the Aksu river valley:
1 – anthropomorphic image; 2 – labyrinth-like and planigraphic drawings; 3 – the rider; 4 – the dragon

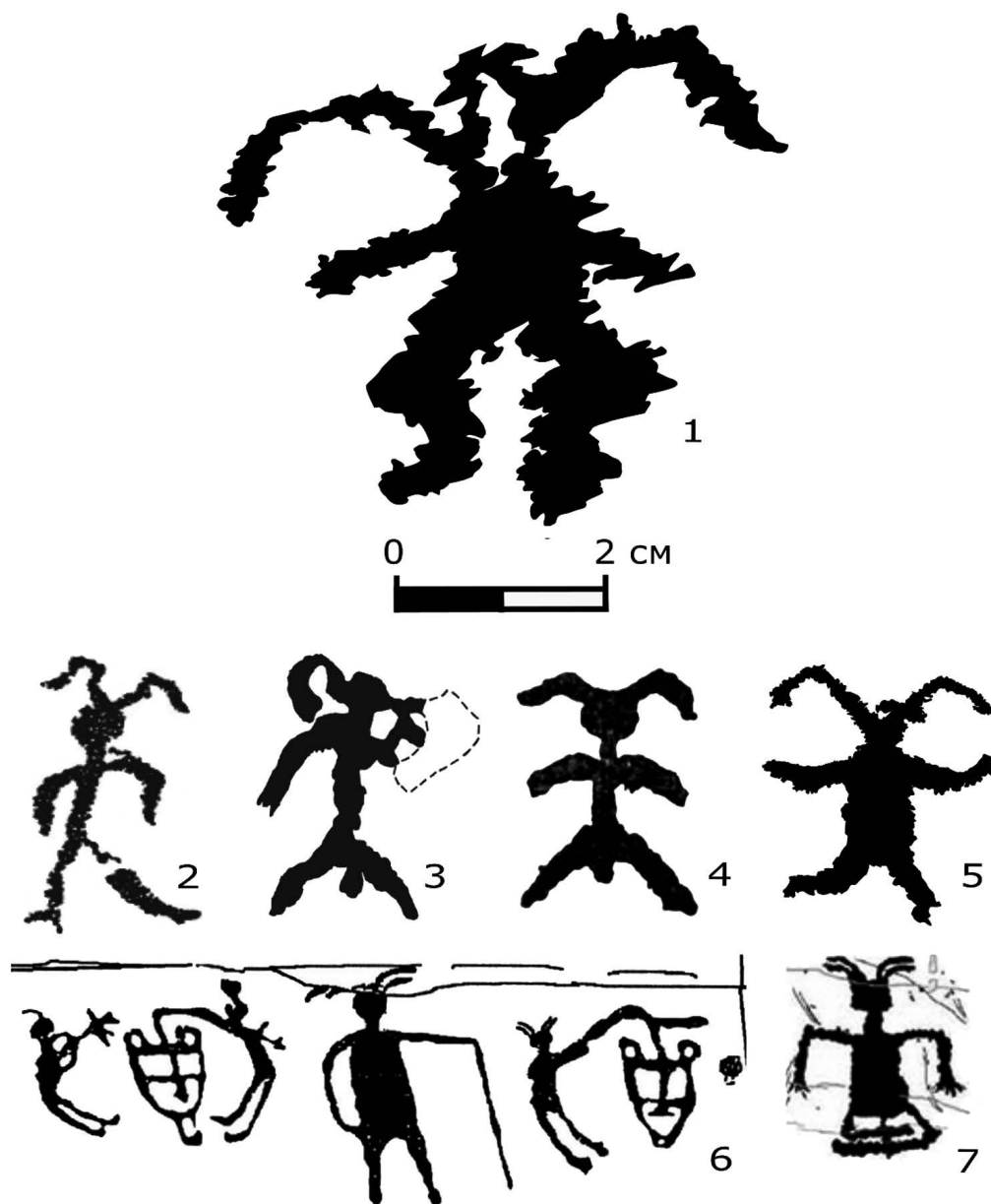

Рис. 2. Антропоморфные фигуры с двумя «отростками» на голове:

- 1 – петроглиф, выявленный в горах Кайракколь (автор прорисовки С.А. Ярыгин);
- 2 – фигура из Цагаан-Салаа II (по: [Кубарев и др., 2005, с. 183, прил. 153]);
- 3 – фигура из Цагаан-Салаа III (по: [Кубарев и др., 2005, с. 207, прил. 250]);
- 4 – фигура из Сыын-Чюрек (по: [Вайнштейн, 1974, с. 52–53, рис. 38]);
- 5 – фигура на Подкунинской писанице (по: [Подкунинская писаница, 2018]);
- 6 – фрагмент прорисовки писаницы Хызыл-Хая (по: [Боковенко, 2004, с. 389–395, рис. 2]);
- 7 – фигура из скопления Абакано-Перевоз-III (по: [Байбердина, 2019, с. 20–34])

Fig. 2. Anthropomorphic figures with two “shoots” on the head:

- 1 – petroglyph found in the Kairakkol mountains (drawing by S.A. Yarygin);
- 2 – figure from Tsagaan-Salaa II (after: [Kubarev et al., 2005, p. 183, adj. 153]);
- 3 – figure from Tsagaan-Salaa III (after: [Kubarev et al., 2005, p. 207, adj. 250]);
- 4 – figure from Syyn-Churek (after: [Weinstein, 1974, p. 52–53, fig. 38]);
- 5 – figure on the Podkuninskaya Pisanitsa (after: [Podkuninskaya Pisanitsa, 2018]);
- 6 – fragment of the sketch of the Khyzyl-Khay Pisanitsa (after: [Bokovenko, 2004, p. 389–395, fig. 2]);
- 7 – figure from the Abakano-Perevoz-III cluster (after: [Bayberdina, 2019, p. 20–34])

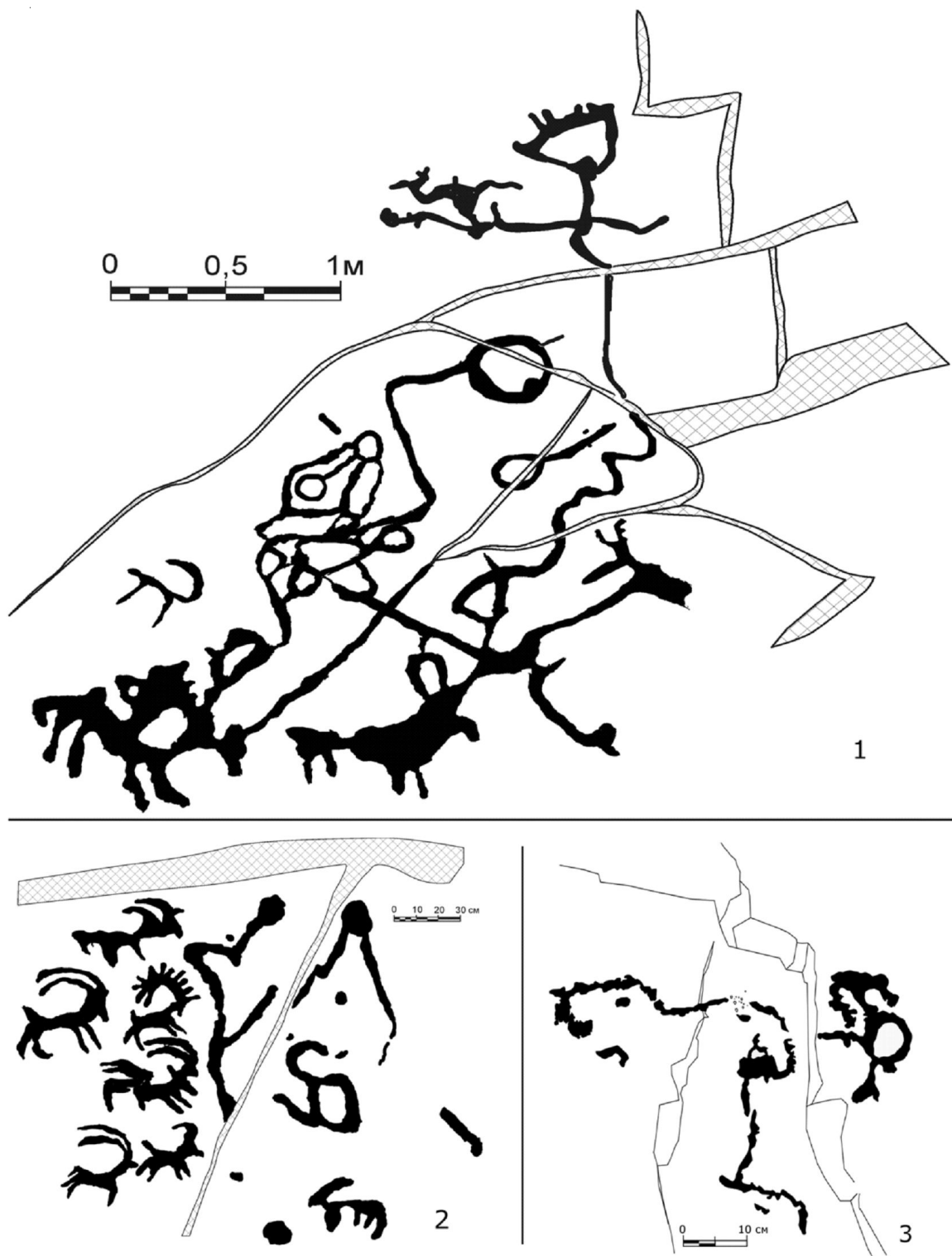

Рис. 3. Лабиринтоподобные и планиграфические рисунки в долине реки Аксу:

- 1 – лабиринтоподобная идеограмма с гантелевидными знаками (автор прорисовки Н.Н. Ильдеряков);
- 2 – планиграфическая идеограмма с изображениями животных (автор прорисовки Н.Н. Ильдеряков);
- 3 – планиграфическая идеограмма с тамгаобразным изображением (автор прорисовки С.А. Ярыгин)

Fig. 3. Labyrinth-like and planigraphic drawings in the Aksu river valley:

- 1 – labyrinth-like ideogram with dumbbell-shaped signs (drawn by N.N. Ilderyakov);
- 2 – planigraphic ideogram with images of animals (drawn by N.N. Ilderyakov);
- 3 – planigraphic ideogram with a tamga-like image (drawn by S.A. Yarygin)

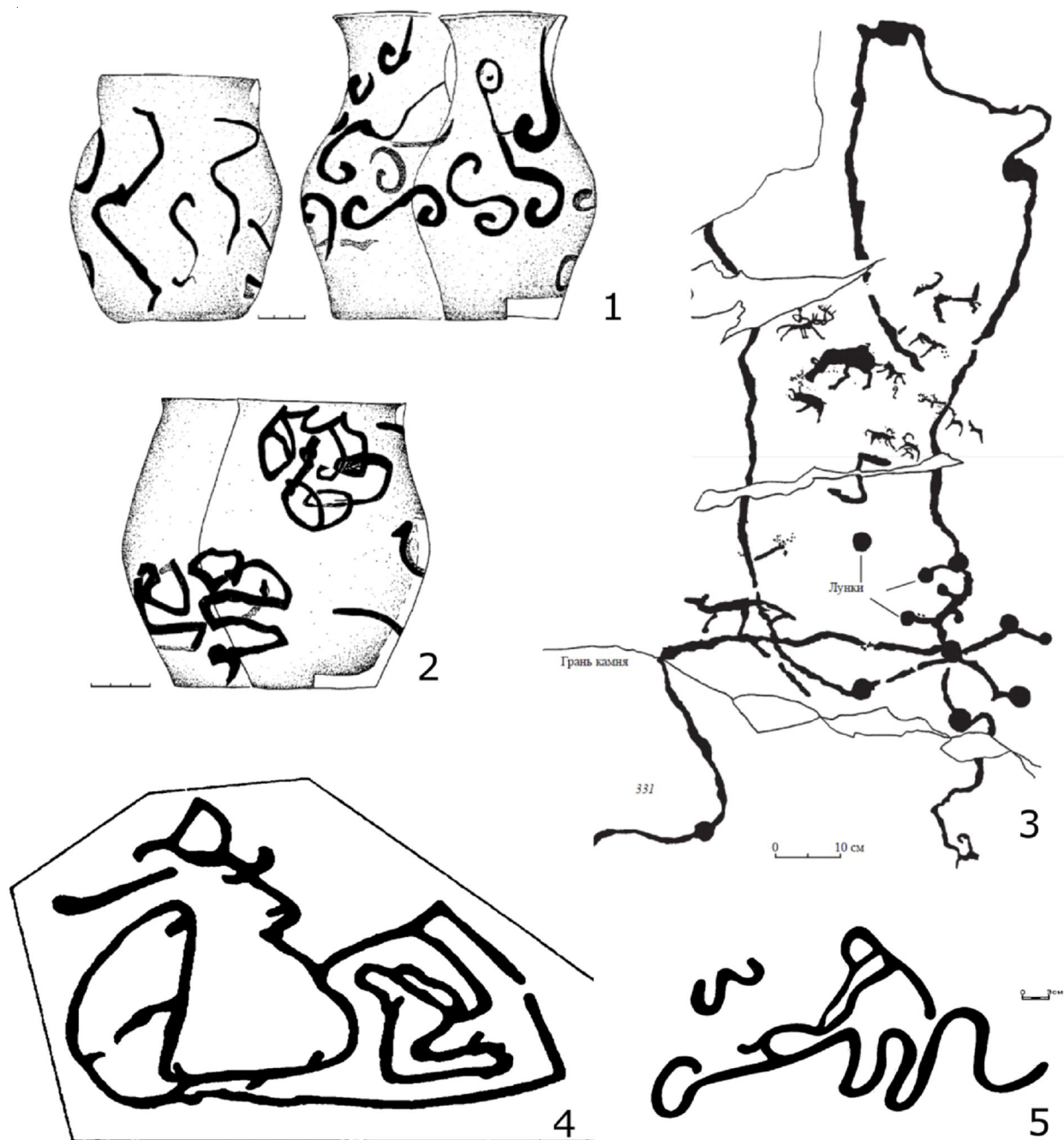

Рис. 4. Минусинские изображения на каменных плитках из могильника Есино III:

- 1 – сосуды из кургана № 13 могильника Тыткескень-VI;
- 2 – сосуд из кургана № 43 могильника Тыткескень-VI (по: [Кирюшин и др., 2003, с. 179, 192, рис. 11, 1, 2, 24, 8]);
- 3 – планиграфическое изображение из скопления Хар-Салаа III (по: [Кубарев, 2009, с. 135, прил. 331]);
- 4 – рисунок на плитке из могилы 25 могильника Есино III (по: [Савинов, 2009, с. 217, табл. LI, 1]);
- 5 – рисунок на плитке из могилы 2 могильника Есино III (по: [Савинов, 2009, с. 216, табл. L, 8])

Fig. 4. Minusinsk images on stone slabs from the Yesino III cemetery:

- 1 – vessels from the kurgan No. 13 of the Tytkesken-VI cemetery;
- 2 – vessel from kurgan No. 43 of the Tytkesken-VI cemetery (after: [Kiryushin et al., 2003, p. 179, 192, fig. 11, 1, 2, 24, 8]);
- 3 – planigraphic image from the Khar-Salaa III cluster (after: [Kubarev, 2009, p. 135, app. 331]);
- 4 – drawing on a tile from grave 25 of the Yesino III cemetery (after: [Savinov, 2009, p. 217, tab. LI, 1]);
- 5 – drawing on a tile from grave 2 of the Yesino III cemetery (after: [Savinov, 2009, p. 216, tab. L, 8])

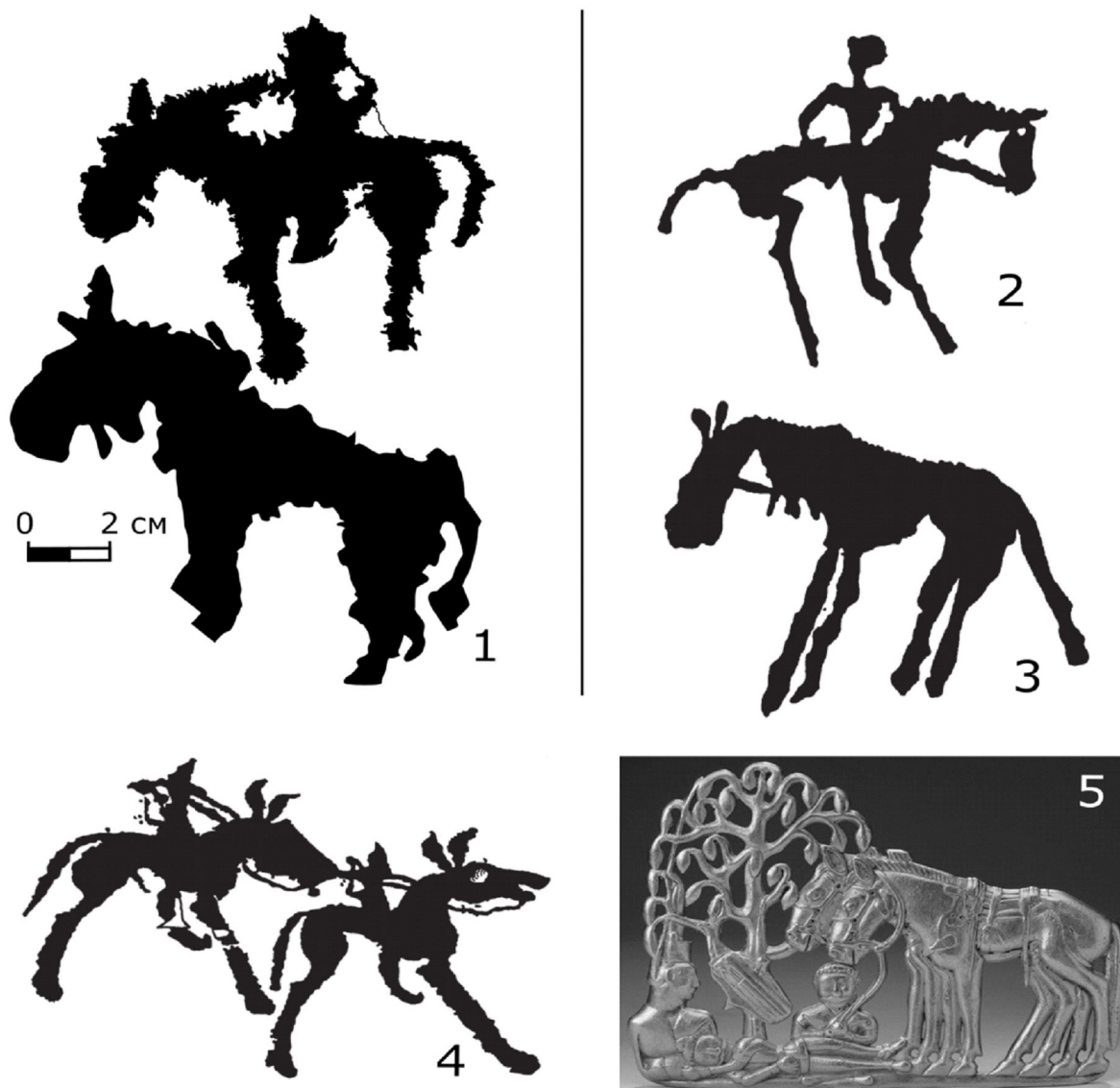

Рис. 5. Изображения всадников и коней:

1 – петроглиф, обнаруженный на плато Суук (автор прорисовки С.А. Ярыгин);
2–4 – алтайские петроглифы. Пазырыкская культура (по: [Кубарев, 1999, с. 84–92, табл. 2,8,11]);
5 – одна из пары золотых поясных пластин. Сибирская коллекция Петра I (по: [Золото кочевников ... , 2006])

Fig. 5. Images of riders and horses:

1 – petroglyph discovered on the Suuk plateau (drawn by S.A. Yarygin);
2–4 – Altai petroglyphs. Pazyryk culture (after: [Kubarev, 1999, p. 84–92, tab. 2,8,11]);
5 – one of a pair of gold belt plates. Siberian collection of Peter I (after: [Zoloto kochevnikov ... , 2006])

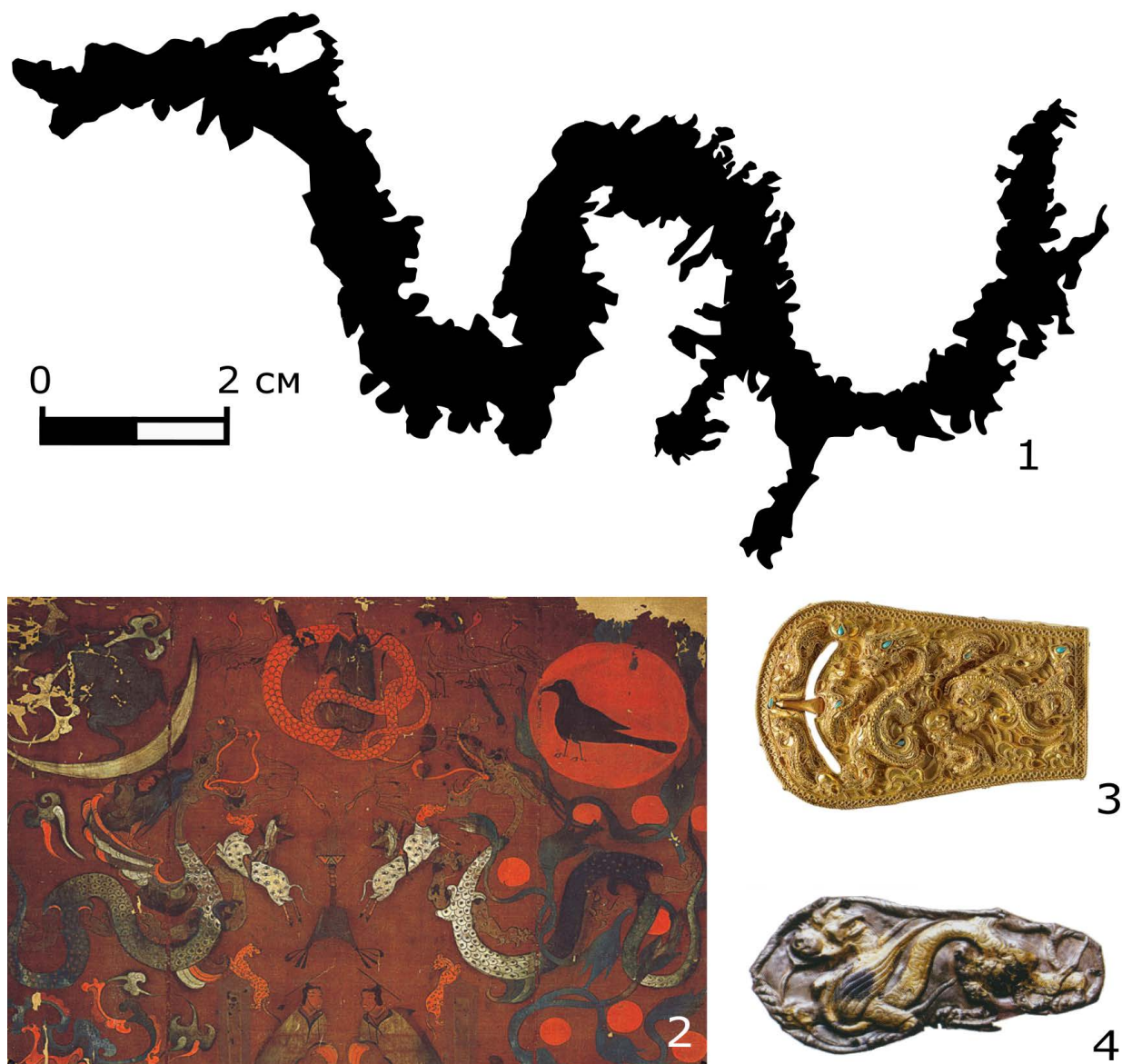

Рис. 6. Изображения драконов:

- 1 – петроглиф, зафиксированный на плато Суук (автор прорисовки Н.Н. Ильдеряков);
2 – фрагмент надгробного знамени династии Западная Хань из могилы госпожи Дай (по: [Funeral Banner...]);
3 – поясная пряжка из золота (по: [Yan Liu, 2020, p. 177, fig. 1b]);
4 – серебряная бляха из кургана № 20 в пади Суцзуктэ (по: [Полосьмак и др., 2011, с. 46–54, рис. 6])

Fig. 6. Images of dragons:

- 1 – petroglyph recorded on the Suuk plateau (drawn by N.N. Ilderyakov);
2 – fragment of the Western Han Dynasty tombstone from the grave of Lady Dai (after: [Funeral Banner...]);
3 – belt buckle made of gold (after: [Yan Liu, 2020, p. 177, fig. 1b]);
4 – silver plaque from mound no. 20 in the Suzzukte valley (after: [Polosmak et al., 2011, p. 46–54, fig. 6])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбердина (Галягина) М. А., 2019. Изображения тесинского времени в Минусинской котловине в контексте археологического материала // Теория и практика археологических исследований. Т. 27, № 3. С. 20–34.
- Бокovenko Н. А., 2004. Писаница Хызыл-Хая – обретенная и потерянная // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб. : СПбГУ. С. 389–395.
- Вайнштейн С. И., 1974. История народного искусства Тувы. М. : Наука. 224 с.
- Золото кочевников. О «Сибирской коллекции» Петра I, 2006 // Наука из первых рук : 10 сент. 2006. Т. 11, №5. URL: <https://scfh.ru/papers/zoloto-kochevnikov-o-quot-sibirskoy-kollektsii-quot-petra-i> (дата обращения: 02.09.2021).
- Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А., 2003. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II : Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 234 с.
- Кубарев В. Д., 1999. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 84–92.
- Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э., 2005. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск : ИАиЭ СО РАН. 640 с.
- Кубарев В. Д., 2009. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск : ИАиЭ СО РАН. 420 с.
- Миклашевич Е. А., 2012. Лънищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины : Георгиевская. Лънищенская. Улазы III. Сосниха. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. X. Кемерово : Кузбассвузиздат. С. 28–56.
- Подкунинская писаница. URL: <https://megalithica.ru/podkuninskaya-pisanicza.html> (дата обращения: 02.09.2021).
- Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвэндорж Д., Эрдэне-Очир Н., 2011. Серебряные украшения конской упряжи из кургана 20 могильника Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (46). С. 46–54.
- Савинов Д. Г., 2009. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : СПбГУ. 226 с.
- Ярыгин С. А., 2020. Новые тамги и знаки в отрогах хребта Кайракколь // Үлкен Алтай элеме – Мир Большого Алтая – World of Great Altay. № 6 (3). С. 1034–1047.
- Ярыгин С. А., Ильдеряков Н. Н., 2021. Погребение «пазырыкского типа» на могильнике Таусамалы // Народы и религии Евразии. Т. 26, № 2. С. 23–39. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)2-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)2-02)
- Funeral Banner of Lady Dai (Xin Zhui). Khan Academy. URL: <https://www.khanacademy.org/humanities/art-history/south-east-se-asia/china-art/a/funeral-banner-of-lady-dai-xin-zhui> (date of access: 02.09.2021).
- Yan Liu, 2020. The Han Empire and the Hellenistic World : Prestige Gold and the Exotic Horse // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. Vol. 20, № 3. P. 175–198.

REFERENCES

- Baiberdina (Talyagina) M.A., 2019. Izobrazheniya tesinskogo vremeni v Minusinskoy kotlovine v kontekste arheologicheskogo materiala [Images of the Tes Time in the Minusinsk Hollow in the Context of Archaeological Material]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], vol. 27, no. 3, pp. 20-34.
- Bokovenko N.A., 2004. Pisanitsa Khyzyl-Khaya obretennaya i poteryannaya [Pisanitsa of Petroglyphs Khyzyl-Khaya - Found and Lost]. *Nevskiy arheologo-istoriograficheskiy sbornik. K 75-letiyu kandidata istoricheskikh nauk A.A. Formozova* [Nevsky Archaeological and Historiographic Collection. To the 75th Anniversary of the Candidate of Historical Sciences A. A. Formozov]. Saint Petersburg, SPbSU, pp. 389-395.
- Vainshtein S.I., 1974. *Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy* [History of Folk Art of Tuva]. Moscow, Nauka Publ. 224 p.
- Zoloto kochevnikov. O «Sibirskoy kollektzii» Petra I [Gold of nomads. About the «Siberian collection» of Peter I], 2006. *Nauka iz pervykh ruk* [Science First Hand] : 10 Sept. 2006, vol. 11, no. 5. URL: <https://scfh.ru/papers/zoloto-kochevnikov-o-quot-sibirskoy-kollektsii-quot-petra-i> (accessed 2 September 2021).

- Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A., 2003. *Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Chast II: Pogrebalno-pominalnye komplekсы pazyrykskoy kultury* [Scythian Era of Altai Mountains. Part II: Burial and Memorial Complexes of the Pazyryk Culture]. Barnaul, ASU. 234 p.
- Kubarev V.D., 1999. Pazyrykskie syuzhety v petroglifakh Altaya [Pazyryk Plots in the Petroglyphs of Altai]. *Itogi izucheniya skifskoi epohi Altaya i sopredelnykh territorii* [Results of the Study of the Scythian Era of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul, ASU, pp. 84-92.
- Kubarev V.D., Cevendorzh D., Yakobson E., 2005. *Petroglify Cagaan-Salaa i Baga-Oygura (Mongolskiy Altai)* [Petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oygur (Mongolian Altai)]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 640 p.
- Kubarev V.D., 2009. *Petroglify Shiveet-Hayrhana (Mongolskii Altai)* [Petroglyphs of Shiveet-Khairkhan (Mongolian Altai)]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 420 p.
- Miklashevich E.A., 2012. Lnishchenskaya pisanitsa [Lnishchenskaya Pisanitsa]. *Pamyatniki naskalnogo iskusstva Minusinskoj kotloviny: Georgievskaya. Lnishchenskaya. Ulazy III. Sosniha. Trudy Sibirskoy Associatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva* [Monuments of Rock art in the Minusinsk Basin: Georgievskaya. Lnishchenskaya. Ulaz III. Sosniha. Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art], iss. X. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., pp. 28-56.
- Podkuninskaya pisanitsa* [Podkuninskaya Pisanitsa], 2018. URL: <https://megalithica.ru/podkuninskaya-pisanicza.html> (accessed 2 September 2021).
- Polosmak N.V., Bogdanov E.S., Cevendorzh D., Erdene-Ochir N., 2011. Serebryanye ukrasheniya konskoy upryazhi iz kurgana 20 mogilnika Suzukte (Noin-Ula, Mongoliya) [Silver Horse Harness Adornments from Suzukteh Burial Mound 20 (Noin Ula, Mongolia)]. *Arkheologiya, Etnografiya i Antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], no. 2 (46), pp. 46-54.
- Savinov D.G., 2009. *Minusinskaya provintsiya Hunnu (Po materialam arheologicheskikh issledovaniy 1984-1989 gg.)* [Minusinsk Province of the Hunnu (Based on the Materials of Archaeological Research 1984-1989)]. Saint Petersburg, SPbSU. 226 p.
- Yarygin S.A., 2020. Novye tamgi i znaki v otrogah hrebta Kayrakkol [New Tamgas and Signs in the Spurs of the Kairakkol Ridge]. *Ylken Altai: alemi – Mir Bolshogo Altaya – World of Great Altay*, no. 6 (3), pp. 1034-1047.
- Yarygin S.A., Ilderyakov N.N., 2021. Pogrebenie «pazyrykskogo tipa» na mogilnike Tausamaly [Burial of the “Pazyryk type” at the Tausamaly Burial Ground]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and Religions of Eurasia], vol. 26, no. 2, pp. 23-39. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)2-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)2-02)
- Funeral Banner of Lady Dai (Xin Zhui). Khan Academy*. URL: <https://www.khanacademy.org/humanities/ap-art-history/south-east-se-asia/china-art/a/funeral-banner-of-lady-dai-xin-zhui> (accessed 2 September 2021).
- Yan Liu, 2020. The Han Empire and the Hellenistic World: Prestige Gold and the Exotic Horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, vol. 20, no. 3, pp. 175-198.

Information About the Authors

Sergey A. Yarygin, PhD, Leading Researcher, Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan, Beibitshilik St, 25, office 419, 01000 Nur-Sultan, Kazakhstan, sergeyyarygin80@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9505-2839>

Nikolay N. Ilderyakov, Master of Archaeology and Ethnology, Junior Researcher, Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan, Beibitshilik St, 25, office 419, 01000 Nur-Sultan, Kazakhstan, chuvash_nik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2553-3957>

Информация об авторах

Сергей Александрович Ярыгин, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, ул. Бейбитшилик, 25, офис 419, 01000 г. Нур-Султан, Казахстан, sergeyyarygin80@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9505-2839>

Николай Николаевич Ильдеряков, магистр археологии и этнологии, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, ул. Бейбитшилик, 25, офис 419, 01000 г. Нур-Султан, Казахстан, chuvash_nik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2553-3957>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.11>

UDC 930.26(470.4):569.9
LBC 63.48(235.47)-3

Submitted: 13.02.2022
Accepted: 15.04.2022

NOMADIC POPULATION OF THE LOWER VOLGA REGION SECOND HALF OF THE 13th–14th CENTURIES ACCORDING TO THE RESULTS OF PALEOPATHOLOGICAL RESEARCH¹

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The paper presents the results of a study of paleopathological, age and sex features of nomads of the second half 13th–14th centuries from kurgan burials from the territory of the Lower Volga region. The skeletal material for the study is presented by skulls and bones of 81 postcranial skeleton human remains. Research methodology of studying paleoanthropological material includes examination of the series and skull using the standard assessment program of paleopathological conditions of the bones of the postcranial skeleton developed by A.P. Buzhilova and an shortened program for assessing paleodemographic indicators. As a result of the study, it has been identified that a small number of children in burials and a high mortality of women at a young age was typical for the nomads of the 13th–14th centuries from the Lower Volga region. The early life stages were the most difficult for the nomads as evidenced by frequent occurrence in children and adults of stress markers in the form of “cribra orbitalia”, enamel hypoplasia, bones porosity of the vault and skull facial area. This fact proves that environmental and social factors influenced quality, and arguably life expectancy of the adult population. The diet of the population of 13th–14th centuries from the Lower Volga region included mostly meat and dairy products. The incidence assessment of injuries and of physical activity signs indicates that the nomads of the Golden Horde time led a peaceful lifestyle engaging in traditional forms of economic practices.

Key words: Golden Horde, urban population, gender and age features, physiological stress markers, adaptation, paleopathological conditions.

Citation. Pererva E. V., 2022. Kochevoe naselenie Nizhnego Povolzh'ya vtoroy poloviny XIII – XIV v. po rezul'tatam paleopatologicheskogo issledovaniya [Nomadic Population of the Lower Volga Region Second Half of the 13th–14th Centuries According to the Results of Paleopathological Research]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 208-243. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.11>

УДК 930.26(470.4):569.9
ББК 63.48(235.47)-3

Дата поступления статьи: 13.02.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XIV в. ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В работе представлены результаты изучения палеопатологических и половозрастных особенностей кочевников второй половины XIII – XIV в. из подкурганых захоронений с территории Нижнего Поволжья. Материалом для исследования послужили черепа и кости посткраниального скелета 81 индивида. В процессе работы с антропологическим материалом применялась стандартная программа оценки встречаемости патологических состояний на костях посткраниального скелета и черепа и сокращенная программа оценки палеодемографических показателей. Статистические расчеты осуществлялись с использованием критерия χ^2 (хи квадрат) Пирсона для сопоставления частот встречаемости маркеров стресса и патологических отклонений, а также применялся анализ главных компонент для проведения формализованного сопоставления при сравнительном половозрастном анализе серий по 4 основным палеодемографическим харак-

теристикам. В результате проведенного исследования удалось установить, что для кочевников второй половины XIII – XIV в. Нижнего Поволжья было характерно малое количество детей в захоронениях и высокая смертность женщин в молодом возрасте. Ранние возрастные этапы жизни кочевников были самые тяжелые, что доказывается широким распространением у детей и взрослых маркеров стресса в виде «cribra orbitalia», эмалевой гипоплазии, пористости костей свода и лицевого отдела черепа, которые доказывают, что факторы окружающей и социальной среды оказывали влияние на качество, а возможно и продолжительность жизни взрослого населения. Диета населения второй половины XIII – XIV в. Нижнего Поволжья базировалась на мясомолочном комплексе. Оценка встречаемости травм и признаков физической активности указывает на то, что кочевники золотоордынского времени вели мирный образ жизни, занимаясь традиционными формами хозяйства.

Ключевые слова: Золотая Орда, городское население, половозрастные особенности, маркеры физиологического стресса, адаптация, палеопатологические состояния.

Цитирование. Перерва Е. В., 2022. Кочевое население Нижнего Поволжья второй половины XIII – XIV в. по результатам палеопатологического исследования // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 208–243. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.11>

Введение

Номадам Нижнего Поволжья второй половины XIII – XIV в. посвящен достаточно большой пласт исторической и археологической литературы. С начала XX в. отечественные исследователи занимались рассмотрением широкого круга вопросов, касающихся кочевого населения золотоордынского времени.

Работы Н.К. Арзютова [1929] и П.С. Рыкова [1936] по археологии средневековых кочевников нижневолжского региона положили начало разработкам проблем хронологии степных древностей XIII–XIV веков.

В дальнейшем отечественные и зарубежные ученые существенное внимание уделяли вопросам этнической принадлежности и датировке погребальных комплексов второй половины XIII – XIV в. с территории Восточно-Европейских степей. Так, по мнению И.В. Сеницына, большая часть захоронений этого времени оставлена половцами [Сеницын, 1959]. Этой же точки зрения придерживался еще один выдающийся исследователь золотоордынских древностей второй половины XX в. Г.А. Федоров-Давыдов. По его мнению, именно половцы составляли основную часть кочевого населения Нижнего Поволжья рассматриваемого периода. Монголов, как указывает Г.А. Федоров-Давыдов, на территории Волго-Донского междуречья было сравнительно немного [Федоров-Давыдов, 1966, с. 77, 157].

В последней четверти XX в. наряду с проблемой этнической принадлежности кочев-

нических захоронений золотоордынского времени возникла серьезная дискуссия, связанная с делением погребений XIII–XV вв. не только по хронологическому, но и по религиозному признаку. В.А. Кригером была предложена дифференциация погребальных комплексов кочевников на золотоордынские языческие (вторая половина XIII – первая половина XIV в.) и золотоордынские мусульманские (вторая половина XIV – начало XV в.) [Кригер, 1986]. Этот подход, впоследствии конкретизированный в работе В.А. Иванова и В.А. Кригера [1988], стал общепризнанным в археологии кочевников Нижнего Поволжья. Позднее вопросами уточнения хронологии памятников золотоордынского времени, типологии погребальных комплексов, изучением вопросов этнического состава, статистической обработки вещевого материала из могил кочевников золотоордынского времени занимались такие исследователи, как А.И. Ракушин [1993], М.Г. Крамаровский [2001], Л.В. Яворская [2001], Д.В. Васильев [2007], И.И. Дремов, Е.В. Круглов [2021] и другие.

Существенный вклад в решение целого ряда вопросов истории кочевников золотоордынского времени был сделан Е.П. Мыськовым. В своем монографическом исследовании, имеющем поистине обобщающий и монументальный характер, базирующемся на основе изучения более тысячи погребальных комплексов, автор обсуждает проблемы развития материальной культуры, погребальной обрядности и этнической истории средневекового кочевого населения Юга России [Мыськов, 2015].

Что же касается исследований кочевников второй половины XIII – XIV в. с территории Нижнего Поволжья в области антропологии, то в этом отношении данный период истории освещен достаточно слабо.

Практически все работы, посвященные антропологическому изучению населения нижневолжского региона в золотоордынский период, представляют собой труды, ориентированные на исследования массовых краниологических и остеологических серий, а также на анализ демографических особенностей оседлого населения золотоордынских городищ.

В данном контексте следует выделить фундаментальный труд Г.Ф. Дебеца [1948], работу М.А. Балабановой и О.М. Цыгановой [1995] и диссертационное исследование С.Г. Комарова [2013], в которых содержатся сведения о краниологии кочевого населения степей восточной Европы первой половины II тысячелетия.

Так, Г.Ф. Дебец, характеризуя кочевников Золотой Орды, указывал, что их этнический состав был неоднороден и включал в себя тюркские и монгольские племена [Дебец, 1948, с. 270]. Монголоидный туранский тип, по мнению исследователя, преобладает в курганах Поволжья. Европеоидный брахикранный комплекс для населения, захороненного в курганах Букеевской степи, в Поволжье встречается крайне редко [Дебец, 1948, с. 272].

М.А. Балабановой и О.М. Цыгановой была изучена серия из 8 мужских и 6 женских черепов золотоордынского времени из курганных могильников Абганерова I, II и III. В результате краниологического анализа ученые пришли к выводу о том, что кочевое население XIII–XV вв., погребенное в этих могильниках, неоднородное и смешанное по своему составу, с существенной долей монголоидности. Мужская часть группы по антропологическим признакам близка к населению Северного Казахстана VIII–X вв., а женская – к отдельным черепам кочевников золотоордынского времени из курганных могильников Нижнего Поволжья [Балабанова, Цыганова, 1995, с. 145–146].

С.Г. Комаров в своем исследовании приводит обобщенную морфологическую характеристику кочевников Золотой Орды, для ко-

торых, по его мнению, свойственен брахикранный комплекс со значительной по ширине мозговой коробкой, высоким и широким, слабо профилированным лицом, а также слабо или средне выступающим носом и средневысоким переносьем. Также С.Г. Комаров указывает на доминирование у кочевников XIII–XIV вв. монголоидных черт, в особенности южносибирского или центральноазиатского морфологического комплекса, что значительно отличает их от оседлого населения, которое характеризуется смешанным краниологическим типом [Комаров, 2013, с. 12–13, с. 23].

Вышеуказанными работами ограничиваются исследования палеоантропологии кочевников Нижнего Поволжья эпохи Золотой Орды. В связи с этим представленные ниже результаты анализа встречаемости патологических состояний в серии номадов из курганных могильников Нижнего Поволжья XIII–XIV вв. будут иметь существенное значение для реконструкции особенностей образа жизни кочевого населения эпохи Золотой Орды.

Материал и методика исследования

Серия представляет собой случайную выборку, состоящую из костных останков 81 индивида. Большая часть антропологического материала – это черепа взрослых и детей, происходящих из подкурганных захоронений конца XIII – XIV в. с территории Нижнего Поволжья (Волгоградская и Астраханская области, а также Республика Калмыкия) (рис. 1). Кости посткраниального скелета сохранились лишь от 30 индивидов.

В процессе работы с антропологическим материалом применялась стандартная программа оценки встречаемости патологических состояний на костях посткраниального скелета и черепа [Бужилова, 1995; 1998]. Расчет половозрастных характеристик проводился на основании построения таблиц, разбитых на 10-летние когорты. Возрастная шкала ограничена интервалом 56+ и более лет. При отнесении индивидов в возрастные когорты применялся интервальный подход, а также принцип простой скользящей средней, разработанный и апробированный Д.В. Богатенковым [Алексеева и др., 2003; Богатенков и др., 2008].

Статистические расчеты осуществлялись в оболочке StatSoft, Inc. (2011) STATISTICA (data analysis software system), version 10 (www.statsoft.com), с использованием критерия χ^2 (хи квадрат) Пирсона для сопоставления частот встречаемости маркеров стресса и патологических отклонений и анализа главных компонент для проведения формализованного сопоставления при сравнительном половозрастном анализе серий по 4 основным палеодемографическим характеристикам (AAm, AAf, PCD, C50+)².

Описание результатов исследования

Половозрастные особенности группы. Выборка представляет собой случайную группу, в которую включены индивиды из подкурганых захоронений XIII–XIV веков.

Исследованы костные останки 81 индивида, из них 36 принадлежало мужчинам, 32 женщинам, 10 детских костяков и 3 скелета подростков (табл. 1). Несмотря на то что только у 30 индивидов были доступны для изучения кости посткраниального скелета, определение пола и возраста не вызвало затруднений. Половой диморфизм выражен хорошо.

Серия характеризуется низкими показателями встречаемости детей, всего 10 индивидов, что составляет 12,7 % от общей численности серии (табл. 1). Большая часть выборки неполовозрелых индивидов представлена костными останками, которые укладываются в возрастной интервал от 0,5 года до 6–7 лет, что составляет 60 % от суммарной численности детей. Новорожденных индивидов не зафиксировано. Один ребенок возрастом около 1 года, 5 индивидов – около 4–7 лет. Еще четверо умерли в интервале 7–13 лет. В трех случаях изучались останки подростков, у которых пол определить не удалось (табл. 1, 3).

Исследуемая серия характеризуется незначительным преобладанием в погребениях мужчин над женщинами. Соотношение между полами находится на уровне 52,9 : 47,1 % (1,125), что очень близко к норме этого демографического показателя.

Средний возраст смерти в группе – 34,6 года. У мужчин этот показатель достигает 37,1 года. Средний возраст смерти у женщин находится на уровне 32,8 года (табл. 1).

Зубочелюстные патологии. Частота встречаемости кариеса в серии достигает 13 % (рис. 2,2,а,б,в). Сходные значения характерны и для разнополюх выборок. Вообще по большей части патологических состояний, таких как кариес, абсцессы, зубной камень, сколы эмали на зубах и патологическая стертость, показатели у мужчин и женщин очень близки друг к другу (табл. 2).

Из зубных патологий в серии наиболее распространены минерализованные отложения, достигая значения 95 % у взрослых индивидов и 83,3 % – у детей и подростков (табл. 2, 3).

Также очень часто встречаются у взрослого кочевого населения болезни пародонта в виде пародонтита, который в некоторых случаях осложняется пародонтозом. При этом признаки воспаления пародонта у мужчин в кочевой среде встречается чаще, чем у женщин, однако статистически значимых различий по степени проявления данного заболевания выявить в разнополюх группах не удалось.

Практически все патологические отклонения зубочелюстной системы имеют четкую возрастную зависимость (табл. 2).

Следует указать, что на зубах 8 индивидов были зафиксированы интерпроксимальные желобки (зубы с клиновидным дефектом), которые, вероятнее всего, являются результатом использования примитивных зубочисток (табл. 2).

Маркеры стресса. Эмалевая гипоплазия зафиксирована на зубах 53,8 % взрослых человек и у трех индивидов в группе дети / подростки – 27 % (табл. 3).

Все три случая недоразвития эмали зуба обнаружены у детей в возрасте 8–11 лет, а именно на клыках постоянной смены зубов (табл. 3).

Частота встречаемости данного маркера стресса в разнополюх группах очень близка друг к другу. У мужчин он находится на уровне 53 %, а у женщин 55 %. Четких возрастных зависимостей встречаемости эмалевой гипоплазии у половозрелых индивидов выявить не удалось. Данный маркер стресса наблюдается во всех возрастных группах. Следует лишь отметить, что мужчины с эмалевой гипоплазией доживали до зрелого возраста реже, чем женщины (табл. 2).

Признаки присутствия в группе анемий получили не такое широкое распространение, как эмалевая гипоплазия. Частота встречаемости гиперостоза орбит 11,8 % (табл. 2). Однако между мужчинами и женщинами по этому признаку наблюдаются достоверно значимые различия из-за доминирования «*scribra orbitalia*» в женской группе. Половой диморфизм статистически не проявляется при сравнении частот встречаемости поротического гиперостоза костей свода черепа (далее по тексту – ПГКСЧ) в серии. Но также, как и в случае с «*scribra orbitalia*», он чаще отмечается на женских материалах (табл. 2).

Признаки поротического гиперостоза (орбит и костей свода черепа) выявляются в выборке детей / подростков – 4 индивида, что составляет 36,4 % от общей численности исследованных черепных коробок. В одном случае у подростка 12–14 лет из погребения 1 кургана 33 могильника Авиловский на черепе зафиксированы следы ПГКСЧ и «*scribra orbitalia*». Возрастные особенности встречаемости индикатора анемий у детей выявить затруднительно, так как костные останки индивидов в возрасте до 3 лет практически не представлены.

Маркеры нехватки микроэлементов в организме человека. Самым распространенным патологическим отклонением на костных останках детей и подростков кочевников второй половины XIII – XIV в. Нижнего Поволжья являются признаки разреженности костной ткани в виде пористости. Данные отклонения зафиксированы на 9 черепных коробках из 12 исследованных (табл. 2, 3). Пороз отмечен на костях лицевого отдела черепа во всех возрастных категориях детей, представленных в группе.

У взрослых индивидов признаки пороза костной ткани на костях свода и лицевого отдела черепа были зафиксированы у мужчины из погребения 1 кургана 3 могильника Солодовка II и у женщины из погребения 1 кургана 1 могильника Абганерово III. В обоих случаях отмечается разреженность костной ткани в области альвеолярных отростков верхней и нижней челюсти, клиновидной кости, а также на височной кости вокруг слуховых проходов. Укажем, что у обоих индивидов отмечается наличие воспалительного процесса в

виде воспаления надкостницы на внутренней поверхности костей свода черепа, локализующегося в области стреловидного шва.

В исследуемой группе был выявлен только один случай внутреннего лобного гиперостоза, который отмечен у мужчины 25–35 лет из погребения 1 кургана 1 могильника Малые Дербеты. Степень развития костных образований на лобной кости со стороны эндокрана не превышает 10 мм, располагаясь по обеим сторонам от лобного синуса, тип «В» по И. Гершковичу и др. [Hershkovitz et al., 1999].

Маркеры воздействия негативных факторов окружающей и социальной среды. Васкулярная реакция по типу «апельсиновой корки» зафиксирована в исследуемой серии более чем у половины взрослых индивидов (рис. 2,3). Чаще маркер воздействия низких температур фиксируется в мужской серии – 83 %, что подтверждается статистически (табл. 2). Степень развития васкулярной реакции в подавляющем большинстве случаев достигает 2-го балла. В мужской выборке возрастные зависимости проявляются слабо. В женской группе тенденция роста встречаемости васкулярной реакции с возрастом очевидна, так как у индивидов в интервале 35–45 лет фиксируется в 67 %, а в старческом возрасте приходится на 100 % черепов.

Частота встречаемости воспалительных процессов в серии невысока – 9,2 %. На костях посткраниального скелета признаки воспалений были выявлены только у одного мужчины 20–25 лет из погребения 1 кургана 4 могильника Недоступово. У него следы периостита гребенчатого типа фиксируются на обеих бедренных костях. Воспалительный процесс локализуется на внешней поверхности костей по всей длине диафизов. Аналогичные следы периостита выявлены и на левых большой и малой берцовых костях, но в данном случае периостит охватывает диафизы по окружности. К сожалению, дифференциальную диагностику заболевания провести затруднительно в связи с тем, что в сохранности из посткраниального скелета только указанные выше кости и также кости таза, крестец и кости свода черепа.

Из 6 случаев воспалительных процессов, зафиксированных на черепных коробках, 5 наблюдений были сделаны в женской выборке.

Все они выявлены на черепках молодых индивидов 25–35 лет и однотипны по своему характеру. Воспаления надкостницы наблюдаются на внутренней поверхности черепа со стороны эндокрана. Периостит локализуется в пальцевидных вдавлениях на теменных, лобной и затылочной кости, а также в области расположения венечного и стреловидного швов.

Признаки воспалений на костях неполовозрелых индивидов были обнаружены у ребенка 5–6 лет из погребения 11 кургана 10 могильника Быково и у подростка 12–15 лет из погребения 1 кургана 43 могильника Старица. В первом случае следы патологического процесса обнаружены на лобной и теменных костях в виде воспаления мозговой оболочки, которые сопровождаются целым комплексом изменений – пористости костей свода и лицевого отдела черепа и гиперостоза орбит, маркируя изменения костей, вероятно, связанные с развитием цинги. А во втором следы субэпидуральных гематом фиксируются в пальцевидных вдавлениях на теменных костях.

На антропологических материалах, принадлежащих кочевникам второй половины XIII – XIV в., происходящих из подкурганых захоронений Нижнего Поволжья, травматические повреждения были выявлены у 10 индивидов. У 7 человек обнаружены травмы лицевого отдела черепа, пять случаев у мужчин и два раза дефекты наблюдались в женской группе (табл. 4, рис. 2,4,5). В основном повреждения лицевого отдела черепа представляют собой следы от заживших дефектов в области нижнего края носовых костей, лобных отростков верхнечелюстных костей.

Травма свода черепа выявлена у молодого мужчины 16–18 лет, в виде последствия удара тупым предметом округлой формы размером не более 13 мм в диаметре в области правой теменной кости. Дефект не имеет следов прободения в полость черепа. Края и дно повреждения ровные, без признаков воспалительного процесса. Дефект имеет застарелый прижизненный характер.

Травмы костей осевого скелета зафиксированы у мужчины 25–35 лет из погребения 2 кургана 1 могильника Тары (перелом медиального надмыщелка правой плечевой кости со следами костной мозоли) и у женщи-

ны 35–40 лет из погребения 3 кургана 52 могильника Перегрузное I (перелом дистального конца правой лучевой кости со следами сращения, а также компрессионные переломы 5, 9 и 10 грудных позвонков).

Все искусственные модификации, выявленные на черепках в серии кочевников второй половины XIII – XIV в., имеют непреднамеренный характер. На 33 черепных коробках обнаружены признаки теменно-затылочной деформации «бешикового» колыбельного типа (рис. 2,1,а,б).

Как уже было указано выше, кости посткраниального скелета сохранились только от 24 взрослых и 6 детских индивидов. На 14 наборах костей посткраниального скелета были выявлены следы дегенеративных изменений в виде деформирующих артрозов основных суставов (табл. 2).

В целом признаки дегенеративных изменений чаще выявляются у мужчин, что вполне естественно (табл. 2). Наиболее распространены заболевания деформирующего характера на плечевом и локтевом суставах верхних конечностей и в области тазобедренного сустава.

Из патологий позвоночного столба следует отметить остеофитоз и хрящевые грыжи, которые чаще всего поражают нижнюю часть грудного и поясничного отделы позвоночника (табл. 5).

Анализ зависимостей в проявлении дегенеративно-дистрофических изменений суставов и позвоночника показал четкую возрастную динамику во встречаемости патологий подобного характера в серии (табл. 2, 5).

Обсуждение

Прежде всего следует указать на искусственный характер и случайность исследуемой серии, поэтому изучаемая группа не может являться прообразом реальной популяции. В связи с этим при обсуждении половозрастных особенностей выборки будут охарактеризованы лишь основные палеодемографические показатели, полученные при анализе серии кочевников конца XIII – XIV века.

В научной литературе практически нет данных о палеодемографии кочевников золотоордынского времени. Однако Е.П. Мысь-

ков, проанализировавший более 800 подкурган-ных захоронений XIII–XIV вв., указал, что в могилах кочевников золотоордынского времени мужчины встречаются несколько чаще – 44 %, нежели женщины – 41,5 % [Мыськов, 2015, с. 44–45]. Аналогичные показатели соотношения по полу наблюдаются и в нашей серии (табл. 1).

В группе зафиксирована низкая встречаемость детей, в особенности индивидов возрастом до 3 лет (табл. 1, 3). Детская смертность в исследуемой группе по значениям близка к цифрам, которые характерны для скотоводов раннего и среднего бронзового века, кочевникам раннего железного века и кочевому населению эпохи раннего средневековья с территории Нижнего Поволжья, а также отдельным оседлым группам XIII–XIV вв. [Перерва, 2022, в печати]. Следует упомянуть, что Е.П. Мыськов также отмечал очень низкую встречаемость погребений детей у кочевников Золотой Орды. Исследователем было сделано предположение, что детей номады могли хоронить по особому ритуалу. Высказывая данное предположение, Е.П. Мыськов опирался на этнографические параллели, которые наблюдаются у современных народов, ведущих кочевой образ жизни [Мыськов, 2015, с. 46]. Отметим, что к аналогичным выводам приходят Н.Н. Серегин и С.С. Матренин, исследовав раннесредневековых тюрок Алтая [Серегин, Матренин, 2020, с. 151]. Однако подтверждений этим предположениям в настоящий момент пока не найдено.

Для сравнения половозрастных особенностей группы кочевников золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья был осуществлен анализ главных компонент, который был проведен с использованием 4 демографических характеристик для 19 групп раннего и позднего средневековья. Таблица результатов анализа демонстрирует, что у первой ГК (54,89 % изменчивости) на положительном полюсе находятся группы, в которых у мужчин и женщин наблюдаются высокие показатели среднего возраста смерти и большое количество индивидов доживало до финальной возрастной когорты. На отрицательном соответственно расположились группы с низкими значениями среднего возраста смерти у мужчин и женщин и незначительным ко-

личеством умерших в возрасте старше 50 лет. Вторая ГК (25,36 % изменчивости) связана с процентным показателем детской смертности. На положительном полюсе оказались серии с большим количеством детей в серии, а на отрицательном – группы, в которых детей сравнительно немного, или они вообще отсутствуют (табл. 6).

На графике координатного поля ГК видно, что исследуемая группа сходна с нижеволжскими оседлыми группами из Хаджи-Тархана (серия Шареный бугор), Водянского городища, а также серией некрополя Болгара и выборками раннего средневековья (хазарами и огузами) по такому критерию, как низкое количество детей в погребениях (рис. 3, табл. 7).

Оценка показателей убыли населения по возрастным когортам показала, что основной пик смертности в изучаемой группе приходится на возраст 25–35 лет, причем такая специфика характерна как для мужчин, так и для женщин (рис. 4, табл. 1). В то же время следует отметить более высокую смертность в молодом возрасте у женщин по сравнению с мужчинами. Вероятно, данная картина связана с традицией ранних браков, которая существовала у средневекового населения золотоордынского времени, а также с осложнениями, возникающими во время беременности, родов и после них.

У мужчин первый пик смертности, приходящийся на возраст 25–35 лет, отражает смертность этой группы населения в период максимальной активности в различных сферах общественного производства, а также может быть следствием активного участия мужчин в военных действиях или других формах межгрупповых столкновений. Большой процент смертности мужчин в 35–45 лет (44,4 %), вероятно, является результатом естественной убыли, когда организм достигает своего функционального предела (табл. 1, рис. 4).

Таким образом, палеодемографические критерии исследуемой группы, несмотря на малочисленность детской и подростковой групп, в целом демонстрируют сравнительно благоприятные показатели, указывая на удачный процесс адаптации к условиям окружающей среды золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья.

Яркой чертой кочевников второй половины XIII – XIV в. является присутствие на черепахах следов непреднамеренной искусственной деформации. Частота ее встречаемости достигает показателя 47 % от общей численности группы. Фиксируется она у взрослых индивидов, детей и подростков. Тип деформации затылочный (колыбельный). Такая модификация головы возникает при длительном лежании ребенка на спине. Объясняется это использованием колыбелей по типу «бешик». Распространение затылочной деформации, как и люльки «бешик», зафиксировано и в Старом, и в Новом Свете [Касимова, 1980, с. 37]. Колыбельная деформация отмечается на черепахах практически во всех нижеволжских городских сериях, а также у кочевых групп Нижнего Поволжья VI–XI вв. [Перерва, 2003] (табл. 8). Данное обстоятельство позволяет включить серию кочевников эпохи Золотой Орды в круг населения, для которого характерны традиции и устои, распространенные на территории Средней, Центральной Азии и Кавказа.

В результате анализа характера распространения патологических отклонений в серии кочевников конца XIII – XIV в. между мужчинами и женщинами достоверно значимые различия выявляются в группе только по 2 признакам: васкулярная реакция костей свода черепа и «*cribra orbitalia*».

Высокие частоты встречаемости маркеров воздействия низких температур в виде васкуляризации костной ткани по типу «апельсиновой корки» – не уникальная особенность кочевого населения эпохи Золотой Орды. Аналогичные завышенные значения данного признака фиксируются в синхронных группах городского населения Царевского городища, Хаджи-Тархана (Шареный бугор) и Водянского городища, что, вероятнее всего, связано с хозяйственной специализацией населения вышеуказанных городских центров (табл. 8). В то же время значения, выявленные у кочевников второй половины XIII – XIV в., находят аналогии с показателями, характерными для групп, ведущих кочевой образ жизни (эпоха раннего железного века), и скотоводов эпохи ранней и средней бронзы Нижнего Поволжья (рис. 5).

Считается, что фиксация на черепной коробке следов васкулярной реакции являет-

ся следствием длительного пребывания на открытом воздухе в холодное время года. Кроме этого, данное состояние могло стимулироваться и другими причинами, например, активизацией периферической кровеносной системы мягких тканей головы при повышенном давлении или спецификой трудовой деятельности, например, длительное нахождение в холодной воде [Бужилова, 1998, с. 104–105; Медникова и др., 2015, с. 52; Добровольская, 2006, с. 44; Перерва, 2020, с. 149].

Возрастная и половая нагрузка данного признака прослеживается во всех сериях бронзового, раннего железного века и эпохи средневековья. Это указывает на особую роль мужского населения в ведении хозяйства в степной зоне. Мужчины как наиболее активная часть общества, вероятно, длительное время проводили на открытом воздухе. В связи с этим появление у них признаков холодового стресса вполне естественно. Возможно, дополнительным фактором, который мог стимулировать развитие и широкое распространение васкуляризации костей свода черепа, являлась специфическая прическа у монгольского населения в золотоордынское время. Так, А.Г. Юрченко, ссылаясь на записки Иоанна Платона Карпини, Бенедикта Поляка и Марко Поло, а также китайских авторов, указывает, что начиная с 3–5 лет монгольские мальчики и мужчины выбривали макушку и затылок, оставляя челку и волосы на обоих висках [Юрченко, 2003, с. 64].

Теперь остановимся на еще одном признаке, по которому у кочевников XIII–XIV вв. мужчины статистически отличаются от женщин. «*Cribra orbitalia*» – вариант поротического гиперостоза – обычно симметрическое поражение орбит, характеризующееся образованием пористых полей в латеральных областях глазничных поверхностей лобных костей [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998, p. 348–349; DiGangi, Moore, 2013, p. 185–186; Ражев, 2016, с. 35].

В палеопатологической литературе традиционно считается, что «*cribra orbitalia*» является генерализованным индикатором здоровья или успешной адаптации древней популяции к условиям окружающей среды [Piontek et al., 2001, p. 173; Kozak, Krenz-Niedbala, 2002, p. 75–76; Suby, 2014, p. 69]. Обычно данный

маркер стресса ассоциируется с развитием в организме человека врожденной или приобретенной анемии [Ortner, Putschar, 1981; Larsen, 1997; Stuart-Macadam, 1991, p. 36–37; Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998, p. 345; Бужилова 2001, с. 228–229; Oxenham, Cavill, 2010, p. 200]. Тем не менее современные исследования показали, что однозначную причину проявления данного патологического состояния установить крайне сложно. На сегодняшний момент есть несколько основных точек зрения на развитие «*cribra orbitalia*» и поротического гиперостоза: 1) данное патологическое состояние является следствием возникновения в организме человека железодефицитной анемии [Moseley, 1965, p. 141; Hengen, 1971, pp. 58–74; El-Najar et al., 1975, p. 919; Webb, 1982, p. 148]; 2) анемия как результат эволюционной адаптации к патогенной нагрузке, существующей в окружающей среде [Stuart-Macadam, 1991, p. 38; 1992, p. 44]; 3) последствия мегалопластической анемии у детей, связанные с недостаточностью витамина B12, витамина С или фолиевой кислоты (витамин B9) [Walker et al., 2009, p. 119–120; Rivera, Lahr, 2017, p. 15–17]; 4) проявление поротического гиперостоза костей свода черепа связано с гиперплазией костного мозга и поэтому является результатом проявления железодефицитной или наследственной (телассемия, серповидно-клеточные), а также следствием некоторых приобретенных анемий. В то время как «*cribra orbitalia*» возникает при локальной атрофии или гипоплазии костной ткани, к которым обычно приводят хроническая почечная недостаточность и эндокринные нарушения, но наиболее вероятными причинами исследователи называют анемии, возникающие в результате длительного хронического заболевания специфического инфекционного или неспецифического инфекционного характера [Rivera, Lahr, 2017, p. 15–17].

Как указывалось выше, частота встречаемости «*cribra orbitalia*» в группе кочевников золотоордынского времени невысокая – 11 наблюдений (13,75 %), 8 случаев у взрослых индивидов (12 %) и 3 у детей (27 %), еще реже наблюдается гиперостоз костей свода черепа – 8 случаев (10 %), 6 у взрослых (9 %) и 2 наблюдения у детей (18 %) (табл. 2, 3). Анализ корреляционных связей показал дос-

точно низкую степень взаимосвязи данных патологических состояний – 0,34, то есть только у 4 индивидов с «*cribra orbitalia*», поротический гиперостоз выявлялся и на костях свода черепа.

Нижневолжская кочевая и оседлые группы демонстрируют сравнительно более низкие значения встречаемости данного маркера стресса по сравнению со средневековым населением Литвы, Польши, Украины, Западной Сибири, где частоты варьируют в пределах 30,1–37,7 %. Кочевники же второй половины XIII – XIV в. с территории Нижнего Поволжья по показателям поротического гиперостоза орбит вообще сближаются с оседлым населением Севера Руси [Бужилова, 1995, с. 72–73].

Как уже было указано выше, «*cribra orbitalia*» статистически чаще фиксируется у женщин. Ранее исследователями неоднократно отмечалось наличие полового диморфизма по этому признаку в исследуемых группах и более широкое распространение у женщин «*cribra orbitalia*» [Piontek et al., 2001, p. 177; Kozak et al., 2002, p. 78–79; Bloom et al., 2005, p. 165; Jatautis et al., 2011, p. 63; Ражев, 2016, с. 38; и др.]. Обычно данная ситуация объясняется особенностями физиологии женского организма – большими потерями крови во время менструации, родов, микроэлементной недостаточностью в процессе беременности и кормлением грудью.

Однако в настоящее время установлено, что гиперостоз орбит и на костях свода черепа возникает в детском или подростковом возрасте, а наличие его следов на костях взрослых людей является результатом неполного восстановления костной ткани после перенесенного специфического заболевания в детстве [Бужилова, 2001, с. 230; Brothwell, 1981, p. 186; Lovell, 1997, p. 116; Kozak et al., 2002, p. 75–76; Blom et al., 2005, p. 153; Steckel, 2005, p. 318–319; Walker et al., 2009, p. 119]. Эти данные подтверждаются изучением костных аномалий у больных анемией, показывая, что формирование поротического гиперостоза не происходит у половозрелых индивидов [Ortner, Putschar, 1981, p. 257–263].

Оценка возрастных зависимостей встречаемости поротического гиперостоза у мужчин и женщин указывает на то, что индивиды

с данным отклонением практически не дожидали до возраста 35–45 лет. Данный факт подтверждает предположение, которое было высказано С. Ятаутисом с соавторами, о существенном влиянии уровня детского здоровья на возможность выживаемости взрослых в древности [Jatautis et al., 2011, p. 63]. Достоверно значимые различия в проявлении «*cribra orbitalia*» между мужчинами и женщинами у населения второй половины XIII – XIV в. Нижнего Поволжья указывают на то, что последние подвергались воздействию факторов стресса сильнее в детском и подростковом возрасте. Вероятно, завышение частот встречаемости гиперостоза глазниц у женщин маркирует их более низкое социальное положение по сравнению с мужчинами в кочевой среде.

В письменных источниках имеется информация и упоминания о бытовании у монголов и тюрок женского рабства, а также свидетельств того, что женщины в ряде случаев приравнивались к имуществу, так как шли в уплату за некоторые уголовные преступления [Бернштам, 1946, с. 116, 120, 122; Кляшторный, 1985, с. 165–166; Кычанов, 1997, с. 110–111; Серегин, Матренин, 2020, с. 146]. В то же время присутствуют сведения о высоком социальном положении представительниц слабого пола, особенно во внутрисемейных отношениях в кочевых обществах средневековья [Бернштам, 1946, с. 97–99; Гумилев, 2002, с. 85–86; Жумаганбетов, 2003, с. 183–184].

Таким образом, анализ характера распространения «*cribra orbitalia*» в исследуемой серии подтверждает уже высказанную в научной литературе точку зрения о том, что у кочевников социальный статус мальчиков, как будущих воинов, защитников и потенциальных глав семьи, в детском возрасте был выше, чем у девочек, социальные роли которых (дочь, жена, мать, глава семьи) укреплялись с возрастом [Цыпилова, 2019, с. 106–107].

В связи с выявленными особенностями проявления поротического гиперостоза у кочевого населения XIII–XIV вв. Нижнего Поволжья необходимо остановиться на анализе еще нескольких важных маркеров состояния здоровья древних популяций – пористости (пороза) костей свода черепа и эмалевой гипоплазии зубов.

Так, признаки пороза выявлены на костных останках 10 индивидов, двух взрослых и 8 неполовозрелых (табл. 2, 3). В палеопатологии существует точка зрения, что разреженность костной ткани в виде пороза на костях свода и лицевого отдела черепа детей, а также на некоторых костях посткраниального скелета может быть индикатором нехватки витамина С в исследуемой остеологической серии [Ortner, Ericksen, 1997; Ortner et al., 2001; Melikian, Waldron, 2003; Brickley, Ives, 2006; Brown, Ortner, 2011; Sinnott, 2013; Halcrow et al., 2014].

Д. Ортнером и М. Эриксен были выделены специфические признаки на скелете, указывающие на развитие цинги: пороз костей свода черепа, пороз на больших крыльях сфеноида, задней части верхнечелюстной кости, твердом небе, альвеолярных отростках верхней и нижней челюсти, ветвях нижней челюсти с внутренней стороны, пороз в метафизарных зонах на длинных костях конечностей, а также в надостной и подостной ямках лопаток [Ortner, Ericksen, 1997; Ortner et al., 2001].

Картина поражения порозом костей черепа у детей кочевников золотоордынского времени практически полностью соответствует картине цинготного поражения, установленной Д. Ортнером и описанной другими авторами на остеологических коллекциях [Maays, 2008; Maat, 2004; Vaustian 2010; Halcrow et al., 2014; Crandall, Naagen, 2014; и др.]. Исключения составляют ребенок около 6 лет из могильника Старица, курган 3, погребение 3, у которого порозом поражены только альвеолярные края верхней и нижней челюсти, и подросток 12–14 лет из погребения 1 кургана 43 могильника Старица, у которого пороз костей свода черепа (теменные и затылочная) сопровождается признаками воспалительного процесса со стороны эндокрана, локализующимися в области пальцевидных вдавлений.

Цинга обусловлена недостаточным поступлением с пищей витамина С или нарушением его всасывания. У детей это заболевание обозначают болезнью Меллера – Барлоу [Ortner, Ericksen, 1997, p. 213; Buckley, 2000, p. 495]. Заболевание стимулируется снижением иммунитета вследствие физического и психологического стресса, с одной стороны, и условиями, не позволяющими употреблению све-

жих пищевых продуктов: зелени, фруктов, мяса, молока, – с другой [Макаров и др., 2001, с. 255]. Как указывает С. Мэйс, первые симптомы заболевания возникают на 1–3 месяцах развития авитаминоза [Mays, 2008, p. 178]. Таким образом, признаки в виде пороза, зафиксированные на костных останках детей, могут являться следствием длительных сезонных голодовок или пищевого стресса, связанного с потреблением продуктов с малым содержанием витамина С.

В этой связи существенное значение для оценки образа жизни и специфики питания населения средневекового города имеют показатели встречаемости зубных патологий.

Статистически значимых различий между мужчинами и женщинами при оценке заболеваний зубочелюстной системы в исследуемой выборке не обнаруживается, что указывает на идентичность рациона взрослого населения и для мужчин, и для женщин (табл. 2).

Анализ встречаемости патологических отклонений зубочелюстной системы у кочевого населения золотоордынского времени показывает, что по сравнению с синхронными городскими сериями наблюдаются некоторые отличия по частоте распространения маркера пищевого стресса как кариес, воспалительные процессы на верхней и нижней челюсти в виде абсцессов и такого патологического состояния, как прижизненная утрата зубов, которые в исследуемой группе встречаются значительно реже.

Специфический комплекс проявления патологий зубочелюстной системы, характеризующийся высокими частотами встречаемости минерализованных отложений, пародонтоза, сколов эмали и в то же время низкими показателями кариеса и признаков абсцессов, определенный у кочевников раннего железного века и скотоводов эпохи ранней и поздней бронзы, у которых в диете доминировали мясные и молочные продукты, богатые белком, характерен и для номадов XIV в. Нижнего Поволжья.

Что же касается причин фиксации признаков цинги у кочевников второй половины XIII – XIV в., то ответ на этот вопрос кроется в традициях питания и образа жизни номадов Нижнего Поволжья. Как указывает Н.Л. Жуковская, свежее мясо, богатое различными микроэлементами, кочевники обычно ели осе-

нью в момент массового забоя скота. Остальное время, зимой и весной, питались мясом, прошедшим консервацию (сушение, замораживание, копчение, соление). Дополнительно в пищу использовались кровь, внутренности животных, на зиму также заготавливали масло и несколько разновидностей сушеного творога [Жуковская, 1979]. Тому, что рацион золотоордынского населения степной зоны в XIV в. также базировался на продуктах мясного и молочного комплекса, а в зимний период переходили на употребление продуктов длительного хранения, имеются подтверждения и в письменных источниках, а также по данным археологии и этнографии [Рубрук Гильем, 1957, с. 101; Плано Карпини, 1957, с. 35–36; Марко Поло, 1873, с. 61; Жуковская, 1979, с. 65–67; Содномпилова, 2021, с. 207].

Периоды сезонного голода у кочевников случались достаточно часто [Хайдаров, 2016]. В это время у них возрастает потребление крови, копыт и костей, которые перетирали в порошок, а в крайних случаях в пищу использовали падаль, то есть животных, умерших от голода или болезней [Бичурин, 1950, с. 236; Плано Карпини, 1957, с. 75–76; Жуковская, 1979, с. 67].

Доказательством существования пищевого стресса или периодов голода, которые отражались на здоровье, прежде всего, детей, является такой маркер неспецифического стресса, как гипоплазия эмали, который формируется на ранних этапах постнатального онтогенеза человека [Roberts, Manchester, 2012, p. 75; Бужилова, Карасева, 2019, с. 52]. Возникнув единожды, эмалевая гипоплазия на зубах не пропадает, а остается на всю жизнь, поэтому и является лучшим и наиболее точным индикатором детского стресса. В подавляющем большинстве случаев наиболее вероятными факторами, вызывающими такие состояния организма, могут быть: инфекции, глистные инвазии, общие отравления, заболевания желудочно-кишечного тракта у детей, голод [Goodman, Armelagos, 1985, p. 503; Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998; Проняева, Косырева, 2010; Козак, 2010, с. 134].

Анализ возрастных зависимостей встречаемости эмалевой недостаточности у населения кочевников золотоордынского времени позволил установить, что эмалевая гипоплазия у детей массово начинает фиксироваться

в возрасте 8–11 лет (табл. 2, 3), когда прорастает большая часть резцов и клыков. Оценка расположения горизонтально ориентированных линий на коронках постоянных зубов у детей указывает на то, что процесс формирования недостаточности чаще всего начинался в период 2,5–4 года. Выявленный возраст появления дефектов эмали может указывать на период перехода большей части детей от грудного вскармливания к постоянной пище. Так, возраст 3–4 года, как время возникновения эмалевой гипоплазии, определили Р. Корруксини с соавторами, у детей рабов с Барбадоса, предположив, что именно в это время происходил переход от грудного вскармливания к взрослой диете [Corguccini et al., 1985, p. 708]. Впоследствии к этому объяснению интерпретации причин появления эмалевой гипоплазии в древних сериях исследователи возвращались неоднократно [Larsen, 1997, p. 48–49; Roberts, Manchester, 2012, p. 76–77; Dabrowski et al., 2020].

И в женской, и мужской группах, как бы это парадоксально ни звучало, эмалевая гипоплазия имеет возрастную направленность, чаще фиксируясь в возрастных когортах 25–35 и 35–45 лет, а в возрасте 35–50 лет практически у половины населения выявлены следы горизонтально ориентированных дефектов толщины эмали (табл. 2).

Таким образом, периоды тяжелого стресса в детском возрасте перенесло более половины всех кочевников эпохи Золотой Орды, что не помешало им дожить до зрелого возраста.

Частоты встречаемости маркеров стресса на костях свода черепа и посткраниального скелета в изучаемой выборке, даже в сравнении с показателями синхронных городских серий золотоордынских городищ и более ранних кочевых групп, сравнительно не высоки, варьируя от 3 до 12 % (табл. 2). Несколько иная ситуация складывается при оценке встречаемости маркеров анемий, цинги и воспалений у неполовозрелого населения, что вновь доказывает воздействие систематических стрессов на кочевников средневековья в детстве (табл. 3).

Несмотря на малочисленность выборки детей и подростков в изучаемой группе, в серии неполовозрелых индивидов наблюдаются

высокие показатели поротического гиперостоза, пороза и воспалительных процессов, которые распространены во всех возрастных когортах, кроме грудного возраста и раннего детства, антропологические материалы которых единичны. В подростковом возрасте наблюдается снижение встречаемости маркеров стресса (табл. 3). Конечно же, на завышение частоты патологий могла повлиять малочисленность детской группы. Тем не менее наличие на костях детей и взрослых индивидов специфических отклонений указывает на значительное воздействие на исследуемую группу негативных факторов окружающей среды, с которыми они в большей степени успешно справлялись.

Анализ травматических повреждений, зафиксированных на костных останках кочевого населения золотоордынского времени, показал, что по большей степени их можно охарактеризовать как бытовые.

Данное предположение строится на основании отсутствия дефектов без следов заживления, то есть смертельных, а также рубленых и проникающих ранений. Этот же вывод подкрепляют сходные частоты встречаемости травм носа у мужчин и женщин, которые обычно интерпретируются как результат бытового или внутрисемейного насилия.

Большинство травм лицевого отдела черепа также однотипны, характеризуются переломом нижних краев носовых костей, их деформацией с последующим срастанием и образованием костной мозоли, искривлением носовой перегородки, приобретающей S-образную форму. В некоторых случаях отмечается смещение носовых костей и лобных отростков верхнечелюстных костей в сторону траектории удара.

Сопоставление частот встречаемости травматических повреждений с синхронными золотоордынскими сериями различных городищ и группами кочевников раннего средневековья показывает, что выборка номадов золотоордынского времени характеризуется низкими показателями травматизма и сближается по данному критерию с выборками хазарского и огузского населения раннего средневековья Нижнего Поволжья (табл. 8).

Оценка распределения заболеваний суставов и позвоночника так же, как и в случае

с травмами, показывает, что чаще они выявляются на останках мужчин, однако статистически значимых различий между полами выявить не удалось. Характер встречаемости дегенеративно-дистрофических изменений указывает на их возрастную зависимость, а некоторые отклонения, связанные с завышенными показателями изношенности суставов и позвоночника, в группах молодых людей, вероятнее всего, являются следствием крайней малочисленности наборов костей посткраниального скелета, в связи с чем при распределении их по возрастным когортам наблюдаются некоторые дисгармонии.

Отсутствие существенных различий в распределении заболеваний суставов и позвоночника между мужчинами и женщинами объясняется тем, что организация средневековой исследуемой группы напрямую связана с кочевым образом жизни и традициями. Письменные источники и этнографические наблюдения показывают, что в хозяйственной деятельности раннесредневековых кочевников и монголов женщины имели большой авторитет, а в некоторых случаях их доля участия в жизни семьи значительно превышала трудовой вклад мужчин [Кляшторный, 1985; Барфилд, 2006, с. 422]. Как правило, во главе кочевья находился старший мужчина из старшей семьи. Представители сильного пола занимались охотой, тренировками по стрельбе из лука, выбирали пастбище для скота, изготавливали стрелы [Цыпилова, 2019, с. 105]. В письменных источниках о повседневной жизни девушек и женщин указывается, что они умели ездить верхом на лошади и стрелять из лука также хорошо, как и мужчины. Кроме того, женщины шили одежду и сапоги из кожи, правили повозками и могли починить их в случае необходимости, вьючили верблюдов, изготавливали войлок, покрывали дома, «и во всех делах были очень проворны и скоры». В мирное время монгольские женщины, помимо домашних обязанностей, выполняли большую часть мужской работы, участвуя, например, в общей охоте на диких зверей [Плано Карпини, 1957, с. 50]. Марко Поло описывал жизнь монголов следующим образом: «Торговыми делами у татар занимаются женщины; они покупают, запасают все нужное для мужей и семейства, потому что мужчины

посвящают все свое время охоте и военным упражнениям» [Марко Поло, 1873, с. 62]. Б.Я. Владимирцов указывал, что согласно «Ясе» Чингисхана, во время походов женщины «исполняли труды и обязанности мужчин» [Владимирцов, 1934, с. 56].

Заключение

В результате изучения характера распространения маркеров стресса и патологических отклонений, а также половозрастных особенностей исследуемой группы кочевников золотоордынского времени удалось установить следующее.

– У населения, которое, вероятнее всего, вело кочевой образ жизни, в конце XIII – XIV в. в захоронениях зафиксировано незначительное количество детей, что сближает их по данному критерию со скотоводческими и кочевыми обществами эпохи палеометалла и раннего железного века Нижнего Поволжья. Средний возраст смерти невысокий, хотя мужчины жили дольше женщин, которые чаще всего умирали в наиболее репродуктивном возрасте 19–35 лет.

– У номадов Нижнего Поволжья золотоордынского времени, как и у большей части городского населения Улуса Джучи, была распространена традиция укладывания ребенка в колыбель типа «бешик», что в свою очередь привело к широкому распространению непреднамеренной искусственной деформации затылочного типа.

– Для исследуемой суммарной серии индивидов из подкурганых захоронений золотоордынского времени характерен специфический комплекс патологий зубочелюстной системы, наблюдающийся у населения эпохи бронзы, раннего железного века и раннего средневековья Нижнего Поволжья, ведущего сходный образ жизни, и маркирующий специфический рацион питания, базирующийся на мясомолочном комплексе, характерном исключительно для скотоводческо-кочевого уклада.

– Ранние возрастные этапы жизни кочевников были самые тяжелые, что доказывается широким распространением, даже в малочисленной группе детей, маркеров стресса, которые оказывали влияние на качество, а

возможно и продолжительность жизни взрослого населения.

– Ограниченный объем свежих продуктов у кочевников и частые периоды голода приводили к витаминной недостаточности. Отсутствие гигиены и плохая санитарная обстановка, о чем свидетельствуют письменные и этнографические данные, могли приводить к распространению сезонных, специфических и неспецифических детских заболеваний.

– Фиксация статистически значимых различий между мужчинами и женщинами в изучаемой группе только по двум признакам из 24 указывает на то, что рацион питания не зависел от пола и был одинаковым для всего взрослого населения, а работы по ведению хозяйства выполнялись совместно или распределялись таким образом, что это не приводило к серьезным различиям между гендерными группами.

– Несмотря на то что в исторической традиции принято описывать кочевников как достаточно агрессивных и весьма воинственных, характер зафиксированных травм указывает, что большая часть из них имеет бытовое или случайное происхождение.

– Полученные результаты по характеру распространения маркеров стресса у взрослого (эмалевая гипоплазия) и неполовозрело-

го населения (анемии, пороз, воспаления) кочевников эпохи Золотой Орды соотносятся с положениями и дискуссией об остеологическом парадоксе, когда завышенные индикаторы стресса, в особенности в детской группе, при относительно благополучных демографических данных может указывать на высокую стрессоустойчивость изучаемой группы [Wood et al., 1992; Wright, Yoder, 2003; Siek, 2013; Kyle et al., 2018].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00471 А «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)» (руководитель Е.В. Перерва).

The work was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-09-00471 A “Paleoanthropology of the ancient and medieval population of the Lower Volga region (paleopathological aspect)” (supervisor E.V. Pererva).

² AAm – средний возраст смерти мужчин; AAf – средний возраст смерти женщин; PCD – процент детской смертности в группе, C50+ – процент индивидов в финальной возрастной когорте.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Половозрастные особенности исследуемой группы

Table 1. Gender and age feature of the studied group

Возраст	♂/36/%	♀/32%	Пол не определен	n/81/%
Infantilis I (6–7 лет)	–	–	6	6/7,4
Infantilis II (7–13 лет)	–	–	4	4/4,9
Juvenis (14–18 лет)	1/2,7	2/6,25	3	6/7,4
Adultus I (19–24 лет)	5/13,8	9/28,1	–	11/17,3
Adultus II (25–34 лет)	10/27,8	10/31,25	–	20/24,7
Adultus II-Maturus I (30–40 лет)	4/11,1	4/12,5	–	8/9,9
Maturus I (35–44 лет)	8/22,2	3/9,4	–	11/13,55
Maturus II (45–55 лет)	8/22,2	2/6,25	–	10/12,3
Senilis (56 и старше)	–	2/6,25	–	2/2,5
Основные палеодемографические характеристики	Всего	Мужчины	Женщины	Взрослые
Реальный объем выборки (N)	81	36	32	68
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	34,4	37,1	32,9	34,4
Процент детской смертности (PCD)	12,7	–	–	–
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	52,9	47,1	–
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	6,9	7,9	8,5	8

Таблица 2. Показатели встречаемости патологических отклонений и маркеров стресса в серии кочевников второй половины XIII – XIV в. Нижнего Поволжья

Table 2. Indicators of pathologies and stress markers occurrence in the series of nomads of the second half 13th–14th centuries from the Lower Volga region

Патологические отклонения и маркеры стресса	Кочевники второй половины XIII – XIV в.				Chi-square, p-value *
	Взрослые	Дети / подростки	Мужчины	Женщины	
	N, %	N, %	N, %	N, %	
n	68/24/17 **	12/6	36/13/8	32/11/9	
Деформация черепа	32 (47 %)	2 (16,6 %)	14 (39 %)	18 (56 %)	0,241395
Интерпроксимальный желобок	8 (12 %)	0 (0 %)	3 (8 %)	5 (16 %)	0,351591
Кариес	9 (13 %)	0 (0 %)	4 (11,8 %)	5 (16 %)	0,338128
Абсцессы	15 (22 %)	0 (0 %)	8 (22 %)	7 (22 %)	0,659182
Зубной камень	65 (96 %)	10 (83,3 %)	35 (97 %)	30 (94 %)	0,486467
Эмалевая гипоплазия	36 (53,8 %)	3 (25 %)	19 (53 %)	17 (53 %)	0,977158
Прижизненная утрата зуба	20 (29 %)	0 (0 %)	13 (36 %)	7 (22 %)	0,602215
Заболевания парадонта	40 (59 %)	0 (0 %)	25 (69 %)	15 (47 %)	0,586812
Слом коронки, сколы эмали	23 (34 %)	0 (0 %)	11 (31 %)	12 (38 %)	0,223778
Патологическая стертость зубов	21 (30,9 %)	0 (0 %)	12 (33,3 %)	9 (39 %)	0,723089
Дегенер. изм. нижнечел. суст.	39 (60 %)	0 (0 %)	26 (72 %)	15 (47 %)	0,063885
Васкулярная реакция костной ткани	38 (57 %)	0 (0 %)	30 (83 %)	9 (28 %)	0,000052
Sigma orbitalia	8 (11,8 %)	4 (33,3 %)	1 (3 %)	7 (22 %)	0,043871
Поротический гиперостоз костей свода черепа	6 (9 %)	2 (16,6 %)	1 (3 %)	5 (16 %)	0,164519
Пористость костей свода и лицевого отдела черепа	2 (3 %)	9 (75 %)	1 (3 %)	1 (3 %)	0,932590
Внутренний лобный гиперостоз	1 (1 %)	0 (0 %)	1 (3 %)	0 (0 %)	0,342204
Пальцевидные вдавления	20 (29 %)	3 (25 %)	12 (33 %)	8 (25 %)	0,451587
Воспалительные процессы на черепной коробке	6 (9,2 %)	2 (16,6 %)	1 (3 %)	5 (16 %)	0,125233
Воспалительные процессы на костях посткраниального скелета	2 (8 %)	0 (0 %)	1 (8 %)	0 (0 %)	0,362540
Деформирующий артроз	13 (76 %)	0 (0 %)	8 (62 %)	6 (55 %)	0,335808
Патология позвоночника	14 (88 %)	–	7 (88 %)	6 (75 %)	0,347725

Примечание. * – цифры отражают сравнение частот встречаемости патологических отклонений и маркеров стресса между мужчинами и женщинами в серии кочевников золотоордынского времени XIV в.; ** – первая цифра – количество исследованных черепов, вторая – количество наборов костей посткраниального скелета (кости пояса верхних и нижних конечностей), третья – количество наборов позвоночных столбов.

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Патологические отклонения и маркеры стресса	Мужчины			Женщины			
	Juvenis N, %	Adultus N, %	Maturus N, %	Juvenis N, %	Adultus N, %	Maturus N, %	Senilis N, %
n	1/0/1	18/7/5	17/5/2	3/2/1	20/6/6	7/3/3	2/0/0
Деформация черепа	0 (0 %)	6 (33 %)	8 (47 %)	1 (33 %)	12 (60 %)	3 (43 %)	2 (100 %)
Интерпроксимальный желобок	0 (0 %)	1 (6 %)	3 (18 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	4 (57 %)	0 (0 %)
Кариес	0 (0 %)	2 (11 %)	5 (29 %)	0 (0 %)	2 (10 %)	3 (43 %)	1 (50 %)
Абсцессы	1 (100 %)	18 (100 %)	16 (94 %)	2 (67 %)	20 (100 %)	7 (100 %)	2 (100 %)
Зубной камень	1 (100 %)	11 (61 %)	8 (47 %)	1 (33 %)	11 (55 %)	4 (57 %)	1 (50 %)
Эмалевая гипоплазия	0 (0 %)	5 (28 %)	8 (47 %)	0 (0 %)	2 (10 %)	3 (43 %)	1 (50 %)
Прижизненная утрата зуба	0 (0 %)	10 (56 %)	15 (88 %)	0 (0 %)	9 (45 %)	5 (71 %)	2 (100 %)
Заболевания парадонта	0 (0 %)	3 (17 %)	8 (47 %)	0 (0 %)	9 (45 %)	3 (43 %)	0 (0 %)
Слом коронки, сколы эмали	1 (100 %)	2 (11 %)	10 (58,8 %)	0 (0 %)	2 (10 %)	5 (71 %)	1 (50 %)
Патологическая стертость зубов	0 (0 %)	1 (6 %)	2 (12 %)	0 (0 %)	3 (15 %)	2 (29 %)	0 (0 %)
Дегенеративные изменения нижнечелюстных суставов	0 (0 %)	12 (67 %)	14 (82 %)	0 (0 %)	10 (50 %)	3 (50 %)	1 (50 %)
Васкулярная реакция костной ткани	0 (0 %)	15 (83 %)	15 (88 %)	0 (0 %)	3 (15 %)	4 (57 %)	2 (100 %)
Stibra orbitalia	0 (0 %)	0 (0 %)	1 (6 %)	2 (67 %)	5 (25 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Поротический гиперостоз костей свода черепа	0 (0 %)	0 (0 %)	1 (6 %)	2 (67 %)	2 (10 %)	1 (14 %)	0 (0 %)
Пористость костей свода и лицевого отдела черепа	0 (0 %)	1 (6 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	1 (5 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Внутренний лобный гиперостоз	0 (0 %)	1 (6 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Пальцевидные вдавления	1 (100 %)	7 (39 %)	5 (29 %)	1 (33 %)	6 (30 %)	1 (14 %)	0 (0 %)
Воспалительные процессы на черепной коробке	0 (0 %)	1 (6 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	5 (25 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Воспалит процессы на костях посткраниального скелета	0 (0 %)	1 (20 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	1 (33 %)	–
Деформирующий артроз	0 (0 %)	4 (57 %)	4 (80 %)	0 (0 %)	4 (67 %)	2 (67 %)	–
Патология позвоночника	1 (100 %)	5 (100 %)	2 (100 %)	0 (0 %)	3 (50 %)	3 (100 %)	–

Таблица 3. Возрастные зависимости в проявлении некоторых патологических состояний в детской выборке

Table 3. Age dependency in the manifestation of some pathological conditions in the children's sample

Кочевники второй половины XIII – XIV в.						
Название патологий, аномалий	Грудной возраст до 1 года	Раннее детство 1–3 года	Первое детство 4–7 лет	Второе детство 8–11 лет	Подростковый возраст 12–16 лет	Суммарная группа
	0/1 *	0	5/1	4/1	3/3	12/6
Травмы	–	–	–	–	–	–
Кариес	–	0	0	0	0	0 (0 %)
Зубной камень	–	0	5/100	4/100	1/33	9 (75 %)
Эмалевая гипоплазия	–	0	0	3/75	0	3 (23 %)
Strabismus orbitalis	–	0	3/60	0	1/33	4 (33,3 %)
Поротический гиперостоз костей свода черепа	–	0	0	1/25	1/33	2 (16,6 %)
Пористость костей свода и лицевого отдела черепа	–	0	4/80	3/75	2/67	9 (75 %)
Воспалительные процессы на черепе	–	0	2/30	0	1/33	4 (33,3 %)
Воспалительные процессы на костях посткраниального скелета	–	0	0	0	0	0 (0 %)

Примечание. * – отсутствует череп, в наличии только кости посткраниального скелета.

Окончание таблицы 3

End of Table 3

Название патологий, аномалий	Золотоордынские оседлые серии					
	Водянское городище	Вакуровский бугор	Маячный бугор	Царёвское городище и его округа	Болдыревский могильник	Новохарьковский могильник
	11	46	85	42	6	36
Травмы	–	–	–	1 (3 %)	–	–
Кариес	1 (9 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	1,1 %	2,4 %
Зубной камень	7 (64 %)	6 (16 %)	13 (15 %)	20 (51 %)	16,7 %	–
Эмалевая гипоплазия	2 (18 %)	2 (5 %)	6 (7 %)	7 (18 %)	0	46,1 %
Strabismus orbitalis	7 (64 %)	13 (35 %)	41 (48 %)	24 (62 %)	66,7 %	31,7 %
Поротический гиперостоз костей свода черепа	2 (18 %)	9 (24 %)	16 (19 %)	14 (36 %)	–	–
Пористость костей свода и лицевого отдела черепа	7 (64 %)	27 (57 %)	53 (62 %)	31 (79 %)	–	7,1 %
Воспалительные процессы на черепе	4 (36 %)	8 (21,6 %)	8 (9 %)	3 (8 %)	0	12,2 %
Воспалительные процессы на костях посткраниального скелета	2 (14 %)	5 (12 %)	8 (11 %)	5 (28 %)	–	–

Таблица 4. Травматизм у кочевников второй половины XIII – XIV в.

Table 4. Traumatism in nomads of the second half 13th–14th centuries

Локализация повреждений	Взрослые			Мужчины			Женщины			Chi-square, p-value
	S	N	%	S	n	%	S	n	%	
Травмы костей свода черепа	68	1	1,5	36	1	2,8	32	0	0	0,342204
Травмы лица	68	7	10,3	36	5	13,9	32	2	6,3	0,300829
Посткраниальный скелет травмы	24	2	8,3	13	1	7,7	11	1	9,1	–
Индивидуов с травмами всего	68	10	14,7	36	7	19,4	32	3	9,4	0,241907

Таблица 5. Частоты встречаемости некоторых заболеваний позвоночника в суммарной и разнополюх сериях кочевников второй половины XIII – XIV в.

Table 5. Frequency of some spine diseases occurrence in the total and heterosexual series of nomads of the second half 13th–14th centuries

Кочевники второй половины XIII – XIV в.									
Патологии	Отделы позвоночника	Взрослые		Мужчины		Женщины		Adultus	Maturus
		17		8		9		10	5
		n	%	n	%	n	%	%	%
Остефитоз	ШО	5	31	2	25	3	33	20	60
	ГО	8	50	3	38	5	56	50	60
	ПО	6	38	3	38	3	33	40	40
Узлы «Шморля»	ШО	0	0	0	0	0	0	0	0
	ГО	6	38	2	25	4	44	30	40
	ПО	6	38	2	25	4	44	40	40
Остеохондроз	ШО	3	19	0	0	3	33	10	40
	ГО	3	19	1	13	2	22	20	20
	ПО	4	25	1	13	3	33	20	40
Деформирующий спондилоартроз	Всего	5	21	1	13	4	44	30	40
Общее число дистрофических изменений позвоночника	Всего	13	76,5	7	88	6	67	70	100

Таблица 6. Элементы главных компонент для сравниваемых серий позднего средневековья по четырем основным палеодемографическим характеристикам

Table 6. Main components elements for the compared series of the Late Middle Ages according to four main paleodemographic features

Признаки	ГК I	ГК II
AAm	0,791318	0,004910
AAf	0,799604	-0,191689
PCD	-0,104621	-0,987650
50+	0,958766	0,048042
Собственные значения	2,19	3,21
Доля общей дисперсии	54,89	25,36

Таблица 7. Половозрастные данные средневековых серий, часть из которых использовалась в межгрупповом анализе

Table 7. Sex and age data of the medieval series, some of which were used in the intergroup analysis

№ п/п	Название серии, группы	Регион	Дата	№	(AA)	AA♂	AA♀	(PCD)	50+	Соотношение ♂/♀
1	Царев и его округа	Нижнее Поволжье (Волгоградская обл.)	XIII–XIV вв.	149	36,2	37,8	36,0	25,1	7,6	54,2–45,8
2	Водянское городище (христианское население)	Нижнее Поволжье (Волгоградская обл.)	XIII–XIV вв.	99	36	35,1	37,2	11,1	9,1	58,6–41,4
3	Вакуровский бугор	Нижнее Поволжье (Астраханская обл.)	XIII–XIV вв.	123	34,1	37,5	30,5	37,4	2,4	51,9–48,1
4	Маячный бугор	Нижнее Поволжье (Астраханская обл.)	XIII–XIV вв.	276	35,4	38,3	32,4	30,8	8	50–50
5	Шареный бугор	Нижнее Поволжье (Астраханская обл.)	XIII–XIV вв.	33	35,9	37,3	27,5	15,2	12,1	85,7–14,3
6	Селитренное	Нижнее Поволжье (Астраханская обл.)	XIII–XV вв.	306	37,3	38,6	33,3	20,9	10,9	55,6–44,4
7	Новоарыковский	Подонье (Воронежская обл.)	XIII–XV вв.	107	33,6	33,8	33,4	38,2	1,9	–
8	Болдыревский могильник	Нижнее Поволжье (Саратовская обл.)	XIII–XIV вв.	51	40,3	42,6	37,7	22,5	18,1	47,5–52,5
9	Усть-Иерусалимский	Болгар (Татарстан)	XIII–XV вв.	301	31,7	34,8	29,2	57,14	2,2	–
10	Некрополь в р-не бывшего аэродрома	Болгар (Татарстан)	XIV–XV вв.	101	36,5	39,6	33,5	38,1	5	38,7–61,3
11	Некрополь вокруг мавзолея в южной части Болгарского городища	Болгар (Татарстан)	XIV–XV вв.	126	34,5	39,2	29,8	19,2	3,2	50,8–49,2
12	Никольское 3	Славяне, русский север	XI в.	57	38	40,7	35,9	18,6	22,5	54–46
13	Брно	Славяне, Чехия	XI в.	55	39,2	40,5	35,9	21,1	16,2	71–29
14	Нефедьево	Славяне, русский север	XI–XIII вв.	71	40	37,4	44,5	26	21,6	63–37
15	Трнане	Сербия	XI–XIII вв.	266	41	43,4	38,2	23,1	29,9	53–47
16	Кочевники XIII–XIV вв.	Нижнее Поволжье	XIII–XIV вв.	81	34,6	37,1	32,8	13,9	8	52,9–47,1
17	Кочевники постгуннского и раннехазарского времени	Нижнее Поволжье	V–VII вв.	10	35,3	38,2	25	10	0	77,8–22,2
18	Хазарское время	Нижнее Поволжье	VII–IX вв.	21	31,9	33	30,4	14,3	0	61,1–38,9
19	Огузы	Нижнее Поволжье	X–XI вв.	18	32,8	35	31	0	5,6	44,4–55,6

Таблица 8. Показатели встречаемости патологических отклонений и маркеров стресса, на черепах в суммарных сериях эпохи средневековья Нижнего Поволжья

Table 8. Indicators of pathological abnormalities and stress markers occurrence on skulls in the total series of the Lower Volga Middle Ages

Признаки	Кочевники V–VII вв. н.э.	Хазарское время VII–IX вв.	Огузы X–XI вв.	<i>Кочевники XIII–XIV вв. Нижнего Поволжья</i>	Царевское городище и его округа
Хозяйственно-культурный тип	Кочевники	Смешанное население	Кочевники	Кочевники	Горожане
	‰: всего/м/ж	‰: всего/м/ж	‰: всего/м/ж	‰: всего/м/ж	‰: всего/м/ж
n: всего/м/ж	9/7/2	16/9/7	17/8/9	68/36/32	107/58/49
Деформация черепа	44/43/0	25/11/43	29/25/33	47/39/56	56/52/61
Кариес	11/14/0	19/11/29	0/0/0	13/11,8/16	33/28/39
Абсцессы	22/29/0	0/0/0	18/13/0	22/22/22	35/41/37
Зубной камень	78/71/100	94/89/100	94/88/100	96/97/94	95/95/96
Эмалевая гипоплазия	33/29/50	63/44/86	41/63/22	53/53/53	44/52/35
Потеря зуба	44/57/0	25/22/29	24/24/22	29/36/22	45/36/55
Заболевания пародонта	44/57/0	50/44/57	47/50/44	59/69/47	69/72/65
Сколы эмали	22/29/0	19/22/14	18/38/0	34/31/38	32/37/24
Деформирующий артроз нижних суставов	89/100/50	56/67/43	53/50/56	60/72/47	77/79/73
ВРКТ	89/100/50	56/67/43	47/88/11	57/83/28	61/88/29
Cribra orbitalia	22/14/50	13/22/0	24/25/22	12/3/22	19/14/24
ПГКСЧ	11/0/50	6/11/0	12/0/22	9/3/16	6,5/3,4/10
Пористость	0/0/0	6/11/0	12/0/22	3/3/3	5,6/2/10
ВЛГ	11/14/0	0/0/0	12/13/11	1/3/0	5,6/3,4/8,2
Воспалительные процессы на черепе	0/0/0	0/0/0	12/0/22	8/3/13	1,8/0/4
Травмы свода черепа	11/14/0	6/11/0	6/0/11	1,5/2,8/0	9,3/15,5/2
Травмы лица	0/0/0	0/0/0	6/13/0	10,3/13,9/6,3	19,6/25,9/12
Травмы посткраниальные	20/33/0	0/0/0	0/0/0	8,3/7,7/9,1	–/–/–
Суммарный травматизм	22/29/0	6/11/0	12/13/11	14,7/19,4/9,4	26,2/37,9/14,3

Окончание таблицы 8

End of Table 8

Признаки	Водянское городище	Вакуровский бугор (Красноярское городище)	Маячный бугор (Красноярское городище)	Шареный бугор (город Хаджитархан)	Болдыревское поселение (округа Увека)	Новохарьковский могильник
Хозяйственно-культурный тип	Горожане	Горожане	Горожане	Горожане	Горожане	Горожане
	%: всего/м/ж	%: всего/м/ж	%: всего/м/ж	%: всего/м/ж	%: всего/м/ж	%: всего/м/ж
п: всего/м/ж	82/51/36	77/40/37	175/84/90	28/24/4	30/14/16	-/29/29
Деформация черепа	15/13/18	20/15/26	27/33/22	50/46/75	–	–
Кариес	46/45/48	25/27/22	33/32/34	14/13/25	33,3/14,3/50	-/13,8/17,2
Абсцессы	32/24/42	27/27/30	25/24/26	36/38/25	33,3/35,7/31,3	-/-/-
Зубной камень	94/92/97	90/88/93	91/92,9/90	86/83/100	74,1/78,6/69,2	-/-/-
Эмалевая гипоплазия	51/63/33	61/62/63	47/50/44	29/29/25	12,9/30,8/0	-/51,7/58,6
Потеря зуба	45/33/64	45/58/33	41/11/38	43/46/25	60,7/69,2/53,3	-/-/-
Заболевания пародонта	72/67/79	55/73/41	53/65/41	75/83/25	75/78,6/71,4	-/-/-
Сколы эмали	38/45/27	35/38/33	16/18/14	25/25/25	72/75/69,2	-/13,8/10,4
Деформирующий артроз нижних суставов	32/33/27	55/65,4/41	70/82/60	93/96/75	-/-/-	-/-/-
ВРКТ	59/78/33	29/54/7	23/43/4	93/96/75	-/-/-	-/-/-
Sibra orbitalia	13/12/15	12/4/19	13/8/17	25/21/50	16,7/0/12,5	-/10,3/6,9
ПГКСЧ	16/10/24	10/0/19	0,5/0/1	0/0/0	-/-/-	-/-/-
Пористость	27/22/33	4/4/4	7/8/6	0/0/0	-/-/-	0/0/0
ВЛГ	6/4,1/6,1	7,8/8,3/7,7	2/0/3	18/17/25	16,7/40/0	-/-/-
Воспалительные процессы на черепе	8,5/8/9	3,9/0/11	1,5/0/1	0/0/0	5,6/0/12,5	0/0/0
Травмы свода черепа	8,5/10,2/6,1	3,8/0/7,4	6,9/9,5/4,5	28,6/35,3/9	3,4/7,7/0	-/10,3/-
Травмы лица	12,2/16,3/6,1	7,5/7,7/7,4	7,5/11,9/33,4	35,7/52,9/9	22,2/38,5/7,1	-/-/-
Травмы посткраниальные	8,2/7,1/10	21,3/22,5/20	13,4/17,2/9,5	-/-/-	14,3/10/18,2	-/10,3/13,8
Суммарный травматизм	27,3/33,3/19,4	26,7/25/27,8	24,2/33,7/14,9	57,1/76,5/18	-/-/-	-/-/-

Рис. 1. Место расположения курганных могильников, из которых происходят материалы исследования:

- 1 – Абганерово I, II, III, IV; 2 – Авиловский; 3 – Аксай; 4 – Барановка; 5 – Бахтияровка II, III;
 6 – Белужино-Колдаиров; 7 – Быково; 8 – Верхне-Рубежный; 9 – Ковалевка; 10 – Колобовка; 11 – Красный Октябрь;
 12 – Линево; 13 – Малые Дербеты I, II; 14 – Моисеево; 15 – Недоступово; 16 – Перегрузное I; 17 – Песковка I, II;
 18 – Солдовка I, II; 19 – Старица; 20 – Тары II; 21 – Тингута; 22 – Харьковка; 23 – Царёв;
 24 – Шебалино; 25 – Шляховский

Fig. 1. Location of the kurgan cemeteries, source of the research materials:

- 1 – Abganerovo I, II, III, IV; 2 – Avilovskiy; 3 – Aksay; 4 – Baranovka; 5 – Bakhtiyarovka II, III;
 6 – Beluzhino-Koldairov; 7 – Bykovo; 8 – Verkhne-Rubezhnyy; 9 – Kovalevka; 10 – Kolobovka; 11 – Krasnyy Otsyabr';
 12 – Linevo; 13 – Malye Derbety I, II; 14 – Moiseevo; 15 – Nedostupovo; 16 – Peregruznoe I; 17 – Peskovka I, II;
 18 – Solodovka I, II; 19 – Staritsa; 20 – Tary II; 21 – Tinguta; 22 – Khar'kovka; 23 – Tsarev;
 24 – Shebalino; 25 – Shlyakhovskiy

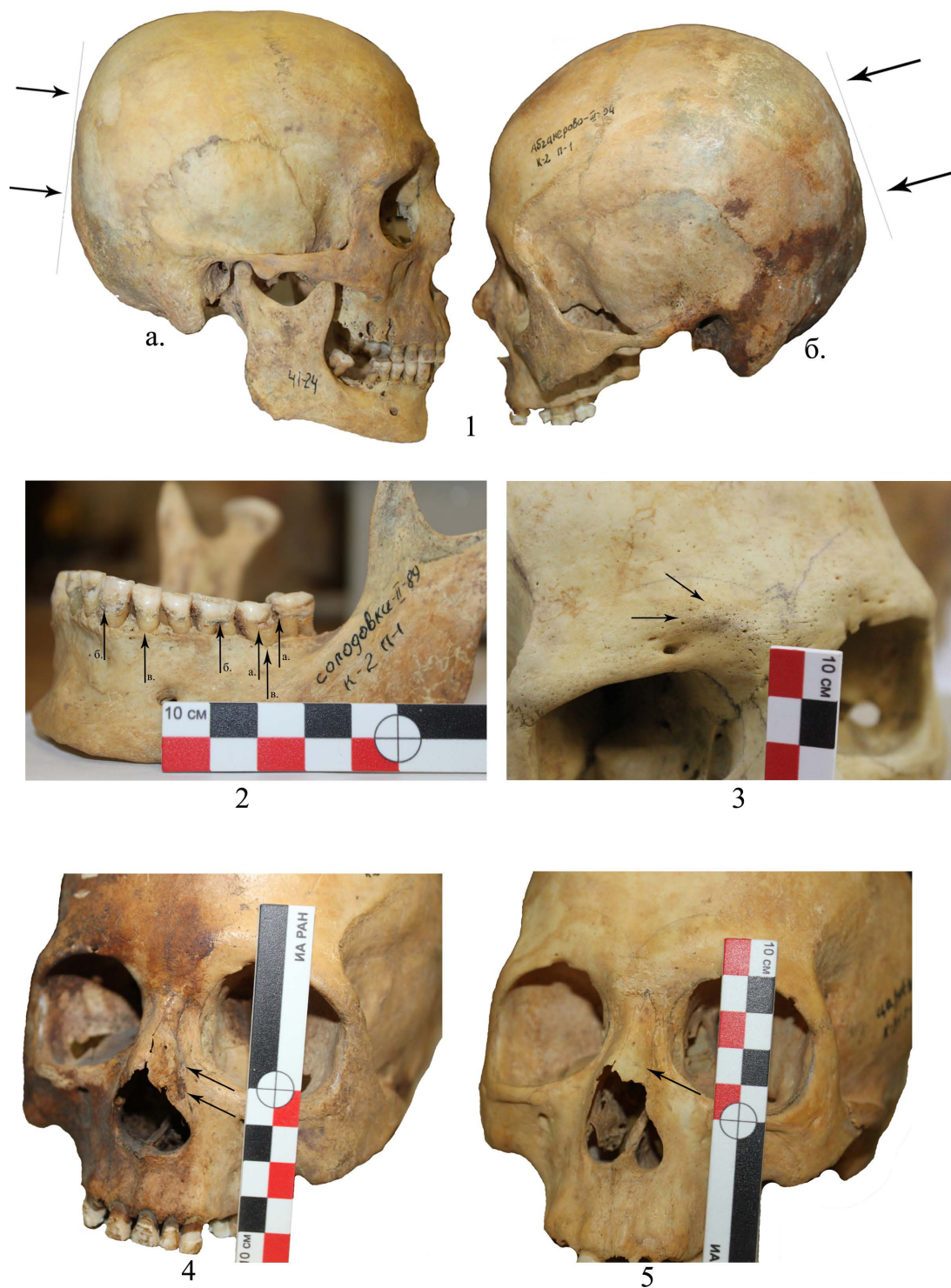

Рис. 2

- 1: а, б – черепа со следами непреднамеренной искусственной деформации;
- 2: а – признаки кариеса; б – зубной камень; в – признаки заболеваний пародонта;
- 3 – васкулярная реакция костной ткани по типу «апельсиновой корки»;
- 4, 5 – черепа кочевников со следами травм костей носа

Fig. 2

- 1: а, б – Skulls with unintentional artificial deformation traces;
- 2: а – Signs of caries; б – tartar; в – periodontal disease;
- 3 – vascular reaction of bone tissue according to “orange peel” type;
- 4, 5 – the nomads’ skulls with injury traces to the nose bones

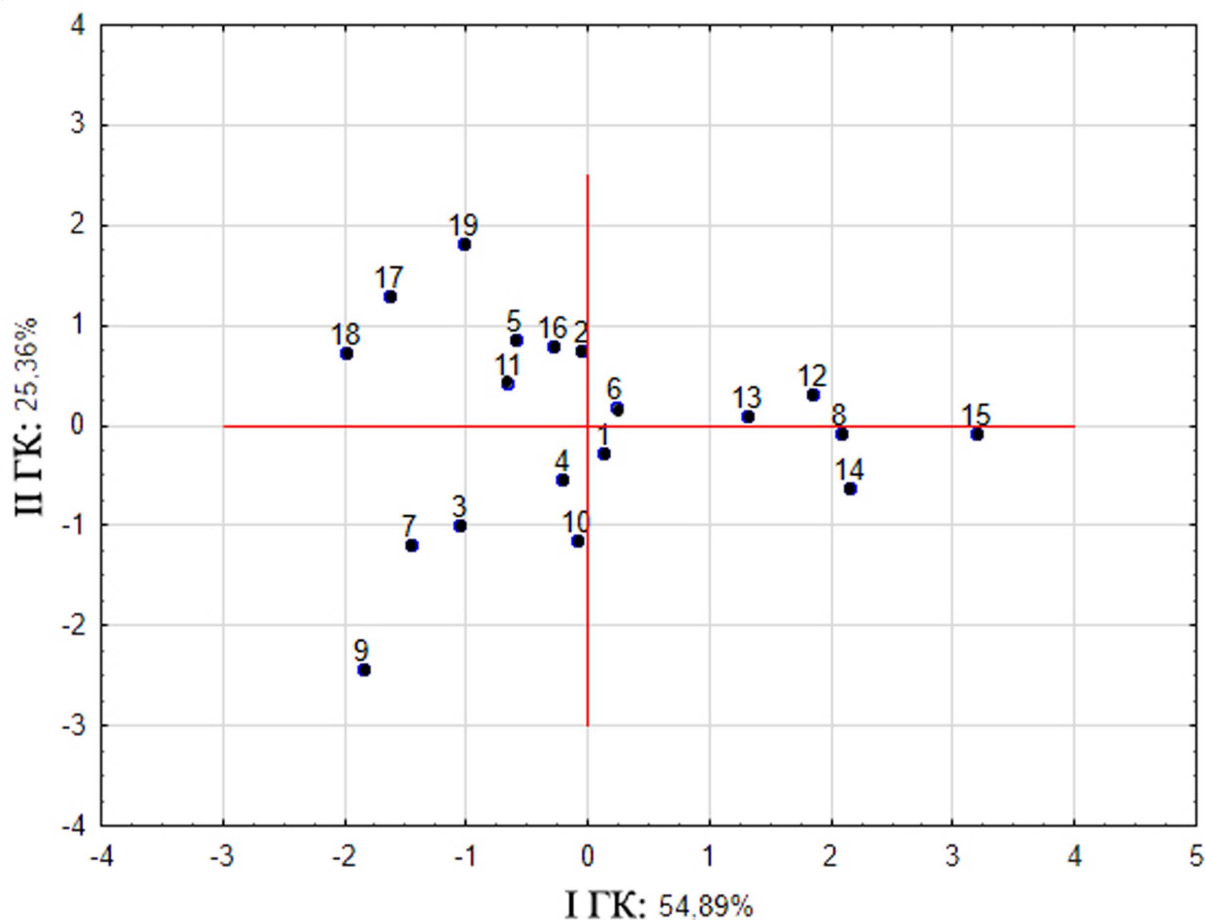

Рис. 3. Распределение сравниваемых серий XI–XIV вв. в пространстве главных компонент, рассчитанных на основе шести палеодемографических характеристик:

- 1 – Царёв [Перерва, 2022]; 2 – Водянское городище [Балабанова и др., 2011];
 3 – Вакуровский бугор [Балабанова и др., 2011]; 4 – Маячный бугор [Балабанова и др., 2011];
 5 – Шареный бугор [Перерва, 2020]; 6 – Селитренное городище [Яблонский, 1987];
 7 – Новохарьковский могильник [Алексеева и др., 2002]; 8 – Болдыревский могильник [Евтеев и др., 2016];
 9 – Усть-Иерусалимский могильник [Борущая и др., 2007]; 10 – некрополь в районе бывшего аэродрома, Болгар [Макарова и др., 2017]; 11 – некрополь вокруг мавзолея в южной части Болгарского городища [Макарова и др., 2017];
 12 – Никольское 3 [Алексеева и др., 2003]; 13 – Брно [Алексеева и др., 2003]; 14 – Нefeldьево [Алексеева и др., 2003];
 15 – Трнане [Алексеева и др., 2003]; 16 – золотоордынские кочевники Нижнего Поволжья (данные автора);
 17 – кочевники постгуннского и раннехазарского времени (данные автора); 18 – хазары (данные автора);
 19 – огузы (данные автора)

Fig. 3. Space distribution of principal components calculated on the basis of six paleodemographic features in the compared series dating back to the 11th–14th centuries:

- 1 – Tsarev [Pererva, 2022]; 2 – Vodyanskoye settlement [Balabanova et al., 2011];
 3 – Vakurovskiy Bugor [Balabanova et al., 2011]; 4 – Mayachnyy Bugor [Balabanova et al., 2011];
 5 – Sharenyy bugor [Pererva, 2020]; 6 – Selitrennoe settlement [Yablonskiy, 1987];
 7 – Novokharkovskiy burial ground [Alekseeva et al., 2002]; 8 – Boldyrevskiy burial ground [Evtееv et al., 2016];
 9 – Ust-Yerusalim burial ground [Borutskaya et al., 2007]; 10 – Necropolis near the former airfield, Bolgar [Makarova et al., 2017]; 11 – Necropolis around the mausoleum in the southern part of the Bolgar settlement [Makarova et al., 2017];
 12 – Nikolskoe 3 [Alekseeva et al., 2003]; 13 – Brno [Alekseeva et al., 2003]; 14 – Nefedyevo [Alekseeva et al., 2003];
 15 – Trnane [Alekseeva et al., 2003]; 16 – Golden Horde nomads of the Lower Volga region (author's data);
 17 – Nomads of the post-Hunnic and early Khazar times (author's data); 18 – Khazars (author's data);
 19 – Oguzes (author's data)

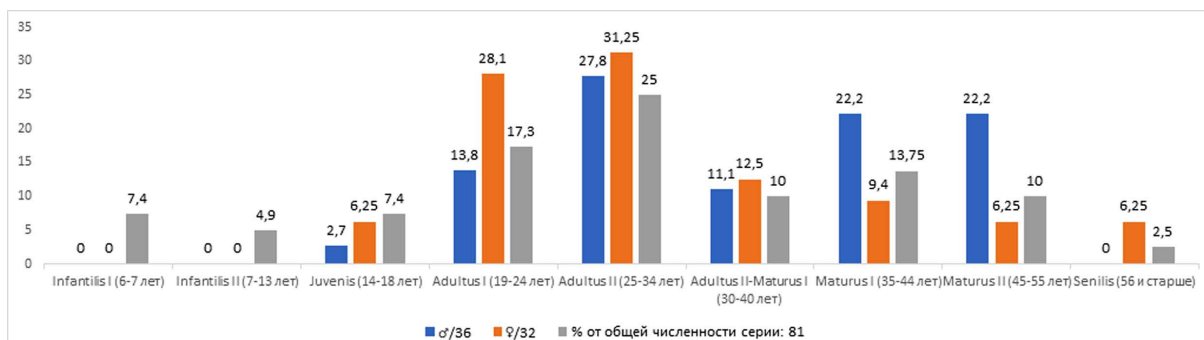

Рис. 4. Диаграмма распределения кочевого населения второй половины XIII – XIV в. Нижнего Поволжья по возрастным когортам

Fig. 4. Age Distribution diagram of the nomadic population of the second half 13th–14th centuries from the Lower Volga region

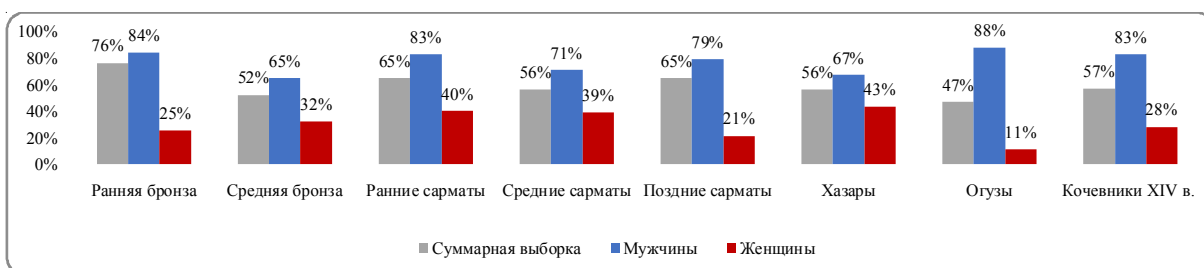

Рис. 5. Показатели встречаемости признаков воздействия низких температур в разновременных сериях Нижнего Поволжья

Fig. 5. Indicators of occurrence of low temperatures impact in the multi-temporal series from the Lower Volga region

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т. И., Бужилова А. П., Винников А. З., Волков И. В., Козловская М. В., Лебединская Г. В., Медникова М. Б., Цыбин М. В., 2002. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 193 с.
- Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В., 2003. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М. : Научный мир. 132 с.
- Арзютов Н. К., 1929. Материалы по археологии поздних кочевников Нижнего Поволжья: из раскопок 1925 года. Саратов. 10 с.
- Балабанова М. А., Цыганова О. М., 1995. Антропологический состав населения, оставившего курганные группы близ с. Абганерово // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград : Перемена. С. 140–151.
- Балабанова М. А., Перерва Е. В., Зубарева Е. Г., 2011. Антропология Красноярского городища золотоордынского времени. Волгоград : Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС. 180 с.
- Барфилд Т. Дж., 2006. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград : Учитель. С. 415–441.
- Бернштам А. Н., 1946. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 208 с.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф), 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 380 с.
- Богатенков Д. В., Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б., 2008. Реконструкции демографических процессов в прикаспийском Дагестане эпохи бронзы (по материалам раскопок археологического комплекса Великент в 1995–1998 гг.) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М. : ИА РАН. № 6. С. 196–213.
- Боруцкая С. Б., Васильев С. В., Газимзянов И. Р., 2007. Палеодемографические и палеопатологические аспекты исследования детских погребений Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар) // Вестник антропологии. № 15. С. 413–418.
- Бужилова А. П., 1995. Древнее население : (Палеопатологические аспекты исследования). М. : ИА РАН. 189 с.
- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : Старый сад. С. 87–147.
- Бужилова А. П., 2001. Анемия у древнего населения как один из индикаторов среды // Вестник антропологии. № 7. С. 227–236.
- Бужилова А. П., Карасева Н. М., 2019. Частота встречаемости признаков эмалевой гипоплазии у представителей контрастных климато-географических зон // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 2. С. 51–60.
- Васильев Д. В., 2007. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет». 170 с.
- Владимирцов Б. Я., 1934. Общественный строй монголов. Л. : Изд-во АН СССР. 222 с.
- Гумилев Л. Н., 2002. Древние тюрки. М. : Рольф. 560 с.
- Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М. : Изд-во АН СССР. 389 с.
- Добровольская М. В., 2006. Искусственная деформация головы у носителей традиций среднедонской катакомбной археологической культуры (по материалам первого Власовского могильника) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. № 5. С. 37–46.
- Дрёмов И. И., Круглов Е. В., 2021. Железные конусы в погребениях Улуса Джучи: аспекты этнокультурной принадлежности // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 149–168. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7>
- Евтеев А. А., Куфтерин В. В., Кубанкин Д. А., Четверяков С. И., 2016. Палеоантропологические материалы из Болдыревского грунтового могильника золотоордынского времени (г. Саратов) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 1. С. 4–19.
- Жуковская Н. Л., 1979. Пища кочевников Центральной Азии : (К вопросу об экологических основах формирования модели питания) // Советская этнография. № 5. С. 64–75.

- Жумаганбетов Т. С., 2003. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI–XII вв. Алматы : Жеті жарғы. 432 с.
- Иванов В. А., Кригер В. А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука. 90 с.
- Касимова Р. М., 1980. О влиянии различных типов колыбели на антропологические признаки в раннем детском возрасте в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа. Баку : Элм. 84 с.
- Кляшторный С. Г., 1985. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука. С. 159–168.
- Козак О. Д., 2010. Кияни княжої доби. Біоархеологічні студії. Киев : Академперіодика. 396 с.
- Комаров С. Г., 2013. Население степей Восточной Европы II тысячелетия по данным краниологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 27 с.
- Крамаровский М. Г., 2001. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб : Славия. 364 с.
- Кригер В. А., 1986. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 114–132.
- Кычанов Е. И., 1997. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М. : Восточная литература. 319 с.
- Макарова Е. М., Газимзянов И. Р., 2017. Палеодемография Болгарского городища // Поволжская археология. № 4 (22). С. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.67.80>
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М. : Языки русской культуры. 495 с.
- Марко Поло, 1873. Путешествие в 1286 году по Татарии и другим странам Востока Марко Поло, венецианского дворянина, прозванного миллионером. СПб. 250 с.
- Медникова М. Б., Моисеев В. Г., Хартанович В. И., 2015. Обряды перехода в каменном веке по данным физической антропологии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 237. С. 50–63.
- Мыськов Е. П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС. 484 с.
- Перерва Е. В., 2003. Палеопатологические особенности хазар из погребений Нижнего Поволжья // Нижне-волжский археологический вестник. Вып. 6. С. 179–191.
- Перерва Е. В., 2020. Палеопатология черепов из золотоордынского городища Шареный Бугор // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 5. С. 141–161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.12>
- Перерва Е. В., 2022. Население Царевского городища и его окружи по данным палеопатологии и палеодемографии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (*В печати*).
- дель Пано Карпини Д., 1957. История монгалов, именуемых нами Татарами // Путешествия в восточные страны Пано Карпини и Рубрука. М. : Изд-во геогр. лит. С. 21–83.
- Проняева А. И., Косырева Т. Ф., 2010. Взаимосвязь качества питьевой воды в зоне проживания детей с некариозными поражениями эмали зубов г. Долгопрудный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. № 4. С. 410–414.
- Ражев Д. И., 2016. Факторы распространения поротического гиперостоза в средневековых группах Западной Сибири // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 1. С. 35–45.
- Ракушин А. И., 1993. К вопросу о сезонных перекочевках золотоордынских кочевников Улуса Бату // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 161–169.
- де Рубрук Г., 1957. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Пано Карпини и Рубрука. М. : Изд-во геогр. лит. С. 85–194.
- Рыков П. С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов. 152 с.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2020. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 268 с.
- Синицын И. В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда // Материалы и исследования по археологии СССР. № 60. С. 323–353.
- Содномпилова М. М., 2021. Молочная пища кочевников внутренней Азии: значение, функции и символика // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 1 (31). С. 206–219.

- Фёдоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во Моск. ун-та. 276 с.
- Хайдаров Т. Ф., 2016. Природно-экологический кризис в Золотой Орде (XIV–XV вв.): неизбежность или запрограммированный процесс? // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Междунар. науч. конф. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та. С. 159–163.
- Цыпилова С. С., 2019. Положение и роли монгольской женщины в семье (XII–XIII вв.) // Манускрипт. Т. 12, вып. 10. С. 104–107.
- Юрченко А. Г., 2003. Монгольская прическа XIII века // *Mongolica-VI*. СПб. : Петербургское Востоковедение. С. 63–68.
- Яблонский Л. Т., 1987. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья) // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М. : Наука. С. 142–242.
- Яворская Л. В., 2001. Материалы к золотоордынской хронологии (по погребальным памятникам из окрестностей Царевского городища) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. С. 76–92.
- Aufderheide A. C., Rodriguez-Martin C. R., 1998. *The Cambridge encyclopedia of human paleopathology*. Cambridge : University Press. 478 p.
- Baustian K. M., 2010. Health status of infants and children from the Bronze Age tomb at Tell Abraç, United Arab Emirates. UNLV Theses. Dissertations. Professional Papers. Capstones. 355 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.34917/1598650>
- Blom D. E., Buikstra J. E., Keng L., Tomczak P. D., Shoreman E., Stevens-Tuttle D., 2005. Anemia and childhood mortality: latitudinal patterning along the coast of pre-Columbian Peru // *American journal of physical anthropology*. Vol. 127. P. 152–169.
- Brickley M., Ives R., 2006. Skeletal manifestations of infantile scurvy // *American journal of physical anthropology*. Vol. 129. P. 163–172.
- Brothwell D. R., 1981. *Digging up bones*. London : Trustees of British Museum. 316 p.
- Brown M., Ortner D. J., 2011. Childhood scurvy in a medieval burial from Macvanska Mitrovica, Serbia // *International journal of osteoarchaeology*. № 21. P. 197–207.
- Buckley H. R., 2000. Subadult health and disease in prehistoric Tonga, Polynesia // *American journal of physical anthropology*. Vol. 113 (4). P. 481–505.
- Corruccini R. S., Handler J. S., Jacobi K. P., 1985. Chronological distribution of enamel hypoplasias and weaning in a Caribbean slave population // *Human Biology*. Vol. 57, № 4. P. 699–711.
- Crandall J. J., Haagen D. Kl., 2014. Advancements, challenges, and prospects in the paleopathology of scurvy: Current perspectives on vitamin C deficiency in human skeletal remains // *International Journal of Paleopathology*. Vol. 5. P. 1–8.
- Dabrowski P., Kulus M., Grzelak J., Radzikowska M., Domagaia M. O., Krajcarz M. T., 2020. Assessing weaning stress – relations between enamel hypoplasia, $\delta^{18}\text{O}$ and $\delta^{13}\text{C}$ values in human teeth obtained from early modern cemeteries in Wrocław, Poland // *Annals of Anatomy*. Vol. 232. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.aanat.2020.151546>
- DiGangi E. A., Moore M. K., 2013. *Research methods in human skeletal biology*. Waltham, MA : Academic Press. 552 p.
- El-Najjar M., Lozoff B., Ryan D., 1975. The paleoepidemiology of porotic hyperostosis in the American Southwest: Radiological and ecological considerations // *The American journal of roentgenology radium therapy and nuclear medicine*. Vol. 125, № 4. P. 918–924.
- Goodman A. H., Armelagos G. J., 1985. The chronological distribution of enamel hypoplasia in human permanent incisor and canine teeth // *Archives of Oral Biology*. Vol. 30, № 6. P. 503–507.
- Halcrow S. E., Harris N. J., Beavan N., Buckley H. R., 2014. First bioarchaeological evidence of probable scurvy in Southeast Asia: Multifactorial etiologies of vitamin C deficiency in a tropical environment // *International Journal of Paleopathology*. № 5. P. 63–71.
- Hengen O. P., 1971. Cribra orbitalia pathogenesis and probable etiology // *Homo*. № 22. P. 57–76.
- Hershkovitz I., Greenwald C., Rothschild B. M., Latimer B., Dutour O., Jellema I. M., Wish-Baratz S., 1999. Hyperostosis frontalis interna: an anthropological perspective // *American journal of physical anthropology*. № 109. P. 303–325.

- Jatautis S., Mitokaitis I., Jankauskas R., 2011. Analysis of cribra orbitalia in the earliest inhabitants of medieval Vilnius // *Anthropological review*. Vol. 74. P. 57–68.
- Kozak E., Krenz-Niedbala M., 2002. The occurrence of cribra orbitalia and its association with enamel hypoplasia in a medieval population from Kolobrzeg, Poland // *Variability and Evolution*. Vol. 10. P. 75–82.
- Kyle B., Reitsema L., Tyler J., Fabbri P., 2018. Examining the osteological paradox: skeletal stress in mass graves versus civilians at the Greek colony of Himera (Sicily) // *American journal of physical anthropology*. № 167. P. 161–172.
- Larsen C. S., 1997. *Bioarchaeology: interpreting behavior from the human skeleton*. Cambridge : University Press. 461 p.
- Lovell N. C., 1997. Anemia in the Ancient Indus Valley // *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 7. P. 115–123.
- Maat G. J. R., 2004. Scurvy in adults and youngsters: the Dutch experience. A review of the history and pathology of a disregarded disease // *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 14. P. 77–81.
- Mays S., 2008. A likely case of scurvy from Early Bronze Age Britain // *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 18. P. 178–187.
- Melikian M., Waldron T., 2003. An examination of skulls from two British sites for possible evidence of scurvy // *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 7. P. 207–212.
- Moseley J. E., 1965. The paleopathologic riddle of “Symmetrical osteoporosis” // *From the department of radiology, the Mount Sinai Hospital, New York*. Vol. 95, № 1. P. 135–142.
- Ortner D. J., Putschar W. G. J., 1981. *Identification of pathological conditions in human skeletal remains*. Washington : Smithsonian Institution Press. 479 p.
- Ortner D. J., Ericksen M. F., 1997. Bone changes in the human skull probably resulting from scurvy in infancy and childhood // *International journal of osteoarchaeology*. Vol. 7. P. 212–220.
- Ortner D. J., Butler Wh., Cafarella J., Millian L., 2001. Evidence of probable scurvy in subadults from archeological sites in North America // *American journal of physical anthropology*. № 114. P. 343–351.
- Oxenham M., Cavill I., 2010. Porotic hyperostosis and cribra orbitalia: The erythropoietic response to iron-deficiency anemia // *Anthropology science*. № 118 (3). P. 199–200.
- Piontek J., Segeda S., Jerszyńska B., 2001. Cribra orbitalia in medieval populations from Ukraine // *Anthropology*. XXXIX/2-3. P. 173–179.
- Rivera F., Lahr M. M., 2017. New evidence suggesting a dissociated etiology for cribra orbitalia and porotic hyperostosis // *American journal of physical anthropology*. № 7. P. 1–21.
- Roberts Ch., Manchester K., 2012. *The archaeology of Disease*. Stroud : The History Press. 338 p.
- Siek Th., 2013. The osteological Paradox and issues of Interpretation in Paleopathology // *Explorations in Anthropology*. Vol. 13, № 1. P. 92–101.
- Sinnott C. A., 2013. *A Bioarchaeological and historical analysis of scurvy in eighteenth and nineteenth century England. A thesis submitted for the degree of doctor of philosophy Cranfield University*. 279 p.
- Steckel R., 2005. Young adult mortality following severe physiological stress in childhood: Skeletal evidence // *Economics and Human Biology*. № 3. P. 314–328.
- Stuart-Macadam P., 1991. Porotic hyperostosis: Changing interpretations // *Human paleopathology: current syntheses and future options*. Based on a symposium held during the International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, Zagreb. Yugoslavia, July 24–31, 1988. Washington : Smithsonian University Press. P. 36–39.
- Stuart-Macadam P., 1992. Porotic Hyperostosis: A New Perspective // *American journal of physical anthropology*. № 87. P. 39–47.
- Suby J. A., 2014. Porotic hyperostosis and cribra orbitalia in human remains from southern Patagonia // *Anthropological Science*. Vol. 122 (2). P. 69–79.
- Walker P. L., Bathurst R. R., Richman R., Gjerdrum T., Andrushko V. A., 2009. The causes of porotic hyperostosis and cribra orbitalia: a reappraisal of the iron-deficiency-anemia Hypothesis // *American journal of physical anthropology*. № 139. P. 109–125.
- Webb S., 1982. Cribra orbitalia: a possible sign of anemia in pre- and post-contact crania from Australia and Papua New Guinea // *Archaeology of Oceania*. № 17. P. 148–156.

- Wood J. W., Milner G. R., Harpending H. C., Weiss K. M., 1992. The osteological paradox. Problems of inferring prehistoric health from skeletal samples // *Current anthropology*. Vol. 33, № 4. P. 343–370.
- Wright L. E., Yoder C. J., 2003. Recent Progress in Bioarchaeology: Approaches to the Osteological Paradox // *Journal of Archaeological Research*. Vol. 11, № 1. P. 43–70.

REFERENCES

- Alekseeva T.I., Buzhilova A.P., Vinnikov A.Z., Volkov I.V., Kozlovskaya M.V., Lebedinskaya G.V., Mednikova M.B., Tsybin M.V., 2002. *Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy Ordy* [Novokhar'kovskiy Cemetery of the Golden Horde]. Voronezh, VSU. 193 p.
- Alekseeva T.I., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V., 2003. *Vlachi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistikhali)* [Vlachs. Anthropological-Ecological Research (Based on the Materials of the Medieval Necropolis Mistikhali)]. Moscow, Nauchnyy mir Publ. 132 p.
- Arzyutov N.K., 1929. *Materialy po arkheologii pozdnykh kochevnikov Nizhnego Povolzh'ia: iz raskopok 1925 goda* [Materials on the Archaeology of the Late Nomads of the Lower Volga Region: From the Excavations of 1925]. Saratov. 10 p.
- Balabanova M.A., Tsyganova O.M., 1995. Antropologicheskii sostav naselenia, ostavivshego kurgannye gruppy bliz s. Abganerovo [Anthropological Composition of the Population that Left the Kurgan Groups Near the Village. Abganerovo]. *Archeologo-etnographicheskie issledovania v Volgogradskoy oblasti* [Archaeological and Ethnographic Research in the Volgograd Region]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 140-151.
- Balabanova M.A., Pererva E.V., Zubareva E.G., 2011. *Antropologiya Krasnoyarskogo gorodishcha zolotoordynskogo vremeni* [Anthropology of the Krasnoyarskoe Settlement of the Golden Horde Time]. Volgograd, Volgograd Academy of the State Service. 180 p.
- Barfield T.J., 2006. *Mir kochevnikov-skotovodov* [The World of Nomadic Pastoralists]. *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [The Early State, its Alternatives and Analogues]. Volgograd, Uchitel' Publ., pp. 415-441.
- Bernshtam A.N., 1946. *Sotsial'no-ekonomicheskii stroi orkhono-eniseiskikh turok VI–VIII vekov* [Socio-Economic Structure of the Orkhon-Yenisey Turks of the 6th–8th Centuries]. Moscow, Leningrad, AS USSR. 208 p.
- Bichurin N.Ya. (Iakin), 1950. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of Information About the Peoples Who Lived in Central Asia in Ancient Times]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, AS USSR. 380 p.
- Bogatenkov D.V., Buzhilova A.P., Dobrovol'skaya M.V., Mednikova M.B., 2008. Rekonstruktsii demograficheskikh protsessov v prikaspiiskom Dagestane epokhi bronzy (po materialam raskopok arkheologicheskogo kompleksa Velikent v 1995–1998 gg.) [Reconstruction of Demographic Processes in the Caspian Dagestan of the Bronze Age (Based on the Excavations of the Velikent Archaeological Complex in 1995–1998)]. *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Research in Archeology], no. 6. Moscow, IA RAS, pp. 196-213.
- Borutskaya S.B., Vasil'ev S.V., Gazimzianov I.R., 2007. Paleodemograficheskie i paleopatologicheskie aspekty issledovaniya detskikh pogrebeniy Ust'-Ierusalimskogo mogil'nika (g. Bolgar) [Paleodemographic and Paleopathological Aspects of the Study of Children's Burials of the Ust-Jerusalem Burial Ground (Bolgar)]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], no. 15, pp. 413-418.
- Buzhilova A.P., 1995. *Drevnee naselenie: (Paleopatologicheskie aspekty issledovaniia)* [Ancient Population: (Paleopathological Aspects of the Study)]. Moscow, IA RAS. 189 p.
- Buzhilova A.P., 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Paleopathology in Bioarchaeological Reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Ecology of a Human. Methods of Biological Research]. Moscow, Staryy sad Publ., pp. 87-147.
- Buzhilova A.P., 2001. Anemiya u drevnego naseleniya kak odin iz indikatorov sredy [Anemia in the Ancient Population as One of the Environmental Indicators]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], no. 7, pp. 227-236.
- Buzhilova A.P., Karaseva N.M., 2019. Chastota vstrechaemosti priznakov emalevoy gipoplazii u predstaviteley kontrastnykh klimato-geograficheskikh zon [The Frequency of Occurrence of Signs of Enamel Hypoplasia in

- Representatives of Contrasting Climatic and Geographical Zones]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin. Series XXIII. Anthropology], no. 2, pp. 51-60.
- Vasil'ev D.V., 2007. *Islam v Zolotoy Orde. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Islam in the Golden Horde. Historical and Archaeological Research]. Astrakhan, Izdatel'skii dom «Astrakhanskii universitet» Publ. 170 p.
- Vladimirtsov B.Yu., 1934. *Obshchestvennyy stroi mongolov* [The Social Structure of the Mongols]. Leningrad, AS USSR. 56 p.
- Gumilev L.N., 2002. *Drevnie turki* [Ancient Turks]. Moscow, Rol'f Publ. 560 p.
- Debets G.F., 1948. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow, AS USSR. 389 p.
- Dobrovol'skaya M.V., 2006. Iskusstvennaya deformatsiya golovy u nositeley traditsii srednedonskoy katakombnoy arkheologicheskoy kul'tury (po materialam pervogo Vlasovskogo mogil'nika) [Artificial Deformation of the Head of the Bearers of the Traditions of the Middle Don Catacomb Archaeological Culture (Based on the Materials of the First Vlasov Burial Ground)]. *Ōpus. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii* [Opus. Interdisciplinary Research in Archeology], no. 5. Moscow, IA RAS, pp. 37-46.
- Dremov I.I., Kruglov E.V., 2021. Zheleznye konusy v pogrebeniyah Ulusa Dzhuchi: aspekty etnokul'turnoy prinadlezhnosti [Iron Cones in the Burials of Ulus Jochi: Aspects of Ethnocultural Identification]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 149-168. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7>
- Evteev A.A., Kufterin V.V., Kubankin D.A., Chetveriakov S.I., 2016. Paleoantropologicheskie materialy iz Boldyrevskogo gruntovogo mogil'nika zolotoordynskogo vremeni (g. Saratov) [Paleoanthropological Materials from the Boldyrevskoye Soil Burial Ground of the Golden Horde Period (Saratov)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin. Series XXIII. Anthropology], no. 1, pp. 4-19.
- Zhukovskaya N.L., 1979. Pishcha kochevnikov Tsentral'noy Azii: (K voprosu ob ekologicheskikh osnovakh formirovaniya modeli pitaniya) [Food of the Nomads of Central Asia (To the Question of the Ecological Foundations of the Formation of a Nutrition Model)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 5, pp. 64-75.
- Zhumaganbetov T.S., 2003. *Problemy formirovaniya i razvitiya drevneturkskoy sistemy gosudarstvennosti i prava. VI–XII vv.* [Problems of Formation and Development of the Ancient Turkic System of Statehood and Law. 6th–12th Centuries]. Almaaty, Zhetizhargy Publ. 432 p.
- Ivanov V.A., Kriger V.A., 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [Kurgans of the Kypchak Period in the Southern Urals (XII–XIV Centuries)]. Moscow, Nauka Publ. 90 p.
- Kasimova R.M., 1980. *O vliyaniy razlichnykh tipov kolybeli na antropologicheskie priznaki v rannem detskom vozraste v svyazi s izucheniem etnogeneza azerbaidzhanskogo naroda* [On the Influence of Different Types of Cradles on Anthropological Features in Early Childhood in Connection with the Study of the Ethnogenesis of the Azerbaijani People]. Baku, Elm Publ. 84 p.
- Kliashstornyy S.G., 1985. Raby i rabyni v drevneturkskoy obshchine (po pamiatnikam runicheskoy pis'mennosti Mongolii) [Slaves and Female Slaves in the Ancient Turkic Community (According to the Monuments of Runic Writing in Mongolia)]. *Drevnie kul'tury Mongolii* [Ancient Cultures of Mongolia]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 159-168.
- Kozak O.D., 2010. *Kiiani kniazhoi dobi. Bioarkheologichni studiiu* [Kiyani Era. Bioarchaeological Studies]. Kiev, Akadempriodika Publ. 396 p.
- Komarov S.G., 2013. *Naselenie stepey Vostochnoy Evropy II tysiachletiya po dannym kraniologii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Population of the Steppes of Eastern Europe of the II Millennium According to Craniology. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 27 p.
- Kramarovskiy M.G., 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoy Ordy* [Gold of Chingissids: The Cultural Heritage of the Golden Horde]. Saint Petersburg, Slaviya Publ. 364 p.
- Kriger V.A., 1986. Srednevekovye kochevniki Zavolzh'ya (obzor istochnikov) [Medieval Nomads of the Trans-Volga Region (Review of Sources)]. *Drevn'aya i srednevekovaya istoriya Nizhnego Povolzh'ya* [Ancient and Medieval History of the Lower Volga Region]. Saratov, SSU, pp. 114-132.
- Kychanov E.I., 1997. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov* [Nomadic States from the Huns to the Manchus]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 319 p.

- Makarova E.M., Gazimzyanov I.R., 2017. Paleodemografiia Bolgarskogo gorodishcha [Palaeodemography of Bolgar Fortified Settlement]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (22), pp. 67-80. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.67.80>
- Makarov N.A., Zakharov S.D., Buzhilova A.P., 2001. *Srednevekovoe rasselenie na Belom ozere* [Medieval Settlement on the White Lake]. Moscow, Iazyki russkoy kul'tury Publ. 495 p.
- Marko Polo, 1873. *Puteshestvie v 1286 godu po Tatarii i drugim stranam Vostoka Marko Polo, venetsianskogo dvoryanina, prozvanogo millionerom* [Travel in 1286 through Tartary and Other Countries of the East by Marco Polo, a Venetian Nobleman Nicknamed 'Milione']. Saint Petersburg. 250 p.
- Mednikova M.B., Moiseev V.G., Khartanovich V.I., 2015. Obryady perekhoda v kamennom veke po dannym fizicheskoy antropologii [Transitional Rites in the Stone Age Based on Data Relating to Physical Anthropology]. *Kratkie soobsheniya Instituta archeologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], iss. 237, pp. 50-63.
- Mys'kov E.P., 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepey v epokhu Zolotoy Ordyy* [Nomads of the Volga-Don Steppes in the Era of the Golden Horde]. Volgograd, Volgograd Branch of RANEP. 484 p.
- Pererva E.V., 2003. Paleopatologicheskie osobennosti khazar iz pogrebeniy Nizhnego Povolzh'ya [Paleopathological Features of the Khazars, Found in Burial Sites of the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 6, pp. 179-191.
- Pererva E.V., 2020. Paleopatologiya cherepov iz zolotoordynskogo gorodishcha Shareniy Bugor [Paleopathology of Skulls from Golden Horde Settlement Shareniy Mound]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 5, pp. 141-161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.12>
- Pererva E.V., 2022. Naselenie Tsarevskogo gorodishcha i ego okrugy po dannym paleopatologii i paleodemografii [The Population of the Tsarevsky Settlement and Its Environs According to Paleopathology and Paleodemography]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Archeology, Anthropology and Ethnography], no. 2.
- da Pian del Carpine J., 1957. Istoriya Mongalov, imenuemykh nami Tatarami [History of the Mongols, which we Call Tartars]. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Journeys to the Eastern Countries of Plano Carpine and Rubruck]. Moscow, Izdatel'stvo geograficheskoy literatury Publ., pp. 21-83.
- Proniaeva A.I., Kosyreva T.F., 2010. Vzaimosv'yaz' kachestva pit'evoy vody v zone prozhivaniya detey s ne karioznymi porazheniyami emali zubov g. Dolgoprudnyy [The Relationship of Drinking Water Quality in the Area of Residence of Children with Non-Carious Lesions of Tooth Enamel in the City of Dolgoprudnyy]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Meditsina* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Medicine], no. 4, pp. 410-414.
- Razhev D.I., 2016. Faktory rasprostraneniya poroticheskogo giperostoza v srednevekovykh gruppakh Zapadnoy Sibiri [Factors of the Spread of Porotic Hyperostosis in the Medieval Groups of Western Siberia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin. Series XXIII. Anthropology], no. 1, pp. 35-45.
- Rakushin A.I., 1993. K voprosu o sezonnykh perekochevkakh zolotoordynskikh kochevnikov Ulusa Batu [On the Issue of Seasonal Migrations of the Golden Horde Nomads of the Batu Ulus]. *Vseobshchaya i otechestvennaya istoriya: aktual'nye problemy* [General and National History: Topical Issues]. Saratov, SSU, pp. 161-169.
- de Rubruck G., 1957. Puteshestvie v vostochnye strany [The Journey to the Eastern Parts]. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Journeys to the Eastern Countries of Plano Carpine and Rubruck]. Moscow, Izdatel'stvo geograficheskoy literatury Publ., pp. 85-194.
- Rykov P.S., 1936. *Ocherki po istorii Nizhnego Povolzh'ya po arkheologicheskim materialam* [Essays on the History of the Lower Volga Region Based on Archaeological Materials]. Saratov. 152 p.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020. *Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov* [Social History of the Population of Altai in the Era of Nomadic Empires (II Century BC – XIV Century AD): Based on Materials from Archaeological Complexes]. Barnaul, ASU. 268 p.
- Sinitsyn I.V., 1959. Arkheologicheskie issledovaniya Zavolzhskogo otryada [Archaeological Research of the Zavolzhskiy Detachment]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR], no. 60, pp. 323-353.

- Sodnompilova M.M., 2021. Molochnaia pishcha kochevnikov vnutrennei Azii: znachenie, funktsii i simbolika [Milk Food of the Nomads of Inner Asia: Meaning, Function and Symbolism]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], no. 1 (31), pp. 206-219.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe Under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow, MSU. 276 p.
- Khaidarov T.F., 2016. Prirodno-ekologicheskii krizis v Zolotoy Orde (XIV–XV vv.): neizbezhnost' ili zaprogramirovannyi protsess? [Natural and Ecological Crisis in the Golden Horde (XIV–XV Centuries): Inevitable or Programmed Process?]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: materialy V Mezhdunar. nauch. konf.* [Ecology of Ancient and Traditional Societies: Materials of the V International Scientific Conference]. Tiumen, TSU, pp. 159-163.
- Tsybilova S.S., 2019. Polozhenie i roli mongol'skoy zhenshchiny v sem'e (XII–XIII vv.) [Status and Role of the Mongolian Woman in the Family (the XII–XIII Centuries)]. *Mamuskript*, vol. 12, iss. 10, pp. 104-107.
- Yurchenko A.G., 2003. Mongol'skaya pricheska XIII veka [Mongolian Hairstyle of the 13th Century]. *Mongolica-VI*. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., pp. 63-68.
- Yablonskiy L.T., 1987. Sotsial'no-etnicheskaya struktura zolotoordynskogo goroda po dannym arkhologii i antropologii (mongoly v srednevekovykh gorodakh Povolzh'ya) [Socio-Ethnic Structure of the Golden Horde City According to Archaeology and Anthropology (Mongols in the Medieval Cities of the Volga Region)]. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy* [Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., pp. 142-242.
- Yavorskaya L.V., 2001. Materialy k zolotoordynskoy khronologii (po pogrebal'nym pamiatnikam iz okrestnostey Tsarevskogo gorodishcha) [Materials for the Golden Horde Chronology (According to Funerary Monuments from the Vicinity of the Tsarevskoe Settlement)]. *Materialy po arkhologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 1, pp. 76-92.
- Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C.R., 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. Cambridge, Cambridge University Press. 478 p.
- Baustian K.M., 2010. *Health Status of Infants and Children from the Bronze Age Tomb at Tell Abraaq, United Arab Emirates*. UNLV Theses. Dissertations. Professional Papers. Capstones. 355 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.34917/1598650>
- Blom D.E., Buikstra J.E., Keng L., Tomczak P.D., Shoreman E., Stevens-Tuttle D., 2005. Anemia and Childhood Mortality: Latitudinal Patterning Along the Coast of Pre-Columbian Peru. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 127, pp. 152-169.
- Brickley M., Ives R., 2006. Skeletal Manifestations of Infantile Scurvy. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 129, pp. 163-172.
- Brothwell D.R., 1981. *Digging up Bones*. London, Trustees of British Museum. 316 p.
- Brown M., Ortnor D.J., 2011. Childhood Scurvy in a Medieval Burial from Macvanska Mitrovica, Serbia. *International Journal of Osteoarchaeology*, no. 21, pp. 197-207.
- Buckley H.R., 2000. Subadult Health and Disease in Prehistoric Tonga, Polynesia. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 113 (4), pp. 481-505.
- Corruccini R.S., Handler J.S., Jacobi K.P., 1985. Chronological Distribution of Enamel Hypoplasias and Weaning in a Caribbean Slave Population. *Human Biology*, vol. 57, no. 4, pp. 699-711.
- Crandall J.J., Haagen D.Kl., 2014. Advancements, Challenges, and Prospects in the Paleopathology of Scurvy: Current Perspectives on Vitamin C Deficiency in Human Skeletal Remains. *International Journal of Paleopathology*, vol. 5, pp. 1-8.
- Dabrowski P., Kulus M., Grzelak J., Radzikowska M., Domagaia M.O., Krajcarz M.T., 2020. Assessing Weaning Stress – Relations Between Enamel Hypoplasia, ^{18}O and ^{13}C Values in Human Teeth Obtained from Early Modern Cemeteries in Wroclaw, Poland. *Annals of Anatomy*, vol. 232, pp. 1-13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.aanat.2020.151546>
- DiGangi E.A., Moore M.K., 2013. *Research Methods in Human Skeletal Biology*. Waltham, Academic Press. 552 p.
- El-Najjar M., Lozoff B., Ryan D., 1975. The Paleoepidemiology of Porotic Hyperostosis in the American Southwest: Radiological and Ecological Considerations. *The American Journal of Roentgenology Radium Therapy and Nuclear Medicine*, vol. 125, no. 4, pp. 918-924.

- Goodman A.H., Armelagos G.J., 1985. The Chronological Distribution of Enamel Hypoplasia in Human Permanent Incisor and Canine Teeth. *Archives of Oral Biology*, vol. 30, no. 6, pp. 503-507.
- Halcrow S.E., Harris N.J., Beavan N., Buckley H.R., 2014. First Bioarchaeological Evidence of Probable Scurvy in Southeast Asia: Multifactorial Etiologies of Vitamin C Deficiency in a Tropical Environment. *International Journal of Paleopathology*, no. 5, pp. 63-71.
- Hengen O.P., 1971. Cribra Orbitalia Pathogenesis and Probable Etiology. *Homo*, no. 22, pp. 57-76.
- Hershkovitz I., Greenwald C., Rothschild B., Latimer B., Dutour O., Jellema L., Wish-Baratz S., 1999. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 109, pp. 303-325.
- Jatautis S., Mitokaitis I., Jankauskas R., 2011. Analysis of Cribra Orbitalia in the Earliest Inhabitants of Medieval Vilnius. *Anthropological Review*, vol. 74, pp. 57-68.
- Kozak E., Krenz-Niedbała M., 2002. The Occurrence of Cribra Orbitalia and Its Association with Enamel Hypoplasia in a Medieval Population from Kołobrzeg, Poland. *Variability and Evolution*, vol. 10, pp. 75-82.
- Kyle B., Reitsema L., Tyler J., Fabbri P., 2018. Examining the Osteological Paradox: Skeletal Stress in Mass Graves Versus Civilians at the Greek Colony of Himera (Sicily). *American Journal of Physical Anthropology*, no. 167, pp. 161-172.
- Larsen C.S., 1997. *Bioarcheology: Interpreting Behavior from the Human Skeleton*. Cambridge, University Press. 461 p.
- Lovell N.C., 1997. Anemia in the Ancient Indus Valley. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 7, pp. 115-123.
- Maat G.J.R., 2004. Scurvy in Adults and Youngsters: The Dutch Experience. A Review of the History and Pathology of a Disregarded Disease. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 14, pp. 77-81.
- Mays S., 2008. A Likely Case of Scurvy from Early Bronze Age Britain. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 18, pp. 178-187.
- Melikian M., Waldron T., 2003. An Examination of Skulls from Two British Sites for Possible Evidence of Scurvy. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 7, pp. 207-212.
- Moseley J.E., 1965. The Paleopathologic Riddle of “Symmetrical Osteoporosis”. *From the Department of Radiology, the Mount Sinai Hospital, New York*, vol. 95, no. 1, pp. 135-142.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Washington, Smithsonian Institution Press. 479 p.
- Ortner D.J., Ericksen M.F., 1997. Bone Changes in the Human Skull Probably Resulting from Scurvy in Infancy and Childhood. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 7, pp. 212-220.
- Ortner D.J., Butler Wh., Cafarella J., Millian L., 2001. Evidence of Probable Scurvy in Subadults from Archeological Sites in North America. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 114, pp. 343-351.
- Oxenham M., Cavill I., 2010. Porotic Hyperostosis and Cribra Orbitalia: The Erythropoietic Response to Iron-Deficiency Anemia. *Anthropology Science*, no. 118 (3), pp. 199-200.
- Piontek J., Segeda S., Jerszyńska B., 2001. Cribra Orbitalia in Medieval Populations from Ukraine. *Anthropology*, XXXIX/2-3, pp. 173-179.
- Rivera F., Lahr M.M., 2017. New Evidence Suggesting a Dissociated Etiology for Cribra Orbitalia and Porotic Hyperostosis. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 7, pp. 1-21.
- Roberts Ch., Manchester K., 2012. *The Archaeology of Disease*. Stroud, The History Press. 338 p.
- Siek Th., 2013. The Osteological Paradox and Issues of Interpretation in Paleopathology. *Explorations in Anthropology*, vol. 13, no. 1, pp. 92-101.
- Sinnott C.A., 2013. *A Bioarchaeological and Historical Analysis of Scurvy in Eighteenth and Nineteenth Century England*. A thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy Cranfield University. 279 p.
- Steckel R., 2005. Young Adult Mortality Following Severe Physiological Stress in Childhood: Skeletal Evidence. *Economics and Human Biology*, no. 3, pp. 314-328.
- Stuart-Macadam P., 1991. Porotic Hyperostosis: Changing Interpretations. *Human paleopathology: Current Syntheses and Future Options. Based on a Symposium Held During the International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, Zagreb, Yugoslavia, July 24–31, 1988*. Washington, Smithsonian University Press, pp. 36-39.

- Stuart-Macadam P., 1992. Porotic Hyperostosis: A New Perspective. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 87, pp. 39-47.
- Suby J.A., 2014. Porotic Hyperostosis and Cribra Orbitalia in Human Remains from Southern Patagonia. *Anthropological Science*, vol. 122 (2), pp. 69-79.
- Walker P.L., Bathurst R.R., Richman R., Gjerdrum T., Andrushko V.A., 2009. The Causes of Porotic Hyperostosis and Cribra Orbitalia: A Reappraisal of the Iron-Deficiency-Anemia Hypothesis. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 139, pp. 109-125.
- Webb S., 1982. Cribra Orbitalia: A Possible Sign of Anaemia in Pre- and Post-Contact Crania from Australia and Papua New Guinea. *Archaeology of Oceania*, no. 17, pp. 148-156.
- Wood J.W., Milner G.R., Harpending H.C., Weiss K.M., 1992. The Osteological Paradox. Problems of Inferring Prehistoric Health from Skeletal Samples. *Current Anthropology*, vol. 33, no. 4, pp. 343-370.
- Wright L.E., Yoder C.J., 2003. Recent Progress in Bioarchaeology: Approaches to the Osteological Paradox. *Journal of Archaeological Research*, vol. 11, no. 1, pp. 43-70.

Information About the Author

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.12>

UDC 902:004.738.5
LBC 63.400

Submitted: 28.12.2021
Accepted: 15.04.2022

MODELS OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE VIRTUAL EXHIBITING ON THE INTERNET

Sergey E. Zubov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Olga V. Bukina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Katerina V. Rafikova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Abstract. This article deals with the issues of virtual exhibiting of archaeological sites and artifacts on the internet. Particular importance is placed on systemization of virtually visual practices applied to demonstrate and interpret cultural heritage using open information resources of scientific institutions, higher educational establishments and archaeological museums on Russia's Internet. Emphasis is put on archaeological heritage virtual exhibiting used both purely for research within scientific circles and for purposes of popularization of science. As a result of the study, three main models of virtual archaeological expositions are specified: collection, environmental and thematic. The basis of the Collection Model is digital documenting and exhibiting of movable archaeological heritage. The Environmental Model is realized as virtual tour and designed to simulate environments of immovable archaeological sites and to experience the effect of immersive virtual reality. The Thematic Model suggests that the subject context predominates over archaeological artifacts. The Collection Model is mainly intended for scientific community and academia while environmental and thematic models are designed for general audience. Main development trend of the virtual archaeological exposition is integration of different technologies, enhancement of immersiveness and interactivity. It is considered by the authors to be practical approach to implement the project of Samara University virtual museum of Archaeology and to conduct thematic exhibitions on the basis of the museum.

Key words: digital technologies, virtual museum of archaeology, virtual archaeological exposition, virtual exhibit model, 3D model, hypertextuality, immersiveness.

Citation. Zubov S.E., Bukina O.V., Rafikova K.V., 2022. Modeli virtual'nogo eksponirovaniya arheologicheskogo naslediya v seti Internet [Models of Archaeological Heritage Virtual Exhibiting on the Internet]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 244-254. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.12>

УДК 902:004.738.5
ББК 63.400

Дата поступления статьи: 28.12.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

МОДЕЛИ ВИРТУАЛЬНОГО ЭКСПОНИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Сергей Эдгардович Зубов

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Ольга Викторовна Букина

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Катерина Владимировна Рафикова

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы виртуального экспонирования археологических объектов и артефактов. Важное место отведено систематизации виртуально-визуальных практик демонстрации и интерпретации культурного наследия на примере открытых информационных ресурсов научных учреждений, вузов и музеев археологического профиля в русскоязычном сегменте сети Интернет. Особое внимание уделено вопросам использования виртуального экспонирования в сугубо исследовательских целях в среде научного сообщества и научно-популярного аспекта интерпретации археологического наследия. В результате анализа были выделены три основные модели виртуальных археологических экспозиций: коллекционная, средовая и тематическая. Основа коллекционной модели – цифровое документирование и показ движимых объектов археологического наследия. Средовая модель реализуется в формате виртуального тура и направлена на воспроизведение среды недвижимых археологических памятников, позволяя широкой аудитории ощутить эффект присутствия. В тематической модели смысловой контекст преобладает над археологическими артефактами. Коллекционная модель в большей степени ориентирована на научное и образовательное сообщество, в то время как средовая и тематическая модели – на широкую публику. Основной тенденцией развития виртуальных археологических экспозиций является интеграция разных технологий, повышение их иммерсивности и интерактивности. В этом авторы видят практический подход к реализации проекта создания виртуального музея археологии Самарского университета и тематических выставок на его базе.

Ключевые слова: цифровые технологии, виртуальный музей археологии, виртуальная археологическая экспозиция, модель виртуального экспонирования, 3D-модель, гипертекстуальность, иммерсивность.

Цитирование. Зубов С. Э., Букина О. В., Рафикова К. В., 2022. Модели виртуального экспонирования археологического наследия в сети Интернет // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 244–254. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.12>

Введение

Цифровые технологии оказывают существенное влияние на развитие современной археологии. Они используются на всех этапах археологического исследования: при сборе и документировании археологических данных, их обработке, анализе и интерпретации. Большой потенциал у электронно-цифровых форм в области археологического образования [Лбова и др., 2019, с. 9–20]. Особое значение новые технологии приобретают при публикации результатов археологических исследований. При достаточно широком интересе к археологическому наследию проблема его сохранения и актуализации стоит достаточно остро. Закрытая научная информация остается невостребованной в туристских практиках и масс-медиа, благодаря которым формируются недостоверные с исторической точки зрения представления [Мальшев и др., 2018, с. 4–5]. Массовое сознание наполняется произвольными и паранаучными интерпретациями археологического наследия.

В настоящее время основным каналом массовой коммуникации является сеть Интернет.

Поэтому крайне актуальным становится создание и размещение в ней открытых информационных ресурсов, пропагандирующих ценность научного исследования археологического наследия и деятельность по его охране. Такая популяризация – необходимая часть работы по предупреждению незаконных археологических раскопок [Казанцева, 2015, с. 120].

На наш взгляд, одной из наиболее привлекательных форм представления и актуализации материалов, полученных в ходе археологических исследований, сегодня может стать виртуальный музей археологии. В связи с этим в 2019 г. в Самарском национальном исследовательском университете была начата работа по проектированию такого музея [Букина и др., 2021а; 2021б]. Кроме создания банка 3D-моделей археологических объектов и артефактов, наиболее важным этапом проектирования стала разработка концепции музея и его виртуальной среды. Для решения этих задач было проведено исследование уже имеющегося в России опыта создания открытых археологических ресурсов в сети Интернет.

Археологическое наследие, цифровые технологии и музеи в информационном обществе

Первое, что обратило на себя наше внимание, это быстрота, с которой сегодня идет процесс создания археологических ресурсов в сети Интернет. Это связано с новыми возможностями представления (визуализации) археологических объектов и артефактов в цифровом формате, с так называемой «3D-революцией» в археологии [Зайцева, 2014, с. 12].

Археологическое наследие обладает рядом специфических характеристик: плохая сохранность, быстрое разрушение под влиянием различных природных и антропогенных факторов; большой объем и неоднородность по составу; выраженная предметность и ландшафтность; сложность восприятия для неподготовленной аудитории. Визуализация археологических объектов и артефактов с помощью трехмерного (3D) моделирования позволяет решать целый ряд задач: от доступности объектов археологии для профессионального сообщества до создания аттрактивной, зрелищной среды виртуальной археологической экспозиции для широкой публики. Методы трехмерного моделирования и визуализации позволяют использовать такие ключевые свойства виртуальной реальности, как иммерсивность (создание эффекта погружения пользователя в виртуальную среду) и интерактивность (возможность взаимодействия с цифровыми объектами и пространствами) [Бабенко, 2006, с. 43].

Следует отметить, что цифровые технологии активно используют и традиционные музеи, объединяя в одном экспозиционном пространстве аутентичные памятники и технологии дополненной реальности, сущность которых состоит в наложении виртуальной реальности на объекты реального мира. Проект «Виртуальное Гнездово», например, предполагает применение технологий трехмерного моделирования и дополненной реальности: с помощью мобильного приложения на территории археологического комплекса посетители смогут увидеть 3D-модели археологических памятников [Исторический и археологический ландшафт ... , 2020].

Вторая особенность проектирования виртуальных археологических ресурсов, которая также бросается в глаза, – это многообразие терминов, которые используются для их наименования: «виртуальный музей», «виртуальная выставка», «виртуальный тур», «онлайн-выставка», «электронная коллекция», «виртуальная экскурсия». Такое многообразие названий отражает поиск наиболее интересных и продуктивных форм представления информации об археологических объектах и артефактах. На наш взгляд, всю эту совокупность форм охватывает понятие «виртуальная экспозиция», под которым мы понимаем различные формы показа и интерпретации объектов наследия в сети Интернет. Сюда включаются как информационные ресурсы, представляющие реальные коллекции и музеи, так и ресурсы, существующие исключительно в сети Интернет.

Следует отметить, что и само понятие «музей» сегодня изменяется. Если классическое определение термина в уставе Международного совета музеев (ICOM) 1974 г. (в редакции 1995 г.) ограничивает деятельность музея только «материальными свидетельствами человека и окружающей его среды», то по интерпретации 2001 г. его сфера деятельности распространяется и на нематериальное наследие [Устав Международного совета ... , 2017, с. 4]. Альтернативное определение музея, предложенное летом 2019 г. на 139-й сессии Президиума ICOM, включает в задачи музея обеспечение равного доступа к музейным ценностям, хранение, изучение, интерпретацию и экспонирование разных представлений о мире [News ICOM, 2019]. Таким образом, в музейном сообществе формируется информационный подход к наследию, согласно которому основной ценностью является не только сам материальный объект наследия, но и информация, которую он несет. Это позволяет рассматривать в качестве музеев и учреждений музейного типа музеи копий (реплик) и виртуальные музеи. В настоящее время граница, отделяющая виртуальные экспозиции от традиционных форм музея, становится все более условной.

Виртуальные археологические экспозиции российских музеев, научных и образовательных центров, представленные в сети Ин-

тернет, были проанализированы нами с точки зрения используемых объектов показа и методов экспонирования. В теории и практике музеологии классическими научными и научно-популярными методами экспонирования считаются коллекционный (систематический) метод, средовые методы (ландшафтный и ансамблевый), а также тематический метод [Поляков и др., 2021, с. 60–76]. Исследуя виртуальные экспозиции, мы пришли к выводу, что использование данных методов можно наблюдать и в цифровом формате. В результате были выделены три основные модели виртуального экспонирования археологического наследия: коллекционная, средовая и тематическая.

Коллекционная модель. Большая часть рассмотренных нами интернет-ресурсов сосредоточена на демонстрации отдельных артефактов и их коллекций, представленных в цифровой форме в виде 3D-моделей. Такие ресурсы следует отнести к коллекционной модели экспонирования. Образцом для их создания служат систематические (коллекционные) экспозиции реальных музеев, ориентированные на показ однородных предметов в соответствии с научной классификацией, а в основе лежит представление о самодостаточности экспоната. Визуально-предметный ряд в коллекционных виртуальных экспозициях доминирует над смысловым контекстом объектов.

Опыт использования коллекционной модели экспонирования представляется ценным с целого ряда позиций. Во-первых, с точки зрения расширения возможностей экспонирования археологического наследия. К сожалению, значительную часть материала, найденного археологами, никогда не увидит публика: такой объем находок не позволяет осуществить реальное экспонирование. Виртуальное экспонирование в сети Интернет способствует расширению и ускорению процесса публикации археологических находок, делает их более доступными. Можно отметить опыт лаборатории междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Томского государственного университета, которая помимо онлайн-показа трехмерных моделей археологических объектов в своем Виртуальном музее представляет возможность скачивать их для последующей 3D-печати [Виртуальный 3D музей ... , 2016].

Во-вторых, следует отметить, что публикация 3D-моделей позволяет не только визуально представить объект археологического наследия, но и дистанционно его исследовать. Онлайн-выставки Института археологии РАН в сотрудничестве с «Лабораторией RSSDA» – «Свидетели прошлого: искусство и ремесло в археологических находках» и «Лица поздних скифов: надгробия из Юго-Западного Крыма» – имеют набор встроенных опций детализированной 3D-модели, которые служат для удаленного изучения предмета с различных сторон и выполнения измерений, что делает исследовательский процесс более объективным [Онлайн-музей, 2006–2020].

Ресурсы, использующие коллекционную модель экспонирования, различаются по уровню систематизации: от мозаичного представления отдельных экспонатов, как, например, в проекте Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета [Виртуальный археологический тур, 2021], до сложных информационных систем и баз данных, обеспечивающих отбор и показ археологических объектов по разным критериям. Второй подход реализован в проекте «Древнейшее искусство Сибири и Дальнего Востока» Лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии Новосибирского государственного университета [Древнейшее искусство ... , 2018]. Этот ресурс обеспечивает показ археологических объектов согласно траектории «регион – памятник – археологическая находка». Особый интерес в данной информационной системе представляет опыт цифрового документирования недвижимого археологического наследия, такого как малодоступные и неразборчивые для невооруженного глаза изображения наскальных рисунков.

Значительная часть виртуальных археологических экспозиций, представленных в сети Интернет, ориентирована на показ отдельных артефактов. Однако можно отметить и попытки демонстрации археологических объектов – это опыт создания 3D-моделей погребальных комплексов, представленных археологами Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета и Смоленско-Гнездовской экспедиции [Виртуальный археологический тур, 2021; Исторический и археологический ландшафт ... , 2020].

Таким образом, демонстрация 3D-моделей в рамках коллекционной модели виртуального экспонирования позволяет применять дистанционные методы изучения археологических объектов, а также использовать их в образовательном процессе. Очевидно, что данные ресурсы ориентированы в первую очередь на научное сообщество или профессиональное образование в области археологии. Важно отметить, что создание коллекционных виртуальных экспозиций, не ставя задач показа исторического контекста артефактов, тем не менее решает такую самостоятельную и очень важную задачу, как отработка методики генерирования 3D-моделей археологических комплексов и артефактов.

Средовая модель. Документирование историко-культурной и природной среды памятника становится актуальной задачей изучения и музеефикации археологического наследия. Особенностью объектов археологического наследия является выраженная ландшафтность – связь с конкретной территорией. Однако в экспозициях коллекционного типа предметы зачастую демонстрируются вне среды своего бытования, что делает их менее понятными для посетителей. Современная музейная практика решает эту проблему посредством создания ансамблевых и ландшафтных экспозиций, музеев на месте раскопок и музеев-заповедников. Цифровые технологии также позволяют документировать и визуализировать пространственные объекты. Это находит свое отражение в опыте виртуального экспонирования археологического наследия, который мы отнесли к средовой модели.

Средовая модель используется для решения разных задач. Во-первых, для показа музеефицированных памятников – в виртуальных турах по археологическим музеям-заповедникам, как, например, в виртуальном туре по музею-заповеднику «Калос Лимен» [Калос Лимен, 2021]. Преимуществом таких виртуальных туров является создание эффекта «погружения» посетителя в цифровое пространство через возможность перемещения в нем и выбора объектов для осмотра. В то же время в виртуальных турах, как правило, мало дополнительной текстовой информации.

Во-вторых, средовая модель применяется для комплексного документирования архео-

логической среды немусеефицированных памятников, что по сути своей очень близко виртуальной музеефикации археологических памятников. Один из вариантов решения проблемы демонстрации среды археологического памятника посредством создания электронных карт и баз данных представляет Виртуальный проект «Петроглифы Амура и Уссури» Центра палеоискусства Института археологии РАН. В этом проекте также очень интересны работы по документированию ландшафтного контекста петроглифов путем трехмерного моделирования скальных утесов [Петроглифы Амура и Уссури, 2021].

В-третьих, современные цифровые технологии позволяют реконструировать утраченные объекты и ландшафты. На сайтах «Abrau Antiqua» и «Античный город Горгиппия» антропогенные палеоландшафты полуострова Абрау визуализированы с помощью методов трехмерной реконструкции: виртуальных панорам, интерактивных реальности и веб-анимации [Abrau Antiqua, 2015; Gorgippia, 2017]. По оценке самих авторов проекта «Античный город Горгиппия» он представляет собой «своеобразный виртуальный музей античного центра Северного Причерноморья» [Мальшев и др., 2018, с. 5]. Данные ресурсы содержат большой объем дополнительных материалов по топографии, антропологии, экономике, интерактивные карты, широкий спектр научных материалов по теме. Этот подход, по мнению авторов, призван компенсировать недостаток доступных для широкой аудитории научных материалов. Однако в итоге разработанный ресурс оказался ориентирован в большей степени на специализированную и объективную научную коммуникацию.

На наш взгляд, популяризация археологического наследия должна опираться на другую стратегию. Актуализация для широкой аудитории основана на включении наследия в современную культуру, причем на уровне не только рационального познания, но и эмоционального «внутреннего освоения (переживания)» [Каменский, 2009, с. 9–10].

Наиболее актуальной задачей является достижение баланса между сложностью научной информации и сохранением заинтересованности публики. К достижению такого

баланса стремятся проекты, которые мы объединили в тематическую модель.

Тематическая модель. Метод тематической экспозиции в музейной практике акцентирует внимание не только на конкретных объектах наследия, но и на их контексте, раскрывая какую-либо тему или проблему, используя различные материалы, в том числе копии, вспомогательные тексты и видеoinформацию. Эти же приемы применяются и в виртуальных тематических экспозициях.

Отличительной особенностью тематических экспозиций является их научно-популярный характер. Они ориентированы на представление объектов наследия широкой аудитории, что находит свое отражение в используемых приемах экспонирования, таких как рассказ «от первого лица» и демонстрация процесса раскопок археологических памятников. Тематическую модель виртуальной экспозиции представляют сайт Смоленско-Гнездовской Объединенной Экспедиции «Археологический комплекс Гнездово» (Московский госуниверситет, Государственный исторический музей и музей-заповедник «Гнездово») и виртуальная выставка «Дневник археолога» (Нижегородский госуниверситет, Дальнеконстантиновский краеведческий музей) [Дневник археолога, 2017; Исторический и археологический ландшафт ... , 2020].

Задачи этих проектов – взаимодействие с широкой публикой, в том числе и с местным населением, популяризация конкретных объектов археологического наследия для их сохранения, предупреждение их разрушения в процессе строительных и сельскохозяйственных работ, а также их намеренного разграбления. Оба ресурса используют современные принципы сторителлинга – приемы эффективного и эмоционального донесения информации для широкой аудитории через сюжетные истории в текстах, фотографиях и видеофрагментах. Мини-истории «Дневника археолога» транслируют научную информацию от лица участников археологической экспедиции. На сайте Смоленско-Гнездовской Объединенной Экспедиции эту функцию выполняет ссылка на блог Василия Новикова «Дневник занятого археолога», а также видеоматериалы. Ресурс «Археологический комплекс Гнездово» является, безусловно, более объемным и много-

плановым, а также он регулярно пополняется новой информацией. Только обновляемые интернет-ресурсы могут сохранять постоянное внимание пользователей. Своевременная актуализация информации – важнейший критерий оценки качества веб-ресурсов в сфере культурного наследия [Принципы качества ... , 2006, с. 26–27].

Кроме того, эти проекты объединяет сочетание показа археологических находок с показом самого процесса археологических раскопок. Таким образом, объектами цифрового документирования и показа в этих проектах выступают не только артефакты, но и технологии археологического исследования, представленные в фотоматериалах, видеоматериалах и 3D-моделях. Демонстрация археологического наследия в контексте процессов (или различных этапов) его научного исследования – это эффективный путь создания виртуальных научно-просветительных экспозиций для широкой аудитории [Андреев, 2014, с. 199].

Еще одной особенностью тематических виртуальных экспозиций является сочетание разных технологий показа, например, виртуальных туров и 3D-моделей отдельных экспонатов. В большинстве ресурсов они используются фрагментарно, как разные способы показа. Следует отметить, что фрагментарность, как значимое свойство сети, является существенным отличием виртуальных сетевых экспозиций от их классических форм. Взаимосвязанность отдельных элементов реальных экспозиций достигается благодаря целостности их экспозиционного пространства. В виртуальном пространстве эта задача решается посредством гиперссылок. Гипертекстуальность – взаимосвязанность информационных фрагментов посредством гиперссылок – еще один значимый принцип экспонирования наследия в сети Интернет. Интересный вариант интеграции виртуального тура и показа 3D-моделей предложен на сайте Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Ресурс представляет собой виртуальные туры по состоявшимся ранее тематическим выставкам «У Полярного круга: где живет Старик-Нож» и «Статус и обряд: клинковое оружие у народов Сибири». Перемещаясь по трехмерной панораме выс-

тавки, пользователь может детально рассмотреть каждую витрину, а перейдя по ссылке на витрине, – познакомиться с 3D-моделями некоторых артефактов, послушать аудиоинформацию, посмотреть видеофильм [Виртуальные выставки, 2019]. В данном случае в сети Интернет реконструируется предметно-пространственная среда реальной выставки, создающая необходимый смысловой контекст интерпретации, и в то же время посетитель получает возможность детально изучить аутентичные памятники, находящиеся в музейных витринах. Таким образом, реальная и цифровая экспозиции дополняют друг друга. Подобные новые способы виртуального показа являются перспективным направлением создания онлайн-ресурсов для широкой публики.

Тенденции развития виртуального экспонирования археологического наследия

В настоящее время идет поиск новых форм и методов презентации археологических объектов и результатов исследовательской деятельности археологов. Виртуальные формы экспонирования проходят путь, аналогичный истории развития музейной коммуникации: от систематических экспозиций, представляющих отдельные предметы и их коллекции, до использования самых разных форм коммуникации в музейном пространстве. Являясь новой формой актуализации наследия, виртуальные экспозиции зачастую парадоксальным образом ориентируются на классические методы музейного показа. Однако фокус интереса постепенно смещается от предоставления доступа к объектам археологического наследия к показу среды памятников и их историко-культурного контекста.

Методы виртуального экспонирования позволяют не только решать проблемы физической доступности объектов археологии, но и повышают эффективность научной и образовательной коммуникации. Основной тенденцией развития виртуальных археологических экспозиций является повышение интерактивности и иммерсивности показа. Технологии 3D-моделирования позволяют пользователю виртуально взаимодействовать с объемными

копиями объектов археологического наследия для удаленного научного исследования и образования. Еще одним преимуществом виртуальных форм являются широкие возможности актуализации наследия. Они представляют виртуальные реконструкции недоступных или утраченных памятников, а также среды их бытования.

Исследование русскоязычного сегмента сети Интернет позволило сделать вывод о доминировании трех моделей виртуального экспонирования археологического наследия: коллекционной, средовой и тематической. Основа коллекционной модели – цифровое документирование и публичный показ, прежде всего, визуальных образов движимых объектов археологического наследия для научных и учебных целей. Средовая модель реализуется в формате виртуального тура и направлена на показ трехмерных панорам археологических комплексов и ландшафтов. Подобные проекты могут быть эффективно использованы профессиональным сообществом для научных и образовательных целей, однако непрофессиональная аудитория сталкивается с рядом трудностей в их восприятии. Целью тематических виртуальных экспозиций является раскрытие определенной темы или проблемы, показ разных категорий культурного наследия с помощью разнообразных средств и каналов восприятия для широкой аудитории. Данная модель представляется наиболее перспективной, так как она позволяет сочетать стратегии научного исследования и научно-просветительской интерпретации археологического наследия.

В настоящее время в экспонировании археологического наследия для широкой аудитории наметилась тенденция к интеграции в одном ресурсе различных технологий, таких как 3D-моделирование, виртуальные туры и мультимедиа-материалы (с диалоговым управлением, основанные на совместном использовании различных видов информации – графической, текстовой, акустической, видео). В качестве своеобразного ориентира можно отметить проект Google Arts&Culture «Онлайн-экскурсия по пещере Шове» [Meet Our Ancestors, 2020]. Ресурс сочетает виртуальный тур по локации, использующий иммерсивные технологии виртуальной и дополненной ре-

альности, показ отдельных изображений, реконструкции с применением 3D-анимации. Проект направлен на широкую публику, поэтому значительное внимание уделено актуализации наследия в контексте современной культуры посредством художественных приемов сторителлинга и комикса.

Заключение

Рассмотрение существующего опыта привело нас к некоторому пониманию стратегии и тактических задач проектирования виртуальных музейных экспозиций:

1. Создание виртуальной музейной экспозиции – проект мультидисциплинарный, требующий взаимодействия разных специалистов: археологов, музееведов, инженеров, программистов, дизайнеров и журналистов. В связи с этим его важной задачей является поиск партнеров. Во многих проектах принимают участие студенты разных направлений подготовки из Томского университета, МГУ, Высшей школы экономики и др. В Пермском университете создана специальная студенческая «Лаборатория 3D-моделирования и цифровых музейных технологий».

2. Стратегической задачей является также разработка научной концепции виртуальной экспозиции, включая выбор тематики экспозиции, ее целевой аудитории, отбор основных принципов и приемов построения экспозиции.

Важно отметить, что актуализация археологического наследия для массовой аудитории, опираясь на научные данные, в большей степени ориентируется на субъективные и эмоциональные аспекты восприятия прошлого [Андреев, 2014 с. 197]. Объединение в одной виртуальной экспозиции научного и научно-популярного аспекта интерпретации археологического наследия – задача довольно сложная.

На наш взгляд, к наиболее значимым принципам и приемам построения экспозиции, можно отнести следующие:

– модульность – последовательное конструирование разных самостоятельных функциональных и тематических блоков экспозиции, реализующих разные задачи и адресованных разной аудитории (тематических выставок, каталогов, образовательных и научных материалов);

– мультимедийность – использование в одной экспозиции различных видов информации – графической, текстовой, акустической, видео;

– интерактивность – возможность для посетителя экспозиции взаимодействовать с ее цифровыми элементами (отбор, поиск, изучение, получение дополнительной информации);

– иммерсивность – создание эффекта присутствия посетителя в экспозиционной среде посредством трехмерного моделирования как отдельных экспонатов, так и виртуального музейного пространства с возможностью передвижения по нему от экспоната к экспонату;

– гипертекстуальность – создание целостного пространства виртуальной экспозиции с помощью гиперссылок. На наш взгляд, наиболее привлекательным приемом построения виртуальной экспозиции является объединение возможностей виртуальной экспозиционной среды (3D-тур), коллекционного показа (галерея 3D-моделей) и разделов с дополнительной информацией, связанных между собой гиперссылками;

– использование художественных приемов, например, сторителлинга, при создании экспозиционных разделов для массовой аудитории.

3. Обязательным этапом работы над виртуальными археологическими экспозициями является освоение технологий получения цифровых материалов, например фотограмметрии и лазерного сканирования археологических объектов и артефактов, методик и программ генерирования 3D-моделей.

4. Стратегически важной задачей для поддержания интереса широкой публики является постоянное развитие экспозиции через добавление новых модулей и обновление информации.

Проведенный анализ опыта виртуального экспонирования археологических материалов в открытых информационных ресурсах научных учреждений, вузов и музеев в русскоязычном сегменте сети Интернет позволил выработать определенный алгоритм проектирования *виртуального музея археологии Самарского университета* на основе *коллекций 3D-моделей археологических объектов и артефактов* Научно-исследовательской лаборатории археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев В. М., 2014. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // *Фундаментальные исследования*. № 11. С. 195–200.
- Бабенко В. С., 2006. *Виртуальная реальность : Толковый словарь терминов*. СПб. : ГУАП. 86 с.
- Букина О. В., Зубов С. Э., Рафикова К. В., 2021а. Виртуальный музей археологии Самарского университета: проблемы и перспективы реализации проекта // *Человек в информационном обществе : сб. материалов науч.-практ. Междунар. конф., посвящ. 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина (г. Самара, 28–30 апр. 2021 г.)*. Самара : Изд-во Самар. ун-та. С. 718–722.
- Букина О. В., Зубов С. Э., Рафикова К. В., 2021б. Опыт российских университетов по виртуальному экспонированию археологического наследия в сети Интернет // *Человек в информационном обществе : сб. материалов науч.-практ. Междунар. конф., посвящ. 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина (г. Самара, 28–30 апр. 2021 г.)*. Самара : Изд-во Самар. ун-та. С. 723–727.
- Виртуальные выставки, 2019. URL: <https://archaeology.nsc.ru/muzei/virtual-vystavki/> (дата обращения: 13.12.2021).
- Виртуальный 3D музей «Древнее искусство Сибири», 2016. URL: <https://www.artefact.tsu.ru/virtualmuseum/> (дата обращения: 15.12.2021).
- Виртуальный археологический тур, 2021. URL: http://strbsu.ru/arch_museum/ (дата обращения: 07.12.2021).
- Дневник археолога, 2017. URL: <https://archeodiary.ru/> (дата обращения: 10.12.2021).
- Древнейшее искусство Сибири и Дальнего Востока. Информационная система мобильного искусства, 2018. URL: <http://mobileart.artemiris.org/ru/> (дата обращения: 11.12.2021).
- Зайцева О. В., 2014. 3D революция в археологической фиксации в российской перспективе // *Сибирские исторические исследования*. № 4. С. 10–20.
- Исторический и археологический ландшафт как объект культурного наследия и среда современного обитания: изучение, сохранение, популяризация, 2020. URL: <http://gnezdovo.com/savelandscape/> (дата обращения: 12.12.2021).
- Казанцева О. А., 2015. Популяризация археологического наследия как форма предупреждения незаконных раскопок // *Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы : материалы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии» (г. Москва, 9–10 дек. 2013 г.)*. М. : ИА РАН. С. 120–131.
- Калос Лимен, 2021. URL: <http://vt.kaloslimen.org> (дата обращения: 09.12.2021).
- Каменский С. Ю., 2009. *Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках : дис. ... канд. культурологии*. Екатеринбург. 175 с.
- Лбова Л. В., Казаков В. В., Жумадилов К. Б., 2019. Информационная система «Древнейшее искусство Сибири и Дальнего Востока» – новый научно-образовательный ресурс в Новосибирском государственном университете // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Т. 18, № 5. С. 9–20.
- Малышев А. А., Новичихин А. М., Жеребятьев Д. И., Королева С. В., Моор В. В., 2018. *Античная Горгиппия: история, исследования и исследователи*. М. : МАКС Пресс. 84 с.
- Онлайн-музей, 2006–2020. URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/online-museum> (дата обращения: 13.12.2021).
- Петроглифы Нижнего Амура и Уссури, 2021. URL: <https://aurockart.ru/project> (дата обращения: 10.12.2021).
- Поляков Т. П., Зотова Т. А., Пустовойт Ю. В., Нельзина О. Ю., Корнеева А. А., 2021. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». М. : Институт Наследия. 437 с.
- Принципы качества веб-сайтов по культуре. Руководство, 2006 // Российский комитет программы «Информация для всех». URL: <http://www.ifarcom.ru/ru/365/429> (дата обращения: 24.12.2021).
- Устав Международного совета музеев (ИКОМ), 2017 // *Документы ИКОМ*. URL: <https://icom-russia.com/data/ustavnyye-dokumenty/> (дата обращения: 09.12.2021).
- Abrau Antiqua, 2015. URL: http://abrau-antiqua.ru/?page_id=58 (дата обращ: 08.12.2021).
- Gorgippia, 2017. URL: <http://gorgippia-antiqua.ru/> (дата обращения: 09.12.2021).
- Meet Our Ancestors, 2020. URL: <https://artsandculture.google.com/project/chauvet-cave> (date of access: 05.12.2021).
- News ICOM, 2019. URL: <https://icom.museum/en/news/icom-announces-the-alternative-museum-definition-that-will-be-subject-to-a-vote> (date of access: 07.12.2021).

REFERENCES

- Andreev V.M., 2014. Interpretativnost arheologicheskogo naslediya i ego muzeinaya prezentaciya [Interpretative of Archaeological Heritage and Museum Presentation]. *Fundamentalnie issledovaniya* [Fundamental Research], no. 11, pp. 195-200.
- Babenko V.S., 2006. *Virtualnaya realnost: Tolkovii slovar terminov* [Virtual Reality: Glossary]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. 86 p.
- Bukina O.V., Zubov S.E., Rafikova K.V., 2021a. Virtualnii muzei arheologii Samarskogo universiteta: problemi i perspektivi realizacii proekta [Samara University Virtual Museum of Archaeology: Challenges and Opportunities of Project Implementation]. *Chelovek v informacionnom obschestve: sb. materialov nauch.-prakt. Mejdunar. konf., posvyasch. 60-letiyu poleta v kosmos Yu.A. Gagarina (g. Samara, 28–30 apr. 2021 g.)* [Man in Information Society: Digest of International Academic Workshop Dedicated to Sixtieth Anniversary of Spaceflight by Yu.A. Gagarin (Samara, April 28–30, 2021)]. Samara : Samara University, pp. 718-722.
- Bukina O.V., Zubov S.E., Rafikova K.V., 2021b. Obit rossiiskih universitetov po virtualnomu eksponirovaniyu arheologicheskogo naslediya v seti Internet [Experience of Russian Universities in Archaeological Heritage Virtual Exhibiting on the Internet]. *Chelovek v informacionnom obschestve: sb. materialov nauch.-prakt. Mejdunar. konf., posvyasch. 60-letiyu poleta v kosmos Yu.A. Gagarina (g. Samara, 28–30 apr. 2021 g.)* [Man in Information Society: Digest of International Academic Workshop Dedicated to Sixtieth Anniversary of Spaceflight by Yu.A. Gagarin (Samara, April 28–30, 2021)]. Samara : Samara University, pp. 723-727.
- Virtualnie vystavki* [Virtual Exhibitions], 2019. URL: <https://archaeology.nsc.ru/muzei/virtual-vystavki> (accessed 13 December 2021).
- Virtualnii 3D muzei «Drevnee iskusstvo Sibiri»* [Virtual 3D Museum «Ancient Art of Siberia»], 2016. URL: <https://www.artefact.tsu.ru/virtualmuseum> (accessed 15 December 2021).
- Virtualnii arheologicheskii tur* [Virtual Archaeological Tour], 2021. URL: http://strbsu.ru/arch_museum (accessed 7 December 2021).
- Dnevnik arheologa* [Archaeologist's Diary], 2017. URL: <https://arheodiary.ru> (accessed 10 December 2021).
- Drevneishee iskusstvo Sibiri i Dalnego Vostoka. Informacionnaya sistema mobilnogo iskusstva* [The Earliest Art of Siberia and the Far East. Information System of Mobile Art], 2018. URL: <http://mobileart.artemiris.org/ru/> (accessed 11 December 2021).
- Zaiceva O.V., 2014. 3D revolyuciya v arheologicheskoi fiksacii v rossiiskoi perspektive [3D Revolution' in Archaeological Recording in Russian Perspective]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], no. 4, pp. 10-20.
- Istoricheskii i arheologicheskii landshaft kak obekt kulturnogo naslediya i sreda sovremennogo obitaniya: izuchenie, sohranenie, populyarizaciya* [Historical and Archaeological Landscape As an Object of Cultural Heritage and Modern Life Environment: Study, Preservation, Popularization], 2020. URL: <http://gnezdovo.com/savelandscape> (accessed 12 December 2021).
- Kazanceva O.A., 2015. Populyarizaciya arheologicheskogo naslediya kak forma preduprezhdeniya nezakonnih raskopok [Popularization of Archaeological Heritage As a Way of Tomb Robbing Prevention]. *Sohranenie arheologicheskogo naslediya: problemi i perspektivi: materialy konf. «Protivodeistvie nezakonnoi deyatel'nosti v oblasti arheologii» (g. Moskva, 9–10 dek. 2013 g.)* [Archaeological Heritage Preservation: Challenges and Opportunities: Proceedings of Conference «Suppression of Unlawful Archaeological Activity» (Moscow, December 9–10, 2013)]. Moscow, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, pp. 120-131.
- Kalos Limen* [Kalos Limen], 2021. URL: <http://vt.kaloslimen.org> (accessed 9 December 2021).
- Kamenskii S. Yu., 2009. *Aktualizaciya arheologicheskogo naslediya v sovremennih socialno-kulturnih praktikah: dis. ... kand. kulturologii* [Actualization of Archaeological Heritage in Modern Sociocultural Practices. Diss. ... cand. cultural studies]. Ekaterinburg. 175 p.
- Lbova L.V., Kazakov V.V., Jumadilov K.B., 2019. Informacionnaya sistema «Drevneishee iskusstvo Sibiri i Dalnego Vostoka» – novii nauchno-obrazovatel'nii resurs v Novosibirskom gosudarstvennom universitete [Information System “Prehistory Art of Siberia and the Far East”: A New Scientific and Educational Resource in Novosibirsk State University]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU, Series: History and Philology], vol. 18, no. 5, pp. 9-20.

- Malishev A.A., Novichihin A.M., Jerebyatev D.I., Koroleva S.V., Moor V.V., 2018. *Antichnaya Gorgippiya: istoriya, issledovaniya i issledovateli* [Ancient Gorgippia: History, Research and Researchers]. Moscow, Moscow University Press. 84 p.
- Onlain-muzei* [Online Museum], 2006–2020. URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/online-museum> (accessed 13 December 2021).
- Petroglifi Nijnego Amura i Ussuri* [Petroglyphs of the Lower Amur and Ussuri], 2021. URL: <https://aurockart.ru/project> (accessed 10 December 2021).
- Polyakov T.P., Zotova T.A., Pustovoit Yu. V., Nelzina O. Yu., Korneeva A.A., 2021. *Ekspozitsionnaya deyatel'nost' muzeev v kontekste realizatsii «Strategii gosudarstvennoi kulturnoi politiki na period do 2030 goda»* [Exposition Activities of Museums Within Implementation of “Strategy of State Cultural Policy for the Period Up to 2030”]. Moscow, Heritage Institute. 437 p.
- Principi kachestva veb-saitov po kulture. Rukovodstvo [Quality Policy of Culture Websites. Guide], 2006. *Rossiiskii komitet programmi «Informatsiya dlya vseh»* [The Russian Committee of the Information for All Program]. URL: <http://www.ifapcom.ru/ru/365/429> (accessed 24 December 2021).
- Ustav Mejdunarodnogo soveta muzeev (IKOM) [Charter of the International Council of Museums (ICOM)] *Dokumenti IKOM* [ICOM Documents], 2017. URL: <https://icom-russia.com/data/ustavnnye-dokumenty> (accessed 9 December 2021).
- Abrau Antiqua*, 2015. URL: http://abrau-antiqua.ru/?page_id=58/ (accessed 8 December 2021).
- Gorgippia*, 2017. URL: <http://gorgippia-antiqua.ru/> (accessed 9 December 2021).
- Meet Our Ancestors*, 2020. URL: <https://artsandculture.google.com/project/-chauvet-cave> (accessed 5 December 2021).
- News ICOM*, 2019. URL: <https://icom.museum/en/news/icom-announces-the-alternative-museum-definition-that-will-be-subject-to-a-vote> (accessed 7 December 2021).

Information About the Authors

Sergey E. Zubov, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Research Laboratory of Archeology, Samara National Research University, Akademik Pavlov St, 1, 443011 Samara, Russian Federation, guberfond@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-9773>

Olga V. Bukina, Candidate of Sciences (History), Researcher, Research Laboratory of Archeology, Samara National Research University, Akademik Pavlov St, 1, 443011 Samara, Russian Federation, bukina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2200-8815>

Katerina V. Rafikova, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, Akademik Pavlov St, 1, 443011 Samara, Russian Federation, alyakina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8717-1093>

Информация об авторах

Сергей Эдгардович Зубов, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, ул. Академика Павлова, 1, 443011 г. Самара, Российская Федерация, guberfond@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-9773>

Ольга Викторовна Букина, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, ул. Академика Павлова, 1, 443011 г. Самара, Российская Федерация, bukina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2200-8815>

Катерина Владимировна Рафикова, кандидат культурологии, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, ул. Академика Павлова, 1, 443011 г. Самара, Российская Федерация, bukina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8717-1093>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.13>

UDC 930.26(470.45):393
LBC 63.48(2P-4Вор)-427

Submitted: 10.01.2022
Accepted: 15.04.2022

**NON-STANDARD EARLY BRONZE BURIALS
NEAR THE YESAULOVSKY AKSAY RIVER.
SOME ISSUES OF CULTURAL GENESIS¹**

Alexander N. Dyachenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article dwells upon publication and analysis of materials from two unusual Early Bronze Age burials, dating back to the first half of the 3rd millennium BC, investigated by the Volgograd State University expedition in the southern part of the Volga-Don interfluvium. The published archaeological complexes were discovered in the kurgan cemeteries located on the bank terraces of the steppe river called Yesaulovsky Aksay. A number of distinctive features made it possible to attribute these complexes to the late period of the Lower Volga Yamnaya culture. These kurgan burials stand out on the overall background of the Yamna culture burials due to the grave structure features, details of the burial rite and positions of the buried individuals. The bodies positions in the investigated burials are unusual. In one case, the dead body was arranged into a sitting position with the head turned towards the south. In another one, the dead body was segmented and then put into the typical crouched position on the side with the head turned towards the east. Both rites had come from another culture associated with the North Caucasus region which had a significant impact on the economy, social and ideological structure, burial practices of the population of the Lower Volga region and the adjacent territories of Russia's southern steppes throughout the Early and Middle Bronze Ages.

Key words: Volga-Don interfluvium, cultural genesis, Bronze Age, Yamnaya culture, Catacomb culture, burial rite.

Citation. Dyachenko A.N., 2022. Nestandardnyye pogrebeniya ranney bronzy Esaulovskogo Aksaya. Nekotorye voprosy kul'turogeneza [Non-Standard Early Bronze Burials Near the Yesaulovsky Aksay River. Some Issues of Cultural Genesis]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 255-266. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.13>

УДК 930.26(470.45):393
ББК 63.48(2P-4Вор)-427

Дата поступления статьи: 10.01.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

**НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕЙ БРОНЗЫ
ЕСАУЛОВСКОГО АКСАЯ. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА¹**

Александр Николаевич Дьяченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена публикации и анализу материалов двух неординарных погребений эпохи ранней бронзы (первая половина III тыс. до н.э.), исследованных экспедицией Волгоградского государственного университета в южной части Волго-Донского междуречья. Публикуемые археологические комплексы были обнаружены в курганных могильниках, располагавшихся на береговых террасах степной реки

Есауловский Аксай. По ряду характерных признаков они относятся к позднему этапу ямной культуры Нижнего Поволжья. Особенности могильных конструкций, детали погребального обряда и позиции погребенных людей выделяют эти объекты из общего контекста подкурганых захоронений ямной культуры. Положение погребенных в них не стандартно. В одном случае умерший был помещен в могилу в положении сидя, с ориентацией головой на юг, в другом – в расчлененном виде, с приданием костным останкам канонического скорченного положения на боку и ориентацией на восток. Оба ритуала имеют инокультурные корни, связанные с северокавказским регионом, который на протяжении раннего бронзового и среднего бронзового веков оказывал существенное влияние на экономику, социально-идеологическую структуру и погребальную практику не только населения Нижнего Поволжья, но и соседних территорий южнорусских степей.

Ключевые слова: Волго-Донское междуречье, культурогенез, бронзовый век, ямная культура, катакомбная культура, погребальный обряд.

Цитирование. Дьяченко А. Н., 2022. Нестандартные погребения ранней бронзы Есауловского Аксая. Некоторые вопросы культурогенеза // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 255–266. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.13>

Введение

Предлагаемая статья посвящена публикации и анализу материалов двух неординарных погребальных комплексов ранней бронзы, обнаруженных экспедицией ВолГУ при раскопках курганных могильников Абганеро-во V и Аксай I, располагавшихся в южной части Волго-Донского междуречья в бассейне степной реки Есауловский Аксай, на территории Октябрьского муниципального района Волгоградской области (рис. 1). Работы на указанных археологических объектах были проведены в 1996 и 1997 гг. соответственно [Дьяченко, 1996; 1997; Дьяченко и др., 1999, с. 93–126]. Публикуемые археологические материалы представляют определенный интерес с точки зрения изучения динамики и направленности процессов культурогенеза в южнорусских степях в бронзовом веке.

Природно-географическая характеристика района исследований

В пределах Волго-Донского междуречья размещается северная часть Ергенинской возвышенности (Северные Ергени). По особенностям истории развития и типам рельефа она относится к денудационно-аккумулятивной пластовой возвышенности с преобладанием в рельефе волнистых водоразделов и плавных склонов речных долин и балок. Восточный склон протяженностью 5–12 км резко переходит в полупустынную зону Прикаспийской низменности. Западный склон, на территории которого расположены представленные па-

мятники, входит в зону сухих степей. Он имеет протяженность 80–100 км, плавно опускаясь к долине Дона. Его поверхность прорезана неглубокими долинами малых рек Донского бассейна, таких как Донская Царица, Мышкова, Аксай Есауловский и Аксай Курмоярский. Большая часть территории распаханна, сохранившиеся целинные участки с естественным растительным покровом (преобладают злаково-полынные ассоциации) используются под пастбища. На западном склоне Ергенинской возвышенности доминируют каштановые почвы, на восточном – светло-каштановые [Борисов и др., 2006, с. 61, 62].

Курганные могильники в Волго-Донском междуречье располагаются, как правило, по береговым террасам малых степных рек и на водораздельных участках, приуроченных к речным долинам. Эпоха ранней бронзы в этом регионе представлена в основном подкурганскими захоронениями ямной культуры, древнейший этап которой восходит к энеолиту, а поздний соотносится с начальным периодом среднебронзового века, с распространением в степном Предкавказье, Нижнем Подонье и Нижнем Поволжье ранних катакомбных культур. В общей массе относительно стандартных захоронений ямной культуры с доминированием прямоугольных, широко ориентированных могильных сооружений, положением умерших скорченно на спине или на боку и преобладающей ориентацией в восточный сектор на территории Волго-Донского междуречья спорадически встречаются захоронения с явными признаками отклонения от стандартных норм погребаль-

ной практики носителей ямной культуры. Ниже дается археологическое описание и анализ двух таких захоронений.

Объекты исследования

Курганная группа Абганерово V, кург. 1, погр. 9 (рис. 1, 3, I). Группа из трех курганов находилась на пологом левобережном участке надпойменной террасы р. Есауловский Аксай (верхнее течение), в 500–700 м к ЮВ от окраины с. Абганерово Октябрьского района. Раскопки проведены на кург. 1, располагавшемся на целинном участке береговой террасы у окраины населенного пункта. Курган достаточно крупный, его диаметр составлял 35–36 м, высота 1,36 м. Следов досыпок в профилях бровок не зафиксировано [Дьяченко, 1996].

В процессе раскопок обнаружено 9 разновременных погребений. Интересующее нас погребение 9 являлось основным и, соответственно, самым древним. Оно располагалось в центральной части кургана. Впускные погребения хаотично размещались вокруг основного. Культурная принадлежность впускных погребений в хронологической последовательности такова: волго-донская катакомбная культура, криволукская культурная группа (посткатакомбное время), покровская и срубная культуры поздней бронзы, черногоровская культура (предскифское время), раннесарматская и позднесарматская культуры РЖВ.

Погребение 9 было совершено в обширной подпрямоугольной яме с закругленными углами, ориентированной по оси С–Ю (рис. 3, I). Размеры могильной ямы по верху: длина – 2,3 м, ширина – 1,95 м. Глубина могильного сооружения от уровня древнего горизонта – 3,0 м. На глубине 1 м от края зафиксирован неширокий сглаженный уступ (заплечик), идущий по периметру ямы. Его ширина варьирует от 5–10 см в торцевых сторонах до 15–23 см в продольных сторонах могильной ямы. На уровне заплечиков в засыпи ямы располагалось впускное предскифское погребение, которое, вероятнее всего, не потревожило контуры могильного сооружения основного погребения 9. Ниже уровня заплечиков параметры ямы несколько уменьшились – до размеров 2,2 × 1,6 м.

На дне могильной ямы у южной торцевой стенки обнаружены костные останки человека (мужчина старческого возраста), погребенного в весьма специфической позе. Костяк лежал на спине с подогнутыми ногами, пяточные кости стоп находились под тазом, а бедренные кости и прижатые к ним кости голени были приподняты, коленями упирались в южную стенку. Слегка разведенные в стороны руки кистями направлены к бедрам. Позвоночный столб был отклонен к оси СВ–ЮЗ, шейный отдел позвоночника «переломлен», при этом череп лицевой частью находился на «груди», а теменной был обращен к южной стенке ямы. Столь необычное положение костяка объясняется тем, что умерший мужчина был погребен сидя, на «корточках», лицом вплотную к южной торцевой стенке могильной ямы. Для фиксации тела погребенного в «сидячем» положении руки, вероятно, были привязаны к лодыжкам, а голова должна была упираться в стенку могилы. С разрушением связок и мышечной ткани погребенный завалился на спину, голова при этом упала на грудь.

Вещевой материал отсутствовал, каких-либо ритуальных красящих или органических веществ также не выявлено.

Курганный могильник Аксай I, кург. 9, погр. 8 (рис. 1, 2, I–3).

Могильник Аксай I, включающий более 20 курганов, располагался в левобережной части долины среднего течения р. Есауловский Аксай, в 2,5 км к ЮЗ от с. Аксай Октябрьского района. Памятник размещался относительно компактно в пределах первой надпойменной террасы реки. Основная его часть была исследована в 1997 г. [Дьяченко, 1997; Дьяченко и др., 1999, с. 104–106].

Курган 9 имел оплывшую уплощенную насыпь высотой 0,5 м и диаметром 20 м. В процессе раскопок обнаружено каменное кольцо – кромлех, окружавший основное ямное погребение 8 (диаметр кольца – 16 м). Каменная кладка была возведена из крупных обломков светло-серого песчаника в несколько слоев на древней поверхности степи. Ее ширина на разных участках кольца – от 20 до 50–60 см, высота – до 40 см. Помимо основного в пределах каменного кольца находилось 11 впускных погребений, датированных в хронологической последовательности раннеката-

комбным временем (донецкая катакомбная культура), поздней бронзой (покровская и срубная культуры) и ранним железным веком (савроматская и раннесарматская культуры).

Основное погребение 8 было совершено в могильной яме, имевшей в верхней части аморфную округлую форму. К низу стенки плавно сужались, и по дну яма приобрела подпрямоугольную форму с закругленными углами, продольной осью ориентированную по линии ВСВ–ЗЮЗ. Размеры ямы по верху – 1,6 × 1,5 м, по дну – 1,4 × 1,1 м. Глубина могильного сооружения от уровня древней поверхности 1,73 м (рис. 2,1).

На дне обнаружены останки мужчины 50–60 лет, находившиеся в довольно необычном положении. Ноги, согнутые в коленях под острым углом, в коленных и тазобедренных суставах были сочленены. Колени направлены к юго-востоку. Около левого бедра лежала часть грудной клетки, на ней находилась правая рука, согнутая в локте и неестественным образом смещенная к тазу. Рядом с правой плечевой костью находился череп человека, лежащий на левой стороне, лицевой частью обращенный к ВЮВ. Позвоночник, за исключением двух позвонков, лежащих в стороне от тела, отсутствовал. Левая рука, сочлененная в локтевом суставе, была неестественно развернута и локтем обращена в сторону головы. При детальном осмотре костного материала было установлено, что умерший мужчина был захоронен «вторично», вероятно, после полного скелетирования за пределами могильного сооружения. В определенный момент освобожденное от мягких тканей тело было помещено в могильную яму в расчлененном виде, по частям. Первоначально были уложены нижние конечности, затем сохранившаяся часть грудной клетки, верхние конечности и череп. Судя по расположению частей тела, совершавшие обряд стремились придать останкам каноническое скорченное левобочное положение с ориентацией в восточный сектор.

В заполнении могильной ямы, чуть выше коленей погребенного был найден каменный предмет сигарообразной формы ромбического сечения с обработанными гранями (оселок?). Длина изделия 5 см, материал – темно-серый галечник (рис. 2,3).

Около левой руки погребенного на дне могильной ямы находился небольшой тонкостенный плоскодонный сосуд баночной формы, часть тулова расслоилась. Тесто в изломе слоистое, с обильной примесью толченой ракушки. Высота сосуда – 8 см, диаметр устья – 8,6 см (рис. 2,2).

Обсуждение

Вопрос культурной атрибуции представленных захоронений достаточно сложен, в первую очередь по причине малого количества диагностирующего вещевого материала. В то же время стратиграфические данные, некоторые характерные детали погребального обряда и особенности могильных конструкций позволяют рассматривать публикуемые комплексы в рамках позднего этапа ранней бронзы и, соответственно, соотнести их с позднемьяными погребальными памятниками Волго-Донского региона. Косвенно о ямной принадлежности описываемых комплексов могут свидетельствовать и имеющиеся данные палеопочвенных исследований. В соответствии с ними погребенные почвы в курганах ямного времени бассейна Есауловского Аксая обладают характерными устойчивыми признаками и по целому ряду показателей существенно отличаются от погребенных почв предшествующей эпохи энеолита и последующей эпохи средней бронзы [Борисов и др., 2006, с. 62–77].

Оба рассматриваемых погребения являются основными, совершены в одном случае в подпрямоугольной яме с заплечиками по периметру, в другом – в округлой грунтовой яме. Обе могильные конструкции для ямных погребений Волго-Донских степей являются более поздними формами в сравнении с классическими прямоугольными ямами с широтной ориентацией. Их появление синхронно распространению в Волго-Донском междуречье ранних катакомб, меридиональных ориентировок и нестандартных позиций погребенных – сидячих, расчлененных или пакетированных. Эти процессы конвергенции на определенном этапе приводят к возникновению в регионе целого культурного пласта из смешанных ямнокатакомбных памятников, в которых в различных пропорциях сочетаются архаичные древ-

неявные черты и элементы новых погребальных традиций носителей катакомбных культур [Дьяченко, 1992, с. 79–90; Мамонтов, 2000, с. 67–70; Демиденко, Мамонтов, 2017, с. 24, 25, рис. 32,9].

Большой интерес в плане изучения направленности культуругенетических процессов представляет «сидячее» погребение из кургана 1 могильника Абганерово V. Захоронения со столь неординарным положением умершего фиксируются в памятниках разных эпох – от энеолита и эпохи бронзы до раннего железного века [Хлобыстина, 1991, с. 32–36; Шишлина, 1997, с. 10–13; Шилов, 1985, с. 140–144; Мерперт, 1974, с. 33, 90; Мимоход, 2021, с. 52–62; Перерва и др., 2021, с. 159–180]. Внутри культурных общностей бронзового века степной полосы Евразии сидячие погребения встречаются относительно редко и, как правило, не составляют какой-либо обособленной группы. В курганах они могут быть как основными, так и впускными, при этом сам ритуал и его обустройство демонстрируют неординарный прижизненный статус погребенного индивида. В нашем случае нестандартный статус умершего подчеркивают довольно значительные параметры курганной насыпи и внушительный объем могильного сооружения. В Нижнем Поволжье и сопредельных территориях степного Предкавказья положение умершего «сидя» чаще всего фиксируется в материалах ямной культуры, особенно на позднем этапе ее существования [Мерперт, 1974, с. 33; Шилов, Багаутдинов, 1998, рис. 8,1; Шилов, 1985, с. 144; Шишлина, 1997, с. 12, 13]. Н.Я. Мерперт, ссылаясь на сидячее погребение у хутора Степана Разина и некоторые другие аналогичные памятники в Заволжье, относил их к позднеямному времени, к периоду формирования полтавкинской культуры. При этом в погребальном обряде и в вещевом материале этих комплексов он отмечал очевидное влияние северско-донецкой катакомбной культуры и позднемайкопской (новосвободненской) культуры Предкавказья [Мерперт, 1974, с. 69, 72]. В.П. Шилов, обнаруживший при раскопках могильника у с. Цаца в кург. 7 впускное ямное захоронение (№ 12) с погребенным в позиции «сидя» (рис. 3,2,3), относил его к поздней третьей хронологической группе по Н.Я. Мерперту, синхронизируя

с новосвободненским этапом майкопской культуры [Шилов, 1985, с. 143–144].

Н.И. Шишлина, анализируя сидячие погребения степного Ставрополя и Калмыкии, отметила ряд характерных черт, присущих захоронениям с подобным ритуалом. Среди них – частое отсутствие погребального инвентаря, сочетание положения «сидя» с заплечиковыми ямами и ранними катакомбными могильными конструкциями, распространение южных ориентировок как признака майкопской культуры Предкавказья. На основании выделенных специфических черт она относит сидячие погребения Ставрополя и Калмыкии к *позднемайкопскому* времени. В эту же группу памятников включает и погребение 12 кургана 7 могильника у с. Цаца на юге Волгоградской области [Шишлина, 1997, с. 10; 2007, с. 58–60].

Некоторые из перечисленных признаков – расположение погребения в центре кургана, заплечиковая форма могильной ямы, южная ориентировка погребенного при отсутствии инвентаря, фиксируются и в сидячем погребении мог. Абганерово V, находящегося в 60 км на ЗЮЗ от могильника у с. Цаца, практически на одной широте с последним (рис. 1). На основании перечисленных факторов вполне допустимо включение абганеровского погребения в круг памятников раннебронзовой эпохи с признаками влияния позднемайкопской культурной общности.

Интересной особенностью сидячих погребений ранней бронзы, на которую исследователи обратили внимание еще в прошлом веке, является их гендерная специфика [Хлобыстина, 1991, с. 35, 36; Шишлина, 1997, с. 13; Шилов, Багаутдинов, 1998, с. 176, 177]. Большинство из них принадлежит субъектам мужского пола, в том числе и абганеровское погребение. Объяснение возникновения этого феномена дается самое разное. Некоторые исследователи носителей данной погребальной традиции относят к «особой социальной группе» своеобразных медиаторов, выполнявших в среде ямной общности разного рода «дипломатические» миссии – от хозяйственно-торговых до идеологических [Шишлина, 1997, с. 13]. Другие исследователи, подчеркивая «престижность» сидячих мужских погребений, связывают появление этого ритуала с изме-

нением прижизненного статуса мужчины, с возрастанием его роли как главы семейно-родовой общины, с зарождением культа предков [Хлобыстина, 1991, с. 36].

На взгляд автора, материалов для столь далеко идущих выводов о статусе сидячих погребений пока еще недостаточно. Семантическая подоплека обряда также сложна и неоднозначна. Определенно можно утверждать, что для нижневолжских степей появление этого ритуала – событие неординарное и связано оно с усиливающимся влиянием инокультурных традиций, прежде всего со стороны северокавказских центров культуругенеза эпохи ранней бронзы. В степном Предкавказье (Ставрополье и Калмыкия) погребения с «сидячим» обрядом появляются в связи с продвижением на север носителей майкопско-навоусободненской общности [Корневский, Калмыков, 2003, с. 70–74]. Большинство этих памятников датируется серединой – второй половиной IV тыс. до н.э. [Корневский, Калмыков, 2003, с. 70–74; Шишлина и др., 2003, с. 82]. Позднее, видимо, в начале – первой половине III тыс. до н.э., в этот культуругенетический процесс включилось ямное население Нижнего Поволжья, о чем и свидетельствует появление нестандартных погребений в ямной среде, подобных цацынскому и абганеровскому.

Захоронения с расчленением умершего, аналогичные погребению 8 в кургане 9 могильника Аксай I, в материалах ранней бронзы встречаются чаще «сидячих» погребений. В то же время в нижневолжских курганных могильниках их не так много. В основной своей массе они относятся к позднеямному времени, к третьему хронологическому горизонту по Н.Я. Мерперту [Мерперт, 1974, с. 53, 54]. В них особенно отчетливо проявляются смешанные ямно-катакомбные черты. Часто такие погребения занимают основную позицию в курганах и, как правило, выделяются специальным обустройством ритуального пространства, подчеркивающим неординарный статус погребенных. Так, например, публикуемое аксайское погребение «окольцовано» каменным кромлехом, что для ямных курганов Волго-Донского региона является относительной редкостью. В могильнике Орешкин I, расположенном в Волго-Донском междуречье, на правом берегу Медведицы несколько ямно-

катакомбных погребений с расчлененными скелетами людей, будучи основными, находились под самыми крупными курганными насыпями могильника, в весьма обширных могильных ямах. В вещевом комплексе этих захоронений также отмечено смешение ямных и катакомбных элементов, проявляющееся, например, в сочетании короткошейных с округлым дном и шнуровой орнаментацией сосудов с бронзовыми предметами, распространенными в раннекатакомбных древностях [Дьяченко, 1992, с. 79–90]. В целом погребения с расчленением или обрядом вторичного захоронения (после акта экскарнации) не характерны для погребений ямной культуры Нижнего Поволжья. Более широко они представлены в раннекатакомбных памятниках сопредельных территорий Нижнего Подонья и Поманычья [Федорова-Давыдова, 1983, с. 57–59; Кожедуб, 2018, с. 38–40].

Выводы

Характер представленных материалов подтверждает сложность и вариативность культуругенетических процессов, происходящих на позднем этапе раннебронзового века в Нижневолжском регионе и сопредельных территориях степного Предкавказья.

Распространение в регионе «нестандартных» погребальных памятников, демонстрирующих очевидное культурное влияние со стороны северокавказских центров культуругенеза, символизирует нарастающую дезинтеграцию гомогенной культуры древнеямной общности и ее многокомпонентный характер, особенно на позднем этапе существования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-09-00471 А «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)».

The work was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-09-00471 A “Paleoanthropology of the ancient and medieval population of the Lower Volga region (paleopathological aspect)”.

ПРИЛОЖЕНИЯ

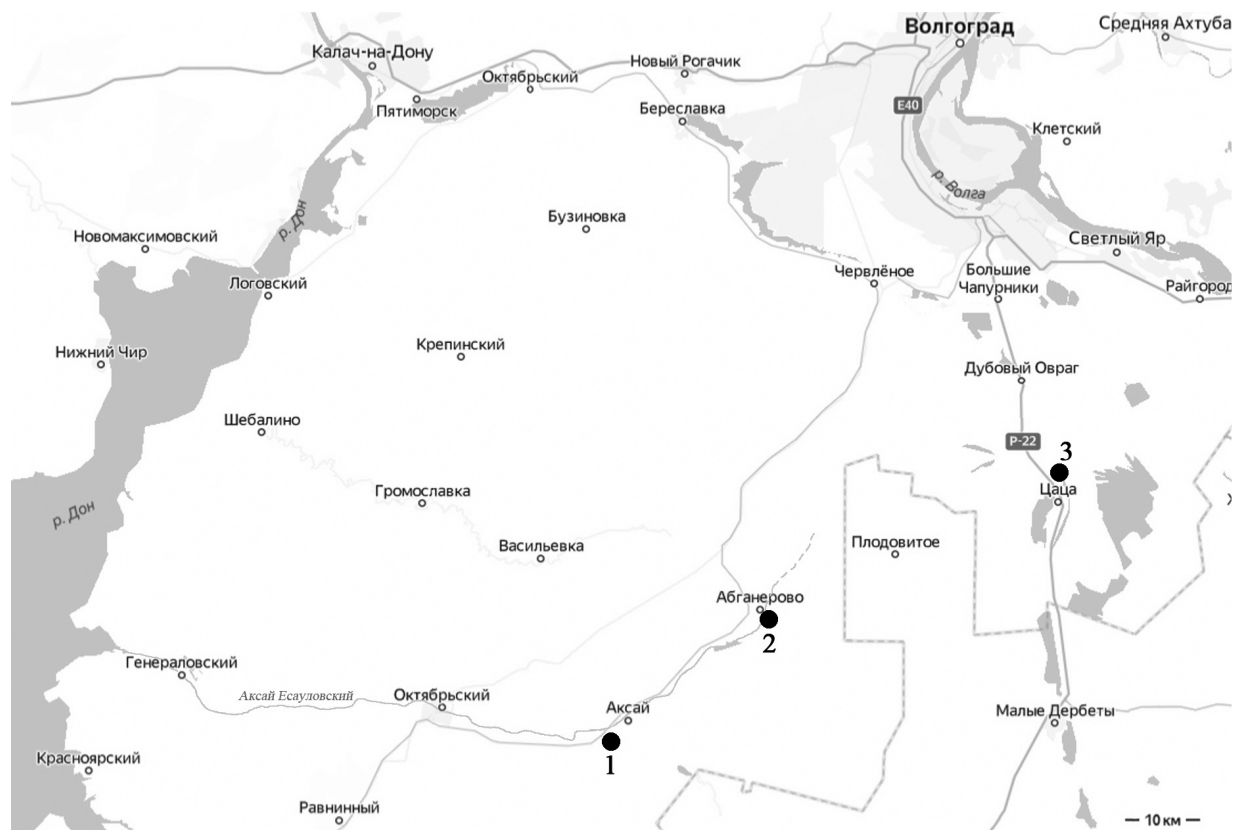

Рис. 1. Карта-схема расположения курганных могильников с нестандартными погребениями ранней бронзы:

1 – Аксай I, кург. 9, погр. 8; 2 – Абганерово V, кург. 1, погр. 9; 3 – Цаца, кург. 7, погр. 12

Fig. 1. Map-layout of cemeteries with non-standard burials of the early Bronze:

1 – Aksay I, kurgan 9, burial 8; 2 – Abganerovo V, kurgan 1, burial 9; 3 – Tsatsa, kurgan 7, burial 12

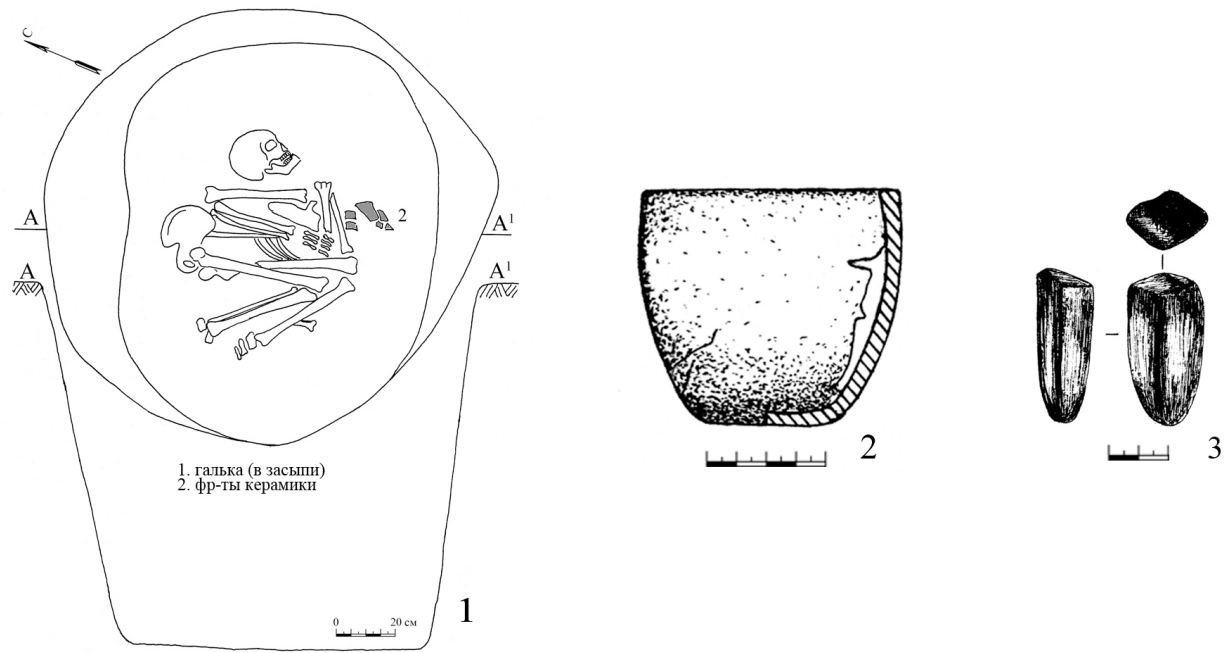

Рис. 2. Курганный могильник Аксай I. Курган 9:

1 – план погребения 8; 2, 3 – глиняный сосуд и каменный предмет из погребения 8

Fig. 2. Kurgan cemetery Aksay I. Kurgan 9:

1 – plan of burial 8; 2, 3 – clay vessel and a stone object from burial 8

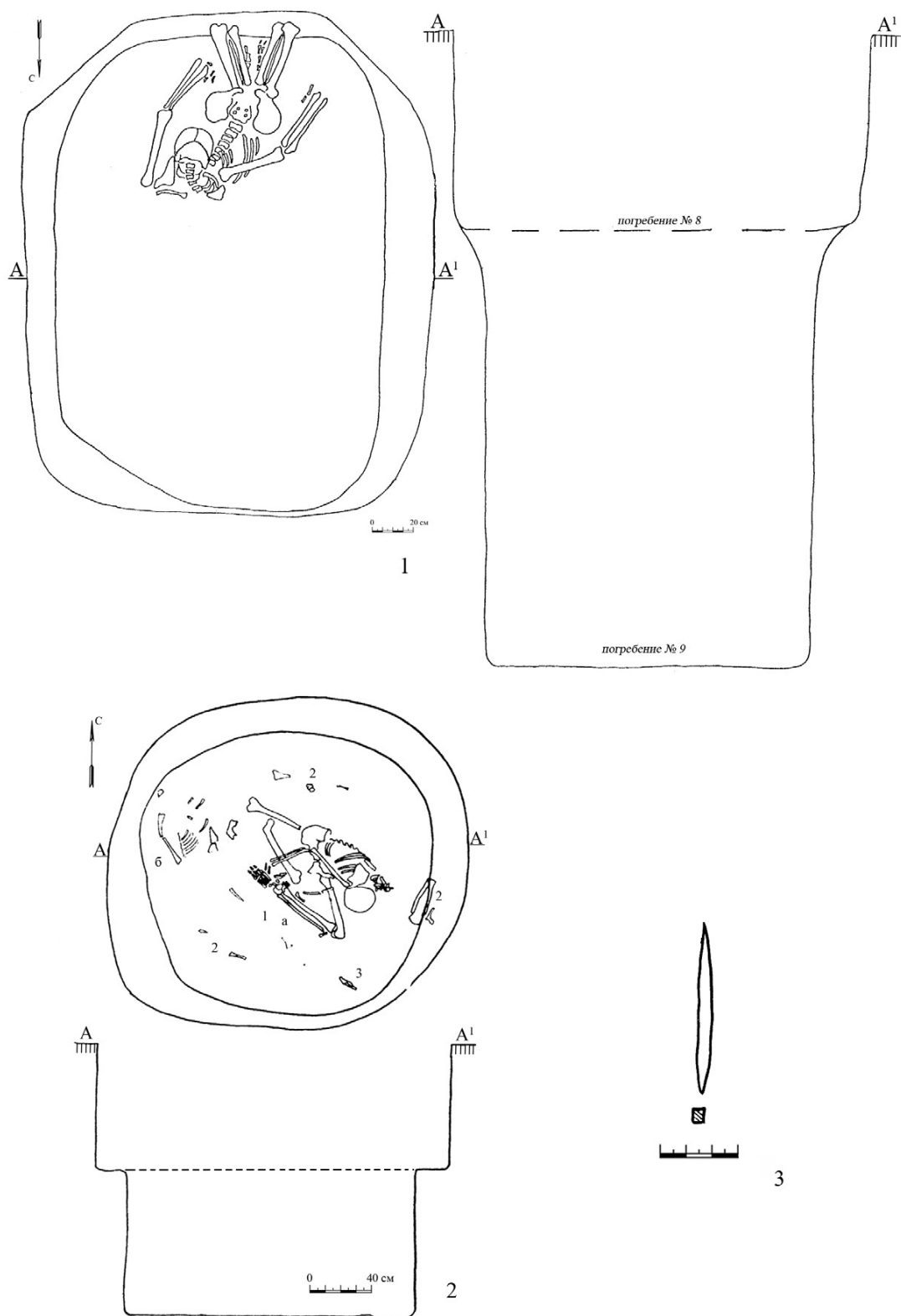

Рис. 3. Материалы нестандартных погребений ранней бронзы из могильников Абганерово V и Цаца:

1 – план погребения 9 кургана 1, Абганерово V; 2 – план погребения 12 кургана 7, Цаца;

3 – рисунок бронзового шила из погр. 12 кург. 7, Цаца (по: [Шилов, 1985, рис. 15, 29,5])

Fig. 3. Materials of non-standard Early Bronze burials from the Abganerovo V and Tsatsa kurgan cemeteries:

1 – plan of burial 9 kurgan 1, Abganerovo V; 2 – plan of burial 12 kurgan 7, Tsatsa;

3 – drawing of a bronze awl from burial 12 kurgan 7, Tsatsa (after: [Shilov, 1985, fig. 15, 29,5])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисов А. В., Демкина Т. С., Демкин В. А., 2006. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы, IV–II тыс. до н.э. М. : Наука. 210 с.
- Демиденко Ю. В., Мамонтов В. И., 2017. Курганы на правом берегу Карповского водохранилища (по материалам Ильевского курганного могильника) // Древности Волго-Донских степей. Вып. 7. Ростов н/Д : Аркол. С. 9–42.
- Дьяченко А. Н., 1992. Раннекатакомбные памятники правобережья Медведицы // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград : Перемена. С. 79–90.
- Дьяченко А. Н., 1996. Отчет об археологических исследованиях в Октябрьском районе Волгоградской области в 1996 году // Архив ВОКМ. № 136, 136 а, б. 66 с.
- Дьяченко А. Н., 1997. Отчет об археологических исследованиях в Октябрьском районе Волгоградской области в 1997 году // Архив ВОКМ. № 209, 209 а, б. 71 с.
- Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М., 1999. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 93–126.
- Кожедуб А. Г., 2018. Ритуал вторичных погребений в обряде катакомбных культур Нижнего Дона в эпоху средней бронзы // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы : тез. докл. круглого стола. М. : ИА РАН. С. 38–40.
- Кореневский С. Н., Калмыков А. А., 2003. Новые данные о курганах эпохи энеолита и раннего бронзового века севера степного Предкавказья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее : тез. конф. М. : ГИМ. С. 70–74.
- Мамонтов В. И., 2000. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград : Изд-во ВолГУ. 192 с.
- Мерперт Н. Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М. : Наука. 167 с.
- Мимоход Р. А., 2021. «Загадочные» сидячие захоронения бронзового века в Волго-Уралье // Российская археология. № 3. С. 52–62.
- Перерва Е. В., Моисеев В. И., Харламова И. И., 2021. Нестандартная поза погребенного человека в среднесарматском захоронении из могильника Ковалевка: случайность или обряд? // *Stratum plus*. № 4. С. 159–180.
- Федорова-Давыдова Э. А., 1983. Раскопки курганной группы Шахаевский II на р. Маныче // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М. : Наука. С. 35–87.
- Хлобыстина М. Д., 1991. «Сидячие» погребения Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // Краткие сообщения института археологии. Вып. 203. С. 32–38.
- Шилов В. П., 1985. Курганный могильник у с. Цаца // Древности Калмыкии. Элиста : Калмыцкий НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров Калмыцкой АССР. С. 94–157.
- Шилов В. П., Багаутдинов Р. С., 1998. Погребения энеолита – ранней бронзы могильника Эвдык // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара : Изд-во СамГПУ. С. 160–178.
- Шишлина Н. И., 1997. Погребальные традиции населения Калмыцких степей в эпоху ранней бронзы // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. Вып. 93. М. : ГИМ. С. 5–14.
- Шишлина Н. И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). Труды ГИМ. Вып. 165. М. : ГИМ. 400 с.
- Шишлина Н. И., Чичагова О. А., Зазовская Э. П., ван дер Плихт Й., 2003. Радиоуглеродная хронология майкопских памятников южных Ергеней // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее : тез. конф. М. : ГИМ. С. 79–82.

REFERENCES

- Borisov A.V., Demkina T.S., Demkin V.A., 2006. *Paleopochvy i klimat Ergeney v epohu bronzy, IV–II tys. do n.e.* [Paleosols and Climate of Ergeni in the Bronze Age, 4th – 2nd Millennium BC]. Moscow, Nauka Publ. 210 p.
- Demidenko Yu.V., Mamontov V.I., 2017. Kurgany na pravom beregu Karpovskogo vodohranilishcha (po materialam Il'evskogo kurgannogo mogil'nika) [Kurgans on the Right Bank of the Karpovskiy Reservoir (Based on

- Materials from the Ilyevsky Cemetery)]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepey* [Antiquity of Volga-Don Steppes], iss. 7. Rostov-na-Donu, Arkol Publ., pp. 9-42.
- Dyachenko A.N., 1992. Rannekatakombnye pamyatniki pravoberezh'ya Medveditsy [Early Catacomb Sites on the Right Bank of the Medveditsa]. *Drevnosti Volgo-Donskih stepey* [Antiquity of Volga-Don Steppes], iss. 2. Volgograd, Peremena Publ., pp. 79-90.
- Dyachenko A.N., 1996. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Oktyabr'skom rayone Volgogradskoy oblasti v 1996 godu [Report on Archaeological Research in the Oktyabrskiy District of the Volgograd Region in 1996]. *Arkhiv VOKM*, no. 136, 136 a, б. 66 p.
- Dyachenko A.N., 1997. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Oktyabr'skom rayone Volgogradskoy oblasti v 1997 godu [Report on Archaeological Research in the Oktyabrskiy District of the Volgograd Region in 1997]. *Arkhiv VOKM*, no. 209, 209 a, б. 71 p.
- Dyachenko A.N., Mabe E., Skripkin A.S., Klepikov V.M., 1999. Arheologicheskie issledovaniya v Volgo-Donskom mezhdurech'e [Archaeological Investigation in the Volga-Don Region]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 93-126.
- Kozhedub A.G., 2018. Ritual vtorichnykh pogrebeniy v obryade katakombnykh kul'tur Nizhnego Dona v epohu sredney bronzy [The Ritual of Secondary Burials in the Rite of the Catacomb Cultures of the Lower Don in the Middle Bronze Age]. *Svyazi i vzaimootnosheniya kul'tur bronzovogo veka Tsirkumpontiyanskogo regiona: novye dannye i materialy: tez. dokl. kruglogo stola* [Communications and Relationships Between the Cultures of the Bronze Age of the Circumpontian Region: New Data and Materials. Abstracts of the Reports of the Round Table]. Moscow, IAS RAS, pp. 38-40.
- Korenevskiy S.N., Kalmykov A.A., 2003. Novye dannye o kurganah epohi eneolita i rannego bronzovogo veka severa stepnogo Predkavkaz'ya [New Data on Kurgans of the Eneolithic and Early Bronze Ages in the North of the Steppe Ciscaucasia]. *Chteniya, posvyashchennye 100-letiyu deyatel'nosti Vasiliya Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee: tez. konf.* [Readings Dedicated to the 100th Anniversary of the Activity of Vasiliiy Alekseevich Gorodtsov in the State Historical Museum. Conference Abstracts]. Moscow, SHM, pp. 70-74.
- Mamontov V.I., 2000. *Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam kurgannogo mogil'nika Pervomayskiy VII)* [The Ancient Population of the Left Bank of the Don (Based on the Kurgan Cemetery Pervomaiskiy VII)]. Volgograd, VolSU. 192 p.
- Merpert N.Ya., 1974. *Drevneyshie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya* [Ancient Pastoralists of the Volga-Ural Interfluve]. Moscow, Nauka Publ. 167 p.
- Mimohod R.A., 2021. «Zagadochnye» sidyachie zahoroneniya bronzovogo veka v Volgo-Ural'e [“Mysterious” Seated Burials of the Bronze Age in the Volga-Ural Region]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 52-62.
- Pererva E.V., Moiseev V.I., Kharlamova I.I., 2021. Nestandartnaya poza pogrebennoogo cheloveka v srednesarmatskom zahoroneni i iz mogil'nika Kovalevka: sluchaynost' ili obryad? [Non-Standard Dead Body Positioning in the Middle Sarmatian Grave from Kovalevka Burial Ground: Is it by Accident or Ritual?]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 159-180.
- Fedorova-Davydova E.A., 1983. Raskopki kurgannoy gruppy Shahaevskiy II na r. Manyche [Excavations of the Kurgan Group Shakhavsky II Near the River Manych]. *Drevnosti Dona. Materialy rabot Donskoy ekspeditsii* [Antiquities of the Don. Proceedings of the Works of the Don Expedition]. Moscow, Nauka Publ., pp. 35-87.
- Khlobystina M.D., 1991. «Sidyachie» pogrebeniya Severnoy Evrazii epohi neolita i bronzy [“Seated” Burials of Northern Eurasia of the Neolithic and Bronze Ages]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 203, pp. 32-38.
- Shilov V.P., 1985. Kurgannyi mogil'nik u s. Tsatsa [Kurgan Cemetery Near the Village Tsatsa]. *Drevnosti Kalmykii* [Antiquities of Kalmykia]. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy of Soviet of Ministry of Kalmyk ASSR, pp. 94-157.
- Shilov V.P., Bagautdinov R.S., 1998. Pogrebeniya eneolita – ranney bronzy mogil'nika Evdyk [Burials of the Eneolithic – Early Bronze Age at the Evdyk Cemetery]. *Problemy drevney istorii Severnogo Prikaspiya* [Problems of the Ancient History of the Northern Caspian]. Samara, SamSPU, pp. 160-178.
- Shishlina N.I., 1997. Pogrebal'nye traditsii naseleniya Kalmytskikh stepey v epohu ranney bronzy [Funeral Traditions of the Population of the Kalmyk Steppes in the Early Bronze Age]. *Arheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyy obryad. Trudy GIM* [Archaeological Collection. Funeral Rite], iss. 93. Moscow, SHM, pp. 5-14.

Shishlina N.I., 2007. *Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epohu bronzy (V–III tys. do n.e.)*. [North-Western Caspian in the Bronze Age (5th – 3rd millennium BC)], iss. 165. Moscow, SHM. 400 p.

Shishlina N.I., Chichagova O.A., Zazovskaya E. P., van der Plicht J., 2003. Radiouglerodnaya hronologiya maykopskih pamyatnikov yuzhnyh Ergeney [Radiocarbon Chronology of the Maikop Sites of the Southern Ergeni]. *Chteniya, posvyashchennye 100-letiyu deyatel'nosti Vasiliya Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee: tez. konf.* [Readings Dedicated to the 100th Anniversary of the Activity of Vasiliiy Alekseevich Gorodtsov in the State Historical Museum. Conference Abstracts]. Moscow, SHM, pp. 79-82.

Information About the Author

Alexander N. Dyachenko, Researcher, Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

Информация об авторе

Александр Николаевич Дьяченко, научный сотрудник лаборатории археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>

UDC 930.26(470+571)
LBC 63.48(2)

Submitted: 01.12.2021
Accepted: 15.04.2022

HORSE BRIDLE ASSEMBLAGE FROM THE MAEOTIAN BURIAL ON THE RIGHT BANK OF THE KUBAN RIVER¹

Natalya Yu. Limberis

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ivan I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The paper presents an overview of a unique Maeotian horse bridle assemblage from the cemetery of Starokorsunskaya settlement No. 2 located on the right bank of the Kuban river. The horse was buried lying with its abdomen in a ventral position, its legs folded up underneath its abdomen, its face turned east-north-east. The eastern part of the burial construction was damaged and collapsed into the storage reservoir. It is possible that the person's burial who was accompanied by the horse, also disintegrated. Two iron socketed arrowheads dating back to the 6th–3rd centuries BC were found between the horse ribs. In the horse's teeth there were two-piece iron bits with rigid check-devices; more than six sets of iron single-gnawed bits lay next to the horse. Two-piece iron bits were equipped with rigid check-devices in the form of short crosses, the ends of which were forged into blades with sharp small teeth (*variant B*). The check-devices of this variant were recorded in the Maeotian culture of the second quarter – middle 4th century BC, and possibly existed throughout the first half of the next century. However, the latest assemblages with such check-devices from the sites on the right bank of the Kuban river dating back precisely to the beginning – the first quarter of the 3rd century BC according to the amphorae containers. A group of single-gnawed bits consisted of six sets with cheek-pieces of different types. The bits themselves (except for one set) are pseudo-twisted, with a movable ring at one end and a cheek-piece at the other. Cheek-pieces with an 8-shaped widening in the middle are of two different types. Three pairs of bits are equipped with a pseudo-twisted rod-shaped cheek-pieces, the other three blade cheek-pieces with conical and moon-shaped pendants. Cheeks of these types do not yet have close analogies either in the Maeotian or in the Scythian culture, and the single-gnawed bits were never found anywhere before. According to cross-shaped rigid check-devices on two-piece bits, the chronology of the burial is limited to the second quarter of the 4th – beginning of the 3rd century BC. The set of single-gnawed bits was most likely intended for training young horses on the lane. The presence of six sets of such bits in the burial probably indicates that a horse-breaker was buried there.

Key words: Kuban region, Maeotians, burial ground, horse, bit, cheek-pieces, arrowheads.

Citation. Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2022. Kompleks konskoy uzdy iz meotskogo pogrebeniya na pravoberezh'e Kubani [Horse Bridle Assemblage from the Maeotian Burial on the Right Bank of the Kuban River]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 267-275. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>

УДК 930.26(470+571)
ББК 63.48(2)

Дата поступления статьи: 01.12.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

КОМПЛЕКС КОНСКОЙ УЗДЫ ИЗ МЕОТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ КУБАНИ¹

Наталья Юрьевна Лимберис

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В статье публикуется уникальный меотский комплекс конской узды из могильника Старокорсунского городища № 2, расположенного на правом берегу р. Кубань. Лошадь была захоронена на животе с поджатыми ногами, мордой ориентирована на ВСВ. Восточная часть погребального сооружения обрушилась в водохранилище. Возможно, обвалилось и захоронение человека, которого сопровождала лошадь. Между ребер лошади были найдены два железных втульчатых наконечника стрел, которые датируются очень широко – VI–III вв. до н.э. В зубах лошади находились железные двусоставные удила со строгими насадками. Еще шесть комплектов железных одногрязловых удил лежали рядом с лошастью. Двусоставные железные удила были снабжены строгими насадками в виде коротких крестовин, концы которых раскованы в лопасти с острыми мелкими зубцами (*вариант В*). Насадки этого варианта фиксируются в меотской культуре со второй четверти – середины IV в. до н.э. и, возможно, бытуют всю первую половину следующего столетия. Однако самые поздние комплексы с такими насадками из памятников правобережья Кубани, твердо датированные по амфорной таре, не выходят за пределы начала – первой четверти III в. до н.э. Набор одногрязловых удил состоял из шести комплектов с псалиями разных типов. Сами удила (кроме одного комплекта) – ложновитые, с подвижным кольцом на одном конце и псалием на другом. Псалии с 8-образным расширением в средней части относятся к двум разным типам. Три пары удил снабжены стержневидными ложновитыми псалиями, три другие – лопастными псалиями с подвесками конической и луновидной формы. Псалии этих типов пока не имеют близких аналогий ни в меотской, ни в скифской культуре, а одногрязловые удила ранее нигде не встречались. По строгим крестовидным насадкам на двусоставных удилах хронология погребения ограничивается второй четвертью IV – началом III в. до н.э. Набор одногрязловых удил, скорее всего, предназначался для обучения молодых лошадей на корде. Наличие в захоронении шести комплектов таких удил, возможно, говорит о том, что здесь был похоронен объездчик лошадей.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, грунтовый могильник, лошадь, удила, псалии, наконечники стрел.

Цитирование. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2022. Комплекс конской узды из меотского погребения на правобережье Кубани // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 267–275. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>

В Краснодарской группе меотских памятников IV–III вв. до н.э. погребения всадников с захоронениями лошадей и конской сбруей встречаются намного реже, чем в более западных районах (к примеру, Прикубанский могильник) и в Закубанье (Новолабинский курган, Уляпские и Тенгинские могильники). В связи с этим большой интерес представляют находки конской узды, еще не введенные в научный оборот. Так случилось, что один комплекс, раскопанный нами 30 лет назад на могильнике Старокорсунского городища № 2, остался неопубликованным. Этот памятник, расположенный в 4 км к ВСВ от станции Старокорсунской (Карасунский округ г. Краснодара), с 1987 г. исследуется Краснодарской экспедицией Кубанского госуниверситета. За десятилетия систематических раскопок здесь было открыто 1 052 погребения, хронологический диапазон которых охватывает весь период существования и развития меотской культуры на правобережье Кубани с рубежа VII–VI вв. до н.э. до III в. н.э.

В 1992 г. на восточном участке могильника на обрыве берега Краснодарского водохранилища было расчищено погребение лоша-

ди № 223в (рис. 1,1). Могильная яма не прослеживалась, так как погребение было впущено в слой гумусированного суглинка. Восточная часть погребального сооружения обрушилась в водохранилище. Возможно, обвалилось и захоронение человека. Лошадь лежала на животе; от черепа сохранились лишь зубы, положение которых указывает на то, что мордой лошадь была ориентирована на ВЮВ. Задние ноги были поджаты под таз, передние подогнуты и повернуты влево. В зубах лошади находились железные двусоставные удила со строгими насадками. Отдельно, компактной кучкой (у левой передней ноги лошади), лежал набор из железных одногрязловых удил с псалиями. Между ребрами были расчищены два железных втульчатых наконечника стрел.

Двусоставные железные удила (рис. 1,3) были снабжены строгими насадками в виде коротких крестовин размерами 7,5 × 7,5 см, концы которых раскованы в лопасти с острыми мелкими зубцами. Такие насадки были выделены нами в *вариант В* [Лимберис, Марченко, 2019, с. 161]. Грызла удил гладкие, круглые в сечении. Перед внешними кольцами на грыз-

лах имеются утолщения, не дававшие насадкам сдвигаться с места. С одной стороны удила сохранилось внешнее кольцо, которое не было до конца замкнуто. Внутреннее кольцо на втором грызле также не было замкнуто.

Набор одногрызловых удили состоял из шести комплектов с псалиями двух разных типов. Два одинаковых комплекта (рис. 1,4,6,7) представлены удилами с перекрученным (ложновитым) грызлом, из прямоугольного в сечении стержня. Концы грызла гладкие, круглого сечения. Один конец образует замкнутое кольцо, в которое вставлялся псалий, второй расплюсчен и закручен вокруг плоского в сечении кольца, остающегося подвижным. Псалии в обоих комплектах – прямые, стержневидные, двудырчатые, с 8-видным расширением в центре, завершающиеся округлыми «шишечками». Стержни псалиев круглые в сечении, также перекрученные. Конец одного псалия плохо сохранился (рис. 1,4). Длина удили с внутренним кольцом – 14,5 см, 16,5 см, длина грызла – 8,5 см, 8,7 см, диаметр внутреннего кольца удили – 2,7 см, диаметр внешнего подвижного кольца – 3,3 см, длина псалиев – 22,5 см.

Такой же стержневидный ложновитой (или крученный) псалий входил в состав третьего комплекта (рис. 1,10). От удили сохранилось незамкнутое внутреннее кольцо с маленькой частью грызла. Длина псалия – 22,6 см.

Грызла удили из четвертого и пятого комплектов (рис. 1,8,9) также крученые, с подвижным кольцом на внешнем конце. Во внутреннее неподвижное кольцо вставлены псалии с широкими лопастями, развернутыми перпендикулярно плоскому 8-образному расширению. По одному краю лопастей имеются полукруглые вырезы, другой край – ровный, с железными подвесками в виде свернутых из тонких пластинок конусов и лунниц. На псалии из четвертого комплекта (рис. 1,8) к одной из лопастей через отверстия крепились три подвески, из которых сохранилась одна конусовидная, а от двух других в отверстиях остались петельки. К другой лопасти крепилась только одна конусовидная подвеска. К лопастям псалия из пятого комплекта с одной стороны были подвешены конус и лунница, с другой, судя по отверстиям, первоначально крепились три подвески, но сохранилась одна конусовидная (рис. 1,9). Длина грызла с внут-

ренним кольцом – 14 см, без кольца – 8,7 см, диаметр внутреннего кольца – 3 см, диаметр внешнего подвижного кольца – 3,5 см, длина псалиев – 25,7 см.

Шестой подобный комплект (рис. 1,5) отличается от предыдущих грызлом из гладкого, круглого в сечении стержня. Псалий двухлопастной, но лопасти более узкие, с нечеткими вырезами по одному краю. На лопастях – по одной конусовидной подвеске. Длина грызла с неподвижным кольцом – 14 см, длина псалия – 22,4 см.

Удила с ложновитыми грызлами в меотских памятниках встречаются очень редко. Нам известны лишь две находки из Закубанья. Из скопления 11 кургана 6 Уляпского некрополя происходят удила, у которых одно грызло – крученое, другое – гладкое. Этот комплекс датируется в пределах второй половины III в. до н.э. [Лесков и др., 2013, с. 62, рис. 63,6] или даже рубежом III–II вв. до н.э. [Беглова, 2013, с. 70, рис. 5,4]. Более поздние удила с подобными грызлами найдены в погребении № 137 Тенгинского грунтового могильника, которое включено исследователями в хронологическую группу конца III – первой половины II в. до н.э. [Беглова, Эрлих, 2018, с. 175, рис. 184,7].

Немногочисленны и находки удили с крученными грызлами в скифских памятниках. Так, А.Д. Могилов приводит несколько экземпляров середины V – начала III в. до н.э.: из кургана 6 у Старинской птицефабрики, кургана 11 группы Частых курганов, кургана 9 Дуровки (со строгими насадками *варианта А*), а также кургана 29/21 Мастюгинской группы [Могилов, 2008, с. 120, 128, 132, 134, рис. 25,7, 35,3, 36,2, 81,10,11].

Что касается стержневидных псалиев, то крученые экземпляры среди них единичны. Псалии с 8-видным расширением в центре и ложновитыми стержнями из погребения № 10 кургана Новолабинского городища IV отличаются от старокорсунских флажковыми окончаниями. Псалии встречены вместе с удилами, имеющими строгие насадки *варианта В*. В этом же комплексе найден пластинчатый орнаментированный нагрудник с бронзовой подвеской-лунницей [Раев, Беспальный, 2006, с. 14–16, табл. 12,1,2,4,6]. Это погребение мы датировали началом III в. до н.э., опираясь на

заключение С.Ю. Монахова по хронологии амфоры неизвестного центра [Марченко, Лимберис, 2009, с. 71]. Гладкие стержневидные псалии с подобными флажковидными окончаниями известны в Пластуновском комплексе с пластинчатым бронзовым налобником **типа 1** по нашей типологии. Комплекс в свое время был отнесен нами к последней четверти IV – началу III в. до н.э. [Марченко, Лимберис, 2009, с. 73, рис. 5,6].

Лопастным псалиям из Старокорсунской также трудно найти близкую аналогию. Отдаленное сходство с ними имеет железный Г-образный псалий с лопастями «в виде стилизованных головок хищной птицы» из святилища кургана № 2 Тенгинского могильника, которое датируется второй половиной IV – началом III в. до н.э. [Эрлих, 2011, с. 55, 81, рис. 100,4]. При этом средняя часть с отверстиями и лопастные окончания, как и у псалиев из Старокорсунской, расположены в разных плоскостях. Более ранние бронзовые и серебряные S-видные двудырчатые псалии с узкими фигурными лопастями, выполненными в скифском зверином стиле, происходят из Ульского кургана № 2 1909 г. [Эрлих, 2015, с. 48, кат. 126, 127, табл. 9, 10].

Особенностью старокорсунских псалиев являются также подвески: конусовидные с ушками-петельками и в виде лунниц. Железные и бронзовые предметы конского снаряжения с подвесками в виде конусов и лунниц хорошо известны в разных (и не только меотских) памятниках, тогда как псалии с какими-либо подвесками до сих пор не встречались. Бронзовые конические подвески, правда, немного отличающиеся от старокорсунских, и лунницы служили дополнительным украшением нагрудников в конских захоронениях (погребение № 21 и ситуация 3) некрополя Новолабинского городища IV [Раев, Беспалый, 2006, с. 19–21, 40–41, табл. 19,1–4, 38,1–5]. В первом случае они встречены с двумя налобниками **типа 1**, во втором – с удилами, снабженными строгими насадками *варианта D*, широкая хронология которого в настоящее время может быть ограничена началом III – серединой II в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019, с. 168, 171]. Однако датировка обоих комплексов из Новолабинского могильника, по нашему мнению, вряд ли выходит за первую половину III в. до н.э.

Нагрудник с лунницами-подвесками был также найден в склепе 1 могильника № 2 Тарского городища на окраине г. Ставрополя. В комплект входили и три бронзовых пластинчатых налобника **типа 1**. Хронология этого комплекса (IV – конец III – начало II в. до н.э.) довольно спорная, так как верхнюю дату авторы определяют по находкам родосских клейм из тризны [Кудрявцев и др., 2000, с. 42, 44, рис. 2].

Комплект из трех бронзовых пластинчатых налобников и нагрудника, украшенный подвесками с проволочными петельками на длинных перевитых стерженьках, происходит из погребения № 140 (ритуальный комплекс № 1) Тенгинского грунтового могильника. К нагруднику были подвешены девять конических подвесок и две лунницы. Аналогичный налобник с такими же коническими подвесками найден и в погребении № 158 этого же могильника. Оба комплекса исследователи включили в раннюю хронологическую группу конца III – начала II в. до н.э., ограничив их датировку по импортам первой половиной второго века [Беглова, Эрлих, 2018, с. 158–159, 175, рис. 186]. «Время сооружения» погребения № 140 отнесено ко второй четверти II в. до н.э. [Беглова, 2004, с. 89, 104, рис. 8; 2016, с. 33, 43, табл. 4, рис. 5,9]. Бронзовые конические подвески и лунницы украшали близкий по стилю декора нагрудник из погребения коня № 2 Большого кургана Васюриной горы, которое, как показал О.В. Шаров, можно датировать первой четвертью II в. до н.э. [Шаров, 2009, с. 301–302, рис. 4, 5], но не ранее 191 г. до н.э., судя по клеймам родосских амфор [Бидзиля, Полин, 2012, с. 584]. Главное отличие всех этих подвесок от старокорсунских – отверстия в верхней части, через которые с помощью проволочных петелек они крепились к нагруднику.

По своим морфологическим признакам конические подвески из старокорсунского погребения близки бронзовым псевдоколокольчикам с петлей-ушком из тризны Гаймановой могилы первой половины IV в. до н.э. Такие подвески, как отмечает С.В. Полин, не характерны для Скифии, но встречаются в лесостепной зоне и связаны с подгорцевской культурой. В отличие от скифских подвесок, которые подвешивались на каких-то ремешках или крючках [Бидзиля, Полин, 2012, с. 220–222, 224, рис. 321, 330], старокорсунские, как и подвески

из Гаймановой могилы, крепились через разжатое ушко-петлю. Нам кажется, что это может быть ранним хронологическим признаком, так как все перечисленные выше более поздние аналогии отличаются формой и системой крепления через проволочные петельки.

Между ребер лошади в погребении № 223в были расчищены два мелких железных втульчатых трехлопастных наконечника стрел (длина – 2,2 см и 2,6 см). У одного наконечника лопасти срезаны под тупым углом к втулке, у второго – под острым (рис. 1,2). Такие наконечники широко представлены в меотских комплексах VI–III вв. до н.э., поэтому уточнить хронологию захоронения они не могут.

Единственным предметом в старокорсунском комплексе с более-менее узкой хронологией являются удила с короткими крестовидными насадками *варианта В* с раскованными в лопасти зубчатыми окончаниями. Ранее такие насадки на удила мы датировали последней четвертью IV – началом III в. до н.э. [Марченко, Лимберис, 2009, с. 71]. Но в связи с уточнением датировок амфорной тары и новыми материалами в специальной статье нами была произведена корректировка их хронологии. Эти элементы узды фиксируются со второй четверти – середины IV в. до н.э. и, возможно, бытуют всю первую половину следующего столетия, хотя расширение верхней даты связано в основном с широкими датировками комплексов из Закубанья, которые не содержат надежных хроноиндикаторов, – таких как амфорная тара. Однако на правобережье Кубани, в частности, на могильнике Старокорсунского городища № 2, самые поздние комплексы с насадками этого варианта, твердо датированные по амфорам, не выходят за пределы начала – первой четверти III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019, с. 164, 167, 171]. К примеру, удила с такими насадками из погребения № 239в, раскопанного на этом же участке некрополя, по амфорам Коса мы отнесли к концу IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2007, с. 71, рис. 18,3,4, 20,1]. Недавно С.Ю. Монахов уточнил датировку амфор из этого комплекса, ограничив ее последним десятилетием четвертого столетия [Монахов, 2014, с. 204, рис. 5,18,19]. Если допустить, что амфоры несколько запаздывают, то верхняя дата захоронения приходится на самое начало III в. до н.э., что ограничи-

вает и время бытования насадок *варианта В* на правобережье Кубани.

Таким образом, широкую хронологию погребения № 223в, скорее всего, нужно обозначить в рамках второй четверти IV – начала III в. до н.э.

Возраст лошади из захоронения определен в пределах 8–10 лет, высота в холке – 138 см². Лошади такой высоты относятся к среднерослым [Сазонов и др., 1995, с. 125, табл. 14]. Возраст лошади свидетельствует, что она была уже обьезжена: считается, что наивысшая продуктивность лошадей приходится на промежуток между 8 и 18 годами их жизни [Бенеке и др., 2017, с. 256]. Однако для ее управления использовались строгие удила. Кроме того, в погребение зачем-то был помещен большой набор одногрызловых удил: единственный, известный у меотов, на сегодняшний день. Одногрызловые удила отличаются от двухсоставных еще и тем, что имеют псалий лишь на одном конце, а на другом – дополнительное подвижное кольцо. Встает вопрос: для какой цели предназначалась такая узда? Из всех возможных вариантов объяснения ее предназначения наиболее правдоподобной нам представляется версия, что эти удила использовались при обучении молодых лошадей («неуков»). С внешним кольцом было удобнее гонять лошадь на корде по кругу (лонжирование)³. Если эта версия верна, то мы имеем первый случай, свидетельствующий о конкретном тренинге лошадей у меотов. Наличие в захоронении шести комплектов таких удил, возможно, говорит о том, что здесь был похоронен обьездчик лошадей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ, грант № 18-09-00619 «Военное дело меотов правобережья Кубани (VI в. до н. э. – III в. н. э.)».

The work was funded by RFBR, grant no. 18-09-00619 “Military Affairs of the Maeotians of the Kuban Right Bank (6th century BC – 3rd century AD)”.

² Палеозоологические определения выполнены профессором Германского археологического Института Норбертом Бенеке, которому мы выражаем благодарность.

³ Благодарим наших коллег из Государственного Эрмитажа Е.Ф. Королькову и А.Ю. Алексева за обстоятельную консультацию и предложенную ими версию использования одногрызловых удил.

ПРИЛОЖЕНИЯ

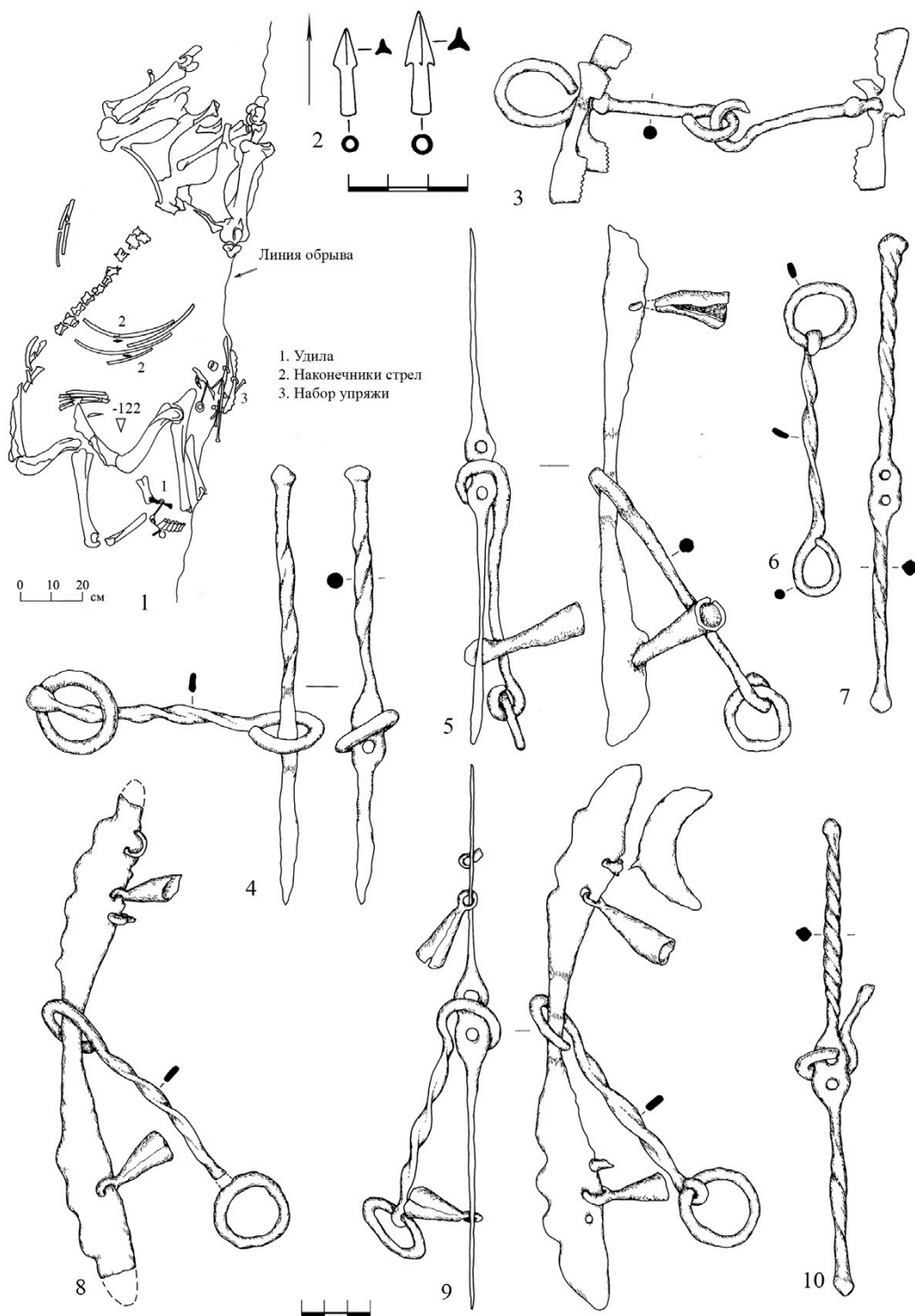

Рис. 1. Погребение № 223в могильника Старокорсунского городища № 2:
 1 – план захоронения лошади; 2 – наконечники стрел; 3 – двусоставные удила со строгими насадками;
 4, 6, 7, 10 – одногнзловые удила со стрежневидными псалиями;
 5, 8, 9 – одногнзловые удила с лопастными псалиями (2–10 – железо). Рисунки С.О. Пальченковой

Fig. 1. Burial no. 223в from the cemetery of Starokorsunskya settlement No. 2:

1 – horse burial plan; 2 – arrowheads; 3 – two-piece bits with a rigid check-devices;
 4, 6, 7, 10 – single-gnawed bits with a pseudo-twisted rod-shaped cheek-pieces;
 5, 8, 9 – single-gnawed bits with a blade cheek-pieces (2–10 – iron). Drawings by S.O. Pal'chenkova

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беглова Е. А., 2004. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии*. № 3. М. : ИА РАН. С. 88–107.
- Беглова Е. А., 2013. О верхней дате Уляпского некрополя // *Древности Западного Кавказа*. Вып. 1. Краснодар : ООО РА «Гранат». С. 66–78.
- Беглова Е. А., 2016. Парадный конский убор IV–II вв. до н.э. в памятниках Юга России // *Археологическая наука: практика, теория, история : сб. науч. тр. памяти И. С. Каменецкого*. М. : ИА РАН. С. 30–50.
- Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М. ; СПб. : Нестор-История. 384 с.
- Бенеке Н., Прюво М., Вебер К., 2017. Скелеты лошадей: палеозоологические и генетические исследования // Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. С. 250–257.
- Бидзиля В. И., Полин С. В., 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев : Издательский дом «Скиф». 752 с.
- Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А., Прокопенко Ю. А., 2000. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника Татарского городища города Ставрополя // *Донская археология*. № 2. С. 40–47.
- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2013. Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М. : Государственный музей Востока. 184 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 7. Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 70–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.)*. Т. V. Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 161–174.
- Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., 2009. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 3 (39). С. 69–74.
- Могилев О. Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ ; Кам'янець-Подільський : Изд-во : ІА НАНУ. 439 с.
- Монахов С. Ю., 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // *Stratum plus*. № 3. С. 195–222.
- Раев Б. А., Беспалый Г. Е., 2006. Курган скифского времени на грунтовой могильнике IV Новолабинского городища. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. 110 с.
- Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сахтарьек З. Н., Тов А. А., 1995. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // *Археология Адыгеи*. Майкоп. С. 113–128.
- Шаров О. В., 2009. О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы // *Боспорские исследования*. Т. XXII. С. 283–323.
- Эрлих В. Р., 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. М. : Наука. 212 с.
- Эрлих В. Р., 2015. Конское снаряжение и предметы вооружения // *Ульские курганы. Культново-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Степные народы Евразии*. Т. IV. М. ; Берлин ; Бордо : Палеограф. С. 44–57.

REFERENCES

- Beglova E.A., 2004. Pervyy ritual'nyy kompleks Tenginskogo mogil'nika [The First Ritual Association of the Cemetery Near the Village Tenginskaya]. *OPUS: mezhdisciplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology], no. 3. Moscow, IA RAS, pp. 88-107.
- Beglova E.A., 2013. O verkhney date Ulyapskogo nekropolya [On the Upper Date of the Ulyap Necropolis]. *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza* [Antiquities of the Western Caucasus], iss. 1. Krasnodar, OOO RA Granat Publ., pp. 66-78.

- Beglova E.A., 2016. Paradnyy konskiy ubor IV–II vv. do n.e. v pamyatnikah Yuga Rossii [Ceremonial Horse Dress of the 4th – 2nd Centuries B.C. in the Monuments of the South of Russia]. *Arkheologicheskaya nauka: praktika, teoriya, istoriya: sb. nauch. tr. pamyati I.S. Kamenetskogo* [Archaeological Science: Practice, Theory, History. Papers of Scientific Works in Memory of I.S. Kamenetsky]. Moscow, IA RAS, pp. 30-50.
- Beglova E.A., Erlih V.R., 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya (po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika)* [Maeotians of the Trans-Kuban Region in the Sarmatian Time (According to the Materials of the Tenginskaya Burial Ground)]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ. 384 p.
- Benecke N., Pruvost M., Weber C., 2017. Skelety loshadey: paleozoologicheskie i geneticheskie issledovaniya [Horse Skeletons: Paleozoological and Genetic Studies]. *Chugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [Chugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. The Royal Kurgan of the Scythian Time Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk, IAET SD RAS, pp. 250-257.
- Bidzilya V.I., Polin S.V., 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila* [Scythian Royal Kurgan of Gaimanova Mogila]. Kiev, Izdatel'skiy dom «Skif» Publ. 752 p.
- Kudryavtsev A.A., Kudryavtsev E.A., Prokopenko Yu.A., 2000. Kompleks predmetov konskogo ubora pozdneskifskogo vremeni iz mogil'nika Tatarskogo gorodishcha goroda Stavropolya [An Assamblage of Items of Horse Dress of the Late Scythian Time from the Burial Ground of the Tatar Settlement of the Stavropol City]. *Donskaya arheologiya* [Archeology of the Don], no. 2, pp. 40-47.
- Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontova I.V., Erlikh V.R., 2013. *Meoty Zakuban'ya IV–III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye komplekсы* [Maeotians of Trans-Kuban Region of the 4th – 3rd Centuries BC. Necropolis Near the Aul of Ulyap. Sanctuaries and Ritual Places]. Moscow, State Museum of Oriental Art. 184 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2007. Raskopki mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 2006 g. [Excavations of the Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement no. 2 in 2006]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of the Kuban Region], iss. 7. Krasnodar, KubSU, pp. 70-150.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2019. Zheleznye udila so strogimi nasadkami iz meotskih mogil'nikov Prikuban'ya [The Iron Bits with a Rigid Check-Devices from the Maeotian Burials of the Kuban River Region]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.). Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archeology and History”], vol. V. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 161-174.
- Marchenko I.I., Limberis N.Yu., 2009. Plastinchatye konskie nalobniki iz Prikuban'ya [Lamellar Horse Foreheads from the Kuban Region]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Eurasi* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], no. 3 (39), pp. 69-74.
- Mogilov O.D., 2008. *Sporyadzhennya konya skifs'koï dobi u lisostepu Skhidnoy Evropi* [Horse Equipment of the Scythian Age in the Forest-Steppe of Eastern Europe]. Kii, Kam'yanets'-Podil's'kiy, IANASU. 439 p.
- Monakhov S. Yu., 2014. Koskie i psevdokoskie amfory i kleyma [Koan and Pseudo-Koan Amphorae and Stamps]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 195-222.
- Raev B.A., Bepalyy G.E., 2006. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha* [The Mound of the Scythian Time in the Burial Ground of the IV Novolabinsk Settlement]. Rostov-na-Donu, SSC RAS. 110 p.
- Sazonov A.A., Spasovskiy Yu.N., Sakhtar'ek Z.N., Tov A.A. 1995. Novyye materialy mogil'nika pervykh vekov nashey ery bliz khutora Gorodskogo [New Materials of the Burial Ground of the First Centuries of Our Era Near the Gorodskoy Farm]. *Arheologiya Adygei* [The Archaeology of Adygea]. Maykop, pp. 113-128.
- Sharov O.V., 2009. O konskih pogrebeniyah Bol'shogo kurgana Vasyurinskoy gory [On the Horse Burials of the Big Kurgan of Vasyurinskaya Mountain]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies], vol. XXII, pp. 283-323.
- Erlikh V.R., 2011. *Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n.e.* [The Shrines in the Necropolis of the 2nd Tenginskaya Settlement 4th Century BC]. Moscow, Nauka Publ. 212 p.
- Erlikh V.R., 2015. Konskoe snaryazhenie i predmety vooruzheniya [Horse Equipment and Weapons]. *Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyy kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze. Stepanye narody Evrazii* [The Ulskii Tumuli. Cultic and Burial Ensemble of the Scythian Period in the Northern Caucasus], vol. IV. Moscow, Berlin, Bordeaux, Paleograf Press Publ., pp. 44-57.

Information About the Authors

Natalya Yu. Limberis, Senior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Ivan I. Marchenko, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Информация об авторах

Наталья Юрьевна Лимберис, старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Иван Иванович Марченко, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.15>

UDC 902
BBC 63.4(2)

Submitted: 09.12.2021
Accepted: 15.04.2022

NEW FINDS OF A BRICK WITH ARABIC INSCRIPTION FROM HAJJI TARKHAN HILLFORT

Nikita I. Iudin

Azov Historical Archeological and Paleontological Museum-Reserve, Azov, Russian Federation

Damir S. Soloviov

Astrakhan Museum-Reserve, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. The article is a publication of the brick discovered in the first half of the 20th century on the territory currently identified as a part of the Golden Horde known as Hajji Tarkhan, which is deposited in the funds of the Astrakhan Museum-Reserve. The fact that the finds entered the museum funds is connected with deliberate destruction of the settlement which had begun at the end of the 16th century. The latter is confirmed by historical sources. A well-preserved inscription in Arabic is a distinctive feature of the brick; the inscription is legible and possible to translate. Another characteristic of the inscription is that the letters were drawn without observing the norms of calligraphy on slightly dried clay or after the firing in the oven. The inscription includes three words, one of which is breaking on to the next line and forming a phrase that currently does not have exact analogies for translation. Nevertheless, a proposed translation option characterizes the inscription as one of the variations of the Quranic text formulas traditionally applied to various household items (vessels, candlesticks, pencil cases, etc.) since the 10th century. The nature of the unexpected finding in the lifting ground does not allow attributing it to any other construction on the Hillfort territory. Nevertheless, it was suggested that the brick was connected with the remains of a brick wall marked on the plan of the Shareniy Bugor hillfort drafted in 1924. The described and translated inscription is a new epigraphic source for the Golden Horde archeology. In addition, this is one of rare examples of the period when the text of the inscription was completely restored and translated.

Key words: Golden Horde, Hajji Tarkhan, Shareniy bugor, Arabic language, epigraphy, brick.

Citation. Iudin N.I., Soloviov D.S., 2022. Nahodka kirpicha s nadpis'yu na arabskom yazyke s territorii gorodishcha Hadzhi-Tarhan [New Finds of a Brick with Arabic Inscription from Hajji Tarkhan Hillfort]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 276-285. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.15>

УДК 902
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 09.12.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

НАХОДКА КИРПИЧА С НАДПИСЬЮ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ С ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА ХАДЖИ-ТАРХАН

Никита Игоревич Юдин

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник,
г. Азов, Российская Федерация

Дамир Сергеевич Соловьев

Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой публикацию находки глиняного обожженного кирпича, сделанную в первой половине XX в., на территории, в настоящее время отождествляемой с частью золотоордынского городища Хаджи-Тархан и сейчас находящуюся на хранении в фондах Астраханского музея-заповедни-

ка. Причина попадания находки в музей связана с активным намеренным разрушением городища, начавшимся еще с конца XVI века. Последнее подтверждается историческими источниками. Специфическая черта кирпича – надпись на арабском языке удивительной сохранности, которую удалось прочитать и перевести. Характерная особенность надписи – нанесение букв без соблюдения норм каллиграфии, по слегка подсохшей глине, либо вовсе после обжига. Состав надписи – три слова, одно из которых написано с переносом на следующую строку и образующих выражение, в настоящий момент не имеющее точных аналогий. Тем не менее предложенный перевод характеризует надпись, как одну из вариаций коранических формул, традиционно наносившихся на различные предметы быта (сосуды, подсвечники, пеналы и т. д.) еще с X в. н.э. Характер находки, являвшейся подъемным материалом, не позволяет связать ее с какой-либо постройкой на территории городища. Несмотря на это, было выдвинуто предположение о связи кирпича с надписью с остатками стены, отмеченной на плане городища Шареный Бугор, составленном в 1924 году. Описанная и переведенная надпись является новым для золотоордынской археологии эпиграфическим источником. Кроме того, это один из редких примеров, когда состав надписи удалось полностью восстановить и перевести.

Ключевые слова: Золотая Орда, Хаджи-Тархан, Шареный бугор, арабский язык, эпиграфика, кирпич.

Цитирование. Юдин Н. И., Соловьев Д. С., 2022. Находка кирпича с надписью на арабском языке с территории городища Хаджи-Тархан // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 276–285. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.15>

Для золотоордынской археологии находки с надписями на том или ином языке – достаточно редкое явление. Вместе с тем подобные источники представляют собой важный пласт материальных свидетельств, характеризующих различные стороны жизни древнего населения.

Согласно письменным источникам, золотоордынский город Хаджи-Тархан известен с XIII в. и просуществовал достаточно долгое время. Несмотря на то что после нашествия Тимура в 1396 г. город пришел в упадок, свидетельства о его существовании и упоминания позволяют сделать вывод о жизни на этом месте вплоть до завоевания Астраханского ханства Иваном Грозным в 1556 году.

Хаджи-Тархан был крупным торговым городом на пути Восток – Запад и находился в левобережной части Волги чуть выше современной Астрахани. Остатки крупного поселения, располагавшегося на трех бэровских буграх, именуемых «Шареные» или «Жареные», были известны местному населению давно. Местоположение и контекст этого объекта дают возможность уверенно соотносить городище на Шареных (Жареных) буграх с золотоордынским городом Хаджи-Тархан [Егоров, 2009, с. 119].

Корпус эпиграфических источников, происходящих из Хаджи-Тархана, нельзя назвать насыщенным. Этому есть вполне очевидная причина – в течение многих десятилетий и даже веков, остатки города подвергались активному разрушению.

В 1588 г. царем Федором Иоановичем было «велено ломать мизгити и палаты в Золотой Орде и тем делати» Астрахань [Егоров, 1972, с. 73–92]. С этого момента начинается активное разрушение всех известных золотоордынских городищ, расположенных по течению выше Астрахани. Впоследствии полученные строительные материалы – кирпич, известь, камень, поливные изразцы – отправлялись к месту строительства Астраханского кремля речными судами. Не избежало этой участи и то, что осталось от городища Хаджи-Тархан. Разрушение золотоордынского города не ограничивалось добычей строительных материалов в виде организованных промыслов: сильно минерализованная почва культурного слоя дала возможность добывать там селитру, в результате чего на территории городища в начале XVIII в. возник селитренный завод.

Вследствие постоянного разрушающего воздействия огромное количество археологических материалов располагалось на дневной поверхности и на участках обнажений культурного слоя. Это обстоятельство, а также близость к городу стали предпосылкой для активного изучения этого памятника в XIX–XX веках. Первыми исследователями городища Хаджи-Тархан стали члены Петровского общества исследователей Астраханского края. С 1884 г. члены общества К.Н. Малиновский, И.А. Житецкий, П.А. Русаков, С.С. Краснодубовский, С.К. Круковская, М.М. Образцов, М.И. Турпаев, П.М. Новиков,

И.В. Нешмони́на, А.Г. Пушкарев предпринимают усилия по осмотру городища, сбору подъемного материала, проводят незначительные раскопки. Член Петровского общества И.А. Житецкий в июле 1884 г. проездом посетил городище «Шареный бугор», в настоящее время отождествляемый с Хаджи-Тарханом и оставил следующее описание: «Вблизи Калмыцкого Базара и селения Хохлацкого существует три бугра, объединенные общим названием – “Шареный” или “Жареный бугор”. Поверхность одного из бугров усеяна разной величины холмами и усыпана битой глиняной посудой, кусками изразцов и обожженных кирпичей – более чем на 2–3 версты в окружности» (в пересчете на современные меры длины это составляет 2 133,6–3 200,4 м. – *Н. Ю., Д. С.*). При осмотре было отмечено, что некоторые особенности посуды, изразцов и кирпича в деталях напоминали находки, сделанные около г. Царева, где находились археологические останки столицы Золотой Орды» [Протокол № 4 ... , 1888, с. 47–49].

В 1893 г. на территории городища проводил археологические раскопки член Императорской археологической комиссии А.А. Спицын. Он сообщает, что «при ближайшем ознакомлении, “Жаренный Бугор” оказался местом какого-то золотоордынского города, сильно разрушенного рекой и основательным образом расхищенного ради добывания кирпича. В настоящем виде он представляет возвышение, сплошь покрытое беспорядочными кучами мусора. Городище большими пластами обваливается в воду... но остатки его, еще тянутся по берегу реки полосой до 70 сажен ширины. На всем этом пространстве среди множества осколков битой посуды, кирпича, кусков угля и обломков костей встречаются различные, характерные для золотоордынских городов вещи и монеты. Последних на бугре собрано свыше двухсот штук» [Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 год ... , 1895, с. 28–31, 77–82].

В начале XX в. в коллекцию Астраханского музея поступает обожженный кирпич квадратной формы с надписью. Об этом в книге поступлений сделана запись: «№ 4763 Сборы Новикова, Турпаева. Плинфа. Строительный материал. XIII–XV в., место находки – Шареный бугор, глина, размер 22 × 22» [Кни-

га поступлений № 3 ... , № 4763]. Дата внесения записи в книгу поступления не сохранилась, но можно предположить, что данный кирпич был обнаружен в 1900 г. на Шареном бугре, где М.И. Турпаев и П.М. Новиков производили сбор подъемного материала [Гузеев, 2004, с. 12]. При постановке на государственный учет находке был присвоен индивидуальный номер А282, в государственном каталоге предмет обозначен как ГК 7676666.

Случайный характер находки не позволяет связать ее с той или иной постройкой средневекового города, так как в настоящее время существуют большие затруднения с их локализацией на территории городища. На сегодняшний день вся эта территория застроена Трусовским районом разросшегося города Астрахани. План городища, составленный в 1924 г. и опубликованный М.М. Образцовым в иллюстрированном альманахе «Астрахань в кармане» [Астрахань в кармане ... , 1925, с. 26–27], дает возможность составить некоторое представление о памятнике и предположить локализацию части городища в условиях современного ландшафта (рис. 1), а также примерно обозначить участок, где могла быть сделана находка кирпича. Отметим комментарии, сделанные автором плана, выделяющие такие объекты, как «кирпичная стена» и «обвалившаяся кирпичная кладка», откуда вполне могла происходить находка, исследуемая в настоящей статье (рис. 2).

Описание кирпича и содержание надписи. Находка представляет собой уплощенный кирпич квадратной формы размерами 25 × 25 см. Толщина его варьируется от 5 до 5,5 см. Кирпич удовлетворительной сохранности, хорошо обожжен и имеет красно-коричневый цвет. Сделан он, по всей видимости, в форме. Верхняя часть при изготовлении заглаживалась руками, о чем говорят сохранившиеся следы.

Надпись на арабском языке находится на стороне, обратной верхней части кирпича. Характер прочерченных линий говорит о том, что их нанесли не по сырой глине, а по слегка подсохшей либо вовсе процарапали после обжига.

Текст занимает поверхность кирпича практически полностью и состоит из 12 букв. Некоторые из них содержат, в том числе, и

точки огласовок, количество, сохранность и расстановка которых (называемая в арабском «ташкиль») дают важные подсказки к прочтению.

Буквы «распределены» по трем строкам и образуют два слова, а также союз «и». Сохранность строк неодинаковая, наиболее пострадала средняя. Ее прочтение, как и в целом интерпретацию надписи, затруднили частично отслоившаяся поверхность и полости, оставшиеся после утраты крупных фрагментов примесей к тесту, из которого формовался кирпич. Несмотря на плохую сохранность отдельных символов, при более внимательном рассмотрении их удалось воспроизвести и перевести (рис. 3–4).

Итак, состав надписи, выполненный на арабском языке, на наш взгляд, – *رحمه و اناامت*, что следует переводить как «Помилуй и благослови» или же «Милость и благословение» (прочтение Н.И. Юдина). Судя по всему, автору надписи не удалось уместить слово *وانامت* («и благослови» или «и благословение») на одной строке и он прибег к переносу на третью строку начиная с *امت*. Для удобства прочтения приводим транслитерации с использованием латиницы и русского языка – *rah(i)ma' h wa' wa' anamma t / рах(и)ма' ва' анамма т*.

Говорить о каком-либо соблюдении норм каллиграфии и конкретном почерке, на наш взгляд, в данном случае не приходится. Свойства глины делают ее не самой удобной основой для письма. Тем не менее все необходимые элементы букв присутствуют и опознаваемы. Сохранились даже точки над буквами *ن* и *ت*, а также символ *ء* («хамза») над буквой *و*. Все вышперечисленное и позволило нам уверенно высказать свой вариант пе-

ревода надписи, сам факт обнаружения которой на кирпиче делает находку экстраординарной.

На момент написания настоящей публикации авторам не удалось найти синхронных аналогий надписи. Однако данная формулировка выглядит вполне стандартной с точки зрения своего содержания и соответствует письменной традиции арабоязычных мусульман средневековья, для которой характерны всечеловеческие пожелания и наставления, наносившиеся на предметы и адресовавшиеся их владельцам.

Например, слово *وانامت* («ва' анамат» – «и благословение») встречается на Мавераннахрских глазурованных кувшинах начиная с X в. н.э. [Путешествие Ибн-Фадлана..., 2016, с. 111], а слово *رحمه* («рах(и)ма» – «милость») в одной из своих форм встречается в большом количестве письменных источников на арабском начиная с Корана. Как известно, каждая сура открывается басмалой *بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ*, где *الرَّحْمَنُ* («ал-рахман» – «милостивый») является однокоренным слову *رحمه*, включенному в состав изучаемой нами надписи.

Находку кирпича с надписью можно справедливо считать важным дополнением корпуса письменных источников как относящихся к Хаджи-Тархану, так и в целом к Золотой Орде. Кроме того, это один из примеров, когда текст удалось полностью прочитать и перевести. Дальнейшие архивные изыскания, касающиеся исследований начала XX в., а также археологические работы в предполагаемом месте обнаружения кирпича позволят уточнить археологический контекст и, возможно, пополнить коллекцию эпиграфических памятников Хаджи-Тархана новыми образцами.

ПРИЛОЖЕНИЯ

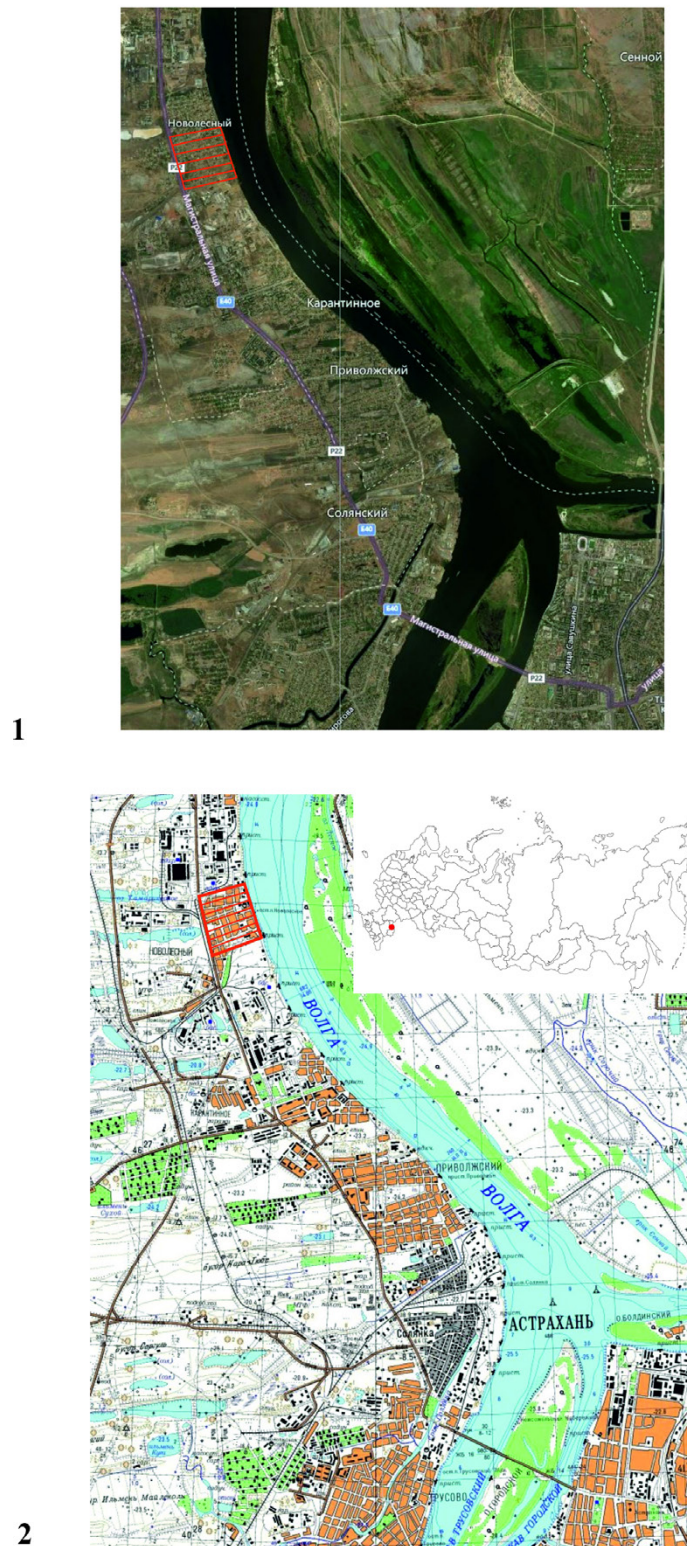

Рис. 1. Ситуационные планы местоположения предполагаемого участка, где был найден кирпич с надписью:

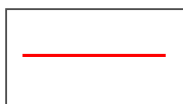
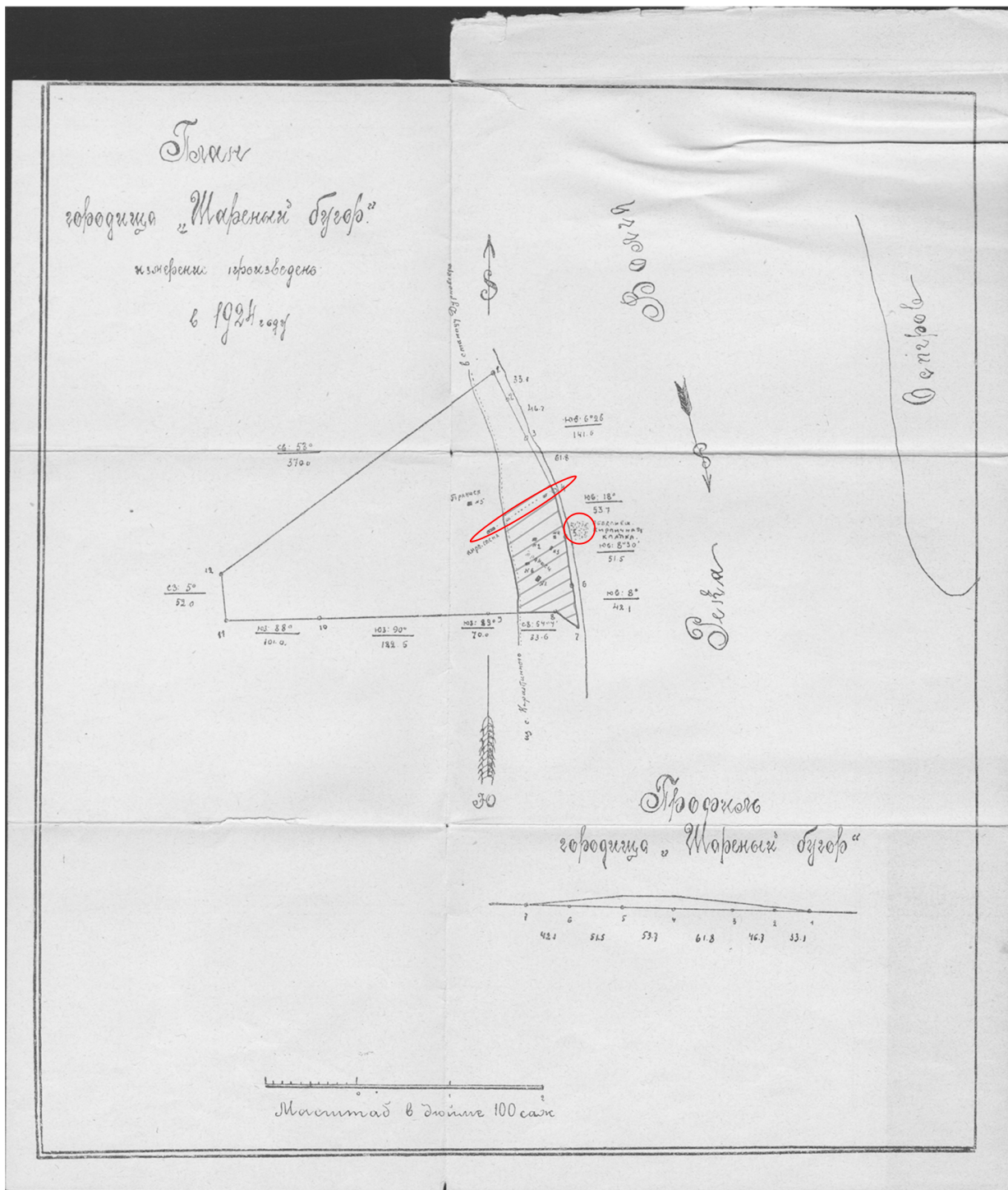
1 – космоснимок Google с заштрихованным регионом, где, вероятно, была сделана находка;

2 – топографический план с указанием региона (заштрихован) обнаружения кирпича

Fig. 1. Situational plans of the proposed site location where the brick with the inscription was found:

1 – a Google image with a marked region where the brick was probably found;

2 – a topographic plan indicating the region (marked with lines) where the brick was probably found

- остатки кирпичной кладки, зафиксированной в 1924 году, предполагаемое местонахождение плинфы с надписью.

Рис. 2. План Шареного Бугра 1924 г., выполненный М. Образцовым, с предполагаемым регионом местонахождения кирпича с надписью

Fig. 2. Sharennyy Bugor Hillfort Layout dating back to 1924 drafted by M. Obratsov suggesting a location of the discovery (marked by section lining) of the brick with an inscription

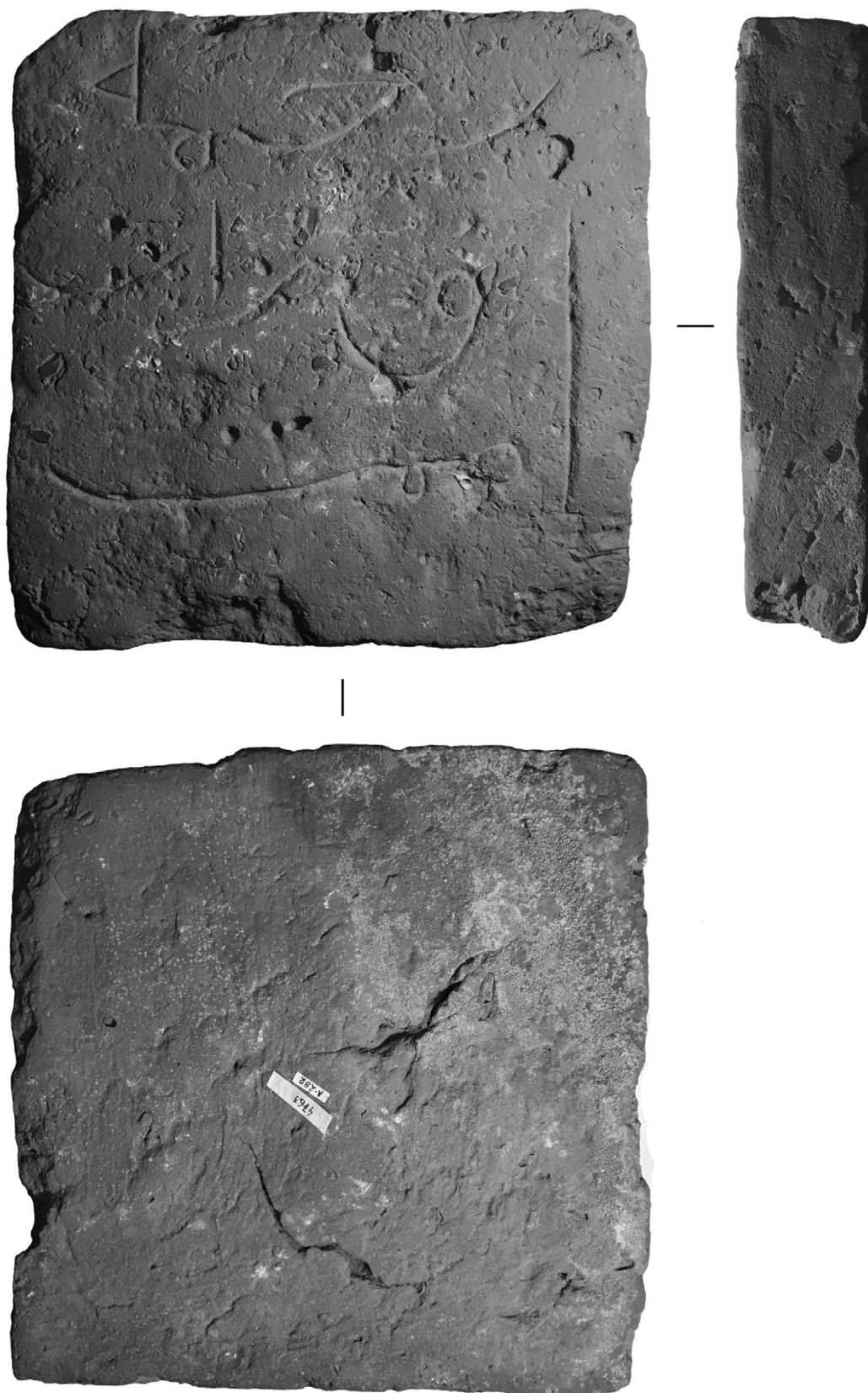
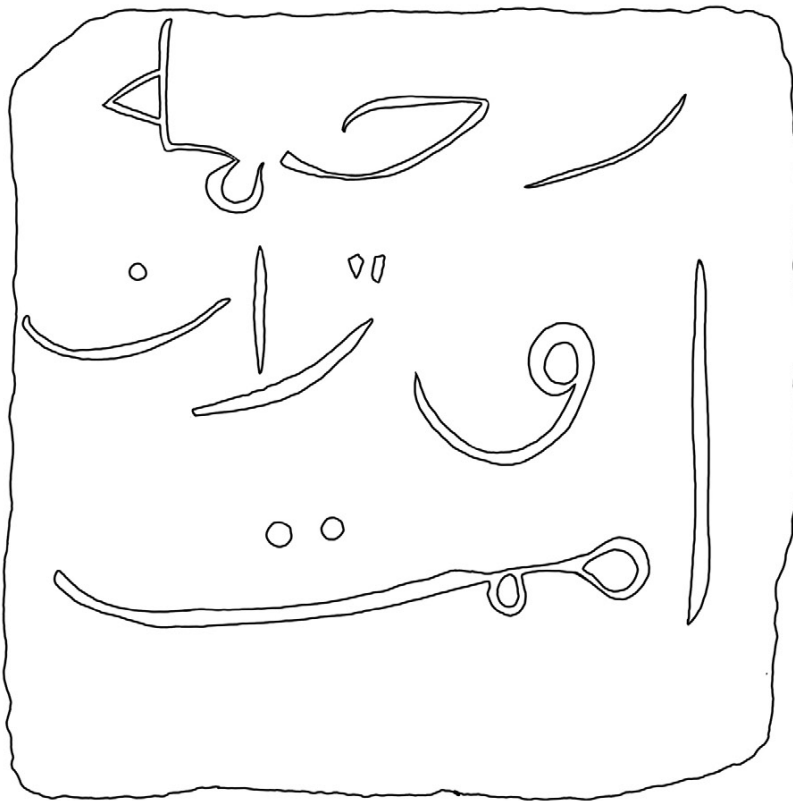

Рис. 3. Кирпич с арабской надписью из сборов на территории Хаджи-Тархана (фото Д.С. Соловьева)

Fig. 3. The brick with an Arabic inscription from Hajji Tarkhan hillfort (photo by D.S. Soloviov)

رحمه
و وائ
اممت

Рис. 4. Кирпич из сборов на территории Хаджи-Тархана. Прорисовка сохранившихся частей арабской надписи и ее вариант, адаптированный для чтения

Примечание. В рамках – несохранившиеся элементы одной из частей надписи и их реконструкция.
Fig. 4. The brick with an Arabic inscription from Hajji Tarkhan hillfort. The inscription trace drawing and its reconstruction to increase legibility

Note. Square frames show inscription elements that were not preserved and were reconstructed.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астрахань в кармане : иллюстрир. альманах-ежегодник, 1925. Астрахань : Коммунист. 135, 90, 85 с., 25 л. ил., цв. ил., табл.
- Гузейров Р. А., 2004. Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань. 19 с.
- Егоров В. Л., 1972. Государственное и административное устройство Золотой Орды // Вопросы истории. № 2. С. 73–92.
- Егоров В. Л., 2009. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М. : Либроком. 248 с.
- Книга поступлений № 3 (№ 3704–6299) // Отдел фондов ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник». 271 с.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 год, 1895. СПб. : Тип. Главного управления уделов. 121 с.
- Протокол № 4 Историко-этнографической секции Петровского общества исследователей Астраханского края, 1888 // Протоколы Петровского общества исследователей Астраханского края за май – декабрь. Астрахань. С. 47–49.
- Путешествие Ибн-Фадлана : Волжский путь от Багдада до Булгара : кат. выст., 2016. М. : Марджани. 560 с.

REFERENCES

- Astrahan 'v karmane: illjustrirovannyj al'manah ezhegodnik* [Astrakhan in the Pocket, Illustrated Annual Almanac], 1925. Astrakhan, Kommunist Publ. 135, 90, 85 p.
- Guzejrov R.A., 2004. *Zolotoordynskij gorod Hadzhi Tarhan i ego okruga: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Golden Horde City of Khanzhi-Tarkhan and its Suburbs. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Kazan. 19 p.
- Egorov V.L., 1972. Gosudarstvennoe i administrativnoe ustrojstvo Zolotoy Ordy [State and Administrative Organization of the Golden Horde]. *Voprosy istorii* [Historical Issues], no. 2, pp. 73-92.
- Egorov V.L., 2009. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in XIII–XIV cc.]. Moscow, Librokom Publ. 248 p.
- Kniga postuplenij № 3 (№ 3704–6299) [Accession Register no. 3 (items no. 3704–6299)]. *Otdel fondov GBUK AO «Astrahanskiy muzej-zapovednik»*. 271 p.
- Otchet Imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1893 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1893]. (Published in 1895). Saint Petersburg, Printing department of Chief district administration. 121 p.
- Protokol № 4 Istoriko-etnograficheskoy sektsii Petrovskogo obshhestva issledovateley astrahanskogo kraja [Record no. 4 of Historical and Ethnographic Sector of Petrovskoye Society of Astrakhan District Researchers], 1888. *Protokoly Petrovskogo obshhestva issledovateley Astrahanskogo kraja za may – dekabr'* [Protocols of Historical and Ethnographic Sector of Petrovskoye Society of Astrakhan District Researchers]. Astrakhan, pp. 47-49.
- Puteshestvie Ibn-Fadlana: Volzhskiy put' ot Bagdada do Bulgara: kat. vyst.* [Ibn Fadlans Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar], 2016. Moscow, Mardzhani Publ. 560 p.

Information About the Authors

Nikita I. Iudin, Scientific Researcher, Historical Department, Azov Historical Archeological and Paleontological Museum-Reserve, Moskovskaya St, 38/40, 346780 Azov, Russian Federation, niarchaeologist@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6224-6880>

Damir S. Soloviov, Senior Scientific Researcher, Astrakhan Museum-Reserve, Sovetskaya St, 15, 414000 Astrakhan, Russian Federation, arheocentr@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9024-695X>

Информация об авторах

Никита Игоревич Юдин, научный сотрудник исторического отдела, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, ул. Московская, 38/40, 346780 г. Азов, Российская Федерация, niarchaeologist@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6224-6880>

Дамир Сергеевич Соловьев, старший научный сотрудник, Астраханский музей-заповедник, ул. Советская 15, 414000 г. Астрахань, Российская Федерация, arheocentr@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9024-695X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.16>

UDC 930.26(470.45):666.3
LBC 63.48(2P-4Vor)-414

Submitted: 12.10.2021
Accepted: 15.04.2022

THE EIGHTEENTH-CENTURY CERAMICS FROM ARCHAEOLOGICAL EXPLORATIONS OF TSARITSYN GUARD LINE¹

Andrey S. Lapshin

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Irina Yu. Lapshina

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The research subject is the 18th century ceramics discovered in the course of the reconnaissance excavation at the Tsaritsyn guard line, the 18th century fortification monument, conducted in 2020. The object of study is the “Rampart of the Tsaritsyn guard line (Rampart of Anna Ioannovna)” which is a military engineering complex created in the Volga-Don interfluves in 1718–1720. Archaeological work with research purposes was carried out there at first time. Archaeological explorations led to the discovery of pottery fragments dating back to this period in a new location of the Tsaritsyn guard line. The research purpose is to present and characterize newly discovered 18th century ceramic materials found at the territory of the Tsaritsyn guard line. The research methods include description, typological analysis, statistical characteristic and comparison with the material found at the well-known 18th century archaeological complexes of so-called Cossack towns along the Don River. Identification of a new 18th century location of artefacts, statistical processing, archaeological drawings of found pottery fragments, graphic reconstructions of pottery forms are practical outcomes of the study. The main conclusion of the study is that the discovered ceramic complex in the new location of the Tsaritsyn guard line is similar in type, manufacturing technique, ornamentation and statistical ratio to materials from Cossack towns on the territory of the Volgograd region (Ivovlinsky, Kachalinsky, Starogrigorievsky) which are dated by coins of the first third of the 18th century. The new archeological materials are interpreted in the known data context and supplement the currently quite limited statistical framework of archaeological finds from the Volga-Don region of the early 18th century. The found pottery types can be used to further develop a typology of this period ceramics.

Key words: Tsaritsyn guard line, archaeological exploration, white clay pottery, 18th century, rampart, trench, cultural stratum, Cossack town.

Citation. Lapshin A.S., Lapshina I.Yu., 2022. Keramika XVIII v. iz materialov arheologicheskikh razvedok na Tsaritsynskoy storozhevoy linii [The Eighteenth-Century Ceramics from Archaeological Explorations of Tsaritsyn Guard Line]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 286-298. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.16>

УДК 930.26(470.45):666.3
ББК 63.48(2P-4Vor)-414

Дата поступления статьи: 12.10.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

КЕРАМИКА XVIII в. ИЗ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК НА ЦАРИЦЫНСКОЙ СТОРОЖЕВОЙ ЛИНИИ¹

Андрей Сергеевич Лапшин

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Ирина Юрьевна Лапшина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования является археологический керамический материал, обнаруженный в результате проведенных разведок в 2020 г. на памятнике фортификации XVIII в. Царицынской сторожевой линии. Объект изучения: «Вал Царицынской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны)» – военно-инженерный комплекс, созданный в Волго-Донском междуречье в 1718–1720 годах. Археологические работы на памятнике в научных целях проводились впервые, в результате чего на одном из участков Царицынской сторожевой линии обнаружено новое местонахождение значительного количества фрагментов керамики XVIII века. Цель исследования – введение в научный оборот и характеристика новых керамических материалов, обнаруженных на территории Царицынской сторожевой линии. Методы, использованные в работе: описание, типологический анализ, статистическая характеристика и сравнение обнаруженного материала с уже известными археологическими комплексами XVIII в., так называемых казачьих городков на Дону, и расположенными рядом с районом проведенных в 2020 г. разведок. Практическими результатами являются: выявление нового местонахождения артефактов XVIII в., археологические рисунки находок фрагментов глиняной керамики, графические реконструкции форм посуды. В результате исследования мы пришли к выводу, что обнаруженный керамический комплекс нового местонахождения на Царицынской сторожевой линии по типам, технике изготовления, орнаментации и статистическому соотношению аналогичен материалам из казачьих городков на территории Волгоградской области (Иловлинского, Качалинского, Старогригорьевского), которые датируются монетами первой трети XVIII века. Новые материалы интерпретированы в контексте известных данных и дополняют весьма малочисленную в настоящее время статистическую базу археологических находок первой половины XVIII века. Волго-Донского региона. Найденные типы посуды могут быть использованы для разработки типологии керамики этого периода.

Ключевые слова: Царицынская сторожевая линия, археологические разведки, белоглиняная керамика, XVIII век, вал, ров, культурный слой, казачий городок.

Цитирование. Лапшин А. С., Лапшина И. Ю., 2022. Керамика XVIII в. из материалов археологических разведок на Царицынской сторожевой линии // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 286–298. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.16>

Введение

Царицынская сторожевая линия – военно-инженерный комплекс, созданный в Волго-Донском междуречье в 1718–1720 гг. и представлявший собой деревянно-земляное фортификационное сооружение от города Царицына на Волге до городка Паншин на Дону (рис. 1, 1). Сооружение состояло из земляного непрерывного вала и примыкавшего к нему сухого рва. На линии были сооружены 4 земляные крепости (Мечетная, Грачевская, Осокорская, Донская) и серия реданов, за которыми располагались караульни, окруженные палисадом, примыкающим к брустверу вала. Строительство Царицынской линии было тесно связано с внутри- и внешнеполитическими обстоятельствами российской истории конца XVII – начала XVIII века. Опустошительные набеги крымских и кубанских татар в первой трети XVIII в. заставили правительство Петра I заняться организацией постоянно действующей системы защиты русских поселений в Волго-Донском междуречье. Наиболее крупным военно-оборонительным мероприятием на этой территории стало строительство Ца-

рицынской линии. Она перекрывала основной путь вторжения крымских и кубанских татар в южные земли Российского государства. Под защитой этой линии оказалась значительная часть территории Нижнего Поволжья, Среднего Дона и Волго-Донского междуречья, находившаяся за пределами российских оборонительных комплексов – засечных линий и черт второй половины XVII в.: Белгородской, Изюмской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Сооружение Царицынской линии послужило стимулом заселения, хозяйственного освоения и развития южных земель России. Ее появление и функционирование до 70-х гг. XVIII в. положило начало созданию многих населенных пунктов современных Волгоградской, Астраханской, Саратовской и Воронежской областей. Этот памятник достаточно известен, в разное время ему был посвящен ряд общих и тематических научных работ [Астафьев, 2020; Иванюк и др., 2020; Комолов, 2009; Лавринова, 1989; 2012; Ласковский, 1861; Луночкин, 2013]. Однако к исследованию его материальных археологических остатков до настоящего времени ученые не обращались. Археологические работы в науч-

ных целях проводились лишь в течение нескольких лет Н.Б. Скворцовым на местах некоторых поселений, расположенных на Дону, так называемых казачьих городках [Скворцов, 2013; 2016а; 2016б; 2016в]. В связи с этим археологические изыскания на указанном памятнике XVIII в., проведенные в 2020 г., отличаются новизной. Цель данной работы – введение в научный оборот и характеристика новых керамических материалов XVIII в., обнаруженных на одном из участков Царицынской линии.

Основная часть

В 2020 г. сотрудниками Волго-Ахтубинской экспедиции под руководством А.С. Лапшина проведены археологические разведки на объекте культурного наследия «Вал Царицынской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны)». Такое наименование памятника используется в документации о его постановке на охрану и Едином государственном реестре объектов культурного наследия. Общая протяженность маршрута археологической разведки в 2020 г. составила около 50 км. В это расстояние входили все, в том числе и несохранившиеся участки Царицынской сторожевой линии в пределах Иловлинского и Городищенского районов Волгоградской области. В результате археологических разведок на территории памятника проведен визуальный осмотр, фотофиксация, а также составлено текстовое описание современного состояния его сохранившихся участков на всем протяжении Царицынской линии. На местах расположения крепостей Донская и Осокорская для установления наличия или отсутствия культурных напластований XVIII в. проведена разведочная шурфовка [Лапшин, 2021]. В результате сопоставления планов XVIII в. современных картографических материалов и данных космоснимков установлено месторасположение крепости Осокорская. В разведочных шурфах найдены керамика, железные и другие предметы, связанные с периодом строительства этой крепости [Лапшин, Лапшина, 2020, с. 28–32].

Участок, где проводилась археологическая разведка, имеет значительную степень антропогенного воздействия и изменений. Царицынская сторожевая линия уничтожена в местах пересечения с федеральной автодо-

рогой, линиями магистральных газопроводов и электропередач, подъездными автодорогами в том числе с асфальтовым покрытием. Степень сохранности участков Царицынской сторожевой линии различная, но в целом установлено, что объект в значительной степени поврежден, а на многих участках полностью или частично уничтожен в результате хозяйственной, строительной и иной деятельности человека в период с середины XX в. по настоящее время [Лапшин, 2021, с. 28–29]. На местах локализации крепостей Грачевской и Мечетной на протяжении последних лет ведутся земляные и строительные работы [Астафьев, 2020, с. 58–59; Лапшин, 2021, с. 72–73, 85]. Кроме того, места крепостей и отдельные участки Царицынской линии подвергаются ежегодному и систематическому разграблению так называемыми «черными копателями», вскрывающими участки территории памятника не только вручную, но и при помощи землеройной техники. Ров, примыкающий к насыпи Царицынской линии, а также некоторые из реданов на отдельных участках заполнены строительным и бытовым мусором [Лапшин, 2021, с. 137–138, 188–189, 204].

Кроме известных мест расположений крепостей, в ходе разведки 2020 г. был осмотрен участок Царицынской линии, где обнаружено значительное количество фрагментов керамических сосудов XVIII в., которые и являются предметом данного исследования. Это новое местонахождение расположено на отрезке вала и рва сторожевой линии, проходящем от федеральной автодороги Волгоград – Москва до автодороги к п. Котлубань. Здесь же вдоль условной оси насыпи вала находится административная граница Городищенского и Иловлинского районов Волгоградской области. На протяжении 4,2 км по направлению к юго-востоку до балки Котлубань вал и примыкающий к нему ров хорошо фиксируются в рельефе и проходят по краю пахотных полей. Этот участок Царицынской линии является наиболее хорошо сохранившимся, вал и ров фиксируются в рельефе, имеют переменные значения высот и глубин. Высота вала – 2,5–3,5 м, глубина рва – до 3 м, ширина – 10–12 м. Поверхность насыпи вала и склонов рва задернована, покрыта степной травой. На данном участке Царицынскую линию пересека-

ет русло неглубокой балки. Насыпь вала и ров в этом месте прерываются на ширину около 20 м (рис. 1,2). В статье намеренно не приводится картографический материал с указанием точного расположения местонахождения в целях избежать увеличения его дальнейшего разграбления «любителями приборного поиска» и прочими «копателями». В ходе осмотра было обнаружено несколько глубоких (глубиной более 3 м) ям, выкопанных землеройной техникой (рис. 1,3). Они расположены на участках частично размытой насыпи вала и прилегающей к ней площади. Данные землеройные работы проведены «черными копателями» с целью незаконного поиска предметов XVIII в., судя по состоянию отвального грунта и стенкам ям, в период 2019–2020 годов. В отвалах грабительских котлованов найдены обломки костей животных, в основном мелкого рогатого скота, а также птиц, многочисленные фрагменты гончарной керамики. Выброшенный грунт имел рыхлую структуру с большим количеством древесной золы и углей, характерную для культурных напластований бытовых археологических памятников. Наибольший интерес представляет собой именно керамический материал. В результате осмотра данного местонахождения были собраны выброшенные «черными копателями» фрагменты сосудов, из которых удалось частично восстановить и графически реконструировать некоторые формы посуды.

Качественные характеристики керамических материалов установлены авторами методом визуального определения с использованием бинокля и микроскопа. Количественная выборка обнаруженных фрагментов керамики недостаточна для составления подробной типологии, к тому же часть их представлена мелкими обломками стенок сосудов. По этой же причине при характеристике и описании найденной керамики был использован формально-классификационный подход к ее изучению. Объектом в части исследования керамического материала являлись его морфологические и технологические признаки. Для интерпретации полученных данных проведен поиск аналогий глиняной посуды, изготовленной в тех же культурных традициях гончарства на сопредельных территориях.

Всего было найдено 92 фрагмента керамики. Вся она изготовлена на гончарном кру-

ге. Судя по цвету поверхности и излому фрагментов, качество и режим обжига керамики может быть определен как полный, окислительный. По признакам исходного сырья изготовления выделяются две разновидности посуды: белоглиняная и красноглиняная. Обломки сосудов, где глина в изломе имеет темно-серый или черный цвет, мелкие и не реконструируются. Фрагменты белоглиняной керамики составляют большинство от общего количества (57 %). В известных археологических материалах казачьих городков и поселений XVII–XVIII вв. на территории современной Волгоградской области керамика из каолиновой (беложгущейся) глины является доминирующим типом бытовой посуды. Так, в керамике, обнаруженной при раскопках на Старогригорьевском казачьем городке, доля белоглиняной посуды составила 86 %, а в подъемном материале на территории Иловлинского казачьего городка – 51 % от общего количества массового керамического материала [Скворцов, 2016а, с. 107–111; 2016в, с. 41].

Среди графически реконструированных типов керамики преобладают сосуды, имеющие горшковидную форму и пропорции (рисунки и графическая реконструкция форм выполнены М.М. Тихомировой). Наибольшее расширение стенок приходится на верхнюю треть сосуда. Их толщина составляет 3–6 мм, то есть керамика достаточно тонкостенная. Реконструируемый диаметр венчиков этого типа сосудов – от 17,5 до 21 см. Судя по сохранившимся фрагментам, горшки имели округлобрюкую форму, плечики сосудов плавно покатые или со слабовыраженным ребром (рис. 2, 3). Короткие венчики отогнуты наружу, образуя с внутренней стороны горшка хорошо выраженное, приостренное ребро. На некоторых фрагментах эта часть оформлена в виде небольшого, специально сформованного уступа или желобка, возможно, предназначенного для удержания крышки (рис. 2,4,5). Внешняя поверхность горшков имеет орнаментацию в виде росписи краской или ангобом, нанесенной тонкой кистью. Цвет росписи изначально был красноватого оттенка, но наружная поверхность фрагментов достаточно сильно закопчена, поэтому окраска расписного декора варьируется от оранжево-коричневого до темно-коричневого. Орнамент представляет со-

бой серию тонких горизонтальных линий, покрывающих венчик и плечики горшка, а в верхней части сосуда украшены рядом мазков полукруглой или V-образной формы. Также были найдены фрагменты верхней части горла белоглиняной крынки или кувшина, имеющего уплощенный край венчика, и сужающиеся внутрь стенки. Его поверхность украшена расписным декором в виде тонких горизонтальных линий (рис. 4,7,8). Еще среди белоглиняной посуды обнаружены фрагменты придонных частей. С наружной стороны дно сосудов было оформлено узкой закраиной (рис. 4,8–11). Глина этого типа керамики в изломе имеет цвет от светло-серого до светло-бежевого, по структуре плотная, с примесью мелкозернистого песка.

Другая разновидность керамики, обнаруженной на новом местонахождении участка Царицынской сторожевой линии – фрагменты красноглиняной посуды. Судя по сохранившимся обломкам, это были небольшие по размерам сосуда, по форме напоминающие корчаги. Они имели очень короткий, слегка уплощенный венчик, переходящий в плечики и округлое расширяющееся в верхней трети сосуда тулово (рис. 4,1–6). Реконструируемый диаметр венчиков сосудов – 11–18 см. Наружная поверхность некоторых фрагментов была покрыта слоем ангоба светло-кремового цвета (рис. 4,5,6). Толщина стенок фрагментов составляет 4–7 мм. Глина в изломе имеет оранжево-красный цвет, по структуре плотная, с примесью мелкозернистого песка.

Посуда, фрагменты которой были найдены, использовалась для приготовления пищи, так как поверхности почти всех фрагментов закопчены и покрыты слоем сажи и органического нагара.

Характерными датированными признаками в обнаруженном и описанном в данной работе подъемном материале являются фрагменты белоглиняной посуды. Эта тонкостенная керамика с расписным декором полностью аналогична керамическому комплексу из раскопок Старогригорьевского казачьего городка, где имеется его надежная датировка, подтверждающаяся в том числе и серебряными монетами 1699–1722 гг., а также материалами Качалинского и Иловлинского казачьих городков [Скворцов, 2013; 2016а, с. 105;

2016б; 2016в, с. 66–68]. Следует отметить, что в процентном соотношении белоглиняная керамика, обнаруженная в подъемном материале местонахождения, составляет большинство (57 %), так же, как в материалах исследованных казачьих городков. Керамика нового местонахождения полностью аналогична фрагментам расписной белоглиняной посуды, найденным в 2020 г. на месте одной из крепостей Царицынской сторожевой линии – Осокорской. Кроме того, здесь обнаружено несколько датированных культурный слой предметов, в том числе и серебряная монета (чешуйка) 1702 г., отчеканенная на Кадашевском монетном дворе [Лапшин, Лапшина, 2020, с. 30–32; Лапшин, 2021, с. 164]. Такое сочетание находок, зафиксированное на нескольких археологических объектах этого периода, позволяет сделать вывод о том, что данный тип керамики обладает свойствами культурного и хронологического маркера материалов, связанных с бытовыми памятниками донских казаков XVIII века. Посуда такого типа и ornamentации наиболее характерна и для других, более отдаленных от Волго-Донского региона территорий, где выявлены казачьи городки и поселения. В 1992 г. в результате раскопок на территории Семеновской крепости, располагавшейся в устье р. Миус Ростовской области на южной окраине села Беглица, были исследованы остатки кузницы. В слое этого комплекса, который датируется монетами Петра I начала XVIII в., обнаружено большое количество фрагментов белоглиняной посуды, орнаментированной росписью красным ангобом. Специалистами отмечается, что подобная керамика встречается на многих поселенческих памятниках Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья XVII–XVIII вв. [Аваков и др., 2016, с. 395–396]. В Среднем Подонцовье исследовано несколько бытовых и производственных комплексов, где аналогичная белоглиняная керамика с росписью красной или ангобом также датируется XVI–XVIII вв. [Каплун, Ключнев, 2012, с. 508–513; Милокост, 2012; Стадник и др., 2012].

Заключение

Без проведения археологических раскопок затруднительно определить, располагалось

на месте обнаружения керамики небольшое поселение XVIII в. или кратковременная стоянка. Судя по количеству фрагментов гончарной посуды, выявленных на вскрытых (разрушенных) участках, они имеют достаточно высокую степень насыщенности материалом, что говорит о более или менее длительном проживании людей на данной территории. В пользу бытового характера местонахождения свидетельствует и зафиксированное здесь достаточно большое количество древесной золы и углей, очевидно связанных с приготовлением пищи или очагами. Кроме того, было найдено несколько фрагментов обожженной глиняной обмазки, скорее всего, от печей. Вполне возможно, что это одно из мест временного расположения строителей Царицынской сторожевой линии, так как для размещения караулов, постов охраны были сооружены специальные укрепления – земляные реданы и крепости. С определенностью можно сказать, что найденный на Царицынской линии керамический материал по исходному сырью изготовления, формам и типу расписной ornamentации полностью аналогичен керамике из раскопок казачьих городков на территории Волгоградской области – Иловлинского, Качалинского, Старогригорьевского, а также

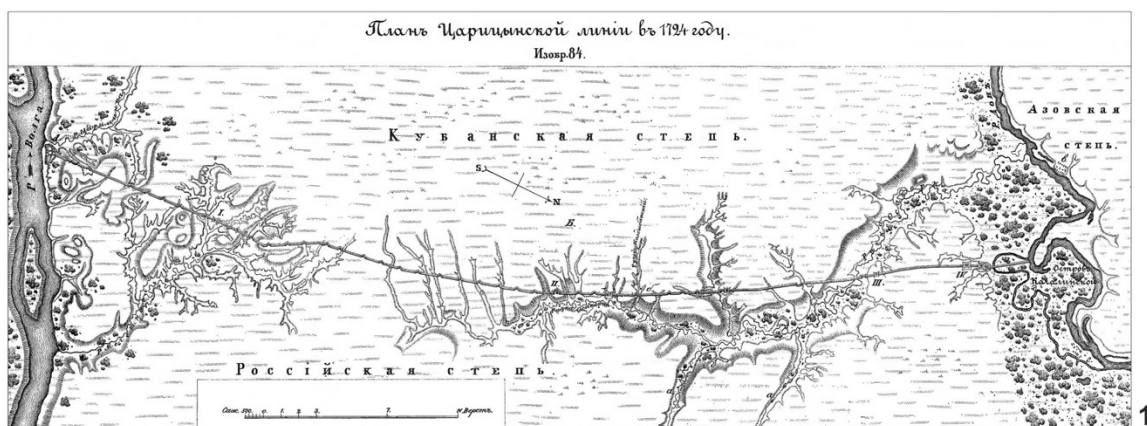
других бытовых памятников Нижнего Дона, Приазовья и Подонцовья. Культурные напластования и отдельные комплексы, содержащие белоглиняную расписную керамику, на исследованных памятниках всегда датируются монетами первой трети XVIII века. Новые материалы, представленные в данной работе, относятся к этому же периоду и дополняют весьма малочисленную в настоящее время статистическую базу археологических находок первой половины XVIII в. на территории Волго-Донского региона.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42009 («Памятник фортификации Петровской эпохи «Царицынская сторожевая линия»: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музеефикации и туристического использования»).

The reported study was funded by RFBR according to research project number 20-09-42009 (“The monument of the fortification of the Petrine era “Tsaritsyn guard line”: the history of construction and operation, current status, prospects for museumification and tourist use”).

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

2

3

Рис. 1. «Вал Царицынской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны)». Участок местонахождения керамики. Автор фотографий А.С. Лапшин: 1 – план Царицынской линии (по: [Ласковский, 1861, часть II, лист 27, изобр. 84]); 2 – общий вид участка вала и рва в месте его пересечения балкой. Вид с ЮВ; 3 – грабительская яма, вырытая землеройной техникой. Вид с В

Fig. 1. «The Rampart of the Tsaritsyn guard line (Rampart of Anna Ioannovna)». Ceramics location site. Photo by A.S. Lapshin: 1 – general View over the rampart and trench section crossed by a ravine (after: [Laskovskiy, 1861, pt. II, l. 27, fig. 84]); 2 – pit dug by earthmoving machinery for robbery purposes. Southeast View; 3 – north-eastern side of the rampart excavated by robbers. East View

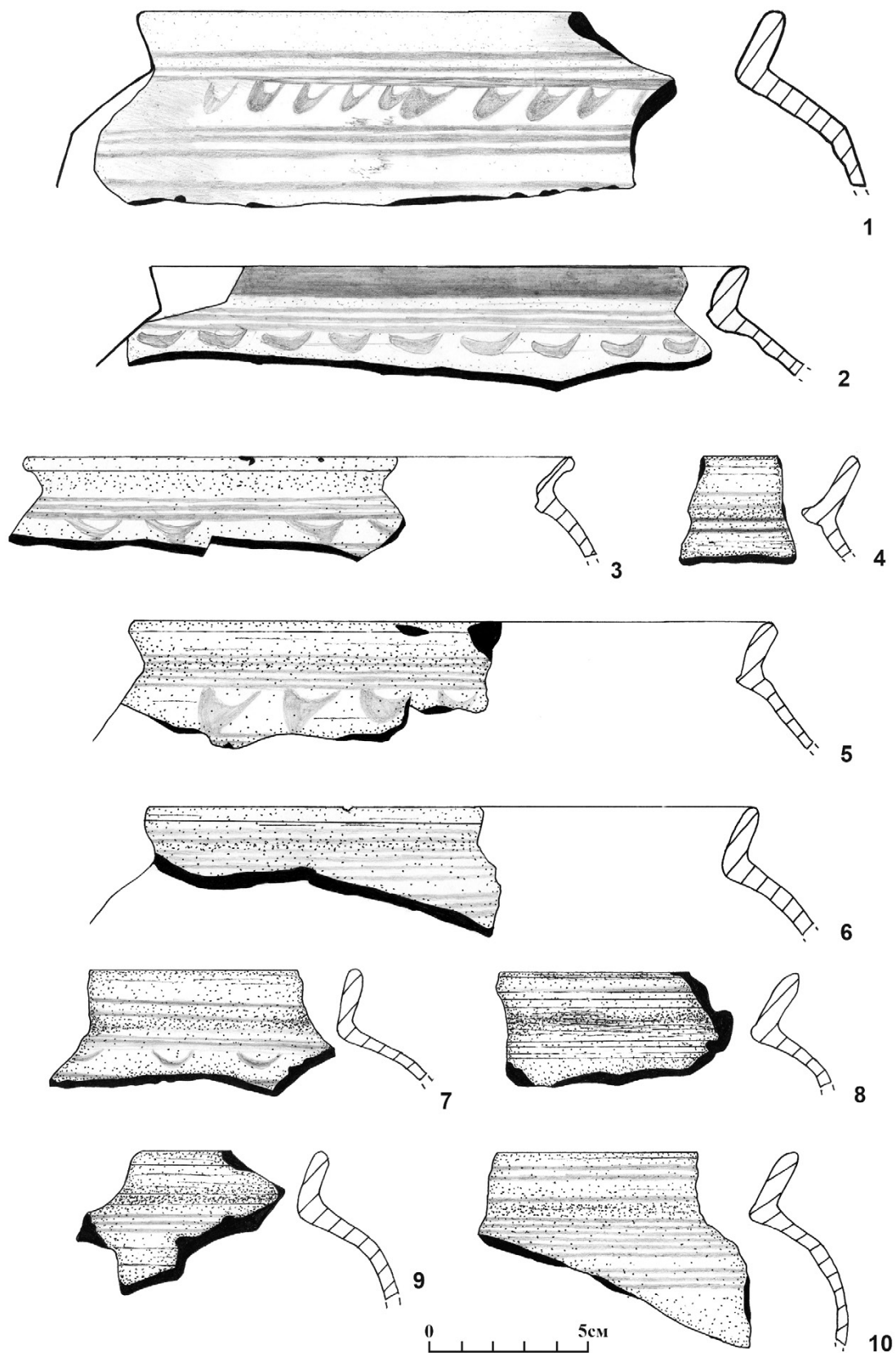

Рис. 2. «Вал Царицынской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны)». Подъемный материал 2020 года. Белоглиняная гончарная керамика
Fig. 2. “The Rampart of Tsaritsyn guard line (Rampart of Anna Ioannovna)”. Archeological materials found in 2020. White-clay pottery

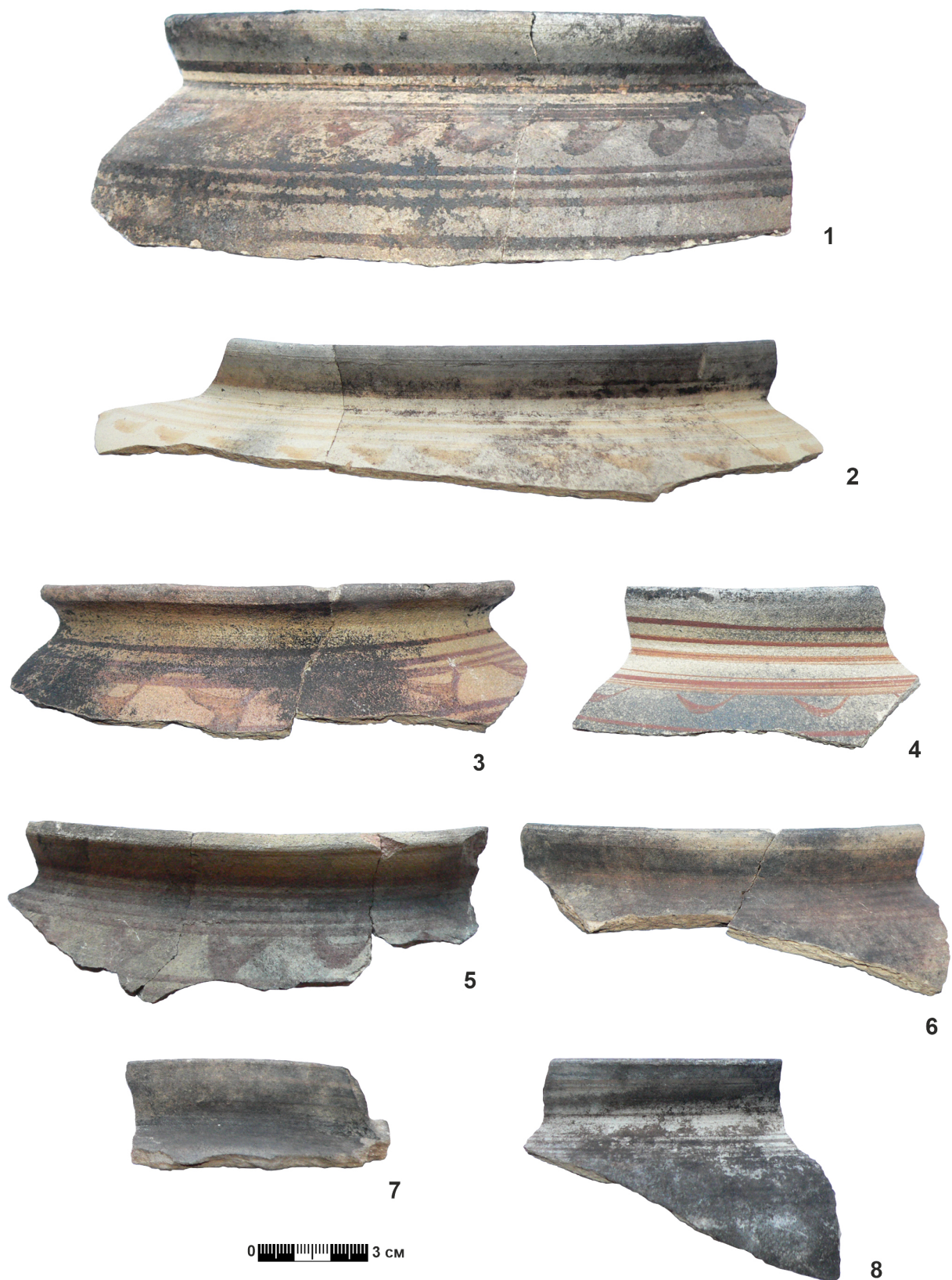

Рис. 3. «Вал Царицынской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны)».
Подъемный материал 2020 года. Белоглиняная гончарная керамика
Fig. 3. “The Rampart of Tsaritsyn guard line (Rampart of Anna Ioannovna)”.
The material found in 2020. White-clay pottery

Рис. 4. «Вал Царицынской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны)». Подъемный материал 2020 г.:

1-6 – красноглиняная гончарная керамика; 7-11 – белоглиняная гончарная керамика

Fig. 4. “The Rampart of Tsaritsyn guard line (Rampart of Anna Ioannovna)”. The material found in 2020:

1-6 – red-clay pottery; 7-11 – white-clay pottery

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аваков П. А., Гусач И. Р., Дедюлькин А. В., 2016. На границе империй: Османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. (г. Москва, 20–22 нояб. 2013 г.). М. : Древности Севера. С. 379–397.
- Астафьев Е. В., 2020. Грачевская крепость Царицынской сторожевой линии // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации : сб. материалов Междунар. науч. конф. Волгоград : Сфера. С. 49–67.
- Иванюк С. А., Клейтман А. Л., Тюменцев И. О., 2020. Рукописные планы местности XVIII века как источник по истории Царицынской сторожевой линии // Институт истории, естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. М. : ИИЕТ РАН. С. 266–269.
- Каплун Н. Н., Ключнев М. Н., 2012. Гончарный комплекс Теплинского городка донского казачества конца XVII – начала XVIII веков // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ : Элтон 2. С. 508–514.
- Комолов Н. А., 2009. Царицынская линия во второй – третьей четверти XVIII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 11–19.
- Лавринова Т. И., 1989. План защиты юго-восточной окраины России после сооружения Царицынской укрепленной линии начала XVIII века // Историческая география Черноземного Центра России. Воронеж : ВГУ. С. 79–89.
- Лавринова Т. И., 2012. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования. Волгоград : Издатель. 95 с.
- Лапшин А. С., Лапшина И. Ю., 2020. Археологические разведки на территории памятника фортификации XVIII в. «Вал Царицынской сторожевой линии» в 2020 году // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации : сб. материалов. Волгоград : Сфера. 2020. С. 22–48.
- Лапшин А. С., 2021. Отчет об археологических разведках, проведенных на территории «Вала Царицынской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны)» в Иловлинском и Городищенском районах Волгоградской области в 2020 году // Архив ВООО «ВДАО». 232 с.
- Ласковский Ф. Ф., 1861. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук. 642 с.
- Луночкин А. В., 2013. Царицынская укрепленная линия // Археологическое наследие Волгоградской области. Волгоград : Издатель. С. 205–208.
- Милокост Л. С., 2012. Горшки XVII–XVIII ст. з розкопок Трьохізбенського городка на Луганщині // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ : Элтон 2. С. 521–528.
- Скворцов Н. Б., 2013. К истории старого Качалинского городка // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 6 (26). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1381297476.pdf> (дата обращения: 13.09.2021).
- Скворцов Н. Б., 2016а. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ (раскопок) на объекте культурного наследия (памятник археологии) Старогригорьевский казачий городок в 2015 году // Архив научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ. 247 с.
- Скворцов Н. Б., 2016б. Монетная коллекция с места раскопок казачьего (Старогригорьевского?) городка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология». № 3 (107). С. 209–214.
- Скворцов Н. Б., 2016в. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ на объекте культурного наследия (памятник археологии) Иловлинский казачий городок в 2016 году // Архив научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ. 100 с.
- Стадник О. В., Стадник А. И., Блюм Т. В., 2012. «Белоусов ручей» – комплекс гончарных горнов XVIII века на территории села Пархоменко Луганской области // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ : Элтон 2. С. 538–550.

REFERENCES

- Avakov P.A., Gusach I.R., Dediulkin A.V., 2016. Na granitse imperii: Osmanskie i rossiiskie ukrepleniia Severo-Vostochnogo Priazovia po dannym arkheologii [On the Border of Empires: Ottoman and Russian Fortifications of North-Eastern Azov Region According to Archaeological Data]. *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiia v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.: materialy nauch. konf. (g. Moskva, 20–22 noiab. 2013 g.)* [From Distemper to Empire. New Discoveries in Archaeology and History of Russia in XVI–XVIII Centuries: Data of the Scientific Conference (Moscow, 20–22 November 2013)]. Moscow, Drevnosti Severa Publ., pp. 379-397.
- Astaf'ev E.V., 2016. Grachevskaya krepost' Tsaritsynskoy storozhevoy linii [Grachevskaya Fortress of Tsaritsyn Guard Line]. *Obyekty kul'turnogo naslediya Petrovskoy epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeifikatsii: sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf.* [The Objects of Cultural Heritage of Petrine Era at the South of Russia: Problems of Study, Preservation and Museification: Collection of Materials of the International Scientific Conference]. Volgograd, Sfera Publ., pp. 49-67.
- Ivanyuk S.A., Kleytman A.L., Tyumentsev I.O., 2020. Rukopisnye plany mestnosti XVIII veka kak istochnik po istorii Tsaritsynskoy storozhevoy linii [The Manuscripts of XVIII Century as a Source for the History of Tsaritsyn Guard Line]. *Institut istorii, estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferentsiya* [S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS. Annual Scientific Conference]. Moscow, IHST RAS, pp. 266-269.
- Kaplun N.N., Klyuchnev M.N., 2012. Goncharnyy kompleks Teplinskogo gorodka donskogo kazachestva kontsa XVII – nachala XVIII vekov [Pottery Complex of Teplinskiy Cossack Town of the Late XVII–XVIII Centuries]. *Problemy doslidlzhennya pam'yatok arkheologiyi Skhidnoyi Ukrainy. Materialy III Lugans'koyi mizhnarodnoyi istoriko-arkheologichnoyi konferentsiyi, prysvyachenoyi pam'yati S.N. Bratchenka* [Problems of Studying the Archaeological Monuments of the Eastern Ukraine. Materials of the III Lugansk International Historical and Archaeological Conference Dedicated to the Memory of S.N. Bratchenko]. Lugans'k, Elton 2 Publ., pp. 508-514.
- Komolov N.A., 2009. Tsaritsynskaya liniya vo vtoroy – tret'ey chetverti XVIII veka [Tsaritsyn Guard Line from the Second to Third Quarter of the XVIII Century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], no. 1, pp. 11-19.
- Lavrinova T.I., 1989. Plan zaschity yugo-vostochnoy okrainy Rossii posle sooruzheniya Tsaritsynskoy ukreplennoy linii nachala XVIII veka [The Plan of the Defence of Russia's South-Eastern Outskirts after the Construction of Tsaritsyn Guard Line in the Early XVIII Century]. *Istoricheskaya geografiya Chernozemnogo Tsentra Rossii* [Historical Geography of the Black Earth Centre of Russia]. Voronezh, VSU, pp. 79-89.
- Lavrinova T.I., 2012. *Tsaritsynskaya liniya: istoriya stroitel'stva v 1718–1720 gg. i pervye gody sushchestvovaniya* [Tsaritsyn Guard Line: The History of Construction in 1718–1720 and the First Years of Its Existence]. Volgograd, Izdatel' Publ. 95 p.
- Lapshin A.S., Lapshina I.Yu., 2020. Arkheologicheskie razvedki na territorii pamyatnika fortifikatsii XVIII v. «Val Tsaritsynskoy storozhevoy linii» v 2020 godu [Archaeological Explorations at the XVIII Century Fortification Site “The Rampart of the Tsaritsyn Guard Line (Rampart of Anna Ioannovna)”]. *Ob'ekty kul'turnogo naslediya Petrovskoy epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeifikatsii: sb. materialov* [Objects of Cultural Heritage of the Petrine Era in the South of Russia: Problems of Study, Preservation and Museification: Collection of Materials]. Volgograd, Sfera Publ., pp. 22-48.
- Lapshin A.S., 2021. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh, provedennykh na territorii «Vala Tsaritsynskoy storozhevoy linii (Val Anny Ioannovny)» v Ilovlinskom i Gorodishchenskom raionakh Volgogradskoy oblasti v 2020 godu [The Report on Archaeological Explorations Carried out in the Area “The Rampart of the Tsaritsyn Guard Line (Rampart of Anna Ioannovna)” in the Ilovlinskiy and Gorodishchenskiy Districts of Volgograd Region in 2020]. *Arkhiv VOVO «VDAO»*. 232 p.
- Laskovskiy F.F., 1861. *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii* [The Materials for the History of Engineering Art in Russia]. P. II. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences. 642 p.
- Lunochkin A.V., 2013. Tsaritsynskaya ukreplennaya liniya [Tsaritsyn Guard Line]. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti* [The Archaeological Heritage of the Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel' Publ., pp. 205-208.

- Milokost L.S., 2012. Gorshchiki XVII–XVIII st. z rozkopok Tr’okhizbenskogo gorodka na Luganshchini [The Pots of XVII–XVIII Century from Excavations of Trekhizbenka Town in Luhansk Region]. *Problemy doslidzhennya pam’yatok arkheologiyi Skhidnoyi Ukrayiny. Materialy III Lugans’koyi mizhnarodnoyi istoriko-arkheologichnoyi konferentsiyi, prisvyachenoyi pam’yati S.N. Bratchenka* [Problems of Studying the Archaeological Monuments of the Eastern Ukraine. Materials of the III Lugansk International Historical and Archaeological Conference Dedicated to the Memory of S.N. Bratchenko]. Lugans’k, Elton 2 Publ., pp. 521-528.
- Skvortsov N.B., 2013. K istorii starogo Kachalinskogo gorodka [Towards the History of the Old Kachalinskiy Town]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel’nyy zhurnal VGSPU «Grani poznaniya»* [The Electronic Scientific and Educational Journal of the Volgograd State Social and Pedagogical University “Frontiers of Knowledge”], no. 6 (26). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1381297476.pdf> (accessed 13 September 2021).
- Skvortsov N.B., 2016a. Otchet o provedenii nauchno-issledovatel’skikh arkheologicheskikh rabot (raskopok) na ob’ekte kul’turnogo naslediya (pamyatnik arkheologii) Starogrigor’evskiy kazachiy gorodok v 2015 godu [The Report on Research Archaeological Works (Excavations) at the Cultural Heritage Site (Archaeological Monument) Starogrigorievskiy Cossack Town in 2015]. *Arkhiv nauchno-proizvodstvennoy laboratorii arkheologii i restavratsii VGSPU*. 247 p.
- Skvortsov N.B., 2016b. Monetnaya kolleksiya s mesta raskopok kazach’ego (Starogrigor’evskogo?) gorodka [Coin Collection from the Excavation of the Site Cossack (Starogregorievsky?) Town]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki. Istoricheskie nauki i arkheologiya»* [Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University. Series “Pedagogical Sciences. Philological Sciences. Historical Sciences and Archaeology”], no. 3 (107), pp. 209-214.
- Skvortsov N.B., 2016c. Otchet o provedenii nauchno-issledovatel’skikh arkheologicheskikh rabot na ob’ekte kul’turnogo naslediya (pamyatnik arkheologii) Ilovlinskiy kazachiy gorodok v 2016 godu [Report on Research Archaeological Works at the Cultural Heritage Site (Archaeological Monument) Ilovlinsky Cossack Town in 2016]. *Arkhiv nauchno-proizvodstvennoy laboratorii arkheologii i restavratsii VGSPU*. 100 p.
- Stadnik O.V., Stadnik A.I., Blyum T.V., 2012. «Belousov ruchej» – kompleks goncharnykh gornov XVIII veka na territorii sela Parkhomenko Luganskoj oblasti [«Belousov Ruchey» – a Complex of Pottery Mines of XVIII Century in the Village of Parkhomenko, Luhansk Region]. *Problemy doslidzhennya pam’yatok arkheologiyi Skhidnoyi Ukrayiny. Materialy III Lugans’koyi mizhnarodnoyi istoriko-arkheologichnoyi konferentsiyi, prisvyachenoyi pam’yati S.N. Bratchenka* [Problems of Studying the Archaeological Monuments of the Eastern Ukraine. Materials of the III Lugansk International Historical and Archaeological Conference Dedicated to the Memory of S.N. Bratchenko]. Lugans’k, Elton 2 Publ., pp. 538-550.

Information About the Authors

Andrey S. Lapshin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of National History and Local History Education, Volgograd State Social and Pedagogical University, Prosp. V.I. Lenina, 27, office 7-16, 400005 Volgograd, Russian Federation, alapsh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1326-7404>

Irina Yu. Lapshina, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of General History and Methods of Teaching History and Social Studies, Volgograd State Social and Pedagogical University, Prosp. V.I. Lenina, 27, office 3-08, 400005 Volgograd, Russian Federation, ilapsh97@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6121-561X>

Информация об авторах

Андрей Сергеевич Лапшин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, каб. 7-16, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, alapsh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1326-7404>

Ирина Юрьевна Лапшина, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, каб. 3-08, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, ilapsh97@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6121-561X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.17>

UDC 929Швецов(477.62)
ЛБС Т4д(4УКР-4ДОН)6Швецов

Submitted: 01.12.2021
Accepted: 15.04.2022

**“I MADE KNOWLEDGE DEVELOPMENT MY MISSION...”
(IN MEMORY OF SHVETSOV MIKHAIL LVOVICH)**

Vladimir K. Grib

Donetsk Centre of the Institute of Oriental Studies named after A. Krymsky, Donetsk, Donetsk People's Republic

Abstract. The article is dedicated to the memory of M.L. Shvetsov, a Donetsk archaeologist, expert in the field of the funeral rite of the Khazar Khaganate peoples and the late nomads. It provides biographical data and describes the main stages of his formation as a scientist. The relevance of the results of M.L. Shvetsovs field explorations and his significant contribution to the study of the early medieval history of Eastern Europe is noted.

Key words: M.L. Shvetsov, late nomads, Khazar Khaganate, Eastern Europe, funeral rite.

Citation. Grib V.K., 2022. «Ya poznanie sdelal svoim remeslom...» (pamyati Shvetsova Mihaila L'vovicha) [“I Made Knowledge Development My Mission...” (In Memory of Shvetsov Mikhail Lvovich)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 299-305. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.17>

УДК 929Швецов(477.62)
ББК Т4д(4УКР-4ДОН)6Швецов

Дата поступления статьи: 01.12.2021
Дата принятия статьи: 15.04.2022

**«Я ПОЗНАНИЕ СДЕЛАЛ СВОИМ РЕМЕСЛОМ...»
(ПАМЯТИ ШВЕЦОВА МИХАИЛА ЛЬВОВИЧА)**

Владимир Константинович Гриб

Донецкий Центр Института востоковедения им. А. Крымского, г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Аннотация. Статья посвящена памяти донецкого археолога, специалиста в области погребального обряда народов Хазарского каганата и поздних кочевников М.Л. Швецова. Приводятся биографические данные, показаны основные этапы его становления как ученого. Отмечаются востребованность результатов полевых исследований М.Л. Швецова и его весомый вклад в изучение раннесредневековой истории Восточной Европы.

Ключевые слова: М.Л. Швецов, поздние кочевники, Хазарский каганат, Восточная Европа, погребальный обряд.

Цитирование. Гриб В. К., 2022. «Я познание сделал своим ремеслом...» (памяти Швецова Михаила Львовича) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 299–305. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.17>

Михаил Львович Швецов (23.05.1943–01.02.2021 гг.)
Mikhail Lvovich Shvetsov (23.05.1943–01.02.2021)

В бывшем Союзе заниматься наукой было невыгодно (если ты, конечно, не физик-ядерщик, работающий на «оборонку»). Особенно такой наукой, как археология. Открытия в этой области не влияли на повышение производительности труда, не повышали обороноспособность страны и не приносили никаких доходов «ни себе, ни людям». Поэтому в среде археологов и укрепилось мнение, что «археология – это не наука, а образ жизни». И у каждого был свой путь в эту науку и в эту жизнь.

У 13-летнего Миши Швецова этот путь начался с мечты о путешествиях. Как и многие мальчишки его возраста, которые любили читать книги о путешествиях и о таинственных островах, он хотел увидеть эти самые острова своими глазами. А потом ему в руки попала потрепанная книжка Генриха Шлимана о раскопках легендарной Трои. И мечта о путешествиях переросла в мечту об экспедициях и своей «Трое».

Он родился 23 мая 1943 г. в Ташкенте (Узбекистан), куда в годы Великой Отечественной войны была эвакуирована его мама. После освобождения Донбасса семья Швецовых вернулась в Сталино (совр. Донецк). Мама работала продавцом в магазине, отец, получивший серьезное ранение в 1941 г., са-

пожничал. Все детство маленького Миши прошло на пыльных, пропахших мазутом шпалах железнодорожной станции и на «ветковских» ставках. Любимым развлечением мальчишек того времени было прокатиться «зайцем» до ближайшего полустанка на одном из многочисленных товарняков, проходивших мимо. Как здесь не мечтать о путешествиях!

По всей видимости, именно в это время, будучи учеником старших классов, он познакомился с Доротеей Самойловной Цвейбель, преподавателем истории древнего мира Сталинского педагогического института. Наверное, благодаря ее рекомендации семнадцатилетний Миша Швецов попадает в свою первую археологическую экспедицию, которой руководил известный исследователь античности В.В. Лапин. Раскопки проходили на острове Березань, и именно там, по признанию самого М.Л. Швецова, сформировалось убеждение, что делом его жизни будет археология.

Однако путь к исполнению мечты был не близок. Семья жила бедно, и, получив неполное среднее образование, Миша Швецов переводится в вечернюю школу и идет работать учеником токаря на местный велозавод. С 1963 по 1966 г. он служит в рядах Советской армии на Дальнем Востоке. О заветной мечте в эти годы ему напоминает только книга

Шлимана, которую он взял с собой и которую любил перечитывать в свободные от службы минуты. Вернувшись в родной город, он некоторое время продолжает работать токарем на авторемзаводе, но в 1969 г. делает второй шаг к исполнению своей мечты – поступает на заочное отделение исторического факультета Донецкого государственного университета. Чтобы быть поближе к науке, М.Л. Швецов переходит на работу сначала в краеведческий музей, а затем в библиотеку им. Н. Крупской, где занимается административно-хозяйственной деятельностью.

Мелиорация сельскохозяйственных земель на юге Украины, развернувшаяся в 70–80-х гг. прошлого столетия, вызвала небывалые по своим масштабам исследования, прежде всего в области курганной археологии. М.Л. Швецов становится одним из многих археологов, занимающихся полевыми исследованиями археологических памятников, попадающих в зону разрушения строителями и мелиораторами. В 1971 г. он был зачислен в состав Ворошиловградской, а затем Северско-Донецкой новостроечной археологической экспедиции Института археологии Академии наук Украины (руководители С.Н. Братченко, И.А. Писларий). Именно в это время сформировался круг его научных интересов – погребальный обряд поздних кочевников Восточной Европы. В 1974 г. в специализированном журнале АН Украины «Археология» выходит первая научная работа М.Л. Швецова «Багате кочівницьке поховання з Донбасу» [Швецов, 1974, с. 93–98]. Не последнюю роль в выборе научной тематики исследований М.Л. Швецова сыграло большое количество памятников этой эпохи, открытых на территории Северного Приазовья, Подонцовья и Нижнего Подонья в разное время, но особенно в ходе работ новостроечных экспедиций.

Руководители экспедиций, прежде всего С.Н. Братченко, ценили М.Л. Швецова за его умение решать любые хозяйственные вопросы, с которыми сталкивались археологи в поле. Миша, а именно так обращались к нему коллеги в то время, мог найти солярку для простаивающего неделями бульдозера, как никто другой быстро и рационально обустроить экспедиционный лагерь, обеспечить продуктами всю экспедицию практически за бес-

ценок. Особенно ценилось его умение найти общий язык с бульдозеристами, от которых во многом зависели не только сроки, но и качество проводимых работ. Сказывались, наверное, его рабочая закалка и опыт хозяйственника.

С 1974 по 1981 г. М.Л. Швецов принимает участие в работе Донецкой археологической экспедиции вначале под руководством В.Н. Даниленко, а затем С.Н. Братченко. В эти годы велись исследования курганных могильников в районе шахты им. Бажанова (г. Макеевка), будущего микрорайона Текстильщик (г. Донецк), в Старобешевском, Новоазовском и Тельмановском районах Донецкой области. Именно тогда были найдены остатки половецких святилищ, приоритет открытия которых, несомненно, принадлежит М.Л. Швецову. Его статья в «Советской археологии» об этом типе памятников вызвала огромный интерес в научной среде и по сегодняшний день является одной из самых цитируемых у специалистов, занимающихся погребально-поминальной обрядностью поздних кочевников [Швецов, 1979, с. 199–209].

К моменту окончания университета в 1975 г. научные интересы М.Л. Швецова нашли свое выражение в нескольких статьях, опубликованных в ведущих специализированных журналах страны. Отзыв на дипломную работу, посвященную все тем же поздним кочевникам, написала заведующая отделом славяно-русской археологии Института археологии АН СССР (г. Москва) С.А. Плетнева, отметив ее высокий научный уровень [Плетнева, 1975, с. 1–2].

Научная карьера у каждого складывается по-разному. У одних она расписана по годам: к 30 защитить кандидатскую, к 40 – докторскую, в 50 надеть шапочку академика. Мечтал ли об этом Михаил Львович? Осмелюсь предположить, что да. Однако жизнь внесла свои коррективы. В силу различных обстоятельств закончила свои исследования на Донетчине экспедиция Института археологии Украины. Михаил Львович был к этому времени уже женат и воспитывал двух дочерей. Необходимость заботиться о семье привела его на областную станцию юных туристов, где он занялся педагогической деятельностью, организовав при этом уже свою До-

нецкую Средневековую археологическую экспедицию. А затем была перестройка, распад Союза, неразбериха девяностых...

Ежегодно кружковцы М.Л. Швецова принимали участие в археологических исследованиях, организованных их Шефом (именно так называли они своего учителя): Царино и Святогорское городища, грунтовый могильник Зливки, поселения Веделиха, Старица, Бердянское, дворец Потемкина в Святогорске, курганы у с. Самойлово. И это далеко не полный перечень тех памятников, которые на протяжении более двадцати лет со своими кружковцами исследовал М.Л. Швецов. Ежегодно к нему в экспедицию приезжали ученые из разных регионов страны. О.М. Приходнюк интересовался памятниками пеньковской культуры, В.В. Колода – металлургическим производством праболгар, В.К. Михеев – мусульманским могильником на Маяках, Т.К. Ходжайов – антропологическим материалом, В.И. Алевин – древними шахтами по добыче руды. Этот список можно было бы продолжить – Донецкая Средневековая археологическая экспедиция была открыта для всех.

Со временем круг научных интересов М.Л. Швецова расширился и, кроме истории поздних кочевников, его стали интересовать процессы этногенеза, происходившие в степях Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья [Швецов, 1992, с. 93–98]. Сегодня без его работ, посвященных погребальному обряду и конфессиональным отношениям в среде населения Хазарского каганата, невозможно представить историографию этого периода. Особенно следует выделить его статьи, посвященные результатам исследований грунтового могильника Зливки [Швецов, 1991, с. 109–123; 2001, с. 110–111]. Рискнув копать могильник, который до него исследовался такими корифеями археологии, как В.А. Городцов и С.А. Плетнева, М.Л. Швецов существенно дополнил и коренным образом изменил устоявшееся в науке мнение о ямном погребальном обряде праболгар.

Результаты исследований, которые проводил М.Л. Швецов, были востребованы специалистами во многих уголках бывшего Союза и за рубежом. Именно в эти годы им были открыты первые на юго-востоке Украины погребения средневековых христиан [Швецов,

2003, с. 207–212], новые типы погребений праболгарского населения (Зливкинский могильник) [Швецов, 2003а, с. 126–129], уникальное по своей значимости святилище на памятнике пеньковской культуры (Старица) [Швецов, 2006, с. 121–129], получены новые данные о времени и путях распространения ислама на землях современной Украины (Царево городище) [Швецов, Кравченко, 1995, с. 503–505]. Не удивительно, что его доклады на различных научных конференциях ждали, они всегда вызывали живой интерес и плодотворные дискуссии. За долгие годы своей научной работы М.Л. Швецовым было написано более 100 научных статей и две монографии [Братченко, Квитницкий, Швецов, 2012; Швецов, 2018].

Научный авторитет М.Л. Швецова был признан и за рубежом. В 1991 г. он назначается официальным представителем Национального комитета СССР по реализации проекта ЮНЕСКО «Великий шелковый путь» на юге Украины [Письмо Национального Комитета ЮНЕСКО, 1991]. Уже в 1992 г. на базе Донецкой Средневековой археологической экспедиции проводится Международный научный семинар «Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье».

О весомом вкладе в изучение раннесредневековой истории Восточной Европы говорит и эпистолярное наследие М.Л. Швецова. На протяжении многих лет (особенно в доинтернетовский период) его постоянными корреспондентами были В.С. Аксенов, А.К. Амброз, А.З. Винников, А.В. Дмитриев, Л. Дончева-Петкова, Л.С. Ермолаева, Т.М. Калинина, В.Н. Каминский, В.В. Колода, М.Г. Крамаровский, К.И. Красильников, В.А. Кригер, Е.В. Круглов, В.Я. Кияшко, С.А. Плетнева, О.М. Приходнюк, А.В. Пьянков, Р. Рашев, Цв. Степанов, Т. Тотев, Н.М. Фомичев, Г.А. Федоров-Давыдов, В.С. Флеров, И. Эрдели, А.Х. Халиков, Е.В. Шнайдштейн и многие другие¹.

Отдельной строкой в биографии М.Л. Швецова следует выделить Донецкий Центр Института востоковедения им. А. Крымского, в создании которого он принимал самое активное участие и бессменным руководителем которого был на протяжении двадцати двух лет. Созданный в 1998 г. при непосредственной поддержке О. Прицака, Донецкий Центр на мно-

гие годы объединил вокруг себя исследователей региона, занимающихся востоковедческими проблемами. В различные периоды своей работы Донецкий Центр Института востоковедения переживал и взлеты, и падения. И только неиссякаемая энергия, вера в правоту своего дела и харизма М.Л. Швецова позволяли ему и его соратникам выдержать все испытания, через которые прошел Центр.

На протяжении всей своей жизни М.Л. Швецов совмещал научную деятельность с педагогической. Немногие знают, что за его плечами более тридцати лет педагогического стажа, который отмечен государственными наградами. Долгие годы он преподавал исторические и этнографические дисциплины в Донецком институте туристического бизнеса, Донецкой государственной музыкальной академии им. С.С. Прокофьева. Но любимыми учениками все-таки были его кружковцы, которых он с гордостью называл «мои орлы». За время существования Донецкой Средневековой археологической экспедиции сотни старшеклассников Донецка и других городов Донбасса приняли непосредственное участие в полевых исследованиях археологических памятников, о результатах которых они с гордостью докладывали на заседаниях Малой академии наук. И пусть археологами (кстати, неплохими) из них стали единицы, все они вспоминают своего Шефа только с уважением и благодарностью.

Все, кто знал Мишу, Львовича, Михаила Львовича, отмечали его доброту, которой на протяжении всей своей жизни он щедро делился с коллегами, друзьями, учениками и своими близкими. Судьба наградила Михаила Львовича тремя прекрасными дочерьми, детство которых прошло в папиных экспедициях. Они не пошли по стопам отца, но уважение к выбранной им профессии и гордость за него сохраняли всегда.

Его любимым поэтом был Омар Хайям. Он собирал его книги, переписывал и хранил его стихи. Всю свою жизнь Михаил Львович посвятил познанию, его жизнь не была простой, но он прожил ее, наверное, так, как хотел. А вот «смертельный узел» развязать не смог – страшная болезнь XXI века оказалась сильнее.

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

Вечером 1 февраля 2021 г. Михаила Львовича Швецова не стало. «Львович, я думал, ты вечный», – написал в Сети один из его коллег. Вечного ничего не бывает, и археологам это хорошо известно. Разве что память.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В личном архиве М.Л. Швецова сохранилось более четырехсот писем от этих и других исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братченко С. Н., Квитницкий М. В., Швецов М. Л., 2012. Кочевники развитого средневековья на Северском Донце (по материалам исследований 1978 г. Донецкой экспедиции Института археологии). Киев : ИА НАН Украины. 150 с.
- Письмо Национального Комитета ЮНЕСКО по проекту «Великий шелковый путь» № 101/НК-91 от 24.10.1991 г. // Личный архив М. Л. Швецова.
- Плетнева С. А., 1975. Отзыв о дипломной работе студента VI курса заочного отделения истфака Донецкого Гос. Университета Швецова М.Л. «Юго-восток Украины в эпоху раннего средневековья IX–XIII вв.». С. 1–2 // Личный архив М. Л. Швецова.
- Швецов М. Л., 1974. Багате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія. № 13. С. 93–98.
- Швецов М. Л., 1979. Половецкие святилища // Советская археология. № 1. С. 199–209.
- Швецов М. Л., 1991. Могильник «Зливки» // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. Трета Международна среща по прабългарска археология, Шумен. 1990. София : Аргес. С. 109–123.
- Швецов М. Л., 1992. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье : тез. докл. Междунар. конф. Донецк. С. 93–98.

- Швецов М. Л., Кравченко Е. С., 1995. Нові матеріали до історії ісламу в Україні // Історія релігії в Україні. Тези повідомлень. Ч. 5. Київ ; Львів. С. 1–4.
- Швецов М. Л., 2001. Погребение 40 могильника Зливки // Проблемы истории и археологии Украины : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 10-летию независимости Украины. Харьков, 16–18 мая 2001 г. Харьков : ХИАО. С. 110–111.
- Швецов М. Л., 2003. О времени и путях проникновения христианства на территорию юго-востока Украины // Наука. Религия. Суспільство. № 1. Донецьк : Інститут проблем штучного інтелекту МОН України. С. 207–212.
- Швецов М. Л., 2003а. Могильники Зливкинского типа // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее : тез. конф. Ч. II. М. : ГИМ. С. 126–129.
- Швецов М. Л., 2006. Культурні комплекси IV–VII століть на Південному Сході України // Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. Львів : Логос. С. 121–129.
- Швецов М. Л., 2018. Евразийская Степь и Донбасс в эпоху Средневековья. Сборник избранных статей М. Л. Швецова. К 75-летию со дня рождения. Донецк : ООО «Технопарк ДонНТУ УНИТЕХ». 420 с.

REFERENCES

- Bratchenko S.N., Kvitnitskiy M.V., Shvetsov M.L., 2012. *Kochevniki razvitogo srednevekovya na Severskom Dontse (po materialam issledovaniy 1978 g. Doneckoy ekspeditsii Instituta arheologii)* [Nomads of the Developed Middle Ages on the Severskiy Donets (Based on Research Materials of the 1978 Donetsk Expeditions of the Institute of Archaeology)]. Kiev, IANASU. 150 p.
- Pismo Natsionalnogo Komiteta YuNESKO po proektu «Velikiy shelkovyy put» № 101/NK-91 ot 24.10.1991 g. [Letter of the UNESCO National Committee for the Great Silk Road Project № 101/NK-91 Dated 24/10/1991]. *Lichnyy arhiv M.L. Shvetsova*.
- Pletneva S.A., 1975. Otzyv o diplomnoy rabote studenta VI kursa zaoznogo otdeleniya istfaka Donetskogo Gos. Universiteta Shvetsova M.L. «Yugo-vostok Ukrainy v epohu rannego srednevekovya IX–XIII vv.» [Review of the Thesis of a VI Year Student of the Correspondence Department of the History Faculty of Donetsk State University Shvetsov M.L. "Southeast of Ukraine in the Early Middle Ages IX–XIII Centuries"]. *Lichnyy arhiv M.L. Shvetsova*.
- Shvetsov M.L., 1974. Bagate kochivnicke pohovannya z Donbasu [Rich Nomadic Burial from Donbass]. *Arheologiya* [Archaeology], no. 13, pp. 93-98.
- Shvetsov M.L., 1979. Polovetskie svyatilisha [Polovtsian Sanctuaries]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 199-209.
- Shvetsov M.L., 1991. Mogilnik «Zlivki» [Zlivki Cemetery]. *Problemi na prablgarskata istoriya i kultura. 2. Treta Mezhdunarodna sresha po prablgarska arheologiya, Shumen* [Problems of Proto-Bulgarian History and Culture. 2. Third International Meeting of Proto-Bulgarian Archeology, Shumen, 1990]. Sofia, Arges Publ., pp. 109-123.
- Shvetsov M.L., 1992. Stepi Vostochnoy Evropy vo vzaimosvyazi Vostoka i Zapada v Srednevekove [The Steppes of Eastern Europe in the Relationship Between East and West in the Middle Ages]. *Stepi Vostochnoy Evropy vo vzaimosvyazi Vostoka i Zapada v Srednevekove: tez. dokl. Mezhdunar. konf.* [Steppes of Eastern Europe in the Relationship Between East and West in the Middle Ages: Abstracts of the International Conference]. Donetsk, pp. 93-98.
- Shvetsov M.L., Kravchenko E. Ye., 1995. Novi materialy do istoriyi islamu v Ukrayini [New Materials on the History of Islam in Ukraine]. *Istoriya religiy v Ukrayini. Tezi povidomlen. Ch. 5* [History of Religion in Ukraine. Abstracts of Messages. Part 5]. Kyiv, Lviv, pp. 1-4.
- Shvetsov M.L., 2001. Pogrebenie 40 mogilnika Zlivki [Burial 40 of the Zlivki Cemetery]. *Problemy istorii i arheologii Ukrainy: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyash. 10-letiyu nezavisimosti Ukrainy. Harkov, 16–18 maya 2001 g.* [Problems of History and Archeology of Ukraine. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 10th Anniversary of Ukraines Independence. Kharkiv, May 16–18, 2001]. Kharkov, KhHAS, pp. 110-111.
- Shvetsov M.L., 2003. O vremeni i putyakh proniknoveniya hristianstva na territoriyu yugo-vostoka Ukrainy [On the Time and Ways on Penetration of Christianity into the Territory of the South-East of Ukraine]. *Nauka. Religiya. Suspilstvo* [Science. Religion. Society], no. 1. Donetsk, IAIP MESU, pp. 207-212.

- Shvetsov M.L., 2003a. Mogilniki Zlivkinskogo tipa [Cemeteries of the Zlivkinskiy Type]. *Chteniya, posvyashennyye 100-letiyu deyatelnosti Vasiliya Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee: tez. konf.* [Readings Dedicated to the 100th Anniversary of Vasiliy Alekseevich Gorodtsov Activity in the State Historical Museum. Conference Abstracts], part II. Moscow, SHM, pp. 126-129.
- Shvetsov M.L., 2006. Kultovi kompleksi IV–VII stolit na Pivdennomu Shodi Ukraini [Cult Complexes of IV–VII Centuries in the South-East of Ukraine]. *Istoriya religij v Ukraini. Naukoviy shorichnik* [History of Religions in Ukraine. Scientific Yearbook]. Lviv, Logos, pp. 121-129.
- Shvetsov M.L., 2018. *Evraziyskaya Step i Donbass v epohu Srednevekovya. Sbornik izbrannykh statey M.L. Shvetsova. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya* [Eurasian Steppe and Donbass in the Middle Ages. Collection of Selected Articles by M.L. Shvetsov. On the Occasion of the 75th Birthday Anniversary]. Donetsk, Tehnopark DonNTU UNITECH LLS Publ. 420 p.

Information About the Author

Vladimir K. Grib, Researcher, Donetsk Centre of the Institute of Oriental Studies named after A. Krymsky, 50-letiya SSSR St, 138a, 283001 Donetsk, Donetsk People's Republic, vladgrib@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4294-5200>

Информация об авторе

Владимир Константинович Гриб, научный сотрудник, Донецкий Центр Института востоковедения им. А. Крымского, ул. 50-летия СССР, 138а, 283001 г. Донецк, Донецкая Народная Республика, vladgrib@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4294-5200>

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
 - оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
 - организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
 - развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
 - обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
 - поддержание высокого уровня научных публикаций.
-
-

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of the world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
 - present research findings to end users in the most useful way;
 - create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
 - develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
 - review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
 - maintain the high level of academic publications.
-

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

1. Редакционная коллегия журнала «Нижеволжский археологический вестник» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://nav.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN*

1. The Editorial Staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").
